И 144/58
-1-

И 144/58 [4 копіи] 201-90/7109-8

РУССКАЯ АРМІЯ

ВЪ

СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ.

Выпускъ 1-й

Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію (1756—1757 гг.).

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА
Масловскаго.

Д. Ф.

31-73585

МОСКВА.
Типографія Окружнаго штаба.
1886.

2007081658

Задача военной исторіи, до позднѣйшаго времени, ограничивалась болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ стратегическихъ и тактическихъ операцій. Элементъ военно-административный, подготовка вооруженной силы къ войнѣ, войскъ къ бою и вліяніе ихъ на результаты боевыхъ дѣйствій если и затрогивались, то въ самыхъ общихъ чертахъ.

При современныхъ научныхъ требованіяхъ, законченный военно-историческій трудъ, кромѣ стратегическаго очерка хода кампаніи и описанія сраженій,—обязательно долженъ заключать въ себѣ характеристику всѣхъ отдѣловъ военнаго искусства, прямо или косвенно, вліявшихъ на общіе результаты боевыхъ дѣйствій. При подобномъ способѣ изслѣдованія всецѣло возсоздается бывшая обстановка, получаются всѣ данныя для оцѣнки событій и подготовляется, по разнымъ отдѣламъ военнаго искусства, масса однородныхъ фактовъ, важныхъ для вывода общихъ научныхъ основъ, разъясняющихъ свойства крайне сложныхъ элементовъ военнаго дѣла и указывающихъ ихъ взаимное вліяніе.

Имѣя въ виду это основаніе, прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій войны Россіи съ Пруссіею, въ минувшемъ столѣтіи, мы ставимъ себѣ цѣлью охарактеризовать состояніе всѣхъ отдѣловъ военнаго искусства въ Россіи, въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы, и указать прямое или косвенное вліяніе бывшихъ военно-административныхъ порядковъ на дѣйствіе русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну.

Кромѣ того, подробное изслѣдованіе состоянія военнаго искусства въ Россіи въ половинѣ 18-го стол. весьма важно по слѣдующимъ причинамъ:

1) Война Россіи съ Пруссіею прошлаго столѣтія хотя совершенно еще не изслѣдована, но тѣмъ не менѣе составляетъ больное мѣсто въ русской военной исторіи. Наиболѣе авторитетные историки (почти всѣ чуждые военному дѣлу) произнесли роковой приговоръ о внутреннемъ порядкѣ въ русской арміи во время Семилѣтней войны, о способностяхъ главнокомандующихъ, о современномъ состояніи военнаго искусства въ Россіи. Армію Елизаветинскихъ временъ охарактеризовали *«толпою одержимою азіатскою необузданностью»*; въ дѣйствіи русскихъ войскъ не находятъ *«и тѣни военнаго искусства»*; главнокомандующіе же—*«рядъ бездарностей»*.

Если мы обратимъ вниманіе на данныя, послужившія основаніемъ для подобныхъ заключеній даже авторитетныхъ писателей (между ними Пекарскій и Соловьевъ), то, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, увидимъ, что документы первостепенной важности **) или совсѣмъ не затронуты, или изъ этихъ документовъ взяты отрывочныя выдержки, безъ всякой оцѣнки съ военно-исторической точки зрѣнія *). Свидѣтельство очевидца подпоручика Болотова (иногда важное для деталей) принимается безъ провѣрки съ тѣмъ, что могъ въ дѣйствительности знать юный офицеръ, по его положенію въ арміи; каковы были его понятія объ основныхъ началахъ военнаго дѣла; наконецъ—обладалъ ли Болотовъ прочными нравственными воинскими достоинствами и хладнокровіемъ

*) Протоколы Конференціи при Высочайшемъ дворѣ, рескрипты Конференціи, реляціи главнокомандующихъ, переписка Военной Коллегіи съ Конференціею, переписка главнокомандующихъ съ офиціальными лицами, рукописный журналъ военныхъ дѣйствій и всѣ дѣла Военной Коллегіи.

**) Краткія выдержки изъ этого разбора включены въ началѣ приложеній.

для того, чтобы безпристрастно и безъ преувеличиванія передать исторіи видѣнное имъ? Поведеніе Болотова, при выступленіи Архангелогородскаго полка изъ Кенигсберга, въ 1758 году *), страхъ его къ «героическому виду» «самыхъ мертвыхъ пруссаковъ» на поляхъ Гр. Егерсдорфа, даетъ право уподобить А. Т. Болотова корреспонденту при арміи, любящему нѣмцевъ, но далеко не серьозному критику событій. Свидѣтельство и выводы подобныхъ корреспондентовъ-очевидцевъ военная исторія если и будетъ принимать въ соображеніе, то не иначе какъ послѣ самой тщательной провѣрки ихъ показаній другими несомнѣнными данными.

Вообще въ изслѣдованіяхъ по общей политической исторіи не часто встрѣчаются факты, важные для анализа спеціально военныхъ вопросовъ. По одному этому казалось бы нельзя ожидать, въ подобныхъ трудахъ, рѣзкихъ приговоровъ о дѣйствіяхъ арміи и о состояніи военнаго искусства, приговоровъ, несомнѣнно вредныхъ для дѣла. Окончательные выводы авторитетныхъ писателей усвоиваются большинствомъ легко и прочно; а потому возстановленіе фактовъ въ ихъ настоящемъ видѣ (если это идетъ въ разрѣзъ съ установившимся взглядомъ) требуетъ усиленной работы по архивнымъ документамъ и крайней осторожности даже въ выраженіяхъ, ибо неточность послѣднихъ ставится въ вину автору въ смыслѣ его стремленія обѣлить дѣло.

Это общее положеніе вполнѣ примѣнимо къ разбору войны Россіи съ Пруссіею въ 18-мъ столѣтіи. О дѣйствіи русскихъ войскъ въ эту войну мы не имѣемъ законченнаго труда; между тѣмъ есть цѣлый рядъ общихъ заключеній, характеризующихъ дѣйствіе нашей арміи съ крайне невыгодной стороны.

При такихъ условіяхъ возстановить факты въ ихъ настоящемъ видѣ возможно лишь тогда, когда будутъ представлены

*) Письмо 68-е Записки Болотова.

нѣкое-какія выдержки изъ документовъ (признанныя однако достаточными для порицанія), а масса выписокъ изъ подлинниковъ, иногда съ излишними, при другихъ обстоятельствахъ, подробностями. Послѣднее обстоятельство сильно и затрудняетъ работу.

Позволяемъ себѣ думать, что для политической исторіи было бы важно, въ подобныхъ случаяхъ, не самое легкое для автора—огульное порицаніе главнокомандующихъ, бывшихъ военно-административныхъ порядковъ, состоянія военнаго искусства и т. п., а указаніе фактовъ, способствующихъ разъясненію причинъ стратегическихъ неудачъ. При этомъ весьма существенно выдѣлить причины, порожденныя неправильнымъ и нерѣшительнымъ дѣйствіемъ политики. Не только въ Семилѣтнюю войну, но и въ позднѣйшее время, мы не рѣдко, быть можетъ, встрѣтимся съ фактами, гдѣ политика и высшее государственное учрежденіе (въ родѣ Конференціи при дворѣ императрицы Елизаветы, гдѣ было сосредоточено управленіе «политикою и войною»; въ родѣ извѣстнаго Гофкригсрата),—служили главнымъ препятствіемъ для полнаго развитія успѣха стратегическихъ операцій. Слѣдовательно, чѣмъ больше будетъ данныхъ для выясненія взаимныхъ соотношеній политики и стратегіи, при началѣ военныхъ дѣйствій и во время войны, тѣмъ яснѣе будетъ этотъ въ высшей степени важный, но малоизслѣдованный вопросъ.

2) Касаясь военнаго искусства въ Россіи въ Семилѣтнюю войну, мы не должны забывать также, что время войны императрицы Елизаветы съ Фридрихомъ Великимъ какъ разъ совпадаетъ съ тою эпохою, когда русская армія только что освободилась отъ власти иностранныхъ учителей и собственными средствами («все свои», какъ выразился Салтыковъ о русскихъ генералахъ [6]), совершенно самостоятельно, разрѣшала всѣ сложные вопросы военнаго дѣла. Если въ настоящее время, при современныхъ научныхъ и техническихъ

средствахъ, многіе снисходительно отзываются, наприм. объ италіанской арміи какъ о молодой, то вполнѣ понятно, насколько это примѣнимо къ русской арміи временъ Елизаветы, сравнительно съ европейскими. Но кто знаетъ, при обстоятельномъ изслѣдованіи развитія военнаго искусства въ Россіи, исторія, быть можетъ, отдастъ даже предпочтеніе принципу разныхъ «военныхъ комиссій при Военной Коллегіи» временъ Елизаветы сравнительно съ основаніями реформъ послѣдующихъ періодовъ.

Представители русской арміи половины 18-го столѣтія стремились, главнымъ образомъ, усовершенствовать существовавшій порядокъ вещей (основы, положенныя Петромъ I), и поступали, конечно, правильнѣе, нежели представители послѣдующихъ преобразованій, когда прибѣгали къ ломкѣ всего на иностранный образецъ. Графъ С. Р. Воронцовъ, въ своей запискѣ (1802 г.) императору Александру I, даетъ первыя основанія для этого вывода [8].

ГЛАВА I.

Составъ вооруженныхъ силъ Россіи къ началу Семилѣтней войны.—Числительный составъ войскъ з.-европейскихъ государствъ къ тому же времени. Общее понятіе о реформахъ по военному вѣдомству, предпринятыхъ въ Россіи наканунѣ Семилѣтней войны.—Основныя начала комплектованія русской арміи офицерами и нижними чинами. —Общеобязательная воинская повинность для дворянъ и крестьянъ.—Изъятія для духовенства, купцовъ, однодворцевъ и «ратныхъ людей прежнихъ службъ».—Сроки службы.—Условія, которымъ долженъ былъ удовлетворять рекрутъ.—Призрѣніе отставныхъ.—Понятіе о механизмѣ набора.—Наборы 1754—1756 гг.—Вліяніе бывшихъ законовъ по комплектованію арміи офицерами и нижними чинами на составъ русской арміи.—Краткое сравненіе состава русской и прусской армій.—Пополненіе арміи лошадьми.—Недостатокъ лошадей при покупкѣ въ 1756 г.—Поставка лошадей населеніемъ.—Состояніе пѣхоты къ началу войны.—Составъ пѣхотныхъ полковъ.—Особенность организаціи пѣхоты послѣ Петра I.—Недостатки ея.—Формированіе въ 1756 г. 4-хъ гренадерскихъ полковъ и «Запаснаго» корпуса.—Вліяніе новыхъ формированій на некомплектъ арміи Апраксина.—Мѣры Конференціи для пополненія некомплекта.—Образованіе Ферморомъ, въ концѣ 1757 г., перваго типа теперешнихъ запасныхъ баталіоновъ.—Выдающіеся недостатки организаціи «Запаснаго» корпуса графа П. Шувалова.—Числительный составъ пѣхоты арміи Апраксина въ 1756 г.—Вооруженіе.—Снаряженіе.—Обмундированіе.—Обученіе пѣхоты.—Строевой уставъ Ласси; его значеніе.—Уставъ стр. пѣх. службы 1755 г.—Общая оцѣнка русской пѣхоты.—Обозъ. —Общій составъ русской регулярной конницы.—Главныя причины разстройства конницы къ 1756 г.—«знатныя перемѣны» (реформы) въ началѣ 1756 г.—Формированіе конно-гренадеръ.—Цѣль этого.—Причины незначительнаго увеличенія числа кирасирскихъ полковъ.—Ходъ реформъ конницы, назначенной въ составъ арміи Апраксина.—Послѣдствія несвоевременно предпринятыхъ переформированій.—Кирасиры графа П. Румянцева.—Вооруженіе.—Снаряженіе.—Обученіе.—Значеніе устава кирасирскаго Его Высочества (Петра III) полка.—Нерегулярная конница.—Краткій очеркъ организаціи: гусаръ, Чугуевскихъ, Донскихъ, Слободскихъ казаковъ.—«Разнонародныя» команды.—Вооруженіе.—Снаряженіе и образъ дѣйствій въ бою каждаго изъ указаннаго рода нерегулярныхъ войскъ.—Общее заключеніе и выводъ о томъ назначеніи, которое могло быть дано нерегулярнымъ войскамъ.—Особенности организаціи нерегулярныхъ войскъ,

вредно отразившіяся на операціяхъ арміи Апраксина. — Артиллерія.— Подробный разборъ ея устройства.—Инженерныя войска.—Квартирмейстерская часть.—Общій составъ арміи Апраксина.—Гарнизонныя войска.— Составъ ихъ.—Причины неудовлетворительнаго состоянія гарнизонныхъ войскъ.—Ландмилиція.—Содѣйствіе гарнизонныхъ и ландмилиціонерныхъ полковъ полевымъ войскамъ 1756 г.—Управленіе войскъ въ мирное и военное время.—Роль В. Коллегіи.—Ея значеніе въ мирное время и во время Семилѣтней войны.—Строевое управленіе войскъ.—Управленіе полкомъ.—Значеніе бригадныхъ командировъ и начальниковъ дивизій.—Полевой штабъ Апраксина.—Образованіе Конференціи при Высочайшемъ дворѣ канцлеромъ Бестужевымъ.—Отношеніе Конференціи къ полевому штабу и послѣдствія этого.

Вооруженныя силы Россіи къ началу Семилѣтней войны состояли изъ сухопутной арміи въ 331422 чел. (по штатному составу) [1] и Балтійскаго флота (Кронштадтская и Ревельская эскадры) въ составѣ 26-ти дѣйствительно къ службѣ способныхъ кораблей и фрегатовъ и 2-хъ бомбардирскихъ галіотъ. Въ составъ Кронштадтской эскадры (адмирала Мишукова) вошли 14-ть кораблей (всего 954 орудія), 5-ть фрегатовъ, 1-нъ прамъ и 2-ва бомбардирскихъ судна. Ревельская эскадра (сначала Люпса, а затѣмъ Полянскаго) имѣла: 6-ть кораблей (372 орудія) и 3 фрегата; кромѣ того въ Ревелѣ былъ галерный флотъ (Кашкина) въ составѣ 42-хъ галеръ [2].

Сухопутная армія состояла изъ *полевой дѣйствующей* (172440 чел.), *гарнизонныхъ* войскъ (74548 чел.), *ландмиліціи* (27758 чел.), особаго *артиллерійскаго* и *инженернаго* корпуса (12937 чел.) и *нерегулярныхъ* *) войскъ (гусарскіе, слободскіе полки, казачьи войска разныхъ наименованій и конныя команды разныхъ народовъ,—всего 43739 чел.). Для наступательныхъ операцій, Россія могла выставить 176073 челов. полевыхъ войскъ и 43739 нерегулярныхъ *),—всего

*) Мы во всѣхъ случаяхъ иррегулярныя войска называемъ «нерегулярными», придерживаясь подлинниковъ; названіе иррегулярныхъ мы не встрѣчали ни въ одномъ изъ документовъ того времени.

около 220000. Для поддержанія же внутренняго порядка и для обороны крѣпостей, кромѣ гвардіи (въ составѣ 3-хъ гвард. пѣхот. полковъ) оставались гарнизонные полки и ландмилиція; такъ что, при выступленіи всѣхъ полевыхъ армейскихъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, для службы внутри Имперіи было до 112000 человѣкъ.

Эти именно свѣдѣнія, въ видѣ голыхъ цифръ о числительномъ составѣ нашей арміи, были доставлены Военною Коллегіею канцлеру Бестужеву-Рюмину въ 1755 году, когда отношенія Россіи къ Пруссіи осложнились до видимаго разрыва и когда канцлеръ началъ приводить въ исполненіе давно замѣченную необходимость «привести Пруссію не въ столь вредительное состояніе нашимъ существительнымъ интересамъ» на Балтійскомъ побережьѣ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Канцлеръ Бестужевъ *), между прочимъ, еще въ 1755 году получилъ отъ своихъ агентовъ за границею новѣйшія свѣдѣнія о составѣ и организаціи вооруженныхъ силъ сосѣднихъ съ нами европейскихъ державъ [3]. Эти свѣдѣнія сводятся къ слѣдующему выводу, изъ котораго видно, что по числительному составу войскъ первое мѣсто принадлежало Россіи.

Названіе государствъ.	Общее число войскъ въ тысячахъ.	Примѣчаніе.
Пруссія	142—145	*) «Безъ имперскихъ и выключая тѣхъ, кои въ крѣпостяхъ».
Англія.	91179	
Франція	211753	
Саксонія	18000	
Польша	16837	
Австрія	139000 *)	
Данія	33946	
Голландія	39637	
Россія.	331422	

*) Фельдмаршалъ, никогда не служившій въ рядахъ арміи.

Въ началѣ 1756 г., не смотря на бывшее превосходство вооруженныхъ силъ Россіи, сравнительно съ арміями первоклассныхъ европейскихъ державъ, у насъ былъ предпринятъ рядъ радикальныхъ реформъ въ полевой дѣйствующей арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено увеличить число полевыхъ войскъ новымъ самостоятельнымъ $^{30}/_{т.}$ корпусомъ.

Официально было объявлено, что увеличеніе вооруженныхъ силъ за послѣднее время служило для лучшаго обезпеченія безопасности государства, «ибо слико государство въ лучшемъ и напсильнѣйшемъ къ оборонѣ состояніи находится, такъ удобнѣйши вѣрноподданные внутри государства глубочайшемъ покоемъ и тишиною пользоваться могли» [4]. Но самый ходъ событій, не болѣе какъ черезъ годъ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, показалъ, что Россія, готовясь къ борьбѣ съ Пруссіею, для достиженія своихъ собственныхъ интересовъ,—которые могли-бы искупить жертвы войны, —должна была разсчитывать исключительно на свою армію. Къ этому послѣднему заключенію пришла Конференція при Высочайшемъ дворѣ Елизаветы всего съ небольшимъ годъ спустя послѣ открытія военныхъ дѣйствій, указывая, что кромѣ «многихъ политическихъ резоновъ», но въ виду только «великаго проворства Короля Прусскаго... всемѣрно надлежитъ за правило себѣ положить, что онъ (Фридрихъ II) тогда прямо побѣжденъ найдется, когда воюющія противу него державы такъ дѣйствовать станутъ, какъ-бы каждая съ нимъ одна въ войнѣ находилась» [5].

Въ своемъ мѣстѣ мы представимъ доводы, по которымъ считаемъ, что самъ Бестужевъ былъ главный виновникъ въ томъ, что всѣ реформы по военному вѣдомству были предприняты лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до захвата Фридрихомъ II Саксоніи въ 1756 году. Въ настоящемъ случаѣ считаемъ нужнымъ замѣтить, что къ реформамъ 1755—1756 г., мы обязаны отнестись съ полнымъ вниманіемъ, такъ какъ

ими главнымъ образомъ объясняется неготовность нашей арміи къ открытію похода, вслѣдствіе чего главнокомандующій (Апраксинъ) не могъ предпринять рѣшительнаго образа дѣйствія въ началѣ Семилѣтней войны.

«Разсужденіе» комиссіи, проектировавшей реформы полевыхъ дѣйствующихъ войскъ 1755 года, также ознакомитъ насъ со взглядами избранныхъ чиновъ русской арміи на военно-административное дѣло, что важно для общей характеристики современнаго состоянія военнаго искусства въ Россіи.

Касаясь военно-административныхъ реформъ, мы не должны забывать основныхъ (неизмѣнныхъ) свойствъ различнаго рода войскъ въ этомъ отношеніи. Если для пѣхоты менѣе опасны разнаго вида переформированія наканунѣ войны, то, какъ извѣстно, артиллерія и конница (вслѣдствіи сложности своего матеріальнаго состава и трудности обученія) не во-время принятыми реформами могутъ быть окончательно разстроены, еще до боя.

Есть полное право думать, что это основное положеніе въ 1755 году въ принципѣ было хорошо извѣстно особой комиссіи, проектировавшей всѣ измѣненія полевой дѣйствующей арміи [6].

Подлинныя выписки изъ «Разсужденія» комиссіи укажутъ намъ, что ученики Петра I-го, относительно важнѣйшихъ вопросовъ по организаціи войскъ, не только усвоили, но и развили принципы своего великаго учителя; экономическія же соображенія, основанныя на крайне ложномъ началѣ *), и ошибочное общее направленіе политики Бестужева **) были исключительными причинами, по кото-

*) А именно, извлечь въ мирное время возможно большую практическую пользу отъ войскъ назначеніемъ къ разнымъ «гражданскимъ исправленіямъ къ воинскому дѣлу не относящимся».

**) См. главу III.

рымъ и фундаментальные вопросы организаціи не были осуществлены въ русской арміи до 1756 года.

Комплектованіе арміи офицерами и нижними чинами.

Русская армія, къ началу Семилѣтней войны, *комплектовалась офицерами* производствомъ въ это званіе «начальныхъ людей изъ нижнихъ чиновъ» дворянскаго сословія. Процентъ офицеровъ ежегодно выпускаемыхъ изъ кадетскаго корпуса, артиллерійской и инженерной школы былъ незначителенъ *).

Всѣ дворяне, еще со временъ Петра I, подлежали *личной* воинской повинности. По достиженіи 16-ти лѣтняго возраста, каждый дворянинъ великороссійскихъ губерній обязанъ былъ поступить въ ряды войска званіемъ рядоваго [7].[8].[15]. Если молодой человѣкъ выказывалъ особую способность къ гражданской службѣ, или физическую неспособность къ военной, то его зачисляли въ гражданскую [9]. Изъятіе было только для одного сына у отца-помѣщика, что вызывалось необходимостью поддерживать сельское хозяйство. Для окончанія образованія «недоросли» пользовались льготою до 16-ти лѣтъ, а бывшіе въ университетѣ до 20-ти лѣтъ [10], и затѣмъ, выдержавшіе экзаменъ [11] и имѣвшіе свидѣтельство отъ общества офицеровъ о нравственныхъ достоинствахъ (послѣ баллотировки) производились на вакансіи начальникомъ мѣстной дивизіи [12].[18].[19].

Эстляндское и Лифляндское дворянство поступало въ ряды войскъ на общемъ положеніи, т. е. рядовыми, но по собственному ихъ желанію [13]. Безсрочная служба дворянъ, со временъ императрицы Анны, ограничена въ 25-ть лѣтъ; но въ теченіе этого времени одна треть всѣхъ офицеровъ и недорослей изъ дворянъ могли быть увольняемы въ отпускъ на зимнее время.

Комплектованіе арміи нижними чинами производилось по системѣ рекрутскихъ наборовъ.

---

*) См. примѣч. 18 и 19 къ 1-й главѣ.

Главнѣйшія особенности принятой системы комплектованія заключались въ слѣдующемъ:

Полевыя дѣйствующія и гарнизонныя войска пополнялись рекрутами, взятыми исключительно изъ населенія десяти великороссійскихъ губерній; населеніе остальныхъ частей государства отбывало воинскую повинность на особомъ положеніи—или комплектуя свои мѣстныя войска, или, вмѣсто поставки рекрутъ, вносило деньги [14], или исполняло другія повинности.

Купечество, ямщики и мастеровые были освобождены отъ натуральной повинности за извѣстную сумму денегъ; но не рѣдко они и по уплатѣ денегъ выставляли рекрутъ [16]. Однодворцы и «ратные люди прежней службы» комплектовали ландмилицію, команды разсыльщиковъ (подобно нынѣшнимъ мѣстнымъ командамъ въ уѣздныхъ городахъ), или платили налогъ по 1 р. 10 коп. въ годъ. Только духовенство было безусловно изъято отъ рекрутскаго набора; что, однако, не распространялось на дѣтей церковно-служителей [17].

Такимъ образомъ крестьяне разнаго наименованія составляли главный (почти исключительный) источникъ для комплектованія русской арміи нижними чинами.

Механизмъ рекрутскаго набора отличался крайнею сложностью и допускалъ много произвола при выборѣ рекрутъ. Правительство, требуя отъ населенія опредѣленнаго числа рекрутъ, не входило въ разсмотрѣніе правъ каждаго изъ поступающихъ въ ряды арміи, предоставляя это помѣщикамъ и тѣмъ отдѣльнымъ обществамъ, отъ которыхъ требовались рекруты. Законъ, при наборѣ, каждый разъ, ограничивался лишь указаніемъ числа рекрутъ, подлежащихъ набору, съ 1000 душъ [20]; опредѣлялъ возрастъ [21], ростъ [22], требовалъ свидѣтельство о личности [23], не допуская только тѣхъ, кто былъ въ «катскихъ рукахъ» [24]. Наемъ, денежный взносъ и замѣна, со временъ императрицы

Анны, разрѣшались [25]. Къ 1757 году предписывалось зачислять въ солдаты бѣглыхъ [26], но назначали ихъ исключительно въ гарнизоны [27].

Рекрутскіе наборы производились періодически [31], въ зависимости отъ дѣйствительной убыли нижнихъ чиновъ въ арміи. Сообразно бывшему некомплекту, Военная Коллегія расчитывала необходимое число рекрутъ [32], а Сенатъ, въ своихъ указахъ, опредѣлялъ всѣ подробности набора, назначалъ «станціи» или сборные пункты рекрутъ въ губерніяхъ, срокъ окончанія набора, опредѣлялъ подробно рекрутскую одежду и т. п. [33].

На каждый изъ сборныхъ пунктовъ, по распоряженію Военной Коллегіи, назначались штабъ и оберъ-офицеры для пріема и отвода рекрутъ, съ приличнымъ конвоемъ солдатъ; отвѣтственнымъ же лицомъ за успѣшный исходъ набора былъ губернаторъ [35]. До окончанія общаго сбора рекрутъ, ихъ обучали элементарнымъ началамъ строя [36]; а затѣмъ рекрута препровождались, куда было приказано: иногда— въ гарнизоны для обученія [37], а иногда (какъ и было въ 1755 и 1756 гг.) прямо въ полки, руководствуясь въ этомъ случаѣ издавна принятымъ правиломъ: распредѣлять рекрутъ всѣхъ губерній уравнительно по полкамъ *). Процессъ рекрутскаго набора, отъ начала призыва до прибытія новобранцевъ въ полки, требовалъ значительнаго времени, что объясняется какъ обширностью рекрутскихъ участковъ и неудобствомъ путей сообщенія, такъ и желаніемъ губернаторовъ по возможности уменьшить рекрутскую недоимку.

Передъ войною съ Фридрихомъ Великимъ, наборъ былъ объявленъ въ 1754 г., который слѣдовало окончить къ 1-му апрѣля 1755 г. [35]. Однако мы видимъ, что, напримѣръ, въ

*) «Въ арміи полки комплектовать обще всѣми губерніями, а не особливо положенными на губерніи полки» [34].

Архангелогородскій полкъ рекрута прибыли только въ началѣ 1756 г. [39]. Послѣдній, передъ войною, наборъ былъ объявленъ 2-го октября 1756 г. [40], не вполнѣ окончен-ный даже къ концу 1757 г. Армія Апраксина выступила въ походъ въ началѣ 1757 г., имѣя некомплектъ въ 12000 человѣкъ, - пополненный лишь къ августу того же года; но много рекрутъ октябрьскаго набора прибыло въ 1758 г. и поступило въ третьи баталіоны дѣйствующихъ полковъ, оставленные Ферморомъ въ Ригѣ, въ видѣ нынѣшнихъ кад-ровъ запасныхъ баталіоновъ.

Срокъ службы нижнихъ чиновъ въ рядахъ арміи не былъ ограниченъ; но при широкомъ развитіи мѣръ для устройства быта отставныхъ нижнихъ чиновъ, это неудобство не имѣло тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя могли быть отъ этой крайности. Нижніе чины преклонныхъ лѣтъ, больные и вообще неспособные къ службѣ получали: пасъ, пенсіи, помѣщеніе и прокормленіе при монастыряхъ [29], имъ отводили и земли для поселенія [30].

Обращаясь къ разсмотрѣнію общихъ основаній комплекто-ванія русской арміи офицерами и нижними чинами, нельзя не признать нѣкоторыхъ особенностей, которыя крайне бла-гопріятно отражались на составѣ, а вслѣдствіе того и на нравственномъ элементѣ войскъ императрицы Елизаветы.

1) Корпусъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ должно признать образцовымъ, въ отношеніи знанія ими «съ фунда-мента солдатскаго дѣла».

2) Однообразный составъ корпуса офицеровъ способствовалъ развитію въ средѣ общества офицеровъ единства и духа това-рищества. Доступъ въ офицеры нижнимъ чинамъ не изъ дво-рянъ не былъ закрытъ; однако, при принятыхъ тогда правилахъ производства въ офицеры (экзаменъ, аттестація офицеровъ всего полка, баллотировка), лица не дворянскаго сословія могли въ дѣйствительности получить офицерское званіе при исклю-чительныхъ строевыхъ, научныхъ и личныхъ достоинствахъ.

3) Офицеры принадлежали къ господствующему классу— дворянамъ («господамъ»), которымъ солдаты подчинялись еще до поступленія въ армію, что вліяло на правильное установленіе дисциплинарныхъ отношеній. Въ этомъ случаѣ нижнимъ чинамъ еще легче было подчиниться дисциплинарнымъ требованіямъ, чѣмъ крестьянамъ—волѣ помѣщиковъ, такъ какъ взаимныя права и обязанности начальствующихъ и подчиненныхъ въ арміи строго обусловливались закономъ.

4) Личная и общеобязательная служба дворянъ въ рядахъ войскъ совершенно обезпечивала пополненіе убыли офицеровъ: недостатка въ нихъ не было [42].

5) Бывшая система рекрутскихъ наборовъ, при всѣхъ частныхъ ея недостаткахъ, имѣла ту главную выгоду, что въ армію, въ массѣ, привлекались лучшіе элементы населенія. При этомъ условіи медленность набора, доступъ въ армію людей порочныхъ, наемъ, выкупъ, замѣна, злоупотребленія при наборѣ и другія невыгодныя стороны системы комплектованія [43] не могли капитально отразиться на боевой дѣятельности войскъ.

Дѣйствительно, вредное вліяніе людей, недостойно принятыхъ въ ряды войскъ, должно выразиться: усиленными побѣгами [44], дезертирствомъ [45], мародерствомъ и вообще недостаткомъ дисциплины въ мирное время, въ походѣ и въ бою. Если къ единицамъ, предрасположеннымъ къ нарушенію воинской дисциплины, присоединить и тѣхъ слабыхъ духомъ, которые не могли перенести удручающей обстановки набора, наемщиковъ (иногда по два раза въ наборъ получавшихъ плату) [46] и др., то все это составитъ контингентъ бѣглыхъ, число которыхъ въ русской арміи было незначительно *). Побѣги подобныхъ единицъ не были потерею

*) Цифры дезертировъ въ арміи Апраксина, считая опую безъ «нерегулярныхъ» войскъ, по штатному составу,—показываютъ ничтожный % бѣглыхъ; а именно на 128000 арміи всего 185 ч. (М. О. А. Г. Ш. Отъ 47 № $^{169}/_{132}$), что не составитъ и 1%.

для арміи, имѣвшей богатый источникъ пополненія. Это уклоненіе отъ службы (такъ или иначе элемента вреднаго) отзывалось невыгодно на населеніи, отъ котораго, вмѣсто убывшихъ нижнихъ чиновъ, черезъ годъ, два, требовали новыхъ силъ. Большинство же солдатъ, перенеся «рекрутчину», не могло не свыкнуться съ своимъ положеніемъ и относительно быть имъ довольнымъ, благодаря широкому развитію мѣръ, обезпечивавшихъ быть отставныхъ нижнихъ чиновъ, будущее которыхъ было много лучше, чѣмъ положеніе, напримѣръ, массы крѣпостныхъ. Съ поступленіемъ въ ряды войскъ, солдатъ избавлялся отъ крѣпостного ига, отъ котораго бѣжали крестьяне. Есть факты, указывающіе что народъ, при вступленіи на престолъ Елизаветы, ожидалъ возстановленія закона Петра I-го, по которому охотники изъ крѣпостныхъ могли бы свободно поступать въ армію [44].

Мы имѣли случай сказать, что нѣкоторые изъ писателей указываютъ на недостатокъ дисциплины въ арміи временъ Елизаветы (со всѣми вредными ея послѣдствіями) какъ на общее явленіе. Но подобное заключеніе могло явиться лишь при поверхностномъ изслѣдованіи вопроса. Если войска перегулярныя и гарнизонныя не вполнѣ соотвѣтствовали строгимъ требованіямъ отъ арміи отличнаго состава; если, напримѣръ, нѣкоторые полки Обсерваціоннаго корпуса такъ плохо вели себя въ Цорндорфскомъ бою (примѣчаніе 62-е къ главѣ 1-й), то не трудно было найти причины, неблагопріятно вліявшія на составъ этихъ частей. Но если бы мы мародерство, жестокость, недостатокъ дисциплины признали за общее свойство русской арміи временъ Елизаветы (охарактеризованной «толпою, одержимою азіатскою необузданностью»),— то причины этого приходилось бы искать въ самомъ народѣ: въ томъ матеріалѣ, который данъ былъ въ войска; а этотъ матеріалъ, въ массѣ, былъ взятъ изъ лучшихъ слоевъ русскаго народа.

Голословность вывода въ этомъ случаѣ произошла потому, что при изслѣдованіи придавалось исключительное значеніе сказанію нѣмецкихъ писателей и то не всѣхъ *). Указаніе на общій упадокъ дисциплины въ походъ 1757 г. основывалось на свидѣтельствахъ: то очевидца, впечатлительнаго юноши, Болотова, то на показаніи нѣмца шпіона изъ Риги, какъ-бы забывая другія данныя, а главное—изслѣдованіе корня, отъ котораго могло произойти подобное общее явленіе. Мы же имѣемъ полное основаніе заключить, что если русская армія оказывала выдающіяся особенности въ смыслѣ въ высшей мѣрѣ развитаго нравственнаго элемента, то это именно потому, что всегда была національною, составленною изъ лучшихъ силъ народа. Если сравнить, напримѣръ, составъ русской арміи и условія ея комплектованія съ бывшими прусскими порядками, то нельзя не признать, что всѣ выгоды на сторонѣ русской арміи. Армія Фридриха Великаго только на половину состояла изъ природныхъ жителей Пруссіи, а остальная половина была изъ навербованныхъ наемниковъ. Это именно и вызвало крутыя мѣры дисциплины, принятыя тогда въ Пруссіи, а также и особыя предосторожности отъ побѣговъ солдатъ при походномъ движеніи и при расположеніи на отдыхѣ [45]. Склонность прусскихъ солдатъ къ дезертирству была настолько общеизвѣстна, что и у насъ, напримѣръ, были приняты мѣры для широкаго пріема дезертировъ и была ассигнована особая сумма денегъ для довольствія и препровожденія ихъ во внутреннія губерніи [46].

Считаемъ вправѣ заключить, что если Фридрихъ Великій, основываясь на словахъ Кейта и Винтерфельда, имѣлъ основанія разсчитывать на тактическое превосходство своихъ войскъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что великій

*) Такъ напримѣръ фактъ, указываемый Рещовымъ, приведенный полк. Сухотинымъ (Фридрихъ Великій, стр. 259 прим.) («когда начался грабежъ Швейдница только русскіе выказались дисциплиною») оставался до сихъ поръ не замѣченнымъ.

полководецъ не принялъ въ соображеніе значенія на успѣхъ дѣла состава войскъ, отъ котораго въ такой сильной зависимости находится могущественный нравственный элементъ. Иначе едва ли бы онъ съ такимъ, всѣмъ извѣстнымъ, пренебреженіемъ отнесся къ русскимъ войскамъ, въ боевыхъ достоинствахъ которыхъ лично убѣдился на поляхъ Цорндорфа и Кунесдорфа.

Принятый порядокъ ремонтированія нашей конницы лошадьми и основныя начала *военно-конской повинности*, въ первой половинѣ 18-го столѣтія, въ виду ихъ историческаго интереса, —мы разсматриваемъ подробно въ примѣчаніи 47-мъ. Положеніе арміи лошадьми.

Первоначально (до 1711 г.) лошади въ армію поставлялись населеніемъ безвозмездно какъ для драгунъ, такъ и для обоза всѣхъ частей войскъ [48]. Положеніе это къ началу 1756 г. значительно измѣнилось: конница ремонтировалась лошадьми по распоряженію командировъ частей и только обозный сортъ для всей арміи поставлялся населеніемъ, подъ общимъ наблюденіемъ генералъ-провіантмейстера, съ уплатою за взятыхъ лошадей незначительной суммы [49].

Реформы конницы, предпринятыя въ началѣ 1756 года потребовали отъ населенія великороссійскихъ губерній значительнаго запаса верховыхъ лошадей противъ прежняго спроса; но подобнаго запаса въ дѣйствительности не оказалось. Конскіе заводы (казенные и частные), устроенные еще Бирономъ, —вслѣдствіе недостаточной обдуманности первыхъ законоположеній по устройству заводовъ,—также не оказали никакого полезнаго вліянія на успѣхъ ремонтированія.

Въ добавленіе къ этому мы должны принять въ соображеніе и другія, крайне неблагопріятныя, условія, при которыхъ приходилось нашей конницѣ перемѣнить значительную часть своего конскаго состава съ сентября 1756 года по февраль 1757 года. Неблагопріятное время года, недостатокъ путей

сообщенія, несовершенство законовъ, опредѣлявшихъ сборъ лошадей съ населенія, все это вмѣстѣ губительно повліяло на перемѣну конскаго состава нашихъ драгунъ, конно-гренадеръ и кирасиръ, вошедшихъ въ составъ арміи Апраксина. При этихъ условіяхъ, лошади, собранныя однако съ населенія и доставленныя въ армію къ іюлю 1757 г., не только не принесли нашей конницѣ никакой пользы, но, требуя значительнаго количества фуража, были лишь тяжелою обузою въ походѣ Апраксина въ Пруссію.

Пѣхота. Передъ началомъ войны 1756—1762 гг. пѣхота состояла изъ 3-хъ гвардейскихъ и 46-ти армейскихъ полковъ [7.50]. Изъ числа ихъ 30-го марта 1756 г. [51] было рѣшено 32 полка привести въ полную боевую готовность, съ тѣмъ, «чтобъ по первому указу (полки эти) не только въ походъ выступить, но и военныя операціи предпринять могли-бы». Остальные (3 гвард. и 14 арм. полковъ) предназначались «для службы внутри государства» и составляли резервъ полевой дѣйствующей арміи.

Армейскіе полки были въ составѣ 3-хъ баталіоновъ, по 4-ре мушкатерскихъ роты въ каждомъ, имѣя до 1753 г. по двѣ гренадерскія роты на полкъ, а съ этого послѣдняго года «положено содержать полевыхъ пѣхотныхъ полковъ арміи гренадерскія роты на всякій баталіонъ по одной», т. е. три на полкъ. Мушкатерскія роты имѣли по 144 строевыхъ рядовыхъ и 6 унтеръ-офицеровъ, а гренадерскія по 200 [1.50]. При каждомъ пѣхотномъ полку была своя полковая артилерія, въ числѣ 4-хъ орудій (двѣ 6-ти фун. пушки и двѣ 6-ти фунт. мортирцы).

Главная особенность *организаціи* пѣхоты, послѣ императора Петра I, состояла въ томъ, что «во всѣ послѣдующія войны, при начатіи компаніи всегда гренадерскія роты отби-

раясь отъ полковъ бывали въ особливые полки совокупляемы и тогда къ нимъ опредѣлялись временные-же полковые командиры и другіе штабъ-офицеры». Подобная организація имѣла «самый большой недостатокъ въ томъ, когда только при выступленіи въ компанію люди изъ разныхъ мѣстъ въ полковыя совокупленія сводятся и опредѣленными къ нимъ посторонними полковыми командирами бываютъ приводимы противу непріятеля, на которыхъ они не только надѣяться, но и ввѣряться имъ, по незнанію оныхъ, до того времени, привлеченія *) никакого не имѣютъ, а и свободные люди между собою дружбу и любви прежде имѣть не могутъ-же покамѣсть между собою не познаются; сверхъ-же того и полковые командиры не могутъ скоро такъ отвѣтствовать за всякія полковыя внутренности какъ таковыя, которые полки давно въ правленіи своемъ имѣли» [52].

Этотъ важный принципъ, одинъ изъ основныхъ и при современной организаціи войскъ, рѣшили примѣнить къ дѣлу только въ 1756 году; а потому понятно, что невыгоды формированія новыхъ частей передъ войною должны были проявиться.

Въ началѣ 1756 г. «для преимущественной пользы при дѣйствіи противъ непріятеля», подобно тому какъ и во времена Миниха, —изъ третьихъ гренадерскихъ ротъ всѣхъ полковъ арміи приступили къ формированію 4-хъ новыхъ гренадерскихъ полковъ, №№ 1, 2, 3 и 4, которые съ тѣхъ поръ остались, и ведутъ свою исторію до настоящаго времени [50. 52].

«Для скорѣйшаго тѣхъ (гренадерскихъ) полковъ учрежденія» было признано необходимымъ взять гренадеръ изъ «полковъ, состоящихъ въ дивизіи гр. П. И. Шувалова (изъ

*) Видимо въ смыслѣ взаимной выручки, о которой нѣсколько выше сказано такъ: «а сами (п. ч.) между собою чрезъ долговременную службу въ одномъ полку, согласіемъ и любовью не связаны».

Лифляндіи и Эстляндіи)» вслѣдствіе чего полки будущей дѣйствующей арміи, за нѣсколько мѣсяцевъ до похода, должны были выдѣлить отъ себя отъ 200 –300 чел. «со всѣми чинами, выбирая лучшихъ... а третія гренадерскія роты полковъ обрѣтавшихся внутри Россіи... (были назначены) для комплектованія до полныхъ штатовъ мушкатерскихъ полковъ въ Отзеѣ обрѣтающихся» [52].

Переформированія эти повлекли за собою перетасовку людей во всѣхъ пѣхотныхъ полкахъ: однихъ, лучшихъ, выбрали въ гренадерскіе полки, другихъ, тоже лучшихъ, въ гренадерскія роты полковъ; взамѣнъ же ихъ 3-ьи гренадерскія роты мушкатерскихъ полковъ, бывшія внутри Россіи, для пополненія полковъ дѣйствующей арміи—не прибыли. Кромѣ того, 3-го октября 1756 г. [54] было объявлено формированіе новаго Запаснаго (Обсерваціоннаго) корпуса гр. Шувалова, и съ этою цѣлью изъ всѣхъ бывшихъ внутри Россіи пѣхотныхъ полковъ взяли опять самыхъ лучшихъ—по 420 чел. съ полка *) [55]. Такъ какъ этихъ людей было недостаточно для сформированія 6-ти полковъ и артиллеріи Запаснаго корпуса, то туда назначили весьма значительное число людей изъ гарнизоновъ, ландмиліціи и даже драгунъ (остававшихся въ излишкѣ отъ реформъ конницы).

Формированіе новыхъ частей и выборъ для этой цѣли изъ строя надежнаго кадра сильно ослабилъ составъ войскъ и безъ того имѣвшихъ значительный некомплектъ.

Это послѣднее обстоятельство крайне безпокоило Апраксина и онъ неоднократно и опредѣленно доносилъ объ этомъ Конференціи, принявшей на себя завѣдываніе всѣми дѣлами арміи. *Некомплектъ* дѣйствительно доходилъ по меньшей мѣрѣ до $^{9}/_{т.}$ [56] строевыхъ нижнихъ чиновъ **) (унт.-офиц.

---

*) Вслѣдствіе этого третьи гренадерскія роты совсѣмъ не прибыли къ арміи.

**) Гренадерскіе полки только что были сформированы изъ гренадерскихъ ротъ мушкатерскихъ и потому весь некомплектъ относится къ мушкатерскимъ.

и рядовыхъ), что на 32 мушкатерскихъ полка арміи Апраксина составитъ около 280 челов. на полкъ, т. е. приблизительно, передъ началомъ похода, не было около двухъ полныхъ ротъ на полкъ. Всѣхъ же нижнихъ чиновъ, съ нестроевыми, недоставало до штата до $^{12}/_{т.}$ *). Конференціи въ концѣ 1756 г. предстояла задача: или немедленно пополнить некомплектъ старослужащими изъ полковъ, бывшихъ внутри государства, или уменьшить число ротъ въ каждомъ полку, или наконецъ предписать двинуться съ неукомплектованными ротами слабаго состава, пополняя ихъ на походѣ рекрутами. Оставить послѣднихъ для ихъ первоначальной подготовки при гарнизонныхъ войскахъ (какъ то бывало при Петрѣ I-мъ) не представлялось возможнымъ, такъ какъ за выдѣленіемъ въ Шуваловскій корпусъ и въ виду бывшихъ разныхъ командировокъ по этапной службѣ, гарнизонныя войска обратились въ конвойно-инвалидныя команды, а не въ войсковыя части [58].

Конференція, относясь всегда формально къ дѣлу, и въ настоящемъ случаѣ приказывала Апраксину принять рядъ самыхъ несоотвѣтственныхъ мѣръ для пополненія некомплекта. Такъ наприм. было предписано поставить въ строй деньщиковъ, а вмѣсто ихъ потребовали въ ноябрѣ 1756 г. отъ Разумовскаго $^{10}/_{т.}$ малороссіянъ для офицерской прислуги [59]; но такъ какъ для сбора и препровожденія послѣднихъ требовалось время, то эта мѣра ни къ чему не привела [60]. Никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для ускоренія привода рекрутъ мы не встрѣчаемъ, и новобранцы сотенными, а иногда и тысячными командами прибывали къ арміи до и послѣ перехода р. Нѣманъ, въ 1757 г.

Послѣ неудачнаго похода Апраксина, нашли нужнымъ вновь пополнить армію (бывшую тогда подъ командою Фермора),

*) Причины столь замѣтнаго некомплекта слѣдуетъ отнести не только къ бывшему выдѣленію для формированія новыхъ частей, но и къ крайне неправильному направленію службы войскъ въ мирное время; что нами разсмотрѣно въ примѣчаніи [57].

и опять былъ возбужденъ вопросъ о выдѣленіи старослужащихъ изъ частей войскъ, находившихся внутри государства. «По разсужденію Военной Коллегіи и генералитета того комплектованія, по крайней неспособности людей *), не призналось возможнымъ выдѣлить» не смотря на то, что изъ $^{100}/_{т.}$ необходимо было взять всего $^{10}/_{т.}$; «а надобно оную армію (заключилъ генералитетъ) укомплектовать рекрутами» [75].

Не рѣшаясь на столь безполезную и крайне медленную мѣру, Императрица, 8-го ноября 1757 г., утвердила предложеніе Фермора: «укомплектовать два баталіона по двѣ гренадерскія роты каждаго пѣхотнаго полка людьми третьихъ баталіоновъ; а что останется (отъ укомплектованій двухъ баталіоновъ до полныхъ штатовъ) отправить въ Ригу, дабы тамъ комплектовались рекрутами» [57]; для этого вновь до $^{20}/_{т.}$ рекрутъ было отправлено въ Лифляндію.

Это ослабленіе пѣхотныхъ полковъ, въ концѣ 1757 г., на $^{1}/_{3}$ ихъ штатнаго состава, повидимому, пополнялось новымъ корпусомъ въ составѣ $^{30}/_{т.}$ Но какъ ни сшивали на живую нитку эту сборную команду, какъ ни жертвовали всѣмъ для Шуваловскаго корпуса, —организованный, въ дѣйствительности, съ самыми существенными отступленіями отъ основныхъ принциповъ организаціи войскъ, этотъ корпусъ только вредилъ старой арміи во всѣхъ отношеніяхъ.

Обсерваціонный корпусъ, со дня своего рожденія, носилъ всѣ зародыши будущаго разстройства, которое и оказалось въ первомъ же сраженіи на поляхъ Цорндорфа.

Какъ каждая вновь сформированная часть (по тѣмъ же причинамъ, которыя такъ мѣтко были высказаны въ воинской комиссіи въ 1756 г.), Шуваловскій корпусъ не представлялъ цѣлаго, съ прочною воинскою связью отдѣльныхъ частей между

*) Причины этому: усиленныя командировки «къ разнымъ гражданскимъ исправленіямъ къ воинскому дѣлу не относящимся», назначеніе въ гарнизонные полки слабыхъ и хилыхъ, наймѣніе особыхъ частей для конвойной службы.

собою. Этотъ корпусъ не былъ и подобіемъ вновь сформированныхъ гренадерскихъ полковъ, образованныхъ изъ лучшихъ ротъ, взятыхъ *въ полномъ ихъ составѣ*, а представлялъ сбродъ людей всякаго сорта.

Графъ П. И. Шуваловъ, оставаясь въ Петербургѣ, командовалъ этимъ корпусомъ, вошедшимъ въ составъ дѣйствующей арміи—бывшей тогда въ Пруссіи—и хотѣлъ командовать не номинально [61]. Главнокомандующему по каждому вопросу приходилось сводить счеты лично съ всесильнымъ въ то время гр. П. И. Шуваловымъ, и Ферморъ, напр., скоро принужденъ былъ смириться передъ командиромъ Шуваловскаго корпуса (Броуномъ). Короче говоря, весь вредъ отдѣльныхъ привилегированныхъ корпусовъ въ составѣ арміи вполнѣ подтверждается Обсерваціоннымъ корпусомъ, появившимся на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Цорндорфскій періодъ кампаніи *).

При выступленіи въ походъ въ составѣ арміи Апраксина было 4 гренадерскихъ и 32 мушкатерскихъ пѣхотныхъ полка, имѣвшихъ по спискамъ 82976 чел. (не выключая больныхъ). Изъ нихъ собственно штыковъ 71947 при 2511 офиц. и 144 полковыхъ орудіяхъ, въ числѣ коихъ были и шуваловскія гаубицы. Нестроевыхъ нижнихъ чиновъ—8283. Въ указанномъ общемъ составѣ арміи было до $^{20}/_{т.}$ рекрутъ.

Вооруженіе пѣхоты состояло изъ ружья со штыкомъ и шпаги. Калибръ ружья былъ 0,78 дюйма; вѣсъ ружья 14 фунтовъ; вѣсъ пули 8 золотниковъ. Люди имѣли: 20 пуль при себѣ и по 30 пуль въ патронныхъ ящикахъ **). Снаряженіе состояло изъ ранца съ ремнями, патронныхъ сумъ, водоносныхъ флягъ и шанцеваго инструмента. Вопросы о *снаряженіи, обмундированіи* и подробный разборъ *строевого*

*) Считаемъ устройство Шуваловскаго корпуса настолько поучительнымъ въ отрицательномъ отношеніи, что останавливаемся на этомъ въ примѣчаніи [62].

**) См. примѣчаніе къ табл. № 27.

образованія и воспитанія пѣхоты—разсмотрѣны нами въ особомъ сочиненіи [63].

Относительно вооруженія пѣхоты мы можемъ только дополнить, что еще въ 1757 г. было рѣшено перевооружить армію ружьемъ новаго образца и часть заказа (для Обсерваціоннаго корпуса) была дѣйствительно выполнена безъ предварительнаго утвержденія образца, по личному распоряженію гр. П. И. Шувалова [64]. Всѣ остальныя пѣхотныя части выступили въ походъ имѣя ружья прежнихъ образцовъ, и въ началѣ марта 1758 года самый вопросъ о перевооруженіи былъ оставленъ [65]. Обмундированіе было найдено Ферморомъ неудобнымъ для похода, вслѣдствіе чего онъ проектировалъ нѣкоторыя измѣненія, но по несвоевременности возбужденнаго вопроса никакого исполненія по сему не было.

Еще въ 1756 г. было разрѣшено снабдить войска теплою одеждою, и для этого выдано было по 1 р. на человѣка [66]. Часть полушубковъ и рукавицъ, дѣйствительно заготовленыя въ 1756 г., оставались въ Ригѣ, въ складахъ. Въ ожиданіи зимняго похода 1757 -1758 гг. войска потребовали теплую одежду изъ Рижскихъ складовъ на Нѣманъ, но, по недостатку въ перевозочныхъ средствахъ, это не было исполнено, не смотря на неоднократно выраженное по сему неудовольствіе Конференціи.

Новый строевой уставъ (изд. 1755 г.) имѣлъ многіе недостатки сравнительно съ Уставомъ Вонискимъ. Новыя правила строя, которымъ обучались войска, вводили нѣкоторые неудобные для боя типы (связывавшіе свободу дѣйствій пѣхоты) и главное не было рѣзко выдѣлено значеніе въ бою холоднаго оружія. Почти весь успѣхъ разсчитанъ на удачное дѣйствіе огнемъ. Наступленіе боевого порядка, точно регламентированное уставомъ, исключительно приноровлено къ удобству дѣйствія огнемъ; о дѣйствіи же штыкомъ (что выдѣлено уставомъ 1716 г.) какъ-бы забыли. Преобладающимъ видомъ строя оставался—развернутый, въ 4-ре шеренги; но были рекомен-

дованы и баталіонныя колонны *). До изданія устава 1755 г. руководствовались рукописнымъ уставомъ, даннымъ фельдмаршаломъ Ласси 1746 г. **) [67]; но въ немъ мы не могли замѣтить какихъ либо особо рѣзкихъ отступленій отъ экзерциціи Устава Воинскаго, нами уже разобраннаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что при войскахъ Апраксина была часть рогатокъ; но также несомнѣнно, что назначенія для боя они совсѣмъ не имѣли. Апраксинъ уже въ Ковно оставилъ значительную часть рогатокъ, а при отступленіи осенью 1757 года и остальныя были брошены и сожжены ***); о доставленіи же новыхъ рѣшительно нѣтъ ни малѣйшихъ указаній. Такъ что если въ Семилѣтнюю войну при нѣкоторыхъ полкахъ и были рогатки, то въ видѣ исключенія и таковыя назначались «*для охраненія ихъ пикетахъ*», какъ напр. было наканунѣ гр. Егердорфа (****).

Новый уставъ строевой службы (изд. 1755 г.) былъ полученъ въ полкахъ арміи Апраксина года за полтора до выступленія въ походъ, и войска имъ руководствовались [63]. Хотя этотъ уставъ не могъ вполнѣ благопріятно отозваться на дѣйствіе войскъ въ бою, но, съ другой стороны, онъ не могъ имѣть и особо вреднаго вліянія. Уставъ разумно выяснялъ значеніе рекомендованныхъ имъ типовъ; частнымъ начальникамъ указывалось изыскивать другія (болѣе удобныя) формы строя, въ зависимости отъ обстоятельствъ, а главное одинъ лѣтній сборъ не могъ нарушить прежнихъ боевыхъ традицій и начальныхъ данныхъ строевой подготовки, сохранившихся со временъ Петра I-го.

*) Бывшія у насъ правила для дѣйствія войскъ въ бою, тѣ же, что и во всѣхъ европейскихъ арміяхъ того времени — съ Пруссіею во главѣ. Откуда же, интересно знать, историки почерпнули, что русская армія была «толпа»; что не было «тѣни военнаго искусства»?

**) Въ этомъ уставѣ мы встрѣчаемъ дополнительныя правила для построенія рогатокъ, что нами отмѣчено въ примѣчаніи 104.

***) Мы не должны забывать, что въ Апраксинскій походъ нѣкоторые полки взяли напр. и пики, издавна употреблявшіяся для гарнизонной службы.

****) См. примѣч. 34 къ главѣ VIII.

Вообще русская пѣхота отличалась: высоко развитымъ нравственнымъ элементомъ (что объясняется: однообразнымъ составомъ арміи, высокимъ природнымъ качествомъ нашего солдата, дѣлавшимъ его упорнымъ въ бою, продолжительнымъ срокомъ службы), отличнымъ составомъ инструкторовъ и офицеровъ, правильными основами обученія и выносливостью благодаря постояннымъ *лагернымъ сборамъ*.

Обозъ каждаго полка состоялъ изъ 102 повозокъ и 219 подъемныхъ лошадей; всего, слѣдовательно, 3672 повозки и 7884 лошади [63]. Но этотъ расчетъ касается лишь штатнаго казеннаго обоза; частный офицерскій обозъ значительно увеличивалъ эту цыфру. Вычислить число офицерскаго обоза, по неимѣнію данныхъ, нельзя; но имѣя въ виду, что главнокомандующій разрѣшилъ имѣть младшимъ офицерамъ по одной повозкѣ на двухъ и что при арміи было 155 штабъ-офицеровъ, имѣвшихъ по двѣ повозки и 2356 оберъ-офицеровъ, обязанныхъ имѣть по одной на двухъ и предположивши, что это послѣднее не было исполнено (какъ указывалъ Болотовъ), то можно остановиться, что обозъ состоялъ изъ 2600 повозокъ; а принимая въ соображеніе обозъ главнокомандующаго [64], начальствующихъ лицъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, то наибольшій итогъ при самыхъ широкихъ расчетахъ простирался всего до $^{6}/_{7}$ повозокъ.

Маркитантовъ при арміи почти не было, хотя объ этомъ сильно заботилась Военная Коллегія [69]. *Запасъ довольствія* былъ при войскахъ, при выступленіи, на 21 день.

Намъ хорошо извѣстенъ сложившійся взглядъ на чудовищное развитіе нашихъ офицерскихъ обозовъ, со временъ «барства». Но, при болѣе строгомъ разсмотрѣніи этого вопроса, мы пришли къ заключенію, что замедляло движеніе войскъ не количество обозовъ, а неправильное распредѣленіе ихъ по разрядамъ и черезчуръ тѣсная связь обоза съ войсками въ походныхъ колоннахъ; на это мы будемъ имѣть случай указать, разсматривая походъ Апраксина.

Къ началу 1756 г. русская конница состояла: а) изъ конной гвардіи; б) 32-хъ регулярныхъ полковъ (3-хъ кирасирскихъ пяти эскадроннаго и 29-ти драгунскихъ шести эскадроннаго состава)— всего (безъ кон. гвардіи) 39546 [70] чел. всѣхъ чиновъ; в) 7-ми гарниз. драгунскихъ полковъ и 2-хъ гарнизонныхъ же эскадроновъ (всѣхъ чиновъ 9543) и нерегулярныхъ войскъ [71] около $^{36}/_{1.}$ [40]. Регулярная конница (съ гарниз. драгунскими полками) составляла 36% относительно всего числа пѣхоты, а съ нерегулярной—нѣсколько болѣе 50%. Конница.

Въ дѣйствительности же, во время Семилѣтней войны, процентное отношеніе пѣхоты къ конницѣ въ русской арміи и близко не подходило подъ указанные расчеты, по штатному положенію. Напротивъ, недостатокъ регулярной конницы, годной къ бою, доходилъ до того, что, напр., въ гр. Егерсдорфскій періодъ, въ русской арміи было не болѣе 7000 всадниковъ (и то сборные эскадроны), что составитъ едва 6% пѣхоты, бывшей въ составѣ арміи Апраксина.

Причина подобной разницы между штатнымъ и дѣйствительнымъ боевымъ составомъ русской регулярной конницы заключается въ полномъ разстройствѣ послѣдней, замѣченномъ задолго до Семилѣтней войны. Въ 1755 г. комиссія при Военной Коллегіи выяснила причины этого разстройства и проектировала коренныя реформы конницы, утвержденныя 30-го марта 1756 года. Разстройство конницы обнаружилось въ слѣдующемъ:

1) Конскій составъ драгунскихъ полковъ безусловно несоотвѣтствовалъ своему назначенію. Главныя причины этому: недостаточная ремонтная цѣна строевой лошади; самая дешевая, но за то и самая вредная для боевой годности конницы,— система фуражнаго довольствія. Фуражныя деньги отпускались только зимою и частію въ осенніе и весенніе мѣсяцы,— до травы. Остальное время года лошади были на подножномъ

кормѣ. Вслѣдствіе этого большая часть драгунъ, по меньшей мѣрѣ полгода, не занимались ѣздою; лошади оставались очень плохо выѣзженными и, не имѣя достаточнаго корма, находились, какъ выразился Апраксинъ,—въ «черномъ тѣлѣ».

2) По невозможности прокормить лошадей за деньги, отпускаемыя казною для заготовленія фуража, командиры частей заготовляли сѣно экономическимъ способомъ, посылали низ. чиновъ косить луга и т. п.; вслѣдствіе чего строевое обученіе частей не было на первомъ планѣ. Лѣтомъ, напр., половина нижнихъ чиновъ была на уборкѣ сѣна, а половина при табунахъ, на пастбищахъ.

3) Принятый порядокъ ремонтированія *) не гарантировалъ строй отъ пополненія негодными лошадьми.

4) Много конныхъ полковъ въ послѣдніе годы (по проекту гр. П. П. Шувалова) несли форпостную службу [73], исполняя обязанности нынѣшней пограничной стражи, а потому не могли практиковаться въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ.

5) Преимущественно на драгунскіе полки возлагалась тяжелая внутренняя служба по усмиренію разбоевъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи и прекращенію другихъ безпорядковъ. Такъ напр. война 1756 г. застаетъ 9 драгунскихъ полковъ въ Оренбургскомъ краѣ, находившихся тамъ для усмиренія башкиръ.

6) Несоразмѣрная величина тактической 1-цы не соотвѣтствовала должной гибкости и поворотности строя. Эскадронъ 61-го ряда (трехшереножнаго строя) найденъ тяжелою и не поворотливою 1-цею, а рота (всего 30 рядовъ —90 рядовыхъ) слишкомъ слабою для нанесенія удара холоднымъ оружіемъ.

7) Холодное оружіе было только колющее (шпаги), между тѣмъ рубящее (палаши) находили болѣе соотвѣтственнымъ національной привычкѣ наносить удары холоднымъ оружіемъ.

---

*) Конница ремонтировалась по распоряженію полковой администраціи.

Донесенія Апраксина, Лиевена и Румянцева о состояніи нашей конницы въ концѣ 1756 г. дѣйствительно подтверждаютъ заключеніе комиссіи, и наглядно показываютъ послѣдствія изложенныхъ военно-административныхъ порядковъ.

Комиссія нашла, что для того, «чтобы привести россійскую конницу въ такое надежное состояніе, дабы она со всѣми другими европейскими кавалеріями не только сражаться, но и превосходить могла, необходимо было произвести *знатную перемѣну*». Эта послѣдняя была утверждена Императрицею 30-го марта 1756 г., и 20-го апрѣля того же года [74] были объявлены слѣдующія новыя основанія устройства нашей конницы.

1) Составъ конницы умепьшенъ на $^{7}/_{8}$ всадниковъ. Для этого сократили штатный составъ полковъ [72] и рѣшили расформировать два полевыхъ драгунскихъ полка, бывшихъ въ Сибири [75]; деньги, ассигнованныя на ихъ содержаніе были назначены на покрытіе общихъ расходовъ по улучшенному содержанію конницы.

2) Образованъ особый видъ конницы конно-гренадеры и нѣсколько увеличено число кираспрскихъ полковъ.

Въ основаніе было принято, что силы полевой дѣйствующей арміи должны быть развиты такъ, чтобы «по случаю надобности» войска могли бы «противу трехъ европейскихъ мѣсть въ одно время къ военнымъ дѣйствіямъ раздѣлены быть». Потому комиссія рѣшила при новой организаціи въ составѣ каждой изъ трехъ армій имѣть: 1 грен., 15 пѣх. полковъ, 2 кираспрскихъ 2 кон. гренадер. и 6 драгунскихъ, т. е. тѣ же 10-ть полковъ на отдѣльную армію.

Комиссія полагала, что при новой организаціи наша конница, усовершенствованіемъ драгунскаго типа, получитъ «великій авантажъ, противу всѣхъ другихъ европейскихъ». А именно, кромѣ дѣйствія въ конномъ строю сильнымъ ударомъ холоднаго оружія, драгуны будутъ готовы «на всякіе подвиги того случая, гдѣ надѣжнѣйшія люди и большее число скорости гранать востребуется».

Такимъ образомъ, организація конно-гренадеръ и увеличеніе числа гренадеръ въ драгунскихъ полкахъ было совершенно оригинальною мыслію развить, безъ ущерба для подвижности драгунъ, оборонительныя и наступательныя ихъ средства, при дѣйствіи въ спѣшенномъ строю. На это, между прочимъ, прямо указываетъ боевое предназначеніе конно-гренадеръ, по проекту комиссіи 1755 г., а именно, конно-гренадеры и гренадеры драгунъ назначались: «къ пересѣченію пути, къ поспѣшному изгнанію изъ укрѣпленнаго и въ пользу захваченнаго посту»; при дѣйствіи въ авангардѣ «противъ мелкихъ непріятельскихъ партій, засѣвшихъ за преградами» (что опредѣленно указано наприм. Румянцевымъ—полковнику Зорничу при наступленіи въ Пруссію [76]); а равно и на полѣ сраженія «вспоможеніе того мѣста, въ которомъ противу непріятельскихъ отъ кавалеріи претерпѣвать начнетъ»; въ этомъ случаѣ, какъ отборная конница, для дѣйствія ударомъ холоднаго оружія.

3) Число кирасирскихъ полковъ увеличено незначительно: вмѣсто 3-хъ бывшихъ образовано 6-ть.

Еще въ 1742 году былъ возбужденъ вопросъ о приведеніи въ исполненіе проекта Миниха (обратить цѣлую треть нашихъ драгунскихъ полковъ въ кирасирскіе), но Сенатъ 5-го октября 1742 г. высказался противъ этого и утвердилъ «Разсужденіе генералитетское» [77], гдѣ кирасирскіе полки признавались «за неспособные»; денежныя затраты на нихъ были несравненно больше, чѣмъ на драгунскіе (ибо «подъ тѣхъ кирасировъ въ россійскомъ государствѣ домашнихъ годныхъ лошадей сыскать зѣло трудно, но почти не можно, а покупаются и выписываются нѣмецкія лошади дорогою цѣною»), а между тѣмъ, «дальнихъ походовъ, за великою тяжестью, нести не могутъ и какъ въ прошедшую турецкую, такъ и въ нынѣшнюю шведскую войну, дѣйствій на тѣхъ тяжелыхъ лошадяхъ не было».

4) Ремонтная цѣна лошади для драгунскихъ и конно-гренадерскихъ полковъ увеличена вдвое, а кирасирскихъ—уменьшена на 10 рублей, съ обязательствомъ и для кирасиръ покупать лошадей внутри Россіи. Установлено круглый годъ (кромѣ 6-ти недѣль) выдавать сухой фуражъ; почти вдвое увеличенъ фуражный окладъ («стоимость одного раціона»); возвышены требованія отъ ремонтной лошади; измѣнена система ремонтированія, на основаніи которой за несоотвѣтственный конскій составъ отвѣчали всѣ штабъ-офицеры полка [72.75].

5) Воспрещены командированія цѣлыхъ полковъ для надобностей внутренней службы. Для послѣдней цѣли, кромѣ гарнизонныхъ драгунскихъ полковъ,—имѣли въ виду организовать «губернскіе полки» драгунскаго типа [72.75].

6) Требованія роста и склада людей въ кирасиры и конно-гренадеры нѣсколько возвышены.

7) Для большей поворотливости и гибкости строя составъ каждой роты уменьшенъ до 69-ти строевыхъ рядовыхъ, по 23 ряда въ ротѣ (46-ть въ эскадронѣ).

8) Вмѣсто шпагъ даны палаши [72.75].

Несомнѣнно, что полные результаты отъ подобныхъ радикальныхъ реформъ могли быть только впослѣдствіи. Это предвидѣла и комиссія 1755 г., полагавшая, что для обновленія, напримѣръ, конскаго состава, безъ особыхъ издержекъ, нужно было не менѣе 4-хъ лѣтъ.

Между тѣмъ, въ ожиданіи войны съ Пруссіею, весною 1756 года, 5 кирасирскихъ, 5 конно-гренадерскихъ и 4 драгунскихъ полка были назначены въ составъ дѣйствующей арміи [78], и до выступленія въ походъ должны были переформироваться на новыхъ началахъ, данныхъ для устройства нашей конницы.

Изъ числа этихъ 14-ти полковъ только два кирасирскіе, бывшіе въ Прибалтійскомъ краѣ,—не подлежали переформи-

рованію; 12 же полковъ должны были стянуться къ границамъ, перемѣнить конскій составъ, перерапжировать людей по росту, перевооружиться холоднымъ оружіемъ (кирасиры огнестрѣльнымъ и латами), изучить новый уставъ, а 8 полковъ переобмундироваться. Наконецъ, согласно постановленію Конференціи [79] 12-го апрѣля, 3-й корпусъ Матвѣя Ливена (конно-гренадеры, драгуны и главная масса «нерегулярныхъ»), по сосредоточеніи, долженъ былъ расположиться по границѣ Смоленской губерніи на Брянскъ до Чернигова такъ, «чтобы полки не токмо способно комплектоваться, но и нерегулярныя войска прикрыть и *къ воздержанію ихъ отъ продерзостей служить могли* *).

19-го апрѣля Военная Коллегія сдѣлала всѣ главныя распоряженія по сосредоточенію, но изъ 14-ти полковъ кавалеріи 6 были на форпостахъ, и ихъ было нужно прежде всего смѣнить. Эта первая задержка весьма вредно отозвалась на успѣхъ сосредоточенія; послѣдовавшее же въ іюнѣ мѣсяцѣ общее распоряженіе о пріостановкѣ подготовительныхъ мѣръ къ открытію военныхъ дѣйствій въ корнѣ погубило успѣхъ переформированія конницы.

Послѣ указа 28-го августа 1756 г. —возобновить приготовленія къ войнѣ, конные полки начали стягиваться къ границѣ, куда прибыли лишь въ октябрѣ [81], когда и назначенъ былъ главнокомандующимъ фельдмаршалъ Апраксинъ.

Въ концѣ сентября 1756 года, генералъ Матвѣй Ливенъ произвелъ первые смотры полкамъ своего конпаго корпуса, прямо съ похода, и тотчасъ же донесъ прежнему «глав-

*) Это же широкое расположеніе отъ Смоленска до Чернигова соотвѣтствовало и скрытію отъ непріятеля наиболѣе вѣроятнаго плана дѣйствій. Въ этомъ отношеніи Апраксину было указано: «на всѣ вашей командѣ, порученные корпусы раздѣленныя арміи, обширностью своего расположенія и готовностью къ походу, такой видъ казать, что для васъ все равно: прямо ли на Пруссію, или влѣво, черезъ всю Польшу въ Шлезію—маршировать». [80].

ному командиру» гр. П. И. Шувалову *), о полномъ разстройствѣ Каргопольскаго и Рижскаго конно-гренадерскихъ, Тверского и Ингерманландскаго драгунскихъ полковъ. На это донесеніе 25-го сентября отвѣчалъ Матвѣю Ливену уже Апраксинъ.

«Съ прискорбіемъ узналъ я, пишетъ Апраксинъ Ливену, - въ какомъ худомъ состояніи команды Вашего Превосходительства (перечисляетъ помянутые полки) драгунскими лошадьми, а Тверской и Ингерманландскій и ружьемъ и другими военными припасами находятся» [82]. Около того же времени, 5-го октября, —имъ же было сообщено генералъ-провіантмейстеру князю Волконскому, что такъ какъ «въ покупкѣ не оказывается достаточнаго количества лошадей», удовлетворяющихъ новымъ требованіямъ отъ ремонтной лошади, то онъ считаетъ необходимымъ уменьшить эти требованія и главное—пополнить конскій составъ конницы поставкою лошадей населеніемъ [83].

Сообщая объ этомъ послѣднемъ Ливену,—Апраксинъ, въ ноябрѣ, между прочимъ, предписалъ лошадей, непригодныхъ для кавалерійскаго строя, передать подъемными въ пѣхотные полки и въ артиллерію, а худшихъ—продать [83]. Приказалъ также торопиться окончаніемъ обмундированія, усилить требованіе о скорѣйшемъ отпускѣ новаго оружія; «покупныхъ и приводимыхъ, собранныхъ съ государства лошадей прилежнымъ обученіемъ въ доброе состояніе приводить». При этомъ высказалъ полное сожалѣніе, что лучшихъ лошадей изъ конно-гренадерскихъ полковъ еще лѣтомъ взяли въ артиллерію [84]; что, очевидно, было сдѣлано по распоряженію фельдцейхмейстера гр. П. И. Шувалова, бывшаго тогда «главнымъ командиромъ».

Такъ какъ нѣкоторые полки не имѣли еще времени изучить новый уставъ (1755 г.), то Апраксинъ разрѣшилъ

*) Хотя военныя приготовленія и были пріостановлены, но войска, предназначенныя къ походу, до назначенія Апраксина, считались подъ начальствомъ графа Петра Шувалова.

руководствоваться старою экзерциціею [85], «но и новую не оставлять». Въ заключеніе приказалъ Ливену безотлагательно донести о результатахъ смотровъ остальныхъ полковъ корпуса.

Сборъ лошадей съ населенія затянулся до крайности. Только 6-го декабря Ливену было приказано отправить пріемщиковъ для привода лошадей, но въ дѣйствительности всѣ лошади прибыли не ранѣе іюня 1757 г.

Недостатокъ добрыхъ коней вынудилъ Апраксина 26-го декабря спѣшить большую часть Ингерманландскихъ драгунъ (назначенныхъ на форпосты), выдѣливъ всѣхъ лучшихъ лошадей этого полка для пополненія другихъ, т. е. корпуса Ливена. Кромѣ того, въ виду некомплекта полковъ, главнокомандующій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы были безотлагательно выбраны по 200 человѣкъ на полкъ лучшихъ рекрутъ изъ провинцій, ближайшихъ къ нашей западной границѣ [87].

О ходѣ формированія кирасиръ (корпуса князя Василія Долгорукова) мы рѣшительно не могли подыскать ни одного серьезнаго источника *). Необходимыя для этого данныя мы имѣемъ лишь съ января 1757 г., когда кирасирскій корпусъ былъ передалъ гр. П. А. Румянцеву [88].

Изъ переписки послѣдняго съ Апраксинымъ и командирами полковъ видно, что до января кирасирскіе полки еще не переформировывались. Графъ Румянцевъ принялъ кирасирскій отрядъ уже на маршѣ заграницу,—въ Польскую Лифляндію,—гдѣ кирасиры были пріостановлены для переустройства, и въ этомъ отношеніи все, что можно, Румянцевымъ было сдѣлано съ полною энергіею. Но такъ какъ не было соотвѣт-

*) Нѣсколько словъ по этому вопросу есть въ «письмѣ вожжира изъ Риги» (Ар. Кн. Воронцова т. 6-й); но имѣя архивные документы, мы рѣшились и не обращаться къ этому источнику,—о которомъ такъ мѣтко замѣтилъ Воронцовъ, что его «къ достойному презранію остатись должно».—Въ этомъ документѣ дѣйствительность до такой степени перепутана съ ложью, что невольно можно впасть въ ошибку. Такъ напр. онъ говоритъ, что было 12-ть кирасирскихъ полковъ, тогда какъ въ дѣйствительности было всего 4. Какъ могъ шпіонъ, бывши въ Ригѣ, видѣть полки напр. Ливена, находившіеся отъ Смоленска до Чернигова вдоль границы?

ственнаго конскаго состава, то и труды столь талантливаго организатора, каковымъ былъ Румянцевъ — не увѣнчались успѣхомъ [88].

Апраксинъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, еще въ Петербургѣ обратилъ вниманіе на плохое состояніе конницы. Окончательно убѣдившись въ ея разстройствѣ, въ декабрѣ онъ опять донесъ изъ Риги о томъ же, и самымъ рѣшительнымъ образомъ требовалъ отложить походъ до мая [89]. Но Конференція, руководясь главнымъ образомъ политическими соображеніями *), настойчиво требовала открыть компанію, и главнокомандующій могъ протянуть дѣло лишь до февраля 1757 г.

Апраксинъ, вынужденный двинуться впередъ, предписалъ М. Ливену [90] выбрать изъ полковъ его корпуса, «*что есть лучшаго*», сформировать изъ нихъ кое-какіе эскадроны и выступить разными путями на Вильно-Слуцкъ; а остальные «худоконные» должны были, подъ начальствомъ Хомутова, остаться на мѣстѣ, получить лошадей и затѣмъ прибыть къ арміи. Это новое формированіе частей было роковымъ — зимне-весенній походъ разстроилъ и годную къ бою часть нашей конницы. Хомутовъ хотя и привелъ лошадей, догнавъ армію за Ковною (20-го іюля 1757 г. [91]), но на невыѣзженныхъ лошадяхъ конница Хомутова **) не была годною къ службѣ въ конномъ строю; а потому вполнѣ понятно распоряженіе Апраксина о назначеніи драгунъ Хомутова лишь для содержанія сторожевыхъ разъѣздовъ; въ бою же имъ было приказано дѣйствовать въ пѣшемъ строю [92].

Новый конскій составъ для кирасиръ Румянцева прибылъ въ Вилькомиръ въ половинѣ іюня ***); но прежде чѣмъ успѣли распредѣлить вновь приведенный ремонтъ по полкамъ, глав-

*) См. главу IV.

**) По самымъ умѣреннымъ расчетамъ, у Хомутова, по окончательному сосредоточенію, было около 6—7 т. коней.

***) См. таблицу № 11.

нокомандующій вынужденъ былъ дать боевое назначеніе кираспрамъ (поддержать стратегическую операцію отряда нерегулярныхъ войскъ Сибильскаго, въ направленіи отъ Гродно къ Маріенвердеру [93]), для чего пришлось тоже выбрать лучшихъ всадниковъ и образовать сборные кирасирскіе эскадроны, со всѣми вредными послѣдствіями подобнаго выдѣленія. Сколько рядовыхъ въ каждомъ изъ кавалерійскихъ полковъ несли службу въ конномъ строю опредѣлить трудно; свѣдѣнія эти есть только относительно болѣе благоустроенной кавалеріи гр. Румянцева, показывающія, что въ 20-хъ числахъ іюля, въ окрестностяхъ Олиты,—Кіевскій, Новотроицкій и Казанскій полки имѣли всего по 356 кирасиръ, вмѣсто штатнаго состава въ 956, т. е. почти $^2/_3$ каждаго полка были безъ надлежащаго конскаго состава [94].

Кавалерія Ливена несомнѣнно была еще слабѣе. Однако, если остановиться на указанномъ выше отношеніи, то и у Ливена въ 12-ти выбранныхъ эскадронахъ (вмѣсто 6-ти полковъ) было не болѣе 4272 сабель, а вмѣстѣ съ прежними кирасирами (1700) и новыми (Румянцева) всего не болѣе 7000 сабель. Это наибольшее, что могло быть у насъ въ строю въ день г. Егерсдорфа, вмѣсто слѣдуемаго 14212 сабель. Если же принять въ соображеніе штатную численность всѣхъ драгунскихъ полковъ, вызванныхъ въ Оренбургскій край для поддержанія внутренняго порядка, и старыхъ кирасиръ, то окажется, что въ дѣйствительности мы могли бы имѣть около 34000 сабель.

Въ Цорндорфскій періодъ кампаніи русская конница мало поправилась; но все-таки, благодаря мѣрамъ—отчасти Апраксина, отчасти Фермора и Румянцева—трудное отступленіе 1757 г. не повліяло на конницу въ той мѣрѣ, какъ можно было ожидать.

Рѣшившись отступить съ береговъ р. Алле на Тильзитъ и давно замѣтивши полную безполезность регулярной конницы

при арміи (напр. при рекогносцировкѣ у Велау участвовали нерегулярныя войска), а также озабочиваясь занятіемъ непріятелемъ Тицлкинерскаго лѣса, Апраксинъ, прежде всего, выдвинулъ конницу (за исключеніемъ нѣсколькихъ эскадроновъ) къ Инстербургу, а затѣмъ безотлагательно отправилъ ее на Юрбургъ въ Ковно и далѣе къ Столбцамъ [95] *).

Въ теченіи зимы 1757—1758 гг. эти кавалеристы успѣли нѣсколько окрѣпнуть. Ко времени занятія Фермором линіи р. Вислы, въ началѣ весны 1758 г., большая часть оставленныхъ въ тылу конныхъ полковъ были притянуты къ Гродно (только драгуны оставались въ Столбцахъ), гдѣ Румянцевъ, руководствуясь обстоятельною инструкціею Фермора [96], сформировалъ изъ каждаго полка по три эскадрона лучшихъ ѣздоковъ. «Самые неспособные» кавалеристы были переведены въ нѣхоту, а весь излишекъ оставленъ въ Столбцахъ [96], куда должны были подойти маршевые эскадроны, высланные для пополненія конницы отъ драгунскихъ полковъ, остававшихся въ Украйнѣ [97].

Благодаря этой мѣрѣ, къ 12-му апрѣля 1758 года, мы имѣли въ строю всего, во всѣхъ отрядахъ, около 7—8 т. сабель и нѣсколько организованные кадры кавалерійскихъ частей въ Столбцахъ и Псковской провинціи [98].

Все изложенное ясно указываетъ причины полнаго разстройства нашей конницы.

Законоположенія по вопросамъ о вооруженіи, снаряженіи, обмундированіи и подготовкѣ нашей конницы къ бою нами подробно разсмотрѣны въ особомъ сочиненіи [99].

Вооруженіе конницы состояло изъ шпаги, палаша, фузеи со штыкомъ (кирасиры имѣли карабины безъ штыка); у всѣхъ по парѣ пистолетовъ. Конно-гренадеры имѣли въ сумкахъ ручныя гранаты.

---

*) На верх. Нѣманѣ.

Изъ донесеній Румянцева [100] видно, что кирасиры и выбранные эскадроны конно-гренадеръ и драгунъ были снабжены всѣмъ по положенію; кирасиры же, въ 1-й годъ, не успѣли получить латы [101], которыя вообще Румянцевъ считалъ лишнимъ и не пригоднымъ для дѣла грузомъ [102]. Карабины и палаши получили всѣ кирасирскіе полки, а драгуны и к.-гренадеры имѣли еще шпаги.

Существовавшія тогда уставныя правила нами подробно разсмотрѣны [99]; главные же, общіе выводы, къ которымъ мы пришли, заключаются въ слѣдующемъ.

Строй кавалеріи былъ трехшереножный. Основною тактическою 1-цею былъ эскадронъ, подраздѣлявшійся на роты *). Наименьшею 1-цею для поворотовъ было отдѣленіе по 4-ре всадника. Три отдѣленія образовали взводъ, два взвода—роту (полуэскадронъ).

Эволюціи основного, развернутаго, строя эскадрона рѣшительно не отличались какими либо рѣзкими особенностями, препятствовавшими быстротѣ развертыванія или быстрой перемѣнѣ фронта. Строй полка всецѣло былъ приспособленъ къ удобству перемѣны фронта. Новый уставъ для маневрированія полкомъ указывалъ нѣсколько типовъ сборныхъ строевъ (главный—колонна изъ середины). Въ бою конница должна была разсчитывать главнѣйшимъ образомъ на «*доброе употребленіе палашей въ крѣпкомъ смыканіи и въ жестокомъ ударѣ черезъ сильную скачку*». Тоже самое совершенно опредѣленно высказано и въ инструкціи Румянцева, для обученія гусарскихъ полковъ.

Для дѣйствія въ пѣшемъ строю, эскадронъ, въ 150 сабель, могъ дать 140 ружей. Конная артиллерія составляла неотъемлемую принадлежность полковъ, и даже вновь сформи-

*) Кирасирскіе и конно-гренадерскіе полки были 5-ти эскадроннаго состава, а драгунскіе—6-ти. Но въ данномъ случаѣ это подраздѣленіе значенія не имѣетъ, такъ какъ въ строю были только по 2—3 эскадрона въ полку.

рованные кирасирскіе полки, обязанные, по положенію, сдать орудія, по приказанію Апраксина взяли ихъ въ походъ [103].

Весь вопросъ однако въ томъ успѣли ли части разучить новый уставъ? Мы видѣли, что Апраксинъ разрѣшилъ М. Лившу практиковать прежнія уставныя правила, но и не оставлять новыхъ. Кирасиры Румянцева и Рижскій конно-гренадерскій, несомнѣнно, были обучены по новымъ правиламъ.— но это исключеніе.

Разрѣшеніе Апраксина обучать конницу по прежнему уставу вынуждаетъ обратиться назадъ и посмотрѣть, чѣмъ руководствовалась конница при обученіи частей въ мирное время до 1755 года и не отличались ли рѣзко бывшія правила строя отъ новаго устава *).

Этимъ послѣднимъ, между прочимъ, затрогивается одинъ изъ трудныхъ вопросовъ: ходъ развитія строевой службы нашей конницы. Въ первомъ нашемъ сочиненіи мы прямо отказались выяснить этотъ вопросъ [99]. Послѣ изданія труда намъ посчастливилось найти документы (донесенія командировъ пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ въ комиссію при Военной Коллегіи въ 1754 и 1755 гг.), которые разъясняютъ дѣло.

Останавливаясь въ приложеніи [104] на исходныхъ данныхъ, указывающихъ развитіе началъ нашего кавалерійскаго строя, мы ограничимся въ настоящемъ случаѣ лишь общими выводами, относительно тѣхъ уставныхъ строевыхъ положеній,

---

*) Мы вообще придаемъ важное значеніе существовавшимъ уставнымъ положеніямъ, такъ какъ рѣшительно нельзя предположить, чтобы войска въ бою практиковали какіи-либо особыя формы строя, съ рѣзкимъ отступленіемъ отъ извѣстныхъ имъ въ мирное время уставныхъ типовъ. Правда, подъ вліяніемъ обстановки, чистота эволюціи, а потому и строй,—часто не могли быть тѣ же, что и въ мирное время; но основныя формы строя, несомнѣнно, оставались уставныя. Значеніе наиболѣе удобныхъ уставныхъ формъ строя на исходъ боя и важность навыка въ быстромъ производствѣ наиболѣе пригодныхъ для боя эволюцій,—ко/времени Семилѣтней войны у насъ было совершенно выяснено, что, наприм. наглядно высказывается Румянцевымъ въ его настойчивыхъ требованіяхъ обучить Венгерскій и Молдавскій гусарскіе полки тѣмъ же уставнымъ правиламъ, какіи были приняты въ регулярной кавалеріи.

которыми руководствовалась наша конница съ 1746—1755 гг., или вѣрнѣе съ 1731 г. (со времени учрежденія кирасиръ).

1) Прежній уставъ (принятый въ 1731 г.) опредѣлялъ только порядокъ построенія развернутаго строя эскадрона и полка, совершенно не касаясь вопроса о маневрированіи полкомъ; короче, это былъ только уставъ эскадроннаго ученья и первоначальнаго сборнаго строя полка.

2) Эволюціи стараго устава мало отличаются отъ таковыхъ же новыхъ.

3) Значеніе удара холоднымъ оружіемъ, быстрота развертыванія, поворотливость строя —почти совсѣмъ не были выдѣлены въ уставѣ 1731 г. Мало того, при передѣлкѣ существовавшихъ измѣненій кирасирскаго устава въ драгунскій— стрѣльба кирасиръ съ коня изъ карабиновъ обратилась въ стрѣльбу съ коня изъ ружей у драгунъ. Вслѣдствіе этого, въ числѣ уставныхъ правилъ, у насъ какъ-бы была возстановлена стрѣльба съ коня изъ ружей, *совершенно оставленная еще въ 1706 году* [99] *).

4) Вообще прежній уставъ касался только правилъ построеній, но не было ни малѣйшихъ указаній тѣхъ началъ, которыми слѣдовало руководствоваться при строевомъ обученіи частей, что въ полной мѣрѣ развито уставомъ 1755 года.

5) Обученіе частей атакѣ было лишь въ видѣ привитія навыка къ виду дѣйствующей противъ нихъ кавалеріи, къ пріученію лошадей къ огню почти въ упоръ; но значеніе быстроты движенія, сохраненія сомкнутости на быстрыхъ аллюрахъ и важное значеніе фланговыхъ атакъ—не были и затронуты.

6) Мѣсто конной артиллеріи указывалось только при походномъ движеніи и въ развернутомъ строѣ драгунскаго полка (на флангахъ).

---

*) Подобно стрѣльбѣ наѣздниковъ.

7) Правила для спѣшиванія были даны въ видѣ командъ, безъ всякаго разъясненія построеній, что такъ обстоятельно развито въ уставѣ 1755 года.

Вообще, уставъ, составленный Минихомъ для кирасиръ и передѣланный впослѣдствіи для драгунъ («Прусская экзерциція», какъ назывался кав. уставъ въ арміи), вполнѣ способствовалъ тому, что и въ строевой подготовкѣ наша конница совершенно отстала отъ кавалеріи сосѣднихъ державъ. Принципы новаго устава 1755 года, несомнѣнно, подвинули бы ее впередъ, но уставъ этотъ, полученный передъ войной, могъ быть усвоенъ лишь частью нашей кавалеріи. Уставъ 1755 г. и видоизмѣненіе его послѣ боеваго опыта Семилѣтней войны имѣетъ значеніе для исторіи воен. искусства въ Россіи въ вѣкѣ Екатерины II.

Всѣ регулярныя войска, участвовавшія въ Семилѣтней войнѣ, мы можемъ подраздѣлить на четыре вида:

1) Гусары.

2) Донскіе казаки и Чугуевскій казачій полкъ.

3) Слободскіе казачьи полки.

4) «Разнонародныя» команды (калмыки, Казанскіе татары, мещеряки и башкиры).

По штату 1755 года гусарскихъ полковъ было 6, изъ нихъ 4 старыхъ и два новыхъ [105] *). Старые полки (Сербскій, Венгерскій, Молдавскій и Грузинскій) вошли въ составъ дѣйствующей арміи, а изъ двухъ, формировавшихся тогда, новыхъ (Славяно-сербскій—Прерадовича и Ново-сербскій—Шевича) только два эскадрона приняли участіе въ Цорндорфскій періодъ кампаніи [106]. Всего составъ старыхъ полковъ по штату не превосходитъ $^4/_т$.

Гусарскіе полки комплектовались иноземцами, но въ большинствѣ изъ племенъ родственныхъ намъ по вѣрѣ. Пополненіе

---

*) См. примѣчаніе (4-е) и таблицы №№ 13 и 14 примѣчанія 105.

убыли и формированіе новыхъ частей было по системѣ вербовки, при содѣйствіи однако нашего правительства [107]. На получаемое жалованье и на доходъ отъ данныхъ гусарскимъ полкамъ земельныхъ участковъ—гусары въ мирное время содержали себя и лошадей.

Одежда гусаръ отличалась типичными особенностями (подобно бывшей гусарской формѣ), но вооруженіе и способъ дѣйствія въ-бою были сходны съ драгунскимъ; съ тѣмъ лишь различіемъ, что гусары вмѣсто ружья имѣли карабины безъ штыка. Гусарскіе полки не имѣли конной артиллеріи, а обозъ былъ только у чиновъ полкового штаба въ самомъ ограниченномъ числѣ повозокъ.

До 1756 года гусарскій полкъ состоялъ изъ 10-ти ротъ по 80-ти рядовыхъ въ каждой [108]. Прежній порядокъ соединенія ротъ въ эскадроны—опредѣленно не выясняется.

Въ началѣ 1757 года Румянцевъ образовалъ изъ ротъ эскадроны, на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ регулярной полки подраздѣлялись на 5 эскадроновъ.

До 1756 года гусары въ нашей арміи пользовались прекрасной репутаціею [108 *]).

Но Румянцевъ однако не былъ особенно доволенъ гусарскими полками. Исходя изъ тѣхъ же основаній о значеніи конницы, на полѣ сраженія, которыя были установлены комиссіею при Военной Коллегіи въ 1755 году и изложенными въ уставѣ изд. 1755 года,—онъ нашелъ гусаръ въ этомъ отношеніи совершенно не подготовленными, а потому, наканунѣ похода, принялъ рядъ мѣръ для ихъ обученія по уставу, принятому регулярною конницею.

*) Въ 1742 году Сенатъ, основывая свое мнѣніе на «Разсужденіи генералитета»,—пришелъ къ заключенію, что гусаръ можно считать «почти удобнѣйшими драгунъ», какъ по способности ихъ къ передовой службѣ, такъ одинаковому отличному дѣйствію на лошадяхъ—«какъ самые регулярные драгуны и спѣшась ихъ и самые солдаты». Этимъ и объясняется стремленіе, въ концѣ царствованія Елизаветы (передъ Семилѣтнею войною), увеличить число гусарскихъ полковъ, что, однако, всегда записѣло отъ числа выходцевъ изъ Австріи, а такъ какъ отпускъ послѣднихъ былъ затрудненъ, то мѣра эта и не достигла цѣли [107].

Недостатки, замѣченные Румянцевымъ въ строевой подготовкѣ Грузинскаго и Молдавскаго гусарскихъ полковъ, показываютъ, что гусары, въ мирное время (подобно казачьимъ войскамъ) совсѣмъ не обучались строю. Что же касается до боевыхъ доблестей гусаръ, то внѣ сомнѣнія, что казаки имѣли за собою неизмѣримо большую массу образцовыхъ дѣйствій легкой конницы; поэтому съ перваго взгляда рѣшительно не понятны причины видимаго предпочтенія отданнаго у насъ гусарамъ передъ казачьими войсками; тѣмъ болѣе, что содержаніе одного гусарскаго полка (40000 рублей [108]) стоило почти тоже, что и всѣхъ (главныхъ видовъ) казачьихъ войскъ.

Вопросъ этотъ нѣсколько разъясняется, если мы обратимъ вниманіе на организацію казачьихъ войскъ, сравнительно съ гусарскими. Послѣдніе, въ мирное время, имѣли нѣкоторый видъ регулярнаго войска; казаки же (кромѣ Чугуевскаго и Слободскихъ полковъ) не имѣли никакой организаціи. Военная Коллегія вела имъ только учетъ, выплачивала содержаніе деньгами, провіантомъ и т. п. *), совершенно не касаясь ихъ внутренней жизни и въ особенности не касаясь отношеній казаковъ къ ихъ будущимъ начальникамъ изъ казаковъ же и подготовки этихъ начальствующихъ лицъ къ командованію отрядами. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было: недостатокъ дисциплины въ казачьихъ войскахъ и непадежность ихъ офицеровъ въ смыслѣ умѣлаго руководительства дѣломъ.

Основываясь на отзывѣ фельдмаршала Миниха, первое мѣсто между казачьими войсками занималъ Чугуевскій казачій полкъ.

Организація Чугуевской команды, преобразованной Минихомъ въ пятисотенный полкъ, выдѣлялась изъ ряда другихъ казачьихъ войскъ. Въ составъ Чугуевскаго полка входили $^2/_3$

*) См. таблицы №№ 14 и 15 въ прил. 105.

«кормовыхъ» казаковъ, а остальную $^1/_3$ составляли крещеные калмыки.

Эту организацію чугуевцы сохраняли какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Не имѣя никакихъ особыхъ земельныхъ владѣній, они довольствовались для содержанія себя *) и своего боеваго снаряженія получаемымъ жалованьемъ (вдвое увеличеннымъ при Минихѣ) и не отвлекались отъ военнаго дѣла ничѣмъ посторонним.

Подробности строевой организаціи Чугуевскаго полка точно неизвѣстны, но рядъ соображеній [110] даетъ право заключить, что полкъ имѣлъ три сотни «кормовыхъ» и двѣ сотни крещеныхъ калмыковъ. Каждая сотня была въ составѣ 100 человѣкъ. Какъ всѣ нерегулярныя войска чугуевцы служили «о дву конь», безъ обоза; число нестроевыхъ не превосходило 4-хъ (одинъ барабанщикъ, одинъ литаврщикъ и два извозчика [111]).

О вооруженіи и снаряженіи чугуевцевъ нѣтъ данныхъ сказать что-либо опредѣленное.

Изъ числа $^{15}/_{т.}$ (таб. 14) реестровыхъ донскихъ казаковъ въ гр. Егерсдорфскій періодъ компаніи было въ нарядѣ $^{9}/_{т.}$ [112]. Первоначалью Донскіе казаки составляли двѣ 4-хъ тысячныя команды; одна подъ начальствомъ Краснощокова (называемая въ нѣкоторыхъ документахъ «прежняя»), другая подъ начальствомъ Ефремова—«новая».

Помянутые старшіе начальники командовали всѣми полками только до соединенія съ арміею; послѣ же соединенія полки тотчасъ распредѣляли по пѣхотнымъ дивизіямъ, по одной или по двѣ тысячи [113], и такимъ образомъ походный атаманъ, командуя только своимъ полкомъ, или особо организованнымъ отрядомъ,—не могъ оказать серьезнаго вліянія на дѣйствіе казаковъ.

Таблица № 14 и переписка Военной Коллегіи съ Даніломъ Ефремовымъ, по поводу наряда въ 1755—1756 гг. [114]

*) Для семействъ ихъ былъ особый отпускъ отъ казны.

командъ Краснощокова и Степана Ефремова, даютъ основаніе заключить, что порядокъ наряда состоялъ въ слѣдующемъ.

Военная Коллегія, имѣя распоряженія отъ высшей инстанціи, сообщала о числѣ тысячъ казаковъ, подлежащихъ наряду отъ войска- войсковому атаману. Это число указывалось общею цыфрою (т. е начальствующихъ лицъ, рядовыхъ казаковъ и калмыкъ), а всѣ подробности исполненія предоставлялись на усмотрѣніе войскового атамана. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщались: сборный пунктъ, маршруты и количество запасовъ, необходимыхъ казакамъ взять съ собою до сборнаго пункта.

Наименьшая строевая 1-ца Донскихъ казаковъ была сотня въ составѣ 100 челов., считая всѣхъ начальствующихъ лицъ, которые назначались изъ числа «ежегодно выбираемыхъ изъ рядовыхъ казаковъ» [103].

Сотнею командовалъ выбранный есаулъ *); но, иногда, при нѣкоторыхъ сотняхъ, мы встрѣчаемъ и рами сотниковъ. Пять сотенъ, при выступленіи въ походъ, соединялись въ полки, при чемъ полковыми командирами назначались полковники, изъ числа войсковыхъ старшинъ, которыхъ (по учету Военной Коллегіи) въ мирное время, къ 1755 году, считалось 53. [105].

При каждомъ изъ полковыхъ командировъ былъ особый штабъ: изъ 1-го квартирмейстера и 1-го писаря (адъютанта). Каждая сотня имѣла свою «хоругвь», называемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто «значкомъ».

Всѣ казаки были «о дву конь», безъ обоза; при чемъ перевозимый провіантъ доходилъ до $1^1/_2$ мѣсячнаго запаса.

Обычай казаковъ служить «о дву конь» могъ оказать существенную пользу при операціяхъ на западно-европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ томъ лишь случаѣ, если бы казаки дѣйствовали одною массою и при этомъ имъ ставились бы цѣли, требующія быстроты дѣйствія; но такъ какъ вслѣдствіе недостатка дисциплины, главнокомандующій не

*) См. въ таблицѣ 14 примѣч. 5-е.

рѣшался дать казакамъ полной свободы, то масса коней ставила армію только въ затруднительное положеніе по довольствію войскъ фуражемъ.

Неудачная операція Сибильскаго въ тылъ арміи Левальда въ іюнѣ 1757 г., разстройство конскаго состава Донскихъ и Слободскихъ казаковъ осенью 1757 г., наконецъ, зимній походъ (неимѣніе подножнаго корма),—все это повліяло на послѣдующее, и Ферморъ, въ числѣ другихъ проектовъ, представилъ Конференціи необходимость ограничить число вьючныхъ лошадей двумя на каждый десятокъ казаковъ, что и было принято въ 1758 году. Такимъ образомъ, двѣ лошади (съ 1758 года) перевозили провіантскій запасъ на 10-ть дней, на десятокъ казаковъ.

Вооруженіе казаковъ состояло изъ ружья, сабли и пики. Калмыки же (табунщики при каждой сотнѣ, въ числѣ 4—5 человѣкъ) были вооружены луками и стрѣлами. Пороху и свинцу былъ запасъ на каждаго казака по 1-му фунту [116].

Слободскіе казачьи полки несомнѣнно имѣли болѣе постоянную и правильную организацію, нежели Донскіе.

Всѣ пять слободскихъ полковъ (Сумскій, Ахтырскій, Харьковскій, Острогожскій и Изюмскій) по требованію Военной Коллегіи обязаны были выставлять только рядовыхъ казаковъ $^5/_т$. «о дву конь» и по два конныхъ орудія на полкъ. Это число распредѣлялось между полками по взаимному соглашенію полковыхъ командировъ и сообразно количеству подсосѣдковъ и подпомощниковъ [117], каждый полкъ выставлялъ извѣстное число *полусотенъ*, въ числѣ 50-ти рядовыхъ съ соотвѣтственнымъ числомъ начальствующихъ лицъ и нестроевыхъ [118].

Отличительною особенностію организаціи Слободскихъ полковъ въ строевомъ отношеніи было, такъ сказать, постоянство организаціи ихъ какъ въ мирное, такъ и военное время. Командиры полковъ и младшіе начальники въ мирное время имѣли

извѣстныя административныя обязанности въ своихъ полкахъ; такъ что въ этихъ старшихъ чинахъ слободжане (подобно чугуевцамъ) привыкли видѣть не равныхъ себѣ, а начальниковъ, что несомнѣнно благопріятно вліяло на дисциплину.

Познакомившись со многими документами по этому вопросу, мы рѣшительно не можемъ замѣтить ни одного даже и намека на отсутствіе въ Слободскихъ полкахъ дисциплины; но Манштейнъ напр. категорически указываетъ, что даже туркамъ было извѣстно, что слободжане самое плохое изъ казачьихъ войскъ [119]. Румянцевъ также засвидѣтельствовалъ слабую боевую способность украинцевъ, но дисциплиною ихъ онъ былъ доволенъ [120]. Вообще на боевую годность Слободскихъ полковъ хотя и вліяли усиленные наряды еще со временъ Миниха, но надо признать, что и по природнымъ способностямъ украинцы несомнѣнно уступали Донскимъ казакамъ.

Слабость строевого состава слободжанъ всецѣло выяснилась въ первый годъ Семилѣтней войны. Изъ числа $^5/_{т.}$, высланныхъ въ Ковно. къ 6-му іюня 1757 года прибыло къ арміи всего $^3/_{т.}$ [121]. Осенній же походъ до той степени ослабилъ украинцевъ, что ихъ отпустили домой, куда они прибыли (почти не участвуя въ дѣлахъ) съ потерею до $^1/_{т.}$ въ людяхъ и большей половины своего конскаго состава [122]. Въ послѣдующіе годы войны Слободскіе полки не участвовали.

Наименьшею строевою 1-цею Слободскихъ полковъ была полусотня подъ начальствомъ сотника. При каждомъ полку, во время Гр. Егерсдорфскаго періода, было по два конныхъ орудія и 15 чел. конной прислуги при орудіи [123].

Слободскіе полки имѣли свою особенную форму обмундированія съ извѣстными отличіями по полкамъ [124].

Вооруженіе слободжанъ состояло изъ ружья, сабли и пики; каждый имѣлъ при себѣ 18 патроновъ на ружье и столько

же въ лядункахъ и въ патронныхъ ящикахъ. Пороху на человѣка выдавалось по 3 фунта.

На каждое конное орудіе было по два зарядныхъ ящика, но число перевозимыхъ зарядовъ и снарядовъ неизвѣстно [123].

Изъ числа украинскихъ казаковъ (кромѣ различнаго рода нарядовъ, о которыхъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ) Малороссіею былъ выставленъ, въ Гр. Егередорфскій періодъ Кампанейскій полкъ, тоже «о дву конь» [125]. Относительно организаціи этого полка мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

«*Разнонародныя*» *команды* во время войны были: 1) Волжскіе калмыки, 2) мещеряки, 3) Ставропольскіе крещеные калмыки, 4) Казанскіе татары и 5) башкиры. Всѣ эти части не входили въ число регулярныхъ войскъ, бывшихъ на учетѣ Военной Коллегіи.

Во главѣ всѣхъ этихъ командъ стояли калмыки, дѣйствіе которыхъ такъ рѣзко выдѣлилось во время крымскихъ войнъ противъ татаръ, на берегахъ Кубани [126].

Первоначально предполагалось назначить въ составъ арміи Апраксина $^{8}/_{т.}$ калмыковъ; изъ нихъ въ первую очередь— $^{4}/_{т.}$, а второй половинѣ приказано было только изготовиться [127]. Въ дѣйствительности же калмыки прибыли въ армію двумя (тысячными) командами (въ сопровожденіи маіоровъ Гака и Суворова), т. е. всего $^{2}/_{т.}$, и образовали особый отрядъ подъ начальствомъ сына калмыцкаго хана.

При назначеніи калмыковъ въ составъ арміи встрѣтилось много затрудненій какъ по нерасположенію ихъ къ службѣ на западно-европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій *), такъ и по опасенію нашего правительства подвергнуть разоренію свои земли, при преслѣдованіи массы крайне своевольныхъ всадниковъ, въ особенности крайне опасныхъ при неумѣньѣ обходиться съ ними [126]. Апраксинъ упорно настаивалъ на

*) Это обусловливается необезпеченностью границъ калмыцкихъ земель отъ нападенія сосѣдей.

командированіи въ армію калмыковъ; но, къ сожалѣнію, основываясь не на тѣхъ блестящихъ подвигахъ, которые показали калмыки въ 1736 году,—чѣмъ могъ воспользоваться главнокомандующій,—а потому, «что званіе оныхъ великое у непріятеля уваженіе имѣетъ» [129].

Изъ инструкцій, данныхъ офицерамъ регулярной арміи для препровожденія мещеряковъ, башкиръ и пр., можно заключить, что если не было затрудненій въ нарядѣ прочихъ «разнонародныхъ» командъ, то всѣ остальныя мѣры предосторожности были тѣ же, какъ и при препровожденіи калмыковъ [128]. Къ 19-му іюня 1757 г. къ арміи всего прибыло: мещеряковъ 500, башкиръ—500, Ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ - 500, Казанскихъ татаръ 500 —всего $^2/_3$т. [130].

Относительно организаціи, одежды, вооруженія, снаряженія и способа дѣйствія въ бою «разнонародныхъ» командъ есть только отрывочныя данныя:

1) Команды были подъ главнымъ начальствомъ своихъ «старшинъ изъ владѣльцевъ» [128]; ближайшими же начальниками были сотники изъ тѣхъ же инородцевъ [131].

2) Къ каждой изъ «разнонародныхъ» командъ прикомандировывалась особая команда отъ регулярныхъ драгунскихъ или ландмилиціонныхъ частей, въ видѣ конвоя; взысканія же съ инородцевъ производились не иначе какъ непосредственными начальниками изъ «владѣльцевъ» [128].

3) Одежда «разнонародныхъ» была ихъ національная, построенная передъ походомъ средствами правительства [132].

4) Вооруженіе было самое разнообразное, но несомнѣнно какъ холодное, такъ и огнестрѣльное [133].

5) Всѣ эти «разнонародныя» команды оставили по себѣ память самыхъ лихихъ наѣздниковъ.

Способъ и образчики дѣйствій нерегулярныхъ войскъ указаны нами особо [126].

Сводя все сказанное относительно нерегулярныхъ войскъ, назначенныхъ въ походъ 1757 года, попытаемся сдѣлать заключеніе о свойствахъ ихъ и сообразно тому о тѣхъ боевыхъ задачахъ, которыя могли быть на нихъ возложены.

Донскіе казаки, чугуевцы и калмыки отличаются: выносливостью всадниковъ и лошадей [134], боевымъ навыкомъ къ дѣйствію (какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строю),— на всякаго рода мѣстности, при всякой обстановкѣ, умѣньемъ преодолѣвать самыя трудныя мѣстныя преграды, разумно расходовать силы лошадей и, благодаря «второму коню» (который перевозилъ: хлѣбъ, артиллерійскіе припасы и составлялъ конскій запасъ), операціи казаковъ не зависѣли отъ сообщеній.

У насъ нѣтъ данныхъ считать, чтобы и остальные виды нерегулярныхъ обладали тѣми же свойствами въ одинаковой степени. Вербованные гусарскіе полки, мы знаемъ, приняли много лошадей прямо отъ населенія; гусары не были воспитаны при тѣхъ же боевыхъ условіяхъ, какъ казаки; наконецъ они не имѣли ни обоза, ни вьюковъ и много зависѣли отъ тыла. Провіантъ для гусаръ перевозился, напримѣръ, при провіантскомъ управленіи арміи.

Слободскіе казаки, воспитанные при иныхъ условіяхъ, чѣмъ Донцы, были ослаблены еще до похода; «а разнонародныя» команды (кромѣ калмыковъ) представляли лишь богатый матеріалъ для образованія кавалеристовъ, но надъ которымъ нужно было еще много поработать и предварительно организовать ихъ для боя.

Итакъ изъ 23000 человѣкъ «нерегулярныхъ», предназначенныхъ къ походу, половина по природнымъ свойствамъ была неизмѣримо выше искусственно воспитанной кавалеріи. Но даже и эта, образцовая, по своимъ качествамъ, часть нерегулярной конницы имѣла выдающіеся недостатки, которые своевременно не были приняты въ соображеніе ни Конферен-

ціею, ни Военною Коллегіею, ни Апраксинымъ, но которые обнаружились сами собою, оказавъ вредныя послѣдствія на исходъ боевыхъ дѣйствій.

Къ числу подобныхъ недостатковъ слѣдуетъ отнести отсутствіе правильныхъ началъ организаціи перегулярныхъ, что губительно вліяло на дисциплину.

Если Конференція боялась «продерзостей» перегулярныхъ войскъ у себя дома, требовала крайне осторожнаго обращенія съ ними конвоировавшихъ ихъ командъ; если Румянцевъ требовалъ той же осторожности отъ офицеровъ, обучавшихъ даже гусаръ, —то главнокомандующіе не могли не опасаться послѣдствій этихъ «продерзостей» въ непріятельской странѣ, если бы перегулярнымъ войскамъ дать полную волю. Оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о гуманности (къ которой, однако, какъ увидимъ, наши главнокомандующіе относились съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ Фридрихъ Великій въ Саксоніи), неудержимый потокъ массы казачьихъ войскъ, произведя набѣгъ,- въ родѣ обычныхъ имъ дѣйствій противъ татаръ,— могъ разорить край и возбудить народную войну, что, не касаясь многихъ политическихъ обстоятельствъ, наши главнокомандующіе считали крайне опаснымъ при наступательныхъ операціяхъ.

Инструкція, данная Апраксинымъ, Сибильскому для дѣйствія въ тылъ арміи Левальда въ 1757 г., несомнѣнно показываетъ, что главнокомандующій и генералитетъ хорошо понимали тѣ боевыя задачи, которыя могли быть возлагаемы на конницу, независимую отъ сообщеній, способную дѣйствовать на всякой мѣстности. Главнокомандующіе познакомились съ этими дѣйствіями еще во время крымскихъ походовъ, знали задачи конницы внѣ поля сраженія изъ Устава Воинскаго (по завѣту Петра 1-го), но какъ отказъ Сибильскаго отъ основныхъ началъ, данной ему инструкціи, такъ и крайне осторожное отдѣльное назначеніе «перегулярныхъ» вполнѣ

понятны. Тотъ же вицъ-канцлеръ Воронцовъ (замѣнившій Бестужева), указавшій, напримѣръ, Фермору на «неумѣнье пользоваться» нерегулярными войсками, несомнѣнно первый разразился бы упрёками, если бы масса въ 23000 «огнемъ и мечемъ», по примѣру Крымской или Финляндской войнъ, прошла полосу отъ Ольты до Кенигсберга и, по неумѣнью частныхъ начальниковъ, быть можетъ, не затронувъ главныхъ узловъ питательной артеріи арміи Левальда. На этихъ основаніяхъ мы должны признать, что для главнокомандующихъ было трудно рѣшиться поставить казачьимъ войскамъ рѣшительныя цѣли для отдѣльныхъ стратегическихъ операцій; хотя не сомнѣваемся, что послѣдствія подобныхъ налетовъ имѣли бы рѣшающее значеніе на исходъ кампаніи.

При этихъ условіяхъ, подходящими боевыми задачами для казаковъ были: служба на передовыхъ постахъ, развѣдки, набѣги небольшихъ партій; при чемъ, въ случаѣ увлеченія свободою дѣйствій, виновная въ этомъ часть войскъ могла бы быть оттянута назадъ, подобно полку Серебрякова въ кампанію 1758 года.

Дѣйствіе казаковъ противъ превосходной конницы Фридриха Великаго въ сомкнутомъ строю—ударомъ холоднаго оружія, при обыкновенныхъ условіяхъ, конечно, не могло быть успѣшнымъ. Г. Егерсдорфскій бой показываетъ, что казаки прекрасно сознавали это и отлично приспособились къ обстоятельствамъ, что, въ конечномъ результатѣ, доставило имъ честь преслѣдовать на полѣ сраженія конницу принца Голштейнскаго, доведенную Донцами до пораженія.

При совершенной неподготовкѣ къ дѣйствію «разнонародныхъ» командъ (кромѣ калмыковъ), слабости Слободскихъ казаковъ можно считать, что изъ числа нерегулярныхъ войскъ арміи Апраксина 5000 человѣкъ и главное 10000 лошадей были совершенно лишніе, требуя лишь дорогого довольствія; если же

къ этому добавимъ до 8000 кирасиръ, конно-гренадеръ и драгунъ, служившихъ въ пѣшемъ строю, то всего 18000 лошадей безъ малѣйшаго ущерба дѣлу могли бы быть отправлены изъ арміи. Могъ ли сдѣлать это Апраксинъ и отвѣтственъ ли онъ за эту крупную ошибку въ организаціи его арміи, будетъ видно изъ разбора фактовъ и въ особенности изъ характеристики отношеній главнокомандующаго къ знаменитой Конференціи, которая организовала дѣйствующую армію въ 1756 г. и руководила каждымъ ея шагомъ.

Артиллерія.

Артиллерія со временъ Петра Великаго подраздѣлялась на полевую, осадную и гарнизонную (крѣпостную). Полевая состояла изъ полковой (пѣшей и конной) и собственно полевой [135]. Матеріальная часть всей артиллеріи, къ началу войны, была въ полномъ порядкѣ и даже имѣла значительный излишекъ противъ штатныхъ положеній, какъ то видно изъ таблицъ №№ 19, 20, 22, 30, 23 и 29. Только крѣпостная артиллерія въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ не имѣла артиллерійскихъ запасовъ въ полномъ числѣ.

Въ 1755—56 гг. наши артиллеристы, по почину и при самомъ живомъ участіи графа П. Шувалова, были усиленно заняты изысканіями по усовершенствованію артиллерійскихъ орудій, съ цѣлью достигнуть большей дѣйствительности выстрѣловъ и удобоподвижности полковой и полевой артиллеріи.

Послѣ ряда полигонныхъ и боевыхъ опытовъ, въ первый годъ Семилѣтней войны, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ П. И. Шуваловъ достигъ вполнѣ желаемыхъ результатовъ. Уже въ Цорндорфскій періодъ кампаніи въ составѣ нашей артиллеріи (при Обсерваціонномъ корпусѣ) появились орудія новаго образца, съ рѣзкими отличіями отъ прежнихъ, бывшихъ въ арміи Апраксина; при чемъ проектированъ и новый видъ полевой артиллеріи, сходный съ горнымъ типомъ [136] или

легкимъ полковымъ («малый единорогъ»)*), въ родѣ предложеннаго въ самое послѣднее время.

Артиллерійская и Инженерная части, въ мирное время, находились подъ непосредственнымъ управленіемъ генералъ-фельдцейхмейстера. Артиллерійскіе чины, учрежденія и заведенія, находившіеся внѣ Петербурга, хотя и подчинялись старшимъ мѣстнымъ строевымъ начальникамъ, но въ этомъ случаѣ послѣдніе составляли лишь передаточную инстанцію распоряженій генералъ-фельдцейхмейстера [137]. Исключеніе составляла полковая артиллерія, составлявшая одно цѣлое съ пѣхотными и кавалерійскими полками и подчиненная артиллерійскому начальству только по вопросамъ о снабженіи артиллеріи имуществомъ и матеріальною частью.

Въ военное время полевая и осадная артиллеріи арміи,— сформированныя артиллерійскимъ управленіемъ, переходили въ полное распоряженіе главнокомандующаго, и, смотря по обстоятельствамъ, или распредѣлялись по корпусамъ, дивизіямъ и отрядамъ, или образовывали двѣ части: «полевую» и «осадную» артиллеріи арміи, подъ начальствомъ особыхъ штабъ-офицеровъ. При главнокомандующемъ кромѣ того состоялъ особый артиллерійскій генералъ, завѣдывавшій артиллерійскою частью арміи, имѣвшій при себѣ особаго офицера въ должности квартирмейстера [138] и особый штабъ.

Полковая артиллерія, находясь въ полномъ распоряженіи полковаго начальства, до 1756 г. не имѣла даже инструкторовъ артиллеристовъ. 19-го сентября 1756 г. назначили въ каждый пѣхотный полкъ по одному артиллерійскому офицеру, которымъ вмѣнялось въ обязанность «остаться въ армейскомъ (т. е. полковомъ) мундирѣ и въ числѣ полковыхъ находиться». Эти артиллерійскіе офицеры, оказывая полезное

*) Въ гр. Егерсдорфскій періодъ Шуваловскія гаубицы и единороги были при арміи въ ограниченномъ числѣ, въ видѣ пробы орудій, и не имѣли рѣшающаго значенія на ходъ боя 19-го августа.

вліяніе на сохраненіе артиллеріи и на подготовку канониpовъ, — не могли однако имѣть особенно важнаго значенія на дѣйствіе полковой артиллеріи въ бою, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ полковыя орудія были разбиты по фронту полка, но орудійно [139].

Пѣхотный полкъ (по штатамъ къ 1755 г.) долженъ былъ имѣть по *шести* орудій: по *двѣ* 3-хъ фун. пушки и по *четыре* 6-ти фун. мортиры. Драгунскому полку слѣдовало имѣть по три орудія (одна 3-хъ фун. пушка и двѣ шести фунт. мортиры [135]). Въ мирное время въ пѣхотномъ полку было въ запряжкѣ половинное число орудій, а у драгунъ — одна пушка [139].

Такъ какъ до 1747 г. (до образованія третьихъ баталіоновъ) въ пѣхотныхъ полкахъ было только по четыре орудія и «добавочной» артиллеріи, на 3-и баталіоны, полки къ 1755 г. еще не получили, то въ 1756 году (17-го апрѣля) Военная Коллегія сдѣлала всѣ распоряженія, чтобы «прибавочной артиллеріи принять въ самой скорости» [140]. Но изъ многихъ данныхъ, мы заключаемъ, что большая часть полковъ не имѣла 6-ти орудій, а только четыре (двѣ 3-хъ фун. пушки и двѣ мортиры), кромѣ нѣкоторыхъ, дѣйствительно, принявшихъ добавочныя орудія, но не мортиры, а Шуваловскія гаубицы [140].

Увеличенія числа мортиръ въ артиллеріи пѣхотныхъ полковъ не могло быть и потому, что въ то время вниманіе графа П. И. Шувалова было обращено на усовершенствованіе новаго типа полковыхъ орудій. Съ этою цѣлью, послѣ «пробы на Выборгской сторонѣ, надѣлали *близнятъ*» (двѣ небольшія 3-хъ ф. мортирки съ конусообразною камерою, на одномъ лафетѣ [141]) «съ лафетами премножество и отправили въ 1756 г. въ армію, въ тогдашнюю войну противъ короля Прусскаго; опыя близнятки въ арміи брошены или найдены безполезными» [142] Но другимъ даннымъ мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ «близнять», но только въ числѣ пробныхъ «но-

вонивентованныхъ» орудій, отправленныхъ въ Ковно въ маѣ 1757 г. [143].

Въ общемъ выводѣ, нужно признать, что каждый полкъ имѣлъ по четыре орудія и лишь нѣкоторые полки — Шуваловскія гаубицы. Драгунскіе полки имѣли по два орудія и добавочныхъ не получили совсѣмъ.

На каждую 3-хъ фун. пушку было по 120 ядеръ и по 30-ти картечей, перевозимыхъ въ двухъ зарядныхъ ящикахъ. Дистанція стрѣльбы—500 шаговъ. Каждое орудіе и каждый изъ зарядныхъ ящиковъ перевозились парою лошадей [135].

Полевая артиллерія въ мирное время имѣла на-лицо, положенное по штату число офицеровъ и нижнихъ чиновъ, расквартированныхъ въ 5-ти пунктахъ Имперіи [135], гдѣ были склады матеріальной части полевой артиллеріи и кадры «фурштата». Послѣдній состоялъ изъ лошадей и ѣздовыхъ, содержался въ значительно уменьшенномъ составѣ противъ штата [144], и не имѣлъ никакой связи съ орудійною прислугою.

Въ числѣ прислуги при орудіяхъ (какъ въ полевой, такъ и въ осадной артиллеріи) мы постоянно встрѣчаемъ «фузилеровъ», какъ спеціальное прикрытіе, нераздѣльное съ батареями [145].

При объявленіи войны формировали полевую артиллерію каждый разъ особаго состава, въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Полевая артиллерія арміи Апраксина была сформирована изъ Рижскаго отдѣленія полевой артиллеріи въ составѣ 92-хъ орудій, 8-ми разныхъ калибровъ [146]. Въ началѣ 1757 года число орудій было увеличено батареею въ 34-ре «новонивентованныя» орудія, присоединившуюся къ арміи уже подъ Ковною [147]. Кромѣ того, въ Смоленскѣ, въ 1757 году формировалась особая батарея изъ 20-ти Шуваловскихъ гаубицъ, прибывшая къ арміи въ 1758 году и распредѣленная послѣ

Цорндорфскаго боя по полкамъ [127]. Всего при арміи Апраксина было 126 орудій полевой артиллеріи, но изъ нихъ 47 близнятъ, по ихъ несоотвѣтственности, были оставлены въ Ригѣ, такъ что безъ нихъ всего состояло 79 орудій.

Осадная артиллерія въ мирное время образовала три осадныхъ артиллерійскихъ парка, распредѣленныхъ на окраинахъ государства. Личный составъ и фуршитатъ для осадныхъ парковъ не содержался.

Каждый осадный паркъ нормальнаго состава имѣлъ 40 пушекъ (24 ф. и 18 ф. мѣдныхъ), 14-ть мортиръ (9-ти и 5-ти пуд. мѣдныхъ) и 100—6-ти ф. мѣдныхъ мортирокъ [133]. Осадный паркъ арміи Апраксина (въ составѣ 16-ти пушекъ, 7-ми мортиръ и 50 мортирокъ, съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллерійской прислуги —таб. 22), былъ выдѣленъ изъ Петербургскаго осаднаго парка, имущество котораго было частью и въ Выборгѣ. Весь грузъ осаднаго парка дѣйствующей арміи былъ вычисленъ въ 17155 пудовъ; грузъ же повозокъ всего осаднаго парка былъ опредѣленъ въ 17831 пудъ. Осадный паркъ дѣйствующей арміи (общій грузъ до 35000 пудовъ) былъ доставленъ водою въ Либаву въ маѣ 1757 года, но къ дѣйствію подъ Мемелемъ запоздалъ. Тѣмъ не менѣе, находясь постоянно подъ рукою, онъ впослѣдствіи доставилъ полную свободу дѣйствія при составленіи плановъ операцій въ тѣхъ случаяхъ, когда въ раіонъ дѣйствій входили укрѣпленные пункты, какъ, напримѣръ, Кольбергъ, Кюстринъ и въ особенности Данцигъ (Гданскъ), который, оставаясь въ тылу, не былъ занятъ нами. Если, напримѣръ, послѣдній не былъ взятъ, то не по неимѣнію подъ рукою осадныхъ средствъ, а просто благодаря нерѣшительности Конференціи.

Данныя относительно *гарнизонной* артиллеріи подробно указаны нами въ таблицѣ № 23 и имѣютъ значеніе какъ характеристика, до нѣкоторой степени, нашихъ крѣпостей и состоянія запасовъ артиллерійскаго имущества въ тылу.

Артиллерійскіе парки, въ томъ смыслѣ какъ мы понимаемъ ихъ въ настоящее время,—существовали (подъ названіемъ «армейскаго магазина») только для пополненія запасовъ патроновъ пѣхоты и конницы. Запасы перевозились на каждое штатное ружье по 50-ти выстрѣловъ, по закону всегда въ матеріалахъ. Въ 1756 году по 25-ти выстрѣловъ въ армейскомъ магазинѣ было въ готовомъ видѣ («запасные патроны»), а по 25-ти было оставлено въ Ригѣ [149]. Кромѣ патроновъ въ «армейскомъ магазинѣ» перевозился понтонный паркъ съ принадлежностями, запасъ шанцеваго инструмента, земляные мѣшки («кульки»), инструменты для лабораторныхъ работъ и мелѣе важныхъ поврежденій оружія и артиллерійскихъ орудій [148].

Полевая артиллерія не имѣла своего «магазина» и всѣ снаряды возились въ зарядныхъ ящикахъ при орудіяхъ. Осадная артиллерія хотя и имѣла свой осадный паркъ («магазинъ»), но въ немъ перевозился разнаго рода шанцевый, лабораторный и мастерской инструментъ; снаряды же, подобно полевой, были въ зарядныхъ ящикахъ при «осадной артиллеріи» [150].

Запасы пороха, свинца и снарядовъ были въ достаточномъ количествѣ въ Отзейскихъ крѣпостяхъ, въ Петербургскомъ и Московскомъ арсеналѣ [151], и вообще во всѣхъ крѣпостяхъ, какъ то подробно указано въ таблицахъ №№ 23, 29 и 30.

Сравнивая составъ артиллеріи арміи Апраксина и Обсерваціоннаго корпуса (см. таблицы 7 и 25), между прочимъ, замѣтна рѣзкая разница между прежнею и новою (Шуваловскою) артиллеріею.

Не вдаваясь въ подробности этой разницы, постараемся свести результаты техническихъ усовершенствованій новыхъ артиллерійскихъ орудій (чертежей 1755—1756 г.) окончательно введенныхъ въ составъ нашей артиллеріи съ 1758 г. [147].

1) Стрѣльба разрывными снарядами въ Шуваловской артиллеріи получаетъ преобладающее значеніе.

Сравнивая напр. число и родъ снарядовъ полевой артиллеріи арміи Апраксина и полевой артиллеріи Обсерваціоннаго корпуса (взявъ одинаковое число орудій), мы видимъ, что на 1000 снарядовъ прежней и новой артиллеріи приходилось слѣдующее число разрывныхъ и сплошныхъ снарядовъ:

	Сплошныхъ.	Разрывныхъ.	Картеч.
Артиллер. арміи Апраксина. .	453	367	180
— Шуваловской. . . .	190	527	283

Это сравненіе наглядно показываетъ, на сколько при проектированіи новыхъ орудій было придано значеніе разрывнымъ снарядамъ и картечному огню. Но и безъ этихъ цыфръ одно сравненіе калибровъ, указанныхъ въ таблицахъ №№ 7, 25 и 31, [152] подтверждаетъ тотъ же выводъ.

2) Подвижность новой артиллеріи (вслѣдствіе уменьшенія общаго груза) выигрываетъ почти вдвое сравнительно съ артиллеріею арміи Апраксина *).

3) Вмѣсто 11-ти разныхъ калибровъ, бывшихъ въ полевой артиллеріи въ 1756 г. **), артиллерія Обсерваціоннаго корпуса, вмѣстѣ съ полковой, того же корпуса—имѣетъ только 5-ть калибровъ.

4) Въ составѣ полковой артиллеріи въ 1758 г. появляется типъ горныхъ, вѣрнѣе, легкихъ полковыхъ орудій. «*Малый единорогъ*», пригодный «къ операціямъ, гдѣ отнюдь не только артиллерія по нижe лошадь проведена—быть можетъ».

5) Дальность стрѣльбы значительно увеличивается: орудія новаго образца, вѣсомъ всей системы въ 100 пуд., могли стрѣлять отъ 500—1000 с. (а 2 пуд. единор. до 1500), т. е. на разстояніе, которое было доступно только для мор-

*) См. пун. 3 примѣч. 152.

**) См. табл. №№ 8 и 21.

тиръ артиллеріи Апраксина, исключенныхъ въ 1757 г. изъ состава полевой артиллеріи.

Такимъ образомъ, изъ элементовъ дѣйствительности выстрѣловъ (разрушительное дѣйствіе, производимое каждымъ попавшимъ снарядомъ и вѣроятность попаданія въ цѣль) мы видимъ, что первое -разрушительное дѣйствіе снарядовъ новой артиллеріи (разрывныхъ снарядовъ) несравненно больше прежней артиллеріи. Что же касается до вѣроятности попаданія, то единороги, обладая сильнымъ картечнымъ огнемъ и предоставляя возможность обстрѣливать съ дальняго разстоянія значительныя площади,—гдѣ точность стрѣльбы не имѣетъ особаго значенія, и въ этомъ отношеніи увеличили дѣйствительность выстрѣловъ, сравнительно съ прежнимъ.

Сильное дѣйствіе единороговъ, при обстрѣливаніи площадей, прекрасно было оцѣнено въ нашей арміи. При первыхъ боевыхъ столкновеніяхъ 1758 г., а именно при взятіи Щведта и предмѣстья Кистрина [153], Румянцевъ и Ферморъ отлично и съ полнымъ успѣхомъ пользуются помянутою особенностію единороговъ для бомбардированія населенныхъ пунктовъ. Важное значеніе единороговъ при дѣйствіи артиллеріи въ составѣ конныхъ отрядовъ указывается также настойчивымъ требованіемъ Румянцева (въ 1758 г.) придать конному отряду, бывшему подъ его начальствомъ, $^1/_2$ пуд. единороги, что и было исполнено [154].

Обученіе артиллерійской прислуги въ мирное время ограничивалось практическою стрѣльбою и то въ ограниченномъ размѣрѣ [155].

Во время боя полевая артиллерія, руководствуясь принципами Петра Великаго («артиллерію искать на высокихъ мѣстахъ ставить»), располагалась въ отдѣльныхъ батареяхъ болѣе или менѣе значительнаго числа орудій *) въ зависимости отъ обстоятельства.

---

*) Это будетъ отмѣчено въ своемъ мѣстѣ при описаніи бывшихъ сраженій.

Въ общемъ заключеніи нельзя не замѣтить, что выше отмѣченный недостатокъ организаціи полевой артиллеріи (отдѣленіе фурштата отъ личнаго состава и содержаніе на-лицо ничтожнаго кадра всѣхъ чиновъ и лошадей) имѣли въ 1756 г. то ближайшее слѣдствіе, что изъ 360 орудій полевой артиллеріи мы могли назначить въ составъ арміи всего 79. Кромѣ того, это же обстоятельство давало артиллеріи видъ какого-то цеха, а не войсковой части. Если отъ указанныхъ особенностей организаціи не было выдающихся вредныхъ послѣдствій, вліявшихъ на исходъ дѣла, то во-первыхъ, благодаря полковой артиллеріи, бывшей при арміи въ числѣ 144 орудій и во-вторыхъ, изумительно быстрой, для того времени, работѣ артиллерійскаго вѣдомства, успѣвшаго въ 1758 г. снабдить армію новыми орудіями значительно превосходившими своими боевыми достоинствами артиллерію непріятеля.

Инженерныя войска.

Инженерныя войска состояли изъ корпуса инженерныхъ офицеровъ, кондукторовъ, инженерныхъ учениковъ, роты минеръ, мастеровыхъ и прочихъ нестроевыхъ. Всего (всѣхъ чиновъ) было 1302 чел., въ томъ числѣ: генераловъ—3, штабъ-офицеровъ — 10; оберъ-офицеровъ — 66; кондукторовъ—192; минеръ—229 *).

Большая часть офицеровъ и кондукторовъ служили при крѣпостяхъ. Незначительная часть офицеровъ, кондукторовъ и рота минеръ съ нестроевыми образовали инженерный полкъ, расположенный въ С.-Петербургѣ.

Инженерные офицеры ни въ мирное, ни въ военное время не имѣли никакой связи съ войсками, и вообще не оказывали никакого серьезнаго вліянія на веденіе полевой войны **). Задача

*) См. таблицу 21.

**) Основанія, по которымъ мы пришли къ этому заключенію, указаны въ разборѣ источниковъ, въ концѣ приложеній, гдѣ мы высказываемся по поводу совершенно обратнаго вывода по тому же вопросу г. Глиноецкаго (Истор. Русск. Генер. Штаба) и г. Ласковскаго (Матер. для исторіи инженернаго искусства въ Россіи).

инженерныхъ офицеровъ въ военное время ограничивалась: составленіемъ проектовъ для искусственнаго усиленія оборонительныхъ позицій, руководствомъ осадными работами, устройствомъ сообщеній въ тылу арміи; во время Семилѣтней войны,—благодаря графу П. Шувалову,—инженеры занимались военно-топографическою (чертежною) отчетностью.

Въ *мирное* время офицеры и кондукторы инженернаго полка исполняли разныя порученія, гдѣ требовались знанія строительнаго и чертежнаго искусства, а также и межеваго дѣла.

30-го марта 1756 г. Императрица Елизавета повелѣла назначить въ составъ арміи Апраксина 12 штабъ и оберъ-офицеровъ, 20 кондукторовъ и 79 минеръ инженернаго полка, съ тѣмъ, чтобы, по распоряженію главнокомандующаго, офицеры были распредѣлены по дивизіямъ и отдѣльнымъ отрядамъ, для составленія проектовъ полевыхъ саперныхъ работъ. Графомъ Н. Шуваловымъ, въ началѣ 1757 г., на нихъ же была возложена военно-топографическая отчетность будущей кампаніи, для вновь устроеннаго имъ инженернаго архива. Начальникомъ инженеровъ былъ назначенъ генералъ де-Боскетъ.

Въ дѣйствительности инженерный полкъ не могъ выдѣлить ни одного офицера въ число назначенныхъ въ армію Апраксина, такъ какъ всѣ они,—выражаясь принятымъ тогда терминомъ, были при «гражданскихъ исправленіяхъ къ воинскому дѣлу не относящихся». Даже полковой адъютантъ (Бибиковъ) и полковой квартирмейстеръ (князь Долгоруковъ) были въ командировкахъ, но не при войскахъ: часть офицеровъ съ кондукторами была на межеваніи земель; часть—«при строеніи пристаней» и т. п. По новому распоряженію въ армію были назначены инженеры изъ крѣпостей; но прибыли-ли они своевременно—неизвѣстно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что часть квартирмейстерская (полевая служба Генеральнаго Штаба) инженерами не испол-

нялась. При началѣ формированія арміи В. Коллегіею были назначены особые квартирмейстеры и выбираемые начальниками дивизій «болѣе искусные и въ воинскихъ обрядахъ практикованные офицеры». Въ числѣ послѣднихъ могли быть и инженеры, если главнокомандующій или начальники дивизій имѣли основаніе считать ихъ опытными офицерами въ полевой службѣ Генеральнаго Штаба.

Судя по обилію плановъ и чертежей, относящихся къ Семилѣтней войнѣ, подписанныхъ инженерными офицерами и составленныхъ *послѣ боя*, -чертежная отчетность была выполнена въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ 1756 г. (въ маѣ) *) Воен. Коллегіею былъ утвержденъ «Реестръ оберъ-квартирмейстерамъ» и въ каждую изъ отдѣльныхъ частей арміи были назначены слѣдующія лица, неимѣвшія никакого отношенія къ инженерамъ.

При 1-мъ корпусѣ (въ Ригѣ) Яковъ Сиверсъ.
— 2-мъ — (въ Кокенгаузенѣ) бригадиръ ф.-Шульцъ.
— 3-мъ — (въ Стародубѣ) князь Семенъ Мещерскій.
— 5-мъ — (резервный -въ Ревелѣ) Степанъ Стрекаловъ.

1-й, 2-й и 5-й корпуса были подъ общимъ начальствомъ Лопухина, при которомъ былъ квартирмейстеромъ—Вильбуа, замѣненный Штофельномъ, а потомъ, при Апраксинѣ,—Веймарномъ.

Полевыя укрѣпленія, принятыя въ нашей арміи для усиленія позицій, имѣли видъ непрерывной линіи окоповъ всегда съ значительнымъ числомъ интерваловъ, для перехода обороняющагося въ наступленіе. Спеціальный изслѣдователь (Ласковскій) находитъ, что у насъ интервалы въ укрѣпленныхъ линіяхъ были въ большемъ числѣ чѣмъ въ европейскихъ арміяхъ, и нерѣдко непрерывная линія окоповъ укрѣплен-

*) М. О. Арх. Глав. штаба. Опись 47 связ. № 127/130.

ныхъ позицій имѣла видъ отдѣльныхъ укрѣпленій, образецъ которыхъ данъ Петромъ I подъ Полтавою.

Для артиллеріи, на удобныхъ мѣстахъ, возводились земляныя батареи, сильной профили; а промежутки между батареями прикрывались окопами слабой профили, для пѣхоты.

Генералъ Ласковскій находитъ, что основная идея въ расположеніи нашихъ укрѣпленій при оборонѣ позицій, временъ Семилѣтней войны, имѣетъ большое сходство со способомъ, предложеннымъ 50-ть лѣтъ позднѣе генераломъ Ронья; при этомъ заключаетъ, что «относительно примѣненія основныхъ идей этихъ двухъ системъ (Русской и Ронья), расположеніе принятое русскими инженерами имѣло то преимущество передъ способомъ Ронья, что оно не было стѣснено правильнымъ, систематическимъ, распредѣленіемъ и слѣдовательно съ большимъ удобствомъ могло примѣняться къ различнымъ случайностямъ мѣстности». Вообще историкъ находитъ, что русскіе инженеры во многомъ отступали отъ правилъ, принятыхъ въ Европѣ, «слѣдуя собственнымъ идеямъ», на которыя наводили ихъ обстоятельства.

Понтоны въ паркѣ арміи Апраксина были въ числѣ 30-ти мѣдныхъ; вѣсомъ каждый въ 35 пудовъ. Мостъ изъ всѣхъ понтоновъ былъ длиною 55-ть саж. Подъемная сила понтоннаго моста была вообще незначительна и не выдерживала груза болѣе 12-ти ф. пушки. Для перевозки большаго груза необходимо было ставить понтоны сплошь.

Понтонный паркъ двигался за арміею чрезвычайно медленно: наводка моста требовала много времени. Въ 1759 г. у насъ были введены парусинные понтоны (вѣсъ всего 14 пуд.), составлявшіе «русское оригинальное изобрѣтеніе»,—что въ значительной мѣрѣ устранило указанныя неудобства. Въ послѣдніе годы войны русская армія пользовалась главнымъ образомъ парусинными понтонами, не оставляя однако бывшихъ—мѣдныхъ и отбитыхъ у пруссаковъ жестяныхъ понтоновъ.

Г. Ласковскій, разсматривая осады крѣпостей, произведенныя русскими въ Семилѣтнюю войну, приходитъ къ общему заключенію, что эти осады велись согласно съ тогдашними требованіями науки. Даже неудачныя осады были болѣе слѣдствіемъ «неправильной организаціи военнаго управленія и дурныхъ распоряженій тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрялись хозяйственныя операціи» *). При дѣйствіи противъ крѣпостей русскій способъ, по замѣчанію Тилькe, отличался «отъ правилъ, принятыхъ другими народами» тѣмъ, что русскіе, прежде чѣмъ вкопаться (и тѣмъ прикрыться отъ непріятельскаго огня) и снабдить батареи для дѣйствія мортиръ, они, напротивъ того, приближали свои орудія, сколько возможно ближе къ крѣпости безъ всякаго прикрытія и въ продолженіи отъ 24-хъ—48-ми часовъ дѣйствовали по городу, послѣ чего приступали къ траншейнымъ работамъ и къ постройкѣ батарей». Этотъ способъ несомнѣнно (какъ замѣтилъ г. Ласковскій) затруднялъ вооруженіе крѣпостей. Такъ что какъ въ полевой, такъ и въ осадной войнѣ, бомбардированіе получаетъ у насъ первенствующее значеніе.

Представители русской арміи, придерживаясь своихъ правилъ, зорко слѣдили за развитіемъ инженерной науки. Такъ, наприм., при осадѣ Кольберга въ 1761 г. былъ приложенъ, только что предложенный Лефебромъ, усовершенствованный способъ атаки Вобана, состоявшій—въ сокращеніи траншейныхъ работъ, болѣе выгодномъ размѣщеніи осадныхъ батарей и въ поддержкѣ подступовъ противъ вылазокъ.

---

*) Этотъ выводъ очень близко подходитъ къ общему нашему заключенію; съ тою, однако, разницею, что мы, въ большинствѣ случаевъ, не имѣемъ основаній винить отдѣльныхъ лицъ. Мы находимъ, что главная причина организаціонныхъ и военно-административныхъ безпорядковъ въ нашей арміи, времени Семилѣтней войны, заключается въ неразработанной системѣ управленія и въ организаціонныхъ ошибкахъ.

Общій составъ русской арміи подъ начальствомъ Апраксина.

РОДЫ ВОЙСКЪ.	Число частей. Полковъ.	Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Сотенъ. Командъ.	Орудій.	Общее число людей. Всѣхъ на довольствіи людей.	Боевой элементъ.	Общее число лошадей. Всѣхъ лошадей съ подъемными.	Строевыхъ.	Примѣчаніе.
Пѣхота	36	108	—	—	144	82976	71947 [1]	16084 [2]	—	
Конница регулярная	14	—	74	—	28 к.	19414	До 7000	22702 [4] [3]	От 7—8 т.	
Перегулярная	29 [12]	—	20 [5]	145 сот. [6]	10 к.	23000	До 16 т. [8]	46 т.	До 23 т.	
	6 ком.			6 командъ. [7]						
Артиллерія:										
Полевая	—	—	—	—	79	2726	До 2500	7359	7359	
Осадная		—	—		63 [9]	276	276	[10]	—	
Инженеры (минеры)	1 рота.	—	—	—	—	120	120	—	—	
Всего	—	108	94	145 сот. 6 командъ.	261 пол. и 63 ор. осадной.	128512	97843 [11] До 80 т.	92145	До 44 т.	

1) Изъ нихъ рекрутъ наборовъ 1755 и 1756 гг. болѣе 20 т.

2) Съ офицерскимъ обозомъ. Всего до 6000 повозокъ.

3) Есть основаніе предполагать, что ихъ было значительно больше, такъ какъ прежній конскій составъ не былъ никуда переданъ, а отъ населенія привели ремонтъ подъ Ковну.

4) Въ этомъ числѣ подъемныхъ 2702, по штатному составу, и около 1200 повозокъ.

5) Гусарскихъ.

6) 90 Донскихъ, 5 Чугуевскихъ и сто полусотенъ Слободскихъ.

7) Двѣ (по двѣ тысячи) калмыковъ; по одной въ 500 челов., Казанскихъ татаръ, крещеныхъ калмыковъ, мещеряковъ и башкиръ.

8) 9 т. Донскихъ, 3 т гусаръ, 4 т. калмыковъ, остальныя силы рѣшительно не были подготовлены.

9) Изъ нихъ 50 мортиръ 6 ф.

10) Перевезенъ флотомъ, а отъ Либавы до Мемели на обывательскихъ подводахъ.

11) Если отбросить 20 т. рекрутъ.

12) 18 Донскихъ, 1 Чугуевскій, 5 Слободскихъ, 4 гусарскихъ, 1 начинанейскій. Организація послѣдняго неизвѣстна.

Гарнизонныя войска, въ разсматриваемый нами періодъ, состояли изъ 49-ти пѣхотныхъ, 7-ми драгунскихъ полковъ, 4-хъ отдѣльныхъ баталіоновъ и двухъ отдѣльныхъ эскадроновъ. Численный составъ гарнизонныхъ войскъ доходилъ до 75000 человѣкъ [159]. Гарнизонныя войска.

Каждый гарнизонный пѣхотный полкъ (кромѣ двухъ) былъ въ составѣ 2-хъ четырехъ-ротныхъ баталіоновъ, съ одною гренадерскою ротою [159].

Гарнизонные пѣхотные полки были размѣщены по крѣпостямъ; при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, въ каждой изъ крѣпостей было по одному полку [160] *). Въ остальныхъ городахъ (кромѣ Москвы, Якутска и нѣкоторыхъ др.) мѣстныхъ войскъ совсѣмъ не было, и ихъ замѣняли особыя команды «разсыльщиковъ», комплектуемыя изъ однодворцевъ, ратныхъ людей «прежнихъ службъ» и отставныхъ.

Гарнизонные пѣхотные полки (кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей по крѣпостной службѣ) съ 1716 г. въ принципѣ имѣли весьма важное назначеніе -выдѣлять изъ своего состава отъ $^1/_3$—$^1/_4$ старослужащихъ въ полевые пѣхотные полки [161], а сами пополнялись рекрутами. Эта мѣра практиковалась еще и въ 1733 г. [162]; но когда къ ней прибѣгнули въ 1756—57 гг., то, какъ мы имѣли уже случай указать, гарнизонные полки, за выдѣленіемъ незначительнаго числа людей въ Шуваловскій корпусъ,—оказались настолько слабыми, что изъ нихъ нельзя было взять 7—8 т. чел., годныхъ для полевой службы.

Полное разстройство гарнизонныхъ войскъ, ко времени Семилѣтней войны, произошло вслѣдствіе неправильной системы ихъ устройства. Гарнизонные солдаты несли всю тяжесть гарнизонной, конвойной и рабочей службы не только въ военныхъ, но и въ гражданскихъ учрежденіяхъ; а потому естественно не имѣли и времени подготовляться къ полевому

*) Перечень гарнизонныхъ полковъ включенъ въ примѣчаніи 159.

дѣлу, считая его для себя чуждымъ. Кромѣ того, матеріальное положеніе гарнизонныхъ войскъ было ужасное. Солдаты гарнизонныхъ полковъ имѣли право жить съ своими семействами [163]; но, получая всѣ оклады значительно меньшіе сравнительно съ полевыми, они, конечно, не могли содержать свои семьи, и силою обстоятельствъ должны были прибѣгать ко всякимъ средствамъ, чтобы прокормиться. По мнѣнію генералъ-аншефа Броуна [163] именно это послѣднее обстоятельство и способствовало развитію между солдатами воровства, что надолго испортило репутацію гарнизонныхъ войскъ не только въ Россіи, но дурная слава легко могла перейти и за границу *).

Наконецъ назначеніе въ гарнизонные полки изъ полевыхъ войскъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, слабыхъ здоровьемъ, порочныхъ и вообще неспособныхъ [165] къ полевой службѣ, до той степени способствовало упадку боевой способности гарнизонныхъ войскъ, что гарнизонные полки обратились въ конвойно-рабочія команды, настолько слабаго состава, что для конвойной службы въ тылу арміи, во время Семилѣтней войны, пришлось назначать полевыя войска, бывшія внутри Россіи [166].

Гарнизонные драгунскіе полки (всѣ 10-ти ротнаго состава [159]) были въ распоряженіи нѣкоторыхъ губернаторовъ, на окраинахъ Россіи (Казанскаго, Оренбургскаго и Сибирскаго) и назначались исключительно для внутренней службы. Въ 1756 году по отдаленности пунктовъ расположенія гарнизонныхъ драгунскихъ полковъ и въ виду безпорядковъ.

---

*) «Еще здѣсь (въ Ригѣ), доноситъ Броунъ, когда прибываютъ иностранные корабли и не имѣютъ у себя никакихъ карауловъ, то также нѣкоторые солдаты поползновенны бываютъ, съ оныхъ кораблей воровать и безславіе всероссійскому войску причиняютъ; хотя совершенное и всегдашнее смотрѣніе и строгая дисциплина содержится, но однако-жъ, удержать не можно, и все единственно происходитъ отъ вышеписаннаго недостатка... [163]», т. е. отъ недостатка средствъ. Школы для дѣтей (мужскаго пола) гарнизонныхъ солдатъ не могли особенно облегчить ихъ семейное положеніе [164].

бывшихъ въ Башкиріи, призналось возможнымъ воспользоваться для дѣйствующей арміи всего однимъ гарнизоннымъ драгунскимъ полкомъ (Воронежскимъ) и Рославльскимъ эскадрономъ, которые и были назначены на «форпосты» по западной границѣ.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ службы гарнизонныхъ войскъ въ организаціи ихъ была одна полезная особенность; а именно, замѣна правильно организованныхъ войсковыхъ частей въ провинціальныхъ городахъ особыми командами «разсыльщиковъ», исполнявшихъ ту же службу, которая въ позднѣйшее время исполнялась мѣстными уѣздными командами. Указанная особенность въ значительной степени вліяла на сокращеніе числа гарнизонныхъ войскъ.

Ландмилиція подраздѣлялась на Украинскую и Закамскую. Ландмилиціи
Къ 1756 году Украинская ландмилиція была въ составѣ 20-ти полковъ драгунскаго типа. Закамская въ числѣ 3-хъ драгунскихъ полковъ и 1-го пѣхотнаго. Всего около 28000 человѣкъ [167].

Къ началу Семилѣтней войны 6-ть полковъ Украинской ландмилиціи несли службу на Украинской линіи; 3 были отпущены домой для приготовленія къ окончательному переселенію въ Украйну, остальные 11-ть (извѣстные подъ названіемъ «неповеленныхъ») были свободны отъ наряда [168].

Послѣдніе 11-ть полковъ въ 1758 г. выставили $10^1/_2$ т. человѣкъ на границу, отъ Смоленска до Кіева, для форпостной службы. Большаго нельзя было и требовать отъ совершенно неподготовленныхъ къ бою полковъ ландмилиціи.

Закамская ландмилиція несла службу на Закамской линіи и никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимала.

Подробности организаціи ландмилиціи указаны въ примѣчаніи [168].

Управленіе войскъ въ мирное и военное время.

Дѣлопроизводство по высшему управленію военно-сухопутными силами Россіи было сосредоточено въ Военной Коллегіи. При разрѣшеніи встрѣчавшихся недоразумѣній и вопросовъ по управленію и хозяйству войскъ, Военная Коллегія руководствовалась бывшими законами, а въ случаѣ ихъ неполноты или необходимости измѣнить законъ—входила съ представленіемъ въ Сенатъ. Военной Коллегіи было предоставлено: право производства въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, до подполковника включительно, переводъ офицеровъ изъ одной частей въ другія, предназначеніе къ замѣщенію должностей: командировъ полковъ и бригадъ въ пѣхотѣ и конницѣ (самое назначеніе зависѣло отъ императрицы [169]), назначеніе офицеровъ въ должности по квартирмейстерской части и т. п.

Въ военное время (до 1756 г.) главнокомандующій по всѣмъ военно-административнымъ вопросамъ сносился съ В. Коллегіею, которая и была обязана оказывать полное содѣйствіе начальству дѣйствующей арміи. Въ 1756 г. съ учрежденіемъ Конференціи при Высочайшемъ дворѣ, эта послѣдняя приняла на себя не только направленіе «предпріемлемыхъ операцій (дѣйствующей арміи), но и удовольствительное оной содержаніе и множество сопряженныхъ (съ операціями) околичностей» *).

Апраксинъ, будучи главнокомандующимъ, имѣлъ дѣло только съ Конференціею, и ни по одному изъ серьезныхъ вопросовъ не сносился съ В. Коллегіею. Конференція, всецѣло погруженная въ разрѣшеніе самыхъ сложныхъ стратего-политическихъ комбинацій, въ свою очередь не имѣла и времени касаться военно-административныхъ частностей, не предоставляя однако ихъ и В. Коллегіи.

Предвидя крайнія отъ этого послѣдствія и во избѣжаніе отвѣтственности, В. Коллегія въ іюлѣ 1757 г. донесла Конференціи, что она ровно ничего не знаетъ о нуждахъ и по-

*) Записки Бестужева. Архивъ Князя Воронцова т. IV стр. 69.

ложеніи арміи, а 14-го октября 1757 года сдѣлала новое представленіе, указавъ, что даже о потеряхъ въ сраженіи подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ знаетъ изъ газетъ [170]. Только тогда Конференція возстановила прежній порядокъ, обязавъ главнокомандующаго увѣдомлять В. Коллегію о потребностяхъ арміи, но требовала, чтобы доносилось о томъ же и въ Конференцію.

Подобное требованіе только тормазило дѣло. Ферморъ и другіе главнокомандующіе были поставлены еще въ болѣе невыгодныя условія чѣмъ Апраксинъ, такъ какъ объ одномъ и томъ же имъ приходилось *«испрашивать соизволеніе»* и Воен. Коллегіи, и Конференціи; такъ что съ учрежденіемъ Конференціи вмѣсто уменьшенія переписки и объединенія власти (какъ предполагалъ Бестужевъ) было только большее усложненіе и медленность въ исполненіи дѣлъ.

Военной Коллегіи *) подчинялись главныя управленія:

1) *Комиссаріатъ* (подъ начальствомъ генералъ-кригсъ-комиссара), вѣдавшій денежное, вещевое довольствіе [171] и очень важное—инспекцію войскъ. Чины комиссаріата, производившіе инспекцію, во время смотровъ, пользовались полною независимостію, какъ было и при Петрѣ I [172].

2) *Провіантмейстерская контора* (подъ начальствомъ генералъ-провіантмейстера), гдѣ сосредоточивались дѣла по провіантскому и фуражному довольствію войскъ, а также вопросы по поставкѣ въ армію лошадей, подводъ и устройства путевого довольствія [173].

3) *Канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи* (подъ начальствомъ особаго директора), гдѣ сосредоточивались всѣ вопросы по артиллерійской и инженерной частямъ и

4) *Оружейная канцелярія* по дѣламъ о снабженіи арміи холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ.

---

*) Отдѣльная контора В. Коллегіи была въ Москвѣ.

Послѣднія два учрежденія были непосредственно подчинены генералъ-фельдцейхмейстеру, который по всѣмъ вопросамъ (кромѣ назначенія на должности по артиллеріи) сносился съ В. Коллегіею какъ съ высшею инстанціею [174].

Въ военно-административномъ отношеніи территорія Россіи раздѣлялась на пять дивизіонныхъ раіоновъ (дивизіи: Московская. С.-Петербургская. Лифляндская. Украинская и Новгородская) [175]. Въ каждой дивизіи всѣ войсковыя части во всѣхъ отношеніяхъ подчинялись начальнику мѣстной дивизіи. Войска же, находившіяся въ Оренбургѣ и Сибири. подчинялись мѣстнымъ высшимъ гражданскимъ властямъ.

Начальники дивизій никакими особо серьезными правами не пользовались; наиважнѣйшія изъ ихъ правъ: производство въ офицерскихъ чинахъ до штабъ-офицерскаго чина [176], распредѣленіе назначенныхъ въ ихъ распоряженіе генераловъ въ должности бригадныхъ командировъ; а по всѣмъ болѣе важнымъ вопросамъ дивизіи составляли какъ бы передаточную инстанцію. Помимо этого, начальники дивизій, не имѣя серьезныхъ инспекторскихъ обязанностей (возложенныхъ на комиссаріатъ), [176] не были заинтересованы въ фактическомъ контролѣ, въ успѣхахъ по строевому образованію и по внутреннему благоустройству войсковыхъ частей.

Въ военное время начальники дивизій если назначались въ дѣйствующую армію, то командовали другими войсками, а потому и въ этомъ отношеніи въ мирное время у нихъ не было побудительныхъ причинъ особенно слѣдить за дѣйствительнымъ успѣхомъ подготовки войскъ къ бою, да къ тому же не было и средствъ, при громадныхъ раіонахъ территоріальныхъ дивизій.

Бригадные генералы еще менѣе имѣли основаній заботиться о временно подчиненныхъ имъ войскамъ: начальники дивизій и Военная Коллегія имѣли полную свободу въ назначеніяхъ генераловъ въ другія команды; и въ дѣйствительности высшія

власти очень часто пользовались этимъ правомъ. Такъ что единственнымъ строевымъ управленіемъ войскъ въ мирное время нужно признать управленіе полкомъ *).

При подобномъ устройствѣ строевыхъ управленій только выдающіеся изъ начальниковъ дивизій, бригадныхъ и полковыхъ командировъ могли имѣть полезное вліяніе на успѣхъ строевого образованія войскъ. Напримѣръ, къ началу Семилѣтней войны мы можемъ выдѣлить только П. Шувалова, П. Румянцева, Зыбина и Захара Чернышева, серьезно и плодотворно заботившихся о строевомъ образованіи временно подчиненныхъ имъ войскъ въ мирное время.

При формированіи дѣйствующей арміи полки пѣхотные и кавалерійскіе, по два или по три, соединялись въ пѣхотныя и кавалерійскія бригады; двѣ, три пѣхотныя и кавалерійскія бригады соединялись въ дивизіи, называвшіяся иногда корпусами. Но это соединеніе было совершенно случайное и, по волѣ главнокомандующаго, измѣнялось иногда въ мѣсяцъ нѣсколько разъ.

Такимъ образомъ и въ военное время, подобно тому, какъ и въ мирное, не было тѣсной связи между войсками и ихъ старшими начальниками: ни войска не знали своихъ генераловъ, ни генералы полковъ; вслѣдствіе этого бывшая организація не облегчала, а существенно затрудняла управленіе войсками въ военное время, что не оставалось безъ вредныхъ послѣдствій на дѣйствія войскъ въ бою.

Ген. Ферморъ первый замѣтилъ неудобство подобной системы устройства войскъ и требовалъ отъ Конференціи, «чтобы главные командиры безъ всякой перемѣны, когда важныхъ резоновъ не будетъ, черезъ всю кампанію оставались бы командирами тѣхъ-же частей»; но Конференція, не придавая значеніе этому, требовала отъ Фермора только донесенія:

*) Строевое управленіе полкомъ разсмотрѣно въ «Строевой и полевой службѣ русскихъ войскъ».

«кто точно при какихъ полкахъ опредѣлился», что ей было необходимо для «наставительныхъ указовъ» главнокомандующему.

Такъ какъ соединеніе полковъ въ бригады и дивизіи не было постояннымъ, то, естественно, не могло быть и постоянныхъ управленій (штабовъ) высшихъ тактическихъ 1-цъ. Каждый изъ генераловъ, по занимаемой имъ должности, имѣлъ свой личный штабъ, опредѣленный штатомъ [186]. При перемѣщеніи генерала при немъ оставался его штабъ, а переписка періодически сдавалась въ ближайшее мѣстное военное или гражданское учрежденіе [187] *).

Съ объявленіемъ войны формировался полевой штабъ.

По Уставу Воинскому 1716 г. при полевомъ штабѣ должны были состоять: 1) всѣ самые старшіе представители каждаго изъ родовъ войскъ и 2) собственно чины полевого штаба, соотвѣтственно различнымъ отдѣламъ хозяйственнаго и административнаго управленія **); но полевой штабъ Апраксина былъ образованъ съ существенными отступленіями отъ основныхъ началъ, установленныхъ Уставомъ Воинскимъ.

Первое время, до декабря 1757 г., при Апраксинѣ состоялъ экзекуторъ Военной Коллегіи, коллежскій совѣтникъ (переименованный въ полковники) Гаврила Череповъ ***) съ канцеляріею и г.-квартир.-лейтенантъ Штофельнъ, занятый заготовленіемъ довольствія ****). Назначенный въ должность гене-

*) Этимъ и объясняется, что въ настоящее время въ Моск. Отд. Арх. главнаго штаба есть много дѣлъ озаглавленныхъ какъ переписка лично принадлежащая генералу. Наприм. мы не встрѣчаемъ дѣлъ Московской дивизіи, а есть дѣла «А. Б. Бутурлина», гдѣ и сосредоточена вся переписка по управленію войскъ Московской дивизіи.

**) По Уставу Воинскому приказанія главнокомандующаго передавались его помощникомъ (ген. фельд. лейтенантомъ)—старшимъ генераламъ отряда (отъ инфантеріи, кавалеріи, фельдцейхмейстеру), имѣвшимъ помощниковъ—ген. лейтенантовъ. Остальные чины имѣли спеціальныя обязанности; къ нимъ принадлежатъ: генералы—кригсъ-комиссаръ, квартирмейстеръ, аудиторъ, капитанъ надъ вожатыми, генералъ-вагенмейстеръ, полевой почтмейстеръ, ген.-генальдигеръ, ген.-фискалъ и профосъ.

***) Арх. князя Воронцова т. 3 стр. 478.

****) См. главу II.

ралъ-квартирмейстера—Веймаринъ былъ въ Польшѣ [182]. Помощника по должности главнокомандующаго (фельдмаршалъ-лейтенанта) Апраксинъ не имѣлъ, что видимо вышло уже изъ обычая. Изъ чиновъ «походнаго комиссаріата» былъ оберъ-интеръ-комиссаръ Арцыбевскій, два оберъ-кригсъ-комиссара, генералъ-провіантмейстеръ-лейтенантъ (полковникъ Масловъ), особая канцелярія отъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и ген.-маіоръ «Даревскій съ своей комиссіею» [179] по довольствію войскъ въ Польшѣ [180]. Наконецъ, при штабѣ главнокомандующаго былъ дежурный генералъ, передававшій въ войска его приказанія относительно предстоящихъ дѣйствій, подобно генералъ-фельд. лейтенанту—по Уставу Воинскому. Старшихъ представителей пѣхоты и кавалеріи въ 1756 г. въ Семилѣтнюю войну мы не встрѣчаемъ при главнокомандующемъ; есть только начальникъ артиллеріи (Толстой) и съ января 1757—начальникъ инженеровъ (де-Боскетъ).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ самого начала Апраксинъ былъ лишенъ содѣйствія начальника штаба арміи; при немъ не было старшихъ, авторитетныхъ, чиновъ, интендантскаго и артиллерійскаго вѣдомствъ, имѣвшихъ очень серьезныя обязанности [184],—а были второстепенные чины (лейтенанты), зависимые отъ своихъ генераловъ, оставшихся въ Петербургѣ. Ферморъ въ 1758 г. замѣтилъ это крайнее неудобство и потребовалъ личнаго присутствія въ полевомъ штабѣ генераловъ: комиссара и провіантмейстера; вслѣдствіе чего кн. Волконскій и Мещерскій были отправлены въ Мемель [185]. Даревскій не могъ оказать существенной помощи Апраксину по заготовленію довольствія *).

Если бы Апраксинъ былъ полновластнымъ хозяиномъ въ арміи, то указанныя неудобства имѣли бы второстепенное значеніе. Главнѣйшее несчастіе для фельдмаршала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для успѣха операцій, заключалось именно въ томъ, что Ап-

*) Глава II.

ракенъ по званію главнокомандующаго, былъ всецѣло подчиненъ Конференціи при Высочайшемъ дворѣ, учрежденной по проекту Бестужева-Рюмина въ 1756 г., для объединенія дѣлъ «политики и войны» [187].

До 1756 г. у насъ существовало коренное правило: монархъ «въ небытіи своемъ (при войскѣ) команду дастъ надъ всѣмъ войскомъ своему генералу-фельдмаршалу: либо самовластно по случаю поступать какъ онъ за благо изобрящетъ и государю своему въ томъ отвѣтъ дать можетъ, или съ воинскимъ совѣтомъ (что всегда надлежитъ чинить), или по данной ему инструкціи чинилъ и кромѣ оной онъ ничего важнаго съ помянутымъ войскомъ предпріять не могъ» [188].

Указанное основное положеніе радикально измѣнено Бестужевымъ въ февралѣ 1756 г. Канцлеръ находилъ, что «съ потребною скоростью и силою управлять и двигать такую махину каковъ есть корпусъ въ 55000 человѣкъ, удовольствительное оного содержаніе, предпріемлемыя имъ (войскомъ) операціи и множество сопряженныхъ съ тѣмъ околичностей» съ полнымъ удобствомъ могутъ быть разрѣшены только комиссіею подъ личнымъ руководствомъ императрицы. Эта же комиссія должна была разсматривать и вопросы внѣшней политики, сообразно положенію которыхъ направлять стратегическія дѣйствія арміи. Безъ образованія подобной комиссіи, Бестужевъ, между прочимъ, «напередъ себѣ воображалъ, коль печально будетъ состояніе командующаго генерала»: «командующій генералъ будетъ вдругъ получать указы изъ Сената, Военной, Иностранной и Адмиралтействъ Коллегіи, а сіи мѣста, вмѣсто согласнаго вспоможенія, будутъ только письменно переспариваться и протягивая время вину одинъ на другаго свалпвать» *).

*) Замѣчательно, что это неудобство, указанное въ январѣ 1756, разрѣшается, въ сентябрѣ того же года, весьма просто тѣмъ же Бестужевымъ; а именно, въ инструкціи Апраксину указано, что всѣ коллегіи, кромѣ Иностранныхъ дѣлъ, обязаны были исполнять его требованія.

На этихъ основаніяхъ, въ январѣ 1756 г., была образована Конференція при Высочайшемъ дворѣ (настоящій гофкригсратъ), которая приняла на себя веденіе стратегическихъ операцій русской арміи въ Семилѣтнюю войну. Главнокомандующій былъ поставленъ въ положеніе лишь довѣреннаго агента Конференціи при арміи, обязаннаго исполнять стратегическія фантазіи могущественной Конференціи, указы которой исполнялись какъ манифесты, хотя собственноручно императрица эти указы не подписывала *).

Первыми членами Конференціи были назначены: канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, князь Трубецкой, Бутурлинъ, Воронцовъ, графы П. и А. Шуваловы. Секретаремъ былъ извѣстный Волковъ.

Въ началѣ 1756 г. императрица лично предсѣдательствовала въ Конференціи, но впослѣдствіи послѣдняя распоряжалась вполнѣ самостоятельно.

Гибельныя послѣдствія отъ исполненія стратегическихъ плановъ подобныхъ гофкригсратовъ настолько общеизвѣстны, изъ массы военно-историческихъ примѣровъ (напр. послѣдствія отъ распоряженій классическаго Вѣнскаго гофкригсрата—мѣтко охарактеризованнаго Великимъ Суворовымъ -«неискоренимая привычка битымъ быть»),—что мы и не останавливаемся на значеніи ненормальности отношеній Апраксина и бывшихъ послѣ него главнокомандующихъ русской арміи—къ Конференціи. Мы, въ настоящемъ случаѣ, констатируемъ лишь самый фактъ, послѣдствія же подобной ненормальности будутъ видны изъ хода кампаніи.

---

*) Указы Конференціи были въ формѣ манифеста; но намъ не удалось встрѣтить ни одного изъ нихъ за собственноручною подписью Елизаветы. Масса этихъ манифестовъ находится въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ и всѣ за подписью не менѣе двухъ членовъ Конференціи и за скрѣпою Волкова.

ГЛАВА II.

Общее понятіе о порядкѣ довольствія русскихъ войскъ въ XVIII столѣтіи до Семилѣтней войны.—Планъ довольствія войскъ въ кампанію 1757 г.—Устройство довольствія войскъ въ Эстляндіи и Лифляндіи.—Мѣры Конференціи до августа 1756 г.—Заключеніе подряда съ отставнымъ генераломъ Францемъ Даревскимъ, для заготовокъ въ Литвѣ и Польшѣ.—Разборъ инструкціи, данной Конференціею фельд. Апраксину, относительно довольствія арміи.—Мѣры Апраксина по обезпеченію довольствія при слѣдованіи къ Нѣману.—Недостатокъ денежныхъ средствъ, данныхъ Апраксину.—Порядокъ довольствія главныхъ силъ Апраксина и колоннъ: Румянцева, М. Левена и Зыбина, слѣдовавшихъ съ Двины и Нѣмана.—Роль Даревскаго.—Тыловые магазины на притокахъ Нѣмана.—Назначеніе ихъ.—Вліяніе мелководія правыхъ притоковъ Нѣмана и недостатка сплавныхъ средствъ на планъ довольствія.—Мѣры Апраксина въ мартѣ 1757 г. по усиленію запасовъ подвозомъ торговымъ флотомъ.—Назначеніе транспортной эскадры Сивявина для доставки запасовъ водою по Куршъ-гафу въ Кенигсбергъ.—Устройство запасовъ на вспомогательной базѣ, на Нѣманѣ.—Устройство довольствія при слѣдованіи: а) главной арміи съ линіи Нѣмана на Кенигсбергъ; б) отряда Фермора, при операціяхъ къ Мемелю; в) отряда Спбильскаго отъ Гродно.—Довольствіе главной арміи до занятія Калвержишекъ 23-го іюня.—Прекращеніе дачи овса за непмѣніемъ таковаго.—Неуспѣхъ устройства «проходныхъ» магазиновъ.—Подвозъ запасовъ изъ Гродно.—Положеніе продовольственной части по занятіи Людвинова, 8-го іюля.—Недостатокъ мельницъ.—Первая организація интендантскихъ транспортовъ, согласно рѣшенію военнаго совѣта 2-го іюля.—Образованіе главнаго складочнаго пункта въ Мемелѣ, и приказанія по сплаву запасовъ Куршъ-гафомъ въ Лабіаву.—Вліяніе недостатка перевозочныхъ средствъ на Куршъ-гафъ и мелководія послѣдняго на сплавъ запасовъ въ Лабіаву.—Положеніе всѣхъ частей арміи Апраксина 18-го іюля и ихъ коммуникаціонныя линіи.—Постановленіе военнаго совѣта 18-го іюля, по отношенію обезпеченія арміи довольствіемъ.—Порядокъ довольствія соединенныхъ силъ отрядовъ Апраксина, Фермора и Спбильскаго въ началѣ августа.—Перенесеніе вспомогательной базы въ Гумбинненъ.—Недостатокъ этихъ запасовъ.—Тильзитскій магазинъ.—Его значеніе и затрудненіе для своевременнаго его пополненія.—Прибытіе къ арміи послѣдняго транспорта

18-го августа.—Движеніе арміи къ Алленбургу на средствахъ неприкосновеннаго запаса, бывшаго до 8-го сентября.—Рѣшеніе военнаго совѣта 28-го августа.—Отступленіе къ Тильзиту.—Первый встрѣчный транспортъ изъ Тильзита, прибывшій 8-го сентября къ д. Сеславинъ.—Состояніе запасовъ въ Тильзитѣ.—Трудность пополненія этихъ запасовъ.—Частное и общее заключеніе.

Въ Русской арміи въ XVIII стол. не было разъ навсегда опредѣленной системы довольствія войскъ въ военное время [1], подобно напр. пятипереходной системѣ, принятой въ Европѣ [2].

Петръ Великій, для заготовокъ продовольственныхъ припасовъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, сначала строго придерживался системы натуральнаго довольствія (поставка провіанта населеніемъ, въ зачетъ податей), гдѣ только это было возможнымъ; но къ концу его царствованія выяснились нѣкоторые капитальные недостатки этой системы, вполнѣ обнаружившіеся въ царствованіе Анны [3].

Передъ Семилѣтнею войною продовольственные припасы для арміи въ мирное время заготовлялись посредствомъ подрядовъ, по распоряженію чиновъ провіантмейстерской части, правила же довольствія войскъ въ военное время ограничивались лишь отдѣльными узаконеніями, которыя позднѣе (1758) [4] вошли въ одно общее положеніе о провіантскомъ и фуражномъ довольствіи арміи.

«Провіантскія регулы» 1758 г. *) опредѣляютъ, что «во время войны въ своей, союзной или нейтральной странѣ» магазины слѣдовало пополнять подрядомъ или покупкою; въ непріятельской же, кромѣ того, могъ быть сборъ запасовъ и отъ жителей.

По правиламъ «провіантскихъ регулъ» передъ началомъ похода ген.-провіантмейстеръ арміи вмѣстѣ съ генер.-квартирмейстеромъ разработывали планъ довольствія провіантомъ

---

*) Положеніе этихъ «регулъ» есть не болѣе, какъ сводъ бывшихъ прежде частныхъ распоряженій по довольствію войскъ.

и фуражемъ; окончательное же утвержденіе плана зависѣло отъ главнокомандующаго [4].

Способъ доставки запасовъ при наступательныхъ операціяхъ не обусловливался точными правилами. Г. Затлеръ пришелъ къ заключенію, что въ Сѣверную войну припасы подвозились къ арміи разными способами; въ тѣхъ же случаяхъ, когда транспорты съ запасами не прибывали, войска продовольствовались средствами той страны, гдѣ они находились [5].

Никакихъ измѣненій въ этомъ общемъ положеніи не было не только къ началу Семилѣтней войны, но и къ концу XVIII стол. Опыты всѣхъ войнъ Россіи до Наполеоновскихъ, по отношенію къ правильной организаціи подвозовъ довольствія, —прошли безслѣдно.

«Всякая окончепная война обыкновенно по части управленій (доноситъ Каикринъ въ 1815 г. Барклай-де-Толли объ устройствѣ интендантскихъ транспортовъ), принимается будто послѣдняя, и черезъ то самые опыты теряются» [6]. Вслѣдствіе этого Каикринъ первый предложилъ воспользоваться трехлѣтнимъ опытомъ «Московско-Парижской войны», примѣромъ австрійской, прусской и французскихъ арміи, а также мнѣніемъ бывшихъ въ походѣ старшихъ интендантскихъ чиновниковъ, и проектировалъ устройство въ мирное время кадровъ военнаго обще-армейскаго обоза (интендантскаго и санитарнаго отдѣловъ) [6]. Такимъ образомъ только въ началѣ настоящаго столѣтія впервые затрогивается у насъ вопросъ объ организаціи правильной транспортировки запасовъ въ тылу дѣйствующей арміи.

Опыты войнъ ближайшихъ къ Семилѣтней не могли имѣть особо важнаго значенія для устройства продовольственной части въ 1756 году. Къ началу Семилѣтней войны старшіе начальники нашей арміи могли знать порядокъ довольствія войскъ въ Крымской и Финляндской войнахъ и при походахъ

вспомогательныхъ отрядовъ въ Запад. Европу, въ царствованія Императрицъ Анны и Елизаветы; но только порядокъ довольствія русскихъ войскъ въ Литвѣ и Польшѣ во время походовъ Ласси и Репнина оставилъ нѣкоторыя данныя, которыми можно было воспользоваться для заготовокъ арміи Апраксина [7]. Во время Финляндской войны снабженіе войска продовольственными припасами находилось въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ непріятель повсюду бѣжалъ, а географическія особенности театра войны давали полную возможность, безъ всякихъ затрудненій, доставлять запасы моремъ.

Крымскіе походы (какъ степные) отличались рѣзкими особенностями отъ операцій въ предѣлахъ Пруссіи: «Здѣшнія кампаніи (доноситъ впослѣдствіи Апраксинъ Конференціи) съ крымскими и турецкими мало сравнены быть не могутъ, затѣмъ, что въ оныхъ провіантъ съ собою былъ возимъ на нѣсколько мѣсяцевъ, чего по положенію здѣшней земли отнюдь учинить нельзя» [8].

Такимъ образомъ, планъ довольствія нашихъ войскъ, для наступательныхъ дѣйствій Апраксина, проектировался безъ всякихъ почти опытныхъ данныхъ, безъ выработанныхъ основныхъ законоположеній о довольствіи войскъ въ военное время (появившихся въ 1758 г.), при неимѣніи военно-статистическихъ свѣдѣній о Пруссіи, Бѣлоруссіи, Литвѣ и Польшѣ [9].

Мѣры по довольствію нашихъ войскъ въ Гр. Егерсдорфскій періодъ кампаніи, до отозванія Апраксина (16-го октября 1757 г.) [10], можно подраздѣлить на четыре отдѣльныя хозяйственныя операціи.

1) Устройство магазиновъ на главной базѣ (Двина и верхнее теченіе Днѣпра до впаденія р. Сожи) *).

*) См. планъ № 1 и схему № 1.

2) Обезпеченіе довольствіемъ войскъ на путяхъ слѣдованія отъ Двины и Днѣпра къ линіи р. Нѣмана (отъ устья рѣки до г. Гродно).

3) Пополненіе магазиновъ на вспомогательной базѣ по р. Нѣману.

4) Довольствіе войскъ при концентрическомъ наступленіи русскихъ съ линіи Нѣмана (Тильзитъ, Ковно и Гродно) къ Кенигсбергу.

Апраксину принадлежатъ распоряженія по послѣднимъ тремъ видамъ заготовленія запасовъ; устройство же довольствія на главной базѣ (по Двинѣ) было почти окончено до вступленія его въ командованіе арміею (конецъ сентября 1756 г.)

Мѣры для устройства магазиновъ въ Лифляндіи и Эстляндіи были приняты еще въ 1755 г., когда между нашимъ правительствомъ и Англіею шли переговоры объ извѣстномъ «субсидномъ» договорѣ и готовился 40000 экспедиціонный корпусъ для дѣйствія противъ Фридриха II. Такъ какъ этихъ запасовъ было недостаточно для обезпеченія довольствіемъ самостоятельной арміи, то Конференція еще до августа 1756 г., приняла нѣкоторыя мѣры (вѣрнѣе—полу-мѣры) для пополненія магазиновъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Къ нимъ относятся:

1) Воспрещеніе вывоза хлѣбныхъ продуктовъ изъ Эстляндіи и Лифляндіи моремъ за границу.

2) Предувѣдомленіе губернаторовъ пограничныхъ губерній, что въ случаѣ крайности запасы довольствія будутъ взяты отъ населенія натурою, съ зачетомъ поставленнаго провіанта и фуража въ повинности.

3) Выборъ отставного генералъ-маіора Франца Даревскаго главнымъ подрядчикомъ для заготовленія довольствія въ Литвѣ и Польшѣ [12], въ случаѣ похода въ Пруссію. Указанныя распоряженія Конференціи нисколько не облегчили рѣшенія трудной задачи по обезпеченію арміи Апраксина довольствіемъ. Конференція, воспрещая напр. вывозъ хлѣба изъ Прибалтій-

скихъ портовъ, своевременно не обратила вниманія на средства Курляндіи и Литвы [11], чѣмъ всецѣло воспользовались агенты прусскаго интендантства, заблаговременно закупивъ запасы. Генералъ Бестужевъ-Рюминъ (бывшій въ Митавѣ) два раза (въ іюлѣ и августѣ) сообщалъ нашему правительству объ усиленномъ вывозѣ хлѣба моремъ и сухимъ путемъ въ Пруссію [13], и только по вторичному донесенію помянутаго нашего агента въ Курляндіи Коллегія иностранныхъ дѣлъ «купно съ Военною Коллегіею» приняла мѣры противъ свободнаго отпуска хлѣба за границу. Отъ Саксонскаго правительства потребовали офиціальнаго согласія на воспрещеніе вывоза продовольственныхъ запасовъ изъ Курляндіи [14], но, не дожидаясь разрѣшенія отъ Курфирста (блокированнаго уже войскамп Фридриха въ Пирнѣ) Лопухинъ занялъ войсками кордонную линію [15], съ цѣлію силою удержать часть мѣстныхъ средствъ.

Мѣра эта не достигла цѣли. Между указомъ, воспрещавшимъ вывозъ хлѣба, и дѣйствительнымъ заподрядомъ запасовъ въ Литвѣ и Курляндіи, для русской арміи (въ ноябрѣ) [16], прошло очень много времени, и значительная часть избытка мѣстныхъ средствъ была уже отправлена въ Пруссію, а частью и въ Швецію [17].

Тѣмъ не менѣе, запасы Эстляндіи и Лифляндіи дали возможность чинамъ провіантмейстерской части вполнѣ обезпечить текущее довольствіе войскъ арміи Апраксина въ зимній періодъ 1756—57 гг. [19]. Запасы провіанта были заготовлены даже съ избыткомъ, такъ что часть ихъ нашли возможнымъ отпустить въ Швецію, гдѣ былъ неурожай [20]. Безусловный недостатокъ зернового фуража тогда же выяснился, но, къ несчастію, бывшій генералъ-провіантмейстеръ князь Волконскій *), не принялъ никакихъ мѣръ для подвоза овса зимнимъ путемъ, что имѣло весьма вредныя послѣдствія [21].

*) Переписка по этому дѣлу въ М. О. Арх. Г. Ш. Опись 47 № $^{128}/_{141}$.

Подготовительныя распоряженія Конференціи на случай обязательнаго сбора запасовъ отъ населенія пограничныхъ губерній и провинцій отличаются полною неопредѣленностію [18]; но это обстоятельство особаго значенія не имѣло, такъ какъ запасовъ, заготовленныхъ провіантмейстерскою частію, какъ уже сказано, было вполнѣ достаточно до мая 1757 г.

Генералу Даревскому была дана Конференціею особая инструкція для заготовленія запасовъ въ Литвѣ и Польшѣ; но Даревскій, тотчасъ по вступленіи Апраксина въ командованіе арміею, отказался отъ подряда, въ виду невозможности выполнить крайне неопредѣленныхъ условій поставки, указанныхъ въ инструкціи [21].

Апраксинъ, принявъ начальство надъ арміею, также былъ вполнѣ связанъ подобною же, до-нельзя неопредѣленною инструкціею, данною ему Конференціею 5-го октября 1756 г.

Вопросъ «объ удовольствительномъ войскъ пропитаніи» ставился Конференціею «первымъ и главнымъ» при «подобномъ предпріятіи», т. е. при предстоящихъ наступательныхъ операціяхъ въ Пруссію. Для заготовки нужныхъ для того запасовъ, Апраксину были опредѣлены слѣдующія руководящія директивы:

1) Прежде всего указывалось, что «хотя Вѣнскій и Дрезденскій дворы, которымъ сія сильная помощь дѣлается, обязаны правда своими трактами снабдѣвать наши войска своими провизіями», но на нихъ нельзя было разсчитывать: «Королева не можетъ натурально сіе обязательство исполнить, какъ развѣ когда-бы наши войска соединились съ ея арміею въ ея собственныхъ земляхъ». «Поляки для него (курфирста Саксонскаго) даромъ ничего не дадутъ. Такимъ образомъ остается намъ самимъ сіе попеченіе имѣть, а послѣ стараться, при негоціаціи съ Вѣнскимъ дворомъ, какими либо выговариваемыми взаимными выгодами сей убытокъ наградить». «Потому (заключаетъ § 22 инструкціи) имѣете вы отнынѣ (5-го октября 1756 г.) какъ наискорѣе нарочныхъ

въ Польшу офицеровъ съ деньгами для заготовленія вездѣ по дорогѣ и по даваемому отъ васъ наставленію провизіи и фуража послать, что и выступающіе съ другой стороны съ легкими войсками командиры (Ливенъ. Каниметъ. Такъ и Суворовъ *) для себя учинить имѣютъ».

2) Всѣ мѣры по заготовкѣ запасовъ должны были соотвѣтствовать основной идеѣ, указанной для сосредоточенія войскъ къ Прусской границѣ, заключавшейся въ томъ, чтобы «королю Прусскому сугубая (съ Двины и Днѣпра) диверсія сдѣлана была-бы, и тѣмъ невозможно узнать, на которое прямо мѣсто сія туча (наступающая наша армія) собирается». Апраксинъ поэтому долженъ былъ такъ маневрировать, чтобы для него «все равно прямо или на Пруссію, или влѣво черезъ всю Польшу въ Силезію маршировать» и соотвѣтственно принять мѣры для обезпеченія довольствія войскъ.

3) Предписывалось войскамъ имѣть съ собою двухнедѣльный запасъ провіанта.

4) Предоставлялось право собирать подводы въ Лифляндіи. Курляндіи и Польшѣ, съ «обѣщаніемъ за все платы и съ объявленіемъ, что въ противномъ случаѣ вы съ сожалѣніемъ принуждены брать оныхъ силою».

5) Такъ какъ «сей самый магазинъ (двухнедѣльный запасъ провіанта) сколько можно на нужные случаи сберегаемъ быть имѣется, то надлежитъ вамъ (Апраксину), если закупкою исправиться нельзя было-бъ, провіантъ и фуражъ въ Польшѣ выписывать такимъ-же образомъ, какъ выше о подводахъ упомянуто, требуя къ тому комиссаровъ отъ сосѣдственныхъ и отъ тѣхъ воеводствъ, въ которыхъ вы находиться будете. *Образъ, съ каковымъ король Прусскій въ Саксоніи поступаетъ, изрядный къ тому служитъ можетъ какъ удобные и скорые необходимыя для арміи потребности получать*, чего ради Коллегіи Иностранныхъ

*) Однофамилецъ знаменитаго фельдмаршала.

дѣлъ повелѣно всѣ съ начала нынѣшняго въ Саксонію прусскихъ войскъ вступленія, полученныя о томъ вѣдомости вамъ нынѣ же сообщить, да и впредь, что получаемо будетъ отъ времени до времени сообщать».

Копіи съ донесенія нашего посланника при Саксонскомъ дворѣ Гросса о насильственныхъ дѣйствіяхъ Фридриха II въ Саксоніи, дѣйствительно, были сообщены Апраксину [23].

Изъ всего изложеннаго, повидимому, слѣдовало бы признать, что свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Фридриха въ Саксоніи нашему главнокомандующему были сообщены «ради того», чтобы въ случаѣ затрудненій Апраксинъ примѣнилъ бы «образъ съ какимъ король Прусскій въ Саксоніи поступаетъ». Но конецъ той же статьи инструкціи, которая столь опредѣленно разрѣшала Апраксину примѣнить реквизицію,—предписываетъ совершенно обратное: «но при томъ надобно вамъ стараться и показать полякамъ, коль великая однакожъ между прусскимъ и вашимъ поведеніемъ разность есть». «Король прусскій, собирая въ Саксоніи насильственнымъ образомъ все то, что къ пропитанію многочисленной его арміи со излишествомъ потребно, не только за то не платитъ, но паче королевскія казны, сколько гдѣ нашелъ, грабитъ. Вы требуйте въ Польшѣ, которая несравненно лучше нежели Саксонія, въ состояніи прокормить десять такихъ армій *), чтобы вамъ провіантъ и фуражъ давали, *но вы каждому за то платите тѣмъ, что земля вмѣсто разворенія обогащается*».

Этою платою за все Апраксинъ долженъ былъ «приласкать и пріохотить поляковъ къ добровольной поставкѣ».

Все это еще можно было бы согласовать между собою, если бы въ распоряженіе Апраксина были даны значительныя денеж-

*). Замѣчательно, что это помѣщено послѣ того, когда Веймаръ категорически доносилъ, что въ Польшѣ армія встрѣтитъ серьезное препятствіе по довольствію войскъ. (См. Прусскія военныя дѣла, связка 2. Москов. Архивъ Иностранныхъ дѣлъ).

ныя суммы. Напротивъ, недостатокъ денегъ былъ очевиденъ и для Конференціи. Апраксину дано предписаніе: деньги «на другіе нужнѣйшіе случаи сберегать, а за провіантъ уплачивая по нѣсколько наличными, въ остальномъ имѣете вы (Апраксинъ), давать ассигнаціи на Рижскую, Смоленскую и Кіевскую губернскія канцеляріи».

При подобномъ направленіи дѣла Конференціею, очевидно, Апраксинъ вынужденъ былъ дѣйствовать крайне осторожно. Въ случаѣ необходимости онъ могъ прибѣгнуть, напримѣръ, къ реквизиціи, но если бы вслѣдствіе того произошли политическія усложненія съ Польшею (о чемъ заботились агенты Франціи), то отвѣтственность всецѣло падала на Апраксина. Обратно, если бы недостатокъ купленныхъ запасовъ повліялъ на ходъ операцій — то единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ являлся тотъ же главнокомандующій, какъ не исполнившій инструкціи, гдѣ рекомендовался наступательный образъ дѣйствія, по примѣру Фридриха II въ Саксоніи.

Апраксинъ, до вступленія въ предѣлы Пруссіи, рѣшился заготовлять продовольственные припасы на наличныя деньги. Для этого на главныхъ операціонныхъ путяхъ съ Западной Двины и Днѣпра къ р. Нѣману—было рѣшено устроить магазины, для которыхъ стали заподряжать запасы еще зимою 1756 года, т. е. вскорѣ по прибытіи Апраксина въ Ригу (10-го ноября).

Мы не склонны раздѣлять мнѣнія, что «главный нервъ войны есть деньги». Если прежде говорили (Монтекукули), что для войны нужны три вещи: во-первыхъ —деньги, во-вторыхъ —деньги и въ третьихъ—деньги, то тогда было время вербованныхъ (наемныхъ) армій; тогда понятіе о реквизиціи было почти равносильно понятію о грабежѣ. Какъ ни важны для войны деньги, но если отъ того или другого исхода кампаніи зависятъ самыя существенныя національные интересы, то финансы, смѣемъ думать, не могутъ имѣть рѣшаю-

щаго значенія: лишь бы были мѣстныя средства, лишь бы правильно организованъ былъ сборъ и подвозъ запасовъ, такъ какъ этимъ сохраняется возможность веденія стратегическихъ операцій въ желаемомъ направленіи и не менѣе важное—порядокъ въ арміи и въ тылу ея. Но такъ какъ Апраксинъ (имѣя свои серьезныя основанія) рѣшилъ покупать запасы и напимать подводы въ Литвѣ и Польшѣ исключительно на наличныя деньги, то послѣднія несомнѣнно имѣли значеніе «главнаго нерва» войны, который однако былъ въ полномъ разстройствѣ,—какъ то замѣтилъ и профессоръ Соловьевъ [25].

Указъ Правительствующаго Сената отъ 16-го мая 1757 года [26] точно опредѣляетъ, что для обезпеченія довольствія войскъ, Апраксину было ассигновано два милліона рублей серебр.; но въ дѣйствительности изъ нихъ до мая 1757 г. фельдмаршалу было отпущено всего 1 милліонъ. Тотъ же документъ свидѣтельствуетъ, что о высылкѣ втораго милліона въ маѣ 1757 г. еще шла переписка.

Дабы составить себѣ приблизительное понятіе о ежемѣсячномъ денежномъ расходѣ для покупки довольствія войскамъ Апраксина, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ цыфровыхъ данныхъ.

Генералъ-провіантмейстеръ князь Волконскій, въ концѣ 1756 года, принявъ въ соображеніе современныя цѣны въ Ригѣ, составилъ смѣту расходамъ на провіантское и фуражное довольствіе дѣйствующей арміи по штатному ея составу [27]. По его расчетамъ довольствіе одного человѣка должно было обойтись въ 70 коп. въ мѣсяцъ, а «государевой лошади» строевой 2 руб. 15 коп. Князь Волконскій опредѣленно высказывался, что цѣны несомнѣнно поднимутся вдвое противъ назначенныхъ, вслѣдствіе чего въ своихъ расчетахъ опредѣляетъ стоимость довольствія одного человѣка въ 1 руб. 40 коп., а лошади строевой 5 руб. 38 коп., подъемной 5 руб.

16 коп. Въ дѣйствительности, эти цѣны оказались близкими къ расчету Волконскаго [28].

Принимая однако наименьшія цыфры стоимости и взявъ составъ арміи Апраксина въ 128000 челов. и 92000 лошадей, мы видимъ, что, при правильномъ довольствіи, провіантъ и фуражъ не могъ обойтись менѣе 500000 рублей въ мѣсяцъ. Но если исключить до 15000 нерегулярныхъ «о дву конь», прибывшихъ на театръ военныхъ дѣйствій позднѣе, то и при этомъ условіи провіантъ и фуражъ не могли обойтись менѣе 300000 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, при всѣхъ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, армія могла правильно довольствоваться не болѣе $3^1/_2$ мѣсяцевъ.

Такъ какъ часть войскъ съ Днѣпра выступила въ февралѣ, а вся армія въ маѣ, то милліона рублей къ началу іюля, при самыхъ скромныхъ расчетахъ, не могло быть достаточно, тѣмъ болѣе, что мы не принимаемъ въ соображеніе платы за наемъ подводъ и другихъ неизбѣжныхъ расходовъ, а равно и курсъ нашего рубля [27].

Этотъ приблизительный расчетъ убѣдительно показываетъ крайне затруднительное положеніе Апраксина въ денежныхъ средствахъ, что вполнѣ обозначилось въ іюлѣ мѣсяцѣ. Денегъ къ этому времени не было, и настоятельныя требованія главнокомандующаго отъ Конференціи денегъ—золотомъ—вполнѣ понятны.

Апраксинъ приказалъ заготовить, въ предѣлахъ Литвы и Курляндіи, провіантскіе и фуражные запасы въ количествѣ необходимомъ не только на время прослѣдованія войскъ («проходные» магазины), но и для пополненія «основныхъ» магазиновъ (на вспомогательной базѣ по р. Нѣману), запасы коихъ должны были обезпечить русскія войска довольствіемъ при наступленіи къ Кенигсбергу.

Главныя распоряженія по заготовленію запасовъ на путяхъ слѣдованія съ Зап. Двины къ Нѣману были возложены на

генер.-квартирмейстеръ-лейтенанта Штофельна, а для войскъ слѣдующихъ съ Днѣпра къ Нѣману на генерала Зыбина [30]. Для колонны Румянцева, слѣдовавшей отъ Динабурга на Ковно, заготовленіе запасовъ поручено самому Румянцеву. Генералъ Даревскій устраивалъ главные магазины въ предѣлахъ нынѣшней Виленской и части Ковенской губерній. Для оказанія содѣйствія лицамъ, назначеннымъ въ Литву для заподрядовъ, Апраксинъ обратился къ Литовскимъ властямъ -Флемингу и князю Радзивилу [33].

Сопоставляя донесенія Штофельна [30], Зыбина [31], Даревскаго [32], ордера къ нимъ Апраксина и переписку Румянцева, видно, что въ распоряженіи каждаго изъ упомянутыхъ лицъ было нѣсколько офицеровъ, лично выбранныхъ ими изъ строя, хорошо знавшихъ мѣстное нарѣчіе и обычаи.

Строевые офицеры заподряжали провіантъ и фуражъ на мѣстѣ изъ первыхъ рукъ большими и мелкими партіями (это послѣднее разрѣшалось въ крайнемъ случаѣ) съ обязательствомъ подрядчиковъ доставить запасы въ извѣстные пункты. Состояніе этихъ запасовъ указаны въ таблицахъ №№ 43, 44 и 45 [34]. Часть задатковъ выдавалась при заподрядахъ, а окончательная расплата должна была производиться начальниками дивизій (корпусовъ), для этой цѣли каждому выдавалась извѣстная сумма денегъ [37].

На путяхъ слѣдованія каждой изъ колоннъ были образованы «проходные магазины» съ запасомъ довольствія (провіантъ и фуражъ) на два—три дня. Весь излишекъ запасовъ было приказано направлять въ главные магазины, которые были учреждены: 1) въ Шарулихъ (Скоруле) Кейданахъ и Вилькомирѣ—*на одинъ мѣсяцъ* для войскъ, проходившихъ черезъ эти пункты; 2) въ Оршѣ, Чериковѣ, Чечеревѣ, Рѣчицѣ, Ошмянахъ, Минскѣ и Слуцкѣ,- *на два мѣсяца* и въ 3) Ковно, Вильно, Трокахъ и Столбцахъ (на р. Нѣманѣ)— *на три мѣсяца* для всей арміи. Тыловые магазины были

въ такихъ пунктахъ, «изъ которыхъ (всѣхъ мѣстъ) яко лежащихъ при большихъ рѣкахъ далѣе въ слѣдъ за арміею при потребномъ случаѣ какъ провіантъ, такъ и фуражъ водою везенъ быть можетъ» [36].

Во время слѣдованія къ Ковно и Гродно войска не встрѣчали затрудненій въ довольствіи, но съ прибытіемъ главной квартиры въ Ковно (4-го іюня 1757 г.) тотчасъ же обнаружилась ошибочность расчетовъ, на которыхъ былъ основанъ планъ дальнѣйшаго довольствія по сосредоточенію войскъ на Нѣманѣ.

Прежде всего на притокахъ Нѣмана—Вилін, Свентѣ и др. не оказалось въ достаточномъ количествѣ перевозочныхъ средствъ [37]. Затѣмъ, послѣ спада водъ, сплавъ по мелководнымъ притокамъ Нѣмана и въ верховьяхъ его совсѣмъ прекратился. Кромѣ того и въ главныхъ магазинахъ запасы не могли быть собраны въ назначенномъ количествѣ, на что несомнѣнно вліяло—недостатокъ запасовъ въ краѣ, принудительный курсъ нашего рубля и недостатокъ наличныхъ денегъ.

Неуспѣшность заготовленія запасовъ начала обнаруживаться еще въ мартѣ 1757 г., и Апраксинъ тогда же принялъ мѣры для обезпеченія арміи довольствіемъ при содѣйствіи торговаго флота. Главнокомандующій сдѣлалъ представленіе въ Конференцію [38], чтобы находящаяся въ Ревелѣ эскадра адмирала Люиса, «какъ скоро только море допуститъ оттуда выступила и плаваніе свое такимъ образомъ учреждала, дабы благовременно въ Нилау придти могла». Блокируя, такимъ образомъ, портъ, та же эскадра служила бы прикрывающею эскадрою для движенія нашего транспортнаго флота, который долженъ былъ перевести десантъ изъ Ревеля въ Либаву [39] (галеры подъ командою Кашкина) [41] и затѣмъ транспортировать запасы въ Либаву. Для этой послѣдней цѣли Конференція повелѣла образовать особую эскадру торговаго (ластоваго) флота (Спиявина) [40.42], который изъ С.-Пе-

тербурга долженъ былъ перевести въ Либаву «на первый случай отъ 10—15 т. четвертей муки, въ пропорціи круп и отъ 15—30 т. четвертей овса», что составляло двухъ-трехъ-недѣльный запасъ довольствія на всю армію.

По взятіи Кенигсберга, по проекту Апраксина, прикрывающая эскадра должна была продвинуться впередъ и блокировать Данцигъ, а торговый и галерный флотъ транспортировать довольствіе къ Кенигсбергу [43]. Русская главная квартира составила планъ дѣйствія только до занятія Кенигсберга, «гдѣ смотря по тогдашнимъ непріятельскимъ обращеніямъ и обстоятельствамъ дѣйствія свои въ Бранденбургію или Померанію расположить можно будетъ» [46].

По прибытіи въ Ковно, главнокомандующій, между 4 -16 іюня [48], принялъ рядъ мѣръ для устройства и обезпеченія запасовъ на Нѣманѣ.

1) Даревскому было приказано перевести оставшіеся запасы изъ Вильно, Трокъ и Столбцовъ въ Ковно и Олиту въ такомъ количествѣ, чтобы въ Ковенскомъ магазинѣ запасовъ было на два мѣсяца, а въ Олитѣ на $2^1/_2$ недѣли. «Перевозку предписывалось учинить не только на витинахъ, но и на подводахъ», для чего, между прочимъ, назначался обозъ Рязанскаго и Смоленскаго пѣхотныхъ полковъ, оставленныхъ въ Ковно для прикрытія тыла.

2) Генералъ-маіору де-Боскету приказано укрѣпить Ковно «какъ главный плацдармъ всей арміи» [44], для занятія котораго назначена бригада Шуммерса, Рязанскій и Смоленскій полки, но безъ гренадерскихъ ротъ [45].

3) Либавскій, а затѣмъ Мемельскій магазины было рѣшено пополнить запасами доставленными транспортнымъ флотомъ изъ С.-Петербурга.

4) Обозы и тяжести какъ генеральскіе, такъ и полковые «оставленіемъ всѣхъ никъ и нѣсколькихъ рогатокъ по крайней возможности умешьшены».

Это облегченіе войсковыхъ обозовъ дало возможность поднять 18-ти дневный запасъ провіанта, вмѣсто 14-ти дневнаго, взятаго съ Зап. Двины и Днѣпра.

5) Для текущаго довольствія войскъ, до Прусскихъ границъ,—образовать «проходные» магазины, пополняя ихъ запасами съ подрядовъ. Заключеніе подрядовъ было поручено начальнику авангарда Штофельну, «которому потребное число провіанта у тѣхъ жидовъ сторговать и контракты заключить».

«Проходные магазины» было приказано образовать въ Гогахъ и Преnахъ на сутки; въ Вальвержишкахъ на 10 дней и въ Людвиновѣ—на 1 мѣсяцъ [41].

6) Отряду генерала Фермора, при операціяхъ противъ Мемеля, было назначено довольствоваться изъ Либавскаго магазина, пополняемаго изъ мѣстныхъ средствъ Курляндіи, изъ складовъ въ Ригѣ и изъ С.-Петербурга, при посредствѣ торговаго флота. Отъ Либавы же до Мемеля провіантъ было приказано сплавлять по озеру до рѣки Геліи, откуда до осаднаго корпуса—транспортомъ изъ 15-ти роспусковъ, предназначенныхъ къ постоянному движенію между Будендинскофомъ и расположеніемъ осаднаго корпуса. Эта операція возложена была на знаменитаго впослѣдствіи Суворова, бывшаго тогда въ распоряженіи маіора Гротенгейльма, завѣдывавшаго этапнымъ пунктомъ Курляндіи [45].

7) Для подвоза осаднаго парка (подлежащаго выгрузкѣ въ Либавѣ), артиллерійскихъ запасовъ и шанцеваго инструмента приказано было организовать совершенно особый паркъ изъ 15000 повозокъ, взятыхъ въ Курляндіи реквизиціоннымъ способомъ [47].

8) Отрядъ нашихъ войскъ, сосредоточенный у Гродно (Сибильскій), при движеніи въ тылъ арміи Левальда (при случаѣ даже къ Маріенвердеру) долженъ былъ обезпечить себя довольствіемъ на особо отпущенныя деньги. Заготовленіе запасовъ въ этомъ отрядѣ было возложено на генер. Зыбина [38].

Всѣми этими мѣрами предполагали обезпечить довольствіе русской арміи до занятія Кенигсберга или удобнаго пункта на берегу Куриш-гафа (впослѣдствіи назначили Лабіаву). По взятіи Мемеля, Ферморъ обязанъ былъ подготовить запасы и всѣ вообще средства для возстановленія прямой «водяной коммуникаціи» между Мемелемъ по Куриш-гафу и р. Деймѣ съ Кенигсбергомъ [29].

Настойчивыя требованія изъ С.-Петербурга о скорѣйшемъ открытіи военныхъ дѣйствій не позволяли Апраксину и думать останавливаться для выжиданія какихъ либо результатовъ сдѣланныхъ имъ распоряженій по устройству магазиновъ на Нѣманѣ. Не успѣлъ Штофельнъ (съ выдвинутымъ впередъ особымъ авангардомъ) устроить магазинъ въ Бальвержишкахъ, не смотря на то, что Ферморъ не приступалъ еще къ осадѣ Мемеля (въ ожиданіи осаднаго парка), наконецъ не взирая, что еще значительная часть легкихъ войскъ не прибыла съ Днѣпра, Апраксинъ, 16-го іюня, вынужденъ былъ выступить изъ Ковно къ прусской границѣ.

23-го іюня главныя силы дѣйствующей арміи достигли Бальвержишекъ. Здѣсь, вмѣсто 10-ти дневнаго запаса, съ трудомъ былъ собранъ провіантъ на 3 дня; а «что до кавалеріи принадлежитъ, то никакимъ образомъ овса достать нельзя и уже третій день лошадямъ за пенмѣніемъ не давано». Такъ доноситъ Апраксинъ императрицѣ—25-го іюня [30].

Имѣя донесенія, что впереди—къ Людвинову—сборъ запасовъ шелъ еще медленнѣе, Апраксинъ, изъ Бальвержишекъ, приказалъ маіору Гревсу (оставленному Зыбинымъ для завѣдыванія этапомъ въ Гродно), какъ «наискорѣе возможно изъ Гродненскаго магазина на обывательскихъ подводахъ 1000 бочекъ ржаной муки, 300 или 200 бочекъ ячменю къ Бальвержишкамъ къ арміи отправить» [30]. Туда же приказано перевести магазинъ изъ Прены.

Только этими мѣрами удалось образовать въ Людвиновѣ двухъ-недѣльный запасъ провіанта, подрядчики же не доставили ни одного зерна. Изъ Людвиновскаго магазина войска начали получать довольствіе съ 7-го іюля [31]; слѣдовательно, вмѣстѣ съ 18-ми дневнымъ запасомъ, армія была обезпечена до начала августа.

Дальнѣйшее обезпеченіе провіантомъ (зернового фуража давно уже не было) настолько озабочивало главнокомандующаго, что еще 2-го іюля этотъ вопросъ былъ представленъ на обсужденіе военнаго совѣта [32]. Штабъ главнокомандующаго констатировалъ военному совѣту, во-первыхъ, что предполагавшаяся поставка запасовъ при посредствѣ подрядчиковъ не удалась; во-вторыхъ—на средства Пруссіи разсчитывать нельзя; въ третьихъ, пополненіе магазиновъ на Нѣманѣ (за спадомъ водъ на притокахъ этой рѣки) не можетъ быть произведено изъ тыловыхъ магазиновъ; въ четвертыхъ, что Фермору по взятіи Мемеля приказано безотлагательно приготовиться возстановить сообщеніе по Куришъ-гафу *).

Военный совѣтъ, не находя возможнымъ предпринять рѣшительнаго наступленія до устройства Ферморомъ складовъ въ Мемелѣ и до возстановленія транспортированія запасовъ по Куришъ-гафу,—2-го іюля постановилъ, что «сколь ни трудно, медлительно и ждивительно доставленіе гужемъ, однако, не взирая на все то, для поспѣшествованія походомъ съ арміею, ордера послать провіантъ изъ Гродно и Ковно за арміею подвозить дабы съ покупаемымъ вновь столь собрать на первый случай, чтобы при вступленіи въ непріятельскую землю недостатка не было». Вмѣстѣ съ тѣмъ военный совѣтъ обратилъ вниманіе на другое важное обстоятельство, которое начинало оказывать вліяніе на заготовленіе довольствія, а именно,—на недостатокъ мель-

*) Еще 30-го іюня (въ день полученія извѣстія о взятіи Мемеля) Фермору было отправлено предписаніе Апраксина, чтобы всѣ свободныя галеры изъ Либавы ввести въ Куришъ-гафъ, нагрузить провіантомъ и быть въ готовности транспортировать запасы на Либаву. (См. ниже главу VI).

ницъ. Начальнику авангарда было приказано собирать свѣдѣнія о числѣ мельницъ, «ибо по недостатку хлѣба есть только та надежда, что хлѣбъ сжавъ сколько смолоть и тѣмъ въ непріятельской странѣ пропитать армію, пока способно будетъ и провіантъ, черезъ мельницы достать».

Организація подвозовъ, сборъ для этого подводъ, покупка запасовъ и отправленіе ихъ къ арміи было возложено: въ Ковно—на бригадира Нумерса, въ Гродно—на полковника Гревса и, по мѣрѣ движенія арміи впередъ, назначались новыя лица; такъ въ Вержболовѣ былъ оставленъ генер.-провіант.-лейтенантъ Масловъ, въ Либавѣ—маіоръ Гротенгельмъ, въ Мемелѣ—знаменитый впослѣдствіи—Суворовъ.

На основаніи постановленія военнаго совѣта Фермору было опять подтверждено *) о необходимости принять энергическія мѣры для устройства доставки запасовъ водою до Лабіавы; при чемъ категорически высказывается, что вся «*экспедиція къ тому клонится*», чтобы занявъ этотъ пунктъ, тотчасъ же довольствовать армію запасами изъ Мемеля, подвозимыми флотомъ. Синявину, съ ластовымъ флотомъ, было приказано, не выгружая запасовъ въ Либавѣ, направляться прямо въ Мемель. Восйкову (Рижскому губернатору) предписано всѣ запасы направлять въ Мемельскіе магазины [50].

Генералъ Ферморъ еще до полученія предписанія Апраксина, — зная намѣренія главнокомандующаго относительно сплава запасовъ по Куришъ-гафу,—вскорѣ по взятіи Мемеля, по собственной иниціативѣ, принялъ мѣры для обезпеченія доставки запасовъ водою въ Кенигсбергъ [53]. 5-го іюля были окончены необходимые промѣры въ заливѣ, при чемъ оказалось, что наши морскія галеры не были годны для плаванія по Куришъ-гафу: «въ 2-хъ миляхъ отъ Мемеля къ Гафу

*) Въ это время между главною арміею и отрядомъ Фермора было возстановлено летучее почтовое сообщеніе (нарядъ былъ отъ казаковъ), отъ Вержболово на Юрбургъ-Тильзитъ [30].

найдено уже при перемѣнахъ въ морѣ погоды не глубже 4—5 фут., а галеры требуютъ отъ 7 фут. и выше глубину» [54].

7-го іюля Ферморъ донесъ [55], что, кромѣ Шварцъ-орда, на Куришъ-гафѣ есть мѣста по мелководью недоступныя для нашихъ галеръ; судовъ же мѣстныхъ, пригодныхъ для плаванія по заливу «нигдѣ не оказалось, а дѣлаются они въ Польшѣ». Кромѣ того, для обезпеченія движенія судовъ по Гафу, Ферморъ находилъ необходимымъ безотлагательно занять Лабіаву и образовать на Гафѣ вооруженную флотилію для охраненія движенія транспортовъ.

Такимъ образомъ невозможность правильнаго устройства подвозовъ отъ Нѣмана за арміею начала невыгодно отзываться на стратегическихъ операціяхъ арміи Апраксина: «на хлѣбъ-же, который въ непріятельской землѣ (доносилъ тогда же главнокомандующій императрицѣ) еще ни мало надѣяться нельзя, затѣмъ что непріятель быть можетъ оный сжечь велитъ» (очевидно на корню) [56], и наконецъ мѣстные запасы требовали перемола, что, въ сферѣ соприкосновенія съ непріятелемъ, Апраксинъ признавалъ неудобоисполнимымъ.

Къ 18-му іюля наши войска были направлены къ 5-ти главнымъ пунктамъ. Ферморъ только что выступилъ изъ Мемеля въ Тильзитъ для соединенія съ главною арміею, занявшею Вержболова. Отрядъ Сибильскаго былъ на пути изъ Гродно къ Олецко, и имѣвшій назначеніе дѣйствовать въ тылъ Левальда. Кавалерія Линдена—въ Гольдапѣ. Кирасиры Румянцева подходили къ главной арміи отъ Олиты. Непріятель по свѣдѣніямъ, бывшимъ въ нашей главной квартирѣ (но не вполнѣ опредѣленнымъ), отступилъ изъ Инстербурга въ Велау, гдѣ и укрѣпился; часть же силъ непріятеля (Кашицъ) занимала Лабіаву и Тапіаву, пункты столь важные для насъ въ отношеніи дальнѣйшаго обезпеченія довольствіемъ. На пополненіе магазиновъ

на Нѣманѣ изъ тыловыхъ и на подвозы запасовъ отъ Ковно и Гродно нельзя было разсчитывать: денегъ совсѣмъ почти не было. Единственная надежда на возстановленіе въ будущемъ правильнаго и вполнѣ обезпеченнаго коммуникаціоннаго пути по Куришъ-гафу была, по меньшей мѣрѣ, крайне сомнительна. Для полноты обстановки, въ которой находилась армія къ 18-му іюля, слѣдуетъ замѣтить, что извѣстія съ европейскаго театра военныхъ дѣйствій давали право быть увѣреннымъ, что Левальдъ не скоро еще получитъ подкрѣпленіе; всякая же попытка къ усиленію пруссаковъ у Кенигсберга предупреждалась развѣдчиками Сибильскаго [56].

При этихъ условіяхъ 18-го іюля въ Вержболово состоялось новое обсужденіе вопроса относительно обезпеченія арміи провіантскимъ запасомъ. Доставка же овса была настолько очевидно невозможна, что о подвозѣ зернового фуража ни разу не возбуждали даже вопроса.

Военный совѣтъ 18-го числа рѣшилъ прежде всего усиленными развѣдками о непріятелѣ распознать обстановку [57] и, не предрѣшая вопроса о невозможности въ скоромъ времени пріобрѣсти суда годныя для движенія по Куришъ-гафу, предписать Фермору, заявъ Тильзитъ, выждать приказаній, дабы «по усмотрѣнію обстоятельствъ движеній напаче-жъ послучаю гдѣ способнѣе и нужнѣе будетъ по прежнему положенію къ Лабіо или въ другое мѣсто или-жъ къ соединенію съ главною арміею слѣдовать повелѣно будетъ». Фермору въ это время долженъ былъ довольствоваться запасами изъ Тильзита.

Устройство подвозовъ для главной арміи главнокомандующимъ было поручено самому ген.-провіантмейстеру-лейт. Маслову и полковнику Гернсдорфу, знавшему хорошо нѣмецкій языкъ. Послѣднему было приказано «имѣть впредь въ вѣдомствѣ своемъ всѣ здѣшнія амты какъ для расположенія поставки провіанта и фуража, такъ и для учрежденія рапортовъ и всѣхъ прочихъ до того касающихся учрежденій».

Мы не знаемъ подробностей распоряженій какъ Маслова, такъ и другихъ начальниковъ участковъ тыла арміи, но само собою понятно, что организація транспорта изъ обывательскихъ подводъ безъ денегъ и въ чужомъ краѣ дѣло настолько затруднительное, что при всемъ усердіи лицъ, завѣдывавшихъ этою операціею, полнаго успѣха быть не могло.

Все, что возможно, было сдѣлано. Провіантъ подвозился, но на правильность движенія, случайно организованныхъ транспортовъ, очевидно, нельзя было разсчитывать.

Тѣмъ не менѣе, только благодаря подвозамъ по распоряженію Маслова, ко дню соединенія арміи Апраксина и отряда Фермора (что было рѣшено 2-го, а въ дѣйствительности исполнено 7-го августа) собственно провіантомъ армія была обезпечена до 1-го сентября, но фуражъ (сѣно) по прежнему добывался исключительно фуражировками [58].

По мѣрѣ движенія русской арміи впередъ по правому берегу р. Прегеля новый подвозъ запасовъ, организованный безъ системы, дѣлался все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Для образованія интендантскихъ транспортовъ (въ виду недостатка для этого обывательскихъ подводъ) назначили обозъ Ладожскаго полка, оставленнаго гарнизономъ въ Гумбинненѣ; кромѣ того, послали «при полковникѣ Пушкаревѣ 500 Донскихъ казаковъ, для препровожденія оставленнаго въ Вержболовѣ магазина» [59], но всѣ эти и имъ подобныя полумѣры очевидно не обезпечивали довольствія войскъ: чѣмъ быстрѣе двигалась бы русская армія по пути къ Кенигсбергу, тѣмъ безвыходнѣе было ея положеніе въ отношеніи своевременнаго подвоза провіанта изъ Ковно и Гродно.

При такихъ обстоятельствахъ единственною радикальною мѣрою было совсѣмъ отказаться отъ коммуникаціонныхъ линій Ковно, Гродно на Вержболово, Инстербургъ, Велау, а образовать магазины въ Тильзитѣ, пополнить ихъ изъ Мемеля (сплавляя запасы по Нѣману), сосредоточить въ Тильзитѣ

всѣ сухопутныя перевозочныя средства и организовать правильное движеніе транспортовъ между Тильзитомъ, Инстербургомъ, Велау и Таніаву *).

Этою своевременною перемѣною коммуникаціонной линіи путь для подвоза интендантскими транспортами уменьшался вдвое—втрое; при этомъ весьма важно то обстоятельство, что Тильзитскіе магазины могли быть пополняемы изъ Мемеля, куда флотомъ были доставлены въ изобиліи провіантскіе и фуражные запасы. Наконецъ, только при подобной перемѣнѣ коммуникаціонной линіи русская главная квартира могла не принимать въ соображеніе невозможности пополнять Ковенскіе и Гродненскіе магазины изъ тыловыхъ.

Факты показываютъ, что одновременно съ движеніемъ отряда Фермора на соединеніе съ главною арміею дѣйствительно были приняты мѣры для доставки запасовъ изъ Мемеля въ Тильзитъ; но не смотря на личное участіе въ этомъ дѣлѣ Фермора, не смотря на то, что сплавъ запасовъ и тяжестей былъ порученъ знаменитому Суворову, запасы «по неспособности рѣки» не могли быть доставлены изъ Мемеля въ Тильзитъ, а къ концу августа ихъ доставили изъ Ковно [60].

Наканунѣ Гр. Егерсдорфскаго боя (18-го августа) прибылъ къ русской арміи послѣдній (до катастрофы) интендантскій транспортъ изъ Инстербурга съ трехдневнымъ запасомъ провіанта, но всего съ 63 четвертями овса [61]. Этою доставкою армія была обезпечена хлѣбомъ до 8-го сентября **). Фуражиры, посланные 18-го августа за сѣномъ за 20-ть верстъ, вернулись безъ него. Овса не выдавали въ части войскъ со времени выступленія изъ Ковно (16-го іюня). Пол-

*) Между Тильзитомъ и перечисленными пунктами было прямое сообщеніе.

**) Въ день военнаго совѣта запасовъ было до 8-го сентября. Эти свѣдѣнія взяты изъ рукописнаго журнала военныхъ дѣйствій (В. У. Арх. № 224); по немъ мы слѣдили о прибытіи транспортовъ, и состояніе запасовъ совершенно совпадаютъ съ указаннымъ и въ постановленіи Воен. Сов. 27-го августа (В. С. № 5. Противники Фридриха, стр. 36), тамъ сказано, чтобы былъ провіантъ на 12 дней, т. е. на 8 дней сентября и на 4 дня августа.

ковникъ Лебель, назначенный для образованія вооруженной флотиліи на Куришъ-гафѣ. въ половинѣ августа донесъ (22-го августа), «что онъ съ 10-ю вооруженными галерами имѣлъ перестрѣлку у дд. Рендель и Лабединъ» [62] и послѣ рекогносцировки убѣдился въ необходимости, для обезпеченія сообщенія по Куришъ-гафу—прочно занять прежде всего Лабіаву.

При этихъ обстоятельствахъ Апраксинъ, послѣ Гр.-Егердорфской побѣды. въ видахъ стратегическихъ (а отчасти и военно-административныхъ *), перемѣнилъ свою операціонную линію Ковно-Таніава-Кенигсбергъ, на Гродно-Алленбургъ-Кенигсбергъ и 25-го августа занялъ Алленбургъ. Близкая возможность окончательнаго разстройства всей арміи сдѣлалась настолько очевидна, что 27-го числа главнокомандующій собралъ военный совѣтъ [63]. для обсужденія критическаго положенія арміи. вслѣдствіе полнаго разстройства конскаго состава и невозможности подвести запасы къ Кенигсбергу, въ случаѣ его занятія послѣ новаго и окончательнаго разгрома прусской арміи. Подобная полная побѣда была не столь вѣроятною, какъ прежде, ибо Левальдъ послѣ 19-го августа успѣлъ пополнить армію и запасы, а русская армія оставалась ослабленною продолжительнымъ походомъ и боемъ подъ Гр.-Егердорфомъ.

Положеніе арміи разсматривалось на военномъ совѣтѣ 27-го августа въ двухъ отдѣльныхъ совѣщаніяхъ. Апраксинъ приказалъ сначала дать свое заключеніе всѣмъ полковымъ командирамъ и затѣмъ ихъ постановленіе разсмотрѣть генералитету, подъ личнымъ его предсѣдательствомъ.

Полковые командиры, усматривая могущія быть серьозныя затрудненія въ атакѣ крѣпкихъ позицій до Кенигсберга, «умалчивая о фуражѣ, котораго и теперь уже въ окольчности

*) Демолинъ доставилъ Апраксину опредѣленныя свѣдѣнія, что будто бы сѣна очень много около Алленбурга (см. примѣч. 25 къ главѣ III-ей).

нигдѣ достать нельзя; паче-же удаляясь тѣмъ временемъ отъ нашихъ и такъ уже отдаленныхъ магазиновъ и не имѣя надежды къ полученію непріятельскихъ нашли что впредь несносный бы въ войскахъ явился голодъ, отъ котораго Боже сохрани, такая изрядная армія крайней-бы погибели подвержена была-бъ, а хотя небольшое число провіанта получить можно было-бы, однако оный на такую армію весьма недостаточенъ быть можетъ».

Въ виду этого «по нѣсколькомъ разсужденіи вышеупомянутые полковники единогласно свое мнѣніе генералитету на благоволѣніе такимъ образомъ представили, что будучи, они больными отягощены; за изнуреніемъ отъ недостатка фуража лошадей яко же и не предвидя способа къ доставленію на продовольствіе войска въ таковой непріятелемъ обнаженной землѣ провіанта за необходимое признаютъ къ тому мѣсту маршировать гдѣ провіанта получить можно; однако все то предаютъ на зрѣлое разсужденіе генералитета». Генералитетъ призналъ «на вышерѣченное полковниковъ мнѣніе общесогласится», и потому постановлено и утверждено: «отъ здѣшняго мѣста поворотить въ сторону, и пробираться лучшими мѣстами до Тильзита», и за тѣмъ (пополнивъ запасы) «паки впередъ маршировать и всякое возможное надъ непріятелемъ предпріятіе искать, дабы всеконечно буде возможно еще нынѣшнимъ осеннимъ временемъ мѣстомъ Лабіо и рѣкою Деймою завладѣть и такимъ образомъ къ доставленію себѣ довольствія путь очистить» [71]. Ферморъ, по повелѣнію императрицы, 14-го октября доноситъ Ея Величеству «какъ передъ Богомъ», что причины отступленія арміи—«недостатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи и хотябъ непріятель вторично разбитъ и Кенигсбергъ взятъ былъ, то не имѣя готовыхъ магазиновъ пропитать нечѣмъ было, а въ противномъ случаѣ еще бы, подъ закрытіемъ прусскаго войска, блокада города продолжалась, тобъ за недостаткомъ принуждены были отступить и тѣмъ полученную славу умалить» [64].

Вотъ конечный результатъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ для заготовленія довольствія съ ноября 1756 г.

Согласно постановленію военнаго совѣта, отъ 27-го августа, армія 29-го числа отступила къ Ильмендорфу и далѣе на Инстербургъ къ Тильзиту. Въ Инстербургѣ были взяты изъ мѣстныхъ средствъ самые ничтожные запасы [65] и только въ д. Сеславинѣ—8-го сентября арміи встрѣтилъ транспортъ изъ Тильзита [65]. 12-го сентября армія вступила въ Тильзитъ и на другой же день началась переправа на правый берегъ Нѣмана [65].

Въ какомъ состояніи находились провіантскіе запасы въ Тильзитѣ ко дню вступленія туда арміи (12-го сентября), — опредѣленно сказать трудно. Но есть данныя заключить, что въ этомъ случаѣ провіантъ не могъ служить препятствіемъ для перехода въ наступленіе: запасъ довольствія необходимый для движенія къ Лабіавѣ, нѣтъ сомнѣнія, былъ *), но переходъ въ наступленіе русской арміи изъ Тильзита на Лабіаву, въ сентябрѣ 1757 г., былъ окончательно невозможенъ, въ виду полнаго разстройства русскихъ войскъ, вытаскивавшихъ на себѣ изъ непролазной грязи обозы, по безусловной почти невозможности осенью вести наступательныя операціи въ болотисто-лѣсистой мѣстности между Тильзитомъ и Лабіавою и наконецъ по совершенному недостатку судовъ на Куришъ-гафѣ, вслѣдствіе чего Мемельскіе запасы все-таки не могли быть доставлены въ Лабіаву [66], въ случаѣ даже удачнаго наступленія.

Прусскія войска не преслѣдовали Апраксина, отступившаго главными силами на Мемель, и русская армія

*) Заключаемъ это, во-первыхъ, изъ того, что для обратнаго движенія до Мемеля армія взяла изъ Тильзита часть запасовъ, которыхъ хватило бы и до Лабіавы; во-вторыхъ, часть провіанта въ Тильзитѣ вынуждены были бросить, и въ третьихъ, транспортъ, высланный въ сентябрѣ изъ Ковно, послѣ отступленія изъ Тильзита, изъ опасенія, чтобы онъ не попался въ руки непріятеля, былъ уничтоженъ около Юрбурга. Что же касается фуражныхъ запасовъ, то ихъ не было ни въ Тильзитѣ, ни въ другихъ магазинахъ на Нѣманѣ, выше Ковно.

въ октябрѣ 1757 года спокойно расположилась на зимнихъ квартирахъ.

Сводя все сказанное относительно каждой изъ помянутыхъ выше четырехъ хозяйственныхъ операцій, по заготовленію довольствія, позволяемъ себѣ остановиться на слѣдующихъ общихъ заключеніяхъ.

1) Провіантскіе запасы на Зап. Двинѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ обезпечили войска не только при расположеніи ихъ на зимнихъ квартирахъ съ 1756—1757 г., но могли служить для пополненія магазиновъ и на вспомогательной базѣ (на Нѣманѣ), и часть этихъ запасовъ дѣйствительно была отправлена въ Мемель еще лѣтомъ 1757 г.

Зернового фуража на главной базѣ (по Зап. Двинѣ) едва хватило до мая 1757, такъ что въ Либавскій и Мемельскій магазины зерновой фуражъ подвозили флотомъ изъ Петербурга.

Конница (Ливена и нерегулярная), расположенная на зимнихъ широкихъ квартирахъ, кордономъ отъ Смоленска до Чернигова, не имѣла недостатка въ довольствіи.

Успѣхъ заготовленія провіантскихъ запасовъ на р. Зап. Двинѣ обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что необходимыя для того мѣры были приняты еще въ 1755 г. Капитальнымъ же пробѣломъ въ распоряженіяхъ чиновъ центральнаго управленія провіантмейстерской части (князя Волконскаго), несомнѣнно, слѣдуетъ признать формальное отношеніе къ заявленію лифляндскихъ и эстляндскихъ властей о недостаткѣ въ краѣ зерновыхъ фуражныхъ продуктовъ еще въ 1755 г. Недостатокъ зернового фуража (что впослѣдствіи погубило почти весь конскій составъ арміи) началъ выясняться еще въ іюнѣ 1756 г.; а между тѣмъ мы не встрѣчаемъ никакихъ радикальныхъ мѣръ для устраненія этого *).

*) Напр. подвозъ овса зимою 1756 г. изъ внутреннихъ губерній въ Ригу, Либаву, Митаву и хотя бы въ Вильно. Это тѣмъ болѣе падаетъ виною на главную провіантмейстерскую канцелярію, что тѣмъ же княземъ Волконскимъ былъ сдѣланъ расчетъ количества продуктовъ, потребныхъ для арміи, изъ котораго была очевидна несоразмѣрность конскаго состава дѣйствующей арміи; а именно, на 3 человѣка приходилось около $1\frac{1}{2}$ лошади.

Недостаточно энергичная дѣятельность полевого провіантмейстерскаго управленія при заготовленіи запасовъ для дѣйствующей арміи произошла также и потому, что полевое провіантмейстерское управленіе было въ сильной зависимости отъ центральнаго. По крайней мѣрѣ одно изъ первыхъ распоряженій Фермора, принявшаго командованіе арміею, прежде всего заключается въ томъ, что онъ потребовалъ какъ генералъ-провіантмейстера, такъ и генералъ-кригъ-комиссара (Волконскаго и Мещерскаго) лично прибыть въ Либаву и на мѣстѣ дѣлать свои распоряженія, а не изъ С.-Петербурга.

2) Способъ заготовленія запасовъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Курляндіи, принятый Апраксинымъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Вмѣсто передачи всего подряда «комиссіи Даревскаго», какъ-то проектировано въ Конференціи, хозяйственная операція разбивается на отдѣлы. Даревскій получаетъ всего одинъ отдѣлъ (Вильно-Трокскіе магазины), а главныя заготовки довѣряются лицамъ, занимавшимъ видное положеніе въ арміи (Штофельнъ, Зыбинъ, Румянцевъ), непосредственно заинтересованнымъ въ успѣшности заготовокъ. При этой системѣ, только у Даревскаго могли быть на первомъ планѣ коммерческіе интересы, остальныя же лица, какъ командиры частей, для которыхъ должны были быть скупаемы запасы, не могли не интересоваться успѣшностью заготовленій и доброкачественностью поставляемыхъ продуктовъ. Занимаемое же ими положеніе въ арміи совершенно гарантировало отъ недоразумѣній при заготовкахъ и злоупотребленій.

Замѣчательно, что Даревскій, при всей ограниченности своей дѣятельности, не избѣгъ однако затрудненій при расчетахъ съ правительствомъ.

Нельзя, конечно, не замѣтить медленности въ закупкѣ продуктовъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, а главное того обстоятельства, что проходные магазины хотя вполнѣ удовлетворили

потребности путевого довольствія, но «основные» (тыловые) не были пополнены въ томъ количествѣ запасовъ, какъ предполагалъ главнокомандующій. Нѣтъ сомнѣнія, что на это вліяло совершенное неимѣніе военно-статистическихъ свѣдѣній о средствахъ края, недостатокъ денегъ, неудобство путей сообщенія, а также, что вмѣсто необходимой въ этомъ случаѣ настойчивости, было принято «ласкательство», которое было поставлено основнымъ условіемъ, при отношеніи къ мѣстнымъ властямъ и жителямъ.

3) Магазины на Нѣманѣ, очевидно, не могли быть снабжены въ полномъ количествѣ запасовъ до прибытія главныхъ силъ въ Ковно, такъ какъ подвергались опасности быть захваченными непріятелемъ; да и самыя директивы операціоннаго плана не установились почти до мая. А потому (въ основаніяхъ) руководящую идею плана довольствія арміи при наступленіи *) нельзя не признать правильною и совершенно соотвѣтственною бывшимъ обстоятельствамъ.

4) Стратегическая неудача русскихъ въ кампанію 1757 г. была не по недостатку запасовъ на вспомогательномъ базисѣ (Нѣманѣ), а вслѣдствіе неправильной (случайной) организаціи подвозовъ за арміею отъ Нѣмана.

Факты свидѣтельствуютъ, что въ этомъ случаѣ суду исторіи подлежалъ бы не Апраксинъ, а полковникъ Масловъ и Гердорфъ (бывшій въ Веряжболовѣ), Гревсъ (Гродно), Нумерсъ (Ковно), Гротенгельмъ, оставленный Ферморомъ въ Тильзитѣ,—на которыхъ была возложена доставка запасовъ. Главнокомандующій мало того, что принялъ мѣры для подвоза запасовъ съ базы интендантскими транспортами, но не упускалъ случая заподрядить припасы на лѣвомъ берегу Нѣмана до прусскихъ границъ, отдалъ приказаніе для захвата

*) Заготовка запасовъ въ тылу на водныхъ линіяхъ для сплава ихъ на Цѣманъ, мѣры для организаціи торговаго флота въ Петербургѣ и Ригѣ, для подвоза хлѣба въ Мемелю-Кенигсбергъ.

средствъ края въ долинѣ Прегеля (что было возложено на Штофельна) и т. п.

Винить Маслова, Гревса, Гротенгельма, конечно нельзя: и болѣе 50-ти лѣтъ спустя, этотъ трудный вопросъ не былъ разрѣшенъ. По этому поводу мы встрѣчаемъ такой авторитетный отзывъ Канкрина: «Подвижные магазины въ 1812 году собирались вмѣстѣ съ войною съ великимъ отягощеніемъ губерній въ видѣ гражданскаго обоза *и по новости дѣла и людей, по непрочности повозокъ и прочаго и по препятствіямъ* черезъ самыя военныя обстоятельства—исчезли (подводы) прежде совершеннаго собранія ихъ, да и изъ тѣхъ кои достигли своего назначенія чрезъ неопытность чиновниковъ и людей, весьма много (подводъ) потерялось».

Если сборъ подводъ и организація изъ нихъ транспортовъ было «новостью» въ 1812 г., если это встрѣчало массу препятствій въ своей странѣ, при полномъ напряженіи патріотизма, то можно себѣ представить положеніе дѣла въ 1757 году, въ странѣ, гдѣ нельзя было ничего пріобрѣсти даромъ, и когда только въ іюлѣ мѣсяцѣ рѣшились дать Маслову казачій полкъ Пушкарева для помощи при организаціи транспортовъ.

Въ заключеніи, изъ разсмотрѣннаго порядка довольствія войскъ арміи Апраксина, попытаемся отмѣтить нѣкоторыя, выяснившіяся на нашъ взглядъ основныя особенности, имѣющія значеніе вообще при проектированіи плановъ заготовленія довольствія войскъ въ военное время.

1) Вполнѣ опредѣленно выясняется важное значеніе, для составленія плана довольствія—правильно, подробно и заблаговременно разработанныхъ военно-статистическихъ данныхъ театра военныхъ дѣйствій. Въ этомъ случаѣ очевидно имѣетъ громадное значеніе не только крупные военно-статистическіе факты, но и тѣ менѣе замѣтные, которые

рѣшительно повліяли на успѣхъ подвоза запасовъ къ Нѣману. Такъ напр., время спада водъ на притокахъ Нѣмана, перевозочныя средства на водяныхъ линіяхъ и видъ судовъ, сухопутныя перевозочныя средства Бѣлоруссіи, Литвы и Пруссіи, особенности Куришъ-гафа, характеръ судовъ возможный для движенія по гафу, по озерамъ около Либавы и масса другихъ условій, которыя кажутся детальными, но которыя обязательно должны быть приняты интендантскимъ вѣдомствомъ при проектированіи плана довольствія. Если при теперешнихъ научныхъ требованіяхъ и средствахъ агенты интендантства почти всегда не подготовлены къ столь важному отъ нихъ требованію, и очень часто считаютъ своею задачею только высчитать потребности и количество продуктовъ, нужныхъ для отрядовъ (какъ сдѣлало управленіе князя Волконскаго), то развѣ можно винить провіантмейстеровъ временъ Елизаветы?

2) Не менѣе важное значеніе для успѣха хозяйственныхъ заготовокъ имѣетъ колебаніе въ основныхъ директивахъ операціоннаго плана. Въ кампаніи 1757 г. стратегическіе споры между главнокомандующимъ и Конференціею продолжались до марта 1757 г., да и въ іюнѣ Апраксинъ не былъ еще вполнѣ увѣренъ, что часть его войскъ получитъ назначеніе въ Силезію. При этихъ условіяхъ трудно и требовать законченности и обработанности плана довольствія.

3) Мѣры для успѣшной организаціи интендантскихъ транспортовъ въ военное время и для умѣлаго управленія ими, при подвозахъ отъ базы за армію,—должны быть приняты до войны; иначе, при всѣхъ выгодныхъ условіяхъ выбора и устройства базы, легко могутъ быть стратегическія неудачи.

Линія р. Нѣмана, какъ вспомогательная база, при указанныхъ выше условіяхъ, удовлетворяла самымъ главнымъ требованіемъ отъ операціонной базы дѣйствія. Войска наши, при наступленіи къ Кенигсбергу, имѣли базу протяженіемъ до 360 вер. (отъ

Мемеля до Гродно), охватывающую расположеніе непріятеля у Велау; это давало намъ полную свободу мѣнять операціонную линію, чѣмъ и пользуется Апраксинъ три раза *).

Съ фронта и праваго фланга база была обезпечена какъ естественными, такъ и искусственными преградами; съ лѣваго только естественными **). Притоки Нѣмана справа и выгодное направленіе истоковъ самаго Нѣмана,—предоставляли возможность доставлять запасы изъ тыловыхъ магазиновъ—водою. Вопросъ былъ только въ томъ: *когда* воспользоваться притоками и *какъ* подготовить для того перевозочныя средства.

Пункты, выбранные для складовъ на Нѣманѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ были узлами искусственныхъ и естественныхъ путей сообщенія. Линія Нѣмана способствовала рокировкѣ запасовъ, что исполняется главною квартирою весьма систематично ***).

Куришъ-гафъ и р. Дейме предоставляли возможность доставки запасовъ къ Кенигсбергу флотомъ даже при томъ условіи, если бы фортъ Пилау имѣлъ средства держаться.

Но при всѣхъ столь благопріятныхъ условіяхъ операція была компроментирована, благодаря главнымъ образомъ тому, что не было организовано подвоза запасовъ и неумѣло пользовались средствами страны.

---

*) Первый разъ операціонная линія шла отъ Ковно-Кенигсбергъ. По занятіи Алленбурга—2-е направленіе: Гродно-Алленбургъ-Кенигсбергъ; и наконецъ,—при отступленіи,—3-е направленіе: Алленбургъ-Инстербургъ-Тильзитъ.

**) На правомъ, наиболѣе важномъ и близкомъ къ непріятелю флангѣ—укрѣп. Мемель; въ центрѣ—Ковно. Лѣвый флангъ—Гродно—не былъ укрѣпленъ, но онъ былъ наиболѣе удаленный отъ арміи непріятеля. Вообще же укрѣпленія эта линія была слабо; впослѣдствіи, по занятіи Тильзита, хотя мы, прежде всего обратились къ укрѣпленію его, но было уже поздно, а потому и должны были мало того, что очистить лѣвый берегъ Нѣмана, но отказаться отъ подвозки запасовъ Нѣманомъ и уничтожить транспортъ, направленный, рѣкою, изъ Ковно на Юрбургъ въ Тильзитъ.

***) Сначала сосредоточиваются запасы въ Ковно и Гродно и предпринимается экспедиція на Мемель. Затѣмъ по взятіи его Либава пополняетъ Мемельскіе магазины, а изъ Ковно и Гродно, запасы сплавляютъ въ Прены, Бальтергишки и Олиту. Затѣмъ, сначала хотѣли изъ Мемельскихъ магазиновъ пополнить Тильзитскіе, но, въ видахъ затруднительности движенія судовъ вверхъ по теченію, Тильзитскіе магазины начали пополнять изъ Ковно.

Позволяемъ себѣ повторить, что если и въ настоящее время организація сбора запасовъ и порядокъ устройства обще-армейскаго обоза изъ обывательскихъ подводъ остаются «*новостью*», вопросомъ почти совсѣмъ не затронутымъ, если и по сіе время, въ этомъ отношеніи бывшія войны принимаются «какъ будто бы послѣднія», то, конечно, военная исторія должна умолчать относительно упрековъ Апраксину и его штабу.

4) Наконецъ выдастся то обстоятельство, что главнѣйшія заготовки, гдѣ только можно, вручаются лицамъ, пользовавшимся извѣстнымъ видимъ положеніемъ въ арміи и тѣсно связаннымъ съ войсками *); при чемъ самое служебное положеніе лицъ, завѣдывавшихъ хозяйственными операціями, представляло полную гарантію, что при громадныхъ денежныхъ оборотахъ на первомъ планѣ будутъ не личные коммерческіе интересы, а польза и успѣхъ дѣла.

---

*) Штофельнъ, будучи генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантомъ (т. е. помощникомъ Веймарна), вѣдалъ, конечно, и директивы операціоннаго плана и былъ главный распорядитель заготовки для главной арміи. Для боковыхъ же колоннъ заготовляли запасы ихъ непосредственные начальники.

ГЛАВА III.

Факты, необходимые для очерка политической обстановки при военно-историческомъ изслѣдованіи.—Отличительныя черты дѣйствій Фридриха II во время войны за наслѣдство австрійскаго престола.—Роль Россіи въ эту войну до вступленія на престолъ Елизаветы.—Политика Бестужева по отношенію къ Пруссіи во время войны за австрійское наслѣдство.—Мѣры Бестужева для «сокращенія силъ» Фридриха II.—Оцѣнка этихъ мѣръ.—Значеніе Курляндіи при столкновеніи Россіи съ Фридрихомъ II.—Политика Бестужева передъ началомъ Семилѣтней войны.—Значеніе, придаваемое канцлеромъ Бестужевымъ союзу Россіи съ Англіей.—Заключеніе этого союза въ 1755 г.—Обстоятельства при ратификаціи «субсиднаго» трактата съ Англіей.—Вестминстерскій трактатъ и его послѣдствія.—Мѣры для поспѣшнаго приведенія на военное положеніе всей русской арміи въ мартѣ 1756 г., по распоряженіямъ Конференціи.—Тайный договоръ съ Австріей и усиленныя приготовленія арміи къ походу въ мартѣ 1756 г.—Прекращеніе этихъ приготовленій съ начала іюня до конца августа 1756 г.—Послѣдствія этого.—Разгромъ Фридрихомъ II Саксоніи.—Возобновленіе приведенія русской арміи въ боевую готовность въ сентябрѣ 1756 г.—Новыя ошибки Бестужева при обѣщаніи немедленной помощи Саксонцамъ.—Общее заключеніе.—Обзоръ театра военныхъ дѣйствій.—Границы его.—Оцѣнка положенія западныхъ границъ Россіи того времени, въ отношеніи веденія наступательныхъ операцій въ В. Пруссію.—Значеніе Риги.—Оцѣнка приморской границы.—Оцѣнка мѣстности, раіона нынѣшняго Виленскаго военнаго округа, по ея вліянію на сосредоточеніе нашихъ войскъ съ Запад. Двины и Днѣпра къ р. Нѣману.—Пути, служившіе для сосредоточенія русской арміи.—Общее по сему заключеніе.—Разсмотрѣніе страны къ западу отъ р. Нѣмана, какъ театра военныхъ дѣйствій въ тѣсномъ смыслѣ.—Поверхность страны и ея вліяніе на дѣйствіе войскъ. Воды.—Особенное значеніе Куршъ и Фришъ гафа и Н. Вислы съ крѣпостями.—Значеніе болотисто-лѣсистыхъ участковъ В. Пруссіи.—Разсмотрѣніе главнѣйшихъ изъ дорогъ.—Крѣпости: Мемель и Кенигс-

сбергъ.—Подготовка Левальдомъ театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи.—Гданскъ.—Эльбингъ.—Значеніе этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ.—Общій выводъ.

Очеркъ политической обстановки, предшествовавшей объявленію войны, долженъ заключать въ себѣ историческіе факты, важные не только для выясненія причины войны, цѣлей воюющихъ державъ, отношеній ихъ къ другимъ государствамъ и т. п., но также и факты, необходимые для заключенія о результатахъ дѣятельности дипломатіи, передъ войною. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо выдѣлить тѣ данныя, которыя почти всегда указываются дипломатіею главнокомандующему, какъ исходныя начала, обязательныя для него при рѣшеніи спеціальной (стратегической) задачи.

Издавна армія уподобляется мечу въ рукахъ политики. Послѣдняя, обнажая это обоюдоострое оружіе и передавая его въ руки главнокомандующему, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, указываетъ помянутыя исходныя данныя, крайне важныя для составленія плана кампаніи. Только зная эти основанія, подготовленныя политикою, возможно судить о томъ положеніи, въ которомъ находился главнокомандующій, и затѣмъ уже оцѣнить принятое имъ рѣшеніе данной стратегической задачи, т. е. критически разсмотрѣть планъ кампаніи.

Исходя изъ этого основанія мы должны затронуть исторические факты не только за періодъ времени послѣ Ахенскаго мира до начала Семилѣтней войны,—періодъ «затишья передъ бурею» съ 1748—1756 г.,—но и войны за наслѣдство австрійскаго престола, насколько это касается нашего спеціальнаго изслѣдованія.

Тотчасъ послѣ кончины императора Карла VI началась восьмилѣтняя война (1740—1748 гг.) за наслѣдство австрійскаго престола, съ перваго шага ознаменованная смѣлымъ вторженіемъ Фридриха II въ Силезію и захватомъ этой про-

винціи. Быстрое движеніе Фридриха II на берега р. Одры послѣдовало почти безъ всякихъ обычныхъ переговоровъ: «сперва взять, а потомъ уже вести переговоры» вотъ политическій принципъ, выяснившійся съ перваго шага Фридриха II, при его «хищническомъ» захватѣ Силезіи.

Вмѣстѣ съ Фридрихомъ II, противъ правъ на наслѣдство дочери Карла VI Маріи Терезіи, вооружились: Франція, Баварія, Сардинія, Испанія, Саксонія, и только Англія и Голландія примкнули къ Австріи. При этихъ обстоятельствахъ какъ для Маріи Терезіи, такъ точно и для Фридриха II было весьма важно сближеніе съ Россіею. Съ этою цѣлью, еще до вступленія на престолъ императрицы Елизаветы, Фридрихомъ II были приняты всевозможныя мѣры (главное золото), чтобы склонить на свою сторону министровъ Анны Леопольдовны; но Россія тогда не рѣшилась пожертвовать Австріею, не только въ виду значенія этой державы, какъ сосѣдней съ сильною тогда Турціею, но также и потому, что нарушеніе европейскаго равновѣсія, въ особенности въ пользу Пруссіи (насчетъ Австріи), признавалось безусловно невыгоднымъ для интересовъ Россіи.

Не видя благопріятныхъ послѣдствій отъ дипломатическихъ переговоровъ, Фридриху II удалось, при содѣйствіи Франціи, заставить Швецію объявить намъ войну, что предоставило Прусскому королю столь необходимую тогда свободу дѣйствій и что должно было ослабить Россію. Но расчеты Фридриха II неудались: Русско-Шведская война, окончившая нами съ полнымъ успѣхомъ, только усилила положеніе Россіи въ Европѣ.

При этихъ обстоятельствахъ вступила на престолъ императрица Елизавета.

Еще до окончанія Русско-Шведской войны успѣхи Фридриха вынудили Марію Терезію согласиться на Бреславскій договоръ (1742 г.), по которому за Пруссіею, выдѣлившейся изъ коалиціи, осталась Силезія. Тогда же и Саксонія прекратила военныя дѣйствія съ Австріею.

Въ то время было для всѣхъ очевиднымъ, что уступка Австріею Силезіи есть временная, и вопросъ о новомъ столкновеніи Пруссіи съ Австріею за обладаніе этой провинціей былъ лишь вопросомъ времени. При этихъ обстоятельствахъ и послѣ Бреславскаго мира какъ для Австріи, такъ и для Пруссіи было важно положеніе, какое приметъ Россія въ будущемъ столкновеніи Маріи Терезіи съ Фридрихомъ II, изъ за Силезіи.

Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы управленіе внѣшнею и внутреннею политикою Россіи перешло въ руки знаменитаго канцлера Бестужева-Рюмина. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что наибольшія препятствія склонить на свою сторону Россію, Фридрихъ II встрѣтилъ какъ со стороны императрицы Елизаветы, такъ и со стороны канцлера, который, въ этомъ отношеніи, оставался вѣренъ себѣ до послѣдней минуты. Нѣтъ никакого сомнѣнія также и въ томъ, что честность Бестужева выдержала здѣсь серьезную пробу, и своихъ національныхъ интересовъ Бестужевъ не продалъ, не смотря ни на какіе искусы. Канцлеръ, съ замѣчательною дальновидностію, предусматривалъ вредъ для «существительныхъ» интересовъ Россіи отъ возраставшаго могущества Пруссіи, и весь вопросъ заключается лишь въ правильности выбранныхъ Бестужевымъ средствъ для «сокращенія силъ скоропостижнаго короля».

Въ 1744 г. Фридрихъ II рѣзко нарушилъ Бреславскій договоръ и снова принялъ участіе въ продолжавшейся войнѣ противъ Маріи Терезіи (2 Силезская война). Въ этомъ случаѣ онъ точно также безцеремонно нарушилъ нейтральныя права Саксоніи, имѣвшей тѣсныя связи съ Россіею еще со временъ Петра Великаго.

Именно съ 1744 г. начали болѣе опредѣленно выясняться отношенія Россіи къ Пруссіи, а также выбранныя Бестужевымъ средства для «сокращенія» силъ Фридриха II.

Бестужевъ, по поводу значенія возвышавшагося могущества Пруссіи, ясно высказался въ томъ же 1744 г., и сотоварищъ его вицъ-канцлеръ Воронцовъ, совершенно согласно его желанію, имѣлъ по этому вопросу въ Кіевѣ особый докладъ императрицѣ.

Наши дипломаты, признавая невыгоды для Россіи отъ усиленія Пруссіи, съ перваго раза даже не предлагали никакой радикальной мѣры, которая могла бы рѣшительно повліять на успѣхъ дѣйствія непосредственно противъ Фридриха II. Предложенія не шли далѣе желанія занять какую-то «неоплошную позитуру» на Зап. Двинѣ и намѣренія произвести «серьезный демаршъ» слабымъ корпусомъ въ 10 —12 тыс. чел., въ помощь саксонцамъ [1]. Конечно эти угрозы могли только побудить Фридриха поскорѣе покончить то, что ему нужно.

Дѣйствительно, прежде чѣмъ угрозы были приведены въ исполненіе, Саксонская армія была «испечена» въ день Кессельдорфской битвы (15-го Декабря 1745 г.), а въ слѣдъ затѣмъ Фридрихъ заключилъ отдѣльный Дрезденскій миръ (25-го декабря) съ Австріей и Саксоніей, по которому Силезія и гр. Глацъ остались за Фридрихомъ.

Послѣ заключенія Дрезденскаго мира, противъ Австріи и морскихъ державъ оставались значительныя силы, и въ особенности для Австріи и ея союзниковъ была опасна Франція.

Бестужевъ, по прежнему, признавалъ необходимымъ поддерживать Австрію, но не иначе какъ за извѣстную и значительную сумму денегъ. Онъ полагалъ возможнымъ предоставить въ распоряженіе морскихъ державъ вспомогательную армію, численность которой должна находиться въ зависимости отъ тѣхъ средствъ («субсидій»), которыя могли дать эти державы. Еще въ 1745 г. канцлеръ объявилъ англійскому посланнику лорду Гиндфорду, что «если морскія державы дадутъ Россіи немедленно шесть милліоновъ, то императрица

выставить 100,000 войска и въ одну кампанію кончить войну въ Германіи». Гиндфордъ первоначально находилъ, что «дорого просятъ», но послѣ ряда переговоровъ, въ концѣ 1747 года, наше правительство, по настоянію Бестужева, окончательно условилось съ морскими державами объ отправленіи на Рейнъ 30,000 вспомогательнаго корпуса за 300.000 фунтовъ стерл.

4-го декабря 1747 г. было отдано приказаніе Военной Коллегіи объ отправленіи вспомогательнаго отряда подъ начальствомъ Репнина для дѣйствія на Рейнѣ, Мозелѣ или въ Нидерландахъ, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ января 1748 года отрядъ этотъ выступилъ за границу.

Появленіе корпуса Репнина (не успѣвшаго принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ) способствовало заключенію Ахенскаго мира (1748 г.), чѣмъ и кончилась война за наслѣдство австрійскаго престола.

Указанныя обстоятельства войны за австрійское наслѣдство подтверждаютъ, что Россія, при бывшихъ тогда политическихъ комбинаціяхъ, занимала видное мѣсто. Направленіе политики Россіи выяснилось не въ пользу содѣйствія развитію могущества Пруссіи, что обусловливалось ясно сознаваемыми національными интересами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русская дипломатія и тогда, въ наиболѣе удобное время, какъ бы боялась опредѣленно заявить свои требованія, необходимыя для обезпеченія собственныхъ интересовъ.

Странно слышать, что будто бы дурное состояніе нашихъ войскъ вліяло на нерѣшительность нашей политики во время войны 1740—1748 гг. Если бы оба наши вспомогательные корпуса дѣйствовали, положимъ, вполнѣ рѣшительно и съ полнымъ успѣхомъ, то и въ этомъ случаѣ небольшіе отряды нашихъ войскъ не завоевали бы себѣ «неоплотной позитуры» на западѣ, и именно потому, что Бестужевъ не рѣшался даже высказаться: *гдѣ находится эта «позитура», гдѣ слѣ-*

дуетъ ее искать. Короче говоря, во время войны 1740—1748 гг , при вполнѣ національныхъ стремленіяхъ, медленность и нерѣшительность нашей политики не могутъ быть оспариваемы.

Факты войны за австрійское наслѣдство показываютъ также другую, на нашъ взглядъ, важную особенность политики Бестужева. Канцлеръ стремился къ достиженію важнѣйшихъ государственныхъ цѣлей Россіи успѣхами армій другихъ державъ, враждебныхъ Пруссіи. и не только безъ всякихъ денежныхъ затратъ Россіею, но еще съ доходомъ для ея государственнаго казначейства. Какъ ни заманчиво подобное стремленіе, но, по самой сущности вещей, оно не выполнимо.

Къ несчастію Бестужевъ находилъ, что подобные благопріятные результаты имъ были достигнуты при заключеніи Ахенскаго мира. Въ этомъ смыслѣ канцлеръ высказывается вполнѣ опредѣленно, напр. въ 1753 г. До тѣхъ поръ «какъ ея императорское величество индиферентнымъ окомъ (говоритъ Бестужевъ), на раздиравшія Европу замѣшательства взирать изволила, военное пламя лишь больше возгоралось: напротивъ же того, коль скоро изволила ея императорское величество въ европейскія дѣла съ большею силою вступиться, тотчасъ все состояніе европейскихъ дѣлъ весьма другой видъ получило». Бестужевъ перечисляетъ выгоды, пріобрѣтенныя тогда Россіею... «Обсерваціонный корпусъ не ходилъ больше, какъ только чтобъ славу оружія ея императорскаго величества по всей Европѣ разнести, ласкательный титулъ европейской миротворительницы монархинѣ своей возвращаясь назадъ въ даръ посвятить и знатныя суммы денегъ, какъ съ собою привесть, такъ и здѣсь отсутствіемъ въ казнѣ сберечь». Этотъ денежный приходъ въ государственную казну канцлеръ опредѣляетъ въ цыфрахъ... «субсидій, которыхъ въ два года безъ мала милліонъ рублевъ чистыми деньгами въ казну получено, кромѣ тѣхъ, что помощный корпусъ ходилъ».

Таковыя выгоды, будто бы пріобрѣтенныя Россіею за время пассивнаго участія нашихъ войскъ въ войнѣ за австрійское наслѣдство, намъ кажутся гадательными. 1) Дѣйствія нашихъ войскъ за денежныя субсидіи исключали возможность даже возбуждать вопросъ о матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, о расширеніи границъ, о «неоплошной позитурѣ», а между тѣмъ, только территоріальныя пріобрѣтенія, выгодное стратегическое положеніе, относительно Пруссіи, основательная подготовка всѣхъ вооруженныхъ силъ— могли гарантировать Россію отъ опасности при возраставшемъ могуществѣ Пруссіи. 2) Продолжительные переговоры (какъ бы торгъ) съ морскими державами точно также исключали возможность быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. 3) Операціи національной арміи за деньги не могли быть популярными въ войскѣ, а слѣдовательно, не могли вызвать энергіи; напротивъ, скорѣе влекли за собою апатію. 4) Если на первый планъ было поставлено по возможности сберечь деньги для казначейства, то нельзя было и ожидать, чтобы было обращено усиленное вниманіе на правильное устройство вспомогательнаго отряда, что прежде всего требовало денегъ, а они (какъ указывалъ самъ Бестужевъ) пошли не на армію, а въ государственную казну.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что во время войны 1740—1748 гг. нерѣшительность нашей дипломатіи точно также опредѣленно выяснилась при вопросѣ «о перепущеніи» нашихъ войскъ черезъ области Польской короны.

Такимъ образомъ, во время войны за австрійское наслѣдство, направленіе русской политики выяснилось вполнѣ опредѣленно какъ враждебное Фридриху II. Наши государственныя люди предусматривали опасность для интересовъ Россіи отъ возраждавшагося могущества Пруссіи, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; но, какъ показываютъ факты—ни Бестужевъ-Рюминъ, ни тѣмъ болѣе Воронцовъ (заслуживший

даже расположеніе Фридриха II) не рекомендовали ни одной радикальной мѣры, которая могла бы облегчить арміи прочно обезпечить интересы Россіи на будущее время.

Канцлеръ Бестужевъ, подъ вліяніемъ мнимаго успѣха своей политики при заключеніи Ахенскаго мира, съ 1748—1756 гг. съ замѣчательнымъ упорствомъ держался тѣхъ же полумѣръ, которыя мы замѣтили въ управленіи его дѣлами съ 1744 — 1748 г.г. Вплоть до начала Семилѣтней войны канцлеръ оставался твердъ въ намѣреніи сокрушить Фридриха II какими-то 30—40 тыс. русскаго войска и англійскимъ золотомъ (отъ котораго, вдобавокъ, обогатилось бы русское казначейство); только этимъ ошибочнымъ направленіемъ его политики и можно объяснить все пренебреженіе къ обезпеченію нашей западной границы, что сдѣлалось вполнѣ очевиднымъ лѣтомъ 1756 г.

При тогдашнемъ географическомъ положеніи Россіи и Пруссіи, особо важное значеніе для обѣихъ державъ имѣла Курляндія. Думаемъ, что подъ «неполною позитурою» русскихъ слѣдуетъ именно понимать фундаментальное занятіе нами Курляндіи, что разомъ измѣняло положеніе Россіи не въ пользу Пруссіи.

Не касаясь тѣхъ выгодъ, которыя получала Россія съ расширеніемъ ея приморской границы въ промышленномъ отношеніи, Курляндія имѣла для насъ немаловажное стратегическое значеніе. Это послѣднее наглядно видно изъ того, что если бы, напримѣръ, Фридриху II удалось захватить Курляндію, или отдать ее въ надежныя для себя руки, то развертываніе нашихъ силъ на лѣвомъ берегу Зап. Двины могло бы быть при самыхъ крайне невыгодныхъ условіяхъ *).

Кромѣ того, прочно владѣя Курляндіею, мы въ дѣйствительности настолько имѣли бы вліяніе на Литву и Бѣлорус-

*) См. ниже, значеніе Митавы.

сію, что несчастнаго вопроса о «перепущеніи» нашихъ войскъ въ Пруссію—не существовало бы.

Всматриваясь въ событія войны 1740—1748 гг. и послѣдующія до 1756 г., мы не только не встрѣчаемъ со стороны Бестужева какихъ либо мѣръ для упрочиванія нашего положенія въ Курляндіи, Литвѣ и Польшѣ, но, по отношенію къ Курляндіи, Бестужевъ оказывается боязливымъ до малодушія. Извѣстно, что во время слуховъ, бывшихъ въ 1749 г., о намѣреніи Фридриха II передать Курляндію Морицу Саксонскому и о готовившихся родственныхъ связяхъ маршала съ королемъ Прусскимъ. Бестужевъ упорно настаивалъ на возстановленіи Бирона, и если этого не случилось, то Россія обязана только твердости воли императрицы Елизаветы.

Вліяніе наше въ Варшавѣ съ 1748—1756 г. нисколько не увеличилось. Напротивъ французская и прусская партіи, къ началу Семилѣтней войны, были гораздо сильнѣе, что подтверждается полною неудачею Гросса на сеймѣ въ Гродно 1754 г. и крайне нерѣшительнымъ веденіемъ Гроссомъ переговоровъ о «перепущеніи» войскъ въ 1756. Хотя походъ нашихъ войскъ 1748 г. доказалъ, какъ выразился самъ примасъ, что «республика окромя сеймовъ не существуетъ, а потому препятствовать пропуску не можетъ», однако наша политика и въ 1756 г., при возбужденіи вопроса о пропускѣ нашихъ войскъ, стѣснялась Литвою и Польшею никакъ не меньше (если не больше), чѣмъ и во время войны за австрійское наслѣдство.

Весь успѣхъ задуманнаго Бестужевымъ плана для сокращенія силъ скоропостижнаго короля Прусскаго сводился на заключеніе болѣе или менѣе выгоднаго союзнаго договора съ Англіею, по которому численность нашихъ войскъ, предназначенныхъ обезпечить «существительные» интересы Россіи,—не превосходила 30—40 тыс.; при чемъ театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ должны были рѣшиться столь важныя

для Россіи вопросы, указывался канцлеромъ въ отдаленномъ отъ нашихъ границъ—Ганноверѣ.

Наши дипломатическія сношенія собственно съ Пруссіею были прерваны задолго до начала войны 1756 -1763 гг. Фридрихъ II, предпринявъ «все что только человѣчески возможно, чтобы склонить на свою сторону русскаго канцлера» и не достигнувъ рѣшительно никакого успѣха, самъ пошелъ на встрѣчу и безъ того неминуемому разрыву съ Россіею. На одномъ изъ офиціальныхъ празднествъ, въ 1750 г., Фридрихъ не оказалъ вниманія нашему посланнику Гроссу, вслѣдствіе чего послѣдній былъ немедленно отозванъ, чѣмъ и прекратились дипломатическія сношенія Петербурга съ Берлиномъ.

Натянутыя отношенія къ Пруссіи и Франціи (съ которою сношенія были прерваны еще раньше чѣмъ съ Пруссіею) и тѣсный союзъ этихъ двухъ державъ указывали Бестужеву на близость вооруженнаго столкновенія съ Пруссіею. Союзъ Россіи съ Австріею хотя и былъ очевиденъ, но Бестужевъ не считалъ этотъ союзъ серьезнымъ средствомъ для обезпеченія русскихъ интересовъ.

Канцлеръ высказывался вполнѣ опредѣленно, что король Прусскій (послѣ войны 1740—1748 г.) «сдѣлался такимъ сосѣдомъ, который всѣхъ опаснѣе и толь больше, что соединясь неразрывными и непремѣняемыми интересами съ Франціею, его всегдашнимъ и натуральнымъ Россіи непріятелемъ почитать должно. Льзя-ли подумать чтобъ онъ (Фридрихъ) отъ Франціи отсталъ, когда ни та безъ него, ни онъ безъ нея устоять и сохранить не могутъ. Безъ Франціи давно уже отняли-бы у него Шлезію...» «Чѣмъ сильнѣе онъ (Фридрихъ) тѣмъ нужнѣе Франціи; чѣмъ больше союзъ его съ нею твердъ и тѣмъ болѣе Россіи онъ вредителенъ и опасенъ. Да такимъ онъ желаетъ и ищетъ, правда и дѣйствительно такимъ уже есть; *но чтобъ еще больше быть*, то нѣтъ лучшаго пути

и способа какъ разореніе Ганновера». При союзѣ Пруссіи съ Франціею «кудабъ онъ (Фридрихъ) оружіе свое не обратилъ оное равно и всегда интересамъ (императрицы) вредительно и опасно; а толь больше, когда дальновидные его съ Франціею замыслы довольно извѣстны; проэкты ихъ открыты и со всѣхъ сторонъ подтверждаютъ, чтобъ принца Конти на польскій престолъ возвести. Королю Прусскому сіе дѣлать надобно, но станетъ онъ даромъ, не выговоря взаимныхъ себѣ выгодностей? Курляндія его брату сомнительно, чтобы довольнымъ вознагражденіемъ показалась и такъ, конечно, Польская Пруссія ему-же предопредѣляется; каковъ онъ тогда Россіи сосѣдъ будетъ, оное всякому судить оставляется...» Дабы воспрепятствовать столь вреднымъ послѣдствіямъ отъ Франко-Прусскаго союза Бестужевъ полагалъ пресѣчь пути Фридриху II въ Ганноверъ и поддержать Англію.

«Почти ручаться можно, что коль-скоро заключаемая (паша) съ Англіею», конвенція ратификуется и отправленіемъ указовъ о собраніи войскъ въ лагерь на Лифляндскихъ границахъ и о приготовленіи къ походу галеръ извѣстно сдѣлается. то, конечно, тотчасъ король прусскій замыслы свои отставитъ и Ганноверъ также въ покоѣ прибудетъ... Не славно-ли будетъ для императрицы, что однимъ движеніемъ ея войскъ разрушаются всѣ противныхъ дворовъ замыслы и сохранятся ея союзники; меньше ли при томъ полезно когда за сіе одно Англія пропорціональныя субсидіи платить станетъ». Наконецъ если бы и пришлось сдѣлать *диверсію* противъ Фридриха, то «не усматривается и въ томъ отнюдь никакого несходствія... Генераламъ желанный доставится случай къ оказанію и своего искусства и храбрости; офицерство радоваться-жъ будетъ случаю показать свои заслуги. Солдатство употребится въ благородныхъ званію его пристойныхъ упражненіяхъ, въ которыхъ они всѣ никогда довольно экзерцированы быть не могутъ».

Такимъ образомъ, Бестужевъ въ 1753 г. подобно тому, какъ и въ 1744 году, ясно сознавалъ опасность для Россіи отъ возраставшаго могущества Фридриха, но опять таки имѣлъ въ виду лишь крайнія полумѣры для воспрепятствованія возрастанію могущества Фридриха. Канцлеръ обходилъ вопросъ о серьезной борьбѣ Россіи съ Пруссіею. Онъ разсчитывалъ, что участіе Россіи ограничится «легкою экзерциціею» части русской арміи, простою «диверсіею» (и то въ крайнемъ случаѣ) «весьма легкимъ образомъ, а именно чужимъ именемъ и съ подмогою чужихъ денегъ».

Переговоры съ Англіею (или вѣрнѣе просто торгъ *), затянулись. Но не смотря на то, что лично императрица «трепетала мысли отдать кому нибудь на иждивеніе свои военныя силы» [2],—Бестужевъ, въ сентябрѣ 1755 года, достигъ своей цѣли,—конвенція съ Англіею была заключена.

По договору мы обязались на западной нашей границѣ содержать корпусъ въ 40,000 пѣхоты, 15,000 конницы и 40—50 галеръ съ морскимъ экипажемъ. «Этотъ корпусъ идетъ за границу, какъ скоро на англійскаго короля или кого изъ его союзниковъ сдѣлано будетъ нападеніе, а король англійскій вышлетъ свою эскадру въ Балтійское море». Англія обязывалась уплатить за диверсію 500,000 фунтовъ, а за содержаніе войска на границахъ 100,000 ежегодно. Оставалось только ратификовать трактатъ.

Ознакомившись съ дѣлами Военной Коллегіи, мы рѣшительно не могли встрѣтить даже какого-либо намека на усиленную дѣятельность по подготовкѣ экспедиціоннаго корпуса для выполненія задачъ, намѣченныхъ въ заключенномъ съ Англіею договорѣ. Лихорадочная дѣятельность нашего центральнаго управленія рѣзко обнаруживается съ апрѣля 1756 г., когда сдѣлалось очевиднымъ, что экспедиціонный корпусъ

*) «Когда къ прямому дѣлу пришло (говоритъ Бестужевъ), уже крайніе англичане скупы стали; правда-жъ напротивъ того, что и здѣшніе запросы весьма велики».

долженъ обратиться въ самостоятельную армію: когда сдѣлалось яснымъ, что русской арміи придется отстаивать дѣйствительныя интересы Россіи, а не Англіи, въ предѣлахъ какого-то Ганновера.

Винить Военную Коллегію за это равнодушіе (вѣрнѣе апатію) нельзя. Военная Коллегія ясно сознавала необходимость радикальныхъ реформъ (что свидѣтельствуется разсужденіями комиссіи при Военной Коллегіи 1755 г.) *), но не настаивала (и были основанія) на безотлагательной необходимости осуществить ихъ для корпуса, назначеннаго въ помощь Англіи. Такъ или иначе, Военная Коллегія ожидала экспедиціи вспомогательнаго отряда, но рѣшительно не принимала никакихъ мѣръ на случай войны съ первою арміею того времени. Политика Бестужева успокоивала ее въ этомъ отношеніи вполнѣ. Канцлеръ грозилъ серьезною войною и тяжкими послѣдствіями лишь тогда, когда трактатъ съ Англіею не будетъ ратификованъ. Упорно настаивая на ратификаціи этого договора, Бестужевъ указывалъ, что «буде паче всякаго чаянія, все сіе дѣло (конвенція съ Англіею) и вовсе уничтожитъ разсудиться, то вмѣсто того, чтобъ весьма легкимъ образомъ, а именно чужимъ именемъ и съ подмогою чужихъ денегъ сокращать короля прусскаго, подкрѣпить своихъ союзниковъ, сдѣлать сего гордаго принца (Фридриха II) у турокъ, у поляковъ, да и у самыхъ шведовъ презрительнымъ... Россія останется одна противъ многихъ непріятелей, не имѣя ни одного союзника...» и можетъ потеряетъ всякое значеніе въ Европѣ.

1-го февраля 1756 г. трактатъ съ Англіею былъ ратификованъ, но съ весьма важною оговоркою, что «случай диверсіи не можетъ настоять иначе какъ только ежели-бы король Прусскій атаковалъ области его величества короля Велико-

*) Что нами разсмотрѣно въ 1 главѣ.

британскаго или его союзниковъ». Вильямсъ, не имѣя инструкціи, воздержался отъ принятія ратификованнаго трактата съ указанною оговоркою и 4-го февраля объявилъ наконецъ новость особой важности; а именно, о заключенномъ Пруссіею и Англіею Вестминистерскомъ договорѣ, который разомъ разоблачалъ ошибочныя основы, на которыхъ были построены подготовительныя мѣры Бестужева для «сокращенія» силъ Фридриха II.

Дѣло въ томъ, что вопросъ о захватѣ Пруссіею Ганновера въ дѣйствительности возбуждался. Франція уже отправила въ Берлинъ своего уполномоченнаго (Ниверне) возобновить союзный договоръ. Въ Парижѣ указывали Прусскому посланнику (Книпгаузену) на экспедицію противъ Ганновера какъ на средство поживиться: «...казна Георга II достаточно богата. Вашъ король (Фридрихъ) можетъ захватить ее и это будетъ вполнѣ законнымъ призомъ». Но Фридрихъ II предпочелъ сближеніе съ Англіею, и 16-го января 1756 г. заключилъ съ нею извѣстный Вестминстерскій трактатъ, по которому между королями Англіи и Пруссіи устанавливались дружба и миръ; при чемъ каждая изъ сторонъ обязывается помогать другой противъ нападенія, обязуясь при этомъ охранять миръ въ Германіи.

Вестминстерскій трактатъ не только рѣшительно уничтожалъ всѣ тѣ мѣры на случай войны, которыя наша дипломатія нѣсколько лѣтъ настойчиво подготовляла, но не будь въ трактатѣ оговорки, направленной прямо противъ Пруссіи, то мы были бы обязаны помогать Фридриху. Увѣряютъ, что послѣдній именно на это разсчитывалъ, и если вошелъ въ соглашеніе съ Англіею, то только потому, что былъ убѣжденъ англійскими дипломатами: «что Россія находится въ услуженіи у Англіи». Вотъ почему Вильямсъ и затруднялся принять трактатъ съ оговоркою.

Вслѣдствіе извѣстія о союзѣ, заключенномъ Англіею съ Пруссіею, англо-русскій субсидный договоръ не состоялся,

вмѣстѣ съ этимъ разстроились и всѣ планы Бестужева. *Мы именно и оставались «одни противъ многихъ непріятелей*, не имѣя ни одного союзника», какъ выразился самъ же канцлеръ, накануиѣ ратификаціи субсиднаго договора. Было ли или не было возможно для Бестужева (какъ и для другихъ дипломатовъ) предусмотрѣть подобную политическую комбинацію какъ союзъ Пруссіи съ Англіею, правильны ли были въ принципѣ проекты канцлера для ослабленія Фридриха, дѣйствительно ли послѣдній рѣшился на Вестерминстерскій трактатъ только потому, что разсчитывалъ добиться не только нейтралитета, но и союза Россіи,—все это для насъ совершенно безразлично. Вестерминстерскій трактатъ разбилъ всѣ предположенія Бестужева, и за вольныя или невольныя ошибки канцлера должна была разсчитываться русская армія.

То крайнее положеніе, въ которое была поставлена наша армія ошибками политики Бестужева, наглядно свидѣтельствуется прежде всего тѣмъ фактомъ, что если бы въ 1756 г., одновременно съ вторженіемъ въ Саксонію, Левальдъ, во главѣ прусскихъ войскъ бывшихъ въ В. Пруссіи, захватилъ Курляндію, то онъ поставилъ бы нашу армію, разбросанную по всѣмъ окраинамъ Россіи, въ самое критическое положеніе, и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что за все это мы поплатились бы Ригою. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что все лѣто 1756 г. мы съ крайнимъ опасеніемъ ждали, что Курляндія будетъ занята пруссаками, и если этого не случилось, то нужно думать именно потому, что Фридрихъ II не зналъ дѣйствительнаго положенія войскъ Лопухина на берегахъ Зап. Двины.

Пораженіе Бестужева въ дипломатической войнѣ («страшная ошибка» канцлера, какъ мѣтко и совершенно вѣрно замѣчаетъ Соловьевъ) вынудило Конференцію обратить серьезное вниманіе на неготовность арміи. Военная Коллегія еще въ 1755 году (когда отъ нея потребовали свѣдѣній,

можно ли скоро замѣнить 40000-ное войско, готовившееся въ экспедицію, другими войсками) доставила Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ дислокацію, показавъ, что всѣ войска разбросаны по всей имперіи, половина конницы въ Башкиріи, денегъ имѣется всего 1 милліонъ, и то онъ «заповѣдный», не въ распоряженіи военнаго вѣдомства; войска находятся въ крайнемъ некомплектѣ; даже картъ Литвы и Пруссіи нѣтъ. Особая комиссія, обсуждая состояніе войска, нашла, что армія настоятельно нуждается въ радикальныхъ реформахъ *); но этимъ заявленіемъ дѣло и кончилось.

Только послѣ неудачи при ратификаціи субсиднаго договора были приняты мѣры для приведенія въ порядокъ войска; но новыя дипломатическія комбинаціи и новыя капитальныя ошибки канцлера не дали возможности арміи изготовиться.

Такими ошибками мы должны считать требованіе Бестужева предоставить Конференціи право завѣдывать дѣлами и управлять дѣйствіями арміи и повелѣніе той же Конференціи, въ маѣ 1756 года, прекратить начатыя приготовленія къ войнѣ, по требованію Австрійскаго двора.

Вліяніе Конференціи на ходъ военныхъ дѣйствій проявлялось на каждомъ шагу, во все время Семилѣтней войны, и къ фактамъ, подтверждающимъ это обстоятельство, мы будемъ постоянно обращаться.

Ниже **) мы приводимъ выписки изъ документовъ, необходимыя для вывода, что несчастная мысль объ учрежденіи Конференціи и программа ея дѣятельности принадлежатъ исключительно Бестужеву; при чемъ самая идея объ учрежденіи Конференціи явилась вслѣдствіе неудачи при заключеніи союзнаго договора Россіи съ Англіею.

*) Это подтверждается 1 главою настоящаго труда.

**) См. главу IV.

Сопоставляя—цѣль учрежденія Конференціи (захватить, такъ сказать, дипломатическую инціативу въ Европѣ) и дѣйствія русскихъ дипломатовъ въ 1756 г. (полное подчиненіе русской политики Кауницу) видно, что учрежденіе Конференціи было мѣрою безусловно безполезною для правильнаго направленія нашей политики.

Сначала открытія своихъ дѣйствій, Конференція имѣла однако нѣкоторые признаки рѣшительности. 30-го марта 1756 года [3] было постановлено привести въ боевую готовность армію и съ этою цѣлью послѣдовалъ рядъ исполнительныхъ указовъ Военной и Морской Коллегіямъ. Въ апрѣлѣ началась самая оживленная дѣятельность по приготовленію къ походу; были приняты рѣшительныя мѣры по реорганизаціи арміи, и изъ документовъ военнаго архива видно, что работа эта,—на сколько возможно при бывшихъ средствахъ путей сообщенія,—дѣйствительно закипѣла. Въ это именно время, подъ условіемъ «высшаго секрета и всегдашняго молчанія»,—было получено извѣстіе о сближеніи Вѣнскаго и Тюльерійскаго кабинетовъ. Императрица Елизавета приняла это неожиданное извѣстіе съ живѣйшимъ участіемъ и сама съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ переговоровъ. Въ полной тайнѣ, даже отъ членовъ Конференціи, были составлены прелиминарныя условія союзнаго договора съ Австріей, по которому Россія и Австрія взаимно обязывались вести наступательную войну противъ Фридриха II (каждая изъ сторонъ арміею въ 80000). Цѣлью войны было возвращеніе Австріи—Силезіи и Глаца, а Россія получала королевскую Пруссію, съ правомъ обмѣнять ее Польшѣ на Курляндію и Семигалію, съ исправленіемъ западной (Литовско-польской) границы. 9-го апрѣля эти прелиминарныя условія были переданы австрійскому посланнику графу Эстергази; а 12-го апрѣля послѣдовалъ рядъ новыхъ распоряженій по приведенію въ готовность арміи. Такимъ образомъ новыя

условія съ Австріею и мѣры Конференціи для организаціи дѣйствующей арміи во многомъ исправляли промахи Бестужева; оставалось только желать, чтобы Фридрихъ II далъ время, дабы успѣть привести всѣ повелѣнія Конференціи въ исполненіе.

Но Кауницу какъ эта поспѣшность, такъ и оговорка о матеріальномъ вознагражденіи Россіи не понравились. Австрійцы опасались, что русское правительство не выставитъ обѣщаннаго числа войскъ «по скудности своихъ финансовыхъ средствъ, и будетъ нуждаться въ субсидіяхъ». Не смотря на увѣренія нашихъ дипломатовъ, что дѣло идетъ не о деньгахъ, а объ ограниченіи могущества короля Прусскаго,—Эстергази, 29-го мая, заявилъ, что Австрія нынѣшнимъ (1756 г.) лѣтомъ не можетъ начать войны съ Пруссіею.

Нельзя не признаться, что прежнія мѣры Бестужева, когда за каждый шагъ для дѣйствія противъ Фридриха II требовали субсидіи, давали право австрійцамъ быть и въ этомъ случаѣ осторожными.

Въ виду заявленія Эстергази *всѣ распоряженія по приготовленію къ походу русской арміи были пріостановлены*, что (само собой слѣдуетъ) должно было губительно отозваться на нашей боевой готовности *) и тѣмъ самымъ на начало кампаніи, какъ то и случилось въ дѣйствительности.

Съ этого перваго шага наша дипломатія «начала отправлять свои дѣла подъ опекою». Послѣдствія этой опеки тотчасъ же отразились на дѣйствіи войскъ. Во-первыхъ, исключительно въ угоду австрійцамъ мы прекратили (какъ уже сказано) приготовленія къ походу въ самое удобное для того время года; во-вторыхъ, осенью 1756 года, тоже самое, исключительно въ угоду союзникамъ, наша дипломатія по-

*) См. главу 1-ю.

требовала отъ арміи такихъ жертвъ, которыя могли губительно отозваться на исходъ всѣхъ операцій нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну; а именно, Конференція потребовала отъ Апраксина зимняго (1756—1757 гг.) похода, но, къ счастію для дѣла, это было отклонено Апраксинымъ съ полнымъ самоотверженіемъ.

Въ общемъ выводѣ, наканунѣ Семилѣтней войны, послѣ событій *), измѣнившихъ «весь видъ бывшихъ до нынѣ генеральныхъ европейскихъ дѣлъ состоянія», отношенія между державами сложились окончательно въ слѣдующемъ видѣ. Россія, отказавшись отъ союза съ Англіею, заключила наступательный союзъ съ Австріей противъ Пруссіи, но какъ ратификація договора съ Австріею, такъ и начало дѣйствій были отложены. Знаменитому Кауницу удалось склонить на сторону Австріи—Францію и наконецъ къ этой русско-австро-французской коалиціи присоединилась и небольшая Саксонія. Въ виду слабости послѣдней Русское правительство хотѣло немедленно (еще въ іюлѣ 1756 г.) поддержать саксонцевъ 30—35 тыс. войска, но вопросъ «о перепущеніи» и новое нежеланіе Австріи содѣйствовать пропуску русскихъ войскъ черезъ Литву и Польшу воспрепятствовали осуществиться этому намѣренію. Наконецъ къ союзу державъ противъ Фридриха II, при вліяніи французскаго двора, примкнула впослѣдствіи и Швеція.

Такимъ образомъ Фридрихъ Великій, лѣтомъ 1756 года, оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ коалиціею; но враги короля Прусскаго не успѣли еще окончательно условиться и подготовить свои арміи. Австрія медлила ратификаціею договора съ Россіею и, кромѣ того, своимъ пассивнымъ участіемъ тормазила разрѣшеніе вопроса о «перепущеніи» русскихъ войскъ черезъ Польшу въ Саксонію.

*) Союзы Пруссіи съ Англіею и Франціи съ Австріею.

Франція, какъ бы по необходимости, возобновляла дипломатическія сношенія съ Россіею и то же самое всѣми мѣрами препятствовала разрѣшенію вопроса о пропускѣ нашихъ войскъ черезъ Польшу. Даже саксонское правительство несочувственно относилось къ русскому.

Фридрихъ Великій, зорко слѣдившій за современнымъ положеніемъ дѣлъ и имѣя точныя свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ между его врагами, скоро разгадалъ намѣреніе союзниковъ и понялъ ихъ неготовность. «Эта дама (говорилъ Фридрихъ II Митчелю, указывая на портретъ Маріи-Терезіи) хочетъ войны и война съ нею начнется прежде, чѣмъ она ожидаетъ; мнѣ не остается ничего болѣе, какъ идти на встрѣчу моимъ врагамъ; войска мои готовы, и я постараюсь разстроить ихъ заговоръ прежде, чѣмъ онъ созрѣлъ». Безъ всякаго промедленія Фридрихомъ II былъ предложенъ вопросъ австрійскому правительству, чѣмъ обусловливаются военныя приготовленія и вмѣстѣ съ тѣмъ потребованы были подтвержденія о томъ, что въ два послѣдующіе года Австрія не нарушитъ мира. Австрійское правительство отвѣчало на эту вызывающую ноту короля прусскаго уклончиво, и Фридрихъ Великій, въ концѣ августа 1756 г., открылъ войну вторженіемъ въ Саксонію и полнымъ разгромомъ королевства.

Предвидя усложненія, наше правительство только 28-го августа 1756 г. приказало поспѣшно возобновить приготовленія къ войнѣ; но это совпало съ началомъ кампаніи Фридриха Великаго. 2-го сентября было получено въ Петербургѣ извѣстіе о началѣ войны, заставшее русскую армію въ полной неготовности.

Наше правительство тотчасъ же выразило самое искреннее сочувствіе Августу III, императрица ассигновала ему 100000 рублей изъ своей казны и вмѣстѣ съ тѣмъ были посланы увѣренія о «скорой по годовому времени» помощи, «учиненіемъ сильной диверсіи». Дѣйствительно, 19-го же сентября

былъ назначенъ главнокомандующимъ генералъ-аншефъ Степанъ Апраксинъ и 5-го октября ему была дана знаменитая инструкція, обязывавшая двинуться къ прусскимъ границамъ.

Такимъ образомъ начало октября 1756 года мы должны считать началомъ участія русской арміи въ Семилѣтней войнѣ.

Первыя распоряженія Апраксина нами будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ и подтвердятъ нашъ выводъ, что благодаря его настойчивости, безцѣльно рискованный шагъ зимняго похода 1756 –1757 гг. былъ отклоненъ. Въ настоящемъ же случаѣ подведемъ итоги подготовки нашею дипломатіею тѣхъ средствъ, которыя способствовали бы успѣху стратегическихъ операцій.

Нѣтъ сомнѣнія, что участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ обусловливается весьма важною цѣлью воспрепятствовать развитію могущества Пруссіи, что и составляло главную особенность вполнѣ національной политики правительства императрицы Елизаветы. Канцлеръ имперіи, съ перваго шага его вступленія въ управленіе нашими иностранными дѣлами, прекрасно сознавая вредъ могущій быть для Россіи отъ образованія изъ Пруссіи сильной державы,—твердо, неуклонно и вполнѣ честно стремился воспрепятствовать росту Пруссіи. Но къ несчастію Бестужевъ дѣйствовалъ всегда черезчуръ умѣренно и выбралъ ошибочный дипломатическій путь для достиженія столь важной государственной цѣли, вслѣдствіе чего мѣры Бестужева не только не облегчили дѣйствія войскъ, но напротивъ въ высшей мѣрѣ затруднили, что и выражается въ слѣдующемъ:

1) Участіе всей арміи въ Семилѣтней войнѣ было полною неожиданностью. Мы ожидали, что «сокращеніе силъ скоропостижнаго короля» будетъ «легкая диверсія», «подъ чужимъ именемъ и на чужія средства»; думали объ «обогащеніи государственной казны» на счетъ операцій части арміи. а при этомъ условіи затраты на армію были не мыслимы.

Накануне самой войны всѣ иллюзіи нашей дипломатіи разсѣялись какъ туманъ, и армія оказалась лицомъ къ лицу съ первою арміею того времени, подъ предводительствомъ великаго полководца.

2) При заключеніи союзовъ и при дальнѣйшихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ союзниками, Бестужевъ (а впослѣдствіи и Воронцовъ) не принимаетъ въ соображеніе стратегическаго положенія и удобства дѣйствій нашей арміи. Вслѣдствіе этого въ самомъ началѣ войны мы теряемъ три лѣтнихъ мѣсяца драгоцѣнныхъ для организаціи арміи. Затѣмъ, не смотря на очевидный и крайній рискъ осенне-зимняго похода съ неподготовленными силами, дипломатія, ради выгодъ союзниковъ, упорно требуетъ открытія похода, единственно только во имя того, что ею неосторожно дано торжественное по сему обѣщаніе иностраннымъ державамъ.

3) Опредѣленныхъ директивъ дѣйствія къ началу войны политика совсѣмъ не составила. Бестужевъ полагалъ возможнымъ выяснить ихъ лишь по мѣрѣ движенія войскъ «по малу впередъ».

Чѣмъ же облегчила наша дипломатія положеніе главнокомандующаго? Безусловно ничѣмъ. Напротивъ, не только при началѣ Семилѣтней войны, но и во все время продолженія войны главнымъ препятствіемъ для самостоятельныхъ дѣйствій главнокомандующихъ нашей арміи являлась пресловутая Конференція.

Первыя основанія для этого вывода заключаются въ инструкціи, данной Апраксину 5-го октября 1756 г., о которой почему-то умалчиваютъ даже первоклассные историки.

Для обзора участія русской арміи въ первые годы Семилѣтней войны, отъ начала ея до занятія русскими войсками линіи р. Вислы, необходимо отмѣтить *географическія особен-*

ности мѣстности, служившей театромъ военныхъ дѣйствій, а также особенности края, вліявшія на сосредоточеніе нашихъ войскъ къ р. Нѣману.

Границы раіона, подлежащаго нашему обзору, обозначаются: на сѣверѣ рѣкою Зап. Двиною, до г. Суража; на востокѣ —Днѣпромъ, до впаденія рѣки Принети; на югѣ этою послѣднею и рр. Бугомъ (отъ Бреста) и Буго-Наревомъ; на западѣ—Нижнею Вислою и берегомъ Балтійскаго моря.

Западная граница Россіи того времени совпадала съ направленіемъ теченія рр. Зап. Двины (до Суража) и Днѣпра; ближайшая же часть владѣній короля прусскаго (окруженная съ трехъ сторонъ литовско-польскими землями, а съ четвертой моремъ) занимала юго-западный уголъ очерченнаго пространства.

Теченіемъ рр. Нѣмана (отъ устья до Гродно), Бобра и Нарева разсматриваемый раіонъ раздѣлялся на двѣ части: Восточная половина этого раіона (значительная часть нынѣшняго Виленскаго военнаго округа) должна быть разсматриваема въ отношеніи вліянія особенностей мѣстности на сосредоточеніе русскихъ войскъ противъ прусской арміи; западная половина (на западъ отъ Нѣмана и Нарева до р. Вислы и Балтійскаго побережья) -какъ отдѣльный театръ военныхъ дѣйствій противъ прусской арміи (подъ начальствомъ Левальда), имѣвшей цѣлью защиту В. Пруссіи.

Западная граница Россіи имѣла видъ входящаго угла, одна сторона котораго, по воздуху, была въ 400 верстъ, другая до 600 в. На крайнихъ флангахъ наша западная граница совпадала съ упомянутыми естественными преградами; а именно, Зап. Двина служила границею отъ устья до впаденія р. Эвсть, а Днѣпръ—отъ впаденія р. Сожи до Кіева. На пространствѣ же между устьями рр. Эвсть и Сожъ граница проходила по условной линіи, отдѣляясь отъ помянутыхъ естественныхъ преградъ (Зап. Двины и Днѣпра) вое-

водствами Ливонскимъ («Польскіе Инфланды»), Полоцкимъ, Витебскимъ, Мстиславскимъ и частью Минскаго,—искони русскими землями, но послѣдующими событіями обособившіяся и номинально связанныя съ Варшавою.

Положеніе тогдашней западной границы Россіи, охватывающее литовскія земли, не имѣло тѣхъ выгодъ, которыхъ можно бы ожидать, если бы дислокація войскъ въ мирное время соотвѣтствовала стратегическимъ требованіямъ, въ случаѣ европейской войны. Съ 1755 года, въ ожиданіи отправленія десанта въ Зап. Европу, 40000-ный корпусъ былъ расквартированъ въ Инфляндіи; остальная часть пѣхоты съ удобствомъ могла быть сосредоточена къ Зап. Двинѣ; конница,—почти въ полномъ ея составѣ, для соблюденія экономіи по фуражному довольствію и ремонтированію,—квартировала въ Украйнѣ *). Вслѣдствіе этого, въ случаѣ сосредоточенія арміи для дѣйствія на европейскомъ театрѣ, ближайшею серьезною задачею было соединить пѣхоту съ конницею, на что требовалось очень много времени и удобное время года.

По отношенію къ В. Пруссіи положеніе тогдашней нашей границы было безусловно невыгодно. Крайніе пункты пограничной полосы были слишкомъ неравномѣрно удалены отъ предѣловъ В. Пруссіи. Такъ—отъ Риги до Мемеля считали всего до 250 верстъ [4], а отъ Смоленска, Стародуба, Чернигова на Ковно до прусскихъ предѣловъ—700—800 верстъ [5]; а потому войска, бывшія на Днѣпрѣ, необходимо было выдвинуть значительно раньше войскъ, сосредоточенныхъ на Зап. Двинѣ. Кромѣ того, въ виду крайне неудовлетворительнаго состоянія путей сообщенія, въ особенности съ Днѣпра къ Нѣману, неудобству сношеній и неблагопріятнаго времени года заблаговременно нельзя было составить даже приблизительнаго расчета окончанія сосредоточенія, что въ случаѣ перехода непріятеля

*) См. таблицы №№ 9 и 10.

въ наступленіе и занятія прусскими войсками Ковно—могло быть крайне опаснымъ для русскихъ войскъ.

Разсматривая подробнѣе особенности тогдашней нашей западной границы, не трудно замѣтить тѣ пункты, которые могли служить главными, исходными для наступательныхъ операцій русскихъ армій на западъ. Прочно владѣя обоими берегами рр. Зап. Двины и Днѣпра только у Риги и Кіева, мы свободно могли наступать, базируясь именно на эти важные и укрѣпленные пункты.

Вопросъ о наступленіи главныхъ силъ русской арміи изъ Кіева не могъ и возбуждаться. Почти вся пѣхота была размѣщена ближе къ Ригѣ, операціонные пути отъ этого пункта къ предѣламъ В. Пруссіи были значительно короче и наконецъ операціи сухопутной арміи могли быть совмѣстно съ флотомъ. Одновременное наступленіе изъ Риги и Кіева было немыслимымъ, въ виду значительнаго разстоянія между этими двумя пунктами и въ виду вліянія Полѣсья, разобщавшаго пути слѣдованія. Такимъ образомъ, при бывшихъ обстоятельствахъ, единственнымъ естественнымъ базисомъ дѣйствія была Рига.

Кромѣ Риги нельзя указать ни на одинъ изъ пограничныхъ пунктовъ, которые въ связи съ Ригою могли бы расширить *базу дѣйствій*. Важные пункты, какъ-то: Кокенгаузенъ, Великіе Луки, Красный Городокъ, Смоленскъ, Брянскъ, Стародубъ, Черниговъ были слишкомъ удалены отъ Нѣмана и Риги, безъ связи естественными путями сообщенія (тогда только водяными) какъ между собою, такъ и съ Нѣманомъ, и наконецъ имѣли ничтожныя крѣпостныя сооруженія.

Въ инженерномъ отношеніи и крѣпость Рига не была подготовлена къ важному назначенію быть исходнымъ пунктомъ наступательныхъ операцій 100,000 арміи. Даже предмостное укрѣпленіе (Питершанцъ) оставалось въ видѣ

запущеннаго прежняго шведскаго укрѣпленія—Кобрунъ, неспособнаго выдержать серьезной атаки непріятеля [6].

Изъ числа *приморскихъ крѣпостей* поддерживались только Кронштадтъ и Ревель. Остальныя же портовыя и крѣпостныя сооруженія въ Рогервикѣ, Кашпервикѣ, Гапсалѣ. Аренсбургѣ и проч. оставались безъ всякаго исправленія, со временъ Петра I-го, вслѣдствіе чего не имѣли никакого серьезнаго значенія для обороны приморской границы.

Неудовлетворительное состояніе прибрежной обороны отразилось на дѣйствіяхъ нашего флота въ первые годы Семилѣтней войны. Вслѣдствіе крайне слабой обороны побережья и въ виду неопредѣленныхъ отношеній Россіи къ Англіи, адмиралъ Мишуковъ былъ вправѣ смотрѣть на свои эскадры скорѣе какъ на флотъ прибрежной обороны, и именно этимъ мы склонны объяснить пассивность Мишукова; на что и есть намеки въ его донесеніяхъ Апраксину [7].

Такъ какъ литовско-польскія вооруженныя силы не были сформированы и имъ велся счетъ лишь на бумагѣ, для права полученія властями денегъ по «порціямъ» [8]), то нашему обзору подлежитъ разсмотрѣніе только главныхъ географическихъ особенностей (нынѣ) Виленскаго военнаго округа, которыя могли вліять на сосредоточеніе нашихъ войскъ у Нѣмана.

Рѣки: Зап. Двина, Днѣпръ, Дручь, Березина, Нѣманъ (до Гродно), Свента, Вилія и болотистый бассейнъ Припети въ связи съ крайне неудобными путями сообщенія, нѣтъ сомнѣнія, должны были замедлить сосредоточеніе нашихъ войскъ у Нѣмана, въ особенности раннею весною. Помянутыя рѣки въ самой незначительной степени облегчили доставку запасовъ, заготовленныхъ въ тылу, какъ то нами уже и отмѣчено *).

---

*) Есть, однако, свидѣтельство, что въ 1758 году мы воспользовались р. Припетью для доставки запасовъ къ арміи [9].

Полѣсье точно также имѣло крайне важное значеніе. Болота этого раіона рѣшительно вліяли какъ на операціонныя пути русскихъ войскъ съ Зап. Двины и верхняго Днѣпра на Варшаву (для непосредственной связи съ австрійцами), такъ и на наши сообщенія съ Украйною, откуда легче всего можно было получать запасы.

Особо *важными пунктами* въ раіонѣ сосредоточенія были: Митава —какъ г. городъ Курляндіи и пунктъ, обезпечивающій развертываніе нашихъ войскъ (наступающихъ изъ Риги), на лѣвомъ берегу р. Зап. Двины. Виндава, Либава какъ портовые города, а послѣдній какъ пунктъ, удобный для вспомогательной базы, для дѣйствія противъ Мемеля. Россіены, Шавли —узлы дорогъ. Вилькомиръ—складочный пунктъ на р. Свентѣ. Кейданы—удобная позиція для сосредоточенія арміи въ случаѣ захвата непріятелемъ Ковно. Вильно —узелъ дорогъ, ведущихъ отъ верховья Зап. Двины и Днѣпра къ Ковно, и складочный пунктъ на р. Вилін. Столбцы—одинъ изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ на Нѣманѣ. Мемель, Тильзитъ, Юрбургъ, Ковно, Пренъ, Олита и Гродно какъ конечные пункты кратчайшихъ путей съ Зап. Двины и верхняго Днѣпра къ Нѣману.

Узломъ путей слѣдованія изъ Лифляндіи къ Нѣману, какъ сказано, была Митава, отъ которой на Ригу была всего одна дорога, вполнѣ удобная для слѣдованія войскъ.

Отъ Митавы *дороги* *) расходились:

1) На Витенкругъ, мызу Шрунденъ, Холенгофъ, Гробинъ, (Либава), Оберъ-Бартау, Рущау, Будендинсгофъ (на р. Геліи), Полангенъ, Бомеръ, Мемель; всего 232 версты [10].

2) На Жагоры, Хвейданы къ Тильзиту **).

3) На Янишки, Шавли, Радзивилишки, Шадовъ, Бейсагола, Бутжаны (Гудзюны), Кейданы, Бобты, Ковно; всего 261 вер. [11].

*) См. схему № 2 и карту.

**) Разстоянія мы указываемъ тѣ, которыя нашли въ архивныхъ документахъ. Этотъ путь имѣлъ значеніе въ 1758 г. какъ путь подвозовъ, но число верстъ не обозначено.

4) На Бовскъ (Баускъ), Жейме, Линковъ, Клованы, Кракенау (Кракиновъ), Сурвилишки, Кейданы, Боботы, Ковно.

О направленіи промежуточныхъ путей между этими главными линіями подробныхъ свѣдѣній нѣтъ; извѣстно только, что сношенія Апраксина съ Фермором изъ Ковно первоначально были на Шавли, затѣмъ на Россіены, а впослѣдствіи на Юрбургъ.

Не смотря на личное участіе Штофельна въ исправленіи путей для слѣдованія съ Зап. Двины къ Ковно, весною 1757 г., дороги были въ неудовлетворительномъ состояніи. Узкое полотно дорогъ допускало слѣдованіе только «въ одну веревку»; мосты были ненадежны, вслѣдствіе чего часто приходилось пользоваться понтонами [12], бывшими при арміи въ незначительномъ числѣ.

Извѣстные намъ пути слѣдованія отъ Динабурга, Дисны, Полоцка, Смоленска, Стародуба, Чернигова и Кіева, которыми пользовались русскія войска при сосредоточеніи къ Нѣману въ 1757 г.,—слѣдующіе:

5) Отъ Динабурга на Браславль, Вильно, откуда вправо на Ковно, а влѣво на Крышки, Соколъ, Подгуры, Брокъ, Рыбенку, Красову, Утрату [13].

6) Отъ Динабурга прямая дорога на Вилькомиръ къ Ковно [14].

7) Отъ Дисны и Полоцка—на Минскъ, откуда одною вѣтвью на Вильно, другою—на Новогрудокъ, Мосты, Крынки и далѣе до Утраты; всего 542 версты [13].

8) Отъ Смоленска на Оршу, Радивиловъ, Ошицу (Докшица), Крышки до Утраты—722 версты [13].

9) Отъ Стародуба на Черниковъ, Могилевъ, Минскъ, Вильно и Ковно—710 верстъ.

10) Отъ Чернигова на Рѣчицу, Мозырь, Слуцкъ, Миръ, Гродно—620 верстъ [13].

Наконецъ [11] отъ Кіева—на Брусиловъ, Вильскъ, Горошки, Корецъ, Александрію, Володимиръ, Ратно, Венгровъ, Утрату.

У Горошекъ подходила вѣтвь отъ Чернигова и Гомеля. Эти двѣ вѣтви соединялись между собою и шли на Мозырь.

О средствахъ края опредѣленно судить весьма трудно. Факты показываютъ, что мѣстныхъ запасовъ было достаточно не только для продовольствія проходящихъ войскъ, но и для заготовокъ въ потребность тыловыхъ магазиновъ; однако, въ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно, не въ таковомъ количествѣ, какъ было приказано главнокомандующимъ.

Расчеты на сплавъ запасовъ по притокамъ Нѣмана, какъ уже замѣчено,—оказались невѣрными: рѣчное судоходство вообще было очень слабо развито, а съ іюня, іюля мѣсяца, за спадомъ водъ, оно совсѣмъ прекращалось.

Подводы, быть можетъ, и было достаточно, но такъ какъ онѣ требовались отъ населенія съ уплатою денегъ [16], то подводами русская армія, въ предѣлахъ Литвы, пользовалась въ ограниченномъ размѣрѣ.

И такъ, указанныя особенности разсмотрѣннаго нами раіона къ востоку отъ р. Нѣмана требовали:

1) Занятія Митавы вполнѣ достаточными силами до окончанія переправы русскихъ войскъ черезъ Зап. Двину у г. Риги.

2) Возможно скорѣйшаго захвата Ковно и безотлагательнаго приведенія этого пункта въ оборонительное положеніе.

3) Взятія Мемеля въ возможно кратчайшій срокъ, а до того —занятія Тильзита; если бы это послѣднее было не по силамъ русскимъ (въ виду занятія Тильзита и окрестностей — прусскими войсками), то —Россіенъ, чѣмъ обезпечивалась связь между двумя отрядами русскихъ войскъ, сосредоточивающихся у Ковно и Мемеля.

4) Обезпеченія самостоятельными отрядами: на правомъ флангѣ—Либавы, до взятія Мемеля, и на лѣвомъ флангѣ—Вильно и Кейданъ—до занятія Ковно.

5) Самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для заблаговременнаго заготовленія сплавныхъ средствъ по рѣчнымъ линіямъ, въ районѣ нынѣшняго Виленскаго военнаго округа.

6) Въ случаѣ движенія русской арміи изъ Риги въ Варшаву, на Ковно обезпеченіе сообщеній арміи съ западною границею Россіи требовало настолько серьезныхъ мѣръ для обороны линій Нѣмана, Нарева и Бобра, что необходимое для того выдѣленіе отрядовъ превосходило средства арміи, бывшей подъ начальствомъ Апраксина.

Страна къ западу отъ Нѣмана, Нарева и Буго-Нарева, какъ уже сказано, служила *театромъ военныхъ дѣйствій Гр. Екердорфскаго періода кампаніи.*

Поверхность этого района имѣетъ видъ плоской возвышенности, границы которой обозначаются въ направленіи линіи отъ Маріенбурга, Прейсишъ-Голланда, Даркемена, Пилуяны на Маріамполь. Къ сѣверу отъ указанной линіи мѣстность имѣетъ характеръ равнины, съ отдѣльными возвышенностями. Возвышенности находятся въ окрестностяхъ Эльбинга (между Погатомъ и Посаргою*) къ югу отъ Кенигсберга (холмистая группа Штаблакъ) и на Замландскомъ полуостровѣ. Вообще эти возвышенности стратегическаго значенія не имѣютъ, но въ связи съ обильною озерною системою, съ лѣсистыми и болотисто-лѣсистыми участками В. Пруссіи оказываютъ вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій.

Если провести круговую линію отъ Олиты на Сувалки, Ангербургъ, Прейсишъ-Голландъ, Бишофсвердеръ, Нейденбургъ, Остроленку, Замбровъ, Гоніондзъ, Гродно-Олиту, то мы отдѣлимъ участокъ крайне пересѣченной мѣстности весьма удобный для оборонительныхъ дѣйствій.

Эта особенность края, внутри указанной нами круговой линіи, благопріятствовала Пруссіи формировать милиціонныя войска (вполнѣ годныя для оборонительныхъ дѣй-

*) Трушкія горы.

ствій), что могло крайне неблагопріятно вліять на наступательныя операціи русскихъ войскъ отъ Ковно - Гродно къ Кенигсбергу. Съ самаго начала кампаніи для наблюденія за этимъ участкомъ былъ назначенъ Апраксинымъ значительный конный отрядъ нерегулярныхъ войскъ Сибильскаго и, нѣтъ сомнѣнія, что если бы непріятель воспользовался особенностями озерной полосы В. Пруссіи, то Апраксинъ былъ бы вынужденъ усилить отрядъ Сибильскаго. Въ дѣйствительности же Сибильскій былъ притянутъ къ главнымъ силамъ, и озерная полоса была оставлена безъ всякаго наблюденія.

Впослѣдствіи, когда В. Пруссія была очищена отъ прусскихъ войскъ, мы безъ малѣйшаго затрудненія пользовались озерною полосою какъ при размѣщеніи войскъ по квартирамъ, такъ и при выборѣ кратчайшихъ коммуникаціонныхъ линій между Н. Вислою и Зап. Двиною.

Воды театра военныхъ дѣйствій имѣли существенное вліяніе на ходъ операцій.

Въ своемъ мѣстѣ мы указали, что весь планъ довольствія русской арміи былъ основанъ на томъ, чтобы запасы могли быть свободно сплавляемы по Куришъ-гафу, р. Дейму и Прегелемъ въ Кенигсбергъ. Къ несчастію особенности Куришъ-гафа, недостатокъ сплавныхъ средствъ, значеніе Лабіавы и т. п. выяснились поздно, вслѣдствіе чего не могъ быть приведенъ въ исполненіе планъ довольствія и основанный на этомъ планѣ—стратегическій планъ дѣйствій [17].

Совершенно такое же значеніе имѣлъ Фришъ-гафъ, по занятіи нашими войсками Кенигсберга и при развитіи дальнѣйшихъ операцій отъ Кенигсберга къ Н. Вислѣ.

Нижняя Висла, на первый взглядъ, должна была оказать безусловно неблагопріятное вліяніе на дѣйствіе прусскихъ войскъ, оборонявшихъ В. Пруссію. Прусскія войска владѣли лишь незначительнымъ участкомъ этой рѣки (отъ Меве до

Грауденца) и могли разсчитывать всего на одну и то крайне слабо обезпеченную переправу у Маріенвердера [18]. Такимъ образомъ занятіемъ Маріенвердера (что не представляло особыхъ затрудненій), повидимому, прусской арміи, занимавшей В. Пруссію, отрѣзали единственный свободный путь сообщенія съ остальными войсками Фридриха II.

Но въ дѣйствительности прусское вліяніе на нижней Вислѣ было весьма сильно. «Ключи водяной коммуникаціи» (Гданскъ, Маріенбургъ, Эльбингъ) только официально не были въ рукахъ пруссаковъ, но какъ гарнизонъ, такъ и населеніе этихъ важныхъ пунктовъ были на сторонѣ нѣмцевъ [19].

Р. Прегель (по сліяніи рр. Инстера, Писсы и Ангерапа) въ связи съ р. Алле (впадающей у Велау) и р. *Деймою* (у Таніава) неблагопріятно вліяли на наши наступательныя операціи отъ Ковно къ Кенигсбергу. Непріятель, укрѣпивъ Велау, Таніаву и Лабіаву, свободно могъ маневрировать на обоихъ берегахъ р. Прегеля, прикрывая Кенигсбергъ фронтально, или занимая фланговую позицію. Этимъ положеніемъ прусскій главнокомандующій всецѣло воспользовался.

Значеніе р. Нѣмана, какъ базы, оцѣнено нами. Какъ оборонительная линія, она имѣла серіозное значеніе для пруссаковъ, вынуждая насъ форсировать эту преграду (какъ ожидалъ Апраксинъ). Мало того, что отъ устья р. Нѣмана до Юрбурга пруссаки владѣли этою рѣкою, но и главный пунктъ на этой естественной преградѣ (Ковно) былъ въ трое ближе къ прусской границѣ, чѣмъ къ русской. Къ счастію Левальдъ не воспользовался случаемъ и не рѣшился занять Ковно, что обезпечило соединеніе отдѣльныхъ частей нашей арміи, направленныхъ къ р. Нѣману, и дало возможность безпрепятственно исполнить переправу черезъ р. Нѣманъ, въ наиболѣе удобномъ для насъ пунктѣ.

Болотисто-лѣсистые участки В. Пруссіи оказали также не маловажное вліяніе на дѣйствія нашихъ войскъ не только

въ тактическомъ отношеніи, но и въ стратегическомъ. На это послѣднее мы укажемъ ниже при разборѣ особенностей путей.

1) Кратчайшая дорога *) отъ Полангена шла на Мемель, Прекулсъ, Кукорейтейнъ, Гейдекругъ, Русъ, Раутенбургъ, Лабіаву, Кейменъ, Кенигсбергъ—169 верстъ [20].

Путь этотъ проходилъ по крайне пересѣченной лѣсисто-болотистой мѣстности, безусловно неудобной для движенія значительныхъ силъ лѣтомъ. И понынѣ Мосбрухъ, Непельскіе, Друскенскіе, Штериберскіе болотисто-лѣсистые участки, несомнѣнно, должны неблагопріятно вліять на успѣхъ движенія значительныхъ силъ.

У Раутенбурга къ этой дорогѣ приближалась вѣтвь изъ Тильзита, проходившая по той же крайне неудобной для движенія мѣстности.

По этимъ то путямъ и должна была бы наступать наша армія осенью 1757 г. изъ Тильзита, что не могло обѣщать ничего хорошаго. Къ счастію, Апраксинъ, своевременно узнавши особенности края, достаточно имѣлъ гражданскаго мужества отказаться отъ исполненія требованія Конференціи — перейти въ наступленіе изъ Тильзита на Лабіаву.

Отъ Кенигсберга эта дорога продолжалась на Браунсбургъ, Эльбингъ, Маріенбургъ.

2) У Браунсбурга къ послѣдней изъ дорогъ примыкала другая вѣтвь, шедшая прямо отъ Тильзита на Таніаву, минуя Кенигсбергъ. Путь этотъ былъ прямымъ продолженіемъ дороги изъ Риги на Жагоры, Хвейданы и Тильзитъ; до Прегеля дорога имѣла тѣ же неудобства.

3) Отъ Тильзита на Кулмишенъ, Кумельнъ, Гумбинненъ, Дренфуртъ, Растенбургъ, Сегетенъ, *Аweйдъ* (?), Ортельсбургъ, Виленбергъ, Пашиводу, Нейденбургъ, Ковнаткенъ, Гильген-

*) См. схему № 2.

бургъ, Руменицу (Румьянъ), Лебау, Новое (?), Ленконъ (Лонкаревъ *), Груты, Грудецъ [21].

4) Отъ Ковно на Понемонь, Гоги, Прены, Балвержишки, Вержболово, Гумбинненъ, Инстербургъ, откуда двумя кратчайшими береговыми дорогами на Таніаву и Велау—къ Кенигсбергу.

5) Отъ Ковно на Филиппово, Олецко, Лыки, Іоганнсбургъ, Вилленбургъ, Солдау (дальше неизвѣстно).

6) Отъ Гродно на Олецко, Гольдапъ, откуда на Даркеменъ, прямымъ путемъ (на Аленбургъ) къ Кенигсбергу.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ указанныхъ нами главныхъ путей были и другіе (между населенными пунктами), но мы въ данномъ случаѣ касаемся лишь тѣхъ, которые служили нашей арміи путями слѣдованія и коммуникаціонными линіями. Мы не встрѣчаемъ, наприм., ни малѣйшихъ намековъ на прямой путь изъ Ковно на Вержболово (черезъ Вильковишки), а также нѣтъ указаній о поперечныхъ кратчайшихъ путяхъ, связующихъ между собою пути изъ Ковно и Тильзитъ на Гумбинненъ. Достовѣрно только, что кратчайшая связь съ Тильзитомъ (занятымъ уже Ферморомъ) изъ Гумбинена производилась на Юрбургъ [23].

Изъ числа укрѣпленныхъ пунктовъ, занятыхъ прусскими войсками, слѣдуетъ упомянуть о Мемелѣ, Кенигсбергѣ, Пилау и тетъ-де-понѣ въ Маріервердерѣ. Къ числу нѣмецкихъ крѣпостей слѣдуетъ отнести (по сочувствію гарнизона) Гданскъ и Эльбингъ.

Мемель (незначительный городокъ) [22] былъ окруженъ съ восточной и южной стороны земляными окопами долговременной профили. Съ сѣверной (со стороны Полангена) доступъ къ городу преграждался р. Дангою съ обезпеченною переправою; предмостное укрѣпленіе имѣло видъ простаго редана,

*) Можетъ быть и Оконинъ.

фасы котораго были не болѣе 35 саж. Со стороны Куришъ-гафа городъ былъ совершенно открытъ. Изъ всѣхъ крѣпостныхъ сооруженій Мемеля особо важное значеніе имѣла цитадель, откуда сильно обстрѣливались проливъ и подступы къ предмостному укрѣпленію [22].

Земляные окопы Мемеля имѣли бастіонное начертаніе съ равелинами. Рвы,—шириною до 15 саж.,—были водяные [22]. Цитадель имѣла форму редута (бокъ 60 саж.) съ бастіонами въ исходящихъ углахъ. Крѣпость была вооружена 80-ю орудіями разнаго калибра. Гарнизонъ состоялъ изъ 800 челов., вполнѣ обученныхъ ландмилиціонеровъ батальона Поленца.

Мемель, какъ оказалось, легко могъ быть взятъ посредствомъ усиленной бомбардировки и безъ всякихъ серьезныхъ потерь. Штурмъ же крѣпости (благодаря водянымъ рвамъ) требовалъ много напрасныхъ жертвъ.

Въ Тильзитѣ была только старая цитадель, не имѣвшая никакого значенія. Кенигсбергъ былъ обнесенъ непрерывною оградою (окружностью въ 2 мили) съ 32 бастіонами, цитаделью, возведенными въ первой половинѣ XVII. стол.

Весною 1756 г. было обращено вниманіе на возобновленіе земляныхъ сооруженій Кенигсберга; но черезъ годъ (весною 1757 г.) въ этомъ отношеніи почти ничего не было сдѣлано, такъ какъ только съ выступленіемъ Апраксина къ Нѣману на возобновленіе окоповъ было ассигновано 5000 талеровъ [24]. Къ августу мѣсяцу профиль окоповъ была возобновлена (хотя значительно слабѣе нормальной), рвы усилены палисадомъ, но всѣ эти усовершенствованія исключительно имѣли цѣль привести безмѣрно растянутые окопы въ состояніе болѣе удобное для обороны города мѣстными жителями, въ случаѣ налета конницы *).

*) Конечно въ этомъ случаѣ имѣлась въ виду регулярная конница. Что же касается нерегулярной, то рядъ, приведенныхъ въ своемъ мѣстѣ, примѣровъ показываетъ, что эти окопы не могли бы удержать казаковъ и калмыковъ. Это хорошо понимали, впрочемъ, въ Кенигсбергѣ, чѣмъ и объясняется паника властей въ ожиданіи подобнаго налета.

Если укрѣпленія Кенигсберга имѣли ничтожное значеніе, въ случаѣ атаки города сильнымъ отрядомъ, то нельзя не замѣтить, что подступы къ этому городу какъ со стороны моря, такъ и сухаго пути преграждались рядомъ укрѣпленныхъ позицій.

Пилау довольно прочно ограждалъ доступъ къ Кенигсбергу со стороны моря [24]. Съ сухаго пути Левальдомъ были подготовлены сильныя укрѣпленныя позиціи: при Калшенѣ (Каленецъ), Таплакенѣ, Петердорфѣ, Таніавѣ и Лабіавѣ [25] эти позиціи были въ связи съ болотисто-лѣсистыми участками восточнѣе Куришъ-гафа и р. Дейме.

Для прикрытія Кенигсберга, при наступленіи непріятеля по лѣвому берегу р. Прегеля, была подготовлена укрѣпленная позиція у Велау. Укрѣпленія были построены только на лѣвомъ берегу р. Алле весьма незначительной профили. Большее вліяніе для защиты Кенигсберга оказывала укрѣпленная позиція у Таніавы, гдѣ были черезъ р. Прегель устроены мосты, обезпеченные тет-де-понами, для перехода съ праваго на лѣвый берегъ р. Прегеля. Въ заключеніе должны упомянуть, что Таніавская укрѣпленная позиція (за р. Дейме) должна быть разсматриваема въ тѣсной связи съ устроенными укрѣпленіями въ Лабіавѣ, для занятія которой предназначался русскою главною квартирою особый десантъ, высадка котораго однако не удалась.

Данцигъ былъ самою сильною крѣпостью на разсматриваемомъ участкѣ. Симпатіи гарнизона и жителей этого города нѣмцамъ не подлежатъ никакому сомнѣнію, и вполнѣ выразились во все время Семилѣтней войны, начиная съ 1758 года [26].

Эльбингъ имѣлъ самыя ничтожные верки [27] и незначительный гарнизонъ. Не смотря на это, въ началѣ 1758 г., когда вся русская армія приблизилась къ этому пункту, комендантъ Эльбинга имѣлъ въ виду сопротивляться, и были

сдѣланы приготовленія для бомбардированія этого пункта. Во всякомъ случаѣ Эльбингъ могъ держаться лишь противъ налета мелкихъ партій *).

Нельзя не упомянуть объ оборонительныхъ мѣрахъ, принятыхъ противъ вторженія регулярныхъ войскъ: для этого было рѣшено воспользоваться лѣсисто-болотистыми участками окраинъ В. Пруссіи.

Фридрихъ Великій, только въ самое послѣднее время передъ началомъ войны, убѣдился въ серьезномъ активномъ участіи Россіи въ Семилѣтней войнѣ. Это обстоятельство, въ связи съ полнымъ презрѣніемъ его къ русскимъ регулярнымъ войскамъ, имѣло то слѣдствіе, что великій полководецъ разсчитывалъ легко справиться съ нашею регулярною арміею, боясь только «татарскаго набѣга» нерегулярныхъ войскъ въ предѣлы В. Пруссіи **).

Было рѣшено принять мѣры для обороны пограничной полосы Пруссіи, пользуясь пересѣченною мѣстностью и патріотизмомъ мѣстныхъ жителей. Съ этою цѣлью предполагалось организовать на границѣ народную оборону, но поздно задуманное дѣло, не систематично приведенное въ исполненіе не только не принесло никакой пользы, но скорѣе вредъ.

Особенность пограничной полосы дѣйствительно способствовала оборонительнымъ дѣйствіямъ, хотя и не было принято въ соображеніе, что такихъ наѣздниковъ, какъ Донскіе казаки, калмыки и т. п., не могъ остановить слабый кордонъ изъ мѣстныхъ жителей. Въ дѣйствительности милиція была лишь угрозою, что изъ-за каждаго куста нужно было ожидать выстрѣла; однако случаи убійствъ отдѣльныхъ всадниковъ изъ

*) Значеніе Гданска и Эльбинга будетъ нами разсмотрѣно при обзорѣ кампаніи 1758 г.

**) Та безсильная злоба, выражавшаяся въ самыхъ невыгодныхъ отзывахъ обоихъ великихъ полководцевъ (Фридриха II и Наполеона I) о послѣдствіяхъ дѣйствій казаковъ, ближе всего показываетъ, что оба они сознавали могущественную силу казаковъ, если ими умѣли управлять.

разъѣздовъ были и вызвали роковое для мѣстныхъ жителей озлобленіе нерегулярныхъ, которые разъ захваченную мѣстность начали очищать огнемъ и мечемъ; такъ что для сохраненія края главнокомандующему пришлось *прямо въ ущербъ для дѣла* задержать массу нерегулярныхъ войскъ и наконецъ въ самое необходимое время притянуть ихъ къ главнымъ силамъ.

Сводя все сказанное относительно особенностей разсматриваемаго театра военныхъ дѣйствій, мы должны замѣтить, что эти особенности прежде всего вызывали необходимость раздѣлить наши силы при наступленіи. Развитіе наступательныхъ операцій главными силами по кратчайшимъ путямъ изъ Риги на Кенигсбергъ (на Тильзитъ) — было крайне невыгодно, такъ какъ предоставляло обороняющемуся значительныя удобства малыми силами оказать значительное сопротивленіе. Вслѣдствіе этого главная часть арміи должна была наступать къ Кенигсбергу по наиболѣе доступному направленію, т. е. отъ Ковно—Гродно. Съ другой стороны занятіе Мемеля также было необходимо (для связи дѣйствій сухопутной арміи и флота), а слѣдовательно для операцій въ направленіи Либава—Мемель приходилось также отдѣлить часть силъ.

Мѣстность по лѣвому берегу р. Прегеля вообще представляла меньшія препятствія для наступленія съ востока къ Кенигсбергу, чѣмъ мѣстность по правому берегу этой рѣки. Условія стратегическія, напротивъ, безусловно требовали наступленія по правому берегу, и только мѣры, принятыя прусскимъ главнокомандующимъ для подготовки театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи на правомъ берегу р. Прегеля, вынудили отказаться отъ продолженія операцій въ этомъ направленіи.

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что топографическія особенности театра военныхъ дѣйствій не были хорошо извѣстны русской главной квартирѣ, при составленіи плана кампаніи. На этомъ мы остановимся въ своемъ мѣстѣ; теперь же

отмѣтимъ, по этому поводу,весьма характерную выдержку изъ донесенія Апраксина въ октябрѣ 1757 года... «Дерзаю вашему императорскому величеству донести, что по испытаніи положенія сей земли иныя принципіи и основанія положить надлежитъ (въ планѣ кампаніи) чѣмъ прошлаго года, разсуждая по однимъ только ландкартамъ...» [28].

ГЛАВА IV.

Краткій очеркъ обстановки къ началу кампаніи 1757 года, какъ общій выводъ изъ фактовъ, разобранныхъ въ первыхъ трехъ главахъ.—Расположеніе русскихъ войскъ.—Состояніе войскъ по родамъ оружія и корпусамъ.—Мѣры по обезпеченію дѣйствующей арміи довольствіемъ.—Условія политическія.—Свѣдѣнія о силахъ, выдѣленныхъ Фридрихомъ II для дѣйствія противъ Россіи.—Развѣдки русскихъ о положеніи непріятеля въ В. Пруссіи.—Назначеніе Апраксина главнокомандующимъ.—Первыя его распоряженія до 25-го сентября.—Инструкція императрицы Елизаветы —Апраксину.—Подробный разборъ этой инструкціи.—Отъѣздъ Апраксина къ арміи.—Свѣдѣнія о непріятелѣ, полученныя Апраксинымъ на пути его въ Ригу.—Требованіе Конференціи объ открытіи зимняго похода 1756—1757 г.г.—Рѣшительный отказъ Апраксина открыть зимнюю кампанію —Планъ кампаніи 1757 года.—Вліяніе австрійцевъ на составленіе плана кампаніи.—Основные директивы плана кампаніи, утвержденные воинымъ совѣтомъ 23-го января 1757 года.—Оцѣнка этого плана.

—

Данныя первыхъ трехъ главъ даютъ основанія для краткаго очерка обстановки, предшествовавшей открытію кампаніи (къ началу сентября 1756 г.), когда фельдмаршалъ Апраксинъ вступилъ въ командованіе арміею.

Къ этому времени войска, предназначенныя въ составъ дѣйствующей арміи, были расположены: [1].

1) *1-й корпусъ Лопухина*, въ составѣ 12-ти пѣхотныхъ полковъ, 1-го кираспрскаго, 3-хъ гусарскихъ и Чугуевскаго казачьяго (36-ть б—въ, 5-ть э—въ, 3 гусарск. полка [2], 5 сотенъ, 48 пѣш. полковыхъ орудій; всего до 25,000), —

въ Лифляндіи. Изъ нихъ кирасирскій и три пѣхотныхъ полка занимали «секвестрованные амты» въ Курляндіи.

Принадлежащіе къ составу 1-го корпуса—13-ть пѣхотныхъ полковъ (до 26,000) были внѣ Лифляндіи; а именно, 4-ре въ Эстляндіи, 3-ри въ Псковской провинціи, 6-ть въ раіонѣ нынѣшней Петербургской и частью Новгородской губерній. Кромѣ того, 3 гренадерскихъ полка формировались въ Лифляндіи графомъ Петромъ Румянцевымъ.

2) *2-й корпусъ Василія Долгорукова* только начиналъ формироваться. Въ составъ его предназначались: 5 кирасирскихъ (2 старыхъ и 3 новыхъ), 4 гусарскихъ, 4,000 Донскихъ казаковъ и Чугуевскій казачій (всего до 15,000). Вслѣдствіе пріостановки всѣхъ передвиженій (съ начала іюня),—корпусъ еще не сосредоточился. Въ Прибалтійскомъ краѣ было только два старыхъ кирасирскихъ полка, гусары и чугуевцы, а остальные полки были въ движеніи и заняли пограничные пункты Псковской провинціи уже глубокою осенью 1756 года.

3) *3-й корпусъ Матвѣя Ливена* въ составѣ 5-ти конно-гренадерскихъ, 4-хъ драгунскихъ, 5,000 Донскихъ казаковъ, 5-ти слободскихъ полковъ, 6,000 разнонародныхъ командъ (49 э—въ, 100 каз. сот., 4,000 разнопар. командъ и 26 кон. орудій, всего до 25,000), также вслѣдствіе общей пріостановки мобилизаціи въ іюнѣ,—совсѣмъ не былъ сформированъ. Шесть полковъ регулярной конницы занимали форпосты на границѣ параллельно Днѣпру, а остальные были въ прежнихъ пунктахъ квартированія.

4) *4 й и 5-й корпуса (Броуна и Фаста)*, всего въ составѣ *семи* пѣхотныхъ полковъ (21 б—въ—до 14,000) къ сентябрю собрались въ Эстляндіи. Изъ нихъ три полка, предназначенные для перевозки моремъ въ Либаву, были въ окрестностяхъ Ревеля.

5) *6-й корпусъ Григорія Мещерскаго*, въ составѣ Ингерманландскаго драгунскаго и изъ гарнизонныхъ: одного драгунскаго, двухъ пѣхотныхъ полковъ, одного эскадрона, одного баталіона и Смоленской шляхты (5 б. въ., 9 э.—въ и команда; всего до 8,000),—вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ упомянуто относительно 2-го и 3-го корпусовъ,—не былъ сформированъ совсѣмъ. Ингерманландскій и Воронежскій гариз-ый драгунскіе были на пути изъ Украйны къ Смоленску; гарнизонные пѣх. полки оставались по крѣпостямъ, а Смоленская шляхта и Рославскій эскадронъ не были еще собраны. Только въ сентябрѣ назначенъ былъ общій ихъ начальникъ генералъ-маіоръ Альбединль, которому и было вмѣнено въ обязанность сформировать тыловыя войска.

Переформированіе пѣхоты не было окончено. Гренадерскіе полки окончили формированіе не ранѣе декабря 1756 года. Мушкатерскіе полки выдѣлили часть своихъ гренадеръ для новыхъ гренадерскихъ полковъ, но взамѣнъ выдѣленныхъ ротъ пополненіе людьми до штатнаго состава не получили.

Некомплектъ пополнялся исключительно рекрутами, но вслѣдствіе сложности процедуры рекрутскихъ наборовъ новобранцы окончательно прибыли не ранѣе начала августа 1757 г.

Полки регулярной конницы приступили къ переформированію по новымъ правиламъ, принятымъ для устройства нашей конницы, но ни одинъ изъ бывшихъ драгунскихъ полковъ не имѣлъ средствъ вести переформированіе съ необходимою поспѣшностью.

Нерегулярная конница 28-го августа была потребована на западную нашу границу, но для сбора и сосредоточенія ея къ среднему теченію Днѣпра нужно было не мало времени.

Полковая артиллерія, вмѣсто положенныхъ 6-ти орудій на полкъ, состояла изъ 4-хъ и ожидалось пополненіе добавочными орудіями. Полковыя орудія и оружіе (въ пѣхотѣ) были осмотрѣны по распоряженію фельдцейхмейстера [3].

Матеріальная часть и личный составъ полевой и осадной артиллеріи были подготовлены, но лошадей даже для полевой артиллеріи не было совсѣмъ. Запасы для текущаго довольствія были въ достаточномъ количествѣ только въ Лифляндіи и Эстляндіи [4].

Для обезпеченія довольствія арміи при наступательныхъ операціяхъ къ р. Нѣману ничего не было подготовлено. Самый размѣръ потребности генералъ-провіантмейстеромъ былъ составленъ лишь въ концѣ октября [5]. Даревскій, на котораго предполагалось возложить заготовку довольствія съ подряда, въ Литвѣ и Польшѣ нашелъ, что по инструкціи Конференціи «къ исполненію основательно ничего предпринять не возможно», и отказался отъ предложенныхъ ему условій.

Канцлеръ Бестужевъ, усердно подготовлявшій наиболѣе благопріятную политическую обстановку для «сокращенія силъ короля Прусскаго», наканунѣ войны потерпѣлъ полное пораженіе, и положеніе его по управленію дѣлами нашей внѣшней политики было непрочно.

Союзныя отношенія къ Франціи и Швеціи были не вполнѣ установлены. Съ Австріею и Саксоніею были заключены договоры, но Саксонія была уже покорена Фридрихомъ II. Вообще наша дипломатія была въ сильной зависимости отъ Вѣнскаго двора. Въ Литвѣ и Польшѣ наше вліяніе было слабо. Отношенія къ Англіи оставались не выясненными.

При этихъ обстоятельствахъ политика, не имѣя опредѣленныхъ директивъ для указанія ихъ главнокомандующему, оставила за собою право опредѣлить таковыя впослѣдствіи, по мѣрѣ выясненія обстоятельствъ. Для этого главнокомандующій былъ подчиненъ высшему военному совѣту (Конференціи), спеціально образованному для объединенія вопросовъ «политики и войны».

Вооруженныя силы Польши и Литвы, по тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ, «на силу 12000 превосходятъ»; да и

эти войска имѣли видъ личной охраны разныхъ должностныхъ лицъ и высшихъ властей страны *) [6]. Такъ что собственно вооруженныя силы Литвы и Польши нельзя было, принимать въ соображеніе.

Въ то время, когда Апраксинъ имѣлъ въ готовности для открытія похода только 25—26 тыс. корпусъ Лопухина безъ полевой артиллеріи и безъ всякихъ средствъ, которыя обезпечивали бы довольствіе войскъ при наступательныхъ операціяхъ, послѣднія свѣдѣнія опредѣляли, что у Фридриха II «отъ 145,000 до 142,000 состоитъ, но въ семъ подлинно, что его прусское величество нынѣ силы свои непрестанно и почти ежедневно по нѣскольку числу человѣкъ умножаетъ» [5]. Силы эти приблизительно соотвѣтствовали дѣйствительности [6]. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Гроссомъ съ театра войны, въ началѣ сентября противъ Саксоніи Фридрихъ имѣлъ до 57,000, а «въ Пруссіи и Помераніи до 40,000» [7], которыя и могли оперировать противъ русской арміи.

Положеніе непріятеля въ В. Пруссіи начали разузнавать съ іюля мѣсяца 1756 года, когда въ Ригѣ и Петербургѣ разнеслись слухи о намѣреніи Фридриха захватить Курляндію. Въ то время мы могли 11-ти полкамъ Левальда (по слухамъ готовыхъ вступить въ Курляндію) противоставить всего 3 полка пѣхоты и 1 кирасир., бывшіе въ «секвестрованныхъ амтахъ», и по частямъ подкрѣпить остальными полками корпуса (дивизіи) Лопухина. Но къ счастью слухи оказались неосновательными и на столько успокоили Петербургъ, что даже дислокація войскъ въ Курляндіи осталась безъ измѣненія. Единственный результатъ отъ этой фальшивой тревоги былъ тотъ, что мы начали усиленно слѣдить за положеніемъ прусской арміи къ западу отъ Нѣмана. Дѣло это было поручено: въ Польшѣ—оберъ-квартирмейстеру Веймарну (на котораго также было возложено выхлопотать сво-

*) Кромѣ гарнизоновъ въ Данцигѣ и Эльбингѣ, которые имѣли видъ войсковыхъ частей.

бодный пропускъ для нашихъ войскъ черезъ литовско-польскія земли) и въ Курляндіи оберъ-квартирмейстеру Сиверсу. Всѣ свѣдѣнія сводились къ тому, что непріятель готовился къ упорной оборонѣ края, но не выказывалъ ни малѣйшихъ признаковъ къ переходу въ наступленіе, съ цѣлью захватить Ковно [8].

Заранѣе собранныхъ военно-статистическихъ свѣдѣній о Литвѣ, Польшѣ и Пруссіи не было, и чтобы, хотя нѣсколько, пополнить этотъ всѣми сознаваемый пробѣлъ,- замѣченный слишкомъ поздно.—посланы были офицеры для рекогносцировокъ [9].

Денегъ Апраксину всего было выдано на первое время 500,000 рублей и то въ половинѣ октября мѣсяца.

Вотъ общія черты той крайне неблагопріятной обстановки, при которой принялъ Апраксинъ армію отъ номинальнаго главнокомандующаго графа П. П. Шувалова.

Съ 13-го по 25-е сентября [10], мы встрѣчаемъ слѣдующія первыя распоряженія главнокомандующаго. Принявъ «дѣла секретныя, касающіяся до похода, отъ графа П. Шувалова», Апраксинъ приказалъ:

1) Тотчасъ же усилить отрядъ, занимавшій секвестрованные амты Курляндіи, 8-ю полками пѣхоты и 4,000 Донскихъ казаковъ [11].

Полки эти должны были быть распредѣлены въ Курляндіи, «посланнымъ туда генералъ-квартирмейстеромъ Вильбуа, по общему соглашенію съ гг. камергеромъ Бутлеромъ, ген.-маіоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ и по сношенію съ Курляндскими оберъ-ратами въ секвестрованныхъ и несеквестрованныхъ мызахъ просторныя квартиры (занять) до Шрундена, не переходя рѣки Виндау».

2) 12 пѣхотныхъ полковъ, два гренадерскихъ, кирасирскій его высочества и три гусарскихъ сосредоточить «не далѣе 8—10 миль отъ Риги» *).

*) Названіе полковъ есть въ таблицѣ № 9.

3) Черниговскій, Углицкій. Вятскій и Суздальскій были поручены Броуну, съ приказаніемъ быть въ готовности къ посадкѣ десанта. «Вышеписаннымъ всѣмъ полкамъ (въ Лифляндіи) предписано, чтобы они въ кантониръ-квартиры расположились, дабы при потребномъ случаѣ въ три дня собраться и куда велѣно будетъ маршировать могли. Чего ради полковымъ обозамъ полковъ коп болѣе удалены (въ направленіи къ Дериту) быть въ ближайшихъ къ Ригѣ мѣстахъ. А придя на квартиры велѣно имъ зимніе ходы подъ тягости изготовить и лѣтніе въ исправности содержать».

4) Полки, бывшіе на форпостахъ (драгунскіе и пѣхотные), было приказано безотлагательно смѣнить частями прежняго 6-го корпуса, который началъ собираться послѣ 28-го августа.

5) По первому свѣдѣнію отъ Ливена о плохомъ состояніи конницы, было поручено ген.-провіантмейстеру Волконскому принять непосредственное участіе въ пополненіи лошадей покупкою и поставкою съ населенія. Комиссаріату приказано ускорить доставку обмундированія. Ливену же предписано съ особымъ вниманіемъ отнестись къ подготовкѣ конницы; при чемъ, такъ какъ многіе полки къ обученію частей по новому уставу не приступали, Апраксинъ разрѣшилъ «утвердиться въ старомъ, но и новаго не оставлять».

6) Ограничивъ раіонъ, для дѣйствія комиссіи Даревскаго, предѣлами приблизительно нынѣшней Виленской и Ковенской губерній, главнокомандующій вошелъ въ непосредственное сношеніе съ Радзивиломъ и Флемингомъ о содѣйствіи при заготовкахъ запасовъ въ предѣлахъ Литвы [12].

7) Апраксинъ просилъ: а) удовлетворить войска жалованьемъ за сентябрьскую треть; б) «имѣть (денегъ) на двѣ трети впередъ»; в) «на то же двутретное время на содержаніе провіантомъ и фуражемъ полагая въ запасъ цѣны оное вдвое противу тѣхъ коп нынѣ при границахъ»; г) всѣ деньги

ассигновать на Рижскую и Смоленскую комиссаріатскія комиссіи» [13]. Ассигнованіе денегъ послѣдовало лишь 12-го октября [14].

Хотя манифеста объ объявленіи войны не было (онъ появился почти черезъ годъ; а именно, 16-го августа 1757 г.) [15], но для «ободренія» Саксонскаго двора, какъ мы видѣли, тогда же, въ сентябрѣ, обѣщана, между прочимъ, «скорая по нынѣшнему годовому времени помощь».

Дѣйствительно 5-го октября дана была инструкція, обязывавшая Апраксина произвести «диверсію»,—подписанная собственноручно императрицею Елизаветою и контрасигновная канцлеромъ Бестужевымъ [16].

Этотъ документъ до такой степени важенъ, что мы должны на немъ остановиться. Въ этой инструкціи, какъ въ зеркалѣ, отражается безвыходное положеніе главнокомандующаго, вынужденнаго подчиниться гофкригерату, бывшему подъ руководствомъ членовъ дипломатическаго корпуса.

1-й пунктъ инструкціи указываетъ, что «хотя ввѣряемая въ вашу полную команду наша армія будетъ только помощною двухъ атакованныхъ Вѣнскаго и Дрезденскаго дворовъ; но какъ состояніе дѣлъ и положеніе земель таково, что оная теперь въ соединеніи *съ ними маршировать не можетъ*, да хотя бы туда пошла, то бы сія помощь могла уже позднюю быть и армія наша напрасной и изнурительной дальной походъ токмо сдѣлать могла бы, то не остается иного, какъ королю Прусскому сильную диверсію съ Польской и Литовской стороны сдѣлать и сіе толь удобнѣе, что по извѣстіямъ не имѣетъ онъ въ Пруссіи болѣе 20—30 тыс. своего войска въ Помераніи къ тому смежной отъ 25—30 тыс., а назначенная отъ насъ къ сему предпріятію и въ вашу команду ввѣренная армія сіе число превосходитъ. Такъ что отъ справедливости дѣла, по Прусскому передъ всѣмъ свѣтомъ неоправдываемому начинанію, мы несомнѣнно ожидаемъ, что

вашею ревностью, трудами и искусствомъ союзникамъ нашимъ скорая помощь подана будетъ. Король Прусскій усмиренъ... Наши, вамъ извѣстныя намѣренія, счастливо достигнуты и окончаніе начатой королемъ Прусскимъ неправедной войны славно для насъ, честью для васъ и арміи, пользою отечеству и надежнымъ всей Европѣ покоемъ увѣнчено будетъ».

Такимъ образомъ дипломатіею указывалась общая цѣль дѣйствія—произвести диверсію съ Польской и Литовской границы, но вмѣсто предоставленія необходимой свободы дѣйствіямъ главнокомандующаго, ему были даны такія указанія *), исполненіе которыхъ могло повлечь только къ самымъ плачевнымъ результатамъ.

Наша армія, расположенная кордономъ вдоль западной границы Россіи и подвигаясь «по малу впередъ», естественно никакою «сугубою диверсіею» не могла и угрожать прусской арміи, сосредоточенной въ В. Пруссіи. Это была не «туча», какъ предполагала Конференція, а облака, которыя легко могли быть разсѣяны первымъ порывомъ вѣтра, раньше чѣмъ успѣла бы образоваться туча. Прусская армія свободно могла захватить пути наступленія съ Зап. Двины и средняго теченія Днѣпра на Ковно и Варшаву и предупредить соединеніе разбросанныхъ частей нашей арміи.

---

*) Инструкція нѣкоторыми статьями опредѣленно указывала главнокомандующему *какъ именно* произвести эту диверсію. Эти детали составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей этого документа.

«Сей походъ (предписывала инструкція) и дѣйствительно предпріятъ быть имѣетъ по вашему въ Ригу прибытію; а именно, слѣдующимъ образомъ:

1) «Въ Курляндію въ прибавокъ находящемуся уже тамъ столько нѣхотныхъ полковъ, сколько по вашему усмотрѣнію безъ дальняго утѣсненія тамъ умѣститься можетъ». Какъ мы замѣтили, это было приказано раньше и Апраксинымъ.

2) «Регулярную кавалерію, которая въ Лифляндіи теперь квартируетъ, введеніе въ польскую Лифляндію (восточнѣе р. Эвстъ) *и въ сихъ обоихъ мѣстахъ по кантониръ-квартирамъ расположить велите, а что тамъ не помѣстится, то сколько можно ближе по границѣ...*» Та же задача была указана и для войскъ, расположенныхъ по Двинѣ и по Днѣпру, т. е. стать сосредоточенно на кантониръ-квартирахъ,

Но всматриваясь ближе въ предписаніе замѣчательной инструкціи, Апраксинъ и этой «сугубой диверсіи» не имѣлъ права начинать до весны 1757 года.

Такъ напр., указывая, «гдѣ войскамъ остановиться и собираться надобно», Конференція признаетъ, что къ этому «конечно не малое время потребно, а особливо дабы впередъ обо всемъ развѣдать и наипаче довольно и провіанта и фуража запасти...» Начало пун. 35 инструкціи точно также опредѣленно указываетъ, что «до будущей весны... не признается за удобною всею... арміею дѣйствовать противъ Пруссіи...»

Но рядомъ съ этими вполнѣ опредѣленными указаніями были другія, которыя совершенно противорѣчили первымъ.

Такъ, пун. 17, повторяя опредѣленное указаніе «*остановиться и собираться*», въ то же время предписываетъ «непрестанно такой видъ казать, что вы скоро и далѣе маршировать будете. Нужда въ томъ настоитъ крайняя, дабы атакованныхъ нашихъ союзниковъ ободрить, короля Прусскаго въ большой страхъ приводить, силы его раздѣлять и наипаче всему свѣту показать, что не въ словахъ только состояли твердость и мужество, которыя мы учиненными здѣсь и черезъ министровъ нашихъ при дворахъ декларацiями оказали. Почему, какъ выше упомянуто, хотя и *остановитесь* вы при вышеозначенныхъ мѣстахъ до дальняго отсюда

что и подтверждается началомъ наприм. 10-го пункта инструкціи: «такимъ образомъ, за границу *выступя*, а *стоя* однако-жъ въ близости оной, прикажите вы въ то же время другимъ при Великихъ Лукахъ, при Смоленскѣ, Стародубѣ и Черниговѣ собираемымъ корпусамъ заграницу въ Польшу, *но не забиваясь далеко внутрь Польши*, а паче подвигаясь вдоль границы ближе къ соединенію съ вами идти, такъ, чтобы вся сія на разные корпусы раздѣленная армія, обширностію своего положенія и готовностію къ походу такой видъ казала, что для всѣхъ все равно, прямо ли на Пруссію или влѣво черезъ всю Польшу въ Силезію маршировать. На первый случай сего и предовольно, ежели вы еще нынѣшнимъ годовымъ временемъ все вышеписанное исправить можете... оныя (войска) хотя нѣсколько однако-жъ къ Пруссіи подвинуты будутъ и королю прусскому сугубая диверсія сдѣлана будетъ тѣмъ, что не возможетъ узнать, на которое прямо мѣсто сія туча собирается».

указа..., однакожъ дабы больше и дѣйствительно казалось, что вы не *стоять туда пришли,* то приложите все стараніе, когда время допуститъ нѣкоторымъ войскамъ по малу впередъ *подвигаться...*» Однако, еще ниже, въ пун. 31-мъ указывается, что дѣло шло о движеніи впередъ совсѣмъ не части, а всей арміи: «понеже походъ въ Польшу и Курляндію для того предпріять, что королю Прусскому диверсію сдѣлать иной дороги нѣтъ*) да и медлительное тамо, а особливо на одномъ мѣстѣ пребываніе подавало бы только Полякамъ бывшій поводъ къ жалобамъ, союзникамъ нашимъ къ нѣкоторой недовѣркѣ, а королю Прусскому къ презрѣнію нашихъ силъ, то мы вамъ (Апраксину) подтверждаемъ, чиня малыя движенія ожидая на присылаемыя допошенія дальнѣйшихъ наставительныхъ указовъ, такъ между тѣмъ себя содержать, чтобы отъ всякой сюрпризы въ безопасности и къ поиску надъ непріятелемъ въ готовности быть». «Когда вы нынѣшнею ли зимою или уже будущею весною къ прусскимъ границамъ приближитесь...», то предписывалось укрѣпить важные пункты. Мало того, когда «удобный случай усмотрите знатной поискъ надъ войсками (Фридриха II) учинить или *какою* (?) крѣпостью овладѣть, то не сумнѣваемся... изъ рукъ не упустите... *по всякое сумнительное, а особливо противу превосходящихъ силъ сраженіе сколько можно всегда избѣгать быть имѣть*»; наконецъ слѣдующій же 36-й пунктъ инструкціи кассируетъ опять все сказанное, подтверждая, что «малыми корпусами только на малое отъ нашихъ границъ разстояніе выступить, дальнѣйшій же походъ предпримется когда вручаемая въ команду вашу армія вся соберется и все принадлежащее въ порядокъ приведено будетъ...»

Въ общемъ выводѣ по инструкціи, данной Апраксину, русской арміи слѣдовало въ одно и то же время и идти, и

*) По смыслу прежде сказаннаго слѣдуетъ понимать, что дороги нѣтъ иначе какъ черезъ области польской короны.

стоять на мѣстѣ, и брать крѣпости (какія-то) и не отдаляться отъ границы. Одно только строго опредѣлено: обо всемъ рапортовать и ждать наставительныхъ указовъ.

Самый простой и ближайшій вопросъ, вытекающій изъ всего этого: зачѣмъ Апраксинъ не протестовалъ противъ этой инструкціи? Отчего онъ не отказался отъ командованія арміею? Если иноземецъ Даревскій отказался отъ исполненія безусловно неопредѣленныхъ предписаній Конференціи, то отчего у Апраксина не хватило духа отказаться отъ исполненія столь очевидно не исполнимаго?

Извѣстно, что Апраксинъ имѣлъ разговоръ съ императрицею относительно обстоятельствъ, при которыхъ онъ вступилъ въ командованіе арміею, и, нѣтъ сомнѣнія, прямо открылъ настоящее положеніе дѣлъ. Иначе мы не можемъ объяснить замѣчательныя въ этомъ отношеніи слова Елизаветы, сказанныя графу Петру Шувалову послѣ помянутаго разговора съ Апраксинымъ: «Вы преувеличиваете мои силы въ моихъ глазахъ. Бога вы не боитесь, *что такъ меня обманываете*». «Послѣ этого (говоритъ Соловьевъ), Шуваловъ цѣлую недѣлю не пускалъ Апраксина говорить съ императрицей и Иванъ Шуваловъ говорилъ—зачѣмъ напугалъ больную императрицу» [17].

Не позволяемъ себѣ дѣлать предположенія, почему Апраксинъ все-таки не дѣйствовалъ рѣшительно *); мы констатируемъ только фактъ, что Апраксинъ принялъ помянутую инструкцію и, осыпанный выдающимися милостями императрицы Елизаветы, 30-го октября [18] выѣхалъ въ Ригу для приведенія ея въ исполненіе.

---

*) Отмѣтимъ только, что дружба съ Бестужевымъ, Ив. Шуваловымъ, конечно должны были вліять на рѣшимость Апраксина ѣхать въ Ригу съ полною увѣренностью въ невозможности привести въ исполненіе стратегическія бредни дипломатіи и Бестужева. Этимъ мы и объясняемъ злобу Апраксина на Бестужева, когда послѣдній съ января 1757 года, для спасенія самаго себя, первый началъ упрекать Апраксина въ медленности дѣйствій.

Конечно и этого одного факта вполнѣ достаточно, чтобы отмѣтить капитальную ошибку главнокомандующаго, заключающуюся въ принятіи инструкціи, исполнить которую онъ не могъ. Въ оправданіе Апраксина можно только замѣтить, что выѣзжая въ Ригу, онъ имѣлъ въ виду дѣйствовать самостоятельно (разсчитывая быть можетъ на поддержку Шуваловыхъ и друг.), и рѣшился вести съ Конференціею серьезную борьбу, что и исполнилъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Ригу.

10-го ноября, «по весьма многотрудному пути, въ разсужденіи иногда дождей, иногда снѣговъ и морозовъ», Апраксинъ и его штабъ, подъ управленіемъ полковника Черенова (переименованнаго изъ коллежскихъ совѣтниковъ),—[19] прибыли въ Ригу.

1-го ноября, на пути въ Ригу, «черезъ эстафету» Апраксинъ получилъ отъ Лопухина извѣстіе, «что нарочно посланный офицеръ черезъ всю Пруссію, проѣхалъ до Данцига, будучи въ службѣ лакеемъ у одной женщины и что онъ объявилъ, то ни мало не сходно съ разглашеніями что прежде были о нападеніи въ Курляндію, а также офицеровъ и еще двухъ отправить отъ меня (Апраксина) велѣно» [19].

По пріѣздѣ въ Ригу главнокомандующій получилъ подобныя же свѣдѣнія отъ Гросса и отъ Веймарна (собранныя изъ вѣрныхъ источниковъ) [20], подтверждающія, что безусловно нѣтъ никакихъ признаковъ къ переходу арміи Левальда въ наступленіе [21].

Полученныя свѣдѣнія о непріятелѣ Апраксинъ безотлагательно сообщилъ Конференціи, но таковыя не были и приняты послѣднею въ соображеніе. Не успѣлъ Апраксинъ доѣхать еще до Риги, какъ три рескрипта Конференціи (отъ 6-го, 7-го и 9-го ноября) «въ виду перемѣнившихся обстоятельствъ» обязывали его немедленно открыть кампанію и

«замыслы короля Прусскаго (будто-бы захватъ имъ Курляндіи) уничтожить» [22].

Апраксинъ, имѣя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи Прусской арміи [23], рѣшительно воспротивился открытію зимняго похода. «Всѣ сіи Конференціи полученныя извѣстія происходятъ отъ единой нетерпѣливости видѣть начатіе и отъ насъ настоящаго дѣла; но намъ не должно потому поступать, а смотрѣть на собственный интересъ и пользу» [22]. Однако свое мнѣніе главнокомандующій не считалъ окончательнымъ; онъ указывалъ причины, по которымъ считалъ гибельнымъ для дѣла съ несформированною арміею и въ самое неудобное время года выступить въ походъ, и просилъ по этому вопросу категорическаго «повелѣнія, когда (онъ) ничего не разбирая, все исполнить готовъ и не премину». Подобнаго рѣшительнаго предписанія отъ Конференціи не было. Войска Апраксина только къ ноябрю успѣли занять зимнія квартиры по Днѣпру и въ Псковской провинціи, гдѣ и оставались до конца января и начала февраля 1757 года.

Конференція, какъ бы успокоившись относительно перехода Левальда въ наступленіе въ Курляндію и согласившись съ представленіемъ Апраксина о невозможности дѣйствій зимою 1756—1757 гг.,—все вниманіе обратила на составленіе плана будущей кампаніи.

Отличительныя особенности фабрикаціи Конференціею плана дѣйствій въ 1757 г. остаются до сихъ поръ не замѣченными, и это обстоятельство не мало вліяетъ на сложившійся неправильный взглядъ на дѣйствіе нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну.

Полагаютъ, что главнокомандующіе русскихъ войскъ въ первые годы войны, вслѣдствіе недружелюбнаго отношенія къ австрійцамъ, не желали дѣйствовать совмѣстно съ союзниками. Это какъ бы подтверждается тѣмъ, что

собственно Конференція, въ особенности при Бестужевѣ, настаивала на непосредственной связи дѣйствій русской и австрійской армій.

При этихъ условіяхъ крайне интересно выяснить обстоятельства, при которыхъ наши главнокомандующіе не соглашались принять планы, составленные австрійцами и одобренные Конференціею, для совмѣстныхъ дѣйствій русской и австрійской армій. Тогда будетъ видно, чѣмъ руководствовались наши главнокомандующіе, не принимая предложеній союзниковъ: нерасположеніемъ ли къ нимъ, не любовью ли къ австрійцамъ, или стратегическою обстановкою, которая не дозволяла имъ ставить русскую армію въ невыгодное положеніе и безцѣльно рисковать успѣхами операцій.

Въ настоящемъ случаѣ мы разсмотримъ въ этомъ отношеніи сущность требованій Апраксина и протесты его противъ плановъ, одобренныхъ Кауницемъ и Конференціею *).

Намъ извѣстны три плана кампаніи, предложенные Апраксину Конференціею. Одинъ изъ нихъ составленъ Сибильскимъ, другой—Буковымъ (который лично привезъ свой планъ изъ Вѣны съ одобреніями Кауница) и наконецъ третій составленъ членами Конференціи въ январѣ 1757 г. Планы Сибильскаго, Букова и Конференціи въ основныхъ идеяхъ совершенно сходны между собою и разнятся лишь въ частностяхъ. А именно, оба генерала союзныхъ армій хотя и признавали необходимость направить главный ударъ на В. Пруссію, но независимо отъ этого, во-первыхъ, требовали отдѣлить часть силъ для непосредственнаго совмѣстнаго дѣйствія съ австрійцами противъ главныхъ силъ Фридриха II; во-вторыхъ, оба находили необходимымъ часть силъ русской арміи направить, въ видѣ самостоятельнаго отряда, для дѣйствія на Нижней Вислѣ (къ Маріенбургу), базируясь на Модлинъ.

---

*) Подробности нами разбираются въ примѣчаніи 24-мъ.

Русская главная квартира напротивъ въ основаніи плана совершенно справедливо ставила идею: «сколь можно армію вмѣстѣ содержать, а не раздроблять, да по удобности въ свое время, чѣмъ скорѣе, безъ дальнихъ околичностей его (непріятеля) атаковать, тѣмъ лучше».

Конференція раздѣляла мнѣніе Сибильскаго и Букова изъ политическихъ соображеній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи главнокомандующій (на сколько это касалось стратегіи) руководетвовался вполнѣ понятнымъ направленіемъ, которое такъ опредѣленно высказывалъ и Бехтѣевъ *), а именно, что «намъ не должно поступать такъ, какъ требуютъ саксонцы или австрійцы, «а смотрѣть на собственный интересъ или пользу» [24].

До 23-го января Апраксинъ, оспаривая планы Конференціи, не высказывалъ своего плана наступательныхъ дѣйствій противъ Фридриха II. 11-го декабря военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Апраксина, рѣшилъ, по первымъ признакамъ перехода въ наступленіе Левальда, «не дожидаясь отъ него нападенія всею силою атаковать». На этотъ случай были сдѣланы распоряженія для сосредоточеній. Части казачьихъ войскъ, назначенныя для форпостной службы по границѣ, были усилены Чугуевскимъ казачьимъ полкомъ; Рязанскій мушкетерскій занялъ Вильно. Конницу (съ Днѣпра) Апраксинъ, въ осеннее время года, совсѣмъ не тронулъ.

2-го января, ознакомившись съ положеніемъ дѣла и выдержавши уже нѣсколько самыхъ настойчивыхъ требованій Конференціи по вопросу о наступательныхъ дѣйствіяхъ», Апраксинъ рѣшилъ безпокоить непріятеля «легкими набѣгами мелкихъ партій, не подвергая себя азарту, для того, что все воинское искусство того требуетъ и въ томъ состоитъ,

*) Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ.

чтобъ не быть первому удару подвержену и не подать чрезъ то непріятелю ободренія и куражъ, а начать бы дѣйствіе съ сильнымъ корпусомъ и съ довольною кавалеріею» [25].

По этому рѣшенію снова были переговоры съ Петербургомъ, и только кавалерійскій корпусъ, бывшій Долгорукова (переданный Румянцеву), тогда же (въ началѣ января) былъ изъ Псковской провинціи направленъ въ окрестности Динабурга, куда войска начали прибывать въ концѣ января.

Только 23-го января военный совѣтъ высказалъ основные директивы плана дѣйствій [26].

Въ виду неуспѣшнаго хода заготовленія запасовъ въ Литвѣ, а также весенней распутицы, было рѣшено произвести «всѣми колоннами въ маѣ мѣсяцѣ вступленіе въ Пруссію и дѣйствительныя и прочныя начать операціи, имѣя главнымъ предметомъ городъ Кенигсбергъ, гдѣ смотря по тогдашнимъ непріятельскимъ обращеніямъ и обстоятельствамъ дѣйствія свои въ Бранденбургіи или Помераніи располагать и учреждать можно будетъ». Пункты переправы черезъ Нѣманъ Апраксинымъ не были указаны Конференціи въ виду необходимости сохранить это «въ вышемъ секретѣ». Апраксинъ и въ этомъ случаѣ рѣшительно возсталъ противъ деталей плана, разработаннаго Конференціею, гдѣ проектировались какъ пути слѣдованія до Нѣмана, такъ и пункты переправы черезъ эту рѣку [24].

Въ планѣ, проектированномъ на военномъ совѣтѣ 23-го января,—какъ уже сказано,—ставилась лишь ближайшая цѣль кампаніи—занятіе Кенигсберга. Для облегченія этой главной цѣли было рѣшено: «какъ скоро армія отсюда (изъ Риги) въ маршъ вступитъ, стоящіе нынѣ въ Дернтѣ 4-ре и на форпостахъ три пѣхотныхъ полка, немедленно въ Курляндію вступить должны, куда и находящіеся въ Ревелѣ 4-ре полка на галерахъ спѣшить имѣютъ и соединясь въ Либавѣ

съ ними въ самое въ то время когда, съ главною арміею дѣйствительное въ Пруссію вступленіе будетъ и сей Курляндскій корпусъ городъ Мемель осадитъ и къ взятію стараніе приложитъ долженъ».

Кавалерію съ Днѣпра предположено было направить безотлагательно, сформировавъ для того выбранные эскадроны лучшихъ всадниковъ, направляя ихъ изъ Смоленска на Оникяны, изъ Чечерина на Минскъ, изъ Рѣчицы на Слуцкъ, а оттуда, по усмотрѣнію, для «легкихъ набѣговъ мелкими партіями».

Въ послѣдствіи (въ мартѣ и апрѣлѣ) этотъ планъ дополнился лишь тѣмъ, что Ревельской эскадрѣ указывалась блокада Пилау и рѣшились воспользоваться Куришъ-гафомъ для силава запасовъ въ Кенигсбергъ, для чего и требовали направленія трансортовъ торговаго флота изъ С.-Петербурга въ Либаву, а затѣмъ въ Мемель [27]. При операціяхъ на Кенигсбергъ, имѣли въ виду пользоваться, въ самой широкой степени, рѣчными линіями для подвоза запасовъ. Вотъ основные директивы плана кампаніи 1757 г., которые и въ дѣйствительности были приведены въ исполненіе.

Въ приложеніи [21] мы указываемъ тѣ прекія, которыя были по поводу указаннаго въ общихъ чертахъ плана кампаніи; отмѣтимъ только тотъ фактъ особой важности, что эти директивы такъ и остались неутвержденными Конференціею. Указанный въ своемъ мѣстѣ споръ между Апракеннымъ и Конференціею [24] продолжался до выступленія Апраксина изъ Ковно, и хотя послѣдній велъ свое дѣло, руководствуясь директивами военнаго совѣта 23-го января, но реляціи Апраксина отъ 1-го, 5-го и 7-го іюля [28] свидѣтельствуютъ, что съ каждымъ днемъ онъ могъ ожидать какую-либо «отмѣнную резолюцію». Планъ кампаніи такъ и остался «не додиспутованъ», и это одно не могло не вліять на рѣшительность приведенія его въ исполненіе.

Такъ или иначе планъ кампаніи 1757 г., составленный 23-го января, заключался въ томъ, чтобы прежде всего выдвинуть всю годную для дѣла конницу съ береговъ Дѣпра въ ближайшій раіонъ къ Нѣману и какъ только окажется возможнымъ безпокоить непріятеля кавалерійскими набѣгами. Затѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ (когда просохнетъ почва и появится подножный кормъ *), предполагалось наступать въ предѣлы Пруссіи, уступомъ слѣва. Главныя силы отъ Риги-Митавы должны были занять оборонительную линію по Нѣману. На занятіе Ковно не указывалось ни однимъ намекомъ, а также намѣченные пункты переправы оставались извѣстными только главнокомандующему и довѣреннымъ ему лицамъ.

Одновременно съ движеніемъ главной арміи сильный осадный корпусъ долженъ былъ оперировать отъ Либавы на Мемель, какъ для раздѣленія силъ непріятеля, такъ и для возстановленія свободнаго сообщенія по Куришъ-гафу и Дейме.

По вторженіи въ предѣлы Пруссіи обѣ части арміи имѣли цѣлью «непріятельскую армію атаковать» и занять Кенигсбергъ (Кролевецъ); но какъ пути дѣйствія обоихъ отрядовъ отъ Нѣмана къ Кенигсбергу, такъ и послѣдующія операціи главнокомандующій поставилъ въ зависимость отъ обстоятельствъ. Въ этомъ случаѣ онъ высказалъ только одно основное положеніе: «по усмотрѣнію непріятельскихъ обращеній черезъ Нѣманъ переправиться въ непріятельскую землю вступить, имѣя рѣку по правой сторонѣ, для сплавливанія и подвоза за арміею нужнаго... искать баталіи, только сіе прилежно наблюдать имѣю, чтобы и мемельская экспедиція въ непріятельскую землю вступила...», а Ревельская эскадра блокировала бы Пилау [29]. Отъ движенія вдоль лѣваго берега Нѣ-

*) Въ высшей мѣрѣ важное обстоятельство при бывшемъ недостатвѣ фуража.

([30]) Реляція 17-го апрѣля 1757 г. В. У. А. № 224.

мана впослѣдствіи Апраксинъ вынужденъ былъ отказаться и вполнѣ основательно, потому что ударомъ отъ Вержоболово на Кенигсбергъ прусская армія отрѣзывалась отъ р. Вислы, что не могло быть достигнуто при направленіи операціонной линіи, наприм. Тильзитъ-Кенигсбергъ.

Принимая въ соображеніе бывшую обстановку и оцѣнивая директивы плана кампаніи, составленные Апраксинымъ, нельзя не признать, что цѣли, намѣченныя для операцій, были вполнѣ соотвѣтствующими обстоятельствамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ взятіемъ Кенигсберга вся В. Пруссія свободно могла быть занята русскими. Прусская армія, проигравъ сраженіе подъ стѣнами Кенигсберга, только при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ могла бы отступить за Вислу. Занятіемъ Кенигсберга достигалась не только важная политическая цѣль войны, но и главное —мы тотчасъ бы пріобрѣтали важную коммуникаціонную линію (Петербургъ, Рига, Либава, Мемель, Лабіава, Таніава, Кенигсбергъ или Пилау-Кенигсбергъ), ставившую насъ на $^3/_4$ внѣ всякой зависимости отъ невозможно плохихъ коммуникаціонныхъ линій, проходящихъ по Литвѣ, вынудившихъ даже Наполеона I-го въ 1812 году пріостановить операціи около Витебска въ самое лучшее время года.

Упорное и настойчивое стремленіе Апраксина имѣть сосредоточенныя силы для нанесенія удара пруссакамъ подъ Кенигсбергомъ и отнюдь не ослаблять себя безцѣльнымъ выдѣленіемъ войскъ въ Силезію и на В. Вислу, не только не даетъ никакого права считать Апраксина «жалкою бездарностью» (какъ къ сожалѣнію давно порѣшили нѣкоторые изъ нашихъ историковъ), но напротивъ внушаетъ полное уваженіе къ фельдмаршалу, такъ горячо и смѣло отстаивавшему одинъ изъ главныхъ залоговъ успѣха дѣйствій [24]; а именно, сосредоточеніе всѣхъ силъ ко дню боя. Захватъ путей отступленія на Вислѣ хотя и былъ заманчивъ, но эта операція требовала взятія не

только Мариенвердера, но и Эльбинга и даже Гданска [24]; а потому нельзя не признать полной основательности протеста Апраксина, противъ бывшихъ по сему мнѣній. Для этого онъ считалъ нужнымъ отдѣлить не менѣе 40,000 [24], что дѣлало его слабымъ на главномъ театрѣ. Благодаря изолированному положенію Кенигсберга, отрѣзываніе арміи Левальда отъ остальныхъ силъ Фридриха II и безъ того легко могло быть достигнуто нанесеніемъ главнаго удара въ направленіи отъ Ковно на Кенигсбергъ.

Вмѣсто кратчайшаго пути на Тильзитъ — Кенигсбергъ, главнокомандующій выбираетъ болѣе кружный—на Ковно. Это обусловливается, во-первыхъ, необходимостью сосредоточить армію, размѣщенную Конференціею вдоль всей границы; во-вторыхъ, крайне неудобною для дѣйствія значительными силами мѣстностью, восточнѣе Куришъ-гафа; въ третьихъ, возможностью довольствовать войска заготовленными въ Литвѣ запасами, такъ какъ устройство подвозовъ моремъ было дѣломъ еще гадательнымъ (о содѣйствіи торговаго флота Апраксинъ только еще просилъ), и наконецъ мы не владѣли Мемелемъ.

Не менѣе того заслуживаетъ вниманія взглядъ Апраксина на тѣ данныя, отъ которыхъ зависитъ правильная постановка цѣли на войнѣ. Отвергая планы Конференціи и утверждая постановленіе военнаго совѣта 17-го февраля, Апраксинъ опредѣленно указывалъ, что «при сочиненіи военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войска припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны...» Именно въ этихъ видахъ далѣе занятія линіи Нѣмана Апраксинъ опредѣленно не проектируетъ направленіе своей операціонной линіи (для

главной арміи и мемельскаго отряда), и безусловную правильность этого отрицать невозможно. Столь же поучительнымъ является упорное молчаніе Апраксина и военнаго совѣта передъ Конференціею о вѣроятныхъ пунктахъ переправы черезъ Нѣманъ.

Но оцѣнивалъ ли Апраксинъ столь важное значеніе Ковно и правъ ли онъ былъ, не принявъ своевременно никакихъ мѣръ для обезпеченія за собою занятія этого пункта? 17-го февраля Апраксинъ утвердилъ постановленіе военнаго совѣта, гдѣ опредѣленно высказывается, что это умалчиваніе о Ковнѣ было умышленно. До начала рѣшительныхъ дѣйствій всѣми силами, Апраксинъ рѣшился занять Вильно только однимъ полкомъ, но отнюдь не обозначать «центръ собранія». «Этотъ пунктъ великой важности и вышему секрету подлежащее дѣло по военному искусству рановременно назначивать воспрещается, ибо свѣдавъ о томъ, непріятель въ произведеніи операцій великое затрудненіе и остановку причинить можетъ...»

Высоко цѣня этотъ принципъ, столь опредѣленно формулированный нашими предками—полководцами (нынѣ общеизвѣстный), нельзя однако, намъ кажется, и оправдать главнокомандующаго, что вмѣсто одного Рязанскаго полка окрестности Вильно не были заняты нѣсколькими полками, а также не были заняты нѣхотою Кейданы и окрестности, тоже подъ видомъ прикрытія магазина. Занятіемъ Кейданъ и Вильно планъ кампаніи и «центръ собранія» не обнаруживался; но въ случаѣ первой попытки непріятеля къ переходу въ наступленіе, мы всегда могли предупредить его въ Ковнѣ. Сильная отъ природы мѣстность, смѣло можно бы разсчитывать, способствовала бы отстоять этотъ пунктъ. Въ случаѣ же перехода пруссаковъ въ наступленіе изъ Тильзита на Таурогенъ, самостоятельный Курляндскій корпусъ всегда обезпечивалъ путь Ковно-Рига. Самое занятіе Ковно

позволяемъ думать, еще не обнаруживало плана кампаніи. Правда, занятіе Ковно способствовало выясненію, что операціонная линія не будетъ проходить, напримѣръ, въ направленіи Тильзитъ-Кенигсбергъ, но въ то время для непріятеля было важно знать, будутъ ли наши главныя силы направлены въ Силезію или В. Пруссію. Только два способа дѣйствія и были возможны. И въ томъ и въ другомъ случаѣ значеніе Ковно было одинаково капитально, а потому возможно скорѣйшее и сильнѣйшее занятіе этого пункта было безусловно необходимымъ. Ошибка Левальда, что онъ не захватилъ Ковно, не можетъ служить оправданіемъ Апраксину, такъ какъ разсчитывать на подобную пассивность Левальда Апраксинъ не имѣлъ основанія.

Выдѣленіе отдѣльнаго корпуса для дѣйствія противъ Мемеля было правильнымъ. Очевидно, что доставка запасовъ флотомъ въ Кенигсбергъ гораздо проще разрѣшалась, если бы вмѣсто Мемеля конечнымъ пунктомъ коммуникаціонной линіи былъ выбранъ Пилау; но на занятіе этого пункта, безъ содѣйствія сильнаго десанта—нельзя было разсчитывать. Высадка же послѣдняго въ окрестностяхъ Кенигсберга, занятаго непріятелемъ, была рискована *). Кромѣ того, съ объявленіемъ войны главная эскадра (Мишукова) не была готова, да наконецъ и положеніе Англіи оставалось не выясненнымъ.

При указанныхъ выше условіяхъ взятіе Мемеля дѣлалось очень важнымъ, но назначенный для дѣйствія противъ Мемеля корпусъ слѣдовало имѣть уступомъ впереди, а не назади. Сформированіе осаднаго корпуса и своевременное прибытіе къ Мемелю зависѣло отъ многихъ условій; наконецъ дѣйствіе корпуса совмѣстно съ флотомъ легко могло

*) Вопросъ о высадкѣ десанта у Пилау возбуждался въ крайне оригинальной формѣ, а именно, хотѣли на «конныхъ галерахъ» доставить только казаковъ; но готовыхъ конныхъ галеръ не оказалось, а потому высадки не было.

замедлиться, а потому казалось бы, чѣмъ скорѣе будетъ предоставлена Фермору возможность исполнить свою задачу, тѣмъ лучше. Кромѣ того своевременное занятіе Ферморомъ Мемеля, тотчасъ же обнаружило невозможность воспользоваться Куришъ-гафомъ и, быть можетъ, вызвало бы большую энергію для дѣйствія флотомъ непосредственно противъ Пилау.

Но это не болѣе какъ частныя ошибки, маловажныя сравнительно съ тѣми, которыя произошли бы отъ плановъ, предложенныхъ Конференціею, по которымъ до 30,000 нужно было отдѣлить въ Саксонію, почти то же число на Нижнюю Вислу и остаться всего съ 30—40 тыс. для дѣйствія противъ Кенигсберга.

ГЛАВА V.

Начало сосредоточенія русской арміи къ Нѣману въ февралѣ 1757 г.—Движеніе конницы подъ начальствомъ генерала Матвѣя Ливена съ Днѣпра.—Расположеніе русскихъ войскъ къ 1-му марта 1757 г.—Причины бездѣйствія Апраксина въ мартѣ.—Положеніе прусской арміи, подъ начальствомъ Левальда, въ В. Пруссіи.—Составъ прусской арміи.—Планъ дѣйствія Левальда.—Занятіе передовыми частями русскихъ войскъ г. Ковно, въ концѣ апрѣля.—Расположеніе русскихъ войскъ къ 1-му мая.—Дѣйствіе Ревельской эскадры Люиса.—Распредѣленіе войскъ главной арміи, подъ непосредственнымъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина, по отрядамъ.—Формированіе «экспедиціоннаго» (осаднаго) корпуса для дѣйствія противъ Мемеля.—Неготовность осаднаго корпуса.—Задержка транспортировки десанта (бригады Салтыкова) изъ Ревеля.—Оцѣнка положенія дѣлъ въ Курляндіи.—Порядокъ слѣдованія колоннъ Апраксина и Лопухина въ Ковно.—Значительное число больныхъ въ русской арміи.—Причины этого.—Общее понятіе о службѣ въ тылу арміи.—Положеніе отряда, подъ начальствомъ генерала Фермора, въ Либавѣ, въ концѣ мая.—Постановленіе военнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ Фермора, 31-го мая.—Прибытіе къ Либаву десантнаго отряда Салтыкова и осаднаго парка, въ началѣ іюня.—Планъ дѣйствія противъ Мемеля.—Сосредоточеніе русскихъ войскъ къ Будендингофу.—Одновременное движеніе осаднаго корпуса и «бомбардирской» эскадры Валронда къ Мемелю.—Бомбардировка Мемеля.—Рекогносцировка крѣпости Ферморомъ и результаты этой рекогносцировки.—Осадныя работы русскихъ.—Капитуляція Мемеля.—Дѣйствіе конныхъ отрядовъ Романіуса и Краснощекова.—Общее заключеніе о дѣйствіяхъ русскихъ подъ Мемелемъ.

Уступая настойчивымъ требованіямъ Конференціи, Апраксинъ, въ концѣ января, приказалъ конницѣ, подъ общимъ начальствомъ генерала Матвѣя Ливена (съ Днѣпра), вступить въ предѣлы Литвы и сосредоточиться на линіи Вильно-Слуцкъ [1].

Лівену было приказано: 1) «Изъ всѣхъ гренадерскихъ и драгунскихъ полковъ, назначенныхъ въ походъ, выбравъ лучшихъ людей и лошадей», слѣдовать 4-мя колоннами:

«*Смоленскою*», въ составѣ Рязанскаго, Рижскаго *) и Нарвскаго конно-гренадерскихъ и Тверскаго драгунскаго (15-ть эскадроновъ, 8-мь кон. орудій, всего до $2^1/_2$ тыс.), подъ личнымъ начальствомъ Лівена,—на Оршу, Ошмяны, Вильно.

«*Стародубскою*», въ составѣ Каргопольскаго конно-гренадерскаго, Архангелогородскаго драгунскаго 5,000 Донскихъ казаковъ **) и 2,000 разнонародныхъ командъ, (6-ть э—въ, команда и 4 кон. оруд. до 3,000), подъ командою ген.-маіора Зыбина—на Чериковъ, Минскъ въ Вильно.

«*Черниговскою*», въ составѣ С.-Петербургскаго конно-гренадерскаго, 2,000 Слободскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ ***), (3 э—на, 2 кон. оруд.—до $2^1/_2$ т.), подъ начальствомъ ген.-маіора Шиллинга—на Рѣчицу къ Слуцку.

Тобольскій и Нижегородскій драгунскіе полки (6-ть э—въ, 4-ре кон. оруд.—до 1 тыс.) образовали 4-ю колонну подъ командою ген.-маіора Загряжскаго для слѣдованія изъ Псковской провинціи на Полоцкъ въ Вильно.

Кромѣ того, Вологодскому и Кекгольмскому пѣх. полкамъ (бывшимъ на форпостахъ), 2,000 Донск. казакамъ («старой команды») было приказано остаться въ Псковской провинціи, а Азовскому пѣхотному перейти въ В. Луки. Общее начальство надъ этими частями поручалось ген.-маіору Уварову, поступившему подъ команду Лопухина.

Форпосты (по З. Двинѣ) заняли гарнизонныя войска: Воронежскій гарнизонный драгунскій, Смоленскій гарнизонный пѣхот. полкъ, Великолуцкій б—нъ и Рославльскій э—нъ, подъ общимъ начальствомъ ген.-маіора Альбедиля, который,

*) Рижскій полкъ былъ въ полномъ составѣ.

**) Эта «новая» 5,000 команда къ тому времени еще не прибыла.

***) Остальныя 3,000 Слободскихъ казаковъ оставались въ Малороссіи «до приказа».

по выступленіи арміи Апраксина, поступалъ подъ начальство графа А. И. Шувалова, какъ начальника мѣстной дивизіи.

Всѣ худоконные конницы Ливена (оставшіеся за выборомъ лучшихъ всадниковъ) должны были стянуться къ Смоленску и поступить подъ команду полковника Хомутова, и затѣмъ подъѣзжать молодыхъ лошадей, обучать рекрутъ и быть въ готовности выступить въ Ковно.

Такъ какъ женамъ офицеровъ, «а наименьше при нижнихъ чинахъ въ чужихъ краяхъ быть не можно, то прикажите (указано Ливену) оставить и не брать подъ жестокимъ штрафомъ». Для женъ офицеровъ и низ. чиновъ приказано было отвести квартиры и дать имъ паспорты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ливену было сообщено для свѣдѣнія, что кирасиры Румянцева изъ воеводства Ливонскаго будутъ направлены на Вилькомиръ, Курляндская дивизія —на Ковно, а Лифляндская—на Кейданы.

27-го февраля Апраксинъ донесъ Конференціи [2], что конница Ливена (согласно донесенію послѣдняго) выступила за границу, въ томъ именно порядкѣ, какъ выше указано; при этомъ Апраксинъ оговаривалъ, что Ливену послано новое приказаніе: слѣдовать къ Вильно-Слуцкъ (а впослѣдствіи Вильно-Миръ), съ такимъ расчетомъ, «чтобы быть на мѣстахъ не раньше половины апрѣля».

Въ то время, когда конница Ливена (30-ть эскадроновъ, 16-ть кон. оруд. и 4,000 нерегул.; всего 9—10 тыс. чел.) слѣдовала Литвою отдѣльными колоннами, остальныя части арміи были расположены на зимнихъ квартирахъ (къ 1-му марту) въ слѣдующихъ пунктахъ; *).

Корпусъ Лопухина—въ Курляндіи (33 б на, 5-ть э-- въ, 44 полк. пѣш. оруд., 1 каз. полкъ и 2,000 Дон-

*) См. таблицу 9-ю. Измѣненія въ дислокаціи пѣхотныхъ частей къ 1-му марта почти не было.

скихъ казаковъ,—всего до 30,000 *) и *въ Лифляндіи* (30-ть б—въ, 40 п. пол. орудій,—до 25,000).

Чугуевцы, подъ командою полковника Булацеля, и Донскіе казаки были выдвинуты на форпосты къ прусской границѣ, производя развѣдки «мелкими партіями». Собранныя свѣдѣнія доставлялись въ главную квартиру ротмистромъ Романіусомъ, неотлучно находившемся на границѣ при казачьихъ войскахъ.

Корпуса Броуна и Фаста съ новыми гренадерскими полками **)—*въ Эстляндіи*, а частью и *въ Лифляндіи* (27 б—въ, 40 пѣш. пол. орудій,—до 25,000).

Бригада Уварова—въ Псковской провинціи (12-ть б—въ, 12-ть п. пол. орудій, 2,000 Донск. казаковъ,—до 9,000).

Корпусъ Румянцева въ воеводствѣ *Ливонскомъ*, т. е. польской Лифляндіи (15-ть э въ, 30-ть кон. пол. орудій и 3 гусарск. полка,—до 6,000).

Такимъ образомъ, къ 1-му марта выяснилось, что въ первыхъ числахъ мая конница Ливена [3], въ числѣ 9—10 тыс. всадниковъ, прибудетъ къ Нѣману, а слѣдовательно, казалось бы, къ этому же времени Апраксинъ могъ направить и главную армію къ окрестностямъ Ковно, соединить пѣхоту съ конницею и начать военныя дѣйствія. Еще въ началѣ февраля военный совѣтъ,—уступая требованіямъ Конференціи и рѣшаясь выдвинуть конницу на границу,—нашелъ, что всѣми силами «дѣйствительныя движенія и въ прусскую землю операціи, по дозволенію времени, въ маѣ мѣсяцѣ начаты быть имѣютъ»; но и то если «къ тому времени столько въ поляхъ травы (будетъ), чтобы лошади кормиться могли ***).

---

*) Этотъ расчетъ больше дѣйствительнаго, такъ какъ мы беремъ штатный составъ.

**) Изъ нихъ 3 полка предназначались для службы въ тылу.

***) В. Ученый архивъ № 224 постановленіе военнаго совѣта отъ 7-го февраля.

Предвидя, что эта отсрочка вызоветъ неудовольствіе Кауница и находившихся подъ вліяніемъ австрійскихъ дипломатовъ Бестужева и Конференціи, —военный совѣтъ оговорилъ, что «высокіе союзники кажется много опытовъ и доказательствъ тому имѣютъ, что ея императорскаго величества всевысочайшее намѣреніе къ тому клонится, чтобъ имъ паисильнѣйшее вспоможеніе учинить...» Перечисляя сдѣланныя уже приготовленія къ войнѣ и указывая на выступленіе конницы Лпвена, военный совѣтъ представилъ свое соображеніе, что слѣдованіе съ береговъ Зап. Двины безъ подножнаго корма повлечетъ «разореніе тѣхъ земель, коп для переду нужны; особливожъ въ такомъ разсужденіи, что загорающееся нынѣ пламя войны одною кампаніею кончиться не можетъ».

По обстоятельствамъ, бывшимъ къ апрѣлю, кромѣ указанной причины было много и другихъ, по которымъ Апраксинъ вполнѣ основательно не торопился двинуть главныя силы съ Зап. Двины къ р. Нѣману.

9-го марта Апраксинъ получилъ отъ генерала Ширингера [4] (бывшаго при главной квартирѣ австрійской арміи) извѣстіе, что австрійцы еще не окончили своихъ приготовленій, что «планъ операціи еще въ пользу и противность не достиспутованъ». Главнокомандующимъ (какъ доносилъ Ширингеръ) будетъ назначенъ принцъ Карлъ, «однако безъ согласія генерала Брауна ничего предпринимать не будетъ». «Глаголится (добавлялъ Ширингеръ), что будетъ три арміи: противъ Шлезіи 70,000, противъ Саксоніи 90,000, а 3-я обсерваціонная для подкрѣпленія каждой изъ нихъ». Апраксинъ не оставилъ безъ вниманія донесенія Ширингера и указалъ Конференціи на затрудненія при дѣйствіи съ неготовою арміею: если австрійскою арміею «по нынѣ (донесеніе отъ 17-го апрѣля) еще никакихъ операцій не зачато, не взирая на ближнее положеніе арміи, ни на гораздо теплѣйшій климатъ», то тѣмъ болѣе русская армія не можетъ предпринимать

необдуманно-рискованныя операціи, «ибо съ такимъ непріятелемъ (какъ Фридрихъ II) шутить нельзя».

Кромѣ выжиданія «дозволенія времени» главнокомандующему необходимо было выяснить связь дѣйствія сухопутной арміи и флота, организовать осадный корпусъ для дѣйствія противъ Мемеля, хотя нѣсколько исправить пути до Ковно, выждать прибытія 11.000 нерегулярныхъ (5.000 Донскихъ казаковъ Ефремова, 2,000 калмыковъ Либавши, 3,000 слободжанъ Кашпста и 1,000 Кампанейскій полкъ).

10-го марта Апраксинъ донесъ Конференціи, что онъ считаетъ «наисходнѣйшимъ» слѣдующій образъ дѣйствія флота:

«Какъ только море допуститъ Ревельской эскадрѣ плаваніе свое такимъ образомъ учреждать, дабы благовременно къ Пиллау придти могла, напрѣпчайше наблюдая, чтобъ ни одно судно съ военными или съѣстными припасами къ непріятельскому берегу допущено быть не могло, но всѣ таковыя за настоящіе призы почтены были: а прочимъ съ другими товарами объявить бы, чтобы къ здѣшнему, Ревельскому и Кронштадскому порту путь свой держали...»

Кронштадская эскадра должна была соединиться съ Ревельскою и блокировать Пиллау до взятія Кенигсберга: а затѣмъ обѣ эскадры должны были блокировать Гданскъ [5]. Галерный флотъ (Кашкина) долженъ былъ перевести десантъ въ Либаву и затѣмъ транспортировать запасы.

Кромѣ того, Апраксинъ тогда же просилъ организовать торговый флотъ для доставки запасовъ моремъ изъ Петербурга въ Либаву.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выяснилось, что, независимо отъ блокады береговъ и прусскихъ портовъ, флотъ долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ бомбардировкѣ Мемеля: но поздно задуманная мѣра потребовала, для ея осуществленія, много времени, вслѣдствіе чего бомбардирская эскадра капитана Александра Вальронда изготовилась и вышла въ море только въ маѣ мѣсяцѣ.

Главнокомандующій русской арміи не безъ основанія полагалъ, что для успѣха всѣхъ приготовленій, для дѣйствія противъ Мемеля, необходимо непосредственное участіе начальника осаднаго корпуса, и еще 10-го марта вторично просилъ Конференцію о скорѣйшемъ командированіи въ Ригу генерала Фермора, назначеннаго «начальникомъ Мемельской экспедиціи». Ферморъ, къ несчастію (по болѣзни) прибылъ лишь въ концѣ мая и именно это, по донесенію Апраксина отъ 2-го мая,— «помѣху причинило».

Выжидая съ марта мѣсяца со дня на день Фермора, Апраксинъ, къ сожалѣнію, не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы сформировать осадный корпусъ. Въ этотъ корпусъ была назначена бригада Салтыкова, которую было предположено перевести флотомъ изъ Ревеля въ Либаву; но до самой послѣдней минуты не приняли въ соображеніе, что ни обозъ съ лошадьми, ни полковая артиллерія, не могли быть перевезены на галерахъ, по неимѣнію достаточнаго числа конныхъ галеръ; а потому обозъ и артиллерія должны были слѣдовать изъ Ревеля до Либавы сухимъ путемъ. Не было принято также никакихъ мѣръ для своевременнаго доставленія осадной артиллеріи въ Либаву; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ не было заготовлено ни подводъ для доставки осаднаго парка отъ Либавы къ Мемелю, ни другихъ перевозочныхъ средствъ. На основаніи какихъ-то гадательныхъ данныхъ полагали изъ Либавы сплавлять осадный паркъ по озерамъ и рѣкамъ до Будендиргофа; а между тѣмъ никто не позаботился собрать свѣдѣній о сплавныхъ средствахъ и подготовить ихъ. Рекогносцировка Либавскаго порта была лишь въ маѣ мѣсяцѣ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ русской главной квартирѣ ясно не сознавалось всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя въ дѣйствительности встрѣчаются при организаціи осаднаго корпуса. Если вина Конференціи несомнѣнна въ томъ, что Ферморъ своевременно не былъ замѣненъ другимъ, то

внѣ сомнѣнія также и то, что Апраксинъ какъ бы считалъ себя вправѣ, до пріѣзда Фермора, ничего рѣшительнаго не предпринимать для устройства осаднаго корпуса.

О времени прибытія 11,000 нерегулярныхъ «о дву конь», Апраксинъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній до іюня мѣсяца.

Состояніе путей сообщенія въ Курляндіи было настолько неудовлетворительно, что основываясь на донесеніяхъ Штофельна *) (выдающаяся энергія котораго безусловно поражаетъ изслѣдователя похода русскихъ войскъ въ Пруссію 1757 г.), Апраксинъ призналъ невозможнымъ выступить ранѣе конца апрѣля. Главнокомандующій назначилъ крайнимъ срокомъ для исправленія путей (средствами войскъ) 29-го апрѣля, но, ближе къ Ковно, къ исправленію дорогъ были привлечены мѣстные жители, что не имѣло благопріятныхъ результатовъ, при принятомъ «ласкательствѣ», по отношенію къ населенію.

Наконецъ не была окончена заготовка запасовъ **).

Всѣ эти затрудненія для начала военныхъ дѣйствій получаютъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что по каждому изъ нихъ дѣло не обходилось безъ усиленной переписки и спора между главнокомандующимъ и Конференціею.

Апраксинъ, настаивая на необходимости не переходить въ наступленіе до мая, не скрывалъ передъ Конференціею, что эта задержка можетъ неблагопріятно отразиться на исходѣ кампаніи, но въ такомъ только случаѣ, если непріятель рѣшится занять Польшу. «Я всегда о томъ помышляю (доноситъ Апраксинъ въ мартѣ) и попеченіе имѣю всевозможныя предосторожности взять, чтобы перенесеніе театра войны въ Польшу, по крайней возможности отвратить... но совсѣмъ тѣмъ ручаться не въ состояніи, будучи мнѣ наглость и упорство сего непріятеля извѣстны, и для того ваше импера-

*) Дѣло В. Ученаго архива № 224.

**) См. главу III.

торское величество прошу, ежели иногда оной (непріятель) въ Польшу вступитъ, мнѣ въ вину не причесть».

Дѣйствительно, главнокомандующій имѣлъ возможность наблюдать конницею только сѣверную границу В. Пруссіи, куда и были назначены Чугуевцы (лучшій полкъ казачьихъ войскъ) и 2,000 Донцевъ. Донесенія Романіуса *) свидѣтельствуютъ, что казаки «мелкими партіями» проникали въ В. Пруссію и зорко слѣдили за положеніемъ войскъ Левальда. Дополненіемъ этихъ свѣдѣній служили свѣдѣнія изъ Вѣны, Варшавы и изъ бискупства Эрмландскаго, куда постоянно посылались агенты отъ главной квартиры и Веймарна.

Къ 1-му апрѣля Апраксинъ имѣлъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи арміи Левальда:

Тильзитъ и *Рагнитъ* были заняты отрядомъ генерала Каница, въ составѣ около 5,000 пѣхоты и 1,000 драгунъ. На линіи р. Шешупы и далѣе на югъ, вдоль границы, были замѣчены, ближе къ Рагниту драгунскія, а къ Сталупянамъ гусарскія части. Главныя силы и главная квартира находились въ Кенигсбергѣ. По слухамъ непріятельскія силы доходили всего до 40,000 въ разныхъ мѣстахъ В. Пруссіи [6]. Магазины были заготовлены въ Тильзитѣ, Рагнитѣ, Инстербургѣ и въ Кенигсбергѣ [7].

На основаніи этихъ свѣдѣній, а также доставленныхъ Ширингеромъ изъ Вѣны и друг. Апраксинъ полагалъ, что Левальдъ «болѣе оборонительно, чѣмъ наступательно поступать намѣренъ», что и соотвѣтствовало дѣйствительности [8].

Считаемъ необходимымъ обратиться теперь къ разсмотрѣнію мѣръ, принятыхъ для обороны В. Пруссіи **).

---

*) В. Уч. архивъ № 224 А.

**) Позволяемъ себѣ не останавливаться на обзорѣ вооруженныхъ силъ Пруссіи передъ Семилѣтнею войною. Съ появленіемъ въ печати труда профессора полковника Сухотина «Фридрихъ Великій», гдѣ тамъ обстоятельно разсмотрѣнъ этотъ вопросъ, въ подобномъ обзорѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности. См. стр. 8—81 «Фридрихъ Великій», изд. 1882 г.

Мы имѣли уже случай сказать, что Фридрихъ II вслѣдствіе разныхъ причинъ вообще не вѣрилъ, что Россія приметъ серьезное участіе въ войнѣ. Когда приготовленія на нашей западной границѣ приняли внушительные размѣры, то Фридрихъ II (все-таки неубѣжденный въ рѣшительномъ участіи Россіи въ военныхъ дѣйствіяхъ) старался внушить защитникамъ В. Пруссіи полное презрѣніе къ боевымъ качествамъ нашихъ войскъ, не указывая никакихъ мѣръ противъ вторженія русскихъ и предоставляя это фельдмаршалу Левальду. Гражданское и военное управленіе В. Пруссіею всецѣло было сосредоточено въ рукахъ этого престарѣлаго фельдмаршала, пользовавшагося однако полнымъ довѣріемъ Фридриха II.

23-го іюня 1756 года (т. е. въ то время, когда у насъ опасались захвата Курляндіи) Левальду дана была Фридрихомъ II инструкція, опредѣлявшая только въ принципѣ дѣйствовать оборонительно, что же касается до организаціи самой обороны, то это было предоставлено усмотрѣнію Левальда, въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Увѣряютъ, что до января 1756 г. (до заключенія австро-русскаго союза) никакихъ приготовленій къ оборонѣ въ В. Пруссіи не было [8]. Только 5-го февраля будто-бы были отданы распоряженія: принять серьозныя мѣры для того, чтобы «хорошенько поколотить русскихъ», тѣмъ способомъ, какой признаетъ Левальдъ наиболѣе удобнымъ. Однако на основаніи данныхъ, доставленныхъ Апраксину, мы вправѣ думать, что Левальдъ еще осенью 1756 г. дѣятельно готовился къ пассивной оборонѣ. Что же касается до намѣренія русскихъ войскъ защищать границу активно, то серьезно это возбуждается въ первый разъ лишь въ іюлѣ 1757 года.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что населеніе В. Пруссіи трепетало при мысли о вторженіи русскихъ войскъ и главное въ паническомъ страхѣ ожидало «татарскаго набѣга» пере-

гулярныхъ. Проектъ мѣръ для обороны края клонился именно къ тому, чтобы дать отпоръ нашимъ нерегулярнымъ массамъ, вооруживъ для того жителей и образовавъ изъ нихъ особыя роты милиціи для обороны, по участкамъ, пограничной полосы *).

Но организація подобной, такъ сказать, народной обороны края требуетъ прежде всего вполнѣ выработаннаго плана, значительнаго времени и общаго сочувствія этому дѣлу. Гражданское управленіе В. Пруссіи какъ къ мѣрамъ по устройству милиціи, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ предложеніямъ Левальда (наприм. по оборонѣ Кенигсберга) относилось несочувственно, вслѣдствіе чего ни одинъ изъ проектовъ Левальда въ цѣломъ его видѣ не былъ осуществленъ. Гражданскія власти, напримѣръ, отъ вооруженнаго сопротивленія жителей ожидали только большаго озлобленія нерегулярныхъ; Левальдъ же не имѣлъ характера настойчиво требовать исполненія своихъ распоряженій. Въ результатѣ жителямъ было только роздано оружіе, случайно сформировано нѣсколько ротъ милиціи и ничего больше.

Антогонизмъ между военнымъ и гражданскимъ управленіемъ края и, не менѣе важное—паника гражданскихъ властей часто ставили Левальда въ высшей степени затруднительное положеніе. Если въ данномъ случаѣ нѣтъ наглядпаго примѣра гибельныхъ послѣдствій подобнаго антогонизма военныхъ и гражданскихъ властей края, подвергнувшагося вторженію непріятеля, то (какъ увидимъ) только благодаря боязни Апраксина заслужить въ Европѣ прозванія «варваровъ».

Апраксинъ самъ просилъ въ составъ арміи, наприм., калмыковъ, предвидя рѣшительные результаты, которые могли быть отъ ихъ вторженія въ В. Пруссію. Но когда дѣло дошло до боевого назначенія нерегулярныхъ, то онъ не

*) Замѣчательно, что мѣры противъ «татарскаго набѣга» въ В. Пруссіи проектированныя въ 1756—1757 гг. во многомъ сходны съ предложеніями кѣмъ-то въ самое позднѣйшее время. Такъ памятно въ В. Пруссіи опасеніе набѣга, которое дѣйствительно могло быть въ 1756 году.

рѣшился дать имъ необходимой свободы дѣйствія, боясь разоренія края и чрезъ то помянутаго пресловутаго прозвища. Какъ извѣстно не только нерегулярныя войска, но и вся армія Апраксина все-таки не избѣгнули поруганія за единичные случаи; но къ сожалѣнію этою неумѣстною боязнью Европы и нерѣшительностью, Апраксинъ далъ возможность вооруженнымъ жителямъ В. Пруссіи сразу ободриться, что впослѣдствіи крайне вредно повліяло на ходъ операцій на правомъ берегу р. Прегеля.

Полевая дѣйствующая армія Левальда была въ слѣдующемъ составѣ:

Составъ арміи Левальда въ дѣйствительности.				Реэстръ прусскимъ полкамъ „по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Апраксину въ концѣ декабря 1756 г., агентомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ“ (9).			
Число полковъ.	Названіе полковъ.	Число баталіоновъ и эскадроновъ.	Боевая сила полка.	Число полковъ.	Названіе ихъ.	Число баталіоновъ.	Боевая сила полка.
8	Канница Гр. Дона Левальда Бѣлова Калнейна Путткамера Сидова Монтейфеля	По два. По 4-ре.	1400—1600 на полкъ.	6	Левальда Дона Калнейна Бѣлова Монтейфеля Биндербека	2 2 2 2 4 4	По 1300. По 1200.
					Лоссова	1	800
	Гренад. баталіоны:					17	12500
4	Гора Поленца Лоссова Маштейна	—	—		Драгуны:		
		29	Всего 20—23 т.	5	Шорлемера Платенберга Финкенштейна Пр. Голштинскаго. Манермана	10 По 5-ти.	1500 По 750.
	Драгунскіе:						
5	Голштейна Платена Финкенштейна Платенберга Шорлемера	По 5-ти. 10	600—900		Гусары:		
	Гусары:			2	Рюша Малаховскаго	По 10-ти.	По 1500.
2	Рюша Малаховскаго	По 10.	500—1800				

Пѣхоты	20260 чел.	—	12500.
Конницы	7614 чел.	—	6000.
Артиллеріи	400 чел.	—	?
Милиціи (правильно организованной) (6-ть ротъ)	2314 чел.	—	?
	До 3000 чел.	До	20000.

Артиллеріи:

20-ть полевыхъ (4-ре 20-ти фунт., 12-ть 12-ти ф. и 4-ре 10-ти фунт.).
44 легкихъ, не считая повозокъ.

64 оруд.

Изъ сравненія цыфръ этой таблицы видно, что силы Левальда были въ дѣйствительности больше, чѣмъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Коллегіею Иностранныхъ дѣлъ. Если же принять въ соображеніе милицію, неполучившую правильной организаціи, и вооруженныхъ жителей, то весьма вѣроятно, что въ В. Пруссіи было до 40,000 непріятеля, какъ и предполагалъ Апраксинъ.

Изъ ближайшихъ и наиболѣе талантливыхъ совѣтниковъ Левальда выдѣляются: командиръ черныхъ гусаръ—Рюшъ и адъютантъ Фридриха II фонъ-деръ-Гольцъ, нарочно присланный къ Левальду для содѣйствія при управленіи арміею. Газенкампъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ дѣйствительно оба эти офицера совѣтовали Левальду смѣлые и вполнѣ соотвѣтственные планы, но и въ этомъ случаѣ Левальдъ оказался настолько нерѣшительнымъ, что присоединялся къ большинству генераловъ его арміи, изъ зависти нерасположенныхъ къ Гольцу (какъ свидѣтельствуетъ авторъ), а потому и къ его проектамъ, какъ къ молодому офицеру, быстро выдвинувшемуся изъ ряда.

Въ концѣ апрѣля 1757 г. Левальдъ сосредоточилъ главныя силы своей арміи въ Кенигсбергѣ, откуда съ артиллеріею и обозомъ выступилъ къ границѣ и расположился слѣдующимъ образомъ:

Главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ Левальда, были между Тильзитомъ, Инстербургомъ и Норденбургомъ, имѣя главную массу у Инстербурга, гдѣ была и главная квартира. Отъ главныхъ силъ были высланы къ Нѣману, въ окрести. Тильзита и Рагнита, два отряда, въ видѣ авангардовъ, подъ командою Каница и Рюша. Всего въ обоихъ этихъ передовыхъ отрядахъ было 4-ре баталіона гренадеръ и 22 эскадрона конницы (въ числѣ ихъ гусары Рюша и часть желтыхъ гусаръ Малаховскаго). Остальные 28 эскадроновъ (въ числѣ ихъ часть гусаръ Малаховскаго) расположились около Ангербурга, Гольдапа и Олецка; кромѣ того, непосредственная оборона пограничнаго пространства отъ Мемеля на Шмалегинъ до Іоганнсбурга была возложена на милицію. Въ Кенигсбергѣ временно остались 2 бат. гарниз. полка Путкамера и милиція.

Левальдъ, занявъ главными силами центральное положеніе по отношенію къ вѣроятнѣйшимъ путямъ наступленія русскихъ войскъ въ В. Пруссію, —рѣшился на строго пассивную оборону, отказавшись даже отъ обороны линіи р. Нѣмана. Планъ дѣйствія прусскаго главнокомандующаго состоялъ въ томъ, чтобы при наступленіи русскихъ отступать внутрь страны (имѣя цѣлью прикрыть Кенигсбергъ), уничтожать запасы *) и принять бой лишь при наивыгоднѣйшихъ для себя условіяхъ.

Подобное выжиданіе развязки и отступленіе прусскихъ войскъ внутрь края было въ связи съ обѣщаннымъ Фридрихомъ II

*) Намѣреніе Левальда обратить въ пустыню пути наступленія Апраксина были извѣстны даже въ болѣе грандіозной мѣрѣ. Донося императрицѣ, что «на непріятельскіе запасы ни мало разсчитывать нельзя...», Апраксинъ замѣчаетъ... «тѣмъ паче, что по извѣстіямъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ магазины, провіантъ, а въ колодцахъ вода—ядомъ смѣшаны»[10].

Левальду переходомъ въ наступленіе части его арміи въ Польшу. Подобный переходъ въ наступленіе, несомнѣнно, вынудилъ бы Апраксина раздѣлить свои силы и, вѣроятно, отступить за Нѣманъ. Обстоятельство это, между прочимъ, наглядно показываетъ, какъ было бы на руку нашему непріятелю исполненіе плановъ кампаніи 1756—1757 гг., составленныхъ вѣнскими и петербургскими стратегами (которые требовали выдѣленія 30,000 корпуса на Вислу), противъ которыхъ такъ упорно протестовалъ Апраксинъ.

Когда армія Левальда уже занимала главными силами окрестности Инстербурга, Апраксинъ только что отдалъ приказаніе о сосредоточеніи главныхъ силъ нашей арміи на линіи Зап. Двины въ слѣдующемъ порядкѣ:

Войска, квартировавшія въ Курляндіи («Курляндскій корпусъ»), 30-го апрѣля должны были сосредоточиться *къ Митавѣ*; «Лифляндскій корпусъ» къ тому же сроку—*къ Ригѣ*. Бригада Салтыкова сосредоточивалась въ Ревелѣ; при чемъ Кашкину было приказано принять на суда десантъ, около 25-го апрѣля, и высадить его въ Либавѣ въ началѣ мая: такъ какъ въ противномъ случаѣ «Курляндія оставалась бы безъ войска и непріятель возымѣлъ-бы поводъ какое-нибудь покушеніе учинить, а когда въ Либавѣ постъ занятъ и часть флота около Мемельскаго берега и далѣе къ Пилау показываться будетъ, то онъ (непріятель) конечно о своемъ защищеніи больше, нежели о какомъ покушеніи помышлять долженъ».

Генералу Матвѣю Ливену было приказано Полоцкую, Смоленскую и Стародубскую колонны сосредоточить въ Ошмянахъ, а Шилингу съ Черниговскою колонною направиться въ Гродно «для прикрытія магазиновъ и по усмотрѣнію для учиненія какого-либо съ той стороны надъ непріятелемъ поиску». Курляндскій и Лифляндскій корпуса должны были направиться на Ковно, гдѣ такимъ образомъ и былъ назначенъ общій сборный пунктъ арміи, о чемъ сообщено Кон-

ференціи только 17-го апрѣля [11]. Указаніе о мѣстѣ сборнаго пункта арміи главнокомандующій представилъ какъ бы въ видѣ необходимой уступки, и не скрывалъ своего опасенія, что мѣсто сборнаго пункта будетъ извѣстно непріятелю отъ австрійцевъ... «ибо при Вѣнскомъ дворѣ издавна никакого секрета хранить не могутъ».

Неготовность войскъ, предназначенныхъ въ составъ осаднаго корпуса для дѣйствія противъ Мемеля, не замедлила оказать свои вредныя послѣдствія. Главнокомандующій, признавая невозможность—съ одной стороны оставить Либаву безъ войскъ и съ другой выдѣлять отъ Курляндскаго корпуса въ Либаву полки, предназначенные для сосредоточенія къ Ковно,—приказалъ задержать въ Ригѣ осадную артиллерію, «пока для защищенія (Либавы) войско (бригада Салтыкова) не прибудетъ».

«Сіи съ разныхъ сторонъ движенія (заключилъ Апраксинъ свое донесеніе Конференціи по поводу сосредоточенія), приняты для того, чтобъ непріятель знать не могъ, гдѣ именно въ его землю съ арміей нападеніе учинить намѣренъ».

Сознавая важное значеніе Ковно, Апраксинъ еще до окончанія сбора всѣхъ силъ, сдѣлалъ распоряженіе для занятія этого пункта. «Для прикрытія магазиновъ», 29-го и 30-го апрѣля *), Матвѣй Ливенъ уже занялъ Ковно частью конно-гренадеръ (Рязанскій и Нарвскій полки), туда слѣдовали и остальныя части его колонны (кромѣ Шилинга).

4-го мая ген.-квартирмейстеръ-лейтенантъ Штофельнъ съ частью казаковъ и Сибирскимъ мушкетерскимъ полкомъ, за которымъ слѣдовалъ Смоленскій мушк. полкъ,—подкрѣпилъ Ливена. Наконецъ 16-го мая прибыла изъ Митавы еще бригада Мантейфеля (Казанскій и Нарвскій мушк. полки). Шилингъ опоздалъ, и къ концу апрѣля былъ еще на пути отъ Слуцка къ Миру, откуда ему было приказано слѣдовать въ Гродно.

*) По журналу военныхъ дѣйствій магазинъ былъ тогда въ Кейданахъ.

Остальныя части арміи Апраксина къ 1-му мая занимали слѣдующее положеніе:

1) *Авангардъ*, подъ начальствомъ генерала Брюна, въ составѣ 6-ти пѣхотныхъ полковъ *), 3-го кираспрскаго (нынѣ Орденскіе драгуны), части гусаровъ **) и Чугуевскаго казачьяго—въ Митавѣ и ближайшихъ окрестностяхъ (17-ть б—въ, 5-ть э—въ и 1-нъ нерегул.; всего около 15,000).

2) *Главныя силы*, бывшія подъ общимъ начальствомъ Лопухина,—въ четырехъ пунктахъ:

а) Около *Риги* и окрестностей—12-ть пѣхот. полковъ ***), кирасиры его высочества и полевая артиллерія (37-мь б—въ, 5-ть э—въ; всего около 32,000), а также часть разнонародной команды.

б) На пути изъ *Динабурга* къ Вилькомиру—3-ри полка кирасиръ, 2 гусарскихъ полка и 7-мь сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ Румянцева, начавшіе переправу у Динабурга еще 25-го апрѣля. Всего 15-ть э—въ, 2 гусарскихъ полка и 7-мь сотенъ казаковъ;—около 4,000.

в) На пути изъ *Дерпта* къ Ригѣ—4-ре полка ****) около 10,000.

г) На пути изъ *Псковской* провинціи къ Ригѣ 3-ри полка *****)—7,500.

3) *Десантный* отрядъ Салтыкова въ Ревелѣ—до 10,000.

4) *Краснощековъ*—на пути изъ Смоленска въ Вильно; всего до 2,000 казаковъ.

5) *Ген.-маіоръ Кастюринъ* съ 3,000 слободскихъ казаковъ—изъ Стародуба къ Вильно.

---

*) 2 грен., Нижегородскій, Муромскій, Кіевскій, Ладожскій, Невскій.

**) Какіе полки неизвѣстно.

***) 1 и 3 гренадер., С.-Петербургскій, Воронежскій, Новгородскій, Выборгскій, Бутырскій, Псковскій, Ростовскій, Бѣлозерскій, Архангелогородскій и Апшеронскій.

****) Шлиссельбургскій, 2-й Московскій, Троицкій и Суздальскій.

*****) Кексгольмскій, Вологодскій и Пермскій.

6) Маіоры Гакъ и Суворовъ *) съ 2.000 калмыковъ—на пути въ Вильно.

Такимъ образомъ, въ то время когда главныя наши силы еще сосредоточивались, передовой отрядъ конницы и часть пѣхоты уже заняли Ковно. Въ то же самое время и русскій флотъ показался у прусскихъ береговъ.

26-го апрѣля [13] *Ревельская* эскадра, подъ флагомъ контръ-адмирала Льюиса, вышла въ море. 2-го мая вся эскадра прибыла на высоту Виндавы, «откуда два корабля, одинъ противъ Мемеля, а другой противъ Пилау высланы»; съ остальными судами эскадры Льюисъ продолжалъ путь къ Мемелю.

Кронштадская эскадра, подъ флагомъ адмирала Мишукова, вышла изъ Кронштадта только 15-го мая, выславъ къ Мемелю, въ началѣ мая, бомбардирскую эскадру капитана Вальронда.

2-го мая, не смотря на то, что еще не всѣ части подтянулись къ Ригѣ, Апраксинъ отдалъ приказаніе о выступленіи войскъ изъ Риги, а 3-го мая перенесъ свою главную квартиру къ мызѣ Линдернъ, на лѣвомъ берегу Зап. Двины.

Для движенія къ Ковно главныя силы были раздѣлены на двѣ дивизіи [14]:

1-я дивизія (лѣвая колонна), въ составѣ 9-ти полковъ пѣхоты, около половины полевой артиллеріи и подвижнаго магазина (парка), (всего до 23,000), подъ начальствомъ Лопухина, должна была слѣдовать изъ Бауска на Жеймень, Лишково, Новипикшине, Ново-Мѣсто, Кракепау (Кракиновъ), Сурвилишки, Кейданы, Бобты и Ковно.

2-я дивизія (правая колонна), кромѣ полковъ, бывшихъ у Штофельна и Мантейфеля, и съ присоединеніемъ 1 грена-

*) Однофамилецъ съ знаменитымъ Суворовымъ; заключаемъ это потому, что еще не прибывали калмыки, а о послѣднемъ въ документахъ упоминается какъ о помощникѣ Гротенгельма (провіантмейстера въ Либавѣ).

дерскаго С.-Петербургскаго и Новгородскаго (всего 9-ть полковъ), двухъ кираспрскихъ, двухъ гусарскихъ, половины полевой артиллеріи и части разнонародной команды (тоже до 23,000), подъ непосредственнымъ начальствомъ Апраксина, должна была слѣдовать изъ Митавы на Янишки, Мешкуце, Шавли, Радзивилишки, Шадовъ, Бейсаголы, Гудзюны, Датновъ, Кейданы и Ковно.

Изъ числа войскъ правой колонны, Нижегородскій и Муромскій полки заняли Добленъ и образовали ядро будущаго Мемельскаго корпуса. Къ нему должны были присоединиться: 5-ть полковъ, слѣдовавшіе изъ Дерпта и Псковской провинціи (бригада Уварова), 4-ре полка десантнаго отряда, Молдавскій гусарскій, 1,000 Донскихъ казаковъ, подъ командою Краснощекова *) (всего 11-ть полковъ пѣхоты, 1 гусарскій полкъ, 1,000 казаковъ). 2-й Московскій и Шлиссельбургскій должны были присоединиться ко 2-й дивизіи.

Съ 3-го по 7-е мая главныя силы поджидали войска, не успѣвшія прибыть (въ особенности бригаду Уварова), и часть «разнонародной команды» [15].

7-го мая колонна Лопухина выступила на Кеккау, Миссіи (Мисгофъ), Экау къ Бовску (Баускъ 60-ть верстъ), а бригада (три полка, долженствовавшіе идти въ Митаву) и главная квартира направились на м. Олау (Олай) въ Митаву (49-ть верстъ). 8-го мая Апраксинъ прибылъ въ Митаву [19], а головная бригада дивизіи Лопухина прибыла въ Баускъ только къ 12-му мая, т. е. дѣлая переходы 12—15 верстъ въ сутки **).

Объ дороги, по которымъ дивизіи достигли линіи р. Аа, перерѣзывали обширный болотисто-лѣсистый раіонъ—Тируль (и нынѣ занимающій пространство около 150 кв. верстъ), проходимый и въ настоящее время только въ тѣхъ же двухъ направленіяхъ, по которымъ слѣдовала армія Апраксина.

*) Краснощековъ былъ отдѣленъ отъ казаковъ, слѣдовавшихъ прямо на Вильно, на что есть указаніе въ перепискѣ Румянцева.

**) См. схему № 2.

Особенности мѣстности и неправильное распредѣленіе марша крайне неблагопріятно вліяли на движеніе колонны Лопухина.

Полки «для лучшей способности въ походѣ шли по одиночкѣ», имѣя всѣ обозы при себѣ, т. е. не распредѣленными по разрядамъ. При этомъ условіи и въ виду крайне неудовлетворительнаго состоянія путей въ началѣ мая, обозы впереди идущей части въ полной мѣрѣ вліяли на движеніе слѣдующихъ позади. Описывая движеніе войскъ, участникъ этого похода (Болотовъ) [16] между прочимъ говоритъ: «за тѣснотою дороги, за превеликими остановками и по непривычкѣ еще къ такимъ походамъ, не могли мы въ назначенный лагерь придти, какъ около полуночи, а обозы наши пришли уже по утру...» Далѣе очевидецъ свидѣтельствуетъ о недостаткахъ конструкціи обозовъ: «и тяжелы-то они (казалось нашимъ генераламъ) и отъ нихъ-то вся остановка и велико ихъ число».

Справедливость этого нареканія на обозы несомнѣнна: легкостью повозокъ обоза на ходу мы не могли похвастаться и позднѣе; но само собой слѣдуетъ, что если бы наиболѣе тяжелый и наименѣе нужный обозъ отъ всѣхъ частей былъ въ хвостѣ общей колонны, а не за каждою частью, то это не вліяло бы на быстроту и утомительность движенія войскъ. Всѣ цыфровыя и фактическія данныя вообще убѣждаютъ насъ, что главная причина, вліявшая на время исполненія перехода, есть именно неправильное распредѣленіе обозовъ, крайне неудобное для марша значительныхъ силъ. Число повозокъ во время европейской войны никогда не доходило до столь баснословнаго размѣра, какъ вообще полагаютъ *); распредѣленіе же обоза въ большинствѣ случаевъ было крайне неудобно **).

---

*) За исключеніемъ Крымскихъ и Турецкихъ войнъ, гдѣ везли запасы на мѣсяцъ и болѣе.

**) Лучшій примѣръ несообразнаго распредѣленія обозовъ намъ будетъ указанъ при описаніи Гр. Егерсдорфскаго боя, когда армія была атакована при выстроеніи походныхъ колоннъ.

Когда прибыла въ Митаву помянутая бригада правой колонны—неизвѣстно; но все равно раньше 6-го мая Апраксинъ не могъ продолжать движенія. Причину этого Апраксинъ прямо оговаривается: «дерзаю донести, что не взирая на способность времени, если бы по вскрытіи воды изъ Россіи и Польши барки съ овсомъ не пришли, то полки тронуться не могли» [17]. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили, что недостатокъ фуражныхъ запасовъ въ Курляндіи и Лифляндіи былъ очевиденъ еще въ 1756 г., и указали на бездѣйствіе центральнаго провіантмейстерскаго управленія, которое не воспользовалось зимнимъ путемъ для подвоза овса. Въ настоящемъ случаѣ отмѣчаемъ слѣдствіе подобной несвоевременной доставки овса, что задержало движеніе по меньшей мѣрѣ недѣли на двѣ.

Для обезпеченія довольствія войскъ овсомъ, на пути до Ковно, Апраксинъ приказалъ въ Митавѣ... «нѣсколько тысячъ четвертей овса (взятыхъ изъ Риги) и какъ въ Лифляндскую дивизію, такъ и здѣшнею—водою отправить и при всякомъ полку на полковыхъ упряжкахъ фуража на три сутки съ собою возить велѣлъ» [18].

Формированіе осаднаго корпуса встрѣтило сильное затрудненіе. Салтыковъ доносилъ, что «30-го апрѣля (вмѣсто 25-го) онъ въ море выступилъ, но за весьма крѣпкимъ вѣтромъ принужденъ былъ на рейдѣ стоять на якоряхъ по 3-е число мая». Начальника экспедиціи (Фермора) тоже самое не было [18], а потому организація осаднаго корпуса и временное командованіе имъ было поручено Броуну. 11-го мая военный совѣтъ постановилъ, «что ежели къ 21-му мая генералъ Ферморъ прибыть не могъ бы, то такой нужды не предусматривается, чтобъ ему у генералъ-фельдмаршала для принятія наставленій явиться, а отъ генерала Броуна всѣ фельдмаршалскія для сей экспедиціи опредѣленія и карты принялъ бы» [19]. Въ случаѣ неприбытія Фермора «экспедиція» поручалась Броуну.

Этимъ запозданіемъ въ формированіи осаднаго корпуса нарушалась основная идея директивъ плана кампаніи, составленныхъ военнымъ совѣтомъ 23-го января. Одновременно на важные пункты оборонительной линіи Нѣмана (Мемель, Русъ и Ковно) войска нельзя было направить. Апраксину приходилось для того ждать прибытія бригады Салтыкова, самого Фермора, выждать хоть кое-какого устройства его корпуса; чего, при строго подчиненныхъ отношеніяхъ къ Конференціи, —безъ «соизволенія» послѣдней онъ не могъ сдѣлать.

Вообще Апраксинъ могъ принять одно изъ слѣдующихъ рѣшеній:

1) Не выжидая десанта Салтыкова, осадной артиллеріи и прибытія бомбардирскаго флота капитана Вальронда, направить Броуна съ 7-ю полками пѣхоты къ Мемелю, поставивъ ему цѣлью захватъ Мемеля штурмомъ, при содѣйствіи только полковой артиллеріи.

2) Маневрировать въ направленіи Ковно-Пистербургъ такъ, чтобы выиграть время, пока Ферморъ, сформировавъ осадный корпусъ, успѣетъ взять Мемель, Лабіаву и обезпечитъ такимъ образомъ коммуникаціонную линію Мемель-Лабіава.

3) Наконецъ отказаться совсѣмъ отъ дѣйствія на Мемель и всѣми силами направиться въ Ковно, демонстрируя лишь въ направленіи Мемель-Тильзитъ.

Послѣдній случай былъ безусловно невозможенъ для Апраксина. Весь планъ довольствія, а равно и вся предшествующая полемика между Апраксинымъ и Конференціею основывались на необходимости прочно завладѣть Нѣманомъ и Куришъ-гафомъ для удобства довольствія по взятіи Кенигсберга. Нельзя не признать, что при бывшихъ средствахъ сообщенія, имѣя готовый и относительно значительный флотъ, отказаться отъ доставки запасовъ флотомъ было бы неправильно. Кромѣ того, дѣйствіемъ съ широкаго фронта

Ковно-Мемель несомнѣнно облегчалось и самое вторженіе въ В. Пруссію.

Рѣшительное наступленіе на Ковно и Инстербургъ 1-ю, 2-ю дивизіею и отрядомъ Ливена, не обращая вниманія на корпусъ Фермора, очевидно было невозможно. Апраксинъ въ этомъ случаѣ добровольно отказался отъ содѣйствія всего отряда Фермора и флота.

Не могъ также Апраксинъ направить Броуна съ 7-ю полками для овладѣнія Мемеля штурмомъ, а самъ съ остальными силами рѣшительнымъ образомъ оперировать отъ Ковно къ Кенигсбергу. Положимъ, что по ничтожности крѣпостныхъ верковъ Мемеля, успѣхъ былъ вѣроятенъ. Но, во-первыхъ, дѣйствительное состояніе крѣпости точно никому не было извѣстно; были положительные слухи объ ея усиленіи, а рекогносцировка крѣпости была затруднена комендантомъ до крайности; во-вторыхъ, Апраксинъ на измѣненіе плана, имъ представленнаго, долженъ былъ просить разрѣшенія Конференціи, и снова поднялась бы безконечная полемика; въ третьихъ, отрядъ Броуна могъ оказаться слабымъ, такъ какъ пассивность Левальда, въ той мѣрѣ какъ оказалось, никому не могла быть извѣстна.

Все это вмѣстѣ вліяло на то, что Апраксину дѣйствительно ничего не оставалось болѣе, «дабы не быть подвержену первому удару» (т. е. пораженію), какъ не торопиться развязкою дѣла и выждать, чтобы Ферморъ и флотъ оказалъ давленіе на крайній (противуположный) лѣвый флангъ непріятельскаго стратегическаго фронта. Къ этому именно болѣе медленному, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ соотвѣтственному способу дѣйствія и обращается Апраксинъ, неимѣвшій никакихъ основаній предпринять рискованный шагъ, который могъ дозволить себѣ главнокомандующій съ полнымъ полномочіемъ.

16-го мая, 1-я и 2-я дивизіи изъ Митавы и Бауска начали подвигаться къ Ковно, занятому къ этому числу

русскими передовыми отрядами. Изъ маршрутовъ слѣдованій обѣихъ колоннъ видно, что *правая* колонна (собственно Апраксинъ), слѣдуя по указанной выше дорогѣ на Шадовъ, Кейданы, Ковно, 164 версты сдѣлала въ 10-ть переходовъ, т. е. средняя величина переходовъ равнялась 15 16 верстамъ. *Лѣвая* колонна (Лопухина) изъ Бауска на Кловапы, Кейданы— 126 верстъ въ 9-ть переходовъ, средняя величина перехода около 14-ти верстъ. Дневокъ каждая изъ колоннъ имѣла 3-ри.

30-го мая обѣ колонны соединились въ Кейданахъ и затѣмъ, послѣдовательно, съ 4-го по—7-е іюня, вступали въ Ковно. Подобная медленность обусловливается, во-первыхъ, тѣмъ, что непріятель не выказывалъ ни малѣйшей попытки занять Ковно, спокойно оставаясь въ пассивномъ, выжидательномъ положеніи; во-вторыхъ, тѣмъ, что черезъ р. Вилію былъ всего одинъ понтонный постъ, что задерживало переправу.

Порядокъ слѣдованія обѣихъ колоннъ отъ р. Аа до Ковно былъ тотъ же, какъ и въ колоннѣ Лопухина отъ Риги до Бауска. Войска слѣдовали общею колонною, имѣя при себѣ обозъ, что, какъ и прежде, крайне неблагопріятно вліяло на успѣхъ марша. Очевидецъ (Болотовъ), касаясь въ подробностяхъ этого похода, между прочимъ, говоритъ: «ѣдучи всегда при ротѣ своей верхомъ и на всякой верстѣ останавливались. Нельзя изобразить сколько досадно и отяготительно было, по непривычкѣ всѣмъ намъ таковая медлительность и на всякомъ почти шагу остановка въ походѣ».

Правая колонна хотя и слѣдовала по болѣе удобному пути, но дорога была узка и затрудняла слѣдованіе обозовъ [24].

Благодаря этой «медлительности», ничтожный по разстоянію (въ 14—15 вер.) маршъ исполнялся въ теченіи большей части сутокъ. По крайней мѣрѣ лѣвая колонна Лопухина тратила во всякомъ случаѣ болѣе 10-ти час. времени; а слѣдова-

тельно и маршъ отъ Риги до Ковно нужно причислить къ числу усиленныхъ *).

Довольствіе людей приваркомъ **) во время похода было неудовлетворительно. Замѣтивъ развитіе болѣзненности «отъ мокроты», главнокомандующій приказалъ «*черезъ день давать мясо*» [20]. Винной порціи войска совсѣмъ не получали. Кромѣ того, постные дни крайне стѣсняли довольствіе людей мясомъ даже въ столь ограниченномъ размѣрѣ, какъ было разрѣшено Апраксинымъ. Вредное вліяніе постной пищи во время похода до Ковно указывалось Апраксинымъ Конференціи вполнѣ опредѣленно. «Правда (встрѣчаемъ въ его донесеніи) указомъ блаженной и вѣчно достойной памяти императора Петра Великаго и повелѣвается солдать въ томъ случаѣ (во время похода) въ постъ мясо ѣсть заставлять, *но я собою силу этого указа при нынѣшнихъ обстоятельствахъ въ дѣйство привести не дерзаю...*, но нужно для ихъ выздоровленія сей способъ употребить, ибо въ сей землѣ *ни луку, ни чесноку* найти нельзя, а солдаты въ постные дни тѣмъ и питаются» [21].

Разрѣшеніе Правительствующаго Синода примѣнить положеніе 1717 г., которымъ «военнымъ людямъ позволяется мясо въ походахъ ѣсть»,—было получено въ концѣ іюня, т. е. какъ разъ въ концѣ Петрова поста [22]. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ высшей степени важное положеніе императора Петра I-го, по которому мясная порція въ военное время увеличивалась въ день до 1-го фунта, при двухъ чаркахъ вина и 1-мъ гарнцѣ пива [23], во время войны 1756—1763 гг.,—было мертвою буквою.

Кромѣ того есть и другое основаніе думать, что при недостаткѣ въ денежныхъ средствахъ, а также при возвышен-

*) Какъ извѣстно степень трудности перехода оцѣнивается не числомъ верстъ, а тѣмъ временемъ, въ которое этотъ переходъ исполненъ.

**) Довольствіе провіантомъ указано въ главѣ II настоящаго труда.

ныхъ цѣнахъ люди не получали мяса въ достаточномъ количествѣ. *Только 19-го апрѣля 1757 г.* состоялся указъ Правительствующаго Сената: «производящійся изъ Малороссіи торгъ рогатой скотиной на время вовсе запретить, а напротивъ того гонять оную на продажу, гдѣ армія будетъ». Скотъ изъ Украйны былъ пригнанъ къ Тильзиту только въ сентябрѣ [29].

Два помянутыя главныя обстоятельства (утомительные марши и недостатокъ довольствія) капитально вліяли на здоровье нижнихъ чиновъ. Дѣйствительно, послѣ первыхъ же переходовъ число больныхъ значительно увеличилось и ко времени занятія Ковно общее число больныхъ было болѣе 11,000 челов. [25].

Одновременно съ движеніемъ дѣйствующей арміи къ прусскимъ границамъ организовалась и служба въ тылу арміи: о чемъ, не смотря на бѣдность фактовъ, мы можемъ составить общее понятіе.

Управленіе войсками въ тылу было возложено на ген.-маіора Палменбаха, бывшаго въ Ригѣ [26].

По характеру дѣлъ, бывшихъ у Палменбаха, видно, что онъ завѣдывалъ этапною и конвойною службами (отправленіе выздоровѣвшихъ, рекруть, разныхъ командъ и т. п.), а также распредѣленіемъ и направленіемъ транспортовъ, но только по сухопутной коммуникаціонной линіи. Запасы водою отправлялись Рижскимъ губернаторомъ Воейковымъ. Подводы въ Литвѣ хотя и требовались отъ мѣстныхъ жителей, но съ извѣстнымъ ограниченіемъ [27].

Главная коммуникаціонная линія русской арміи до занятія Ковно проходила отъ Риги на Митаву, Шадовъ, Кейданы. Ковно. Первоначально (до занятія Ковно) при складахъ по дорогѣ были оставлены команды отъ полковъ дѣйствующей арміи, а затѣмъ Апраксинъ приказалъ всѣхъ откомандированныхъ собрать въ свои полки и охраненіе магазиновъ было возложено на особыхъ «управителей» [28].

Транспорты сопровождались особыми командами изъ числа выздоровѣвшихъ по распоряженію Палменбаха. Главные магазины на этой линіи были въ Митавѣ и Кейданахъ; тамъ же были и госпитали. Для колонны же Лопухина госпиталь былъ въ Баускѣ, откуда больныхъ Апраксинъ приказалъ «рѣкою Муснъ отправлять въ Ригу» [28].

Завѣдываніе тыломъ отряда Фермора было возложено на генерала Бестужева-Рюмина [30].

Независимо отъ главной коммуникаціонной линіи, проходившей на Ригу, была другая отъ Москвы на Смоленскъ, Минскъ, Вильно, Ковно. Кромѣ того Смоленскъ и Рига связывались особымъ этапнымъ путемъ на Псковъ.

Устройство этапной службы на пути Смоленскъ-Псковъ отличается нѣкоторыми особенностями, сравнительно съ прежнею этапною службою [29].

До конца 1757 г. всѣ транспорты, слѣдовавшіе отъ пункта пріема (въ большинствѣ отъ Москвы) до пункта назначенія, сопровождались особыми командами отъ гарнизонныхъ и полевыхъ войскъ, не вошедшихъ въ составъ дѣйствующей арміи, что повлекло за собою серьезное разстройство этихъ частей [31]. А. Б. Бутурлинъ въ началѣ 1758 г., замѣтивъ это неудобство, учредилъ, съ разрѣшенія Военной Коллегіи, этапные пути, отличавшіеся отъ прежняго порядка тѣмъ, что на извѣстныхъ пунктахъ («станціяхъ»), отстоявшихъ одинъ отъ другаго на 50—60 верстъ, постоянно были расположены конвойныя команды, сопровождавшія транспорты между этапными пунктами [32].

Полевое почтовое сообщеніе между Варшавою, Гродно, Ковно и Митавою было организовано еще до половины мая [33].

Мы имѣли уже случай замѣтить, что движеніе Апраксина находилось въ тѣсной связи съ дѣйствіями отряда Фермора.

Имѣя въ виду это обстоятельство, а также и то, что инпціатива собственно боевыхъ дѣйствій, согласно плану кампаніи, принадлежитъ Фермору, мы и обратимся прежде всего къ очерку дѣйствій противъ Мемеля.

Генералъ Ферморъ прибылъ въ Либаву 30-го или 31-го мая [34] и въ тотъ же день собралъ военный совѣтъ [35] для обсужденія способа дѣйствій противъ Мемеля.

Главнымъ основаніемъ въ этомъ случаѣ служила инструкція, данная главнокомандующимъ предмѣстнику Фермора—ген. Броуну. Указанія Апраксина въ этомъ случаѣ ограничивались лишь постановкою общей цѣли, а именно—«скорѣйшее взятіе Мемеля», а «точно того предписать какимъ образомъ по вступленіи въ Прусскія границы маршировать и какія мѣры брать отнюдь нельзя такъ за незнаніемъ положенія мѣстъ, какъ и состоянія крѣпости, въ чемъ командующій по военному искусству и усмотрѣнію обстоятельствъ всегда мѣры свои и предпріятія въ свою пользу учреждать долженъ. Довольно (доноситъ Апраксинъ по этому вопросу) когда ему (начальнику экспедиціи) рекомендовано городъ взять и всякую предосторожность имѣть и когда достаточнымъ числомъ войска и всѣми воинскими орудіями и принадлежностями снабденъ; а все прочее собою по воинскому искусству подастся» [36].

Въ основаніяхъ подобная инструкція не оставляетъ желать ничего лучшаго. Указанная выдержка (въ числѣ многихъ представленныхъ нами) убѣдительно свидѣтельствуютъ также, что главные принципы военнаго искусства,—основанія коимъ было прочно положено Петромъ I-мъ,—не только не умерли ко времени Семилѣтней войны, но развились въ своеобразной формѣ: армія не «забыла уроковъ Вѣнценоснаго учителя», а самостоятельно усвоила ихъ.

Признавая таковое принципіальное значеніе директивъ, данныхъ главнокомандующимъ для дѣйствія противъ Мемеля, нельзя не признать, что Апраксинъ былъ не правъ, донося

Конференціи о снабженіи осаднаго корпуса всѣмъ необходимымъ.

Ферморъ, прибывши въ Либаву, не засталъ даже всего отряда въ сборѣ: флотъ съ бригадою Салтыкова (4-ре полка), выйдя 3-го мая изъ Ревеля, только 21-го числа того же мѣсяца прибылъ въ Виндаву, гдѣ и былъ задержанъ неблагопріятною погодою. [37] Донскіе казаки Краснощекова, направленные прежде изъ Псковской провинціи на Вильно, были еще на пути; осадная артиллерія не прибывала въ Либаву; лошади, обозъ и полковая артиллерія бригады Салтыкова (не взятые на галеры) были на пути отъ Ревеля въ Либаву.

На пути изъ Риги въ Ковно, Апраксинъ началъ убѣждаться, что Мемель не можетъ оказать серьезнаго сопротивленія. Такъ какъ и армія Левальда не выказывала ни малѣйшихъ признаковъ къ какой-либо активной дѣятельности, то Броуну было приказано, какъ можно поспѣшнѣе начать операціи противъ Мемеля. 28-го мая подобное же приказаніе было отправлено главнокомандующимъ и генералу Фермору, послѣдовавшему наконецъ черезъ Ригу въ Либаву.

Генералу Фермору было приказано: «прибывъ въ Мемель черезъ обсылку сдачи города требовать, съ такимъ подтвержденіемъ, что въ противномъ случаѣ никто пощаженъ быть не имѣетъ. Если же (Ферморъ) какого сильнаго сопротивленія тамо нашелъ бы, то въ такомъ случаѣ, занявъ свой постъ, *ожидалъ бы осадную артиллерію и велѣлъ бы изъ галеръ въ способныхъ* мѣстахъ казаковъ на берегъ высаживать и набѣги даже до ближнихъ къ Кенигсбергу мѣстъ чинить и, такимъ образомъ, *по прибытіи осадной артиллеріи формальную атаку чинить*» [38].

Предписаніе Апраксина, отъ 28-го мая, было получено въ Либавѣ 31-го числа, т. е. ко дню обсужденія на военномъ совѣтѣ вопроса о планѣ дѣйствій противъ Мемеля.

Въ то время въ Либавѣ было всего 7-мь полковъ пѣхоты слабаго состава, численность котораго Ферморъ опредѣляетъ такъ: «здоровыхъ»—321 штабъ и оберъ-офицеровъ и 8281 [39] нижнихъ чиновъ, что замѣтно разнилось отъ намѣченнаго прежде Апраксинымъ состава осаднаго корпуса въ 27,000; а потому вполнѣ понятно, что «генералитетъ» (члены военнаго совѣта) отнесся осторожно къ приказанію о скорѣйшемъ открытіи похода.

На военномъ совѣтѣ 31-го мая было рѣшено прежде всего принять мѣры по устройству корпуса и затѣмъ уже открыть дѣйствіе.

Для этого назначили сборнымъ пунктомъ всего отряда м. Гробинъ (около Либавы *); но сборѣ же всѣхъ частей войскъ корпусъ долженъ былъ слѣдовать на Будендингофъ, Полангенъ къ Мемелю. Всю предназначенную къ походу осадную артиллерію рѣшили не выжидать, а взять часть, которая успѣетъ прибыть.

Запасы всѣхъ видовъ должны были быть доставляемы корпусу моремъ, а также на плоскодонныхъ судахъ по озерамъ и рѣчнымъ линіямъ къ Будендингофу; при чемъ какъ организація подвоза запасовъ, такъ и вообще тыла была опредѣлена довольно подробно [40]. О неготовности корпуса и о невозможности поэтому немедленно выступить къ Мемелю, Ферморъ тогда же донесъ Апраксину.

2-го іюня прибылъ наконецъ въ Либаву десантный корпусъ Салтыкова. Во время перехода отъ Виндавы до Либавы галерная флотилія Кашкина въ 3-й разъ выдержала бурю и на этотъ разъ не вполнѣ благополучно: двѣ галеры съ нижними чинами Черниговскаго и Углицкаго полковъ совсѣмъ разбились, но люди (кромѣ 16-ти человѣкъ) были спасены [41].

---

*) Въ Либавѣ не было достаточнаго количества прѣсной воды и ближайшія окрестности города оказались неудобными въ гигіеническомъ отношеніи.

3-го іюня лейтенантомъ Вишняковымъ на двухъ галіотахъ была доставлена въ Либаву часть осадной артиллеріи, а къ 9-му іюня и остальная часть парка [42]; но вмѣсто 22-хъ орудій—всего 18-ть, вмѣстѣ съ снарядами и прочими принадлежностями.

3-го іюня прибылъ бригадиръ Краснощековъ съ командою въ составѣ 67-ми офицеровъ, 1758 чел. казаковъ и 3765 лошадей. Полковая же артиллерія и обозныя лошади полковъ, перевезенныхъ флотомъ, прибыли къ м. Гробинъ только къ 10-му іюня.

Съ высадкой въ Либавѣ десанта Салтыкова и части осадной артиллеріи отрядъ Фермора на столько сформировался, что можно было намѣтить день выступленія.

Ферморъ, обязанный, по общему плану, одновременно съ главною арміею вторгнуться въ предѣлы Пруссіи и не зная дальнѣйшихъ намѣреній Апраксина, 9-го іюня донесъ главнокомандующему, что по его предположеніямъ осадный корпусъ, выступивъ 10-го іюня и устроивъ тылъ, достигнетъ границы около 20-го числа. Въ виду необходимости согласовать свои дѣйствія съ Апраксинымъ, Ферморъ требовалъ «о вступленіи въ непріятельскую землю и Мемельской осадѣ черезъ сего нарочно отправленнаго куріера,—ордера» [43].

Черезъ три дня (т. е. 13-го іюня) посланный вернулся съ распоряженіемъ Апраксина, и, по даннымъ журнала Фермора, нужно заключить, что Мемельскому отряду опять таки предоставлялась свобода дѣйствій, съ обязательствомъ скорѣе покончить съ Мемелемъ [44]. Это приказаніе застало отрядъ Фермора уже на маршѣ.

9-го іюня авангардъ выступилъ изъ м. Гробина на Оберъ-Бартау, Руцау, и 12-го занялъ Будендинсгофъ, дѣлая переходы болѣе 20-ти верстъ [45]. Къ 17-му іюня весь отрядъ съ частью осадной артиллеріи былъ сосредоточенъ въ Будендинсгофѣ.

Осадный корпусъ къ этому времени подраздѣлялся на три бригады: 1-я, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ивана Салтыкова, была въ составѣ 4-хъ пѣх. полковъ (Вологодскаго, Суздальскаго, Нижегородскаго и Муромскаго); 2-я бригада, подъ командою ген.-маіора Цеге-Мантейфеля *),—3-ри полка (Азовскій, Кексгольмскій и Углицкій) и 3-я бригада—4-ре полка (Троицкій, Черниговскій, Пермскій и Вятскій), подъ командою бригадира Трейдена. По штатному составу слѣдовало бы считать до 27,000, но, какъ уже сказано, въ дѣйствительности числительность была значительно меньше; а именно—до 16,000 [46].

Конница отряда, въ составѣ двухтысячной казачей команды и Молдавскаго гусарскаго полка, была подъ начальствомъ Краснощекова. Осадная артиллерія—подъ начальствомъ ген.-маіора Нотгейфлера, а инженерная часть подъ управленіемъ полковника Демолина.

Соотвѣтственно этому подраздѣленію былъ объявленъ ордеръ-де-баталіи [45].

Главною квартирою осаднаго корпуса, въ виду полученнаго отъ Апраксина отвѣта,—былъ выработанъ слѣдующій планъ дѣйствія для взятія Мемеля. Было рѣшено 17-го іюня направить авангардъ (въ составѣ всей конницы) на Полангенъ, по занятіи котораго тотчасъ же выдѣлить особый летучій отрядъ, подъ начальствомъ Романіуса, въ 500 Донскихъ казаковъ **) и 200 челов. гусаръ. Отрядъ Романіуса былъ направленъ въ «тотъ уголъ непріятельской земли, который по сю сторону Нѣмана и Курляндской границы, для учиненія непріятелю амбаражу и нанесенію непріятелю страха...» [47] и кромѣ того тотъ же отрядъ назначался въ

*) По прибытіи Фермора, Броунъ былъ назначенъ въ главную армію, а къ Фермору отправленъ Цеге-Мантейфель.

**) Въ этомъ случаѣ «по два коня» запрещено было брать, а «на каждый десятокъ въ запасъ взять по лошади».

видѣ бокового отряда для охраненія лѣваго фланга и тыла осаднаго корпуса, при дѣйствіи на Мемель. Романіусу было вмѣнено въ обязанность разрушить на р. Мемелѣ мосты, раздать мѣстнымъ жителямъ манифесты, тѣхъ, которые «противиться не станутъ, но тотчасъ добровольно покорятся, Высочайшею протекціею и милостью обнадежить и никакого имъ непріятельства не чинить, но взявъ (изъ числа лучшихъ людей) аманатовъ съ собою всѣхъ прочихъ въ покоѣ оставить; въ противномъ случаѣ людей, скота и пожитковъ сколько чего можно брать, только отнюдь деревень не жечь; а между тѣмъ стараться яко изъ нутри земли надежнѣйшаго языка получить» [48].

Краснощековъ съ остальною частью конницы долженъ былъ поддерживать Романіуса.

Затѣмъ бомбардирская эскадра капитана Валронда (6-ть судовъ) *) должна была направиться къ Мемелю, бомбардировать городъ и крѣпость съ моря. Одновременно съ этою бомбардировкою осадному корпусу указано было подойти къ устью р. Данги и, по рекогносцировкѣ крѣпости,—подъ покровительствомъ огня флота и полковыхъ орудій,—имѣлось въ виду опредѣлить наиболѣе выгодный способъ для дѣйствія противъ крѣпости. Ферморъ однако заранѣе готовился къ правильной осадѣ. Войска все время (со вступленія его въ командованіе корпусомъ) обучались: «возведенію и взятію апрошей, а работнымъ солдатамъ какъ изъ нихъ ретироваться...»

Сообразно этому плану 17-го іюня осадный корпусъ двинулся изъ Будендинсгофа. Въ тотъ же день 1-я и 2-я бригады заняли Полангенъ, куда 18-го іюня прибыла 3-я бригада и часть осадной артиллеріи. На другой день весь отрядъ подошелъ къ Мемелю [49].

*) На одномъ изъ судовъ была лейбъ-гвардіи бомбардирская рота (В. У. Архива № 224 В.).

Достигнувъ р. Данги 19-го іюня, въ тотъ же день, 1-я и 2-я бригады, подъ общимъ начальствомъ Салтыкова, перешли эту рѣку и расположились тыломъ къ ней «на большой пушечный выстрѣлъ», «а правымъ крыломъ къ крѣп. Мемелю». 3-я бригада (Трейдена) прикрывала осадную артиллерію и оставалась на правомъ берегу рѣки.

Какъ уже сказано, гарнизонъ Мемеля состоялъ изъ 800 ч. вполнѣ обученныхъ ландмиліціоперовъ баталіона Полеща; въ крѣпости было до 80 орудій разныхъ калибровъ; крѣпостные верки были ничтожны. Комендантомъ крѣпости былъ энергичный Руммель.

Эскадра Валронда прибыла къ Мемелю еще 17-го іюня. 18-го числа командиръ эскадры произвелъ рекогносцировку, сдѣлалъ промѣры и подготовился къ бомбардировкѣ. Непріятель къ этому времени снялъ «бывшіе для фарватера бажаны», но это нисколько не повліяло на дѣйствіе бомбардирскаго флота. 19-го іюня Валронд'ъ [50] съ 6-ю судами *) подошелъ къ Мемелю и въ 6-ть час. утра открылъ бомбардировку. Это и были первые выстрѣлы въ Русско-Прусскую войну 1756—1763 гг.

Прамы Олифантъ и Дикій-Быкъ (вооруженные пушками) и бомбардирскія суда Юпитеръ и Дондеръ (вооруженныя мортирами и гаубицами) **) съ дистанціи около 870 саженъ открыли бомбардировку города и цитадели.

19-го числа бомбардировка шла «съ добрымъ успѣхомъ», а по словамъ другого документа—«съ великимъ успѣхомъ». Городъ нѣсколько разъ былъ зажигаемъ, но каждый разъ пожаръ успѣвали потушить.

---

*) Г. Ласковскій (Матер. для исторіи иск. искусства III, 456) опредѣляетъ этотъ флотъ «значительнымъ числомъ галіотовъ и бомбардирскихъ судовъ»; но это не имѣетъ никакого основанія. Было всего 6-ть судовъ (рапортъ Фермора 26-го іюня. Дѣло В. Учен. Арх. № 224 А).

**) О дѣйствіи двухъ остальныхъ пѣтъ свѣдѣній.

Генералъ Ферморъ вмѣстѣ съ генераломъ Иваномъ Салтыковымъ того же 19-го числа произвели рекогносцировку крѣпости, и здѣсь вполнѣ обнаруживается та крайняя осторожность, которая впослѣдствіи дѣлается отличительною чертою дѣйствій Фермора.

Командиръ корпуса нашелъ, что блокада маленькаго Мемеля невозможна: «проходъ въ городъ воспретить съ надеждою не въ состояніи (по незначительности силъ), а коммуникацію отъ Кенигсберга водянымъ путемъ и воспретить не можно». Вопросъ о штурмѣ и не возникалъ. Ферморъ тогда же рѣшилъ взять крѣпость правильною осадою, имѣя въ виду вести главную атаку на лѣвомъ берегу р. Данги, а вспомогательную на правомъ,—на предмостное укрѣпленіе.

Съ этою цѣлью было выбрано новое мѣсто для лагеря 1-й и 2-й бригадъ, начались подготовительныя распоряженія для веденія осадныхъ работъ, и по всей вѣроятности намъ долго бы пришлось провозиться съ Мемелемъ, если бы бомбардировка, предшествовавшая правильной осадѣ, была бы менѣе успѣшна.

19-го іюня Ферморъ послалъ къ коменданту Мемеля предложеніе о сдачѣ крѣпости. Руммель не хотѣлъ вступить въ переговоры и, въ подтвержденіе намѣренія упорно оборонять крѣпость,—зажегъ предмѣстье. Пользуясь этимъ случаемъ ночнаго освѣщенія, Демолинъ и капитанъ артиллеріи Голмеръ, по приказанію Фермора, выбрали мѣсто для батареи бомбардированія. Въ тотъ же день 1000 рабочихъ подъ прикрытіемъ гренадеръ «выступили къ растворенію траншей» [51] первой параллели (на 600 саж. отъ исходящаго угла бастіона «Прейспшъ» № 1-й) [52] и мортирной батареи. «Вслѣдъ за рабочими везена была осадная артиллерія, состоящая изъ 3-хъ 5-ти пуд. мортиръ и 4-хъ гаубицъ съ ихъ снарядами» [53]. Въ 2 часа ночи «повезены къ сдѣланнымъ кесселямъ [54] мортиры и гаубицы, которыми въ 6-ть час. утра и бомбы начали бросать».

Такимъ образомъ, къ утру 20-го числа, Мемель подвергнулся бомбардировкѣ съ моря и сухаго пути.

Всего въ теченіе 20-го іюня было брошено въ Мемель съ мортирной батареи 136 [55]; а къ 6-ти же часамъ утра 21-го іюня какъ съ моря, такъ и сухаго пути всего выпущено 982 снаряда [56]. Непріятель отвѣчалъ на огонь, но почти безъ всякаго вреда какъ для флота, такъ и для войскъ осаднаго корпуса.

21-го іюня были устроены ходы сообщенія между мортирною батареею, артиллерійскимъ и инженернымъ депо; устроены мосты на р. Дангѣ, ближе къ городу, и окончательно рѣшено вести главную атаку на лѣвомъ берегу рѣки.

Съ этою цѣлью обѣ бригады подъ начальствомъ Салтыкова, усиленные Вятскимъ и Черниговскимъ полками, 22-го іюня переведены были въ окрестности мызы Ромельсъ (Румельсъ-гофъ) и въ ночь съ 22-го на 23-е начались траншейныя работы въ направленіи къ Альтъ-гофу, продолженныя впослѣдствіи до Куришъ-гафа [57] *).

Все это время и въ особенности 23-го іюня поддерживалась «жестокая пушечная пальба каленными и простыми ядрами».

Еще 23-го числа Руммель просилъ согласія Фермора послать къ Левальду за разрѣшеніемъ сдать крѣпость. Отказавъ въ этомъ, командиръ осаднаго корпуса приказалъ усилить бомбардировку, и въ 4-ре часа утра 24-го іюня «какъ передъ атакою, такъ и передъ прамами выставили бѣлыя знамена и прислали къ договору маіора Прейса».

Условія, предложенныя комендантомъ для сдачи крѣпости Мемеля, были въ высшей степени дерзки. Онъ требовалъ свободнаго пропуска: всего гарнизона съ военною почестью, гражданскихъ властей, денежной казны и вообще вывоза всего казеннаго имущества. Ферморъ согласился только на

*) См. планъ № 2.

свободный пропускъ гарнизона съ оружіемъ, но безъ военныхъ почестей; во всемъ остальномъ было отказано. Эти условія были приняты Руммелемъ и Мемель сданъ русскимъ *).

25-го іюня наши войска, по соблюденіи извѣстныхъ формальностей, окончательно заняли Мемель, а Руммель съ гарнизономъ отошелъ и занялъ Лабіаву [58]. Операція подъ Мемелемъ намъ стоила всего 25 челов. убитыми и ранеными **).

26-го іюня Ферморъ официально донесъ императрицѣ о взятіи Мемеля [59]; просилъ о наградѣ всѣхъ чиновъ и въ особенности начальника бомбардирской эскадры капитана Вальронда и ротмистра Романіуса, послѣдняго «за доставленіе черезъ всю зиму о непріятельскихъ обращеніяхъ извѣстій, за храброе и добропорядочное предводительство, будучи въ партіяхъ легкихъ войскъ».

Не смотря на неожиданную развязку дѣла подъ Мемелемъ, Апраксинъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что гарнизонъ Мемеля выпущенъ съ оружіемъ [60]. Дѣйствительно, горсть (въ 800 челов.) непріятеля, обороняя ничтожную крѣпость, мало того, что заставляетъ остановиться отрядъ въ 16,000 и прибѣгнуть къ пріемамъ правильной осады, ставитъ еще рядъ дерзкихъ условій, и, не смотря на крайне невыгодное положеніе, выходитъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Чтобы оцѣнить условія капитуляціи Мемельскаго гарнизона, заключенныя Ферморомъ и столь невыгодныя для русскихъ,—необходимо посмотрѣть на свѣдѣнія, доставленныя конницею, высланною изъ Мемельскаго осаднаго корпуса.

На поддержку Романіуса, какъ сказано, первоначально былъ высланъ Краснощековъ, но уже 19-го іюня, генералъ

---

*) Газенкампъ (стр. 105) говоритъ, что будто бы батальонъ Поленца не былъ выпущенъ, а напротивъ его привели подъ конвоемъ въ Тильзитъ, гдѣ и обезоружили. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это вымыселъ.

**) Журналъ отъ 23-го іюня.

Ферморъ притянулъ его назадъ къ главнымъ силамъ. Причина послѣдняго распоряженія неизвѣстна, но нѣтъ сомнѣнія, что Краснощековъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны мѣстныхъ жителей, подтверждавшее и прежде доставленныя свѣдѣнія о готовившемся вооруженномъ сопротивленіи населенія. Во время марша на казаковъ было даже нападеніе съ тыла; при чемъ убито нѣсколько казаковъ. Всѣ результаты поисковъ Краснощекова ограничились лишь пригономъ до 40 воловъ и 160 овецъ, которые тогда же были розданы въ полки [61] *).

Такимъ образомъ Романіусъ былъ предоставленъ самъ себѣ и къ 19-му іюня достигъ до д. *Тытувяну* (?).

Подробности о дѣйствіяхъ отряда Романіуса намъ не извѣстны. Къ 23-му іюня, Романіусъ (также несомнѣнно встрѣтивъ сопротивленіе мѣстныхъ жителей) возвратился къ отряду въ Мемель, доставивъ 1200 штукъ разнаго рогатаго скота и до 2000 барановъ [62].

Такимъ образомъ эти рекогносцировки выяснили Фермору, что населеніе В. Пруссіи готовится оказать вооруженное сопротивленіе, сформировавъ уже нѣсколько правильно организованныхъ ротъ, и имѣло полную возможность продолжать формированіе бандъ, въ особенности въ опасной болотисто-лѣсистой мѣстности устьевъ Нѣмана. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что Ферморъ, имѣя средства воспрепятствовать населенію организовать оборону (напримѣръ двинуть впередъ подвижныя колонны), не только не принимаетъ къ этому никакихъ мѣръ, но дозволяетъ отличному кадру (милиціонный баталіонъ Полеща, только что съ честью выпущенный изъ крѣпости)

*) Вопросъ о высадкѣ коннаго десанта въ окрестности Кенигсберга не могъ быть приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ «конныхъ галерахъ» чувствовался недостатокъ еще въ Ревелѣ.

отступить въ центръ населенія, готовившагося съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать каждый шагъ родной земли. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что причина подобнаго промаха заключается исключительно въ неимовѣрной осторожности Фермора. Очевидно, Ферморъ опасался, что пруссаки могутъ выслать отряды для выручки Руммеля, что могло бы его вынудить снять осаду Мемеля. Вслѣдствіе этого, вмѣсто зоркаго наблюденія конницею, бывшею при отрядѣ,—лѣваго фланга и тыла осаднаго корпуса и усиленной бомбардировки (отличные результаты которой ясно обнаруживались), Ферморъ соглашается на выпускъ гарнизона съ оружіемъ въ рукахъ. Батальонъ Поленца, отлично воспользовавшись случаемъ, отступилъ изъ Мемеля въ Лабіаву и образовалъ ядро, для обороны этого важнаго для насъ пункта, тогда же укрѣпленнаго пруссаками.

Разсматривая дѣйствія русскихъ подъ Мемелемъ мы можемъ остановиться на слѣдующихъ поучительныхъ особенностяхъ.

1) Паденіе Мемеля было слѣдствіемъ исключительно бомбардированія. Однако этотъ самый раціональный способъ дѣйствія противъ малыхъ крѣпостей (особенно въ раіонѣ, гдѣ подготовляется вооруженное сопротивленіе жителей) не былъ предпамѣренный; напротивъ, инженеръ—командиръ осаднаго корпуса, вслѣдствіе излишней осторожности, приступилъ къ правильной осадѣ, что не вызывалось необходимостью.

2) Вслѣдствіе неправильнаго опредѣленія способа взятія крѣпости и той чрезмѣрной осторожности командира осаднаго корпуса, отрядъ, въ 20-ть разъ сильнѣйшій гарнизона ничтожной крѣпостцы,—приковывается къ ней, при этомъ приковывается всецѣло и настолько вплотную, что не признается возможнымъ выдѣлить отрядовъ не только для занятія важныхъ пунктовъ къ сторонѣ полевой арміи непрія-

теля, но даже и пунктовъ, вліявшихъ на сообщеніе гарнизона (берега Курпшъ-гафа).

3) Не принимается въ соображеніе общее положеніе дѣлъ въ сферѣ вліянія крѣпости. Этимъ и объясняется почти безучастное отношеніе осаднаго корпуса къ мѣстнымъ жителямъ, которые готовились оказать вооруженное сопротивленіе, и наконецъ—выпускъ съ оружіемъ въ рукахъ гарнизона.

Намъ кажется, что отрицательно поучительное дѣйствіе подъ Мемелемъ (удачное помимо воли старшаго начальника) послужило самому Фермору прекраснымъ боевымъ урокомъ. Заключаемъ это изъ вполнѣ сообразныхъ дѣйствій Фермора подъ Кюстринымъ и изъ толковаго направленія дѣла при первой осадѣ Кольбера въ 1758 году, компроментированной помимо его воли опять таки излишнею осторожностью его сотоварища по оружію (инженера) Палменбаха.

ГЛАВА VI.

Положеніе главныхъ силъ русской арміи на Нѣманѣ, по занятіи Апраксинымъ Ковно.—Цѣль дальнѣйшихъ дѣйствій русскихъ войскъ.—Распоряженія Апраксина.—Оцѣнка этихъ распоряженій.—Порядокъ слѣдованія русскихъ изъ Ковно въ Балвержишки.—Назначеніе коннаго отряда Сибильскаго.—Донесеніе въ главную квартиру о взятіи Мемеля.—Приказанія главнокомандующаго Фермору.—Отступленіе Левальда отъ Инстербурга къ Велау.—Рѣшеніе военнаго совѣта 2-го іюля.—Движеніе центра главной арміи на Людвиново къ Вержболову.—Положеніе отрядовъ (Фермора и Сибильскаго) на флангахъ.—Предписаніе Конференціи, полученное Апраксинымъ въ Людвиновѣ, относительно цѣли дѣйствій.—Причины медленности движенія центра.—Дѣйствія отрядовъ на флангахъ. Рекогносцировки на Нижнемъ Нѣманѣ.—Порядокъ слѣдованія отряда Фермора отъ Мемеля къ Тильзиту.—Занятіе Тильзита.—Общее положеніе дѣлъ ко времени занятія главной арміей Вержболова.—Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій русской арміи.—Вступленіе въ предѣлы Пруссіи —Движеніе авангардовъ.—Отличительная особенность состава авангардовъ и расчетъ марша.—Стычка у Катенау 21-го іюля.—Распоряженія Апраксина въ Столупянахъ.—Занятіе Гумбинена.—Переходъ Левальда въ наступленіе.—Стычка нерегулярной конницы подъ начальствомъ Штофельна въ Тилькинскомъ лѣсу 28-го іюля съ гусарами Малаховскаго.—Результаты рекогносцировки Штофельна.—Постановленіе военнаго совѣта 27-го іюля —Измѣненіе этого рѣшенія Апраксинымъ.—Ночной маршъ русской арміи съ 29-го на 30-е іюля.—Занятіе Инстербурга.—Стычка у д. Станикшена.—Переходъ арміи Левальда въ наступленіе къ Инстербургу.—Окончательное сосредоточеніе всѣхъ русскихъ войскъ, въ началѣ августа, около Инстербурга.—Высылка 11—12 тыс. нерегулярныхъ войскъ «о дву конь» подъ начальствомъ Кастюрина и Краснощекова впередъ фронта.—Стычка у Норкитена.—Результаты рекогносцировки полковника Демолина.—Новое раздѣленіе войскъ русской арміи

на части.—Перемѣна Апраксинымъ операціонной линіи на Алленбургъ.—Обстоятельства, вліявшія на это рѣшеніе.—Краткая оцѣнка дѣйствій русскихъ войскъ.

— — —

6-го іюня, черезъ день по прибытіи въ Ковно, Апраксинъ произвелъ смотръ частямъ конницы Ливена, прибывшей съ Днѣпра, и лично убѣдился въ полномъ разстройствѣ даже «выборныхъ» эскадроновъ. «Новоизобрѣтенная» («новоизвентованная») артиллерія еще не прибывала (она прибыла только 20-го іюля) *), а радикальныя реформы прежней полевой артиллеріи сами собой указывали на несоотвѣтственность бывшей въ составѣ арміи.

При этихъ условіяхъ мы должны считать, что серьезною боевою силою арміи Апраксина на сред. Нѣманѣ были лишь 20-ть пѣхот. полковъ и до 17,000 Донскихъ и Слободскихъ казаковъ и «разнонародныхъ», что составитъ (по штатному составу пѣхотныхъ полковъ) до 57,000, но въ дѣйствительности (въ виду убыли отъ болѣзней и некомплекта) ихъ было гораздо меньше.

Слабая конница Апраксина была расположена въ Скоруляхъ (Румянцевъ), въ Олитѣ (Ливенъ), въ Гродно (Зыбинъ); 2,000 Волжскихъ калмыковъ были еще около Днѣпра; 3,000 Слободскихъ (Кастюринъ) на пути къ Минску. Магазины для обезпеченія войскъ довольствіемъ при наступленіи отъ Нѣмана къ прусскимъ границамъ только устроивались, что, помимо другихъ причинъ, было крайне затруднительнымъ, такъ какъ денегъ не было, на реквизицію же, до вступленія въ прусскія владѣнія,—не рѣшались.

Обозъ оказался не соотвѣтствующимъ: «по причинѣ трудныхъ и узкихъ дорогъ многое въ обозахъ исправить и отчасти совсѣмъ другое распоряженіе учинить надлежало»,—

*) В. Ученый Архивъ. Дѣло № 224 С. Журналъ военныхъ дѣйствій. См. 20-е іюля.

доносилъ Апраксинъ Конференціи изъ Ковно. Пути за Нѣманомъ, по рекогносцировкѣ Штофельна, оказались неудобными для слѣдованія, и только 9-го іюня бригадиръ Стояновъ былъ высланъ съ командою для ихъ разработки. Несвоевременное выступленіе Фермора нарушило первоначальные директивы плана кампаніи, и наконецъ, ко всему этому, можно было ожидать предписанія Конференціи выдѣлить 30,000 корпусъ для связи съ дѣйствіями австрійцевъ *).

10-го іюня военный совѣтъ, обсудивъ бывшее положеніе дѣлъ, рѣшилъ, не выжидая результатовъ дѣйствій противъ Мемеля, не выжидая окончанія разработки путей, организаціи обозной и продовольственной частей,—перейти Нѣманъ и продвинуться къ предѣламъ В. Пруссіи.

Переправу главныхъ силъ рѣшено было устроить у Попемонь, подъ Ковною. Румянцевъ, выбравъ лучшихъ всадниковъ (вѣрнѣе лучшихъ и выѣзженныхъ лошадей), долженъ былъ двинуться въ Олиту и соединиться съ Ливеномъ, на котораго возлагалось устройство переправы у этого пункта. Зыбину было приказано устроить мосты черезъ р. Нѣманъ—у Гродно.

Главную армію, послѣ переправы у Попемонь, было рѣшено направить по лѣвому берегу р. Нѣмана, на Балвержишки, Людвиново и Вержболово. Ливенъ отъ Олиты долженъ былъ соображать свое движеніе съ главными силами Апраксина (держась влѣво и на одной съ нимъ высотѣ) и направляться также къ Вержболову. Зыбину же «или отъ Гродно прямо въ непріятельскую землю идти велѣть (рѣшено военнымъ совѣтомъ) или по состоянію обращенія и къ главной арміи слѣдовать и съ опою соединиться».

---

*) См. примѣчаніе 63-е къ главѣ V. При этихъ условіяхъ вполнѣ понятно донесеніе Апраксина Конференціи, что если ему будетъ предписано выдѣлить на Вислу 30-ти тысячный корпусъ, то онъ вынужденъ будетъ отступить и соединиться съ Ферморомъ.

Кромѣ того, на военномъ совѣтѣ былъ разсмотрѣнъ вопросъ объ укрѣпленіи Ковно (что было поручено де-Боскету) и нѣкоторыя изъ военно-административныхъ мѣръ *).

Касаясь главнѣйшаго вопроса, рѣшеннаго на военномъ совѣтѣ 10-го іюня (т. е. вопроса о выступленіи части арміи, бывшей у Ковно, на Балвержишки къ Вержболову, не выжидая результатовъ дѣйствія Фермора),—нельзя не признать, что обстоятельства вынуждали русскую армію хотя и выступить, но затянуть развязку и по возможности отвлекать вниманіе непріятеля наиболѣе соотвѣтственнымъ маневромъ. Русской арміи очевидно было невыгодно отказаться отъ содѣйствія 16,000 корпуса, 5,000 перегулярныхъ войскъ, артиллеріи новаго образца, тѣмъ болѣе, что и довольствіе арміи для рѣшительнаго наступленія не было подготовлено.

Выбранное направленіе (Балвержишки-Вержболово-Инстербургъ) благопріятствовало сближенію главныхъ силъ съ частями нашей арміи, бывшей на Нѣманѣ, и ставило армію Левальда въ крайне невыгодное положеніе къ его сообщеніямъ какъ съ Вислою, такъ и съ Кенигсбергомъ. При выбранномъ направленіи операціонной линіи, Левальдъ могъ рѣшиться на дѣйствія по внутреннимъ линіямъ съ большимъ рискомъ. Дѣйствуя противъ Апраксина, онъ могъ потерять сообщеніе съ Кенигсбергомъ, такъ какъ отрядъ Фермора въ этомъ случаѣ (оставивъ въ блокадѣ Мемель) легко могъ захватить Кенигсбергъ; наоборотъ, если бы Левальдъ двинулся къ устью Нѣмана, противъ Фермора, то Апраксинъ могъ занять въ тылу его важнѣйшіе пункты для обороны Кенигсберга, и Левальдъ окончательно потерялъ бы сообщеніе съ Вислою. Подобное дѣйствіе по внутреннимъ линіямъ хотя и было возможно для Левальда, но требовало Суворовскихъ переходъ и рѣшительнаго полководца.

---

*) Примѣчаніе 63-е къ главѣ V.

Выгоды своего положенія Апраксинъ прекрасно сознавалъ, что видно изъ его донесенія Конференціи, гдѣ, между прочимъ, сказано, что при выбранномъ имъ направленіи движенія непріятель не можетъ знать «откуда на него туча собирается»; а противъ Фермора непріятель не могъ «идти затѣмъ что меня противъ себя имѣетъ».

Въ общемъ выводѣ, признавая выборъ операціонной линіи русской арміи вполнѣ правильнымъ, мы находимъ, что Апраксинъ обязательно долженъ былъ дѣйствовать медленно (маневрировать), и перейти къ рѣшительному наступленію лишь въ томъ случаѣ, если бы Левальдъ обрушился на Фермора. Иначе Апраксинъ самъ себя добровольно подвергалъ бы отдѣльному пораженію. Маневрированіе соотвѣтствовало и прочимъ условіямъ обстановки (какъ то—сосредоточенія, подготовки довольствія и пр.)

Никакіе въ этомъ отношеніи убѣдительные доводы не имѣли вліянія на взгляды Конференціи, которая требовала скорѣйшей развязки; вслѣдствіе этого отношенія Конференціи и главнокомандующаго окончательно обострились *).

Армія Апраксина по «Росписанію генеральному полкамъ», утвержденному въ Ковно [1], подраздѣлялась на двѣ дивизіи: 1-я подъ начальствомъ Лопухина была въ составѣ: двухъ бригадъ конницы, 2-хъ бригадъ пѣхоты и одной «резервной бригады» (Гартвисса); 2-я подъ начальствомъ Броуна—изъ 3-хъ бригадъ конницы, 2-хъ бригадъ пѣхоты и тоже «резервной бригады» (Дица). Каждая изъ бригадъ пѣхоты была въ составѣ 3-хъ или 4-хъ пѣхотныхъ полковъ; резервная же, въ обѣихъ дивизіяхъ, изъ 3-хъ полковъ пѣхоты [2]. Составъ бригадъ конницы былъ смѣшанный изъ регулярной и перегулярной [3]. Всего въ *1-й дивизіи* было: 2 гренадер-

*) Переписка въ дѣлахъ В. У. Ар. 224 А. Архивъ князя Воронцова т. 4. Письма Бестужева.

скихъ, 8-мь мушкетерскихъ пѣхотныхъ полковъ, 18-ть эскадроновъ регулярной, 6,700 нерегулярной конницы и два гусарскихъ полка; во *2-й дивизіи*: 1-нъ гренадерскій и 10-ть мушкетерскихъ пѣхотныхъ полковъ, 7-мь эскадроновъ регулярной, 1 казачій (Чугуевскій), гусарскій полкъ и 3,500 нерегулярныхъ. Кромѣ того при арміи было значительное число «худоконныхъ», которые отъ всѣхъ частей образовали двѣ бригады: Магнуса Берга и Николая Леонтьева.

Такъ какъ большая часть конницы еще не соединилась съ арміею, то указанное подраздѣленіе (въ іюнѣ) касалось только пѣхотныхъ частей. По сосредоточеніи большей части войскъ уже на границахъ В. Пруссіи,—русская армія снова была подраздѣлена и наконецъ, по соединеніи Апраксина съ Ферморомъ у Инстербурга, послѣдовало въ 3-й разъ измѣненіе въ составѣ дивизій и начальствующихъ лицъ *).

9-го іюня, наканунѣ засѣданія военнаго совѣта въ Ковно (въ коемъ рѣшенъ порядокъ слѣдованія къ прусскимъ границамъ), полковникъ Стояновъ, съ Сербскимъ гусарскимъ полкомъ и двумя эскадронами отъ Нарвскаго и Рязанскаго конно-гренадерскихъ полковъ и съ «піонерами», переправился на лѣвый берегъ р. Нѣмана и поступилъ въ распоряженіе Штофельна, высланнаго впередъ для заготовки запасовъ («проходныхъ магазиновъ») и разработки путей [2]. Къ 16-му іюня было уже донесеніе Штофельна объ исправленіи путей, и въ тотъ же день началась переправа арміи у Понемонь по 3-мъ мостамъ [3].

17-го іюня авангардъ, подъ начальствомъ принца Любомірскаго, въ составѣ бригады пѣхоты (1-й гренадерскій,

---

*) Въ первомъ изъ подраздѣленій войскъ каждая изъ дивизій имѣетъ свою «резервную бригаду». Это обстоятельство въ связи съ дѣйствіемъ резервной бригады Румянцева подъ Гр. Егерсдорфомъ, заслуживаетъ вниманія въ отношеніи совершенно своеобразнаго въ нашей арміи назначенія и дѣйствія резерва, такъ опредѣленно установленнаго еще Петромъ Великимъ.

С.-Петербургскій, Воронежскій и Новгородскій полки), 4-хъ эскадроновъ конно-гренадеръ, съ ихъ обозомъ окончательно переправился на лѣвый берегъ Нѣмана и въ тотъ же день направился на Тоги, Прены и Бальвержишки, куда и прибылъ 20-го іюня *).

Главныя силы переправлялись «бригада за бригадою съ ихъ обозами» въ теченіи 4-хъ дней (18-го, 19-го, 20-го и 21-го іюня) и затѣмъ «дивизія за дивизіею» слѣдовала за авангардомъ въ Бальвержишки, гдѣ обѣ дивизіи сосредоточились къ 25-му іюня [5]. Арріергардъ арміи прибылъ въ Бальвержишки 27-го іюня.

Такимъ образомъ въ теченіе 9-ти дней армія сдѣлала всего 56-ть верстъ [6], слѣдуя по-эшелонно.

Особенность движенія русскихъ войскъ до Бальвержишекъ (кромѣ движенія эшелонами) состоитъ въ томъ, что Апраксинъ «совсѣмъ другое распоряженіе учинилъ» относительно обозовъ: [7] обозы слѣдовали не непосредственно за полками, а въ хвостѣ дивизій—эшелоновъ.

Главныя силы арміи Апраксина оставались въ Бальвержишкахъ до 6-го іюля, что, съ остановкою подъ Ковно, составитъ почти мѣсяцъ, со дня прибытія въ этотъ послѣдній пунктъ.

На остановку подъ Бальвержишками вліяло крайне медленное сосредоточеніе частей, не входившихъ прежде въ составъ колоннъ, бывшихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Апраксина. Румянцеву, напримѣръ, было отправлено приказаніе присоединиться къ Ливену (въ Олитѣ)—11-го іюня [8]. Такъ какъ картъ путей слѣдованія отъ Скоруля до Олиты не было, то необходимо было прежде произвести рекогносцировки, и съ этою цѣлью лишь 18-го іюня посланы были Румянцевымъ поручикъ Масловъ и прапорщикъ Рагозинъ. Послѣ рекогносцировки выступили кирасиры Румянцева, къ 28-му іюня они прибыли въ Пуни, соединились же съ Ливеномъ 2-го іюля [9].

*) См. схему 3 и планъ № 3.

Конница, бывшая прежде подъ непосредственнымъ начальствомъ М. Ливена, только къ 30-му іюня подошла къ дер. Бутренишки.

Зыбинъ изъ Гродно, въ іюнѣ мѣсяцѣ, не выступалъ; къ нему направлены были ожидаемые казаки Кастюрина и 1000 Волжскихъ калмыковъ, которые прибыли по назначенію въ началѣ іюля [10]. Сибильскій, общій начальникъ войскъ, собранныхъ въ Гродно, прибылъ къ арміи только 30-го іюня.

Вообще въ высшей степени медленное и нерѣшительное дѣйствіе Сибильскаго во многомъ крайне стѣсняло движеніе главныхъ силъ.

Ближайшею задачею «легкаго корпуса» (по Уставу Петра I «корволантъ,—сирѣчь легкій корпусъ») Сибильскаго, согласно особой данной ему инструкціи [4], было «скоропостижнымъ нападеніемъ непріятеля во всегдашнемъ безпокойствѣ и опасеніи содержать, на отводные караулы нападать, его мосты, проходы и дороги раззорять и отсѣкать магазины, запасы и конвои схватывать, его фуражировки обезпокоивать и опаснымъ чинить и однимъ словомъ повсюду съ крайнѣйшимъ поспѣшеніемъ ѣхать и непріятелю всевозможный убытокъ и ущербъ причинять». Ему было указано также: «напередъ свѣдать какія мѣры непріятель принимать сталъ-бы въ безпрерывный страхъ приводить (непріятеля) и сколько можно раздѣлиться принудить».

Этому легко-конному отряду было дано направленіе на Олецко, Гольдапъ, Даркеменъ, Гердауенъ, Фридландъ; главнокомандующій полагалъ, что указанное направленіе «толь наипаче выгодное, что онъ (Сибильскій) неподалеку будетъ отъ главной арміи... Такъ что онъ можетъ съ ней соединиться или въ нужномъ случаѣ опой подкрѣпленнымъ быть».

Если непріятель направится изъ Велау «къ Эрмланденду, т. е. буде онъ отступитъ изъ Пруссіи», тогда Сибильскій долженъ былъ «безпрестанно атаковать и ему въ этомъ

маршѣ сколько возможно обезпокоить и всевозможное препятствіе чинить разбрасываньемъ и сожженіемъ и порчинѣмъ мостовъ, и до тѣхъ поръ удерживать, пока главная армія успѣетъ къ нему подойти и его побить». Въ этомъ случаѣ было предписано захватить важные пункты на нижней Вислѣ: «черезъ р. Вислу недопустить сожженіемъ мостовъ при Маріенвердерѣ и Торунѣ и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ оныя переправы не находились бы».

Управленіе военно-административною частью отряда Сибильскаго было поручено генералу Зыбину, такъ какъ Сибильскій не зналъ русскаго языка и нашихъ порядковъ.

Сибильскому было приказано выступить изъ Гродно приблизительно около половины іюля, что было въ зависимости отъ расчета времени прибытія назначенныхъ къ нему подкрѣпленій.

Все изложенное показываетъ, что Апраксинъ и военный совѣтъ до іюля мѣсяца не имѣли никакихъ основаній торопиться наступленіемъ. Обстоятельства требовали только зоркаго наблюденія за положеніемъ арміи Левальда, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что развѣдки о непріятелѣ шли вполнѣ успѣшно.

Штофельнъ, какъ и прежде, заботясь о сборѣ запасовъ, вмѣстѣ съ отрядомъ конницы Стоянова, былъ значительно впереди арміи. 29-го іюня онъ былъ подкрѣпленъ отъ главныхъ силъ особымъ конным отрядомъ Хомякова (составъ не извѣстенъ), направленнымъ на Вержболово [11]; но еще раньше отдѣльные разъѣзды Стоянова и Штофельна уже проникли въ предѣлы Пруссіи, и къ 29-му іюня были свѣдѣнія о намѣреніи непріятеля отступить изъ Инстербурга къ Велау [12]. Къ 4-му іюля это извѣстіе окончательно выяснилось; при чемъ относительно мѣстныхъ жителей было упомянуто, что «жители довольно легко въ покорность приходили» [13].

Только 30-го іюня получилъ Апраксинъ донесеніе о взятіи Мемеля [14], и въ тотъ же день отправилъ къ Фермору обратнаго курьера съ приказаніями.

Выразивъ прежде всего неудовольствіе за то, что Руммель былъ выпущенъ съ оружіемъ [15], Апраксинъ приказалъ:

1) Въ Мемелѣ оставить гарнизономъ только Пермскій пѣхотный полкъ, назначивъ оберъ-комендантомъ крѣпости бригадира Трейдена, комендантомъ полковника Елчанинова и плацъ-маіоромъ маіора Вернеса.

2) Опредѣлить число войскъ, которое можетъ быть перевезено на 30-ти галерахъ Кашкина и держать эти войска въ полной готовности для посадки на суда; самыя же галеры потребовать изъ Либавы.

3) Со всѣми остальными силами идти къ Тильзиту «не переходя черезъ р. Нѣманъ... располагая маршъ свой такимъ образомъ, чтобы по получаемымъ отъ меня извѣстіямъ, чтобы когда я къ той сторонѣ приближусь и вы къ Тильзиту прибыть могли бъ; а провіантомъ нагрузя суда впередъ по рѣкѣ, такъ какъ вы маршировать будете, бичевою тянуть заставить, буде на веслахъ нельзя, ибо непріятель *противъ васъ идти не можетъ, что меня передъ собою имѣетъ*».

4) Исправленіе крѣпости Мемеля возложить на инженеръ-маіора Гербеля.

5) Для сбереженія казенныхъ лошадей «въ Мемельскомъ дискрихтѣ нарядъ учинить и столько лошадей собрать приказать сколько тому надобно».

6) Тотчасъ же перевозить запасы изъ Либавы въ Мемель.

7) Бомбардирской эскадрѣ Валронда оставаться въ Мемелѣ въ полной готовности къ выступленію, а остальному флоту крейсеровать у береговъ В. Пруссіи.

Такимъ образомъ, помимо всѣхъ другихъ причинъ, только 30-го іюня 1757 г. явилась первая возможность Апраксину

принять мѣры для рѣшительнаго наступленія въ предѣлы Пруссіи, и мы не можемъ, въ этомъ случаѣ, не отмѣтить, что въ тотъ же день Апраксинымъ были отданы соотвѣтственныя приказанія.

Сосредоточеніе русскихъ войскъ по среднему теченію Нѣмана въ нѣсколькихъ пунктахъ и наступленіе сильнаго осаднаго корпуса Фермора на Мемель имѣли тѣ именно послѣдствія, какія ожидалъ Апраксинъ. Какъ только обнаружилось наступленіе Фермора, Левальдъ началъ сильно безпокоиться за свои сообщенія съ Кенигсбергомъ (Инстербургъ—Кенигсбергъ), за Лабіаву и за возможность захвата русскими—Кенигсберга [16].

Изъ числа генераловъ прусской арміи только одинъ Рюшъ совѣтовалъ, не обращая вниманія на движеніе корпуса нашихъ войскъ на Мемель, перейти въ наступленіе и разбить нашу армію, сосредоточивавшуюся на восточномъ фронтѣ; но по обсужденіи этого вопроса на военномъ совѣтѣ 3-го іюля—въ Инстербургѣ (еще до извѣстія о взятіи Мемеля) большинство генераловъ прусской арміи признало положеніе ихъ арміи въ В. Пруссіи крайне опаснымъ, и Левальдъ послалъ поручика Гумбольда къ Фридриху II просить инструкціи.

Эта крайность положенія, какъ оказывается, признавалась именно таковою вслѣдствіе вторженія нашихъ войскъ въ предѣлы Пруссіи съ двухъ фронтовъ, при условіи крайне слабой обороны Кенигсберга [17].

Черезъ три дня (7-го іюля), т. е. какъ только было получено извѣстіе о капитуляціи Мемеля, угрожающее положеніе Фермора Кенигсбергу было признано настолько важнымъ, что не ожидая отвѣта отъ Фридриха Великаго, Левальдъ, уступая общему требованію (кромѣ Рюша), оставилъ только гусарскій полкъ Малаховскаго для наблюденія за восточною границею государства, а съ остальными силами рѣшился отступить къ Велау, гдѣ и сосредоточилъ свою армію къ 13-му іюля [18].

Указанные нами факты дают основаніе считать, что въ стратегическомъ отношеніи первыя предположенія нашей главной квартиры (не смотря на неудобства, зависящія отъ неправильной организаціи арміи) были выполнены; оставалось теперь развить успѣхъ, дѣйствуя въ зависимости отъ «непріятельскихъ обращеній», которыя съ отступленіемъ Левальда къ Велау обозначились довольно опредѣленно.

Высказывая желаніе («желательно было бы»), «чтобы онъ (Левальдъ) въ томъ положеніи какъ при Веллау находился -меня (Апраксина) дожидался для дачи баталіи...» [19], главнокомандующій русской арміи, въ то же время принялъ мѣры: во-первыхъ, для захвата Лабіавы (дабы имѣть возможность воспользоваться Куришъ-гафомъ), во-вторыхъ, для сосредоточенія ко дню боя возможно большихъ силъ и наконецъ въ третьихъ, для захвата сообщеній Левальда съ Вислою. Въ этомъ смыслѣ были отданы Фермору помянутыя выше первыя приказанія Апраксина, утвержденныя и дополненныя постановленіемъ военнаго совѣта въ Калвержишкахъ 2-го іюля [19].

Главной арміи было поставлено цѣлью слѣдовать на Людвишово, Вержболово до Гумбинена, «гдѣ по тогдашнимъ обстоятельствамъ, а паче же движеніемъ непріятельскимъ къ дальнѣйшему маршу и предпринимаемыя пристойныя мѣры взяты быть имѣютъ...» Фермору было подтверждено о скорѣйшемъ (ни какъ не позже 15-го іюля) занятіи всѣми свободными силами Тильзита, оставивъ въ Мемелѣ отрядъ (предназначенный для перевозки десанта на 30-ти галерахъ) подъ начальствомъ генерала Баумана. Этому послѣднему ставилось цѣлью занять Лабіаву, «которое мѣсто къ пристани галеръ весьма способно и изрядно; паче же ради того, что извѣстныя для наводненія земли шлюзы тамо находятся, ибо вся сія экспедиція единственно къ тому клонится»,—къ занятію Лабіавы и возстановленію сообщенія съ Кенигсбергомъ—водою.

Конницѣ Матвѣя Ливена было приказано «нѣсколькими днями впередъ арміи особливымъ трактомъ, лежащимъ къ лѣвой рукѣ отъ тракта главной арміи, за которой въ подкрѣпленіе слѣдовать бригадѣ пѣхоты и оной сверхъ полковыхъ пушекъ придать полевой артиллеріи 6-ти фунтов. пушекъ и $^1/_2$ фунтовую гаубицу». Ливену было указано направленіе на Гумбинень, «оставя Сталупяны вправо». Для довольствія этого отряда было предписано «собирать запасы провіанта и фуража, а также контрибуцію по сторонамъ учредить...»

Отъ Ливена былъ высланъ сводный отрядъ изъ 500 Донскихъ казаковъ и 50 драгунъ и начальнику этого отряда было вмѣнено въ обязанность «великую осторожность отъ всякаго непріятельскаго нападенія имѣть... при чемъ (постановилъ военный совѣтъ) ему крайнѣйше настрожайшую дисциплину содержать, чтобъ отнюдь никакого озлобленія, оскорбленія обывателямъ чинимо не было; но паче всеприлежнѣйше стараться всѣхъ жителей ласкою въ силѣ манифеста *) въ подданство привлекать и тѣмъ отвратить и удержать ихъ отъ побѣга и опустошенія земли».

Отрядъ Сибильскаго, усиленный эскадронами Архангелогородскаго драгунскаго и Каргопольскаго конно-гренадерскаго полковъ, 1000 Волжскихъ калмыковъ и 1000 Слободскихъ казаковъ (всего до 6000 всадниковъ съ 8-ю конными орудіями), долженъ былъ продолжать указанное движеніе въ тылъ Левальда.

5-го іюля [20] главная армія выступила изъ Балвержишекъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ слѣдовала отъ Ковно до Балвержишекъ, т. е. «дивизія за дивизіею», имѣя впереди лишь незначительныя части легкихъ войскъ. Передовыя войска (кромѣ Стоянова и Хомякова) были усилены Чугуевскимъ казачьимъ полкомъ полковника Булацеля.

*) См. примѣч. 19.

1-я дивизія (при которой была главная квартира), въ два перехода (на Даукши), 7-го іюля достигла Людвинова, гдѣ вмѣстѣ со 2-ю дивизіею простояла 4-ре дня и затѣмъ, выславъ въ подкрѣпленіе легкихъ войскъ сильный авангардъ Любомірскаго (изъ 4-хъ пѣхотныхъ полковъ), въ три перехода (на Пенкине и Ланкелишки), 14-го іюля заняла Веркболово, гдѣ главныя силы арміи простояли цѣлую недѣлю.— до 21-го іюля [21].

Конница М. Лиевена къ 14-му іюля заняла д. Киркуляны (Каркуіяны).

Подаваясь впередъ центромъ своихъ силъ, Апраксинъ долженъ былъ дать время флангамъ (Фермору и Сибильскому и въ особенности послѣднему) исполнить данныя имъ задачи. Скажемъ болѣе, дабы исполнить главныя изъ указаній Конференціи, только что полученныя Апраксинымъ, главнокомандующій былъ поставленъ въ необходимость не торопиться наступленіемъ главными силами.

Дѣйствительно, по взятіи Мемеля, когда обозначилось положеніе Левальда, Конференція поставила Апраксину опредѣленную цѣль дѣйствія: не допустить армію Левальда уклониться отъ боя (что, какъ мы видѣли, установлено было самимъ Апраксинымъ еще въ январѣ). Но теперь главнокомандующему были указаны, въ строго опредѣленной формѣ, тяжкія послѣдствія, которыя могутъ произойти, если Прусской арміи удастся отступить за Вислу. «Болѣе всего *наша честь* крайне съ тѣмъ сопряжена (сказано въ рескриптѣ, полученномъ Апраксинымъ въ Людвиновѣ) [22], чтобъ Левальдъ отъ васъ не ушелъ. Пріобрѣтеніе не только Пруссіи, но хотя-бъ чего и большаго *почтемъ мы за ничто, ежели-бъ Левальдъ, оставляя сіе королевство, соединился съ королемъ прусскимъ*».

Это предписаніе Конференціи и письма Бестужева, гдѣ настойчиво требовалось отъ главнокомандующаго возможно

скорѣйшее наступленіе въ предѣлы Пруссіи, —смутили Апраксина. Общее положеніе дѣлъ и распредѣленіе войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій были таковы, что для противодѣйствія отступленію Левальда за Вислу у Апраксина не было средствъ. Въ то время, когда главная часть русской арміи занимала уже Вержболово (14-го іюля) войска, назначенныя для захвата пути отступленія прусской арміи (Сибильскій) могли выступить изъ Гродно не ранѣе шести дней (20-го іюля). Полное разстройство регулярной конницы и невозможность остаться совсѣмъ безъ нея, не дозволяли Апраксину немедленно выслать другой отрядъ для захвата пути отступленія. Единственно, что въ данномъ случаѣ могъ сдѣлать Апраксинъ—зорко слѣдить за положеніемъ Левальда и, если бы онъ началъ отступать, только тогда, не смотря ни на что,—преслѣдовать. До тѣхъ же поръ, волею-неволею, приходилось удерживать центръ, выждать развитія дѣйствій на лѣвомъ флангѣ и выяснить, куда направить Фермора изъ Тильзита: на соединеніе-ли съ арміею, или въ Лабіаву, что находилось, въ свою очередь, въ зависимости отъ возможности устройства сообщенія по Куришъ-гафу.

Видя невозможность воспрепятствовать Левальду, если бы онъ пожелалъ отойти за Вислу, Апраксинъ изъ Людвинова (11-го іюля) донесъ, что помянутое указаніе Конференціи «руки ему вяжетъ и въ великое смущеніе приводитъ... а пускай бы, напримѣръ, ему удалось бы послѣ *причиняемаго* урону и великаго дезертерства, какое по извѣстіямъ начинается, въ небольшомъ числѣ черезъ Вислу переправиться; то не довольно-ли со стороны вашего Величества высокимъ союзникамъ была бы помощь завладѣніемъ Пруссіи и не имѣетъ ли непріятель причины опасаться и дальняго отъ арміи вашего Величества нападенія или пидѣ, куда онъ ретируется» [23].

Въ реляціи отъ 2-го іюля Апраксинъ прямо указываетъ, что съ его стороны приняты всевозможныя мѣры для воспрепят-

ствованія отступленію Левальда, но успѣхъ этого зависитъ исключительно отъ Сибильскаго, остававшагося въ Гродно, уступомъ назади и еще только изготовившагося къ движенію.

Сибильскій, «славный партизанъ», прибылъ въ Гродно 8-го іюля [24]. Три дня спустя онъ произвелъ смотръ своему отряду («двумъ регулярнымъ драгунскимъ полкамъ, спѣшившись поворотиться и экзерциціи чинить велѣлъ...»). «Сіи войска нашелъ я (пишетъ Сибильскій Апраксину) въ такомъ состояніи, что оными по ихъ манеру экзерциціи совершенно довольну быть можно; почему и уповаю съ ними въ состояніи быть повелѣніе вашего превосходительства сколько возможно во всемъ исполнить». Но въ концѣ того же письма сказано: «по предварительному сношенію съ генераломъ Зыбинымъ и въ уваженіе того, что я изъ начала всегда при инфантеріи былъ и болѣе регулярными, чѣмъ нерегулярными войсками дѣйствовалъ»—ходатайствуется усилить легкій корпусъ. Мы уже видѣли, что на усиленіе уже были двинуты 1000 Волжскихъ калмыковъ (Суворова) *), 2000 Слободскихъ казаковъ (Кастюрина); больше Апраксинъ и не могъ выдѣлить силъ въ корпусъ Сибильскаго. Это ему было указано и вновь предписано ускорить движеніе. Сибильскій выступилъ на Олецко 17-го іюля, т. е. въ тотъ самый день, когда въ центрѣ произошла уже первая стычка нашихъ передовыхъ войскъ съ гусарами Малаховскаго.

Еще менѣе того были успѣшны операціи нашихъ войскъ на правомъ флангѣ. Послѣ торжественнаго парада въ Мемелѣ 27-го іюня и принятія присяги на подданство, Ферморъ, ожидая приказаній Апраксина, занялся приведеніемъ въ порядокъ управленія и подготовкою къ дальнѣйшимъ операціямъ [25].

Отрядъ нашихъ войскъ расположился подъ Мемелемъ у Куришъ-гафа: «правымъ крыломъ къ Гафу, а лѣвымъ къ

*) Однофамилецъ фельдмаршала.

р. Дашѣ, тыломъ къ городу, а фронтомъ въ поле» и во все время «неустанно занимался экзерцицією».

Вслѣдствіе слабой профили крѣпостныхъ верковъ былъ разработанъ новый проектъ укрѣпленій. Ферморъ не рѣшился для крѣпостныхъ работъ назначить нижнихъ чиновъ, такъ какъ болѣзненность въ его отрядѣ замѣтно усилилась [26], а мѣстные жители по тѣмъ или по другимъ причинамъ привлечены не были. Число жителей занятаго края простиралось приблизительно отъ 2500—3000 семействъ [27], но большинство изъ нихъ скрывалось въ лѣсахъ. Командиръ осаднаго корпуса какъ для ихъ водворенія, такъ и для обрекогносцированія путей и положенія непріятеля «по тракту на Гейденъ-Кругъ» выслалъ Краснощекова съ Донскими казаками» [28], а Романіуса отправилъ съ ключами Мемеля сначала къ Апраксину, а затѣмъ въ С.-Петербургъ.

Краснощековъ нашелъ «трактъ на Гейденкругъ, за болотными мѣстами и поломанными мостами, черезъ Руссу» весьма затруднительнымъ для движенія, а потому Ферморъ тотчасъ же выслалъ инженеръ-капитана Бестужева для исправленія мостовъ, а полковнику Фрейману съ частью Пермскаго полка приказалъ занять амтъ Руссъ. Неисправное состояніе путей сначала вынудило Фермора донести Апраксину, что онъ можетъ выступить лишь 15-го іюля, но впослѣдствіи онъ имѣлъ возможность изготовиться къ 11-му числу.

Измѣреніе гафа, произведенное сначала Валрондомъ, почему то признано было недостаточнымъ, и новые промѣры были произведены лейтенантомъ Плещеевымъ, оконченные къ 12-му іюля. Плещеевъ перетащилъ суда черезъ мель у Шварцорта и прослѣдовалъ по гафу «для промѣру къ Фалкенгейде (?) и Лабіаву». Эта рекогносцировка убѣдила, что для плаванія по гафу наши галеры не пригодны и необходимы особаго рода мелкосидящія суда [29]; а главное необходимо имѣть вооруженную флотилію, такъ какъ берега Куришъ-гафа и въ осо-

бенности Лабіава были заняты войсками и вооруженными жителями. Въ зависимости отъ этого тогда же (т. е. до 12-го іюля) Ферморомъ было приказано приспособить въ Либавѣ «пять конныхъ галеръ и четыре венеціанскихъ бота для вооруженной диверсіи и держаніе страха у непріятеля» [30].

Передъ выступленіемъ Ферморомъ отданы были слѣдующія распоряженія.

Бригадиръ Трейденъ былъ оставленъ въ Мемелѣ комендантомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывающимъ краемъ и тыломъ. Въ его распоряженіе были оставлены Пермскій, Кекгольмскій и Вологодскій полки; при чемъ послѣдніе два предназначались для десанта.

Контръ-адмиралу Кашкину, бывшему въ Либавѣ, было приказано «выбрать меньшихъ галеръ десять 16-ти баночныхъ и при нихъ венеціанскихъ ботовъ сколько ихъ есть препроводить ихъ въ Мемель», посадивъ на нихъ всѣхъ выздоровѣвшихъ.

Трейденъ обязывался «егда упомянутыя десять галеръ прибудутъ, то оставленный Кекгольмскаго и Вологодскаго полка одинъ баталіонъ, снабдя достаточнымъ провіантомъ и аммуниціей на тѣ галеры посадить и затѣмъ отправить къ Шварцъ-орту, гдѣ перетаскивать черезъ мель» [30 *]).

Присутствіе непріятеля на лѣвомъ берегу Нѣмана отъ Тильзита до амта Русса не было обнаружено. Послѣднія свѣдѣнія (добытыя Краснощековымъ) указывали, что прусскія регулярныя войска оставили Тильзитъ, но съ «мѣщанскимъ войскомъ» и вооруженными жителями можно было разсчитывать имѣть дѣло, начиная отъ «Шакуны» (Шакупенъ).

Къ 10-му іюля всѣ приготовленія были окончены и сильный авангардъ, въ составѣ 4-хъ пѣхотныхъ полковъ, выступилъ на Гейденкругъ къ Тильзиту. а 11-го іюля за нимъ

*) Трейдену было приказано, между прочимъ, искать янтарь, который вмѣстѣ съ вещами Ивана Антоновича Брауншвейскаго, отысканными въ Мемелѣ, отправить въ С.-Петербургъ.

направилась и бригада Салтыкова. Самъ же Ферморъ съ незначительною частью остальныхъ войскъ выступилъ изъ Мемеля 15-го іюля. До выступленія Ферморъ получилъ еще разъ подтвержденіе Апраксина «до особаго ордера не переходить р. Мемель, чтобы непріятель какой сюрпризы не учинилъ».

Изъ особенностей марша Фермора отъ Мемеля къ Тильзиту, довольно рѣзко выдѣляются мѣры корпуснаго командира для для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ. Переходы болѣе 3-хъ миль Ферморъ воспретилъ. Въ «самыя жары (было приказано) не маршировать, но и въ то время, яко же и по полуночи солдатамъ отдохновеніе имѣть и лошадей кормить». На этомъ основаніи люди поднимались «послѣ 2-хъ часовъ по полуночи и послѣ 5-ти по полудни». Величина перехода была около 20-ти верстъ въ сутки.

Отрядъ Фермора слѣдовалъ по-бригадно на Вирки (?) Гейдекругъ, Шплингъ, Лауксенъ (?) 18-го іюля къ послѣднему пункту собралась большая часть отряда и прибылъ самъ Ферморъ. 19-го числа командиръ корпуса собралъ военный совѣтъ для обсужденія вопроса о порядкѣ занятія Тильзита.

Тильзитъ былъ занятъ всего 4-мя ротами прусской милиціи, но при общемъ безпокойномъ состояніи края, а также въ виду необходимости устроить у Тильзита обезпеченную переправу, мирное занятіе и присоединеніе Тильзита, какъ главнаго города дискрихта, имѣло очень важное значеніе. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что Ферморъ достигъ полнаго успѣха.

Еще 18-го іюля въ Тильзитъ былъ посланъ поручикъ Владимірскаго полка съ требованіемъ сдачи города и цидатели. Городскія власти не замедлили исполнить требованіе и 19-го числа «не дошедъ полъ мили отъ города Тильзита встрѣтили (Фермора) духовный чинъ съ нѣкоторыми гражданскими служителями, со всепижайшимъ прошеніемъ принять въ

протекцію, и въ вѣрности своего подданства тотчасъ учинили присягу»[31].

Не смотря на видимую покорность жителей Тильзита, Ферморъ не вѣрилъ имъ и принялъ мѣры какъ противъ «сюрпризы» *), такъ и противъ какого-либо вызывающаго дѣйствія со стороны войскъ.

20-го іюля Тильзитъ былъ занятъ передовымъ отрядомъ генерала Цеге-Мантейфеля въ составѣ 500 гренадеръ, 200 гусаръ, 300 Донскихъ казаковъ и «4-хъ полковыхъ пушекъ съ нарядомъ съ особыми мѣрами осторожностями». «Мѣщане, которыхъ 4-ре роты подъ ружьемъ были, учиня впередъ присягу, отдали свои знамена, верхнее и нижнее оружіе подъ россійскій караулъ въ шлосъ сами слѣдовали для благодарнаго молебну въ кирку, а по окончаніи онаго до самаго вечера приводились нѣсколько сотъ человѣкъ какъ градскихъ, такъ и уѣздныхъ людей къ присягѣ»; въ томъ числѣ «амты: Рагнитъ, Шрейберы, Шкуцы и шесть амтовъ Тильзитскаго дискрихта...»[32].

21-го числа торжественно прибылъ въ Тильзитъ самъ Ферморъ, и только тогда приступили къ прочному устройству мостовъ средствами самихъ жителей **), которыя доставили: лѣсъ, канаты, якоря. Къ 23-му іюля два моста были построены подъ непосредственнымъ руководствомъ генерала Резанова и полковника Демолина. Главная масса войскъ Фермора однако оставалась на правомъ берегу р. Нѣмана; при чемъ въ самый «городъ для покупки какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя команды безъ билетовъ отъ дивизіоннаго или генеральнаго дежурства (было приказано) отнюдь никого не пропускать,

*) Насколько правъ былъ Ферморъ, видно изъ поведенія жителей Рагнита (при отступленіи). Не смотря на данную городомъ присягу, было убито нѣсколько человѣкъ изъ оконъ; за что Рагнитъ и былъ сожженъ казаками до тла.

**) Очень важное обстоятельство, такъ какъ у Фермора не было достаточнаго числа принадлежностей для устройства моста.

для отвращенія всякихъ непорядковъ; а напротивъ обывателей ремесленныхъ и промышленныхъ людей пропускать».

Такимъ образомъ, къ 14-му іюля, т. е. ко дню занятія главною арміею Вержболова, Тильзитъ еще не былъ занятъ русскими войсками. Лиевенъ только что сталъ на одной высотѣ съ главною арміею, Сибильскій же не вступалъ еще въ предѣлы Пруссіи. Что же касается до двухъ главныхъ цѣлей, поставленныхъ главнокомандующимъ начальникамъ его фланговъ (обезпеченіе сообщенія по Куришъ-гафу и дѣйствіе на сообщеніе Левальда), то были серьезныя основанія предполагать, что они не будутъ достигнуты.

О непріятелѣ, по слухамъ, было извѣстно, что онъ остается въ пассивномъ положеніи у Велау; что же касается мѣстныхъ жителей, то въ Вержболово явилась депутація изъ Сталупянъ и Ширвинта съ изъявленіемъ покорности и согласіемъ принять подданство [33].

При этихъ условіяхъ состоялось въ Вержболовѣ новое постановленіе военнаго совѣта 18-го іюля [34].

Военный совѣтъ предписалъ Фермору: «съ корпусомъ прибывъ къ Тильзиту по усмотрѣнію обстоятельствъ движенія, напаче-жъ по случаю надобности, гдѣ способнѣе и нужнѣе будетъ, по прежнему положенію къ Лабіо, или въ другое мѣсто, или же и къ соединенію съ главною арміею слѣдовать повелѣно будетъ». Сибильскому было приказано ускорить движеніе на Фридландъ, а главную армію рѣшили направить къ Гумбинену со всѣми мѣрами охраненія. Самый порядокъ слѣдованія былъ также разсмотрѣнъ на военномъ совѣтѣ 18-го іюля [35].

Согласно постановленію совѣта, было исполнено слѣдующее:

Армія снова была подраздѣлена на три дивизіи: 1-я подъ начальствомъ Лопухина, 2-я —Броуна и 3-я -М. Лиѣна.

1-я дивизія (при ней и главная квартира) была направлена на Столупены; 2-я—въ направленіи на Катенау; 3-я изъ Матлавы (Матлавки) на Милюшены [36] *).

Каждая изъ помянутыхъ колоннъ имѣла свой авангардъ. Авангардъ правой колонны (генерала Броуна) былъ въ составѣ 2-хъ гусарскихъ полковъ, выборныхъ эскадроновъ кирасиръ и 1000 Донскихъ казаковъ. Этотъ авангардъ поддерживался бригадою пѣхоты принца Любомірскаго.

Авангардъ средней колонны (Апраксина) состоялъ изъ выборныхъ эскадроновъ конно-гренадеръ, 1000 Донскихъ казаковъ и Чугуевскаго казачьяго полка Булацеля. Наконецъ лѣвая колонна (Ливена) имѣла впереди, въ авангардѣ, выборные эскадроны Архангелогородскаго драгунскаго полка и 2000 Донскихъ казаковъ. Были ли высланы поддержки конницѣ авангарда отъ средней колонны—неизвѣстно.

Изъ этого видно, что конница и по новому распредѣленію была выдвинута впередъ, но не «на два марша», а всего на одинъ переходъ; при чемъ была рѣзкая особенность въ назначеніи времени выступленія авангарда. Авангардамъ было приказано «маршировать всегда такъ, чтобы каждый авангардъ выступилъ изъ лагеря далѣе въ маршъ тотъ самый часъ, какъ дивизія онаго въ лагерь вступитъ». Вслѣдствіе этого, при самомъ вступленіи главныхъ силъ въ лагерь, непріятельскій конный отрядъ значительной силы, при случаѣ, имѣлъ возможность,—отбросивъ передовые разъѣзды,—налетомъ потревожить какъ авангардъ, такъ и главныя силы. Это и случилось на первомъ же переходѣ у Столупенъ — 23-го іюля [37].

Независимо отъ охраненія съ фронта, для обезпеченія фланговъ общаго движенія «для всякихъ случаевъ, а именно второй дивизіи съ правой, а третей дивизіи съ лѣвой, яко съ наружныхъ фланговъ» были назначены казаки.

---

*) Схема № 3 и планъ № 3.

При авангардѣ каждой дивизіи была часть «піонеровъ»; большая же ихъ партія «должна была быть выслана по распоряженію Веймарна». Пройденные пути приказано снять, какъ указано въ инструкціи де-Боскету, «ибо такія вѣдомости и впредь съ пользою употреблены быть могутъ».

Для связи съ Ферморомъ былъ указанъ кружный путь на Юрбургъ; а съ Ковною кратчайшее сообщеніе было на Сапежишки [38].

21-го іюля авангарды вступили въ предѣлы Пруссіи. Для рекогносцировки дорогъ и мѣстности (въ особенности лѣсовъ, гдѣ можно было встрѣтить вооруженныхъ крестьянъ) [39] отъ авангардовъ были выдѣлены отдѣльные конные отряды, и одинъ изъ нихъ 21-го числа наткнулся на гусаръ Малаховскаго, что повело къ стычкѣ при Катенау.

Запявъ Столупяны, авангардъ средней колонны выслалъ отъ себя летучій отрядъ, въ составѣ сводпаго эскадрона отъ Нарвскаго и Рязанскаго конно-гренадерскихъ полковъ (по ротѣ слабаго состава) всего 220 всадниковъ и 180 Чугуевскихъ казаковъ, подъ общимъ начальствомъ Рязанскаго полка маіора де-ла-Роа (въ другихъ документахъ названъ де-Ларь), «для развѣдыванія дорогъ и засѣвшаго въ лѣсахъ непріятеля». Этотъ отрядъ направился на Катенау и Куммельнъ, «принятыя уже въ протекцію ея величества». Де-ла-Роа, успокоенный заявленіемъ тамошнихъ жителей, что «прусскихъ войскъ по близости нигдѣ нѣтъ», спокойно остался съ конно-гренадерами въ д. Куммельнъ, не принявъ никакихъ мѣръ охраненія. Чугуевскіе казаки же прослѣдовали дальше до д. Нибуцина, увѣренные жителями, что непріятеля нѣтъ; но слѣдуя черезъ деревню, «на дворѣ» сами замѣтили нѣсколькихъ гусаръ. Преслѣдуя гусаръ за деревню, Чугуевцы нарвались на превосходныя силы гусарскаго отряда Малаховскаго и встрѣченныя вмѣстѣ съ тѣмъ, съ тыла, огнемъ вооруженныхъ жителей, казаки въ полномъ безпо-

рядкѣ были отброшены назадъ на сводный эскадронъ конно-гренадеръ, безпечно расположенный въ д. Куммельнъ.

Послѣ самаго незначительнаго сопротивленія (и то благодаря вахмистру Дрябову) де-ла-Роа былъ отброшенъ на Катенау; но дальнѣйшее наступленіе гусаръ было остановлено высланными поддержками подъ начальствомъ Стоянова и Булацеля.

Изъ донесенія Броуна видно, что конница авангарда правой колонны тоже самое была задержана въ лѣсу, у дер. Дервишки, мѣстными жителями, черными и желтыми гусарами. Вслѣдствіе этого и были направлены вправо, къ Катенау, двѣ роты Нарвскаго и Рязанскаго конно-гренадерскаго, которыя соединились съ Чугуевцами Булацеля, командою калмыковъ и подкрѣпили разбитый отрядъ де-ла-Роа. Свѣжія подкрѣпленія перешли въ наступленіе и миль пять гнали Малаховскаго, такъ что только «наступившая ночь и случившійся лѣсъ погоню прекратили».

Де-ла-Роа за свою безпечность былъ разжалованъ въ рядовые, а Дрябовъ пожалованъ въ поручики *).

Какъ ни ничтожна была стычка у Куммельнъ-Катенау, но она заслуживаетъ вниманія по своимъ послѣдствіямъ.

Участникъ кампаніи, Болотовъ, приписываетъ ей серьезное послѣдствіе какъ въ нравственномъ отношеніи **), такъ и по вліянію «на злосчастное повелѣніе» Апраксина: «не щадить-бы и самыхъ жителей и раззорять селенія таковыхъ», т. е. которые будутъ стрѣлять по войскамъ.

Несообразность указанныхъ послѣдствій стычки у Катенау въ отношеніи подрыва нравственнаго духа русской арміи слишкомъ очевидна. Гораздо важнѣе послѣднее свидѣтельство Болотова.

---

*) См. прим. 45.

**) Эта неудача «умножила тѣмъ въ сердцахъ многайшихъ воиновъ (нашихъ) чувствуемую и безъ того великую отъ Прусскихъ робость, трусость и боязнь...»

Стычка у Куммельнъ-Катенау дѣйствительно убѣдила Апраксина въ вооруженномъ сопротивленіи мѣстныхъ жителей и вполнѣ понятно, что противъ этого были приняты мѣры, никогда однако недоходившія до крутыхъ. Напротивъ, въ этомъ случаѣ Апраксинъ не разъ долженъ былъ раскаиваться за излишнюю церемонность въ обращеніи съ вооруженными мѣстными жителями, какъ на то будемъ имѣть случай указать.

21-го іюля вся армія, въ одинъ переходъ, тремя колоннами перешла границу и заняла окрестности Столупянъ. Какъ уже сказано, по расчету марша главныя силы около конечнаго пункта перехода соединялись съ авангардомъ и затѣмъ уже послѣдній выступалъ впередъ. Вслѣдствіе этого Малаховскому удалось своими конными отрядами произвести тревогу не только въ авангардѣ, занимавшемъ Столупяны, но и въ подошедшихъ къ нимъ главныхъ силахъ *). Черезъ день Апраксинъ сосредоточилъ силы у Столупянъ, присоединивъ къ средней колоннѣ правую (Броуна, бывшаго въ 6-ти вер. вправо) и лѣвую (Ливена, бывшаго у д. Матлакенъ) [56].

23-го іюля изъ Столупянъ армія двинулась на Будепяны къ Гумбинену, 25-го числа заняла этотъ пунктъ и оставалась въ его окрестностяхъ до 29-го.

27-го іюля военный совѣтъ, въ Гумбиненѣ, обсудивъ дальнѣйшій образъ дѣйствій нашихъ войскъ, рѣшилъ продолжать движеніе на Инстербургъ, гдѣ, соединившись съ Ферморомъ, «не взирая на авантажное непріятельское положеніе и окоповъ (было постановлено) гдѣ бы непріятель не былъ— атаковать».

Для исполненія предстоящаго марша-маневра наша армія снова была подраздѣлена на двѣ дивизіи; при чемъ подраздѣленіе войскъ высшихъ 1-цъ соотвѣтствовало порядку построенія по ордеръ-де-баталіи. А именно, 1-я дивизія (Лопу-

*) Разсказъ Болотова. Письмо 41-е.

хина) должна была образовать, въ случаѣ построенія для боя, 1-ю линію; 2-я дивизія (Броуна) 2-ю боевую линію. Каждая изъ боевыхъ линій (дивизій) имѣла свой резервъ. Линіями командовали начальники дивизій, а флангами особо назначенные генералы; бригады находились подъ непосредственною командою своихъ командировъ [49].

Войска каждой дивизіи должны были слѣдовать одною колонною, имѣя, «*буде можно*», обозы во хвостѣ, «*а буде нельзя*, то таковымъ самымъ порядкомъ, какъ передъ симъ приказомъ отдано было; а именно, прикрывая обозы одной дивизіи съ правой стороны, а другой съ лѣвой; а ежели и то невозможно, что уже какъ состояніе дорогъ позволитъ всей арміи вмѣстѣ, а обозы слѣдовать имѣютъ подъ прикрытіемъ пяти полковъ, назначенныхъ въ резервъ по ордеру баталіи».

Первой линіи было приказано имѣть авангардъ и разъѣзды отъ нерегулярныхъ «по сторонамъ» колонны. Второй линіи— содержать арріергардъ и также по обѣимъ сторонамъ разъѣзды.

На томъ же воеппомъ совѣтѣ было обращено вниманіе на особенности мѣстности между Гумбиненомъ и Инстербургомъ. «Понеже хотя сей трактъ (на Гервишкеменъ-Георгенбургъ) и нѣсколько тѣсенъ (сказано въ постановленіи), потому что съ одной стороны рѣка Инса, а съ другой лѣсъ (Тщлкинскій), однако въ близкомъ разстояніи другаго нѣтъ и для того признанъ удобнымъ. А другой трактъ такъ отдѣленъ отъ перваго, что къ раздѣленію арміи сумнителенъ найденъ; тѣмъ паче, что между первымъ и симъ трактомъ нѣсколько разстояніе великое, при случаѣ соединенія колоннъ; съ другой трижды еще рѣку переходить надлежитъ». А потому было рѣшено, «оставляя сей послѣдній влѣвѣ (затѣмъ, что оной лежитъ по ту сторону Ангерапъ и Претелемъ, переходъ которыхъ излишне въ маршѣ причинилъ бы затрудненіе»), слѣдовать на Инстербургъ, хотя и кружнымъ путемъ, но болѣе удобнымъ.

Движеніе нашей арміи отъ Столупянъ до Гумбинена имѣетъ свои особенности.

Убѣдившись окончательно, что «мужики непріятеля подводили на посланныя партіи и ему о приближеніи оныхъ знать давали», а также замѣтивъ неоднократное вооруженное сопротивленіе мѣстныхъ жителей, Апраксинъ нашелъ, «что однако ласкою (какъ я вижу) всѣхъ прусскихъ мужиковъ склонить нельзя и для того долженъ (предпринять) и строгости *по силѣ манифестовъ*». Вслѣдствіе этого, нѣсколько крестьянъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, были казнены въ Гумбиненѣ.

Затѣмъ, чтобы обезпечить путь слѣдованія войскъ отъ наблюденія непріятельскою конницею, главнокомандующій объединилъ начальство надъ всею конницею въ рукахъ М. Лиевена [43] и 23-го іюля выдвинулъ ее впередъ съ приказаніемъ выслать конныя партіи и «съ такимъ повелѣніемъ, чтобы между собою крайнее стараніе приложили оную (непріятельскую конницу) прогнать» [44].

Когда направленіе движенія нашихъ войскъ, въ трехъ отдѣльныхъ массахъ, совершенно выяснилось, Левальдъ рѣшился наконецъ воспользоваться разъединеннымъ положеніемъ главной арміи Апраксина и корпуса Фермора и атаковать сначала сильнѣйшую часть, бывшую подъ начальствомъ Апраксина, а затѣмъ и Фермора.

Съ этою цѣлью прусскій главнокомандующій 25-го іюля послалъ на усиленіе Малаховскаго 7-мь эскадроновъ Платена съ баталіономъ гренадеръ, направивъ ихъ по лѣвому берегу р. Прегеля на Инстербургъ, и въ тотъ же день, по правому берегу рѣки, туда же, былъ высланъ принцъ Голштейнскій съ 5-ю эскадронами. Въ подкрѣпленіе ихъ, для занятія оборонительной позиціи у Георгенбурга, былъ направленъ авангардъ графа Дона, въ составѣ 8-ми б—въ пѣхоты, 4-хъ э—въ драгунъ и гусаръ. Къ Георгенбургу должна

была слѣдовать и вся армія Левальда. Для связи дѣйствій отрядовъ на обоихъ берегахъ р. Прегеля тогда же прусаками были устроены мосты у Таплакена и Бубайкена. Бригадѣ Каница, занимавшей Лабіаву, было приказано присоединиться къ главнымъ силамъ; вся же прибрежная оборона была возложена на милицію.

Это движеніе частей Прусской арміи на встрѣчу арміи Апраксина повело къ нѣсколькимъ столкновеніямъ конницы, и вызвало рѣшительное движеніе нашей арміи къ Инстербургу, занятіе котораго непріятелемъ могло лишить насъ возможности соединить всѣ силы.

27-го іюля Штофельнъ съ отрядомъ, въ составѣ 2-хъ сотенъ Чугуевцевъ подъ командою полковника Булацеля, 300 Сербскихъ гусаръ Стоянова и 500 Донскихъ казаковъ, получилъ приказаніе очистить Тцулкинскій (Пичкинскій) лѣсъ [48] *) для свободнаго слѣдованія нашихъ войскъ. Къ подкрѣпленію Штофельна былъ назначенъ бригадиръ Демпку съ 6-ю эскадронами кираспръ [62].

Часть конницы Малаховскаго къ 27-му іюля занимала д. Пичкинъ и отдѣльный разъѣздъ Гервишкемень. На разсвѣтѣ 28-го іюля энергичный кавалеристъ, временъ Фридриха—Малаховскій, имѣлъ въ виду всѣмъ отрядомъ произвести рекогносцировку нашего расположенія у Гумбинена.

Рано утромъ, 28-го іюля, Штофельнъ легко выбилъ Прусскій разъѣздъ изъ Гервишкемена и преслѣдуя его по пятамъ, былъ встрѣченъ у д. Пичкинъ главными силами Малаховскаго, съ поддержкою мѣстныхъ жителей.

«Хотя кавалерія наша (Демпку) была еще въ нѣкоторомъ разстояніи, Штофельнъ однако не усумнился и безъ нея съ одною легкою командою атаковалъ Прусскую партію и прус-

*) Во всѣхъ нашихъ документахъ, этотъ лѣсъ названъ Пичкинскимъ, очевидно отъ д. Пичкинъ, существующей и по настоящее время при входѣ въ лѣсъ.

саки по потеряніи 50-ти человѣкъ и одного офицера совсѣмъ сбиты и не токмо изъ густаго лѣса, но и за Инстербургъ прогнаны».

По самымъ условіямъ мѣстности и обычаю казаковъ вести бой, нельзя сомнѣваться въ томъ, что казаки въ этомъ бою дрались въ конномъ и пѣшемъ строѣ. Штофельнъ, съ палета, ворвался въ Инстербургъ, но подоспѣвшія подкрѣпленія Платена и пр. Голштейнскаго, вынудили его отступить изъ города и отсиживаться въ д. Пирагинен (по нашимъ документамъ Ирагини).

Какъ только Апраксинъ узналъ о стычкѣ Штофельна у Пичкинскаго лѣса, то немедленно выслалъ Ливена съ авангардомъ. Ливенъ, по какимъ-то причинамъ, значительно опоздалъ, и Штофельнъ, подкрѣпленный кирасирами Демику, у д. Пирагини, выдержалъ новую атаку Платена, наступавшаго изъ Инстербурга.

Затѣмъ, чтобы «не имѣть намъ паки труда выживать пруссаковъ изъ густаго, на дорогѣ стоящаго лѣса» [56], Апраксинъ «къ вечеру выступилъ со всею арміею къ д. Тракинен, маршируя черезъ всю ночь» и, сдѣлавъ 20-ти верстный переходъ, занялъ помянутый пунктъ къ разсвѣту 30-го Іюля. Обозы, подъ прикрытіемъ арріергарда, были оставлены въ Гумбинен.

Непріятель, въ виду превосходства силъ, безъ боя уступилъ Инстербургъ, который и былъ занятъ нами 31-го іюля.

Переходъ отъ Гумбинена къ Инстербургу служитъ, между прочимъ, убѣдительнымъ доказательствомъ умѣнья главнокомандующаго понять обстановку, и принять сообразно оной вполнѣ правильное рѣшеніе, а также доказывастъ способность арміи къ почнымъ маршамъ значительными силами, если въ этомъ была необходимость. Дѣйствіе казачей конницы впереди фронта тоже самое показываетъ,

что одна изъ важнѣйшихъ отраслей передовой службы конницы была въ то время у насъ достаточно развита.

Неутомимый Малаховскій, отбитый съ фронта, выслалъ по лѣвому берегу р. Писсы на Гумбинень особый летучій отрядъ въ 200 коней. Въ виду обезпеченія лѣваго фланга р. Писсою Апраксинъ не принялъ мѣръ для наблюденія лѣваго берега рѣки, вслѣдствіе чего прусскіе гусары безъ затрудненій достигнули окрестностей Гумбинена. Но какъ только въ главной арміи было получено о томъ извѣстіе, тотчасъ же казаки, переправившись черезъ р. Писсу, отрѣзали гусарамъ обратный путь отступленія и вынудили ихъ пробиваться у д. Станешена съ большими потерями.

Армія Левальда сосредоточивалась къ Инстербургу крайне медленно.

29-го іюля авангардъ Дона занялъ только Заалау, гдѣ оставался 29-е и 30-е число. Затѣмъ, въ виду появленія превосходныхъ силъ, прусская конница отступила на свой авангардъ, который оставилъ Заалау и отошелъ на укрѣпленную позицію при д. Каленень. Вслѣдствіе этого наши войска, 31-го іюля, безъ всякаго сопротивленія, заняли Инстербургъ.

Генералъ Ферморъ, получивъ приказаніе соединиться съ главными силами, 1-го августа выступилъ на Жилинь и Краупишкень и 7-го числа соединился съ Апраксинымъ, занявшимъ къ тому времени д. Старкене *) (въ окрестностяхъ Инстербурга).

По не вполнѣ выяснившимся причинамъ, военный совѣтъ рѣшился отказаться отъ продолженія операцій, указанныхъ Сибильскому. Сопоставляя нѣкоторые факты, можно только думать, что на это вліяло, во-первыхъ, медленность и нерѣшительность дѣйствій Сибильскаго, занявшаго къ 29-му іюля только Гольдапь; во-вторыхъ, погромъ казаками жи-

*) Подробности слѣдованія Фермора отъ Тильзита до Георгенбурга указаны въ прим. 51.

телей пограничной полосы, «отчего здѣшнія мѣста совсѣмъ опустѣли и жители разбѣжались» [50]; въ третьихъ, наконецъ, выгодное положеніе Левальда у Велау. Хотя численный перевѣсъ надъ непріятелемъ нашъ генералитетъ и признавалъ, но «армія (Левальда) не утружена походомъ и потому же положеніе его лагеря (у Велау) *) не только само крѣпко, но и укрѣпленія его также такъ велико, что инаго способа не остается, какъ только оныя силою преодолѣть»; для этого нужно было дружное содѣйствіе всѣхъ силъ.

Ни одно изъ приведенныхъ выше обстоятельствъ не можетъ однако служить оправданіемъ присоединенія конницы корпуса Сибильскаго къ главнымъ силамъ. Направленіе, указанное Сибильскому, было дано настолько правильно и рѣшительно, что можно было бы ожидать отъ дѣйствія этого легкаго корпуса важныхъ послѣдствій. Неспособность Сибильскаго также не оправданіе, когда при арміи былъ Румянцевъ, который по всѣмъ правамъ и долженъ былъ командовать этимъ корпусомъ.

Апраксинъ ясно предвидѣлъ еще въ сентябрѣ 1756 года послѣдствія отъ вторженія нерегулярныхъ. Дѣйствительно, въ то самое время, когда было отдано приказаніе Сибильскому присоединиться,—гражданскія власти края, бывшія въ Кенигсбергѣ, только въ ожиданіи подобнаго налета казаковъ, безъ позволенія Левальда, въ полной паникѣ, оставили главный городъ В. Пруссіи. Подробности, указываемыя спеціальнымъ изслѣдованіемъ [53], даютъ основаніе заключить, что налетъ Сибильскаго на Фридландъ-Кенигсбергъ могъ бы рѣшительно повліять на ходъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ весьма вѣроятно вынудилъ бы прусскую армію обратиться къ защитѣ столицы и тѣмъ освободить доступъ къ Лабіавѣ, что составляло важную цѣль дѣйствія.

---

*) См. схему № 3.

Такъ или иначе, но Сибильскій прибылъ 2-го августа [52] къ Инстербургу, гдѣ и соединился съ Апраксинымъ.

Военный совѣтъ 4-го августа [54] рѣшилъ, для рекогносцировки непріятеля на обоихъ берегахъ р. Прегеля и для занятія важныхъ впереди пунктовъ—выдвинуть впередъ фронта 6,500 нерегулярныхъ «о дву конь», раздѣливъ ихъ на два отряда.

Правый конный отрядъ, подъ начальствомъ Кастюрина, въ составѣ 3-хъ Донскихъ казачьихъ полковъ Серебрякова (1,500 каз.), 500 ставропольцевъ, 500 башкиръ и 500 Казанскихъ татаръ (всего 3,000), долженъ былъ направиться по правому берегу р. Прегеля; а 2,000 лучшихъ Слободскихъ казаковъ и 1,500 Волжскихъ калмыковъ, при двухъ конныхъ ротахъ (конвоировавшихъ калмыковъ) подъ командою бригадира Капниста, образуя лѣвый конный отрядъ, должны были слѣдовать по лѣвому берегу—на Велау.

«При обѣихъ сихъ партіяхъ (предписывалось) имѣть по одному штабъ-офицеру (назначенныхъ поименно) и нѣсколько искусныхъ и въ воинскихъ обрядахъ нѣсколько практикованныхъ оберъ-офицеровъ находиться... чего для каждому генералъ-аншефу отъ своей дивизіи отъ 6—7 выбравъ, представить генералъ-фельдмаршалу. Главное сихъ дѣло имѣетъ быть не токмо въ подаяніи добрыхъ совѣтовъ, но наипаче въ томъ, чтобъ по возможности довольное и исправное познаніе ситуаціи и положеній земли получить и ни малѣйшаго безъ примѣчанія не оставляли; чѣму всѣму они потомъ чертежи и планы подать имѣютъ пристойному и впредь».

«Багажъ», бывшій при копницѣ, предписывалось «оставить въ пристойномъ мѣстѣ».

7-го августа это постановленіе, военнымъ же совѣтомъ, видоизмѣнено. Вмѣсто 6,500 отряда, выдвигалось впередъ

11,000 перегулярной конницы, а по другимъ даннымъ даже 12,000. Изъ нихъ 5,500, подъ начальствомъ Кастюрина, «при немъ полковникъ Демолинъ» съ бригадиромъ Капнистомъ (2,000 Слободскихъ казаковъ, 1,500 Волжскихъ калмыковъ, 2,000 казаковъ Серебрякова), имѣя при себѣ 6-ти дневный провіантскій запасъ, должны были направиться къ Велау: «не входя въ городъ, но миновавъ оный, прямо къ Кенигсбергу, по большой дорогѣ слѣдовать; однакожъ не ближе къ опому подходить какъ за милю... въ дѣло съ непріятелемъ не вступать, но по своей легкости, со всею командою, къ главной арміи ретироваться».

Другой отрядъ, подъ начальствомъ Краснощекова, («при немъ инженеръ-капитанъ Муравьевъ»), въ составѣ 2,500 Донскихъ казаковъ, Кампанейскаго полка (1,000), 1.000 Слободскихъ казаковъ и 1,000 разнонародныхъ (5,500), долженъ былъ прикрыть фронтъ арміи и обрекогносцировать позицію у д. Калененъ.

4-ре гусарскихъ полка и Чугуевскій казачій, подъ командою Стоянова, назначались для поддержки Краснощекова.

Тогда же было рѣшено часть «худокопныхъ» отправить на Тильзитъ, Динабургъ и Псковъ, а конскую сбрую (очевидно отъ павшихъ лошадей)—сжечь [55].

Указанному движенію впередъ фронта массы нерегулярной конницы предшествуетъ послѣдняя стычка казаковъ съ прусскими гусарами у Норкитена.

Еще до 7-го августа часть казаковъ занимала окрестности Заалау, Бубайпена и Норкитена, гдѣ ими, между прочимъ, были произведены безпорядки. Одинъ изъ отрядовъ гусаръ Малаховскаго (маіора Жапертъ), бывшій въ Таплакенѣ, получивъ свѣдѣнія о захватѣ казаками Норкитена и о бывшихъ тамъ безпорядкахъ, рѣшился наказать казаковъ. Направленные съ этою цѣлью на Норкитенъ прусскіе гусары легко

сбили передовые казачьи разъѣзды, но вслѣдъ затѣмъ неожиданно были окружены перегулярными и,—подобно тому, какъ и у д. Станейшенъ, — принуждены съ большими потерями пробиваться и въ полномъ безпорядкѣ отступить до Велау [16]. Этимъ дѣломъ казаки окончательно задернули завѣсу впереди стратегическаго фронта дѣйствія, за которою наша армія свободно могла маневрировать въ любомъ направленіи.

Изъ сохранившагося «Описанія положенія мѣстъ, которыя лежатъ подлѣ рѣки Прегель, между Залау и Таплау, сочиненное для изъясненія карты» и «Описанія Алленбургской экспедиціи» [57], составленныхъ полковникомъ Демолинымъ, донесенія Апраксина отъ 15-го августа и постановленія военнаго совѣта 12-го августа [58], мы видимъ слѣдующіе результаты дѣйствія конныхъ отрядовъ Кастюрина и Краснощекова.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при рекогносцировкахъ какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегахъ р. Прегеля, былъ полковникъ Демолинъ (и его помощникъ капитанъ Фелькерзамъ), рекогносцировка котораго имѣла весьма важное значеніе.

Оба эти офицера съ 10-тью гусарами, «которыхъ нарочно взялъ,—оговариваетъ Демолинъ,—для развѣдыванія деревень, лѣсовъ, болотъ и всего, что надлежало примѣнить для отвращенія непріятельскихъ намѣреній и наконецъ для изобрѣтенія способа какимъ образомъ тайно до лагеря, лежащаго при Таплакѣ приблизиться дабы о томъ непріятель, прежде прихода не извѣстился», первопачально ознакомились съ мѣстностью и расположеніемъ непріятеля на правомъ берегу р. Прегеля.

Въ Таплакенъ (конечный пунктъ рекогносцировки) Демолину не удалось пробраться. Непріятель сильно и прочно занималъ окрестности д. Калепенъ; вооруженные же жители

вполнѣ владѣли лѣсами у д. Плишкенъ (часть нынѣшнихъ Друскеникскихъ лѣсовъ) и Куклаикенскимъ лѣсомъ, что обезпечивало фланги позиціи Пруссаковъ и препятствовало проникнуть къ Таплакену.

Демолинъ, усилившись отрядомъ казаковъ и гусаръ Стоянова, направилъ 500 казаковъ въ видѣ демонстрирующаго отряда на д. Плибишкенъ, «гусаръ въ правую сторону, въ лѣсъ къ д. Плишкену, приказавъ имъ не вступать ни въ какія дѣйствія», а самъ, съ 10 гусарами, въѣхалъ «на пригорокъ, который окружалъ весь фонъ лагеря при Каленепѣ». «По расположенію редантовъ» и «пригоркамъ» Демолинъ заключилъ, что мѣстность была «пространна, чтобы на ней до 16,000 человѣкъ двѣ линіи построить можно». Кромѣ того, непріятель имѣлъ возможность: «открывъ издали наши диспозиціи и свои по онымъ учредить». Лѣвое же ихъ крыло прикрывалъ Плишкинскій лѣсъ, наполненный мужиками, «которые, переходя скрытно къ Якобсдорфу и Вангекену, не оставили бы препятствовать нашему намѣренію и раздѣлять наши силы нападеніемъ сзади». Демолинъ полагалъ, что «прусскіе мужики» легко могли быть подкрѣплены «резервнымъ корпусомъ», чтобы удержать наши перегулярныя войска «къ добычѣ, къ чему уже нѣсколько времени оказывали желаніе и въ отвращеніе чего пруссаки принуждены были переносить съ мѣста на мѣсто приданое своихъ дочерей, скитающихся по лѣсамъ».

Наши гусары вообще не проникали въ глубь лѣса (какъ имъ и было указано), но захватили одного изъ вооруженныхъ крестьянъ, который объявилъ, что «жители всѣхъ найденныхъ пустынныхъ мѣстъ туда (т. е. нынѣшній Друскеникскій, названный въ донесеніи Плишкинскій лѣсъ) ретировались, приявъ твердое намѣреніе пользоваться всѣми случаями способностью къ награжденію убытковъ причиняемыхъ войною».

Лѣсъ, простирающійся вдоль по Прегелю до д. Куглакепъ, былъ занятъ такимъ образомъ, что «сквозь его безъ знатнаго урона пройти было невозможно».

Демолинъ пытался также «совсѣмъ обойти Илишкинскій лѣсъ съ другой стороны выше д. Илишкепа, но все открытое мѣсто болотомъ наполнено было чѣмъ непріятель отъ диверсіи находился въ безопасности и единственно только заботился объ оборонѣ фронта».

Разбирая подступы къ позиціи пруссаковъ у Калепепъ-Илишкепъ: «какимъ образомъ подойти надлежало и означенныя трудности преодолѣть», Демолинъ указывалъ, прежде всего, на «долину между Форингеромъ (?) и Кикеришки (т. е. Кекоришкепъ, ясно, слѣдовательно, что рѣчь шла о долинѣ р. Ауервисепъ)», которую характеризуетъ какъ «дѣйствительное непроходимое болото». Касаясь значенія командованія непріятельскаго расположенія надъ дорогами, по которымъ русскіе должны были слѣдовать *), Демолинъ заключилъ, что при этихъ обстоятельствахъ намъ не оставалось больше ничего, «какъ только проходить идущею дорогою отъ д. Вартена къ д. Плибишкену до самой вершины горы, которая командовала лугами и оттуда строиться подъ пушками непріятеля, примыкая нашъ правый флангъ къ занятому уже отъ непріятеля лѣсу. По сему заключить можно въ какія опаснѣйшія послѣдствія насъ непріятельскія учрежденія ввергали бы».

Судя по даннымъ рукописнаго журнала военныхъ дѣйствій, попытки Стоянова и Краспощекова 9-го и 10-го августа обойти правый и лѣвый фланги позиціи пруссаковъ у Кале-

*) Относительно дорогъ сказано въ рукописи не вполнѣ ясно: «Дороги, проходящія черезъ буераки и пригорки, съ дорогою же, которая у насъ въ сторонѣ превышала нижнюю до 20-ти футовъ. Сіе примѣчаніе безъ сомнѣнія довольно доказываетъ, сколь велика была опасность преодолѣть помянутыя препятствія и искусствомъ и храбростью нашихъ войскъ въ виду непріятеля; но только какихъ слѣдствій изъ такой отважности ожидать можно?»

нена, вслѣдствіе сильнаго занятія этихъ лѣсовъ—не удались. Краснощековъ сжегъ только д. Илишкенъ [59], но далѣе линіи р. Пехпе—не продвигался; да, по всѣмъ даннымъ—это было и невозможно безъ боя съ главными силами Левальда.

Лѣвый конный отрядъ Кастюрина напротивъ имѣлъ совершенно свободный доступъ даже къ Кенигсбергу.

8-го августа Кастюринъ сосредоточилъ свой отрядъ у Норкитена и затѣмъ черезъ Астравишкинскій лѣсъ направился на Мульдшенъ къ Алленбургу *). На пути къ нему примкнули тотъ же Демолинъ съ Фелькерзамомъ, окончившіе рекогносцировку на правомъ берегу. 11-го августа Алленбургъ былъ занятъ отрядомъ Кастюрина, но далѣе начальникъ отряда не рѣшился идти.

Демолинъ категорически обвиняетъ въ этомъ Кастюрина, который, «оробѣвъ, ретировался въ самой скорости со своимъ корпусомъ, состоящимъ изъ 5500 казаковъ и калмыковъ». Демолинъ лично съ 10-ю офицерами и легкимъ конвоемъ переправился на лѣвый берегъ Алле; при чемъ тогда же имъ было указано нѣсколько чрезвычайно важныхъ цѣлей и вполнѣ посильныхъ для казачьяго отряда. Кастюринъ напр. даже «не старался зажечь Велаускихъ магазиновъ, ниже подъѣхать къ Кенигсбергу, дабы потревожить и привесть непріятеля въ страхъ **) и принудить его оставить всѣ полезныя мѣста для подаянія помощи сему столичному городу черезъ что открылась коммуникація съ Куришъ-гафомъ и притомъ сдѣлать способъ въ привозѣ къ арміи всѣхъ потребностей, которыхъ уже вся армія недостатокъ имѣла; или-бъ по крайней мѣрѣ имѣла надежду завладѣть Кенигсбергомъ и Фридрихсбургомъ, что наградило уже-бы...» ихъ лишенія.

---

*) См. схему № 3.

**) Очевидно Демолинъ не зналъ, что и безъ того въ Кенигсбергѣ царствовала подлая паника.

Въ заключеніе Демолинъ указываетъ, что именно Кастюринъ принудилъ и его «слѣдовать за собою, не учиня ни одного выстрѣла».

При возвращеніи Демолинъ, «осматривая только мѣстоположеніе въ проѣздѣ, которое и нашелъ довольно изобильнымъ для содержанія арміи цѣлый мѣсяцъ, если только провіантъ и фуражъ съ распорядкомъ употребляемъ будетъ». «По возвращеніи моемъ въ Валау (доноситъ дальше Демолинъ), отрепортовалъ я генералъ-фельдмаршалу обо всемъ съ точнѣйшимъ обстоятельствомъ, о чемъ засвидѣтельствуютъ и всѣ старшины казацкіе и притомъ 10-ть человѣкъ офицеровъ, которые въ сію экспедицію охотно со мною ѣздили».

Въ ожиданіи результатовъ рекогносцировокъ русская армія 6-го августа заняла д. Стеркенигенъ. 7-го августа отрядъ Фермора прибылъ въ Георгенбургъ, 8-го въ Стеркенигенъ и 9-го числа вся армія продолжала движеніе на Заалау [60]. Въ этотъ послѣдній пунктъ прибылъ и Кастюринъ послѣ неудачной рекогносцировки 10-го іюля.

7-го августа было объявлено новое подраздѣленіе русской арміи, остававшееся уже безъ измѣненія до Гр. Егерсдорфскаго боя.

Армія раздѣлялась на авангардъ и три дивизіи.

Авангардъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Сибильскаго (при немъ генералы: Матвѣй Ливенъ, Шилингинъ, бригадиры Демику и Бергъ), былъ въ составѣ выборныхъ эскадроновъ трехъ конно-гренадерскихъ полковъ (Каргопольскаго, Нарвскаго и Рязанскаго) и 5-ти пѣхот. полковъ *) —(9-ть эскадроновъ, 15-ть баталіоновъ,—около 12,000).

1-я дивизія Фермора (при немъ генералы: Юрій Ливенъ, Иванъ Салтыковъ, принцъ Любомирскій, графъ Румянцевъ,

*) Псковскаго, Апшеронскаго, Архангелогородскаго, Бутырскаго и Бѣлозерскаго.

Резановъ, Иванъ Бауманъ и бригадиръ Гартвисъ) была въ составѣ 2-хъ кирасирскихъ *) выборныхъ, эскадроновъ 2-хъ конно-гренадерскихъ *), 3-хъ гусарскихъ **), Чугуевскаго казачьяго и 8-ми пѣхотныхъ ***. Къ этой же дивизіи причисленъ Краснощековъ съ казаками, бывшими подъ его командою; всего въ дивизіи было до 22,000.

2-я дивизія генерала Лопухина (генералы: фонъ-Вертенъ, Иванъ Зыбинъ, Хомяковъ, Загряжскій, Вильбуа, князь Василій Долгорукій и бригадиръ Племянниковъ) была въ составѣ: выборныхъ эскадроновъ двухъ кирасирскихъ и двухъ драгунскихъ, 1-го гусарскаго ****) и 9-ти пѣхотныхъ полковъ *****). Къ этой же дивизіи причислялись: Донскіе казаки—Машлыкина, Грекова, Поздѣева полки; всего до 25,000.

3-я дивизія—генерала Броуна (при немъ князь Голицынъ, Иванъ Цеге-Мантейфель, Леонтьевъ, Андрей Цеге-Мантейфель и бригадиръ Диць), въ составѣ 1-го кирасирскаго, двухъ драгунскихъ, одного гусарскаго и 8-ми пѣхотныхъ полковъ—до 21,000 ******).

Не вошли въ общее распредѣленіе: 1) Каннистъ со Слободскими казаками, 2) полки Серебрякова, 3) Кампанейскій казачій полкъ и 4) Волжскіе калмыки, —до 9,000.

Указанная численность взята по штатному составу и, безъ большой погрѣшности, можетъ быть уменьшена на поло-

---

*) Его императорскаго высочества и 3-го.

**) Рижскаго и С.-Петербургскаго и гусарскихъ: Сербскаго Хорватскаго и Венгерскаго.

***) 1-го грен. Воронежскаго, Новгородскаго, Троицкаго, Вятскаго, Нижегородскаго, Черниговскаго и Муромскаго.

****) Кіевскій, Новотроицкій кирасирскіе: Тобольскій и Архангелогородскій драгунскіе; Грузинскій гусарскій.

*****) 2-й грен. С.-Петербургскій, 2-й Московскій, Шлиссельбургскій, Кіевскій, Выборгскій, Казанскій, Нарвскій и Ростовскій.

******) 3-й гренадерскій, Лодожскій, Невскій, Сибирскій, Вологодскій, Азовскій, Угличскій и Суздальскій мушкетерскіе; Казанскій кирасирскій, Тверской, Нижегородскій драгунскіе и Молдавскій гусарскій.

вину, т. е. всего было вполнѣ годныхъ къ бою не болѣе 50—55 тыс. (не считая рекрутовъ).

Подготовка прусскими войсками ряда оборонительныхъ позицій между рр. Нехне и Деймою (что выяснено Демолинымъ), неспокойное состояніе края, сильное занятіе береговъ Куришъ-гафа (что выяснилось изъ рекогносцировокъ вооруженной флотиліи въ половинѣ августа) и крайне боязливое пользованіе регулярными войсками, рѣшительно повліяло на рѣшеніе Апраксина перемѣнить операціонную линію Ковно-Заалау-Таніава, на Гродно-Алленбургъ-Кенигсбергъ.

12-го августа военный совѣтъ принялъ слѣдующее рѣшеніе: «За лѣсными, болотными, гористыми бояраками и рвами, наполненными мѣстами, чрезъ которые проходы трудно тѣсно нюко сказать непроходимы... паче же потому, что непріятель всѣ сіи дефиліи до самаго главнаго лагеря у Велау дѣйствительно пѣхотою занялъ и пушками заставилъ, чему не только бывшіе при тѣхъ партіяхъ, нарочно отправленные инженерные офицеры (Демолинъ, Муравьевъ и Гербель) самовидцы были, но и прибывшей сего дня гренадерскаго (прусскаго) баталіона маіора фонъ-Іонсонъ дезертиръ всесходственно подтвердилъ»,—а потому (военный совѣтъ рѣшилъ) тогда же переправиться черезъ Прегель и слѣдовать на Алленбургъ къ Кенигсбергу. Рѣшено перемѣнить операціонную линію на Алленбургъ, «не взирая на то, что сей вновь избранный путь тремя милями далѣе къ Кенигсбергу, чѣмъ прежній на Велау, понеже доставляемая онымъ польза несравненно больше потому, что та сторона фуражемъ достаточнѣе, а непріятель, увидя войско при Алленбургѣ, самъ изъ своего крѣпкаго мѣста выйти и на ровную безъ укрѣпленія ситуацію расположиться принужденъ найдется; а буде не отважится изъ своего лагеря выступить, то войска ея императорскаго величества рѣкою Деймою завладѣютъ и такимъ образомъ всю коммуникацію съ Кенигсбергомъ пресѣкутъ, а свою съ

Мемелемъ возстановить можетъ... или съ тыла атаковать можетъ» [61].

Обращаясь къ оцѣнкѣ рѣшенія воннаго совѣта 12-го августа, а равно и ближайшихъ, предшествующихъ, событій нельзя не замѣтить прежде всего *систематичности* въ дѣйствіяхъ русской главной квартиры.

Стремленіе нашихъ генераловъ дѣйствовать въ зависимости «непріятельскихъ обращеній и положенія земли» (какъ-то указано было еще Петромъ I) развито послѣдовательно и вполнѣ сообразно бывшимъ обстоятельствамъ.

Мы видѣли, что рѣшеніе соединить главную армію съ отрядомъ Фермора обусловливалось: невозможностью скоро достигнуть «свободной коммуникаціи» по Куришъ-гафу, свойствомъ лѣсистой мѣстности на путяхъ Тильзитъ-Лабіава, занятой вооруженными жителями; наконецъ, не менѣе важное, ко дню ожидаемаго рѣшительнаго боя имѣть возможно больший численный перевѣсъ на своей сторонѣ. Это послѣднее обстоятельство, въ виду развитія болѣзней и значительнаго числа рекрутовъ, а равно сильныхъ укрѣпленныхъ позицій непріятеля,—вызывалось дѣйствительною необходимостью.

Затѣмъ, тѣже особенности мѣстности, выяснившіяся по тщательной рекогносцировкѣ, приводятъ нашъ генералитетъ къ весьма смѣлому рѣшенію: къ стратегическому обходу всѣми силами, съ цѣлью заставить непріятеля принять бой при менѣе выгодныхъ для себя условіяхъ, что и достигается въ день Гр. Егерсдорфской побѣды.

Какъ извѣстно, важное значеніе подготовки поля сраженія въ инженерномъ отношеніи состоитъ въ томъ, что обороняющійся (слабѣйшій), искусно оцѣнивая мѣстность и укрѣпляя ее сообразно обстоятельствамъ, подчиняетъ наступающаго (сильнѣйшаго) своей волѣ. Левальдъ находился именно

въ подобныхъ условіяхъ. Подготовивъ рядъ оборонительныхъ позицій между рр. Нехпе и Деймою, прусскій главнокомандующій разсчитывалъ заставить нашу армію форсировать этотъ рядъ позицій; но Апраксинъ движеніемъ на Алленбургъ (что угрожало сообщеніямъ Левальда),—его стратегическій обходъ всѣми силами,—уничтожилъ всѣ эти подготовительныя мѣры: инициатива все-таки осталась за русскими, и прусская армія была вынуждена на бой при невыгодныхъ для нея условіяхъ, что въ концѣ концовъ вліяетъ на пораженіе пруссаковъ подъ Гр. Егерсдорфомъ.

Наконецъ, выбранное Апраксинымъ направленіе операціонной линіи было удобнѣйшимъ въ отношеніи довольствія фуражемъ, что тогда имѣло весьма важное значеніе.

Крайне вялое и нерѣшительное пользованіе русскими массою нерегулярной конницы, коллегіальное обсужденіе вопросовъ въ военныхъ совѣтахъ (при чемъ личность главнокомандующаго какъ бы стушевывается) обращаютъ на себя вниманіе какъ отрицательно поучительныя особенности.

Факты показываютъ, что стратегическія задачи конницы были указаны главною квартирою образцово, т. е. вполнѣ сообразно обстоятельствамъ, смѣло и въ большинствѣ случаевъ опредѣленно. Но это относится до первыхъ цѣлей, указанныхъ Сибильскому, Ливену и Кастюрину; затѣмъ, одновременно со смѣлою постановкою цѣли, мы встрѣчаемъ осторожныя оговорки (наприм. Кастюрину), которыя сдерживаютъ налетъ конницы и въ зародышѣ губятъ рѣшительное дѣло. Наконецъ не было принято въ соображеніе громадное значеніе соотвѣтственнаго выбора начальника конницы.

Принявъ въ соображеніе донесенія Апраксина Конференціи, мы объясняемъ осторожное назначеніе казаковъ просто боязнью послѣдствій народной войны, разоренія края и страха

пресловутой фразы (что часто вредило намъ и впослѣдствіи)— «что скажетъ Европа», въ смыслѣ произведеннаго нами, яко бы, «варварства».

Не смотря на всю осторожность Апраксина, а также на тщательное и аккуратное представленіе объясненій Апраксинымъ Конференціи о каждомъ случаѣ смертной казни мѣстныхъ жителей, Европа (да и отечественные историки) не преминула констатировать фактъ «варварства», во избѣжаніе котораго Апраксинъ именно и не давалъ воли нерегулярныхъ.

Въ коллегіальномъ способѣ рѣшенія стратегическихъ и военно-административныхъ вопросовъ---Апраксина безусловно нельзя винить. Мы видимъ, что даже великій Суворовъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ передъ штурмомъ Измаила: «*по силѣ четвертой на десять главы воинскаго устава*» [62], созываетъ военный совѣтъ. Суворовъ, прославленный побѣдами, пользовавшійся европейскою славою и въ то время расположеніемъ могущественнаго Потемкина, и тотъ, какъ мы видимъ, прибѣгаетъ къ соблюденію *этой статьи закона,* что важно было (какъ говорятъ) между прочимъ для передачи своей воли подчиненнымъ. Но послѣднее онъ могъ сдѣлать и не собирая военнаго совѣта.

Хотя взятіе Измаила мы не равняемъ съ Гр. Егерсдорфомъ, и дѣйствія Апраксина не могутъ быть сопоставляемы съ дѣйствіями Суворова, но обстоятельства, въ которыхъ находился Апраксинъ, нѣтъ сомнѣнія, были хуже, чѣмъ Суворова при Измаилѣ. Суворову приходилось имѣть дѣло, только съ Потемкинымъ, вполнѣ ему довѣрявшимъ. Апраксинъ же былъ лишь агентомъ Конференціи и цѣлаго дипломатическаго отдѣла Петербургскаго кабинета, съ которымъ ему приходилось сводить счеты. Если же и при двухнедѣльныхъ военныхъ совѣтахъ Апраксинъ такъ и остался подъ сильнымъ подозрѣніемъ какъ «измѣнникъ», то интересно знать, до какихъ предѣловъ

дошло бы обвиненіе, если бы онъ не исполнилъ столь опредѣленно формулированнаго требованія, строго проведеннаго въ «четвертой на десять главѣ»: «генералъ своею собственною волею ничего важнаго не начинаетъ безъ имѣвшаго напередъ военнаго совѣту».

ГЛАВА VII.

Перемѣна арміею Апраксина операціонной линіи на Алленбургъ.—Переправа у Норкитена.—Переходъ Левальда въ наступленіе и занятіе Пушдорфа.—Рекогносцировка прусской конницы подъ начальствомъ Шорлемера, 18-го августа —Основанія, принятыя прусскою главною квартирою для составленія плана сраженія.—Описаніе мѣстности на лѣвомъ берегу рѣки Прегели, между ручьемъ Ауксинъ и рѣкою Алле.—Оцѣнка особенностей мѣстности поля сраженія, вліявшихъ на дѣйствія русскихъ и прусскихъ войскъ.—Приказаніе Апраксина 18-го августа, вечеромъ («приказъ при паролѣ»).—Распредѣленіе войскъ для слѣдованія изъ Норкитена въ Алленбургъ.—Положеніе нашей арміи къ 4-мъ часамъ утра 19-го августа.—Атака лѣваго фланга нашей арміи конницею принца Голштинскаго.—Отраженіе этой атаки 2-мъ Московскимъ (нынѣ 65-мъ пѣхотнымъ Московскимъ) полкомъ.—Приказаніе главнокомандующаго русскою арміею для отраженія удара.—Бой въ центрѣ.—Порядокъ построенія 2-й дивизіи Лопухина впереди «серпообразнаго» лѣса.—Обходъ праваго фланга 2-го гренадерскаго полка 1-ю линіею графа Дона.—Отступленіе праваго фланга нашего центра.—Переходъ резервной бригады Румянцева въ наступленіе.—Отступленіе 1-й линіи прусской арміи.—Бой на правомъ флангѣ русской арміи.—Атака прусской конницы Шорлемера.—Отраженіе этой атаки Языковымъ и 3-ю дивизіею Броуна.—Атака конницы принца Голштинскаго авангарда Сибильскаго.—Отраженіе этой атаки.—Отступленіе Левальда.—Потери.—Критическая оцѣнка дѣйствій обѣихъ сторонъ съ 14-го по 19-е августа включительно.—Занятіе Апраксинымъ Алленбурга.—Рѣшеніе военнаго совѣта 27-го августа отступить къ Тильзиту.—Причина стратегической неудачи.—Общее заключеніе.

Движеніе русской арміи отъ Заалау на Алленбургъ (стратегическій обходъ всѣми силами) принадлежитъ къ числу трудныхъ и опасныхъ маршей-маневровъ. Арміи, подъ начальствомъ Апраксина, приходилось сперва исполнить отсту-

пательную переправу черезъ р. Прегель (у д. Симоненъ) и затѣмъ, фланговымъ маршемъ, въ сферѣ ближайшаго соприкосновенія съ непріятелемъ,—занять Алленбургъ. При этомъ главнокомандующій временно отказывался отъ своихъ сообщеній съ Ковно-Олитою, такъ что въ случаѣ неуспѣха армія могла свободно отступить только въ Гродно.

13-го августа (т. е. на слѣдующій же день послѣ постановленія военнаго совѣта о слѣдованіи арміи на Алленбургъ), по приказанію главнокомандующаго, приступили къ устройству мостовъ у д. Симоненъ *); на другой же день авангардъ Сибильскаго перешелъ на лѣвый берегъ р. Прегеля и занялъ высоты у д. Норкитена. 15-го числа переправилась 2-я дивизія Лопухина, а на прежней позиціи (на правомъ берегу р. Прегеля) временно оставались 1-я и 3-я дивизія (Фермора и Броуна). Эти послѣднія войска прикрывались особымъ авангардомъ (съ 14-го числа обратившагося въ арріергардъ), подъ начальствомъ Панина, въ составъ котораго входили въ значительномъ числѣ нерегулярныя войска **).

Въ то время, когда русская армія начала подаваться по частямъ къ лѣвому флангу, Левальдъ, 14-го же августа, оставилъ Таплакенъ и сосредоточилъ всѣ свои силы къ Вилькендорфу ***), т. е. передвинулся въ противоположную сторону, къ своему лѣвому флангу. Вмѣстѣ съ тѣмъ 15-го августа, для рекогносцировки русскихъ на ихъ позиціяхъ у Плибишкенъ-Заалау, онъ выслалъ конницу (Капица и Рюша,—всего до 5—6 тыс.), подкрѣпивъ ее гренадерскими баталіонами.

Первоначально дѣйствія прусской конницы были успѣшны, но затѣмъ наши нерегулярныя войска отбросили Капица и Рюша съ урономъ. Лихое и вполнѣ удачное дѣйствіе нашихъ

---

*) Къ 7-му августа всѣхъ мостовъ было шесть.

**) Точно составъ ихъ неизвѣстенъ.

***) См. схему № 4.

казаковъ и гусаръ въ этомъ дѣлѣ (детали его неизвѣстны) не можетъ быть оспариваемо [2]. Далѣе окрестностей д. Плибишкена прусская конница не могла проникнуть [3], а главное эта рекогносцировка не выяснила, что значительная часть нашихъ войскъ уже перешла на лѣвый берегъ р. Прегеля. Если бы Левальду было извѣстно настоящее положеніе нашей арміи (раздѣленной рѣкою) то, само собою слѣдуетъ, прусскій главнокомандующій не пропустилъ бы случая атаковать часть нашей арміи, бывшей на правомъ берегу р. Прегеля, и попытаться подвергнуть ее пораженію по частямъ, и, нельзя не признать, съ громаднымъ шансомъ на успѣхъ.

1-я и 3-я дивизіи арміи Апраксина оставались на правомъ берегу р. Прегеля 16-го числа и только на другой день, оставивъ на правомъ берегу слабый арріергардъ Панина и часть нерегулярныхъ,—перешли на лѣвый берегъ и расположились въ окрестностяхъ д. Норкитена вмѣстѣ со 2-ю дивизіею.

Только къ 17-му числу Левальдъ убѣдился въ переходѣ нашей арміи на лѣвый берегъ Прегеля, что и обнаружило обходъ.

Вполнѣ вѣрно оцѣнивъ бывшую обстановку, прусскій главнокомандующій тотчасъ же рѣшился оставить рядъ укрѣпленныхъ позицій на правомъ берегу р. Прегеля и, перейдя на лѣвый берегъ, атаковать русскихъ.

Для маскированія своего движенія Левальдъ 17-го числа произвелъ демонстративное наступленіе части своихъ силъ къ Заалау (что произвело тревогу въ главной русской арміи у Норкитена *), а всѣ силы его перешли черезъ рѣку по пон-

*) Очевидецъ (Болотовъ) разсказываетъ при этомъ интересный эпизодъ изъ дѣйствія горстя калмыковъ. «Усмотрѣвъ человѣкъ 20-ть прусскихъ гусаръ, удалившихся отъ прочихъ, 7-мь калмыковъ (говоритъ Болотовъ), переплывъ нагіе и безъ сѣделъ съ одними только дротиками, ударили они съ такою на нихъ жестокостью, что обратили ихъ въ бѣгство, гнали до самаго стана: трехъ убили, одного въ полонъ взяли» [4].

тоннымъ мостамъ у д. Піатена. Къ вечеру 17-го числа прусская армія расположилась по обѣ стороны д. Пушдорфа (за Норкитенскимъ лѣсомъ), верстахъ въ 7—8 отъ нашихъ войскъ, занявъ выходы изъ этого лѣса на Гр. Егерсдорфское поле сильными пикетами.

Переходъ арміи Левальда въ наступленіе былъ совершенною неожиданностью. Вся цѣль русской главной квартиры была: «выжать Левальда изъ крѣпкихъ мѣстъ», а на добровольное и столь рѣшительное оставленіе имъ укрѣпленныхъ позицій никто не разсчитывалъ. Густой непроходимый лѣсъ и занятые прусскими войсками проходы лишали возможности узнать дѣйствительныя силы непріятеля, появившіяся на лѣвомъ берегу рѣки Прегеля.

Дабы составить себѣ понятіе о расположеніи русскихъ войскъ у Норкитена, Левальдъ рѣшилъ произвести усиленную рекогносцировку почти всею, бывшею у него, конницею.

Съ разсвѣтомъ 18-го числа конница, подъ общимъ начальствомъ Шорлемера, въ составѣ 10-ти эскадроннаго драгунскаго Шорлемера полка; полковъ Платена и принца Голштинскаго 20-ти эскадроновъ гусаръ (всего 40 эскадроновъ), направилась по двумъ лѣснымъ дорогамъ къ окрестностямъ Гр. Егерсдорфа. Конницу поддерживали прусскіе гренадеры, занявшіе выходы изъ лѣса, и 8-мь полковъ пѣхоты подъ начальствомъ гр. Дона. Остальныя части прусской арміи были въ боевой готовности за Норкитенскимъ лѣсомъ.

Наступленіе прусской конницы вызвало по тревогѣ всю русскую армію на позицію. Подавляющая масса конницы Шорлемера безъ затрудненія сбила высланную, слабую конницу русскихъ (бывшую въ авангардѣ и на передовой службѣ), и позиція нашихъ войскъ впереди (тыломъ) къ лѣсу (между р. Прегелемъ и руч. Ауксинъ) вполнѣ обнаружилась.

Довольствуясь крайне поверхностно добытыми данными *), Шорлемеръ отступилъ обратно къ Пушдорфу, а русская армія, простоявъ на позиціи значительное время,—тоже самое отошла на прежнее лагерное мѣсто за лѣсъ, что существенно измѣнило расположеніе нашихъ войскъ, а слѣдовательно въ основаніяхъ измѣнило и данныя, добытыя рекогносцировкою Шорлемера, которыя служили Левальду, не болѣе ни менѣе, какъ основаніемъ для плана сраженія.

Въ Прусской главной квартирѣ было рѣшено 19-го числа съ разсвѣтомъ атаковать нашу армію. Данными для составленія плана предстоящаго сраженія были приняты кромѣ свѣдѣній о мѣстности и непріятелѣ, доставленныхъ Шорлемеромъ 18-го числа, также и особенности боевого порядка, строя и образа дѣйствій нашихъ войскъ въ бою.

Въ Прусской главной квартирѣ полагали, что наша армія занимаетъ позицію отъ окрестностей д. Удербалена до Прегеля. Войска, занимавшія высоту у Зитерфельде (авангардъ Сибильскаго) оставались незамѣченными при рекогносцировкѣ 18-го числа, и этому послѣднему обстоятельству нѣмецкіе писатели придаютъ особо важное значеніе. Какъ увидимъ, это обстоятельство рѣшительно не могло имѣть серьезнаго послѣдствія, такъ какъ авангардъ Сибильскаго ночевалъ за лѣсомъ и высоту у Зитерфельде въ день боя занялъ очень поздно.

Для насъ гораздо большее значеніе имѣютъ тѣ типичныя особенности строя и образа дѣйствія нашихъ войскъ въ бою, которыя были приняты въ соображеніе прусскою главною квартирою, при составленіи плана Гр. Егерсдорфскаго сраже-

*) Нѣмецкіе писатели увѣрены, что если бы Левальдъ 18-го же числа атаковалъ нашу армію, то непремѣнно одержалъ бы побѣду. Съ этимъ нельзя согласиться. Нѣтъ сомнѣнія, что 18-го числа для насъ обстановка была гораздо благопріятнѣе, чѣмъ на другой день,—въ день сраженія. 18-го числа русская армія успѣла построиться, а 19-го выстраивалась по частямъ, вслѣдствіе чего въ самомъ началѣ сраженія образовался между Фермономъ и Лопухинымъ—столь опасный интервалъ. 19-го числа (самое главное) масса обозовъ препятствовала выстраиванію; наканунѣ же обозъ не трогался съ мѣста.

нія. Важно это, во-первыхъ, потому, что въ данномъ случаѣ Левальдъ руководствовался совѣтами самого Фридриха Великаго, во-вторыхъ, потому, что дѣйствительностію боя 19-го августа фактически опровергается приписываемая русской арміи уродливая отсталость въ военномъ дѣлѣ отъ арміи европейскихъ.

Строй и образъ дѣйствій нашихъ войскъ въ бою были переданы Фридриху II Кейтомъ и Винтерфельдомъ, знавшихъ обрядности нашихъ войскъ, но не вникнувшихъ въ реформы Елизаветы, совершенно непонявшихъ духа войскъ и смысла основъ строя, данныхъ еще Петромъ I.

Нашимъ непріятелемъ не принималось въ соображеніе возстановленіе императрицею Елизаветою въ арміи строевыхъ порядковъ ея безсмертнаго отца и самое широкое примѣненіе правилъ Устава Воинскаго *). Фридрихъ II и его совѣтники думали, что въ нашей арміи будутъ практиковаться тѣже порядки, какъ и въ турецкихъ войнахъ, и введенный Минихомъ исковерканный нѣмецкій строй, не замѣчая, что вообще реформы Миниха, какъ чуждое намъ дѣло, не привились на русской почвѣ и не пережили самого Миниха [5].

Мы уже видѣли, что съ самаго начала кампаніи русская главная квартира рѣшила, что «нынѣшняя кампанія не мало съ турецкими быть сравниваемы не можетъ...» [6] это относилось не только до способа довольствія, но и до строя и образа дѣйствія войскъ, основаніями чему служили по прежнему Петровскія начала **).

*) Факты Гр. Егерсдорфскаго боя показываютъ, что и правила, установленныя для службы на передовыхъ постахъ по Уставу Воинскому (разобранному нами въ IV главѣ, «Строевая и Полевая служба русскихъ войскъ» изд. 1883 г.) примѣнялись.

**) По этому вопросу мы встрѣчаемъ наприм. вполнѣ опредѣленное указаніе Суворова въ 12-мъ пун. приказа по войскамъ Крымскаго и Кубанскаго корпусовъ (Петрушевскій, ген. Суворовъ I, стр. 475), гдѣ, между прочимъ, сказано... «Противъ регулярныхъ войскъ (порядки сраженія) линейные, *какъ въ прошлой прусской войнѣ;* противъ иррегулярныхъ, какъ въ прошлой турецкой».

Прусскою главною квартирою были приняты въ соображеніе слѣдующія особенности нашего строя [7]. Полагали, что главнѣйшій маневръ нашихъ войскъ на полѣ сраженія состоитъ въ построеніи громаднаго каре всею арміею въ нѣсколько линій. 1-я линія, по ихъ предположеніямъ, образовывалась изъ лучшихъ войскъ (мушкатерскіе полки въ интервалахъ, между которыми были гренадеры), а фланги боевыхъ линій пѣхоты прикрывались рогатками. Конница раздѣлялась на двѣ части: одна, большая часть, раздѣлившись по ровну, строилась на флангахъ пѣхоты (между регулярными полками будто бы были спѣшенные нерегулярные), другая оставалась въ резервѣ. Артиллерія размѣщалась равномѣрно по фронту.

При этихъ условіяхъ Фридрихъ II совѣтовалъ сбить прежде всего нашу конницу съ фланга и быстрымъ налетомъ на 2-ю линію воспрепятствовать успѣшному выстроиванію глубокаго каре, прорвавъ его до окончанія построенія. Поэтому Фридрихъ безусловно воспрещалъ атаковывать равносильно фронтъ, а напротивъ сосредототочить сперва главные удары на флангъ, что отвѣчало и идеѣ извѣстнаго его косвеннаго боевого порядка

Примѣненіе указаній Фридриха II мы и встрѣчаемъ въ планѣ сраженія, составленномъ прусскою главною квартирою 18-го августа [8].

Первый ударъ было рѣшено нанести лѣвому флангу русскихъ войскъ. Для этого былъ назначенъ правый флангъ прусскаго боевого порядка подъ начальствомъ принца Гольштинскаго, (въ составѣ драгунскаго его же имени полка и пяти эскадроновъ черныхъ гусаръ Рюша, всего 10-ть э—въ) при этомъ отрядѣ было 18-ть орудій полевой артиллеріи.

Принцъ Голштинскій имѣлъ назначеніе атаковать лѣвый флангъ нашего боевого порядка и дѣйствіемъ во флангъ 2-й линіи облегчить войскамъ своего центра главный ударъ.

Для этого послѣдняго назначалась 1-я прусская линія, подъ командою графа Дона, въ составѣ пяти пѣхотныхъ полковъ (Левальда, Кальнейна, Бѣлова, Каница и Дона) и двухъ б—въ гренадеръ (Гора и Поленца); всего 12-ть б—въ. Лѣвый флангъ прусскихъ войскъ, подъ начальствомъ Шорлемера, въ составѣ трехъ драгунскихъ полковъ (Шорлемера, Платена и Плетенберга), всего 20-ть э—въ, должны были вступить въ дѣло послѣдними, и довершить ударъ, атакуя правый флангъ нашихъ войскъ.

Для поддержки 1-й линіи назначались войска 2-й линіи подъ командою генерала Кальнейна. На правомъ флангѣ 5-ть э—въ черныхъ гусаръ были поддержкою конницы принца Голштинскаго; въ центрѣ—пѣхота 2-й линіи: два гарнизонныхъ полка (Сидова и Мантейфеля) и два гренадерскихъ баталіона, всего 10-ть б—въ; на лѣвомъ флангѣ конницу 1-й линіи поддерживали—подъ начальствомъ Финкенштейна—драгуны (его имени) и гусары (Малаховскаго), всего 15-ть э—въ. Всего прусская армія имѣла въ строю: 22 б—на и 50 э—въ, при 64 орудіяхъ (изъ нихъ 20-ть орудій большаго калибра),—всего до 23—24 тыс. человѣкъ [9].

Этой арміи русскіе могли противоставить по числу частей: 90 б—въ, 42 э—на и 10—12 тыс. нерегулярныхъ,—всего вполнѣ годныхъ къ бою до 55,000 человѣкъ.

По распоряженію прусской главной квартиры мосты у д. Піатена были укрѣплены, а также были приняты мѣры на случай отступленія на Велау. Обозъ и часть ранцевъ отправлены на правый берегъ р. Прегеля. Воодушевленіе прусскихъ войскъ и увѣренность въ побѣдѣ не оставляли желать лучшаго.

Для отчетливаго пониманія самаго боя и его послѣдствій намъ необходимо разсмотрѣть особенности мѣстности всего раіона на лѣвомъ берегу р. Прегеля около Гр. Егерсдорфа *). Границами этого раіона будутъ: на сѣверѣ р.

*) См. схему № 4 и планъ № 4.

Прегель отъ Велау до д. Симонень, на югѣ сѣверная окраина Астравишкинскаго лѣса, вдоль которой проходитъ дорога отъ Норкитена на Зитерфельдъ, Клейнъ-Егерсдорфъ, Ешенбрукъ, Клейнъ-Нуръ; на востокѣ р. Ауксинъ и на западѣ р. Алле, отъ К.-Нура до Велау.

Пространство восточнѣе д. Пушдорфъ перерѣзывается «Норкитенскимъ лѣсомъ», близко подходящимъ на югѣ къ сѣверной окраинѣ «Астравишкинскаго» лѣса. Западнѣе Норкитенскаго лѣса, въ направленіи къ р. Алле, мѣстность имѣла тоже лѣсистый характеръ (нынѣ Велаускій лѣсъ), оставляя болѣе или менѣе открытую площадь у Пушдорфа, гдѣ сосредоточилась армія Левальда. Восточнѣе же Норкитенскаго лѣса (между лѣсомъ и р. Ауксинъ) образовалось другое открытое пространство, служившее полемъ сраженія 19-го августа.

Ручей Ауксинъ, ограничивавшій поле сраженія съ востока, хотя въ бродъ и проходимъ, но, протекая въ крутыхъ и болотистыхъ берегахъ до с. Норкитена, препятствуетъ движенію войскъ. На высотѣ с. Удербаленъ помянутый ручей измѣняетъ свое теченіе, подъ прямымъ угломъ, на сѣверо-восточное и впадаетъ въ р. Прегель недалеко отъ д. Симонень.

Въ углѣ, между руч. Ауксинъ и р. Прегелемъ, былъ небольшой болотистый лѣсъ, имѣвшій западную опушку въ формѣ полукруга (поэтому и названный нѣкоторыми серпообразнымъ), проходимый,—по свѣдѣніямъ, бывшимъ въ русской арміи до боя,—только по двумъ дорогамъ. Одна изъ нихъ шла отъ Норкитена на Гр. Егерсдорфъ и далѣе на Алленбургъ, другая—на Зитерфельде, Клейнъ-Егерсдорфъ и тоже на Алленбургъ. Отъ первой изъ этихъ дорогъ отдѣлялась вѣтвь на Куткейнъ къ Пушдорфу.

Между лѣсомъ (серпообразнымъ) и р. Ауксинъ оставалась площадь, гдѣ и были расположены лагеремъ регулярныя войска арміи Апраксина съ 15-го по 19-е августа; нерегулярныя бивакировали на правомъ берегу р. Ауксинъ.

Ферморъ и др. считали выбранное лагерно-бивачное мѣсто «авантажнымъ» [10], и нельзя не признать, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ лагерно-бивачное мѣсто не оставляло желать лучшаго. Конница и вообще небольшіе отряды непріятеля не имѣли доступа къ русскимъ войскамъ, расположеннымъ на отдыхѣ (такъ какъ выходы изъ лѣса, прикрывавшаго расположеніе, были сильно заняты), и вообще армія была скрыта отъ взоровъ непріятеля. При всемъ томъ, въ случаѣ необходимости принять бой, особенности мѣстности могли вліять на полное пораженіе русскихъ; а именно, доступъ на позицію былъ возможенъ лишь по двумъ дорогамъ, что затрудняло выстраиваніе по тревогѣ и, кромѣ того, болотистый лѣсъ (серпообразный) въ тылу позиціи лишалъ возможности отступить въ какомъ-либо порядкѣ. Но дѣло въ томъ, что на генеральное сраженіе въ русской главной квартирѣ никто не разсчитывалъ, а потому помянутыя неудобства и не были приняты въ соображеніе.

Самое поле сраженія имѣетъ видъ холмистой возвышенности, окруженной со всѣхъ сторонъ естественными преградами: съ сѣвера р. Прегелемъ, а съ востока, юга и запада лѣсами, проходимыми лишь по широкимъ (колоннымъ) дорогамъ и р. Ауксинъ.

Норкитенскій и южный (значительный и нынѣ) Астравишкинскій лѣса при нѣкоторыхъ условіяхъ могли способствовать маневрированію нашей арміи. Подъ прикрытіемъ этихъ лѣсовъ армія могла скрытно двинуться отъ Норкитена къ Алленбургу; Норкитенскій же лѣсъ вполнѣ обезпечивалъ и развертываніе русскихъ на Гр. Егерсдорфскомъ полѣ.

Для того, чтобы воспользоваться помянутыми выгодами лѣсовъ, было необходимо сильное занятіе пунктовъ, вліявшихъ на оборону западной окраины Норкитенскаго лѣса, т. е. Пушдорфа и Бюргерсдорфа. Занятіе этихъ пунктовъ предупреждало возможность скрытно сосредоточиться непріятелю

за лѣсомъ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашей арміи, и въ этомъ случаѣ необходимо было только предположить возможность перехода Левальда въ наступленіе, что въ русской главной квартирѣ считали невѣроятнымъ.

Возвышенности поля сраженія доставляли намъ нѣкоторыя удобства. Одна изъ высотъ—восточнѣе д. Мечулина командовала ближайшею окрестностію и доставляла полное удобство артиллеріи, расположенной на этой высотѣ, обстрѣливать подступы къ выходу изъ серпообразнаго лѣса (по сѣверной дорогѣ—изъ Норкитена въ Гр. Егерсдорфъ). Подобная же высота была въ головѣ южнаго выхода, а также весьма важная высота у д. Зитерфельде, удобная для обстрѣливанія фланговымъ огнемъ подступовъ съ запада къ лѣсу, который прикрывалъ бивакъ нашей арміи.

Такимъ образомъ расположеніе высотъ предоставляло полное удобство для дѣйствія нашей артиллеріи. Наступающій съ запада могъ (однако) скрытно и съ наименьшими потерями проникнуть къ лѣску, впереди Норкитена (серпообразному) широкою лощиною между Гр. Егерсдорфомъ и Удербаленомъ, подходящею какъ разъ къ опушкѣ. Мѣстность между Зитерфельде и Удербаленъ была покрыта кустарникомъ, считавшимся также непроходимымъ, по причинѣ болотистой почвы этой мѣстности.

Населенные пункты, находившіеся на полѣ сраженія, при бывшихъ тогда линейныхъ боевыхъ порядкахъ, служили больше препятствіемъ для дѣйствія войскъ, чѣмъ средствомъ способствующимъ веденію оборонительнаго боя. Этимъ и объясняется, что многіе изъ нихъ (Гр. Егерсдорфъ и Даупелькенъ) были сожжены еще до боя, а Удербаленъ и Мечулинъ зажжены во время боя.

Указанныя нами особенности мѣстности поля сраженія, въ общемъ выводѣ, должны были вліять на ходъ дѣйствія слѣдующимъ образомъ:

1) Норкитенскій лѣсъ способствовалъ скрытному приближенію непріятеля съ запада къ нашему расположенію у д. Норкитена, что было крайне опасно, въ виду помянутаго неудобства боевой позиціи, отдѣленной отъ бивака преградою, проходимою только по двумъ дорогамъ.

2) По этому послѣднему обстоятельству, а также по весьма невыгодному положенію бивака (бывшему въ мѣшкѣ между рр. Прегелемъ и Аукспиъ), стратегическое значеніе имѣлъ сѣверный проходъ между лѣскомъ и р. Прегелемъ. Ударивъ превосходными силами на нашъ правый флангъ и захвативъ д. Норкитенъ, русская армія лишалась путей отступленія и на Пистербургъ, и къ мостамъ, находившимся около д. Симонепъ; короче—была бы приперта къ серпообразному лѣсу и къ р. Аукспиъ.

3) Дѣйствіе пруссаковъ главными силами на нашъ правый флангъ (Мечулинъ) имѣло за собою значительныя выгоды и въ тактическомъ отношеніи. При наступленіи пруссаковъ на лѣвый флангъ арміи Апраксина должны были рѣшительно вліять на исходъ дѣла наши войска, занимавшія высоту у Зитерфельде, такъ какъ послѣдняя предоставляла полное удобство дѣйствія во флангъ пруссаковъ *). Наступая же главными силами на д. Мечулинъ и оттуда на д. Норкитенъ, войска, занимающія высоту у Зитерфельде,—по отдаленности ихъ отъ праваго фланга (болѣе 3-хъ верстъ),—не могли оказать вліянія на ходъ главной атаки пруссаковъ. Вообще, высота около Мечулина была и стратегическій и тактическій ключъ позиціи (послѣднее—по удобству обороны окраины лѣса); высота же у Зитерфельде только тактическій ключъ позиціи.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что Норкитенскій и Велаускій лѣса, во все время предполагаемаго фланговаго

*) Хотя этихъ войскъ пруссаки не замѣтили, но высота (у Зитерфельде) не могла оставаться незамѣченною; ее же всегда могли занять русскіе.

марша, предоставляли полное удобство прусской арміи «съ зади и съ правой стороны произвести нападеніе», что сознавали въ нашей главной квартирѣ.

Всѣ эти особенности мѣстности (непринятыя однако во вниманіе прусскими генералами и офицерами, производившими рекогносцировку 18-го августа и составлявшими на основаніи данныхъ этой рекогносцировки планъ сраженія) благопріятствовали наступленію не правымъ, а лѣвымъ флангомъ пруссаковъ при атакѣ со стороны Пушдорфа; по диспозиціи же было назначено обратное.

Мѣстныя особенности обязывали русскихъ сильно занимать выходы на Гр. Егерсдорфское поле и тѣмъ обезпечить бивакъ отъ нападенія отдѣльныхъ отрядовъ, что и было исполнено. Затѣмъ, такъ какъ генеральное сраженіе на этой мѣстности считалось невѣроятнымъ, то, вполнѣ понятно, не было никакой и подготовки поля сраженія; не было принято никакихъ мѣръ, которыя обезпечивали бы построеніе боевого порядка, вслѣдствіе чего, напримѣръ, было упущено занятіе, хотя бы конницею, Пушдорфа, пункта особой важности при бывшихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобная безпечность относится къ числу ошибокъ русской главной квартиры.

Рекогносцировка прусской конницы 18-го августа не повліяла на рѣшеніе русской главной квартиры продолжать маршъ изъ Поркитена на Алленбургъ. Признавали, что непріятель «ниже атаковать, но изъ лѣсовъ (Поркитенскаго) на чистое поле (выйти) не отважился, но паче паки къ Велавѣ возвращался. Его же въ великомъ и частомъ лѣсу атаковать никакъ не можно было и изъ нѣкоторыхъ его поступковъ и фальшивыхъ алармовъ довольно видѣть можно, что намѣреніе его простиралось отъ дальнѣйшаго похода армію вашего императорскаго величества удержать и по недостатку фуража скотъ въ изпуреніи привести...» [9].

Такъ доносилъ Ферморъ (донесенія котораго вообще заслуживаютъ полнаго довѣрія), по требованію императрицы, когда впослѣдствіи возбудился судъ надъ Апраксинымъ [8].

Главнѣйшія изъ приказаній, отданныхъ Апраксинымъ 18-го августа для движенія на Алленбургъ, совершенно опредѣленно выясняются «приказомъ при паролѣ», отданнымъ 28-го іюля вечеромъ, а равно и данными рукописнаго журнала военныхъ дѣйствій [10].

Маршъ на Алленбургъ было приказано исполнить въ два перехода: на Эшенбургъ *), мызу Моринъ-Лаукенъ (ночлегъ) и Алленбургъ. Войска для движенія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [11]:

Авангардъ Сибильскаго, въ составѣ 5-ти пѣхотныхъ полковъ, 1000 Донскихъ казаковъ Серебрякова, 1000 лучшихъ, «добрыхъ», Слободскихъ казаковъ, Кампанейскаго полка и 1000 Волжскихъ калмыковъ (всего 15-ть б—въ и 4000 конницы—до 10.000), «съ одною бригадою артиллеріи изъ 2-й дивизіи»,—долженъ былъ собраться у Зитерфельде. Пѣхота ночевала за лѣсомъ, а части конницы были въ ночь съ 18-го на 19-е число впереди выхода.

За авангардомъ указано было слѣдовать ген.-квар.-лейтенанту Штофельну (имѣя въ прикрытіе нѣсколько гусаръ), квартирмейстерамъ всѣхъ полковъ (для занятія лагеря) и 300 человѣкъ «піонеровъ съ ломами, лопатками и топорами для дѣланія мостовъ».

Затѣмъ главныя силы должны были «слѣдовать по рядамъ» двумя колоннами: *правою,* въ составѣ 1-й дивизіи Фермора и части («раздѣленной на двое») 3-й дивизіи Броуна; *лѣвою,* въ составѣ 2-й дивизіи Лопухина и остальной части дивизіи Броуна.

---

*) См. схему № 4.

«Обѣ колонны должны были слѣдовать по тому тракту, на который отъ его превосходительства генерала Фермора *проводники дадутся*».

3) Позади каждой колонны были свои дивизіонные арріергарды (отъ 6—па до полка по усмотрѣнію начальниковъ дивизій) и кромѣ того общій арріергардъ изъ 4-хъ полковъ, высланныхъ по распоряженію генерала Броуна.

4) Обозы подраздѣлялись слѣдующимъ образомъ:

а) Обозы пѣхоты и регулярной конницы главныхъ силъ должны были быть при войскахъ: «по лѣвую руку дивизіи» *), такъ, чтобы обозы «прикрывались съ той стороны, съ которой непріятель находится».

б) Обозъ легкой конницы (бывшей въ авангардѣ) долженъ былъ слѣдовать за авангардомъ подъ прикрытіемъ «драгунскаго пѣхотнаго полка» **).

в) «Армейскому» обозу (паркъ—«армейскій магазинъ» и интендантскій транспортъ, только что прибывшій изъ Тильзита) подъ прикрытіемъ арріергарда надлежало слѣдовать въ хвостѣ лѣвой колонны. За ними было приказано слѣдовать обозу всѣхъ нерегулярныхъ войскъ, подъ прикрытіемъ Слободскихъ худоконныхъ казаковъ бригадира Каннича.

г) При дивизіонныхъ арріергардахъ было по двѣ повозки для перекладки вещей, на случай замѣны изломанныхъ; а въ случаѣ положки большаго числа повозокъ приказано бросать изломанныя; вещи же «разбирать по возамъ», что въ особенности рекомендовалось исполнять въ арріергардѣ.

д) Обозамъ предписывалось «идти въ столько веревокъ, въ сколько мѣсто позволитъ»; при чемъ главное вниманіе было обращено на точное сохраненіе дистанцій, что (какъ увидимъ) имѣло весьма важное значеніе для построенія боевого порядка на маршѣ въ сторонѣ фланга.

---

*) Уже сказано, что войска шли въ колоннѣ по-рядамъ.

**) Архангелогородскаго—спѣшеннаго, по недостатку въ этомъ полку конскаго состава.

5) Начало движенія опредѣлено—для авангарда «пробитіемъ генеральнаго марша», а для главныхъ силъ «пробитіемъ сбора».

6) Въ случаѣ наступленія непріятеля на маршѣ («по тревогѣ») было рѣшено подать сигналъ ракетою: «когда сигналъ о нападеніи непріятелемъ зажженіемъ ракеты данъ быть имѣетъ и такимъ образомъ всюду, гдѣ нападеніе будетъ, одинъ другаго секурсовать должны, не причиняя тѣмъ въ маршѣ безпорядка и остановки».

7) Для прикрытія фланговаго марша къ Алленбургу, со стороны Пушдорфа, назначалась «легкая конница»; «для чего четыремъ гусарскимъ полкамъ состоять въ повелѣніи генер. Фермора... паикрѣпчайше наблюдая, дабы съ правой стороны легкими войсками, черезъ лѣсъ пробирающимися, себя прикрывать».

8) Начальникъ 1-й дивизіи (бывшей «переднею къ той сторонѣ откуда большой предосторожности отъ непріятеля требуютъ»), могъ вызвать «изъ другихъ дивизій второй линіи полевую артиллерію» и какъ для этого, такъ равно и для связи второй дивизіи съ 1-ю было строжайше предписано соблюдать должныя дистанціи: «обозы главнѣйше того наблюдать, чтобы тѣ, которые по правой сторонѣ второй дивизіи маршируютъ отъ всѣхъ бригадъ оставляли интервалы, черезъ кои въ потребномъ случаѣ вторая дивизія способно могла пробраться къ первой для построенія себя въ ордеръ-де-баталіи».

Вообще распоряженія были таковы, что въ случаѣ наступленія непріятеля на маршъ «вся армія формировать будетъ продолговатое каре» *).

---

*) Руководствуясь данными этого описанія, мы и составили чертежъ фланговаго марша согласно приказа при паролѣ на 19-е августа, который дословно приводимъ въ примѣчаніи 11-мъ. Черт. № 5. Названіе «продолговатое каре» понятно: это есть тоже походная колонна, повернутая направо. Во времена Елизаветы мы встрѣчаемъ напр. и въ кавалерійскихъ построеніяхъ—карре. См. Строевую и полевую службу временъ Петра I и Елизаветы, стр. 183.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія для движенія къ Алленбургу, русская главная квартира приняла слѣдующія мѣры на случай нечаяннаго нападенія съ 18-го на 19-е августа, т. е. до выступленія арміи.

1) Западное дефиле (по дорогѣ на Гр. Егердорфъ), самое важное, было занято бригадою ген.-маіора Леонтьева (3-ри пѣхотныхъ полка) и батареею полевой артиллеріи, съ гусарскими полками. Въ этомъ случаѣ опредѣлению было указано: «На высотѣ, находящейся между гусарскими полками, бригаду полевой артиллеріи, подъ прикрытіемъ ген.-маіора Леонтьева съ тремя пѣхотными поставить; полевые же и отводные караулы нерегулярныхъ войскъ и гусаръ удвоить и частые патрули (главнокомандующій) высылать приказалъ» [12].

2) Высота у Зитерфельде была занята казаками Серебрякова и авангардомъ Сибильскаго еще 14-го августа; но къ ночи на 19-е число пѣхота Сибильскаго была убрана за лѣсъ, а самый выходъ занятъ 2-мъ Московскимъ полкомъ (нынѣ 65-мъ пѣхотнымъ Московскимъ) [12]. Наконецъ есть полное основаніе заключить, что вся армія всю ночь была, такъ сказать, на чеку [13].

Въ часъ пополуночи (съ 18-го на 19-е число) прусская армія выступила изъ лагеря при Пушдорфѣ тремя колоннами въ слѣдующемъ порядкѣ:

Правая колонна имѣла въ головѣ гусарскій полкъ Рюша, за которымъ слѣдовали пѣхотные полки: баталіонъ Каница, Кальнейна и Левальда, гренадеры Гора, за нимъ драгунскій полкъ принца Голштинскаго, гренадерскіе баталіоны Лоссова и въ самомъ хвостѣ полкъ Сидова. Части войскъ, бывшія въ головѣ колонны (до гренадеръ Лоссова), назначались по диспозиціи въ 1-ю линію, а части въ хвостѣ—во 2-ю линію.

Средняя колонна имѣла въ головѣ другой баталіонъ полка Каница и затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, полки: Бѣлова, Дона (назначались въ 1-ю линію), гренадеры Поленца и Манштейна и полкъ Мантейфеля (2-я линія).

Лѣвая колонна состояла изъ конницы Шорлемера: впереди шли гусары Малаховскаго (по Газенкампеу—во 2-ю линію), за нимъ полки—Платена, Шорлемера, Плетенберга и въ хвостѣ—Финкенштейна *).

Правая и средняя колонны слѣдовали очень близко одна отъ другой (по двумъ смежнымъ дорогамъ) и вышли къ д. Гр. Егердорфъ, а кавалерійская (лѣвая) колонна—сѣвернѣе на д. Мечулинъ.

Къ 2-мъ часамъ пополуночи правая и средняя колонны (пройдя верстъ пять) достигли выхода изъ лѣса, но «по непонятнымъ причинамъ» выстраиваніе боевого порядка было окончено около 4-хъ часовъ утра [15].

Боевой порядокъ прусской арміи первоначально имѣлъ фронтъ въ направленіи параллельномъ дорогѣ изъ Гр. Егердорфа въ Алленбургъ, вдоль опушки Норкитенскаго лѣса, и западнѣе линіи дд. Удербаленъ, Гр. Егердорфъ и Мечулинъ. Лѣвая колонна прусскихъ войскъ была прикрыта перелѣскомъ.

Почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ русской главной квартирѣ узнали о появленіи прусской арміи въ то время, когда армія Левальда окончила выстраиваніе боевого порядка. Бывшій въ то утро туманъ [16] хотя и объясняетъ это обстоятельство, но не вполнѣ: вѣроятнѣе, что и гусары (Фермора), и казаки (Серебрякова) съ небрежностью отнеслись къ высылкѣ разъѣздовъ.

Раннимъ утромъ 19-го числа въ лагерѣ русской арміи былъ данъ «генеральный маршъ», по которому войска начали готовиться къ движенію на Алленбургъ согласно диспозиціи **). Вслѣдъ затѣмъ, «только начали всѣ къ походу приготов-

*) Это порядокъ, указанный въ основаніяхъ Газенкампсомъ, стр. 173, мы взяли изъ плана, хранящагося въ В. У. Арх. Главнаго штаба (нѣмецкое изданіе).

**) Къ сожалѣнію рѣшительно нѣтъ данныхъ для опредѣленія, въ которомъ часу былъ данъ «генеральный маршъ». Думаемъ однако, что ранѣе 4-хъ, такъ какъ главнокомандующій или его довѣренные успѣли опредѣлить наступленіе атаки и отдать вполнѣ соотвѣтственныя приказанія.

ляться, получено отъ форпостовъ извѣстіе, что непріятель паки изъ лѣсовъ показывается». Апраксинъ приказалъ ударить тревогу и самъ (какъ свидѣтельствуетъ Ферморъ) «поѣхалъ тотъ часъ съ нѣкоторыми генералами непріятеля рекогносцировать».

По самой сущности дѣла положеніе нашей арміи было крайне опасное. Благодаря вполнѣ соотвѣтственнымъ мѣрамъ охраненія (сильное занятіе выходовъ изъ лѣса), налетъ конницы не могъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, но пѣхота русской арміи, имѣя возможность выйти изъ лѣса только по двумъ дорогамъ (на Гр. Егерсдорфъ и Зитерфельде) при малѣйшей задержкѣ легко могла подвергнуться дружному удару всей 1-й линіи пруссаковъ, во время выстраиванія боевого порядка. Задержка же движенію войскъ по дорогамъ несомнѣнно встрѣтилась, такъ какъ обозы, бывшіе при войскахъ, загромоздили оба дефиле; а именно, дорога изъ Норкитена въ Гр. Егерсдорфъ была занята обозами дивизіи Фермора, а дорога изъ Норкитена и Зитерфельде—войсками авангарда Спбльскаго, 2-й дивизіи Лопухина и остальными обозами арміи.

Въ какой бы «грусти сперва (Апраксинъ) не находился», но если не онъ, то кто-то, бывшій при немъ, понялъ, что «за тѣснотою мѣста формальнаго ордера баталіи построить невозможно» и что по направленію удара, главная опасность угрожаетъ нашему лѣвому флангу. Сообразно бывшимъ обстоятельствамъ, «по учиненіи тревоги», были отданы слѣдующія приказанія: [18] «Авангарду Спбльскаго противъ непріятельскаго фланга фронтъ построить, а 2-й дивизіи, съ авангардомъ сомкнуться и къ непріятелю фронтомъ передъ обозомъ и вдоль того прилѣску, который впереди фронта лагеря и обоза былъ». За симъ велѣно: «1-й дивизіи (полки) кои въ маршѣ находятся простирая свое лѣвое крыло къ правому 2-й дивизіи... промежъ прилѣску и обоза впередъ продвинуться и ко 2-му гренадерскому полку примкнуть. Резервъ позади полковъ 2-й дивизіи

между лѣсомъ и обозомъ какъ для закрытія онаго, такъ и для новыхъ въ потребномъ случаѣ подкрѣпленій поставить» [19].

Но раньше, чѣмъ всѣ эти приказанія были приведены въ исполненіе, послѣдовала рѣшительная атака прусской арміи.

Около 5-ти часовъ утра конница принца Голштинскаго безъ затрудненія сбила гусарскія и казачьи части и, двигаясь въ направленіи на Удербаленъ къ южному выходу (бывшему на дорогѣ изъ Норкитена въ Зитерфельде), атаковала нынѣ 65-й пѣх. Московскій полкъ. Эта атака была отбита какъ огнемъ молодецкаго Московскаго полка, выдержавшаго первый натискъ, такъ, весьма вѣроятно, и Выборгскаго.

Хотя нѣтъ сомнѣнія, что всѣ силы авангарда Сибильскаго *) не занимали весьма важную при этихъ условіяхъ высоту у Зитерфельде, но возможно, что одинъ изъ полковъ успѣлъ пристроиться къ казакамъ Серебрякова (несомнѣнно тамъ бывшимъ), а главное у этой высоты была часть конно-гренадеръ и драгунъ съ полковыми конными орудіями, которыя въ этомъ случаѣ могли обстрѣливать не только съ фланга, но и съ тыла прусскую кавалерію.

Такъ или иначе, атака принца Голштинскаго была отбита и онъ отошелъ южнѣе Удербалена, куда впослѣдствіи, на его подкрѣпленіе, съ лѣваго фланга прибыло 10-ть эскадроновъ полка Шорлемера.

Полки дивизіи Лопухина не выждали приказанія главнокомандующаго и, по одиночкѣ, начали «продираться сквозь обозы» по дорогѣ на Зитерфельде и выстраиваться правѣе и лѣвѣе 2-го Московскаго полка. Это невыгодное условіе (выстраиваніе по одиночкѣ, подъ огнемъ непріятеля) значительно увеличивается, если мы примемъ въ соображеніе, что дивизія Фермора еще не трогалась, а потому прорывъ боевого порядка русскихъ войскъ былъ немыслимъ.

---

*) Болотовъ и былъ именно подъ начальствомъ Сибильскаго и его свидѣтельства указываютъ, что полкъ пришелъ послѣ всѣхъ.

Торопливое выстраиваніе полковъ 2-й дивизіи и образовавшійся интервалъ между полками Лопухина и Фермора не ускользнули отъ вниманія Левальда. 12-ти батальонамъ 1-й линіи Дона, подошедшимъ ко 2-й дивизіи русскихъ и завязавшимъ уже перестрѣлку, было приказано (лѣвому флангу) взять «полъ оборота на право», съ цѣлью прорвать центръ нашихъ войскъ. Этому движенію способствовала и лощина, о которой мы упомянули.

Полки дивизіи Лопухина выстраивались въ слѣдующемъ порядкѣ: правѣе 2-го Московскаго—Кіевскій, еще правѣе—Нарвскій и на самомъ правомъ флангѣ—2-й гренадерскій; лѣвѣе 2-го Московскаго -Выборгскій, а еще лѣвѣе Шлиссельбургскій и затѣмъ батарея *). Правѣе же 2-го гренадер. (нынѣ 6-й гренад. Таврическій), несомнѣнно, оставалось пустое пространство. Такимъ образомъ 11-ти слабымъ батальонамъ (2-го Московскаго, Кіевскаго, Нарвскаго и 2-го гренадерскаго **), прижатымъ тыломъ къ непроходимому лѣсу, приходилось выдержать атаку 1-й линіи Дона (12-же бат.), охватившей правый флангъ 2-го гренадерскаго полка ***).

Бой въ нашемъ центрѣ начался сильною фронтальною перестрѣлкою «изъ мелкаго ружейнаго и пушечнаго огня» (съ обѣихъ сторонъ) и затѣмъ общею атакою съ фронта, съ охватомъ праваго фланга боевой линіи. 1-я линія Дона «лѣвымъ крыломъ не взирая (на нашъ огонь) лощинкою, которая въ прилѣску, добрался къ рѣченному 2-му гренадерскому полку и во флангъ пришелъ» [14].

По самой сущности вещей этотъ охватъ долженъ былъ критически отозваться на ходъ боя 2-й дивизіи, растянутой

---

*) На обоихъ планахъ «выигранной» баталіи» этотъ порядокъ показанъ, какъ нами поименовано.

**) Двухъ-батальонный.

***) Выборгскій полкъ по отдаленію очевидно не могъ принять участія въ отраженіи удара.

въ одну линію. Вполнѣ естественно, что при бывшихъ обстоятельствахъ не только 2-й гренадерскій полкъ, но и сосѣдній Нарвскій и другіе, доведя упорство до человѣчески возможнаго *), послѣ самой ожесточенной штыковой работы должны были придти въ безпорядокъ.

Смертельная рана и плѣнъ самого начальника дивизіи (героя Лопухина), смерть генерала Зыбина и общая потеря выбывшихъ изъ строя (доходившая до 50% во 2-мъ грен. и Нарвскомъ полкахъ) неотразимо повліяла на разстройство всей 2-й дивизіи, вслѣдствіе чего правый флангъ этой дивизіи въ безпорядкѣ началъ отступать въ лѣсъ. Но именно въ это-то «самонужнѣйшее время» 4-ре полка резерва, неизвѣстно по чьей иниціативѣ, перешли въ наступленіе и безповоротно вырвали побѣду у пруссаковъ, ударивъ въ свою очередь во флангъ прусскимъ гренадерамъ Манштейна и Поленца, обошедшимъ 2-й гренадерскій полкъ.

Мы уже видѣли, что резерву отъ 1-й дивизіи было приказано стать за лѣвымъ флангомъ между обозомъ и лѣсомъ. Изъ донесенія Фермора [15], а также изъ рукописнаго журнала и словъ очевидца [16] видно, что резервъ Румянцева, въ составѣ Своднаго гренадерскаго (изъ всѣхъ

---

*) Степень упорства видна изъ потерь. *Убиты:* командиръ 2-го гренадерскаго (нынѣ Таврическаго) полковникъ Паткуль; старшій по немъ подполковникъ Центаровъ; Нарвскаго—маіоръ Гердорфъ. Оберъ-офицеры 2 го гренадерскаго полка: Лихтенбергъ, Адлербергъ, Кокоринъ; Нарвскаго: Сотниковъ, Подымовъ, Кутузовъ, Полетаевъ, Барышинъ, Паутовъ; Кіевскаго: Лоренцъ, Каршавинъ; 2-го Московскаго -Рамейковъ. *Ранены:* командиръ, нынѣ лейбъ-гвардіи гренадерскаго, Языковъ, 65-го пѣхотнаго Московскаго полка князь Прозоровскій; оберъ-офицеры Московскаго полка: Зубовъ, Дрозманъ, Озеровъ, князь Юрій Долгорукій, князь Александръ Прозоровскій, Рангенъ, Григоровъ, Дубровинъ, Демидовъ, Шлехтингъ. Табаръ, Декругъ, Полозовъ, Макаровъ. Долговъ, Мейндорфъ, Кіевскій; 2-го гренадерскаго полка: Вейсъ (маіоръ), Сытинъ, Еплерсъ, Мякининъ, Врангель, Пошкуль, Генкингъ, Лаутербахъ (капитаны), что съ убитыми составитъ 9-ть челов., т. е. изъ 12-ти ротныхъ командировъ убыло—9-ть), Паденскій, Августовъ, Хомяковъ, Леоновъ, Будаковъ, Шверевъ (поручики); Башмаковъ, Вейсенъ, Яновскій, Густавъ Врангель, Захари, Матерни, Паусовъ, Реннфельдъ, Поликарповъ (подпоручики); всего изъ числа штат-

гренадерскихъ ротъ *), какъ значится въ ордеръ-баталіи), Троицкаго, Воронежскаго и Новгородскаго полковъ, успѣлъ занять свое мѣсто впереди обоза и, узнавши тѣмъ или другимъ путемъ о критическомъ положеніи 2-й дивизіи, «продрались черезъ лѣсъ» и «во флангъ атаковали (пруссаковъ) такъ, что они тотчасъ помѣшались и по жестокомъ кровавомъ сраженіи съ достаточнымъ числомъ своихъ войскъ, въ напящемъ безпорядкѣ свое спасеніе бѣгствомъ искать стали» [17].

Къ этому времени успѣхъ боя былъ обезпеченъ и на нашемъ правомъ флангѣ [18].

Правый флангъ, какъ мы имѣли случай уже указать, былъ довольно прочно прикрытъ съ вечера 18-го августа бригадою Леонтьева съ артиллеріею.

«По учиненію тревоги» бригада Салтыкова, принадлежащая дивизіи Фермора, должна была податься влѣво для связи съ Лопухинымъ, а обезпеченіе праваго фланга возлагалось на часть 3-й дивизіи Брюна (вѣроятно та же бригада Леонтьева), а остальные поступили на усиленіе Фермора.

Съ выдѣленіемъ Своднаго гренадерскаго, Воронежскаго, Новгородскаго и Троицкаго полковъ непосредственно у Фермора оставалось только 5-ть полковъ (1-й гренадерскій, Вятскій,

---

наго числа 4-хъ шт.-офицеровъ убыло—3 (т. е. 75%) и 63 оберъ-офицеровъ (конечно не бывшихъ всѣхъ налицо—27, т. е. несомнѣнно 50% офицеровъ, въ одномъ полку; Кіевскаго: Беклешовъ (маіоръ), Саловъ, Швалбе, Радебандъ, Алимовъ (капитаны), Голоутовъ, Кайсаровъ, Ляхачевъ, Жердевъ, Савельевъ, Лейнъ (поручики); Панфиловъ, Шаровъ, Самойловъ, Ершовъ, Брехеръ (подпоручики); Пякошевъ (прапорщикъ). Парвскаго: Дунинъ (подполковникъ), де-Колонгъ (маіоръ) (тоже 75%), Колюбакинъ, Мухинъ, Семеновъ, Эгельштремъ (капитаны); Калушковъ, Гулевичъ, Корниловъ, Колюбакинъ, Пушкевичъ, Крамеръ, Тулземанъ, Крохинусъ, Албешоновъ, Пушиловъ, Бѣликовъ (поручики); Салеръ, Зубовъ, Блюдовъ, Рейконъ, Рубушъ (подпоручики); Любиновъ, Шишловъ (прапорщики) (тоже не менѣе 50%). Потери остальныхъ полковъ указаны въ Журналѣ военныхъ дѣйствій, изд. 1762 г., стр. 31—43.

*) По документамъ, съ которыми мы познакомились недавно, это былъ Сводный гренадерскій полкъ, а не 3-й гренадерскій, какъ мы приняли на стр. 14 «Строевой и полевой службы русскихъ войскъ».

Нижегородскій, Черниговскій и Муромскій) которые уже и двинулись къ лѣвому флангу 2-го гренадерскаго полка, но, или появленіе конницы прусскаго лѣваго крыла, или другія причины, движеніе этихъ полковъ было задержано, и пруссакамъ удалось лощиною охватить правый флангъ нынѣ Таврическаго гренадерскаго полка, до прибытія полковъ дивизіи Фермора.

«Принадлежащій къ 1-й дивизіи 1-й гренадерскій полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи гренадерскій) уже вытянулся по дорогѣ отъ Норкитена къ Гр. Егерсдорфу, но, получивъ приказаніе, по «чинимому движенію съ лѣваго крыла на правое въ близости назначенной накапунѣ батареи на правомъ крылѣ такъ построился, что его правый флангъ въ невеликомъ разстояніи отъ рѣченой батареи, а лѣвый противъ помянутаго прилѣску не доставъ еще онаго сталъ, отъ котораго, часть 3-й дивизіи къ 2-му гренадерскому продвинулась, а остальные полки оной къ правому крылу оной (т. е. батареи), къ поставленной еще вчерась (т. е. 18-го августа), примкнувши стали и сдѣлавъ кривой уголъ свой багажъ со стороны прикрывали...»

Эта послѣдняя выдержка уже указываетъ, что вообще правый флангъ (прогалины къ Норкитену) обезпечивалась батареею, построенною на весьма важной, командующей высотѣ. бывшей впереди дороги, лѣвѣе которой былъ 1-й гренадерскій полкъ Языкова, а правѣе сначала не болѣе 3—4 полковъ 3-й дивизіи Броуна. Наша конница развернулась по обѣ стороны батареи въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сербскій и Венгерскій гусарскіе и Чугуевскій казачій полки были впереди войскъ Броуна *), сѣвернѣе Мечулина, а лѣвѣе ихъ выборные эскадроны кирасиръ его императорскаго

*) Въ рукописномъ журналѣ сказано: «Три полка пѣхоты примкнувшись (къ батареи) стали и сдѣлавъ кривой уголъ свой багажъ со стороны прикрывали (т. е. тоже, что и доноситъ Ферморъ) имѣя передъ собою Сербскій и Венгерскій гусарскіе и Чугуевскій казачій полки».

высочества, 3-го и Рижскаго конно-гренадерскаго. Во 2-й линіи: «въ резервѣ позади», э - ны С.-Петербургскаго конно-гренадерскаго и Нижегородскаго драгунскаго.

Еще раньше, чѣмъ построеніе боевого порядка нашей пѣхоты на правомъ флангѣ окончилось, послѣдовала атака конницы лѣваго прусскаго крыла.

Конницѣ Шорлемера, кромѣ слабыхъ частей нашей кавалеріи, приходилось имѣть дѣло правѣе батареи съ тремя полками дивизіи Броуна; а потому вполнѣ понятно, что атака пруссаковъ на крайній правый флангъ была тотчасъ же отбита съ урономъ, что и обезпечило нашу батарею. Другая же часть прусской конницы, атаковавшая пѣхоту лѣвѣе батареи, сбивъ э —ны регулярной конницы и преслѣдуя кирасиръ и конно-гренадеръ, мало того, что встрѣтила на первое время сопротивленіе только одного полка (1-й гренадерскій, нынѣ лейбъ-гв. гренадерскій), но, какъ уже сказано, между гренадерами и бригадою Салтыкова было незанятое пространство, такъ какъ лѣвое крыло 1-го гренадерскаго полка не доходило до лѣса.

Благодаря этому послѣднему обстоятельству, драгуны Финкенштейна прорвались вслѣдъ за нашими кирасирами въ этотъ пустой промежутокъ и, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что увлекаясь преслѣдованіемъ, нѣкоторыя части прусской конницы занеслись въ обозъ и даже до Норкитена [30].

Важная заслуга 1-го гренадерскаго полка въ этотъ періодъ боя заключается въ томъ, что полкъ не только не сдалъ несущейся конницѣ, но, быстро перемѣнивъ фронтъ налѣво, огнемъ въ флангъ и тылъ разстроилъ драгунъ Финкенштейна и вынудилъ ихъ отступить въ безпорядкѣ: «сей полкъ (при атакѣ кавалеріи) сдѣлавъ оборотъ второй позиціи изъ мелкаго ружья съ такимъ добрымъ успѣхомъ дивизіонно палить началъ и картечью изъ Шуваловскихъ гаубицъ такъ счастливо въ непріятеля попалъ, что онъ съ великою поспѣшностью назадъ побѣжалъ».

Полки дивизіи Фермора, какъ уже сказано, не успѣли къ началу боя сомкнуться со 2 мъ гренадерскимъ полкомъ: они приблизились къ расположенію 2-й дивизіи тогда, когда прусскія войска уже ворвались въ лѣсъ. Дальнѣйшее наступленіе полковъ Фермора (бригады Салтыкова, до 12-ти баталіоновъ) угрожало тылу и 1-й линіи Дона; а потому Левальдъ направилъ противъ нихъ послѣдній резервъ изъ 10-ти баталіоновъ 2-й линіи Кальнейна, которые и вошли въ связь съ отбитою кавалеріею лѣваго прусскаго крыла.

По отраженіи атаки прусская «конница лѣваго крыла начала собираться на томъ пригоркѣ, на коемъ передъ тѣмъ наши гусары были, однако и тамо не могли устоять отъ безпрестанной пушечной пальбы». Вскорѣ послѣ того «*пѣхота сей колонны* *) устремилась такъ какъ и вторая или средняя колонна на лѣсокъ и со скоропостижностью къ оному подошла, но огонь изъ мелкаго ружья 1-го гренадерскаго и другихъ, тамо поставленныхъ отъ 1-й и 3-й дивизіи, въ томъ намѣреніи препятствовалъ и въ самое то время опую оттуда отбилъ, какъ средняя или 2-я непріятельскія колонны совсѣмъ уже прогнаны и въ побѣгъ приведены и до лѣсу прогнаны...»

Въ то время, когда русскія войска центра и праваго фланга приняли самое живѣйшее участіе въ отраженіи атаки прусскихъ войскъ, пять полковъ авангарда Сибильскаго (Апшеронскій, Бутырскій, Бѣлозерскій, Архангелогородскій и Псковскій; всего 15-ть баталіоновъ) бездѣйствовали. Когда ядра начали уже «по обозамъ шуркать и свистѣть... (говоритъ офицеръ Архангелогородскаго полка—Болотовъ)... мы (Сибильскій) остановились сіе услышавши и ожидали повелѣнія куда намъ итти велятъ...». Наконецъ «прискакалъ какой-то генералъ» и вывелъ войска авангарда «впередъ сквозь оныя» на высоту у Зитерфельде, гдѣ заняли крайне

*) Изъ описанія Газенкампса очевидно слѣдуетъ, что это была 2-я боевая линія Кальнейна, принявшая влѣво. Шорлемеръ не имѣлъ у себя пѣхоты.

выгодное фланговое положеніе по отношенію къ прусской арміи; но эти свѣжія силы все время оставались въ бездѣйствіи. Болотовъ («жребіемъ своимъ довольный» и видя, какъ на ладони, бой въ центрѣ) объясняетъ это яко-бы непроходимостью болотистыхъ кустовъ въ лощинѣ около Удербалена; но неправильность послѣдняго заключенія опровергается самимъ же Болотовымъ (какъ увидимъ ниже), а также и другими данными, изъ которыхъ можно заключить, что Сибильскій, занявъ весьма выгодное положеніе, бездѣйствовалъ просто отъ нерѣшительности.

Мы въ правѣ однако-жъ думать, что на безучастное отношеніе къ дѣлу Сибильскаго не могло не вліять присутствіе сильной конницы принца Голштинскаго въ окрестностяхъ Удербалена. Нашъ авангардъ не могъ дѣйствовать на флангъ первой линіи Допа, не подвергая себя, въ свою очередь, фланговому удару конницы праваго прусскаго крыла; справиться же съ послѣднею Сибильскій не сумѣлъ. Основываемъ это заключеніе на томъ обстоятельствѣ, что какъ только казаки Серебрякова разрѣшили недоумѣніе Сибильскаго и конница пр. Голштинскаго сдѣлалась неопасною, то весь авангардъ двинулся впередъ и соединился съ войсками 2-й дивизіи.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ происходило слѣдующее.

Казаки съ начала боя зорко наблюдали регулярную прусскую конницу, но приступили къ болѣе рѣшительнымъ и совершенно своеобразнымъ дѣйствіямъ лишь по выстраваніи къ бою авангарда *).

*) Фактическое указаніе очевидца этого столкновенія, Болотова, на нашъ взглядъ имѣетъ весьма важное значеніе: во-первыхъ, потому, что совершенно опредѣленно высказывается самый фактъ: во-вторыхъ, въ достовѣрности его описанія относительно казаковъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ авторъ, врагъ «нетодныхъ воиновъ» (какъ онъ называетъ казаковъ), указалъ этотъ фактъ, совсѣмъ не подозрѣвая, что высказываетъ лучшую ихъ похвалу. На разборѣ этого обстоятельства мы подробно останавливаемся въ разборѣ источниковъ «Записки Болотова». См. приложеніе 1-е.

Съ самаго начала сраженія, начальники «дикихъ наѣздниковъ», «незнавшихъ ни строя, ни равненія, ни правильности въ движеніяхъ» прусской конницы, какъ оказывается, внимательно наблюдая за ходомъ боя, въ наиболѣе удобную минуту рѣшили навести прусскую конницу на готовые къ бою полки Сибильскаго.

По окончаніи построенія авангарда, Серебряковъ, обогнувъ болото, бывшее впереди высоты у Зитерфельде, «болѣе версты разстоянія» отъ нея, «опрометью» атаковалъ конницу принца Голштинскаго, съ обычнымъ казакамъ «гикапьемъ», такъ что по «очень яркому» началу, видѣвшіе эту атаку «думали, что казаки всѣхъ ихъ дротиками своими переколятъ».

Вмѣсто того, подскакавъ на близкую дистанцію и не выжидая контръ-атаки, яко бы признавши, «что тутъ не по нимъ» и «обскакивая болото», Донцы также быстро скрылись съ поля сраженія. Этимъ отступленіемъ воспользовалась конница принца Голштинскаго, подкрѣпленная уже драгунами Шорлемера, и «вслѣдъ за ними поскакала, и, обскакивая болото, гнала ихъ какъ овецъ къ нашему фрунту».

И этихъ выписокъ совершенно достаточно для пониманія обычнаго маневра казаковъ. Цѣль Серебрякова очевидно была достигнута: прусская конница (совершенно не замѣчая опасности) неслась въ пасть 15-ти совершенно готовыхъ къ бою баталіоновъ авангарда, при 40 полковыхъ орудіяхъ и батареи полевой артиллеріи большаго калибра. Оставалось дѣло за пѣхотою—справиться со столь дорогимъ подаркомъ.

«Прусская конница слѣдовала за казаками по пятамъ, рубила ихъ немилосердымъ образомъ». Наша пѣхота, «видя скачущихъ прямо на себя и погибающихъ казаковъ, за необходимое почла нѣсколько раздаться, дать имъ проѣздъ»

и вслѣдъ затѣмъ отразить текущую по-эскадронно, «какъ быструю рѣку», «прямо на нашу пѣхоту» прусскую конницу. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что лѣво-фланговые полки успѣли это сдѣлать, но не всѣ. Передній прусскій эскадронъ прорвался сквозь фронтъ и, разсыпавшись, рубилъ всѣхъ, кто ни былъ позади фронта. Право-фланговые полки авангарда не атаковавшіе, «оборотили весь фронтъ назадъ», а главное батарея полевой артиллеріи, бывшая правѣе Псковскаго полка «успѣла благовременно обернуть свои пушки и данный изъ нея картечный залпъ («поперегъ скачущихъ другъ за другомъ прусскихъ эскадроновъ») имѣлъ успѣхъ «напвождѣленнѣйшій». Конница принца Голштинскаго «опрометью назадъ обернулась, а вскакавшіе за нашъ фрунтъ попали какъ мышь въ западню». Пѣхота тотчасъ опять сомкнулась и тѣже казаки *) вмѣстѣ съ регулярными эскадронами «встрѣтили и перерубили всѣхъ до единаго человѣка».

Эта стычка на лѣвомъ флангѣ, имѣющая столь замѣтныя характерныя особенности, была заключительнымъ актомъ Гр. Егерсдорфскаго боя. Послѣ того, видя быстрое отступленіе пруссаковъ, авангардъ Сибильскаго, воодушевленный только что съ успѣхомъ отраженной атакой, перешелъ болотистый кустарникъ и соединился со 2-ю дивизіею. Къ этому времени общаго соединенія всѣхъ силъ пруссаки успѣли скрыться въ лѣсу.

Преслѣдованія впѣ поля сраженія разбитой прусской арміи почти не было, и о причинахъ этого намъ удобнѣе всего коснуться при краткомъ разборѣ дѣйствій обѣихъ сторонъ.

Потери въ сраженіи подъ Гр. Егерсдорфомъ опредѣляются:

*) Болотовъ говоритъ: «наша кавалерія», но мы видѣли, что регулярная конница была крайне ослаблена.

Пруссаковъ.		*Русскихъ.*
Убитыхъ.		
Генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ.	1818	Генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 38, изъ нихъ два генерала: Лопухинъ и Зыбинъ и бригадиръ Капнистъ. Нижнихъ чиновъ 1449.
Раненыхъ.		
Генераловъ. . . .	8	3 полков. командира *).
Штабъ и оберъ-офиц.	123	13 штабъ-офицеровъ.
		232 { 52 капитана.
		67 поручиковъ.
		69 подпоручиковъ.
		28 прапорщиковъ.
		232 **).
Нижнихъ чиновъ. .	2214	4262 ***).
Итого. . . .	2337	4494 (съ нерегулярными).

Отбито у пруссаковъ всего 29-ть орудій, изъ нихъ большаго калибра: 24-хъ фун. пуш.—3, 12-ти фун.—5 и гаубицъ 3 съ ящиками и палубами.

«Знаменъ (оправдывается Апраксинъ) получить невозможно было, ибо сколь торопенъ ни былъ побѣгъ пруссаковъ, они однакоже стараніе приложили знамена въ одно мѣсто собрать и въ безопасность привесть, къ чему въ близости позадь ихъ лѣсъ много способствовалъ».

*) 1-го гренадерскаго полка (Языковъ), 2-го Московскаго и Новгородскаго; а изъ генераловъ: оба Ливена, Толстой, де-Боскетъ, Веймарнъ, Вилбуа, Иванъ Мантейфель и бригадиръ Племянниковъ.

**) Донесеніе Апраксина отъ 3-го сентября.

***) Другія донесенія опредѣляютъ общую потерю до 5000. Изъ числа раненыхъ въ госпитали отправлено —800.

Нельзя не внести на страницу исторіи военнаго искусства въ Россіи отзывъ нашего главнокомандующаго о геройскомъ поведеніи войскъ въ день Гр. Егерсдорфа.

Касаясь потерь и въ особенности въ офицерахъ, Апраксинъ доноситъ: «Ваше императорское величество примѣтить изволите (изъ числа потерь), колико они (офицеры) исполняли свою должность. Словомъ сказать: никто не пренебрегъ оной, а буде кто презиралъ что либо, то только жизнь свою, ибо ни одинъ изъ раненыхъ съ мѣста не сошелъ, и раны перевязать не далъ, пока побѣда не одержана и дѣло совсѣмъ не окончено. Буде кто изъ генераловъ самъ не получилъ, то конечно подъ тѣмъ лошадь, а подъ инымъ двѣ ранены» [31]. И дѣйствительно убыль генераловъ и бригадировъ была весьма значительна: а именно изъ 31, бывшаго въ строю — 3 убитыхъ и 8 раненыхъ, т. е. третья часть.

Въ особенности Апраксинъ былъ доволенъ распорядительностью «во все время безсмѣнно дежурнаго генералъ-маіора Панина, а во время всей баталіи находившись во всѣхъ напопаснѣйшихъ мѣстахъ и раздавая мои ордеры». Въ видѣ особаго отличія Панинъ былъ посланъ курьеромъ и «рекомендованъ» «въ особливую монаршую милость и благоволеніе».

Объ особыхъ отличіяхъ офицеровъ Апраксинъ не упоминаетъ. Впослѣдствіи (въ январѣ) Ферморъ, свидѣтельствуя объ отличіяхъ, донесъ, что онъ «не смотря на персоны, но единственно самое дѣло, по сущей правдѣ, по присяжной должности, дивизіи моей ген.-лейтенантъ Матвѣй Ливенъ и Салтыковъ, ген.-маіоръ Резановъ и бригадиръ де-Гартвиссъ каждый по своей должности и съ храбростью дѣло свое справляли... а наипаче 1-го гренадерскаго полка полковникъ Языковъ».

Разсматривая дѣйствія русскихъ, съ отступленія отъ Заалау, мы можемъ остановиться на слѣдующихъ общихъ заключеніяхъ.

Смѣлый стратегическій обходъ всѣми силами вполнѣ соотвѣтствовалъ бывшимъ обстоятельствамъ.

Этотъ маршъ-маневръ вынуждалъ прусскую армію принять бой при наименѣе выгодныхъ для нея стратегическихъ условіяхъ. Проигравъ сраженіе на лѣвомъ берегу р. Прегеля, непріятель легко могъ потерять сообщенія не только съ Вислою, но и съ Кенигсбергомъ. Въ этомъ случаѣ Кенигсбергъ легко могъ быть захваченъ русскими; можно было разсчитывать на взятіе и Пилау, что предоставляло возможность установить подвозы запасовъ флотомъ изъ Мемеля. Наконецъ, направленіемъ на Алленбургъ русская армія хотя нѣсколько освобождалась отъ критическаго положенія по обезпеченію войскъ фуражнымъ довольствіемъ.

Но не планъ, а исполненіе его вѣнчаютъ дѣло.

Въ этомъ отношеніи мы прежде всего замѣчаемъ почти полное отсутствіе развѣдокъ на лѣвомъ берегу р. Прегеля, безъ чего не только подобный сложный маршъ, но и никакой маршъ-маневръ не можетъ быть исполненъ. Высылка конницы Ливена и дѣйствіе нерегулярныхъ до занятія Заалау доказываютъ, что въ русской главной квартирѣ сознавали значеніе подобныхъ развѣдокъ; но главнокомандующій, изъ опасенія разоренія края,—въ виду бывшихъ примѣровъ,—не рѣшался на отдѣльное дѣйствіе казачьихъ частей. Соединить же для подобныхъ набѣговъ нерегулярные полки съ регулярными, какъ это было прежде (въ виду окончательнаго разстройства регулярныхъ),—было невозможно.

На первый взглядъ поражаетъ медленность дѣйствія русской арміи. Казалось бы 25 -30 верстный переходъ отъ Заалау до Алленбурга если не въ одинъ, то въ два перехода свободно могъ быть исполненъ. Слѣдовательно, если движеніе началось 14-го, то 16-го августа оно во всякомъ случаѣ должно было быть оконченнымъ. Вмѣсто этого только 19-го Апраксинъ выступаетъ изъ Норкитена на Алленбургъ.

Имѣя налицо примѣръ (послѣдній переходъ русской арміи къ Инстербургу) мы не въ правѣ опредѣленно заключить, что въ русской главной квартирѣ не сознавали значенія быстроты движенія при подобнаго рода маршахъ-маневрахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на медленность движенія рѣшительно вліяло: во-первыхъ, препятствія при переправѣ черезъ р. Прегель обозовъ (на измученныхъ лошадяхъ) по одному мосту *); во-вторыхъ, 18-го августа прибылъ къ арміи послѣдній транспортъ **), котораго и выжидалъ Апраксинъ.

При всемъ томъ изслѣдователь долженъ упрекнуть Апраксина за медленность дѣйствій именно въ этотъ періодъ. Нѣтъ сомнѣнія что транспорту можно было дать иное направленіе, увеличить наконецъ конвой, а также изыскать средства для ускоренія переправы войскъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, не удалось отыскать ни одного намека на проявленіе главною квартирою должной энергіи съ цѣлью ускорить маршъ отъ Заалау на Алленбургъ.

Отрицательно поучительною является также увѣренность русской главной квартиры въ томъ, что Левальдъ не выйдетъ изъ своихъ укрѣпленныхъ позицій. Это способствовало не вниманію къ развѣдывательной службѣ съ 14-го по 17-е августа; повлекло къ пренебреженію занять Норкитенскій лѣсъ и къ мѣрамъ для скорѣйшаго выстраиванія войскъ въ боевой порядокъ. Безусловная ошибка русской главной квартиры заключается также и въ томъ, что 18-го, послѣ отступленія Шорлемера, вслѣдъ за прусскою конницею не были высланы сильные отряды, которые обнаружили бы присутствіе всѣхъ силъ Левальда за Норкитенскимъ лѣсомъ.

Распоряженія для флангового марша отъ Норкитена къ Алленбургу, мѣры неподвижнаго охраненія въ ночь съ 18-го на 19-е августа, назначеніе резерва къ лѣвому флангу въ

*) Шесть мостовъ были готовы только къ 17-му числу.

**) См. главу II.

день боя и, самое главное, движеніе резерва на выручку, по лѣсу считавшемуся непроходимымъ являются фактами, характеризующими особенности тогдашняго состоянія военнаго искусства въ Россіи и боевое воспитаніе войскъ. Фланговой маршъ (подобно тому какъ и по Уставу Воинскому) [36], какъ мы видимъ, не прикрывается сильнымъ боковымъ авангардомъ, а лишь относительно слабою кавалеріею (4-ре гусарскихъ полка), высланною къ сторонѣ непріятеля.

Кромѣ того, особенность распоряженій для фланговаго марша заключается въ распредѣленіи обозовъ. Вмѣсто отдѣленія собственнаго боевого элемента отъ войсковыхъ тяжестей (выдѣленіемъ обоза въ особую колонну, наиболѣе удаленную отъ передовыхъ войскъ) всѣ повозки обоза, согласно тогдашнимъ походнымъ порядкамъ, тѣсно связываются съ войсками и даже умышленно растягиваютъ колонны (оставляютъ дистанціи), чтобы дать возможность, въ случаѣ необходимости, построить боевой порядокъ на маршѣ—къ сторонѣ фланга.

Еще разъ заключимъ, что зло въ походныхъ порядкахъ русскаго строя XVIII столѣтія было не столько въ количествѣ обоза, сколько въ неправильномъ его распредѣленіи.

Распоряженія и дѣйствія русскихъ войскъ въ Гр. Егерсдорфскомъ бою должны быть разсматриваемы, принявши во вниманіе, что это сраженіе было случайное для русскихъ и преднамѣренное по отношенію къ прусской арміи.

Разсматривая ходъ боя, мы прежде всего не имѣемъ права не признать, что съ самаго начала боя главнокомандующій русской арміи велъ свое дѣло образцово. Мы видимъ, что обрекогносцировавъ положеніе дѣлъ, Апраксинъ отдалъ приказаніе совершенно соотвѣтствовавшее бывшимъ обстоятельствамъ относительно резерва и другихъ частей, которые еще не вступили въ бой. Резервъ былъ назначенъ дѣйствительно въ наиважнѣйшее *по ходу боя* мѣсто, а потому и имѣлъ возможность въ «самонужнѣйшее» время подкрѣпить боевую линію.

Для насъ совершенно безразлично, лично ли Апраксинъ опредѣлилъ мѣсто для резерва, принялъ ли онъ совѣты Веймарна, Ливена, Панина или Штофельна. Участіе, совѣтами, Веймарна, Штофельна и т. п. имѣетъ свой интересъ для исторіи русскаго генеральнаго штаба, но не для исторіи военнаго искусства, гдѣ, въ подобныхъ случаяхъ, подлежатъ обсужденію приказанія только главнокомандующаго, который одинъ и отвѣтственъ.

Во время самаго боя 19-го августа мы не встрѣчаемъ почти распоряженій главнокомандующаго. Трудно даже опредѣлить его мѣсто во время боя. Послѣ рекогносцировки «я (доноситъ Апраксинъ) въ такой грусти сперва находился, когда съ такою фуріею и порядкомъ непріятель насъ въ маршѣ атаковалъ, что я за обозами не столько съ пользою вездѣ дѣйствовать могъ и счастливъ паки буде находясь въ такихъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ около меня убиты изъ конвойныхъ Курсель, два гренадера, вахмистръ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ и гусаръ ранено» [32].

Послѣднее обстоятельство опредѣленно указываетъ, что Апраксинъ не прятался за обозами, но что обозъ и полный безпорядокъ за нимъ мѣшали его распоряженіямъ; это совершенно соотвѣтствуетъ ходу боя. Дѣятельность Апраксина, кромѣ назначенія мѣста для резерва, проявляется также отдачею совершенно правильныхъ приказаній Сибильскому и Фермору, а затѣмъ его мѣсто было при резервѣ, около котораго, какъ кажется, онъ и былъ.

У насъ нѣтъ данныхъ сказать, кто именно отдалъ приказаніе двинуться резерву впередъ, а потому мы лишены возможности по этому важному вопросу окончательно оцѣнить дѣйствіе главнокомандующаго. Но во всякомъ случаѣ считать его и главную квартиру какъ бы совершенно потерявшими голову и предоставившими ходъ боя исключительно на произволъ судьбы, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права.

При условіяхъ случайнаго боя кромѣ тѣхъ распоряженій, какія въ дѣйствительности были отданы—другихъ трудно и ожидать.

Наибольшая отвѣтственность Апраксина очевидно должна быть за то, что послѣ отраженія ударовъ и по соединеніи линіи 2-й дивизіи съ 1-ю и съ авангардомъ наша армія не перешла въ рѣшительное наступленіе.

Въ этомъ отношеніи насъ должно интересовать—сознавалось ли тогда въ русской арміи значеніе преслѣдованія на полѣ сраженія и внѣ его? Такъ какъ послѣ боевой школы Петровскихъ войнъ нельзя и предположить отрицательнаго отвѣта, то постараемся вникнуть: имѣлъ ли Апраксинъ средства вести преслѣдованіе Левальда по пятамъ?

Обвиненіе Сибильскаго, объясненіе по этому поводу Вейсарна и другіе документы [33] показываютъ, что значеніе преслѣдованія отлично сознавалось, но по отраженію атаки пруссаковъ у Апраксина не было подъ рукою войскъ въ должномъ порядкѣ для преслѣдованія.

Офиціальный документъ [34] объясняетъ, что «когда непріятель въ лѣсъ ушелъ арміи остановиться и собраться велѣлъ (главнокомандующій) въ такомъ разсужденіи, что дальнее преслѣдованіе непріятеля черезъ лѣсъ наше войско не только разстроить, разсѣять, но легко въ опасность привесть могло бы».

Съ основательностью этого нельзя не согласиться; вся армія, послѣ веденія боя по частямъ и въ лѣсу, не могла двинуться; резервъ же сдѣлалъ свое дѣло и, выдержавъ лѣсной бой, былъ если не въ большемъ, то и не въ меньшемъ безпорядкѣ, чѣмъ непріятель.

Въ наибольшей готовности для дѣла оставался только корпусъ Сибильскаго, и будь на мѣстѣ этого, крайне не самостоятельнаго генерала, другой (болѣе способный), то онъ загладилъ бы ошибку своего бездѣйствія въ началѣ боя.

Веймарнъ категорически указываетъ, что главнокомандующій предоставилъ Сибильскому право выбрать войско для преслѣдованія, «а онъ отправился съ одними драгунами, безъ пѣхоты и артиллеріи»[34] *).

Поведеніе русскихъ войскъ и ихъ частныхъ начальниковъ въ Гр. Егерсдорфскомъ бою, при самыхъ строгихъ требованіяхъ, является поучительнымъ образцомъ какъ въ отношеніи могущественнаго значенія нравственнаго элемента, такъ находчивости и распорядительности частныхъ начальниковъ. Отличія 1-го гренадерскаго, 2-го Московскаго, Нарвскаго, Своднаго гренадерскаго, Новгородскаго, Троицкаго, 2-го гренадерскаго, Кіевскаго, вынесшихъ бой на своихъ плечахъ, фактически указываютъ, что эти единицы, на долю которыхъ выпало быть на самыхъ рѣшительныхъ пунктахъ, не только не были приведены въ безпорядокъ «фуріознымъ» наступленіемъ, но стойкостью и сообразностью дѣйствій въ самыя критическія минуты доказали свои отличныя боевыя способности, которыя въ случайномъ сраженіи всегда видиѣе, чѣмъ въ преднамѣренномъ.

Выборъ мѣста для батарей и дѣйствіе артиллеріи въ бою 19-го августа свидѣтельствуютъ традиціонную особенность русской артиллеріи въ смыслѣ успѣшнаго употребленія и искуснаго ея дѣйствія. Изъ указанныхъ фактовъ нельзя не вывести заключенія, что на обоихъ флангахъ (у Фермора и Сибильскаго) успѣхъ отраженія обѣихъ атакъ въ значительной мѣрѣ обусловливался успѣшною стрѣльбою батарей съ самыхъ близкихъ дистанцій картечью.

Голые факты показываютъ, что ни до, ни во время, ни послѣ Гр. Егерсдорфскаго боя, регулярная конница ни-

---

*) Церемонное отношеніе и довѣрчивость Апраксина къ «славному партизану», Сибильскому («знаменитому» по мнѣнію Петербургской Конференціи)—внѣ всякаго сомнѣнія. Дѣйствительныя же заслуги этого авантюриста и то зло, которое онъ принесъ своимъ донесеніемъ Елизаветѣ, нами разсмотрѣно въ приложеніи, къ разборѣ источниковъ.

сколько не помогла остальнымъ родамъ войскъ одержать побѣду и воспользоваться результатами. Съ перваго же шага слабые эскадроны были смяты превосходною прусскою конницею и въ полномъ безпорядкѣ отброшены за Норкитенъ. Этотъ, настолько выдающійся, фактъ именно и заставилъ насъ, во всѣхъ подробностяхъ, остановиться на причинахъ, по которымъ регулярная конница принесла въ 1-й годъ Семилѣтней войны только вредъ для нашей арміи. Въ своемъ мѣстѣ мы детально разобрали это, и въ настоящемъ случаѣ можемъ заключить, что единственная причина столь грустнаго факта есть невниманіе къ значенію правильной организаціи конницы, невниманіе въ мирное время къ значенію (важному въ особенности для конницы) военно-административнаго элемента. Вина въ данномъ случаѣ не конницы временъ начала Семилѣтней войны, а вина Миниха, во время котораго начался упадокъ конницы [35].

Наконецъ дѣйствіе резерва въ день Гр. Егерсдорфскаго боя, въ связи съ постояннымъ вниманіемъ главнокомандующаго къ выдѣленію войскъ въ резервъ какъ на случай боя, такъ и въ походѣ указываетъ, что здравыя начала военнаго искусства, положенныя Петромъ Великимъ, были усвоены въ своей своеобразной формѣ. Движеніе резерва Румянцева черезъ густой болотистый лѣсъ, во имя главнѣйшаго Петровскаго принципа («секундированіе единаго другимъ») доказываетъ правильное воспитаніе и геройскую храбрость русскихъ войскъ *).

Переходъ Левальда въ наступленіе вполнѣ соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ; но безполезность рекогносцировки конницы Шорлемера (какъ и всякой успѣшной рекогносцировки, разъ если добытыми свѣдѣніями не пользуются немедленно)—очевидна.

---

*) См. 262 выноску «Строевой и полевой службы русскихъ войскъ» стр. 140, гдѣ нами выяснено, что если бы войска не имѣли высокихъ нравственныхъ принциповъ, то масса нижнихъ чиновъ всегда имѣла возможность скрыться въ лѣсу.

Планъ сраженія, составленный прусскою главною квартирою 18-го августа, былъ ошибоченъ въ основаніяхъ. Если бы предположить, что русская армія не измѣнитъ своего расположенія къ 19-му августа; если бы основаться на томъ, что русская армія приметъ для боя глубокое построеніе (какое-то чудовищное каре), то во всякомъ случаѣ чувствительною стороною въ боевомъ расположеніи русскихъ былъ правый, а не лѣвый флангъ. Въ первомъ случаѣ русская армія отрѣзывалась отъ мостовъ и Инстербурга; во второмъ—при атакѣ лѣваго фланга,—путь отступленія былъ совершенно свободенъ.

Въ дѣйствительности прусская армія направила главный ударъ на лѣвый флангъ, вдобавокъ не замѣтивъ, ни 18-го, ни 19-го числа, что высота у Зитерфельде занята русскими войсками.

Дѣйствія прусскихъ войскъ въ смыслѣ быстроты—отрицательно поучительны. Перестроеніе колонны изъ походнаго въ боевой порядокъ началось на полѣ сраженія въ 3-мъ часу утра, первая же атака конницы (принца Голштинскаго) послѣдовала въ 4-ре, или, что вѣроятнѣе, въ 5-мъ часу. Въ теченіе этого времени не было даже обнаружено, что весь планъ сраженія былъ основанъ на ложныхъ основаніяхъ. Если бы заблаговременно было выяснено дѣйствительное положеніе русскихъ, то нельзя сомнѣваться, что распоряженія Левальда были бы другія. Что же касается до усиленія принца Голштинскаго (праваго фланга) полками Шорлемера, то приказаніе для этого,—послѣдовавшее послѣ отраженія первой атаки, указываетъ только, что Левальдъ слишкомъ поздно оцѣнилъ значеніе своего праваго фланга.

Дѣйствія образцовой прусской конницы какъ до боя 19-го августа, такъ и во время боя остались безъ всякихъ результатовъ. Указанные въ своемъ мѣстѣ факты показываютъ, что рядъ удачныхъ дѣйствій казаковъ впереди фронта рус-

скихъ вынуждаетъ Малаховскаго и Рюша отказаться отъ производства развѣдокъ, вслѣдствіе чего прусская главная квартира не имѣла никакихъ свѣдѣній о положеніи нашей арміи. Въ бою 19-го числа прусская конница не только на всѣхъ пунктахъ была отбита, но даже конница принца Голштинскаго поддалась чрезвычайно ловкому маневру казаковъ, и понесла совершенно напрасныя потери. Поведеніе прусской пѣхоты въ бою тоже нельзя считать образцовымъ *).

Отступленіе Левальда съ поля сраженія къ Велау настолько было поспѣшно и, съ другой стороны, преслѣдованіе его Сибильскимъ настолько слабо, что 19-го-же числа связь между двумя арміями была снова потеряна.

На другой день Апраксинъ «для рекогносцированія непріятеля», вмѣсто отряда Сибильскаго, направилъ особый конный отрядъ, въ составѣ 1500 казаковъ и 100 гусаръ подъ командою Демолина, который въ тотъ же день, сбивъ небольшой передовой отрядъ прусской конницы въ 200 коней (около Бюргендорфа) [37],—появился впереди Велау.

«Развѣдавъ обстоятельно (?) расположеніе непріятельское спереди и позади Велау (Демолинъ) оставилъ оную (т. е. Велау); о чемъ въ тотъ же день рапортовалъ фельдмаршалу».

Насколько были «обстоятельны» донесенія Демолина—судить нельзя. Но по всѣмъ даннымъ Демолинъ не встрѣтилъ значительныхъ силъ у Велау (какъ то и соотвѣтствуетъ дѣйствительности), ибо на другой же день (т. е. 21-го) онъ направился рекогносцировать правый берегъ Прегеля и позиціи у Таплакена, Петердорфа, Вилькендорфа и Таніавы и вернулся къ Велау лишь 27-го числа.

*) Такъ, напримѣръ, 2-я линія не только замялась при наступленіи впередъ, но даже открыла огонь по своимъ.

Независимо отъ выдѣленія отряда Демолина къ Велау, тогда же былъ высланъ и Штофельнъ съ піонерами «для исправленія дорогъ къ Кл. Нуру»; главныя же силы оставались въ окрестностяхъ Гр. Егерсдорфа два дня (20-е и 21-е число), занимаясь перепеченіемъ муки въ хлѣбъ, празднуя побѣду и выжидая извѣстія о положеніи арміи Левальда. Въ эти два дня начинаетъ всецѣло проявляться важное послѣдствіе отъ того, что армія Левальда осталась недобитою.

Дѣло въ томъ, что Левальдъ, приведя въ порядокъ армію у Пушдорфа и переправясь на правый берегъ р. Прегеля, отступилъ на подготовленную имъ укрѣпленную позицію у Вильхенсдорфа (Петерсдорфа), и такимъ образомъ совершенно очистилъ путь на Кенигсбергъ, уступивъ безъ боя оборонительную линію р. Алле. Только 21-го числа Левальдъ исправилъ эту капитальную ошибку, заявъ позицію за р. Алле у Велау; слѣдовательно ясно, что если Сибильскій (высланный для преслѣдованія) не могъ что-либо сдѣлать для развитія успѣха 19-го августа, то, при малѣйшемъ знаніи имъ одной изъ существенныхъ обязанностей начальника конницы при преслѣдованіи,—всегда могъ бы сообщить въ высшей степени важное извѣстіе о направленіи отступленія разбитаго непріятеля. Вотъ почему намъ еще болѣе будетъ понятенъ гнѣвъ Веймарна на Сибильскаго [38], который въ третій разъ доказалъ полную неспособность выполнить тѣ задачи, которыя онъ съ дерзкою самоувѣренностью принималъ на себя.

Не воспользовавшись случаемъ захватить Велау и тѣмъ обезпечить переходъ черезъ р. Алле на прямомъ пути наступленія къ Кенигсбергу, Апраксинъ, для достиженія той же цѣли, былъ принужденъ къ весьма сложному маневру. Онъ, не зная ни особенностей укрѣпленной позиціи у Велау, ни мѣстности около этого пункта, выслалъ,

22-го августа, вмѣсто отряда Демолина (который перешелъ на правый берегъ Прегеля), новый казачій отрядъ, въ направленіи къ Велау. Этотъ послѣдній, пройдя «Велаускій лѣсъ», не былъ однако допущенъ непріятелемъ къ Велау, вслѣдствіе чего остановился у лѣса (въ 5-ти верстахъ не доходя Велау), гдѣ соединился съ Демолинымъ 27-го августа.

Не имѣя такимъ образомъ положительныхъ данныхъ, Апраксинъ не рѣшился форсировать переправу у Велау, и остановился на рѣшеніи переправиться выше Велау и обойти прусскую армію справа *).

23-го вся наша армія сосредоточилась къ К. Нуру, ориентируясь еще въ той совершенно новой и совершенно неизвѣстной обстановкѣ, въ которой она была поставлена событіями. Осторожность русской главной квартиры (столь замѣтная въ прежнихъ ея дѣйствіяхъ) съ этого времени удваивается. Появленіе 24-го августа частей прусской конницы на лѣвомъ берегу р. Алле, противъ Алленбурга, вліяетъ на рѣшеніе безотлагательно усилить бывшій тамъ отрядъ Штофельна; затѣмъ, на другой же день, т. е. 25-го августа, вся армія занимаетъ окрестности Алленбурга [39], который и былъ конечнымъ пунктомъ наступательныхъ операцій Апраксина. Впереди фронта, на лѣвомъ берегу р. Алле, по направленію къ Кенигсбергу, былъ высланъ небольшой отрядъ казаковъ Краснощекова, а противъ Велау оставались по прежнему казаки, соединившіеся съ Демолинымъ лишь 27-го числа. Къ Фридланду былъ высланъ полковникъ Серебряковъ съ казаками, часть которыхъ была направлена въ Шиппенбейль для сбора запасовъ фуража.

Если мы обратимъ вниманіе на стратегическое положеніе русской арміи у Алленбурга и прусской арміи, остававшейся

*) Хотя есть указаніе (помянутое выше), что будто бы Демолинъ доставилъ обстоятельныя свѣдѣнія 20-го числа, но изъ донесеній Демолина очевидно, что рекогносцировка позиціи у Велау была только 28-го числа, т. е. когда прусская армія отступила и за которою онъ первое время слѣдилъ.

съ 22-го по 27-е августа на укрѣпленной позиціи у Велау, то не трудно замѣтить, что Левальдъ имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. Съ занятіемъ Алленбурга русскіе совершенно отказывались отъ прямыхъ своихъ сообщеній съ Россіею на Ковно, и не иначе могли завладѣть Кенигсбергомъ, какъ окончательно разбивъ Левальда у Велау. Въ случаѣ нерѣшительнаго сраженія Левальдъ могъ отступить къ Таніавѣ (также на подготовленную къ оборонѣ позицію) и снова оказать вліяніе на сообщеніе нашей арміи.

Въ главной квартирѣ прусской арміи сознавали крайнее положеніе русскихъ по недостатку продовольствія, что въ особенности гибельно вліяло на конскій составъ нашей арміи. Имѣя запасы у Велау, Кенигсберга, Таніавы и укрѣпленныя позиціи у перваго и послѣдняго пункта, отчасти и у Кенигсберга, Левальдъ, не смотря на общую паніку въ Пруссіи, дѣйствительно свободно могъ рѣшиться довести дѣло до конца, расчитывая, что недостатокъ запасовъ и неминуемое вслѣдствіе того разстройство административнаго порядка сдѣлаютъ свое губительное дѣло.

Прусскій главнокомандующій не выказывалъ ни малѣйшаго намѣренія торопиться развязкою. Пополнивъ убыль рядовъ арміи милиціею и запасы изъ Велаускихъ магазиновъ, Левальдъ спокойно подготовлялся къ рѣшительному бою. Позиція у Велау оказалась неудобною *), и 27-го числа, одновременно съ рѣшеніемъ русскихъ отступить къ Тильзиту,—прусская армія отошла къ Таніавѣ **).

Апраксинъ, въ виду того крайне затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась армія, приказалъ военному

*) При условіи атаки русскою арміею позиціи у Велау со стороны Алленбурга (по лѣвому берегу р. Алле) прусская армія не имѣла пути отступленія. Кромѣ того, Левальдъ опасался за захватъ русскими Лабіавы, что, къ несчастію, было безусловно невозможнымъ [34].

**) Положеніе, сходное съ дѣйствіями русскихъ и французовъ послѣ Малоярославскаго боя 1812 года.

совѣту 27-го августа разсмотрѣть вопросъ о способѣ дальнѣйшихъ дѣйствій первоначально въ отдѣльномъ совѣщаніи полковыхъ командировъ, постановленіе которыхъ передать на обсужденіе генералитета [39].

Отъ штаба главнокомандующаго прежде всего (1-й вопросъ) было заявлено военному совѣту о «*вельми довольно вѣдомомъ*» недостаткѣ продовольствія [40 *]). Затѣмъ указано, что непріятелемъ «на мѣсто потерянной артиллеріей и приведенной вновь изъ Кенигсберга съ излишествомъ себя снабдилъ, всю ландмилицію и старослужащихъ къ себѣ собралъ... наша же армія умалена и умалится». Было обращено вниманіе на возможность прусской арміи воспользоваться знаніемъ и выгодами мѣстности, на подготовку Левальдомъ театра войны, на удобство вести оборонительную войну, на вполнѣ обезпеченное довольствіе прусскихъ войскъ. Всѣ эти выгоды были опредѣленно указаны военному совѣту и значеніе ихъ очевидно сознавалось Апраксинымъ: «то сказать нельзя какъ скоро впередъ баталія съ непріятелемъ быть можетъ, ибо онъ (непріятель) яко извѣстный о всякомъ положеніи мѣста, такъ какъ и до сихъ поръ стараться будетъ крѣпкіе лагери занимать и тѣсные проходы буде не совсѣмъ непроходимыми, то по меньшей мѣрѣ весьма трудными сдѣлать, которые безъ великихъ азардовъ и утраты людей проходить и атаковать не можно; а между тѣмъ имѣющійся еще на 12-ть дней провіантъ... изойти могъ...»

Главнокомандующій даже не намекнулъ военному совѣту на неудачу въ бою; въ этомъ отношеніи онъ предвидѣлъ только возможный случай неполнаго разгрома Левальда отъ «второй выигранной баталіи»; но «кто можетъ ручаться, что непріятель паки въ крѣпкомъ мѣстѣ, каковаго у него весьма

*) См. главу II настоящаго труда.

довольно, назначенный лагерь зѣло укрѣпленъ, остановясь не засѣлъ...», и въ этомъ случаѣ онъ не скрывалъ, что одна эта проволочка погубитъ армію по недостатку довольствія, ослабленію конскаго состава и по безвыходному положенію при эвакуаціи больныхъ и раненыхъ, при бывшемъ неустройствѣ тыла въ предѣлахъ В. Пруссіи.

Вообще исходъ изъ бывшаго положенія для русской арміи могъ быть двоякій: 1) *строго разсчетливый:* возстановить свои сообщенія съ Россіею, пополнить запасы у Тильзита и стремиться къ цѣлямъ прежде принятаго плана, т. е. занять Лабіаву и обезпечить довольствіе подвозомъ флота; 2) *рискованный*—атаковать Левальда на Патерсвальдъ-Велауской позиціи, на лѣвомъ берегу р. Алле, или гдѣ онъ бы ни былъ, предварительно захвативъ Кенигсбергъ конницею и,—разсчитывая на вѣроятность успѣха дѣйствій главныхъ силъ,—завладѣть тамъ запасами.

Военный совѣтъ постановилъ: «Отъ здѣшняго мѣста поворотить въ сторону и пробираться лучшими мѣстами до Тильзита, а прибывъ туда (и обезпечивъ себя довольствіемъ) еще нынѣшнимъ осеннимъ временемъ мѣсто Лабіо и р. Дейме завладѣть и такимъ образомъ къ доставленію себѣ довольствія провіантомъ путь очистить»; т. е. было принято первое рѣшеніе, и намъ кажется лучшее, какъ основанное на правильномъ пониманіи бывшей обстановки. Нравственному элементу въ то время не придавали еще того капитальнаго значенія, которое отведено ему нынѣ, а потому рѣшительно не было мотивовъ для рискованнаго плана дѣйствія; да, какъ кажется, лишенія и недостатки организаціи легко могли перевѣсить: на одну храбрость нельзя было разсчитывать.

Лично Апраксинъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе военнаго совѣта; при чемъ не только не отклонялъ отвѣтственности за

это, но, напротивъ, считалъ ее неминуемой *). «Не я ретировался (доноситъ Апраксинъ 3-го сентября), но его (непріятеля) изъ крѣпкаго мѣста выживъ оное вашему величеству въ подданство подвергнулъ; и тако, со всякою честью и славою, къ Тильзиту поворотилъ *для того,* чтобы утомленное толикими маршами войско въ голодной землѣ какому либо несчастью не подвергнуть. Я весьма удостовѣренъ, что непріятель не можетъ хвалиться, что онъ своими военными хитростями побѣдоносное оружіе принудить могъ свой поворотъ къ Тильзиту,—гдѣ нѣсколько хлѣбу магазинъ учрежденъ,—безъ дальнѣйшихъ прогрессовъ или дачи другой баталіи учинить. Въ свѣжей еще памяти Любошицкая баталія его молчать заставитъ, ибо король Прусскій, побѣдивъ австрійскую армію и бывъ съ гораздо превосходящею силою непріятеля своего не преслѣдовалъ, ниже другую ему баталію далъ. Равнымъ образомъ и высокіе союзники парѣкать не могутъ, когда Колинскую надъ прусскою армією побѣду вспомянутъ и свои марши и контръ-марши разсмотрятъ».

Эти указанія Апраксина очевидно были не безполезны для нашихъ дипломатовъ при сношеніяхъ съ австрійцами, по поводу отступленія. Кромѣ того, разъясненія Апраксина, повидимому, опредѣленно указывали Конференціи, что волею неволею надо помириться съ отступленіемъ. Намѣтивъ образъ дѣйствія прусской и австрійской армій, Апраксинъ поясняетъ: «воинское искусство не *въ томъ одномъ* состоитъ, чтобъ баталію дать и выигравъ далѣе за непріятелемъ *гнаться,*

*) Намъ кажется, что профес. Соловьевъ (Исторія Россіи т. 24 ст. 181) напрасно отнимаетъ всякую самостоятельность у Апраксина въ рѣшеніи вопроса объ отступленіи. Донесеніе Апраксина Елизаветѣ отъ 3-го сентября № 161 (Д. В. У. А. № 224 А) не оставляетъ сомнѣнія, что Апраксинъ вполнѣ искренно раздѣлялъ мнѣніе о необходимости отступленія. «И такъ (между прочимъ доноситъ Апраксинъ), повергая себя, весь генералитетъ и побѣдоносную армію къ стопамъ вашего императорскаго величества, всемилостивѣйше *о себѣ испрашиваю указа*».

но наставляетъ о слѣдствіяхъ *часто перемѣняющихся обстоятельствъ* болѣе разсуждать всякую предвидимую гибель благовременно отвращать и о цѣлости войска неусыпное попеченіе имѣть».

Изъ всего сказаннаго видно, что какъ главнокомандующій, такъ и военный совѣтъ понимали, что отступленіе отъ Алленбурга было равносильно стратегической неудачѣ; для всѣхъ старшихъ начальниковъ была очевидна необходимость, вслѣдствіе «перемѣняющихся обстоятельствъ», «благовременно отвратить» армію отъ «гибели» (пораженія),—что и было предпринято.

Черезъ нѣсколько дней марша уже обнаружилось, что разсчитывать на переходъ въ наступленіе «нынѣшнимъ осеннимъ временемъ»—нельзя, въ виду совершеннаго разстройства конскаго состава и вообще военно-административнаго неустройства; вслѣдствіе чего Апраксинъ 3-го же сентября просилъ Конференцію приказать заготовлять запасы въ Либавѣ [46], куда должна была отступить русская армія.

Разсмотрѣвъ подробно всѣ бывшія обстоятельства, мы позволяемъ себѣ заключить, что причины отступленія русской арміи отъ Алленбурга къ Тильзиту слѣдующія:

1) Крупные недостатки организаціи русской арміи какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Главнѣйшій изъ нихъ безусловная зависимость главнокомандующаго отъ Конференціи.

Главнокомандующій, при бывшихъ условіяхъ, долженъ былъ прежде всего заботиться объ отчетѣ Конференціи за каждый сдѣланный имъ шагъ, по каждому выдающемуся распоряженію; а это одно ставило на первый планъ ту чрезмѣрную осторожность въ распоряженіяхъ, съ которою мы постоянно встрѣчаемся во все время Семилѣтней войны. Это связывало руки впослѣдствіи даже Румянцеву.

2) Основныя правила русскаго военнаго искусства того времени находились еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія.

Апраксинъ, Веймарнъ, Панинъ, Штофельнъ, Ливенъ, Лопухинъ не принадлежали къ числу самобытныхъ геніевъ; но далеко нѣтъ основаній считать ихъ «жалкою бездарностью». Факты (въ особенности споры съ Конференціею относительно плана кампаніи, назначенія кавал. корпуса Сибильскаго, высылка всей конницы впередъ фронта, назначеніе резерва въ день боя 19-го августа и т. п.) показываютъ, что генералы эти были далеко не безъ знаній и дарованій, но самыя «основы воинскаго искусства», на которыя такъ часто ссылаются реляціи Апраксина,—были еще мало выяснены; а потому въ нихъ наши генералы того времени не имѣли еще прочнаго пособія, облегчающаго веденіе операцій *).

3) Система довольствія войскъ въ военное время и въ особенности устройство тыла совсѣмъ не были разработаны, что, какъ мы отмѣтили, остается почти открытымъ вопросомъ и въ позднѣйшее время.

---

*) Такъ наприм. сборъ свѣдѣній о непріятелѣ въ 1757 г. главнымъ образомъ основывается на свѣдѣніяхъ, доставляемыхъ шпіонами, а не на дальнихъ развѣдкахъ. Этимъ мы и объясняемъ, что, наприм., наши казаки съумѣли очистить стратегическій фронтъ отъ гусаръ Малаховскаго и Рюша, но не дали никакихъ свѣдѣній о положеніи арміи Левальда, наприм., 18-го августа и только потому, что этого отъ нихъ опредѣленно не потребовали. Значеніе скрытности и быстроты дѣйствія (и въ особенности при столь рискованныхъ маршахъ, какъ стратегическій обходъ), значеніе преслѣдованія (не смотря на уроки Петра I) все это было еще не вполнѣ установившимся. Наконецъ увлеченіе огнемъ, игнорированіе штыка и недостаточная оцѣнка значенія высокаго нравственнаго элемента (что составляло главную драгоцѣнную особенность русскаго солдата), правильное устройство подвоза запасовъ—вотъ капитальные пробѣлы, при тогдашнемъ состояніи военнаго искусства въ Россіи, пробѣлы, въ которыхъ не виновны генералы того времени. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ, что даже безспорно талантливые наши генералы, какимъ былъ Румянцевъ, Салтыковъ, и тѣ грѣшили противъ помянутыхъ принциповъ; такъ напримѣръ Румянцевъ въ 1758 г. при слѣдованіи съ конвымъ отрядомъ къ Кюстрину; пассивность Фермора въ день Цорндорфа. Исторія военнаго искусства въ Россіи въ будущемъ, нельзя сомнѣваться, укажетъ, что всѣ въ общихъ чертахъ намѣченные пробѣлы были во многомъ пополнены именно опытами Семилѣтней войны; двинуты впередъ тѣмъ же Румянцевымъ, Захаровымъ, Чернышевымъ, Виллимомъ Фермором, Петромъ Салтыковымъ и наконецъ знаменитымъ Суворовымъ, практически образовавшимъ себя въ Семилѣтнюю войну.

Наконецъ 4) въ многомъ виновата была и внѣшняя политика, направляемая Бестужевымъ, не давшая главнокомандующему опредѣленной цѣли дѣйствія — директивъ, которыя должны были служить основными данными плана кампаніи.

Подозрѣвать Апраксина въ измѣнѣ, въ участіи въ какой-то политической интригѣ, вслѣдствіе которой онъ умышленно отступилъ отъ Алленбурга, позволимъ себѣ заключить,— преступно. Извѣстныя выдумки на Апраксина опровергаются не единичными фактами,—которые замѣтилъ знаменитый нашъ историкъ Соловьевъ *), а внимательнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ бывшихъ обстоятельствъ (критическимъ анализомъ военно-историческихъ фактовъ), разсмотрѣніемъ операцій отъ начала до конца.

Наши попытки ближе вникнуть въ бывшее положеніе арміи убѣждаютъ, что отступленіе русской арміи отъ Алленбурга было безусловною необходимостью, въ виду крайне неблагопріятно сложившейся стратегической обстановки. Рѣшеніе по сему военнаго совѣта 27-го августа совершенно

*) Эти выдумки, получившія громкую историческую извѣстность, нами разсматриваются особо въ разборѣ источниковъ (и въ особенности труда г. Семевскаго: «Противники Фридриха»). Замѣтимъ здѣсь нѣсколько важнѣйшихъ, указанныхъ Соловьевымъ. Высокопочтенный нашъ историкъ чрезвычайно мѣтко указалъ, что подозрѣвать Апраксина въ умышленномъ отступленіи (какъ извѣстно, по предположенію, въ угоду Петру III и Екатеринѣ II), значитъ заподозрить въ измѣнѣ всѣхъ старшихъ начальниковъ арміи, которые констатировали невозможность продолжать отъ Алленбурга дальнѣйшее наступленіе. Съ логичностью этого довода нельзя не согласиться. Но скептикамъ этого конечно недостаточно, и историкъ указываетъ фактъ, который долженъ бы дѣйствовать убѣдительно; а именно, что припадокъ съ императрицею (какъ полагали—смертельный, почему и ожидали воцаренія Петра III) былъ 8-го сентября, а армія отступила 28-го августа. Но если брать этотъ единичный фактъ, то онъ можетъ быть однако не убѣдителенъ. Дѣло въ томъ, что 27-го августа было рѣшено отойти только къ Тильзиту съ тѣмъ, чтобы осенью же перейти въ наступленіе на Либаву. Самое важное (по своимъ послѣдствіямъ) рѣшеніе военнаго совѣта было 13-го и 28-го сентября, а не 27-го августа; такимъ образомъ, если бы дѣйствительно была интрига, то Бестужевъ имѣлъ возможность дать знать Апраксину о болѣзни императрицы. Повторимъ, нелѣпость слуха, «пущеннаго французскимъ посольствомъ», опровергается разсмотрѣніемъ того стратегическаго (въ обширномъ смыслѣ) положенія, въ которомъ находилась русская армія.

правильно и самое отступленіе начато своевременно. Этимъ уклоненіемъ отъ боя арміи была дана возможность оправиться и съ избыткомъ вознаградить стратегическую неудачу кампаніи 1757 г. при первой возможности; таковая явилась въ концѣ декабря 1757 г., когда былъ занятъ Кенигсбергъ, безъ всякихъ потерь.

ГЛАВА VIII.

Краткій очеркъ обстановки 27-го августа, т. е. къ началу отступленія русской арміи отъ Алленбурга къ Тильзиту.—Порядокъ отступленія русскихъ отъ Алленбурга до Инстербурга.—Бездѣйствіе прусскихъ войскъ.—Появленіе прусскихъ гусаръ у Гумбинена и слѣдствіе этого.—Движеніе большей части русской конницы въ направленіи къ Тщулькинскому лѣсу.—Занятіе этого лѣса.—Порядокъ слѣдованія русскихъ отъ Инстербурга до д. Сеслакина.—Преслѣдованіе Левальдомъ.—Движеніе русскихъ отъ Сеслакина до Тильзита.—Нерѣшительныя дѣйствія прусскихъ войскъ.—Общее положеніе дѣлъ при занятіи русскими Тильзита.—Необходимость русской арміи уклониться отъ боя подъ Тильзитомъ.—Переправа русскихъ войскъ черезъ р. Нѣманъ.—Движеніе главныхъ силъ русской арміи отъ Тильзита къ Мемелю.—Требованіе Конференціи отъ главнокомандующаго рѣшительныхъ дѣйствій.—Постановленіе военнаго совѣта въ д. Лапиненъ.—Приказаніе главнокомандующаго о размѣщеніи войскъ на зимнихъ квартирахъ.—Указъ императрицы Елизаветы (за собственноручною подписью) о немедленномъ наступленіи арміи Апраксина въ В. Пруссію.—Невозможность исполненія этого.—Постановленіе по сему военнаго совѣта въ Мемелѣ.—Расположеніе арміи на зимнихъ квартирахъ.—Отрѣшеніе Апраксина отъ должности и преданіе его суду.—Общее заключеніе.

Русской арміи предстояло исполнить отступательно-фланговый маршъ отъ Алленбурга къ Тильзиту при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Направленіе предстоящаго марша было въ высшей степени невыгодно, такъ какъ приходилось снова прибѣгнуть къ стратегическому обходу прусской арміи, слѣдуя по окружности, центръ которой былъ занятъ «строгимъ» непріятелемъ, сохранившимъ полный порядокъ и, по всѣмъ даннымъ,—искавшимъ случая смыть пятно неудачи Гр. Егерсдорфскаго боя.

Состояніе дорогъ, наступившая дождливая пора, нравственное настроеніе войскъ (отступленіе послѣ побѣды), полный недостатокъ фуража для подъемныхъ лошадей, тѣсная связь войскъ съ ихъ обозомъ, полное разстройство конницы, все это вмѣстѣ затрудняло до крайности поддержаніе какъ порядка, такъ и боевой готовности во время марша и само собою губительно вліяло на должную быстроту движенія.

Неравенство силъ (замѣтное въ началѣ кампаніи) видоизмѣнилось не въ пользу русскихъ.

Левальдъ считалъ въ рядахъ своей арміи (послѣ пополненія убыли) до 30,000 [1] (Демолинъ считаетъ — въ 40,000) [2]; русская же армія со всѣми строевыми и нестроевыми была численностью до 60,000. Если же принять въ расчетъ небоевой элементъ, нарядъ командъ для помощи обоза, совершенное разстройство регулярной конницы, то очевидно, что русская армія не могла имѣть двойнаго перевѣса въ силахъ надъ непріятелемъ, какъ показываютъ голыя цыфры.

28-го августа [3]. Демолинъ донесъ Апраксину объ отступленіи прусской арміи изъ Велау по направленію къ Таніавѣ, но это нисколько не повліяло, да и не могло повліять, на измѣненіе постановленія военнаго совѣта 27-го числа.

Изъ донесенія Апраксина отъ 30-го числа видно, что онъ находилъ отступленіе Левальда вызваннымъ его (Апраксина) «стратежемою». Апраксинъ полагалъ, что прусскій главнокомандующій «для того только сію ретираду учинилъ, чтобъ опасаясь моего прямо къ Кенигсбергу чрезъ Алленбургъ слѣдованія, лучшее и крѣпчайшее мѣсто, каковыхъ у него отъ рѣки Алы до Кенигсберга нѣсколько заготовлено,—занять и проходу моему тѣмъ болѣе препятствовать могъ» [4].

Это предположеніе, какъ оказывается, было совершенно вѣрно. Левальдъ, оцѣнивъ значеніе (и нынѣ еще болотистыхъ) Фришгенгскихъ лѣсовъ,—прикрываясь которыми Апраксинъ могъ направиться прямо на Кенигсбергъ,—отступилъ къ

Таніау и затѣмъ, чрезъ Фришгеинъ и Боргерсдорфъ, перешелъ къ Удервангену съ цѣлью прикрыть кратчайшій доступъ русскихъ къ Кенигсбергу; въ случаѣ же бездѣйствія или медленнаго дѣйствія Апраксина, рѣшилъ атаковать русскихъ [5].

Отступленіе Левальда изъ Велау существенно облегчило положеніе нашей арміи. Благодаря этому маневру, наиболѣе опасный участокъ предстоящаго пути слѣдованія (отъ Алленбурга на Юдлаукенъ до Инстербурга *) въ дѣйствительности могъ быть исполненъ внѣ опасности отъ атаки непріятеля на маршѣ и вообще фланговo-отступательное движеніе (обходъ) обращалось просто въ отступательное.

Для прикрытія марша русскихъ войскъ главнокомандующій образовалъ сильный арріергардъ изъ 7-ми полковъ пѣхоты и, кромѣ того, приказалъ: а) Демолину съ казаками наблюдать за непріятелемъ, отступившимъ къ Таніавѣ [6]; б) Краснощекову съ 3000 Донскихъ казаковъ направиться къ Фридланду [7], съ цѣлью демонстрировать къ Кенигсбергу; в) Серебрякову, тоже съ Донскими казаками, направиться отъ Фридланда на Гердауенъ къ Норденбургу [8]. Краснощековъ и Серебряковъ должны были, между прочимъ, собрать запасы. Съ этою цѣлью (а также для демонстраціи къ Кенигсбергу) Краснощековъ выслалъ на лѣвый берегъ р. Алле полковника Дячкина. Послѣдній вернулся къ арміи 31-го числа, пригнавъ 1000 штукъ рогатаго скота [9].

29-го главныя силы арміи Апраксина, огибая Астравишкинскій лѣсъ, слѣдуя вверхъ по р. Свине, отошли къ Ильменедорфу, гдѣ 30-го числа была дневка, въ виду бывшаго въ этомъ пунктѣ нѣкотораго запаса фуража [8]. 31-го армія продолжала движеніе на Мульдценъ, Астравишкенъ (почлегъ съ 31-го на 1-е), Юдлаукенъ (съ 1-го на 2-е),

*) См. схему № 4.

Еникшенъ (съ 2-го на 3-е), гдѣ, въ виду слуховъ о появленіи непріятельской конницы у Гумбиннена, движеніе было задержано на день; 4-го числа вся армія сосредоточилась у Инстербурга [9].

Въ прусской главной квартирѣ долго не было вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи и движеніи русскихъ войскъ. Направленіе отступленія русскихъ оставалось не выясненнымъ, и Левальдъ понялъ въ чемъ дѣло только тогда, когда наша армія подходила къ Инстербургу [10].

Служба казаковъ и въ этомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе. Набѣгъ Дячкина въ направленіи къ Кенигсбергу несомнѣнно привлекъ вниманіе пруссаковъ; тѣмъ не менѣе прусская конница (бывшая у Боргердорфа), по тѣмъ или другимъ причинамъ, не только не воспрепятствовала Дячкину угнать скотъ, но не выслѣдила и направленія его отступленія. Дѣйствія гусаръ Рюша (назначенныхъ противъ перегулярныхъ, появившихся у Фридланда и Гердауена), тоже самое не достигли никакихъ результатовъ. Маіоръ Бейстъ съ прусскими гусарами (бывшій противъ Демолина) бездѣйствовалъ, и Демолинъ, добывъ всѣ необходимыя свѣдѣнія,— спокойно отошелъ къ главнымъ силамъ по исполненіи даннаго ему порученія (обрекогносцировать путь Велау-Таніаву).

Столь успѣшное дѣйствіе казачьихъ отрядовъ, въ связи съ прежними удачными результатами столкновенія казаковъ съ прусскими гусарами впереди фронта, объясняется способностью казаковъ къ передовой службѣ, ловкостью, подвижностью ихъ отрядовъ, умѣньемъ выбрать способъ дѣйствія противъ регулярной конницы (пришаровиться къ «обыкновенію» непріятеля), такъ что прусская конница не могла справиться и соперничать съ безформенными дѣйствіями казаковъ при отправленіи послѣдними стратегической службы конницы. Только благодаря этому Левальдъ такъ поздно убѣдился въ отступленіи русскихъ.

4-го сентября, когда главныя силы Апраксина заняли Пистербургъ, прусская армія перешла наконецъ въ наступленіе и къ этому числу достигла д. Генслакенъ [13] (не доходя Таплавы).

Съ занятіемъ Пистербурга хотя стратегическое положеніе русской арміи было болѣе выгодное, чѣмъ въ Алленбургѣ, но Левальдъ могъ однако въ сильной степени затруднить движеніе арміи Апраксина. Ближе всего это видно изъ того крайняго (и вполнѣ основательнаго) безпокойства, которое было въ русской главной квартирѣ, при извѣстіи о набѣгѣ горсти прусскихъ гусаръ на Гумбиненъ и о сожженіи тамъ продовольственнаго магазина.

Апраксинъ, отказавшись временно отъ сообщеній съ Ковною, оставилъ безъ наблюденія мѣстность на правомъ берегу р. Прегеля. Геридорфу было приказано запасы, остававшіеся въ Гумбиненѣ, перевести въ Пистербургъ, а самому отправиться въ Тильзитъ. Почему-то это не было въ точности исполнено. Часть запасовъ и слабая команда оставались въ Гумбиненѣ, а съ остальнымъ «полковникъ Геридорфъ отбылъ въ Тильзитъ» [14].

Пользуясь тѣмъ, что на правомъ берегу р. Прегеля не было русскихъ, летучій отрядъ прусскихъ гусаръ свободно прошелъ до Гумбинена, захватилъ въ немъ нѣсколько плѣнныхъ и уничтожилъ магазинъ [14].

2-го сентября было получено въ русской главной квартирѣ извѣстіе о набѣгѣ на Гумбиненъ. Относительно ничтожные результаты этого набѣга очевидно не могли остановить на себѣ вниманіе. Правда, армія, имѣя запасы всего до 8-го сентября, дорожила провіантомъ, но на Гумбиненскій складъ, въ виду незначительности запасовъ,—не особенно разсчитывали. Геридорфъ «съ командою» и былъ отдѣленъ въ Тильзитъ для организаціи транспорта, и послѣдній (гдѣ только однихъ сухарей было 2000 пуд.) долженъ былъ дви-

гаться на встрѣчу 1арміи. Разъ если бы прусской конницѣ удалось напасть на этотъ транспортъ и направить, куда слѣдуетъ, банды вооруженныхъ жителей, скрывавшихся въ лѣсахъ (особенно важно въ Тцулкинскомъ), то это обстоятельство могло поставить армію въ самое крайнее положеніе.

Для предупрежденія такихъ неблагопріятныхъ послѣдствій отъ развитія партизанскихъ дѣйствій, Апраксинъ на 3-е сентября задержалъ армію въ д. Енишкенахъ и выслалъ всю конницу (регулярную и перегулярную) въ направленіи къ Тцулкинскому лѣсу; Штофельну (устроившему 6-ть мостовъ у Инстербурга съ 1800 піонерами) приказано оставить часть этой конницы для обезпеченія мостовъ [15].

Имѣла ли высланная конница какое-либо столкновеніе съ непріятелемъ — неизвѣстно. Тцулкинскій лѣсъ, несомнѣнно, былъ занятъ русскими; никакихъ больше набѣговъ прусской конницы не было; вооруженные жители никакого сопротивленія не оказали.

По распредѣленіи войскъ въ Алленбургѣ по дивизіямъ, 1-я (Фермора) поступила подъ начальство генерала Берга; 2-ю (Лопухина) принялъ Ферморъ и эта дивизія названа 3-ю; а 3-я дивизія перемѣнила только названіе — 2-й, но оставалась подъ начальствомъ Броуна. Кромѣ того, было перемѣщеніе нѣкоторыхъ полковъ въ дивизіяхъ [16].

До д. Енишкенъ русскія войска слѣдовали одною колонною, имѣя арріергардъ въ составѣ 6-ти полковъ пѣхоты и казаковъ. Арріергардъ сохранялъ полную боевую готовность, что строго соблюдалось и въ главныхъ силахъ, не смотря на значительное удаленіе непріятеля. Обозы до Енишкенъ были съ правой стороны походной колонны, а по полученіи извѣстія о случаѣ въ Гумбинненѣ войска шли по обѣимъ сторонамъ обозной колонны [17].

Разсказы о неистовствахъ русскихъ до занятія Инстербурга не имѣютъ рѣшительно никакихъ основаній [18]. Отдѣльные

случай поджоговъ и мародерства весьма вѣроятны (таковъ духъ времени), но подобный безпорядокъ (какъ свидѣтельствуетъ Газенкампсъ [19]) въ одинаковой степени былъ произведенъ и прусскими войсками. Только «съ поворота» отъ р. Инстера, въ виду перехода Левальда въ наступленіе и безусловной невозможности русской арміи принять бой,— Апраксинъ, «для отнятія у непріятеля способовъ къ пропитанію и къ слѣдованію за опою», всѣ деревни (по дорогѣ) между Инстербургомъ и Тильзитомъ «сожегъ» [20].

Для отступленія главныхъ силъ русской арміи отъ Инстербурга до Тильзита была выбрана дорога по правому берегу р. Инстера на д. Сеслакинъ, оттуда на Тильзитъ. До д. Сеслакина дорога проходила по гористой мѣстности, съ крутыми подъемами и спусками, при чемъ отъ дождей дно лощинъ, лежащихъ по дорогѣ,—сдѣлалось въ высшей степени трудно-проходимымъ.

Обстоятельство это обратило на себя вниманіе русской главной квартиры. Для удобства движенія было признано необходимымъ раздѣлить силы и двигаться по обѣ стороны р. Инстера. 1-я и 2-я дивизіи, подъ личнымъ начальствомъ Апраксина, слѣдовали по правому, а 3-я дивизія по лѣвому берегу р. Инстера [21]. Подобное раздѣленіе силъ (весьма опасное при наступленіи) въ данномъ случаѣ особаго неудобства не имѣло, такъ какъ обстановка дѣйствительно была такова, что необходимо было принять всѣ мѣры, дабы, до поры до времени, скорѣе уклониться отъ боя. Къ счастію непріятель далъ нашей арміи всѣ къ тому средства.

5-го сентября 1-я и 2-я дивизіи (правая колонна) начали переправу черезъ р. Инстеръ, но въ этотъ день могли отойти всего на 4 версты до д. Голубъ (?) [22]. 6-го числа правая колонна продолжала слѣдовать до д. Сеслакина (17 верстъ), но вслѣдствіе помянутыхъ неудобствъ 2-я дивизія, слѣдовавшая въ хвостѣ съ обозами, растянулась на всемъ

пути до той степени, что окончательно собралась къ д. Сеслакинъ лишь 8-го сентября. 3-я дивизія (лѣвая колонна) по тѣмъ же причинамъ была задержана, такъ что весь отрядъ окончательно соединился въ Сеслакинѣ лишь 8-го сентября, куда къ этому числу прибылъ встрѣченный транспортъ съ сухарями [23] и войска, такимъ образомъ, получили довольствіе «изъ рукъ въ ротъ». Въ Сеслакинѣ нагналъ армію трубачъ, посланный Левальдомъ съ предложеніемъ о размѣнѣ плѣнныхъ, но отвѣта не послѣдовало и трубача оставили при арміи [23]. Только этого числа, т. е. 8-го сентября, авангардъ Левальда занялъ Инстербургъ, а на другой день туда же прибылъ и самъ главнокомандующій съ главными силами [24].

При подобныхъ обстоятельствахъ нельзя и винить Апраксина, что онъ принялъ всевозможныя, практиковавшіяся въ то время мѣры, чтобы положить преграду наступленію прусской арміи, и прибѣгнулъ къ столь рѣшительной, какъ окончательное обращеніе въ пустыню мѣстности между собою и непріятелемъ.

9-го сентября русская армія направилась на Сцилепъ въ полной боевой готовности [25], подобно тому, какъ и при слѣдованіи отъ Енишкенъ до Инстербурга: пѣхота двигалась по обѣ стороны обозовъ, готовая къ построенію «продолговатаго каре». Пройдя всего около 9-ти верстъ, у д. Сехветенъ армія остановилась на ночлегъ, а 10-го числа заняла Зомерау (пройдя 10-ть верстъ). Здѣсь въ первый разъ русскою главною квартирою были приняты мѣры охраненія съ запада противъ непріятеля, появляющагося, по слухамъ, со стороны Лабіавы. Это былъ авангардъ принца Голштинскаго.

Левальдъ изъ Инстербурга выслалъ пр. Голштинскаго съ большею частью конницы и баталіономъ пѣхоты на Сеслакинъ, куда этотъ авангардъ прибылъ въ день выступленія нашихъ войскъ, т. е. 9-го сентября. Изъ Сеслакина прусскій авангардъ направился на Ауловенен [23], куда 12-го

числа выступилъ и самъ Левальдъ прямо изъ Инстербурга. Въ тотъ же день наша армія, сдѣлавъ 12-ти верстный переходъ, заняла Тильзитъ, а на другой день (13-го числа) прусскій авангардъ занялъ Шилингиненъ, т. е. ближайшія окрестности Тильзита.

Изъ изложеннаго видно, что, при малѣйшемъ желаніи, Левальдъ имѣлъ полную возможность захватить операціонную линію русскихъ (преслѣдованіе само собою обратилось въ параллельное) и вынудить Апраксина къ рѣшительному бою подъ Тильзитомъ, при самой невыгодной обстановкѣ.

Условія, при которыхъ русской арміи приходилось принимать бой подъ Тильзитомъ были слѣдующія.

1) Болѣзненность, столь замѣтная прежде, значительно усилилась. О развитіи болѣзней мы можемъ приблизительно судить напр. по слѣдующимъ цыфровымъ даннымъ. 14-го сентября въ арміи больныхъ числилось 6321; 20-го числа того же мѣсяца—8996 человѣкъ [27]. Въ одинъ день (20-го числа) заболѣло: 465, умерло 50. Это вполнѣ понятно при отступательныхъ маршахъ недостаткѣ довольствія и при бездорожьи.

2) Постоянное озлобленное отношеніе жителей къ войскамъ, сжиганіе селъ и т. п. не могло не вліять деморализующимъ образомъ. Если нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что цѣлость арміи оставалась еще непоколебима, то полагаемъ, что утомленной и нравственно и физически арміи невозможно было ставить рискованныя испытанія. При этихъ условіяхъ ближайшею задачею главнокомандующаго естественно было сохранить армію, дать ей возможность оправиться.

3) Стратегическое и тактическое положеніе нашей арміи у Тильзита было безусловно невыгодное.

Оставаться и упорно оборонять Тильзитъ было невозможно, такъ какъ коммуникаціонныя линіи не были обезпечены.

Изъ Мемеля (какъ видѣли) вверхъ по теченію «по неспособности рѣки» не могъ провести суда даже (впослѣдствіи знаменитый) Суворовъ. Изъ Ковно (гдѣ вообще запасовъ оставалось немного) сплавъ настолько былъ не безопасенъ, что въ началѣ сентября было приказано потопить у Юрбурга цѣлый транспортъ провіанта. Наконецъ, въ тылу (въ окр. Хвейданъ, Таурогена и Россіенъ) мѣстныхъ средствъ совсѣмъ не было для довольствія всей арміи, какъ то ясно видно изъ заподрядовъ Штофельна [28].

Переходъ въ наступленіе на Лабіаву не имѣлъ никакого основанія потому, что доставка запасовъ по Куришъ-гафу была невозможна *); армія, занявъ Кенигсбергъ, все равно не имѣла бы провіанта. Кромѣ того, движеніе на Лабіаву было возможно лишь послѣ побѣды надъ армію Левальда, занявшую окрестности Тильзита. Наконецъ, движеніе въ осеннюю пору по болотисто-лѣсистымъ участкамъ (нынѣ Морзбрукъ, Попелянскіе, Друскеникскіе лѣса), — по произведеннымъ рекогносцировкамъ Демолиньимъ,—было немыслимо. Въ подтвержденіе этого Демолинъ наглядно указывалъ, что именно эта мѣстность признана *«издавна* авантажной изъ всей Пруссіи, въ которой укрѣпившіеся всегда противиться могли тройному и четвертному числу атакующихъ» [29]; при этомъ Демолинъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ прежнихъ оборонительныхъ дѣйствій въ В. Пруссіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ обратить вниманіе на опасное положеніе русской арміи въ тактическомъ отношеніи, если бы она приняла бой на лѣвомъ берегу Нѣмана. Армія имѣла бы въ тылу рѣку, безъ обезпеченныхъ переправъ, и на флангахъ города (Тильзитъ и Рагнитъ), занять которые было невозможно.

Такимъ образомъ русскимъ оставалось одно средство атаковать армію Левальда и въ случаѣ неудачи рисковать

*) См. В. Сбор. 1862 г. № 5; прим. стр. 54—55.

окончательнымъ пораженіемъ. Если на столь рискованный шагъ русскіе генералы не рѣшались подъ Алленбургомъ, то тѣмъ болѣе это было неумѣстно подъ Тильзитомъ. Все это показываетъ намъ, что единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ было—уклониться отъ боя, дать арміи оправиться, что и было безъ колебанія принято Апраксинымъ.

Согласно постановленію военнаго совѣта 13-го числа [30] и приказанію главнокомандующаго было исполнено слѣдующее:

1) Выбраны изъ полковъ конницы «лучшія строевыя лошади сколько возможно болѣе и по числу ихъ люди оставлены при арміи; а остальныя отправлены на Ковно и далѣе къ Столбцамъ».

2) «Городъ Тильзитъ (было сначала рѣшено) удержать какъ долго возможность допустить...», для чего назначены 3-ри полка пѣхоты (4-й Гренадерскій, Ладожскій и Угличскій)... «такожъ при Шанценъ-крутъ на устьѣ р. Гелѣ и при Альтеруссѣ, по той сторонѣ Мемеля, быть по одному баталіону и по 4-ре пушки (взявъ ихъ съ галеръ), кои когда-бъ нужда востребовала разорвать можно. А въ Тильзитъ прибавить... всего 8-мь орудій» (какія войска были неизвѣстно).

3) Общее командованіе войсками у Тильзита поручалось геп.-маіору Резанову и бригадиру Уварову, а остальныя войска переведены па правый берегъ.

4) Въ Тильзитѣ, Альтруссѣ и Шанценъ-кругѣ «сдѣлать приличные редуты», чего однако не успѣли.

5) Изъ числа нерегулярныхъ 4000 Донскихъ казаковъ оставить при арміи, а всѣхъ остальныхъ нерегулярныхъ (кромѣ калмыковъ) отправили на Донъ разными путями.

Однако исполнить отступательную переправу почти въ виду непріятеля было не такъ легко. Дѣло въ томъ, что ни Апраксинъ, ни кто изъ «генералитета» не предвидѣлъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ армія будетъ находиться подъ

Тильзитомъ. На совѣщаніяхъ въ Алленбургѣ, «разсуждая по однимъ только ландкартамъ» (какъ признается Апраксинъ) [31], полагали, что еще осенью будетъ возможно перейти въ наступленіе къ Лабіавѣ. Никто, до августовской рекогносцировки Демолина, не придавалъ мѣстности въ устьяхъ Нѣмана особаго значенія, никто не предвидѣлъ продолжительныхъ проливныхъ дождей и, едва ли не главное—серьезнаго перехода Левальда въ наступленіе. Все это теперь осуществилось, а между тѣмъ ни для подготовки Тильзита къ упорной оборонѣ, ни обезпеченной переправы чрезъ р. Нѣманъ ничего не было сдѣлано. За все это теперь разомъ принялись; но при тогдашней бѣдности техническихъ средствъ даже устройство необходимаго числа мостовъ (энергичнымъ Демолинымъ) не могло быть скоро исполнено.

По бывшему единственному мосту на сваяхъ 13-го числа перешла конница, 14-го начала переправу пѣхота и только 15-го сентября были готовы два другихъ вспомогательныхъ моста [32], что и дало возможность 16-го окончить переправу всѣхъ главныхъ силъ съ обозами. Въ этотъ же день авангардъ главныхъ силъ Левальда прибылъ въ Аргеникенъ и вслѣдствіе общаго положенія дѣлъ,—по которому не признавалось возможнымъ принимать боя, и дабы воспрепятствовать непріятелю дальнѣйшее преслѣдованіе,—17-го сентября арріергардъ очистилъ Тильзитъ и Рагнитъ, отступивъ за Нѣманъ; при этомъ Рагнитъ былъ сожженъ до тла, такъ какъ при отступленіи по частямъ казачьихъ войскъ жители открыли огонь.

Вслѣдъ за отступленіемъ арміи были разобраны всѣ мосты, оставались только сваи.

18-го сентября непріятель занялъ Тильзитъ. Для воспрепятствованія переходу его въ наступленіе, противъ моста была устроена батарея, занятая полевыми орудіями, которыя 18-го и 19-го имѣли перестрѣлку съ прусскою артиллеріею; но

никакихъ результатовъ отъ этого безвреднаго огня не было. Это были послѣдніе выстрѣлы кампаніи 1757 г.

Казалось бы вполнѣ нормальнымъ ожидать, что и дальнѣйшее движеніе русскихъ въ Курляндію не могло замедлиться. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ, что Апраксинъ остается въ крайне опасномъ положеніи (въ отношеніи захвата его сообщеній съ Мемелемъ) еще 5-ть дней,—до 20-го сентября.

Слѣдя по журналу военныхъ дѣйствій и вникая въ бывшее положеніе, нельзя сомнѣваться, что это промедленіе обусловливается полнымъ разстройствомъ матеріальной части русской арміи. Отступленіе отъ Алленбурга настолько разстроило обозы, что надо было или тогда же ихъ бросить на глазахъ у непріятеля, или выждать транспортъ лошадей изъ Ковно, который дѣйствительно и прибылъ 19-го сентября [32].

20-го числа регулярная конница, совершенно разстроенная (кромѣ лучшихъ всадниковъ), отступила на Червонный дворъ, Ковно, Вильно въ Столбцы; а всѣ казаки (кромѣ прежней 4000 команды Донскихъ) — на Червонный дворъ и В. Луки.

21-го числа главныя силы арміи Апраксина начали отступленіе на Попегенъ (дневка), Пенчь (Вершинка), Неизе (дневка), Верденбургъ, Лаппиенъ (дневка), Винкитенъ, Прекульсъ и затѣмъ до 7-го октября пѣхота по частямъ проходила мимо Мемеля, пополняла запасы и слѣдовала на зимнія квартиры (подробности указаны на копіи съ современной дислокаціонной карты № 3).

Окончательно квартиры были заняты русскою арміею въ началѣ ноября. Штабъ арміи расположился въ Либавѣ. Штабъ 1-й дивизіи—Тельши; 2-й дивизіи—Либавѣ; 3-й дивизіи—Фрауенбургѣ. Линію передовыхъ постовъ (форпосты) заняли казаки отъ Гавры на Таурогенъ, Швейкине-Прекульсъ. Мемель, Горже и Кротингенъ оставались занятыми бригадою Резанова, въ составѣ 4-рехъ пѣхотныхъ полковъ съ «бригадою» полевой артиллеріи [33].

Въ то время когда русская армія, въ самое невыгодное время года, въ безпорядкѣ [34] *) отступила къ Мемелю и главная квартира 28-го сентября расположилась въ д. Лапиненѣ,—былъ полученъ указъ императрицы Елизаветы за № 134 (отъ котораго числа неизвѣстно, но несомнѣнно около 20-го сентября), коимъ требовалось привести въ исполненіе указъ за № 130, отъ 3-го сентября. Самый указъ Конференціи отъ 3-го сентября не сохранился, но отвѣты на него Апраксина отъ 14-го и 22-го сентября [35], мнѣніе военнаго совѣта [36] отъ 28-го сентября, два донесенія Апраксина отъ 30-го сентября [36], указъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ отъ 13-го и 25-го сентября [37], письмо Бестужева къ Апраксину, одновременно отправленное съ указомъ № 130 [38], вполнѣ разъясняютъ какъ характеръ двухъ требованій, выраженныхъ въ указахъ №№ 130 и 134, такъ и безусловную невозможность ихъ выполнить.

Конференція настоятельно требовала немедленнаго перехода въ наступленіе на Лабіаву, какъ то было рѣшено военнымъ совѣтомъ 27-го августа, и въ этомъ случаѣ опять благодаря опрометчивости дипломатіи. Дѣло въ томъ, что указомъ Конференціи отъ 13-го сентября, Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ было предписано объявить союзнымъ дворамъ, что причина отступленія арміи Апраксина отъ Алленбурга заключается въ недостаткѣ провіанта, фуража и трудности подвоза запасовъ; но

*) Болѣе этой общей фразы трудно сказать по неимѣнію данныхъ; да думаю въ большихъ подробностяхъ нѣтъ и интереса. Слабость арміи была очевидна и подъ Тильзитомъ, а потому дальнѣйшее разстройство по бездорожью и непитанью корма для лошадей вполнѣ естественны. Армія потеряла выбывшими изъ строя:

	Убит.	Умерш.	Бѣжавш.	Безвѣстно пропавш.	Др. случ.	Всего.
Пѣхота	1053	8240	621	44	422	10380
Конница.	55	1281	230	22	200	1788
	1108	9521	851	66	622	12168

Подробности распредѣленія потерь, а равно потери имущества см. примѣчаніе 34-е къ этой главѣ.

вмѣстѣ съ тѣмъ Коллегія Иностранныхъ дѣлъ обязывалась сообщить, что Апраксину предписано непремѣнно перейти въ наступленіе и увѣрить союзныя державы, что главнокомандующій отъ Нѣмана «вновь съ лучшимъ успѣхомъ (будетъ) продолжать свои операціи, *какъ то самымъ дѣломъ вскорѣ доказано будетъ*» *).

Естественно, что разъ если союзнымъ дворамъ было дано столь торжественное и опредѣленное обѣщаніе, то Бестужеву ничего не оставалось болѣе, какъ требовать во что бы то ни стало перехода нашей арміи въ наступленіе. Понятно, что никакія «перемѣняющіяся обстоятельства» и «положенія дѣлъ» не могли быть приняты въ уваженіе нашимъ дипломатомъ, разъ если имъ же дано столь опредѣленное обѣщаніе союзникамъ. 13-го былъ данъ помянутый указъ нашему бывшему министерству иностранныхъ дѣлъ, а 14-го Апраксинъ донесъ, что именно въ виду «перемѣнившихся обстоятельствъ» онъ долженъ отступить въ Курляндію. 22-го послѣдовало новое донесеніе Апраксина, въ которомъ онъ категорически доводитъ до свѣдѣнія Конференціи, что о переходѣ въ наступленіе нынѣшнею осенью и рѣчи быть не можетъ. Очевидно, что политикѣ (подобно тому, какъ и осенью 1756 г.) еще разъ приходилось брать назадъ свое торжественное обѣщаніе союзнымъ дворамъ. Что же мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности?

25-го сентября **) Коллегіи иностранныхъ дѣлъ былъ данъ новый указъ, гдѣ какъ бы оправдывается главнокомандующій. Союзнымъ дворамъ было приказано сообщить «состояніе дѣлъ», при которомъ «*справедливо* могъ нашъ фельдмар-

*) Въ 1758 г. Конференція, видимо, нѣсколько убѣдилась, что предрѣшать впередъ стратегическія операціи изъ Петербурга—нельзя; по крайней мѣрѣ въ рескриптѣ къ Ширингеру (Арх. иностр. дѣлъ. Прус. воен. дѣла, связка 3-я), послѣ Цорндорфа, гораздо осторожнѣе высказывается относительно обѣщаній австрійцамъ; напротивъ прямо указывается, что австрійцамъ надо пользоваться отсутствіемъ Фридриха.

**) Оба эти указа въ необходимыхъ выдержкахъ есть у Соловьева «Исторія Россіи» т. 24, стр. 136—137.

шалъ разсудить, что не только для насъ, но и для самыхъ союзниковъ нашихъ несравненно полезнѣе сохранить къ будущей кампаніи изрядную армію нежели напрасно подвергать оную такимъ опасностямъ, которыя ни храбростью, ни мужествомъ, ни человѣческими силами отвращены быть не могутъ». Тутъ же, въ краткихъ выдержкахъ, указаны многія изъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ находилась армія съ 1756 года.

Казалось бы послѣ всего этого никакой рѣчи о переходѣ въ наступленіе и о преданіи суду главнокомандующаго и быть не можетъ. Сама Конференція признаетъ, что Апраксинъ «*справедливо*» разсудилъ прежде всего сохранить армію, которая была въ такихъ обстоятельствахъ, когда только одно отступленіе за Нѣманъ могло отвратить гибель войска. Между тѣмъ, къ величайшему удивленію, въ томъ же указѣ Конференціи отъ 25-го сентября мы встрѣчаемъ слѣдующее: «Но (заканчивается этотъ знаменитый документъ) великодушіе наше и прямое союзническое о интересахъ ихъ попеченіе превышаетъ всѣ вышеизображенныя уваженія, почему мы сколь скоро сіе послѣднее намъ непріятное извѣстіе получили, что нашъ фельдмаршалъ и Нѣманъ рѣку переходить намѣренъ (въ дѣйствительности армія была уже на половинѣ дороги къ Мемелю), то еще повелѣли ему всевозможное въ дѣйство употребить, дабы удержать себя въ Пруссіи и, буде случай будетъ, непріятеля атаковать». Въ этомъ смыслѣ и былъ данъ указъ за № 134, обсуждавшійся на военномъ совѣтѣ въ Лапиненѣ, когда конница была уже распущена и армія, бросивъ массу повозокъ и часть имущества, подходила къ Мемелю.

Если бы не предшествующія стратегическія фантазіи Конференціи, съ которыми мы познакомились (съ конца 1756 г.), то изслѣдователь могъ бы поставить вопросъ: что это значитъ? Но мы видѣли, что Бестужевъ и К° все время смотрѣли на

армію, какъ на «великую махину», которою будто бы можно управлять по произволу политики, а потому и въ данномъ случаѣ въ ихъ глазахъ (подобно тому, какъ и въ глазахъ нѣкоторыхъ историковъ) стоило только Конференціи энергически предписать главнокомандующему и дѣло могло быть исполнено такъ, какъ было желательно политикѣ.

Къ великой чести русскаго «генералитета» и ея главнокомандующаго интересы арміи и успѣхъ операцій для нихъ были выше всего. Военный совѣтъ 28-го сентября категорически отвѣтилъ... [39] *«что невозможное, возможнымъ учинить нельзя*, слѣдовательно и армію въ Тильзитѣ и въ прочія предписанныя мѣста никакъ расположить не можно...» Главнокомандующій тотчасъ же утвердилъ это постановленіе и въ своемъ донесеніи дополнилъ, что «какъ противъ *натуры* *) ничего сдѣлать не можно, такъ и арміи, которая толикою гибелью отъ того угрожаема въ здѣшней землѣ зимовать не мѣсто...» Но все это, конечно, не были уважительные аргументы въ глазахъ Конференціи, и тотчасъ же, по полученіи постановленія военнаго совѣта въ Лапиненѣ, рескриптомъ за № 135, «за подписаніемъ собственной руки» **) Елизаветы было предписано исполнить сказанное рескриптомъ за № 130, т. е. занять Пруссію и атаковать Левальда.

Въ ночь съ 5-го на 6-е октября, т. е. когда уже большая часть арміи стянулась къ Мемелю, полученъ былъ указъ императрицы № 135, гдѣ предписывалось слѣдующее: [40].

1) ...«Непремѣнное исполненіе учинить по... указамъ № 130 и полученнымъ съ маіоромъ Ступишинымъ... 2) «Сохранить Мемель»; 3) Левальду въ случаѣ перехода Нѣмана...

---

*) Это выраженіе въ высшей степени мѣтко: въ данномъ случаѣ переходить въ наступленіе—было дѣйствовать противъ самыхъ существенныхъ основъ военнаго дѣла, именно противъ «натуры».

**) Указы всегда подписывались только членами Конференціи.

«не только подать къ баталіи поводъ, но сыскавъ его, атаковать, для чего буде успѣть возможно, чтобъ поворотить конницу», вѣрнѣе—спѣшенныхъ драгунъ; 4) высадить десантъ въ Лабіаву «и по меньшей мѣрѣ видъ показать къ намѣренію на Кенигсбергъ».

Важнѣе всего 1 пунктъ, такъ какъ по немъ военнымъ совѣтомъ обсуждался вопросъ, указанный въ рескриптѣ № 130, присланномъ со Ступишинымъ, о «возможности нынѣ съ арміею за рѣку Нѣманъ возвращаться и непріятеля сыскивать». Но военный совѣтъ постановилъ, что на это не видитъ «никакихъ возможностей» и «безъ подверженія къ истребленію всѣхъ людей и лошадей голодомъ, а потомъ ихъ совершенному и безоборонному отъ непріятеля всей арміи разбитію; прежде полученія точнаго высочайшаго повелѣнія о невзираніи ни на какую видимую всей арміи безплодную погибель въ то не вдаваться».

На 2-й вопросъ военный совѣтъ сообщилъ, что Мемель будетъ сохраненъ и удержанъ во что бы то ни стало. На 3-й, въ случаѣ перехода Нѣмана, будетъ данъ отпоръ, чѣмъ можно. На 4-й—подробно указана невозможность высадиться въ Лабіавѣ, по причинамъ безусловно независящимъ отъ генералитета, такъ какъ не было годныхъ судовъ.

Въ заключеніе русскіе генералы, съ такою стойкостью и пониманіемъ дѣла отстаивавшіе армію отъ «конечной гибели»,—представили императрицѣ (внѣ всякаго сомнѣнія бывшей подъ вліяніемъ членовъ Конференціи) глубокую и тяжкую ихъ скорбь отъ недовѣрія къ нимъ главы арміи — монархини.

Генералитетъ просилъ: «для достовѣрности же, что армія все конечно въ такомъ изнеможенномъ состояніи симъ всеподданнѣйше весь генералитетъ проситъ, дабы повелѣно было къ освидѣтельству прислать какихъ повѣренныхъ персонъ, но не замедля, чтобы могли они все увидѣть прежде

нежели черезъ отдохновеніе поправиться можетъ» [45]. Военный совѣтъ заключилъ, что «всѣ резоны приносятся (по ихъ должности) дабы усматривая, черезъ собственное испытаніе подверженіе арміи *очевидному, естественному сначала истребленію,* а потомъ неминуемому безславному отъ непріятеля разбитію... буде же не взирая на всѣ тѣ резоны соизволенія ея величества будетъ, чтобы *мы тожмо* нижеподписавшіеся *положеніемъ своего живота доказали ть невозможности*, то каждый изъ насъ жизнь свою, на то готовую, всеподданнѣйше приноситъ и къ пользѣ ея императорскаго величества съ радостію оную посвятить *желаетъ*» [42].

При этихъ условіяхъ очевидно послѣднія обѣщанія, данныя политикою (по указу Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 25-го сентября) союзнымъ дворамъ, не могли быть выполнены. Такъ или иначе, Бестужеву приходилось выйти изъ этого положенія, и дѣйствительно указомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 16-го октября вновь предписывалось объяснить союзникамъ, что признанный Конференціею 25-го сентября «справедливо разсуждавшій» фельдмаршалъ Апраксинъ, признается во всемъ виноватымъ: «операціи нашей арміи генерально не соотвѣтствовали нашему желанію ниже тѣмъ *деклараціямъ и обнадеживаніемъ*» и въ результатѣ... «разсудили команду надъ арміею у фельдмаршала Апраксина, взявъ поручить оную Фермору, а его (Апраксина) сюда къ отвѣту позвать» [43].

17-го октября [44] былъ подписанъ указъ объ отрѣшеніи отъ должности Апраксина; затѣмъ онъ былъ преданъ суду, состоя подъ которымъ, умеръ отъ удара въ ту минуту, когда (говорятъ) ему имѣли въ виду объявить оправданіе.

Апраксинъ первый подписалъ постановленіе военнаго совѣта 5-го октября, гдѣ генералы съ полнымъ самоотверженіемъ отстаивали цѣлость и боевую репутацію арміи, и первымъ же дѣйствительно погибъ.

Въ нашемъ изслѣдованіи мы далеко не имѣли въ виду выставить Апраксина, какъ выдающагося талантливаго полководца. Ошибки съ его стороны были (да въ нихъ не безгрѣшны и геніи—такъ сложно и трудно дѣло полководца) и указаны нами въ своемъ мѣстѣ; но эти ошибки безконечно меньше ошибокъ знаменитой Конференціи. Нерѣшительное, неопредѣленное, какое-то подчиненное отношеніе Петербургскаго кабинета къ союзнымъ дворамъ, опрометчивыя обѣщанія, въ особенности сентябрьскія (вслѣдствіе чего и должны были предать суду Апраксина) и главное нежеланіе уяснить себѣ «натуру» (сущность) дѣла, которая не допускаетъ возможности изъ канцлерскаго кабинета заправлять стратегическими операціями.

Будемъ считать себя счастливыми, если внесемъ на страницы исторіи военнаго искусства въ Россіи XVIII столѣтія—кромѣ нѣкоторыхъ научныхъ особенностей и фактовъ,—тотъ безусловно вѣрный выводъ, что какъ Апраксинъ, такъ и «генералитетъ», бывшій при немъ, прежде всего заслуживаютъ не только глубочайшаго уваженія къ ихъ памяти, но и подражанія въ отношеніи упорной стойкости и самоотверженія при защитѣ интересовъ арміи, что въ конечномъ результатѣ повело къ успѣху дѣла. Армія же была доведена до столь неблагопріятныхъ условій не бездарными генералами, а рядомъ самыхъ тяжкихъ условій обстановки, съ самаго начала кампаніи 1756—1757 гг.

КРАТКОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
Глава I.	Очеркъ состоянія военнаго искусства въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія	8—79
Глава II.	Общее понятіе о порядкѣ довольствія войскъ въ военное время и устройство продовольственной части во время кампаніи 1757 г. . .	80—114
Глава III.	Очеркъ политической обстановки къ началу Семилѣтней войны. Обзоръ театра военныхъ дѣйствій кампаніи 1757 г.	115—154
Глава IV.	Общій очеркъ обстановки къ началу кампаніи 1757 г. Планъ кампаніи 1756—1757 гг. .	155—178
Глава V.	Сосредоточеніе русскихъ войскъ къ р. Нѣману и операція противъ кр. Мемеля.	179—218
Глава VI.	Наступленіе русскихъ къ Кенигсбергу до занятія г. Инстербурга.	219—262
Глава VII.	Сраженіе подъ Гр. Егерсдорфомъ и дальнѣйшее наступленіе до занятія русскими войсками г. Алленбурга	263—312
Глава VIII.	Отступленіе русскихъ войскъ отъ Алленбурга за рѣку Нѣманъ	312—332

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

1-му ВЫПУСКУ:

РУССКАЯ АРМІЯ

ВЪ

СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ.

Генеральнаго штаба Полковника Масловскаго.

I.

а) Критическій разборъ источниковъ.

Русская военно-историческая литература вообще не богата источниками для изученія состоянія нашей арміи и войнъ, веденныхъ Россіею въ XVIII стол. Обстоятельно изслѣдованы только выдающіяся изъ операцій русскихъ войскъ и тѣ изъ образцовъ искусства великихъ полководцевъ Россіи и наиболѣе талантливыхъ ея генераловъ, которые черезчуръ рѣзко бросались въ глаза. Большею же частію тѣ послѣдовательные пути, которыми достигла Россія окончательнаго объединенія въ предѣлахъ старой Руси и своего первокласснаго положенія въ Европѣ, съ военно-исторической точки зрѣнія, набросаны крайне блѣдными, нерѣдко едва замѣтными чертами.

Состояніе русской арміи въ Семилѣтнюю войну и борьба ея съ прусскою арміею, предводительствуемою великимъ полководцемъ Пруссіи—Фридрихомъ Великимъ, совершенно не изслѣдованы. Для изученія Русско-Прусской войны 1756—1763 гг. мы имѣемъ только массу архивныхъ матеріаловъ совершенно сырыхъ, необработанныхъ.

Казалось бы, что при этихъ условіяхъ исторія не имѣетъ данныхъ для общихъ, а тѣмъ болѣе крайнихъ приговоровъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну. Въ дѣйствительности же, напротивъ, мы встрѣчаемъ какъ въ

военной литературѣ, такъ и въ трудахъ по политической исторіи Россіи,— только самые рѣшительные выводы, характеризующіе и армію, и ея главнокомандующихъ, во время Русско-Прусской войны 1756—1763 гг., съ наивозможно худшей стороны. Только храбрость и стойкость войскъ, сравнительно съ прежними достоинствами русской арміи, остались неприкосновенны; чему много способствовало то обстоятельство, что эти коренные залоги побѣды выдвинулись, въ арміи временъ Елизаветы, настолько впередъ, что привели въ удивленіе и Фридриха Великаго, и самихъ нѣмцевъ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ русская армія елизаветинскихъ временъ и состояніе военнаго искусства въ Россіи—представляются въ какомъ-то чудовищномъ видѣ.

Дурная молва о состояніи русской арміи, установленная иностранными писателями, засвидѣтельствованная А. Т. Болотовымъ, скрѣпленная г. Семевскимъ (разбиравшимъ начало похода, яко-бы по подлиннымъ документамъ русскаго военнаго архива), подтверждается нашими писателями при каждомъ удобномъ случаѣ, не смотря на появленіе въ печати документовъ, которые не даютъ права на подобные выводы.

Между тѣмъ наступило время пользоваться спеціальными трудами по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Изученію исторіи войнъ Россіи въ настоящее время дано столь прочное основаніе, что и въ будущемъ надо ожидать лишь развитія этихъ основаній.

Въ военныхъ училищахъ устанавливается курсъ русской военной исторіи и по тѣмъ замѣчательнымъ цѣлямъ преподаванія, которыя указаны программою, нельзя сомнѣваться въ важныхъ результатахъ, которые будутъ достигнуты.

Сдѣлавъ обязательнымъ для военныхъ училищъ изученіе русской военной исторіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней, тотъ же предметъ, само собой слѣдуетъ, -долженъ получить широкое развитіе и въ военной академіи.

Затѣмъ, педагогическія задачи, поставленныя военнымъ училищамъ при прохожденіи курса военной исторіи, такъ важны, что въ томъ или другомъ видѣ ихъ придется примѣнить и къ военнымъ школамъ 2-го разряда, т. е. окружнымъ.

Военнымъ училищамъ, при прохожденіи курса русской военной исторіи, ставится задачею: «раскрыть передъ будущими офицерами русской арміи, въ живыхъ увлекательныхъ образахъ, оказанныя услуги сею арміею, приводившею въ исполненіе предначертанія ея Вѣнценосныхъ Вождей». Изученіемъ образцовыхъ примѣровъ—способствовать развитію въ обучающихся—*стойкости характера, самоотверженія, храбрости, настойчивости въ стремленіи къ достиженію разъ поставленной цѣли* Наконецъ, систематическое прохожденіе курса военной исторіи признано необходимымъ «какъ потому, что офицеру русской арміи слѣдуетъ знать ею прожитое прошлое, такъ и потому, что столь необходимая для воина любовь къ военной службѣ болѣе всего укрѣпляется и развивается въ учащихся изъ ясно и правильно сознаннаго значенія великихъ заслугъ арміи на пользу ея отечества и почетнаго званія воина».

Смѣемъ думать, что столь важныя военно-педагогическія задачи должны быть поставлены и военнымъ школамъ 2-го разряда. Юнкерскія училища должны имѣть, въ принципѣ, тѣ же самыя задачи не только потому, что они комплектуютъ большую часть офицеровъ арміи, но и потому, что живой, увлекательный, родной примѣръ на ученикахъ юнкерскихъ школъ,—менѣе подготовленныхъ къ усвоенію теоретическихъ заключеній и выводовъ,—долженъ оставить весьма прочный практическій слѣдъ на первыхъ юныхъ впечатлѣніяхъ, вліяющихъ какъ на правильное познаніе могущественнаго нравственнаго элемента, такъ и спеціально въ научномъ отношеніи.

Очевидно, что указанныя военно-педагогическія задачи не могутъ быть оставлены безъ вниманія при разсмотрѣніи также вопроса и о самообразованіи офицеровъ. Не нужно доказательствъ, что въ этомъ случаѣ исторія отечественныхъ войнъ должна занять видное мѣсто.

Наконецъ въ настоящее время возникаетъ совершенно особый отдѣлъ военно-исторической литературы —исторіи полковъ. Значеніе подобныхъ военно-историческихъ трудовъ оцѣнено по достоинству, и конечно нельзя сомнѣваться въ той существенной, практической пользѣ, которую принесутъ подобнаго рода военно-историческіе труды. Изъ исторіи своего полка (раціонально составленной) офицеры могутъ узнать массу живыхъ примѣровъ боевой и домашней жизни и разныхъ военно-административныхъ порядковъ, поучительныхъ какъ въ положительномъ, такъ иногда и въ отрицательномъ отношеніи. Ни одно общее описаніе войнъ, никакой курсъ и учебникъ не могутъ представить такой массы самыхъ разнообразныхъ тактическихъ примѣровъ (при достаточномъ общемъ стратегическомъ очеркѣ), каковы могутъ быть въ исторіи отдѣльной части.

Все это показываетъ, что въ военно-историческихъ матеріалахъ отечественныхъ войнъ русская военная литература вообще серьезно нуждается, и въ особенности это касается до войнъ Россіи съ великимъ полководцемъ прошлаго столѣтія—Фридрихомъ Великимъ.

Если вѣрить общему отзыву историковъ, судившихъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ со словъ иностранцевъ и по свидѣтельству участника «въ кровавыхъ *битвахъ* русскихъ съ прусаками», «необыкновенно искренняго, проникнутаго любовью къ правдѣ и дорогому отечеству» [1]) извѣстнаго Болотова, то періодъ Семилѣтней войны скорѣе есть отрица-

---

[1]) Записки А. Т. Болотова; характеристика автора записокъ, данная г. Семевскимъ.

тельно поучительный. Нельзя разъяснять, напримѣръ, въ школахъ, молодымъ людямъ, причины неблагопріятныхъ для арміи общихъ выводовъ историковъ тѣмъ, что будто бы со смертью Петра Великаго «русская армія, забывъ уроки Вѣнценоснаго учителя, возвратилась къ преданіямъ старины, строилась на манеръ побѣждаемыхъ турокъ»: что «прежняя строгая, даже суровая дисциплина уступила мѣсто азіатской необузданности»; что «русскія войска были грозою мирныхъ жителей, грабили, опустошали страну (Пруссію); что побѣды надъ Фридрихомъ «одержаны были какъ бы невзначай». Нельзя этого приводить ни въ одной изъ школъ уже по одному тому, что въ дѣйствительности всего сказаннаго, о состояніи и дѣйствіяхъ русской арміи въ Семилѣтнюю войну— мы сами не увѣрены. Гдѣ факты? Имѣемъ ли мы право, въ этомъ случаѣ, сослаться хотя бы на авторитетнаго историка, разъ если (къ величайшему сожалѣнію) онъ въ подтвержденіи своихъ столь крайнихъ заключеній говоритъ, напримѣръ, что «такъ пишетъ (такъ характеризуетъ нашу армію) современникъ Семилѣтней войны А. Т. Болотовъ» [2]).

Что, напримѣръ, должны внести составители исторіи полковъ на страницы своихъ полковыхъ хроникъ изъ дѣйствій ихъ однополчанъ въ Семилѣтнюю войну? Періодъ полнаго упадка внутренняго порядка? Положимъ, выдающаяся храбрость русскихъ войскъ ни кѣмъ не опровергается, но какъ тогда согласовать: съ одной стороны полное отсутствіе внутренняго порядка, а съ другой—побѣда надъ войсками, предводительствуемыми великимъ полководцемъ? Несообразность очевидная, которая на каждомъ шагу проглядываетъ въ тѣхъ же пресловутыхъ запискахъ Болотова.

Что должны отмѣтить полки объ искусствѣ ихъ полковыхъ командировъ на поляхъ Гр. Егерсдорфа, Цорндорфа,

---

[2]) Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II Богдановича.

Пальцига, Франкфурта и подъ Берлиномъ, если отнесутся съ довѣріемъ къ выводамъ нашихъ русскихъ писателей? Распоряженія ихъ полковниковъ должны явиться не образцами искусства, а удачами *«какъ бы невзначай»*.

Конечно для получившихъ законченное образованіе и воспитаніе офицеровъ полка важно знать правдивое прошлое, которое одно и поучаетъ насъ, а не читать и изучать хвалебный панегирикъ. Но при существующихъ у насъ взглядахъ на войну съ Фридрихомъ II, каждое слово, сказанное въ разрѣзъ съ установившимся мнѣніемъ о современномъ тому состояніи у насъ военнаго искусства, малѣйшая неосторожность выраженій и доводовъ, все это одно будетъ подрывать вѣру въ самое изслѣдованіе, въ смыслѣ стремленія обѣлить дѣло.

Между тѣмъ при болѣе серьезномъ знакомствѣ съ предметомъ есть очень много данныхъ заподозрить правильность установившагося взгляда на русскую армію въ Семилѣтнюю войну.

1) Самъ Болотовъ (свидѣтельство котораго разбирается нами ниже) не представлялъ упадокъ дисциплины въ той мѣрѣ, какъ это выставлено, для большей рельефности, критическими статьями и общими выводами писателей.

2) Свидѣтельство Болотова ни коимъ образомъ не можетъ относиться до войнъ 1758 -1762 гг. Съ начала 1758 года Болотовъ былъ уже въ Кенигсбергѣ и въ составѣ дѣйствующей арміи не былъ; а слѣдовательно все имъ сказанное, какъ свидѣтельство очевидца,—можетъ быть отнесено только къ походу Апраксина. Это крайне важное обстоятельство остается совершенно незамѣченнымъ.

3) Во время слѣдованія Литвою (отдѣльныхъ отрядовъ) и при квартированіи войскъ въ Пруссіи (во время Фермора) постоянно требовались квитанціи отъ мѣстныхъ властей о

благополучномъ квартированіи. Слѣдовательно контроль былъ подобно принятому и въ настоящее время [3]).

4) При набѣгахъ,—даже мелкихъ партій,—всегда привозили къ отрядному начальнику старшихъ мѣстныхъ властей, которымъ, между прочимъ, постоянно былъ предлагаемъ особый вопросъ: «не чинили ли обидъ обывателямъ?» Показанія этихъ бургомистровъ, пасторовъ и т. п., начиная съ 1758 г., сохранились цѣликомъ въ дѣлахъ Военно-ученаго архива, и изъ этихъ показаній можно видѣть, что никакихъ «обидъ» жителямъ не было.

5) При выступленіи небольшихъ отрядовъ съ квартиръ оставлялись залоги [4]).

6) Съ 1758 г. при малѣйшемъ увлеченіи какой-либо части легкихъ войскъ—она тотчасъ оттягивалась къ арміи и на ея мѣсто назначалась другая [5]).

7) Если бы упадокъ дисциплины былъ въ томъ размѣрѣ, какъ «общеизвѣстно», то могла ли армія оперировать болѣе 1000 верстъ, менѣе чѣмъ въ годъ,—въ полномъ порядкѣ. Примѣръ, до чего можетъ довести упадокъ дисциплины, очевиденъ при отступленіи хотя бы арміи Наполеона 1812 г. Ничего подобнаго съ русскою арміею не случилось даже и въ Апраксинскій походъ.

8) Императрица Елизавета, награждая казаковъ за дѣйствіе подъ Кюстриномъ,—прямо указываетъ въ своемъ рескриптѣ, что и они «прежнія свои дѣла загладили» [6]).

9) Свидѣтельство извѣстнаго «вояжира» (нѣмца изъ Риги) объ общемъ состояніи нашей арміи ближе всего оцѣнено

---

[3]) Всѣ мѣры видны изъ переписки Фермора съ начальниками частей въ дѣлахъ № 228 А. В и С. Воен.-учен. архива.

[4]) Напримѣръ, по поводу захваченныхъ пруссаками залоговъ въ плѣнъ въ Старгардѣ въ 1758 г. есть распоряженіе Фермора В. У. Г. Ш. № 228 С. Армія же до глубокой осени была всегда на бивакѣ и квартиръ не занимала.

[5]) Напримѣръ, одинъ изъ казачьихъ полковъ передъ сраженіемъ при Цорндорфѣ замѣненъ Чугуевскимъ, бывшимъ при главной квартирѣ (въ дѣлахъ В. У. А. № 227).

[6]) Нами это указано въ «Строевой и полевой службѣ русскихъ войскъ...» стр. 102,

вицъ-канцлеромъ гр. Воронцовымъ, и на этомъ свидѣтельствѣ мы остановимся.

10) Если сравнить дѣйствія нашихъ войскъ съ войсками Фридриха, то какъ въ отношеніи дезертирства, такъ и разгрома занятыхъ областей (Саксонія) значительный перевѣзъ будетъ на сторонѣ прусскихъ войскъ.

11) Военная исторія не можетъ не дать вѣры и значенія частному письму, наприм., П. С. Салтыкова. Фельдмаршалъ, во всей своей перепискѣ съ И. И. Шуваловымъ, никогда, ни словомъ не жалуется на своихъ подчиненныхъ. Напротивъ онъ такъ говоритъ объ арміи:

«Такой ужъ арміи заводить трудно, дай, Боже, имъ здоровья, есть еще къ чему прибавить хотя рекрутъ, между стариками такіе же будутъ». Конечно не отзывался бы такъ фельдмаршалъ объ арміи, если бы она предавалась грабежу и мародерству. Далѣе П. С. Салтыковъ свидѣтельствуетъ: «Я, какъ вѣрный ея величества рабъ и сынъ отечества, совѣстно и по чести моей могу донести, что нынѣ ея императорское величество имѣетъ у себя много такихъ храбрыхъ и искусныхъ генераловъ, какихъ сомнѣваюсь, чтобъ гдѣ столько такихъ было; а все свои; вотъ, милостивый государь, людьми завелись, такихъ можно и поберечь» [7]). Всю напечатанную переписку главнокомандующихъ, проливающую на многое свѣтъ,—даже г. Богдановичъ не призналъ нужнымъ принять во. вниманіе, при своемъ столь важномъ заключительномъ словѣ объ арміи временъ Елизаветы.

12) Въ частностяхъ, объ отличіяхъ полковъ и, конечно, ихъ старшихъ и младшихъ командировъ (этого отдѣлить нельзя),—опредѣленно докладываетъ государю гр. Воронцовъ, въ 1802 году, ратуя за сохраненіе боевыхъ традицій полковъ и указывая особенно на войны съ Фридрихомъ Великимъ [8]). «Кто не знаетъ, что полки Астраханскій и Ингерман-

[7]) Сборникъ Русскаго Историческаго общества 1872 г. т. 9 стр. 491.

[8]) Архивъ князя Воронцова. Записки о русскомъ войскѣ т. 10 стр. 471.

ландскій всегда отличались передъ всѣми другими полками во время войнъ Петра Великаго. Вся русская армія знаетъ, что 1-й Гренадерскій (нынѣ лейбъ-гвардіи гренадерскій) рѣшилъ побѣду подъ Гр. Егерсдорфомъ. Что тотъ же полкъ, а также 3-й Гренадерскій (нынѣ лейбъ-гренадерскій Екатеринославскій) наиболѣе другихъ отличались подъ Цорндорфомъ; что Ростовскій полкъ показалъ чудеса храбрости въ сраженіи при Пальцигѣ; что 1-й Гренадерскій полкъ рѣшилъ участь сраженія при Франкфуртѣ и Кагулѣ. Всѣ эти полки знали и ревниво сберегали славныя преданія. Я былъ свидѣтелемъ, что послѣ одного дѣла подъ Силистріей, гдѣ 1-й Гренадерскій полкъ отличился, фельдмаршалъ Румянцевъ пошелъ вдоль фронта полка, благодарить гренадеръ за ихъ геройскую храбрость. Они гордо отвѣчали: «чему ты дивишься когда мы ипако были... Меня увѣряютъ, что эта, о которой я говорю, перемѣна (въ названіяхъ полковъ по фамиліи шефовъ) не существуетъ болѣе у насъ и что полкамъ снова присвоены наименованія областей, и я упомянулъ объ этой статьѣ только изъ опасенія, чтобы снова не приняли у насъ этотъ прусскій и австрійскій обычай, потому что только въ этихъ двухъ арміяхъ и въ маленькихъ корпусахъ нѣмецкій увѣковѣченъ пагубный обычай».

Для того, чтобы нѣсколько пошатнуть неправильно сложившійся взглядъ на дѣйствія русскихъ въ войну 1756—1763 гг., мы считаемъ необходимымъ не только воспроизвести (по мѣрѣ силъ) факты по архивнымъ даннымъ, но и кромѣ того, представить доводы, на основаніи которыхъ печатные труды, гдѣ разсматривается участіе русской арміи въ Семилѣтней войнѣ, не могутъ служить не только источниками для изученія операцій русскихъ войскъ, но даже пособіемъ для ознакомленія съ нашею арміею того времени.

Прежде всего насъ удивляетъ, что появившіеся въ печати документы, касающіеся участія русской арміи въ Семилѣтней

войнѣ, и взгляды спеціалистовъ, нисколько не повліяли на самые крайніе выводы новѣйшихъ писателей.

Напримѣръ, г. Ѳеоктистовъ высказываетъ, что дѣйствія нашихъ войскъ какъ нельзя болѣе вѣрно охарактеризованы С. М. Соловьевымъ. Въ дѣйствіяхъ главнокомандующихъ нашихъ войскъ, подтверждаетъ авторъ, — «не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній, война производилась первобытнымъ способомъ, войско входило въ непріятельскую землю, дралось со встрѣтившимся непріятелемъ и осенью (?) уходило назадъ [9]).

Впрочемъ подобный серьезный приговоръ писателя политической исторіи Россіи вполнѣ возможенъ, если и позднѣйшіе военно-историческіе изслѣдователи свидѣтельствуютъ тоже самое, только еще въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ. Г. Глиноецкій, напримѣръ, говоритъ: «военныя дѣйствія, *какъ извѣстно,* велись въ теченіи почти всей Семилѣтней войны съ изумительнымъ безпорядкомъ при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ здравыхъ понятій о военномъ дѣлѣ» [10]).

---

[9]) «Русскій Вѣстникъ» 1882 г. № 8-й «Отношенія Россіи къ Пруссіи» стр. 637-я Прошу позволенія представить почтенному историку обстоятельства, на которыя — ни проф. Соловьевъ, ни самъ авторъ не обратили вниманія. Соображенія и дѣйствія главнокомандующихъ подлежатъ суду и приговору исторіи въ томъ лишь случаѣ, если историкъ дастъ себѣ трудъ возстановить всѣ тѣ обстоятельства, которыя вліяли или могли вліять на извѣстное рѣшеніе главнокомандующихъ; короче, приговоръ возможенъ лишь послѣ возстановленія обстановки, въ которой находился главный начальникъ войскъ, предпринимая то или другое дѣйствіе. Между тѣмъ, ни проф. Соловьевъ, ни авторъ не придаютъ никакого особаго значенія даже рескриптамъ Конференція при Высочайшемъ дворѣ,—главнокомандующимъ (Московск. Арх. Иностран. дѣлъ. Прусскія дѣла. Рескрипты разбиты по всѣмъ 40 связкамъ). Автору близко извѣстно, въ какой ничтожной степени пользуется даже проф. Соловьевъ этими документами; а они именно и имѣютъ особо важный интересъ для оцѣнки стратегической обстановки. Обратные отвѣты (реляціи) главнокомандующихъ на рескрипты Конференціи находятся, въ большинствѣ,—въ дѣлахъ Военно-ученаго архива, данными котораго не пользовался—ни проф. Соловьевъ, ни авторъ статьи. Такимъ образомъ переписка, имѣющая громадный интересъ для разъясненія дѣла, еще совсѣмъ не разобрана; фактическая часть войны извѣстна лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; выводъ же о способностяхъ главнокомандующихъ и о состояніи военнаго искусства предрѣшенъ и продолжаетъ упорно предрѣшаться.

[10]) Исторія русскаго генеральнаго штаба, стр. 30.

Откуда это *«извѣстно»* авторъ не разъясняетъ.

Мы видимъ однако, что далеко не всѣ склонны вѣрить голословнымъ выводамъ.

Такъ, напримѣръ, почтенная редакція «Сборника Русскаго Историческаго общества», печатая переписку главнокомандующихъ съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ,—предувѣдомила о значеніи этихъ документовъ, указывая на то, что участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ «мало изслѣдовано (скажемъ совсѣмъ не изслѣдовано), а между тѣмъ оно составляетъ блестящую страницу нашей военной исторіи» [11]). Но это не имѣло вліяніе на выводъ даже г. Богдановича. Г. Сухотинъ [12]), спеціально изслѣдуя иностранные источники войнъ Фридриха Великаго,—отмѣтилъ, что наши писатели руководствуются только отзывами иностранцевъ. Но при всемъ томъ послѣднее нисколько не повліяло на помянутое категорическое заключеніе г. Глиноецкаго.

Я имѣлъ случай замѣтить, что у насъ нѣтъ подробнаго описанія дѣйствія нашихъ войскъ въ Пруссіи въ кампанію 1756—1763 гг. Князь Голицынъ въ III ч. Всеобщей Военной исторіи касается дѣйствій русскихъ войскъ въ самыхъ общихъ чертахъ, которыя можно встрѣтить въ каждомъ болѣе или менѣе обстоятельномъ учебникѣ исторіи. Только отдѣлъ сраженій развитъ относительно подробно [13]).

11) Сборникъ Русскаго Историческаго общества, т. 9, ст. 444.

12) «Фридрихъ Великій», стр. 217.

13) Нельзя не обратить вниманія на русскіе источники, которыми пользовался кн. Голицынъ. Авторъ руководствовался: печатнымъ «Журналомъ военныхъ дѣйствій», Записками Болотова, Военно-энциклопедическимъ словаремъ, извѣстнымъ сочиненіемъ г. Висковатова «Историческое описаніе одежды и вооруженія... войскъ» и Зотова «Военная исторія россійскаго государства». Источники эти общеизвѣстны и можетъ быть вопросъ только относительно «Журнала о военныхъ дѣйствіяхъ россійской императорской арміи и проч.». Часть 1-я (1757—1758 гг.). Мы затрудняемся сказать опредѣленно, но должно быть рѣчь идетъ о «Журналѣ...», собранномъ изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» изд. 1761 г. Вѣроятно, это нужно понимать подъ словомъ «и прочее», указанное кн. Голицынымъ въ заглавіи источника. Мы сами имѣемъ экземпляръ этого журнала; совершенно такой же

Затѣмъ, военная литература имѣетъ два спеціальныхъ изслѣдованія похода Апраксина: 1-е) «Походъ русскихъ въ Пруссію, подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина въ 1757 г. [14]) г. Пекарскаго (1858 г.), 2-е) «Противники Фридриха Великаго» [15]) г. Семевскаго (1862 г.) Изъ новѣйшихъ сочиненій (неспеціальныхъ), гдѣ разсматриваются дѣйствія нашихъ войскъ въ войнѣ 1756—1763 г.: «Исторія Россіи» пр. Соловьева т. 24 и «Отношенія Россіи къ Пруссіи» статья г. Өсоктистова, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1882 г. Кромѣ того намъ необходимо подробно разсмотрѣть записки А. Т. Болотова, изд. г. Семевскимъ, и сочиненіе г. Глиноецкаго *).

Трудъ г. Пекарскаго появился болѣе 25-ти лѣтъ тому назадъ. Казалось бы, при этомъ условіи, изслѣдованіе не представляетъ въ настоящее время особаго интереса. Это безспорно вѣрно. Съ тѣхъ поръ напечатано много новыхъ

экземпляръ видѣли въ Румянцевскомъ музеѣ; въ библіотекѣ 3-го Воен. Александровскаго училища и этотъ же источникъ указанъ въ каталогѣ проф. Станкевича (14 т. Воен. библіотека). Дѣло въ томъ, что это есть оттиски изъ печатавшихся, въ 1761 году,—въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»,—извѣстіяхъ съ театра войны. Изъ сравненія этого журнала съ рукописнымъ, сохранившимся въ дѣлахъ Воен.-учен. архива, печатный журналъ не имѣетъ ничего общаго съ рукописью. Свѣдѣнія напечатаннаго журнала чрезвычайно сжаты; журналъ, по числамъ, не имѣетъ ни начала, ни конца. Короче, одинъ этотъ журналъ не можетъ быть источникомъ для какого-либо описанія. Но странно, если авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи даже этотъ единственный печатный источникъ, то какъ могла произойти такая, напримѣръ, крупная ошибка, въ нѣсколькихъ строкахъ описанія Голицынымъ похода Апраксина. На стран. 141-й III части Всеобщей исторіи авторъ говоритъ, что въ то время, когда колонна Фермора «была направлена къ Мемелю, остальныя три колонны были сосредоточены и расположены Апраксинымъ, для прикрытія осады Мемеля, на правомъ берегу р. Руссы, при впаденіи ея въ Куришгафъ. Даже изъ печатнаго изданія «Журнала россійской императорской арміи» видна очевидная неправильность этого факта. На стр. 6-й (*Журналъ отъ 16-го іюня изъ Ковно*; послѣднее напечатано большими буквами) прямо сказано, что армія прибыла въ Кенпо *4-го іюня*. На 10-й же стр., того же Журнала, помѣщена «обстоятельная реляція» о взятіи Мемеля, гдѣ оговорено, что Ферморъ *только 19-го іюня* подошелъ къ Мемелю и черезъ 5-ть дней взялъ крѣпость. Вотъ какъ неправильно установлены даже начальные факты.

[14]) «Военный Сборникъ», т. III 1858 г.

[15]) Тамъ же за 1862 г. №№ 5-й, 7-й и 11-й.

*) Исторія русскаго генеральнаго штаба.

документовъ по Семилѣтней войнѣ; тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что пріемъ изслѣдованія г. Пекарскаго, выборъ и оцѣнка имъ документовъ имѣютъ свои поучительныя особенности по изслѣдованію ученаго не по своей спеціальности.

Прежде всего г. Пекарскій стремится привести возможно большее число неизвѣстныхъ еще тогда фактовъ по тѣмъ источникамъ, которые онъ считаетъ важными. Гдѣ только можно, авторъ цитируетъ подлинныя слова документовъ, что даетъ крайнюю солидность работѣ; при этомъ всѣ источники указаны. Затѣмъ, авторъ приводитъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, документы, имѣющіе важное значеніе для спеціальнаго рѣшенія вопроса, и это исполнено опытною рукою. Таковыми документами, между прочимъ, Пекарскій считаетъ: 1) письмо генерала Сибильскаго императрицѣ, свидѣтельствуя что это есть единственный обвинительный актъ противъ Апраксина; 2) показаніе Веймарна слѣдственной комиссіи. Выборъ этихъ документовъ такъ удаченъ, что они и теперь имѣютъ важный интересъ. Что же касается общаго вывода, то г. Пекарскій (не чуждый однако частныхъ заключеній) оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ.

Проф. Соловьевъ очевидно руководствовался иными пріемами. Разница характера сочиненій г. Пекарскаго и Соловьева, позволяемъ себѣ думать,—не можетъ имѣть значенія для принципіальныхъ пріемовъ изслѣдованія. Полагаемъ, что и въ капитальномъ историческомъ трудѣ мы можемъ разсчитывать встрѣтить тотъ же пріемъ по спеціальному военно-историческому вопросу; а именно, указаніе фактовъ, рядъ документовъ, важныхъ для спеціальнаго изслѣдованія, и затѣмъ—или выводъ, или предоставленіе этого спеціальной критикѣ.

Въ Исторіи Россіи проф. Соловьевъ не выясняетъ, ни новыхъ военно-историческихъ фактовъ, ни важныхъ для воен-

ной исторіи документовъ, и напротивъ предлагаетъ только рядъ готовыхъ выводовъ.

Такъ, напримѣръ, на стр. 126, 24-го тома, авторъ говоритъ, что «Апраксинъ вовсе не хотѣлъ торопиться походомъ. Онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что дѣло не дойдетъ до настоящей войны, что все ограничится такимъ же походомъ, каковы были походы на западъ вспомогательныхъ русскихъ отрядовъ...» при императрицѣ Аннѣ и Елизаветѣ.

По столь существенно важное заключеніе почтеннаго историка неизвѣстно на чемъ основано. Ни авторъ исторіи Россіи, никто другой не доказываютъ этого убѣдительными доводами, и, конечно, ни на какой документъ ссылки не могутъ сдѣлать.

Не можемъ, съ своей стороны, по этому не замѣтить слѣдующаго: 1) проф. Соловьевъ, трактуя о причинахъ, почему Апраксинъ не выступилъ въ походъ въ 1756 г., не принялъ даже въ соображеніе инструкціи Елизаветы, данной Апраксину 5-го октября 1756 г. [16]). 2) Авторъ ни разу не оцѣнилъ: было ли мыслимо исполнить тѣ операціи, которыя указывала Конференція арміи Апраксина, разбросанной отъ Риги почти до Чернигова; 3) планы кампаніи историку безусловно не были извѣстны; 4) состоянія войскъ къ началу зимы профессоръ не знаетъ. 5) Точно также ему неизвѣстны какія, когда именно и кѣмъ были приняты мѣры для довольствія войскъ въ Польшѣ и Литвѣ, а это очень важный вопросъ въ данномъ случаѣ. 6) Профессоръ не обратилъ вниманія на протестъ Апраксина противъ плана зимняго (1756—1757 г.) похода, составленнаго Конференціей и австрійскимъ генераломъ и т. д. А между тѣмъ, смѣемъ думать, что изъ разбора всѣхъ этихъ и тому подобныхъ важныхъ вопросовъ только и могъ бы выработаться тотъ выводъ, который такъ свободно и легко констатируется проф. Соловьевымъ. Только тогда

---

[16]) Архивъ кн. Воронцова т. III изд. 1871 г., а 24 т. Соловьева изданія 1874 г.

получились бы данныя и для другаго важнаго заключенія профессора относительно правильности соображеній Апраксина о степени готовности нашихъ войскъ къ походу и времени потребному для подготовки къ борьбѣ съ первымъ полководцемъ тогдашняго времени.

Отвѣтить на всѣ, поставленные выше, вопросы, ссылкою на какой-либо документъ или на выдержки изъ документовъ, -невозможно. Общіе по нимъ выводы могутъ быть выработаны только послѣ подробнаго очерка обстановки сосредоточенія войскъ къ началу кампаніи, разъясненія степени ихъ боевой готовности; послѣ уясненія, принятой системы довольствія и разбора плана кампаніи. А потому и наша цѣль, въ настоящемъ случаѣ, была не опровергать заключеній г. Соловьева, а только показать, что по важнѣйшему вопросу профессоръ не дастъ намъ никакихъ фактовъ; вмѣсто ихъ есть только голословные выводы, которые хотя и не имѣютъ ни малѣйшаго значенія для военной исторіи, однако они, какъ общеизвѣстные, сильно тормозятъ разъясненіе настоящаго положенія дѣла.

Посмотримъ на другой выводъ проф. Соловьева: почему Апраксинъ отступилъ въ Курляндію, а не остался въ Пруссіи? Въ этомъ случаѣ авторъ ставитъ спеціальнаго изслѣдователя въ положительное недоумѣніе. Закончивъ (на стр. 136) описанія Гр. Егерсдорфскаго боя, Соловьевъ прямо указываетъ на обѣщаніе Апраксина—«о вящихъ прогрессахъ для достиженія всевысочайшаго намѣренія». «По (говоритъ авторъ) въ Петербургѣ не дождались отъ него извѣстій о вящихъ прогрессахъ». Затѣмъ, Соловьевъ, какъ бы имѣя въ виду дать разъясненіе этому факту громадной важности,—приводитъ подлинныя выдержки изъ документовъ. Для сего цитируетъ: 1) Указъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 13-го сентября 1757 г., гдѣ предписано Коллегіи сообщить, что армія наша въ виду недостатка довольствія только

временно отступаетъ къ Нѣману и имѣетъ въ виду (по пополненіи запасовъ) немедленно перейти въ наступленіе. Въ этомъ рѣшительно ничего нѣтъ новаго. Г. Семевскій по этому вопросу—далъ гораздо болѣе опредѣленный и важный документъ [17]). Затѣмъ авторъ приводитъ 2) указъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ 25-го сентября, гдѣ повелѣно сообщить иностраннымъ дворамъ разъясненіе нашего правительства -почему армія должна была отойти за Нѣманъ. Эти причины изложены еще въ болѣе сжатой формѣ, чѣмъ въ документахъ, приложенныхъ къ труду г. Семевскаго. Но по поводу высказаннаго въ послѣднемъ документѣ и выводовъ г. Соловьева мы встрѣчаемъ крупное недоразумѣніе.

Въ одномъ мѣстѣ документъ, приводимый проф. Соловьевымъ, указываетъ ниже слѣдующій взглядъ Конференціи. Помянувъ давно и всѣмъ извѣстныя офиціальныя причины отступленія арміи Апраксина, въ указѣ отъ 25-го сентября сказано: «при такомъ состояніи дѣлъ *справедливо* могъ нашъ фельдмаршалъ разсудить, что не токмо для насъ, но и для самыхъ союзниковъ нашихъ несравненно полезнѣе сохранить къ будущей кампаніи изрядную армію нежели напрасно подвергать оную такимъ опасностямъ, которыя ни храбростію, ни мужествомъ, ни человѣческими силами отвращены быть не могутъ... Но (заканчивается въ указѣ) великодушіе наше и прямое союзническое о интересахъ ихъ попеченіе превышаетъ всѣ вышеизображенныя уваженія (т. е. крайнее разстройство арміи) почему мы коль скоро сіе послѣднее намъ непріятное извѣстіе получили, что нашъ фельдмаршалъ и Нѣманъ рѣку переходить намѣренъ, то еще повелѣли ему *всевозможное* въ дѣйство употребить, дабы удержать себя въ Пруссіи и, *буде случай будетъ*, непріятеля атаковать.

---

[17]) В. Сборникъ № 5, 1862 г. прилѣч. 1-е стр. 35.

Изъ документа дипломатическаго характера, имѣвшаго цѣлью успокоить дворы, уже видно, что вопросъ о переходѣ въ наступленіе осенью 1757 года былъ оговоренъ условно. Безспорно слѣдуетъ признать, что если «*всевозможное*» на мѣстѣ не будетъ найдено полезнымъ для арміи, тогда, для успѣха общаго же дѣла (нашихъ и союзныхъ армій), Апраксинъ долженъ былъ не наступать. Но г. Соловьевъ въ заключеніе цитируемаго указа (на стр. 138) прямо говоритъ: «*но повельніе не было исполнено. 28-го сентября въ арміи держанъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отступить за Њманъ*».

Прежде всего, какое повелѣніе не было исполнено? Авторъ не приводитъ этого повелѣнія *арміи*, онъ указываетъ документъ, имѣющій дипломатическій характеръ. Откуда зналъ авторъ—какое повелѣніе имѣла армія? Наконецъ, почему проф. Соловьевъ указываетъ на постановленіе военнаго совѣта 28-го сентября? Если бы почтенный историкъ далъ трудъ задать себѣ вопросъ—гдѣ армія была 28-го сентября, то никогда не могла бы выйти слѣдующая несообразность. Г-нъ Соловьевъ говоритъ, что «28-го сентября въ арміи былъ держанъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отступить за Нѣманъ»; въ дѣйствительности же армія 16-го сентября уже перешла Нѣманъ *) и 28-го была въ Лапиненѣ (подъ Мемелемъ), гдѣ военный совѣтъ обсуждалъ совсѣмъ другой вопросъ **).

Повелѣніе императрицы «*всевозможное*» предпринять для перехода въ наступленіе разсматривалось на военномъ совѣтѣ *6-го октября* 1757 года, а не *28-го сентября*, какъ это прямо сказано въ постановленіи военнаго совѣта, цѣликомъ приведенное въ VII прил. къ ст. Семевскаго [18]). На чемъ

*) Глава VIII (выше).

**) Та же 329.

18) Военный Сборникъ 1862 г. № 5.

же основывается выводъ проф. Соловьева, когда почтенный историкъ не знаетъ, гдѣ и въ какомъ положеніи была армія во время совѣщанія военнаго совѣта и не имѣлъ въ виду— *ни того, что повелѣно арміи, ни того, что принято для исполненія*. По общему ходу событій, по общему духу документовъ, категорическіе выводы, смѣемъ думать, всегда будутъ рискованы, если не сказать больше.

Для разъясненія обстоятельствъ, вызвавшихъ отступленіе арміи въ 1757 году, Соловьевъ находитъ возможнымъ ограничиться: 1) выдержкою изъ письма Апраксина къ императрицѣ, гдѣ главнокомандующій, въ рѣшительныхъ выраженіяхъ, указываетъ, что онъ предоставилъ членамъ военнаго совѣта полную свободу въ рѣшеніи вопроса объ отступленіи за р. Нѣманъ и право постановить хотя бы отрѣшеніе его отъ командованія. Затѣмъ 2) письмомъ Фермора къ императрицѣ о состояніи арміи (дѣйствительно болѣе важный документъ) и наконецъ 3) авторъ заключаетъ описаніе похода 1756—1757 гг. подробною выдержкою изъ указа Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, отъ 16-го октября, для сообщенія союзнымъ дворамъ, гдѣ вся вина по отступленію отнесена къ Апраксину и что послѣдній «отозванъ къ отвѣту».

Въ началѣ III главы 24-го тома (стр. 180) проф. Соловьевъ снова начинаетъ обсуждать поведеніе Апраксина (по Бестужевскому дѣлу). Здѣсь есть сначала выводы, важные для насъ и вытекающіе изъ фактовъ. Къ таковымъ принадлежитъ нелѣпость слуха, что армія отступила вслѣдствіе болѣзни императрицы; при чемъ авторъ указываетъ — откуда пошелъ этотъ слухъ, и признаетъ невозможность, чтобы члены военнаго совѣта невѣрно свидѣтельствовали затруднительное положеніе нашихъ войскъ осенью 1757 г. Въ заключеніи авторъ вводитъ Апраксина въ Бестужевскій процессъ, но послѣднимъ своимъ словомъ только затемняетъ вопросъ о

виновности Апраксина въ умышленной задержкѣ движенія изъ Риги въ 1757 году.

«Апраксинъ оказался (говоритъ Соловьевъ) по суду виноватъ въ томъ, что не имѣлъ охоты выступать изъ Риги и состоялъ въ непозволенной перепискѣ съ великою княгиней. Конечно были рады и этимъ двумъ винамъ, иначе отнятіе у него начальства надъ войсками не имѣло бы оправданія», т. е. историкъ въ послѣднемъ своемъ словѣ указываетъ какъ будто и въ этой медленности движенія въ началѣ похода нельзя обвинять Апраксина.

Дѣло однако не въ томъ—считалъ ли Соловьевъ Апраксина виновнымъ въ какихъ либо интригахъ или нѣтъ. Во всѣхъ выводахъ профессора невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что авторъ не вспоминаетъ даже о значеніи военно-исторической оцѣнки фактовъ. Если бы всѣ бумаги по Бестужевскому процессу сохранились, если, положимъ, оказалось бы, что Бестужевъ, далъ такое показаніе, которое компрометтировало Апраксина, то неужели можно положиться только на одно подобное обвиненіе? Военная исторія имѣетъ рядъ своихъ пріемовъ, пользуясь которыми слѣдовало бы провѣрить —могъ ли Апраксинъ выступить изъ Риги раньше мая 1756 г. Неужели для военной исторіи обязательно, напримѣръ, окончательное рѣшеніе суда надъ Апраксинымъ, если неизвѣстны мотивы для постановленія приговора. Да наконецъ если мотивы и были бы извѣстны, то судъ военной исторіи всегда снова возможенъ, разъ если удастся возстановить принципіальные вопросы, необходимые для воспроизведенія обстановки. Смѣемъ заключить, что какъ проф. Соловьевъ, такъ и другіе, почти всегда, игнорируютъ фактъ особой важности; а именно, что по всѣмъ вопросамъ общеполитической исторіи, сопричастнымъ съ дѣйствіемъ войскъ, окончательные выводы возможны лишь послѣ изслѣдованія фактовъ спеціальной военной исторической критики.

*

Бестужевскій процессъ, напримѣръ,—такъ тѣсно связанный съ участіемъ въ немъ Апраксина,- не можетъ быть, полагаемъ, разрѣшенъ безъ военно-историческаго анализа фактовъ.

Обратимся къ заключительному слову Соловьева о дѣйствіи нашихъ войскъ въ Пруссіи.

Профессоръ [19]) обобщаетъ причины нашихъ стратегическихъ неудачъ въ Семилѣтнюю войну слѣдующимъ образомъ: «...историкъ, *внимательно изучившій весь ходъ прусской войны*, не станетъ повторять слуха, пущеннаго изъ французскаго посольства въ С.-Петербургѣ, что Апраксинъ отступилъ къ границамъ послѣ побѣды, потому что получилъ отъ Бестужева извѣстіе о болѣзни императрицы: а всѣ преемники его по какимъ письмамъ дѣлали то же самое? Тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній; война производилась первобытнымъ способомъ: войско входило въ непріятельскую землю, дралось съ встрѣтившимся непріятелемъ и осенью уходило назадъ. *Въ Петербургѣ, въ конференціи хорошо понимали это и писали:* «Прямое искусство генерала состоитъ въ принятіи такихъ мѣръ, которымъ бы ни время, ни обстоятельства, ни движенія непріятельскія препятствовать не могли [20])». По этому искусству ни Апраксину, ни Фермору, ни Салтыкову, ни Бутурлину нельзя было выучиться изъ присылаемыхъ къ нимъ рескриптовъ».

Останавливаясь на данныхъ, указанныхъ Соловьевымъ въ «Исторіи Россіи»,—нельзя не замѣтить, что вообще авторъ руководствовался только нѣкоторыми выдержками изъ документовъ; но, къ сожалѣнію, онъ оставлялъ безъ вниманія массу другихъ выдержекъ и указаній, которыя сами собой, не-

---

[19]) Исторія Россіи т. 24 стр. 414.

[20]) Авторъ не указываетъ этого рескрипта; но это есть несомнѣнно рескриптъ Конференціи отъ 18-го ноября 1757 г. Фермору (Москов. Арх. иностран. дѣлъ прусскія дѣла связка 2). Выраженіе подчеркнутое нами слово въ слово есть въ этомъ рескриптѣ.

сомнѣнно, наводятъ на мысль, что кромѣ главнокомандующихъ надъ арміею тяготѣла власть, обязанная дать передъ исторіею отвѣтъ за наши стратегическія неудачи. Таковою властью является Конференція при высочайшемъ дворѣ, о чинахъ которой проф. Соловьевъ, напротивъ, отзывается какъ о лицахъ, хорошо понимавшихъ и обязанности генераловъ и принципы военнаго искусства, оставленные намъ Петромъ Великимъ.

Профессоръ находитъ, что всѣ четыре главнокомандующіе «шли на помочахъ Конференціи», и признаетъ только безсиліе этихъ помочей поддержать и направить бездарныхъ главнокомандующихъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности эти «помочи» Конференціи (тотъ же нѣмецкій гофкригсратъ) и есть одна изъ главныхъ причинъ нашихъ нерѣшительныхъ дѣйствій, а потому и неудачъ въ конечныхъ стратегическихъ цѣляхъ.

Критикъ при разсмотрѣніи плановъ кампаній, несомнѣнно, обратитъ вниманіе на рескрипты Конференціи и реляціи къ ней, рѣзко очерчивающіе отношенія Конференціи къ главнокомандующимъ, и при обзорѣ хода дѣйствій, конечно, оцѣнитъ по достоинству вліяніе учрежденія вѣдавшаго дѣла «политики и войны».

Для примѣра позволимъ себѣ обратиться къ разбору выдержки изъ рескрипта, указаннаго выше Соловьевымъ, и къ нѣкоторымъ другимъ выдержкамъ, которыя могутъ дать понятіе о значеніи этой Конференціи, а равно нѣсколько разъяснятъ: дѣйствительно ли члены Конференціи (организованной гражданскимъ фельдмаршаломъ Бестужевымъ) такъ хорошо понимали обязанности главнокомандующихъ и основы военнаго искусства,—какъ полагаетъ г. Соловьевъ.

Вообще рескриптъ отъ 18-го ноября 1757 г. (ссылка на который указана проф. Соловьевымъ) состоитъ изъ двухъ частей. Въ началѣ рескрипта изложено указаніе Фермору

порядка исполненія марша зимою 1757—1758 гг.; вторая половина содержитъ общую фразу, выше замѣченную, цитированную Соловьевымъ. Эта фраза, съ перваго взгляда, въ сущности, не имѣетъ никакого особеннаго значенія; но, въ связи съ многими тому подобными оговорками въ рескриптахъ,—имѣетъ огромный смыслъ въ томъ отношеніи, что Конференція, предписывая главнокомандующимъ массу пунктовъ, плановъ дѣйствій и подробностей исполненія, въ то же время, какою нибудь (послѣ всего *предписаннаго)* ничтожною фразою,—только старалась снять съ себя всякую отвѣтственность въ случаѣ неуспѣха; то есть тотъ же пріемъ, который встрѣчается и въ постановленіяхъ нѣмецкаго гофкригсрата, вліявшихъ на дѣйствія даже Суворова. «Я цѣлю чтобы съ ними (нѣмцами) разстаться. Вездѣ гофкригсратъ, неискоренимая привычка битымъ быть»; такъ характеризуетъ Суворовъ подобный гофкригсратъ [21]).

Къ числу громкихъ фразъ относится и конецъ (вторая половина) рескрипта отъ 18-го ноября 1757 г. Тамъ сказано: «Избѣгайте токмо такихъ резолюцій, какія во всѣхъ держанныхъ нынѣшней кампаніи (1757 г.) военныхъ совѣтахъ принимаемы были, съ присовокупленіемъ ко всякой, ежели крайнія обстоятельства и непріятельскія движенія допустятъ; подобныя резолюціи, о чемъ бы они не могли, не показываютъ какъ токмо нерѣшительность. Прямое искусство генерала генерала состоитъ въ томъ, чтобы оные предусматривали толь надежнѣе принимать такія мѣры, которымъ бы ни время, ни обстоятельство, ни движенія непріятельскія препятствовать не могли». Эта фраза скорѣе всего доказываетъ, что члены Конференціи не только «хорошо понимали», но были совсѣмъ чужды даже начальныхъ основъ военнаго дѣла. Находя главнокомандующихъ неспособными придумать

[21]) Исторія войны 1799 г... Д. Милютина т. I стр. 596.

такія мѣры, чтобы «ни время, ни обстоятельство, ни непріятельскія движенія препятствовать не могли» (такъ какъ въ сущности такихъ мѣръ и быть не могло, ибо все именно и зависитъ отъ времени и обстоятельствъ), Конференція (съ секретаремъ Волковымъ) въ Петербургѣ *всегда сама придумывала* «такія мѣры» и *предписывала* ихъ для исполненія въ Пруссіи; такъ что главнокомандующій является довѣреннымъ агентомъ Конференціи въ арміи, а не главою послѣдней. Власть главнокомандующаго при этихъ условіяхъ была ничтожна.

Разбирая первую половину рескрипта, отъ 18-го ноября 1757 г., мы видимъ и одинъ изъ образчиковъ распоряженій Конференціи.

Предполагая, что Левальдъ, въ концѣ 1757 г., отступилъ въ Померанію и очистилъ Кенигсбергъ, Конференція высказываетъ: «Вы (Ферморъ) съ крайнею пріятностію сюрпризовали бы насъ ежелибъ теперь, перваго способнаго часа не упустите, не токмо тремя полками въ пунктахъ въ близости Мемеля лежащими, подъ командою ген.-маіора Резанова, занятіемъ Тильзита, амта Руссъ и островъ сего имени, но (ссылаясь на 9-й и 13-й пун. инструкціи Апраксину), какъ которыя (войска) готовы будутъ первыя всегда впередъ подавались». Пункты 9-й и 13-й помянутой инструкціи [22]) дѣйствительно, указываютъ—эшелонное наступленіе, по частямъ, въ предѣлахъ Литвы, рекомендованное Апраксину для исполненія еще зимою 1756 г. При спеціальномъ изслѣдованіи, несомнѣнно, будетъ видно, что и въ этомъ, повидимому, скромномъ желаніи Конференціи была съ ея стороны только путаница и совершенное непониманіе дѣла. Ферморъ желалъ немедленнаго занятія Тильзита и амта Руссъ войсками Резанова именно потому, чтобы не дать развиться формированію

[22]) Архивъ князя Воронцова т. 3 стр. 513.

отрядовъ мѣстной ландмилиціи, подготовлявшихся, по слухамъ, въ Пруссіи—къ оборонѣ. Это видно изъ задачъ, поставленныхъ полку Серебрякова, бывшему противъ Тильзита. Что же касается до остальныхъ частей арміи, то безъ окончательнаго ея разстройства нельзя было и думать двинуться по частямъ: даже пѣхота вынуждена была переформироваться послѣ кампаніи 1757 г. Сама Конференція, въ ноябрѣ 1757 г., еще разсматривала основанія переустройства арміи; а между тѣмъ, не ознакомившись съ состояніемъ войскъ,—Конференція требуетъ наступленія и начинаетъ прямо съ понужденій (безъ всякаго соображенія съ настоящимъ положеніемъ арміи) идти впередъ, и въ этомъ случаѣ рекомендуетъ тотъ же способъ наступленія, который годъ тому назадъ былъ предложенъ Апраксину; но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ это было сдѣлано безъ малѣйшаго вниманія къ обстоятельствамъ. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1756 г., не смотря на слухи, что Левальдъ собирается захватить Курляндію и на отправленіе съ этою цѣлью Сиверса для производства скрытной рекогносцировки [23]),—Конференція настаивала на наступленіи арміи Апраксина къ прусской границѣ по частямъ... «по мѣрѣ того какъ они (одна часть войска) прибывать станутъ, другія по малу подвигались, а они бы (задніе эшелоны) ихъ мѣста заступали» [24]). Эти же настойчивыя требованія похода были предъявлены зимою 1756—1757 гг. и продолжались до января 1757 г., когда наконецъ военный совѣтъ категорически высказывался, что «все воинское искусство того требуетъ и въ томъ состоитъ, чтобы не быть первому удару подверженну и не подать чрезъ то непріятелю одобреніе и куражъ; а начать бы дѣйствіе съ сильнымъ корпусомъ и довольною кавалеріею». Но ни

---

[23]) Рапортъ Сиверса съ донесеніемъ есть въ дѣлахъ М. Арх. Глав. штаба опись 47 № $^{138}/_{141}$.

[24]) Пун. 9-й и 13-й инструкціи сводятся къ этому общему мѣсту.

«сильный корпусъ», ни кавалерія и, главное, ни время года, ни «непріятельскія движенія» дѣйствительно подобнаго форсированія силъ и разстройства ихъ до дѣла—не требовали ни зимою 1756 г., ни осенью 1757 года.

Предоставимъ наконецъ слово самому Апраксину, который въ своихъ письмахъ выяснятъ какъ этотъ вопросъ, такъ и свои отношенія къ Конференціи.

Изъ письма Апраксина къ И. И. Шувалову отъ 17-го ноября 1756 г. [25]) видно, что въ ноябрѣ Апраксинъ еще довольно спокойно отказывался отъ наступательныхъ плановъ Конференціи зимою, съ несформированною и неукомплектованною арміею, въ раздробь, какъ предполагала петербургская Конференція «...Не вижу я (говоритъ Апраксинъ) для чего бы столь рановременно вступать въ дѣло; развѣ, чтобъ всѣхъ людей по суровости времени, стужѣ и всѣмъ неудобствамъ на жертву отдать...» и нѣсколько ниже... «отъ сего времени и столь рановременнаго и неудобнаго похода не безуповательно, что и дезертировъ будетъ много и болѣзни умножиться могутъ и всѣ сіи въ Конференціи полученныя извѣстія, которыя и ко мнѣ сообщены (несомнѣнно донесеніе Гросса настоятельно требовавшія зимняго похода 1756 г.) происходятъ отъ единой нетерпѣливости видѣть начатіе и отъ насъ настоящаго дѣла; но намъ не должно по тому поступать, а смотрѣть на собственный свой интересъ и пользу, почему прошу ваше превосходительство при случаѣ (государыни передать), чтобъ столь рановременнымъ, и по суровости времени и стужѣ болѣе вредительнымъ нежели полезнымъ, не спѣшить—развѣ что по самой необходимости принудитъ насъ король прусскій. Я же умалчиваю еще и о кавалеріи, что сверхъ того, что оная весьма въ худомъ и неисправномъ состояніи находится, еще совсѣмъ не собралась

---

[25]) Сборникъ Русскаго Историческаго общества т. 9.

и къ назначеннымъ мѣстамъ не пришла... Впрочемъ (заканчивалъ Апраксинъ, какъ солдатъ),—*когда особливое на то повелѣніе будетъ, то какъ и прежде доносилъ ничего не разбирая, все исполнить готовъ и не премину*».

Но не таковы были члены петербургскаго гофкригсрата, чтобы взять на себя что-нибудь въ смыслѣ отвѣтственности. Рѣшительныхъ приказаній не было и только къ февралю мѣсяцу (да и то не вполнѣ) удовлетворены были требованія Апраксина.

27-го февраля 1757 г. Апраксинъ, получившій «апробацію» своихъ возраженій противъ дѣйствительно совершенно невозможныхъ требованій Конференціи открыть зимою 1756 г. походъ *), —пишетъ П. И. Шувалову: «Полученнымъ послѣднимъ высочайшій рескриптъ, которымъ всѣ мои посланныя предписанія апробуются, а паипаче когда и на отправленныя съ Веймарномъ апробацію получу, я въ моемъ состояніи весьма обрадованъ и огорченіе мое, которое я отъ нѣкоторыхъ въ присылаемыхъ рескриптахъ предписаній чувствовалъ, кончилось, и что я тѣмъ смущался то инако и и быть нельзя для *того, что нѣтъ моихъ больше силъ, ни разума, что выгоднѣе сдѣлать можно было* (въ смыслѣ удержанія отъ похода) и могу по самой истинѣ донести, что ни одному изъ генераловъ какъ въ прежніе военные случаи бывшихъ, такъ и нынѣшнихъ всѣхъ, не токмо у насъ, но и во всей Европѣ, въ чемъ и на весь свѣтъ ссылаюсь, столь трудно и замѣшательно не было какъ мнѣ, и въ такихъ тягостныхъ ни одинъ обстоятельствахъ не былъ (перечисляетъ пеимѣніе кавалеріи, «строгій непріятель», «неудобство суроваго времени года, недостатокъ хлѣба»).

Если въ февралѣ Апраксинъ былъ какъ бы успокоенъ Конференціею, то въ маѣ 1757 г. онъ снова указываетъ на

*) См. выше I и IV главы.

невыносимое свое положеніе въ виду зависимости отъ Конференціи, когда перѣшительность гофкригсрата могла быть губительною.

28-го мая Апраксинъ пишетъ И. И. Шувалову изъ д. Гуджюны... «Я вхожу въ такія обстоятельства, въ коихъ милостивое ваше подкрѣпленіе и защищеніе, напаче *сходственныя* и скорыя по моимъ представленіямъ резолюціи нужны; вслѣдствіе чего всепокорнѣйше испрашиваю многомощнаго вашего старательства и скорѣйшаго по всѣмъ моимъ реляціямъ, которыхъ содержаніе нынѣ уже тѣмъ важнѣе становится, доставленія *рышительныхъ* резолюцій. А я по нынѣ довольно таковыхъ получалъ, *которыя весьма темны и почти совсѣмъ невозможны*, почему и паки какъ о продолженіи исоцѣненной мнѣ вашей милости, такъ и *о подкрѣпленіи моихъ представленій*, всепокорнѣйше прошу, дабы я иногда, какими либо по онымъ затрудненіями не только что огорченъ, *но и совсѣмъ въ самомъ дѣлѣ сбитъ не былъ*» [26]).

Такимъ образомъ первыя столкновенія Апраксина были съ Конференціею; при чемъ даже изъ этихъ писемъ видно, что раньше, чѣмъ сказать послѣднее слово, необходимо разсмотрѣть отношенія Конференціи къ главнокомандующимъ. Между тѣмъ эти письма (появившіяся двумя годами раньше 24 т. «Исторіи Россіи» Соловьева)---не приняты авторомъ даже въ соображеніе.

Въ письмахъ Салтыкова и Бутурлина [27]) вліяніе Конференціи высказывается еще съ большею опредѣленностію.

10-го ноября 1759 г., герой Куннерсдорфа, Салтыковъ, пишетъ тому же И. И. Шувалову: «Всепокорнѣйше приношу мое благодареніе о жалѣніи моей прискорбности. Это правда,

---

[26]) Сборникъ Русскаго Историческаго общества т. 9, стр. 467, изд. 1872 г.

[27]) Тамъ же стр. 495 и 509.

что служа какъ вѣрный рабъ (государыни) и имѣя ея государскую милость и апробацію, а потомъ изъ высокоучрежденной Конференціи столько выговоровъ и нареканій, почему я, видя себя не только великою арміею командовать, *но ни ротою, ибо и совьтовъ держать не умьемъ, атаковать также даже и квартиры себь выбрать не умьлъ—и не знаю за чтобы я не получалъ выговору, даже что фельдмаршалъ Даунъ принца Генриха гонялъ, а я отъ короля бьчаю; на что я уже и не знаю какое оправданіе принесть.* Ежели изволите припамятовать, когда еще въ Петербургѣ, я имѣлъ честь доносить вашему превосходительству, что у насъ надобенъ командиръ чужестранный, тотъ будетъ смѣлѣе, а русскому трудно, что на себя взять; отъ чего приходимъ въ конфузію и дѣла могутъ упущены быть. Когда нынѣшней компаніи поступки мои опорочиваются, чего мнѣ впредь ждать?»

Наконецъ гр. А. Б. Бутурлинъ, не смотря на свое высокое положеніе при дворѣ и особую милость Елизаветы, въ письмѣ отъ 30-го сентября 1761 г. къ тому Ивану Шувалову говоритъ: «Я въ моей горести единое утѣшеніе имѣю, когда отъ вашего превосходительства милостивое письмо удостоюсь получить... а наипаче къ сердечному моему обрадованію, что я еще въ числѣ вѣрныхъ рабовъ (государыни) нахожусь, и что по милости Конференціи —давно бы меня на свѣтѣ не было...»

«Вступитесь (заканчиваетъ Бутурлинъ) за вѣрнаго раба ея величества. Нынѣ еще получилъ еще къ обидѣ моей, чтобъ и Акчюринова отдалъ графу Румянцеву, кой у меня одинъ и есть и всѣ секретныя дѣла на него положены, а я остался одинъ, писаремъ и копіистомъ. Я не чаялъ бы такой жестокой обиды отъ его высокородія Волкова (секретаря Конференціи) къ тому же включено, чтобы дать Панину столько войска сколько потребуетъ, *а у меня всего осталось 15-ть пол-*

ковъ пѣхотныхъ, то и всѣми хотѣлъ ему поручить, когда бы только дозволяло время на Берлинъ предпріятіе сдѣлать, а самъ бы къ провіантскимъ дѣламъ поѣхалъ на Вислу съ моими генералами. Повѣрьте Богу, столько прискорбно, что едва живъ хожу токмо и пр.»

Даже изъ Вѣны, этой родины гофкригсрата, подъ рукою, было сдѣлано напоминаніе Конференціи о томъ стѣсненіи, которое она оказываетъ главнокомандующимъ. Въ рескриптѣ Фермору, отъ 28-го августа 1758 года, мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующее: «Генералъ баронъ С. Андре почти жалуется яко бы указами нашими руки связаны производить операціи вами съ силою. Вамъ подлежитъ, не давая о томъ ничего знать, помянутому барону С. Андре, объяснить отчего бы сіе происходило, ибо въ нашихъ вамъ до нынѣ предписаній больше попущеній нежели остановокъ было [28])».

Рѣшительно не понятно, почему Соловьевъ, обращая вниманіе на нѣкоторыя выдержки изъ рескриптовъ, не далъ значенія перепискѣ главнокомандующихъ съ П. И. Шуваловымъ.

Но кромѣ этихъ писемъ рядъ другихъ документовъ намекаетъ на ненормальное вліяніе Конференціи на дѣйствія арміи; изъ каждаго рескрипта мы можемъ видѣть, что управленіе арміею было въ рукахъ Конференціи, и можетъ быть формулировано 31-мъ пунктомъ инструкціи Апраксину, гдѣ между прочимъ выражено: «Мы вамъ подтверждаемъ, чиня, какъ вышеупомянуто малыя движенія *и ожидая, на присылаемыя отъ васъ доношенія,—дальнѣйшихъ наставительныхъ указовъ*». На это же указываютъ настойчивыя и постоянныя приказанія Конференціи доносить о дислокаціи арміи, «*дабы мы могли вамъ тогда*

[28]) Москов. архивъ иностранныхъ дѣлъ. Прусскія дѣла, связка № 2.

обстоятелно дать предписанія», которыя и появляются въ родѣ рескрипта Конференціи—Фермору, отъ 2-го октября 1758 г. за № 145 [29]). Въ этомъ предписаніи Конференція останавливается *на 7-ми вѣроятныхъ, различныхъ, предположеніяхъ* о дѣйствіи непріятеля и по каждому изъ нихъ даетъ *«предписаніе»: на сей непріятный намъ случай коротко предписываемъ...»*, *или «на этотъ случай даемъ вамъ два предписанія...»* и т. д.

Инструкція, данная Апраксину въ 47 пунктовъ [30]), тоже самое есть важный документъ, указывающій какъ скованы были дѣйствія главнокомандующаго, во всѣхъ отношеніяхъ. Точно также, могутъ ли на историка, послѣ разбора документовъ, произвести какое-либо впечатлѣніе упреки Конференціи главнокомандующимъ за нерѣшительность дѣйствій. Сама Конференція, своими рескриптами, первая требовала этихъ нерѣшительныхъ дѣйствій. Общая формула (несомнѣнно знакомыхъ Соловьеву) рескриптовъ совершенно опредѣленно высказана наприм. въ 37-мъ пунктѣ инструкціи Апраксину: *«Но всякое сумнительное, а особливо противу превосходящихъ силъ сраженіе сколько можно всегда избѣгаемо быть имѣетъ»*. Этотъ счетъ силъ противника и былъ всегда на первомъ планѣ Конференціи. Военная Исторія разъяснитъ вліяніе предписаній Конференціи въ 1758 году, наприм., на занятіе Гданска, Берлина и т. п. Нельзя же не признать, что разъ если ставились главнокомандующимъ нерѣшительныя задачи, то не могло быть рѣшительнаго исполненія.

Если данныя, характеризующія значеніе Конференціи, задачи, поставленныя послѣдней арміи, отношенія между Конференціею и главнокомандующими и т. п. составляютъ для

---

[29]) Тамъ же.

[30]) Архивъ князя Воронцова т. 3 стр. 513.

политической исторіи маловажные факты (?) (хотя это крайне сомнительно), то, быть можетъ, эти данныя—важны для спеціальнаго рѣшенія вопроса, столь опредѣленно предрѣшеннаго уже авторитетнымъ историкомъ. Смѣемъ заключить, что высказывать въ этомъ случаѣ послѣднее слово, поменьшей мѣрѣ, рисковано. Если бы вопросъ касался только о способностяхъ главнокомандующихъ, тѣмъ болѣе назначенныхъ «по линіи» (что тоже не совсѣмъ вѣрно), то въ общеисторическомъ отношеніи,—да даже и для исторіи военнаго искусства, это было бы маловажно. Но дѣло въ томъ, что Конференція при высочайшемъ дворѣ была учрежденіе общегосударственное, порожденное «гражданскимъ фельдмаршаломъ (Бестужевымъ)» и управляемое хотя и талантливымъ, но чуждымъ военному дѣлу—секретаремъ Волковымъ. Весь вредъ стѣсненія и вмѣшательства высшаго органа государственнаго управленія въ частности исполненія и вообще въ дѣло главнокомандующаго—не можетъ остаться не отмѣченнымъ исторіею. Масса примѣровъ военной исторіи показываетъ, что даже въ ближайшихъ къ намъ войнахъ настоящаго столѣтія *) мы нерѣдко встрѣчаемъ сильное стѣсненіе власти главнокомандующаго государственнымъ учрежденіемъ или лицами, подобно знаменитой Конференціи въ Русско-Прусскую войну и графу Петру Шувалову; отвѣтственность же за неудачу передъ исторіею несправедливо падаетъ исключительно на главнокомандующаго. Отмѣтить этотъ вопросъ, т. е. вліяніе высшаго органа государственнаго управленія (той или другой формы), вліяніе выдающагося государственнаго дѣятеля на ходъ военныхъ дѣйствій—важно для общей исторіи.

Мы остановились на общихъ выводахъ проф. Соловьева, быть можетъ, болѣе, чѣмъ нужно для оцѣнки источника, имѣющаго, въ военно-историческомъ отношеніи—второстепен-

*) Наприм. факты Франко-германской войны 1870—1871 гг.

ное значеніе. Голословные приговоры почтеннаго профессора о состояніи военнаго искусства въ Россіи въ эпоху Семилѣтней войны, неубѣдительное обвиненіе «бездарныхъ» главнокомандующихъ, отсутствіе намековъ на серьезную оцѣнку ихъ дѣйствій,—все это черезчуръ выдается въ «Исторіи Россіи». Короче говоря, некомпетентность судьи, постановившаго свой тяжкій приговоръ безъ содѣйствія экспертизы, безъ разсмотрѣнія важнѣйшихъ спеціальныхъ документовъ по данному случаю,—слишкомъ очевидна.

При всемъ томъ невозможно оставить заключенія и выводы проф. Соловьева безъ серьезнаго вниманія. Нельзя не замѣтить, что вообще военно-историческіе факты, въ особенности отечественныхъ войнъ, распространяются, большею частію, литературными произведеніями, неимѣющими ничего общаго съ трудами по военному искусству. Если въ массѣ случаевъ военная критика можетъ оставить безъ вниманія военно-критическія фантазіи, наприм. газетныхъ корреспондентовъ—очевидцевъ, то главные общеисторическіе труды подлежатъ, на нашъ взглядъ, серьезному разсмотрѣнію. Мы имѣли случай сказать, что, наприм., выводы проф. Соловьева, относительно дѣйствія нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну, перепечатываются цѣликомъ даже тѣми изъ нашихъ историковъ, которые имѣютъ свой взглядъ на дѣло и не склонны смотрѣть на русскую армію съ предвзятою мыслью, въ очки, приготовленныя за границею. При общеизвѣстной авторитетности проф. Соловьева смѣло можно быть увѣреннымъ, что подобное перепечатываніе будетъ не единичнымъ случаемъ.

Вполнѣ понятно, что исключительно военная историческая критика не можетъ предохранить факты отечественныхъ войнъ отъ произвольнаго и ложнаго ихъ обсужденія. Не дѣло военной критики слѣдить за военно-критическими бреднями, неимѣющими ничего общаго съ наукою. Мы очень часто

видимъ, что масса брошюръ и даже сочиненій военно-историческаго характера появляется исключительно ради личной выгоды автора, какъ издателя. При этихъ условіяхъ военная исторія,—какъ и всякая наука,—не обезпечена отъ подобныхъ спекуляцій, и въ этомъ случаѣ мало имѣетъ средствъ противъ распространенія самыхъ крупныхъ несообразностей. Но если послѣднія появляются въ серьезныхъ трудахъ, то значитъ существуютъ коренныя причины недоразумѣній. Эти то недоразумѣнія мы и объясняемъ прежде всего недостаткомъ связи между серьезными изслѣдованіями по общеполитической и спеціально военной исторіи.

Между прочими мѣрами, способствующими объединенію историческихъ изслѣдованій, позволяемъ себѣ думать, напечатаніе документовъ военныхъ архивовъ, краткая оцѣнка значенія ихъ, напечатаніе каталоговъ военныхъ архивовъ, развитіе военно-исторической критики, спеціальная оцѣнка документовъ, появляющихся въ разныхъ историческихъ изданіяхъ, объединеніе военно-историческихъ трудовъ въ особомъ періодическомъ изданіи [31]) —все это должно способствовать правильному анализу фактовъ отечественной исторіи и прочному развитію исторіи военнаго искусства въ Россіи, съ частнымъ ея развѣтвленіемъ (разработка исторіи полковъ и элементарныхъ курсовъ военной исторіи для военныхъ школъ).

---

[31]) Нельзя не замѣтить, что на необходимость подобнаго выдѣленія указываетъ обширное развитіе общеисторическихъ изданій, замѣчаемое въ позднѣйшее время. Не касаясь общеизвѣстныхъ историческихъ изданій, мы не должны забывать, что труды различнаго рода комиссій по разбору рукописей и обществъ любителей исторіи имѣютъ самое серьезное значеніе и для военной исторіи. При этомъ нельзя не признать, что наибольшее значеніе получаютъ не столько общераспространенные исторические журналы, а именно малоизвѣстные спеціальные труды историческихъ обществъ, гдѣ преслѣдуются исключительно научныя цѣли.

II.

Переходя къ разбору *записокъ А. Т. Болотова* «Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ», мы прежде всего считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то сильное впечатлѣніе, которое вообще производитъ на многихъ свидѣтельство очевидца. Нельзя не признать, что значеніе записокъ очевидца военно-историческихъ событій находится въ зависимости, во-первыхъ, отъ личныхъ (нравственныхъ) достоинствъ автора записокъ, свидѣтельство котораго принимается, въ массѣ случаевъ,— на вѣру; во-вторыхъ, отъ степени компетентности автора въ вопросахъ военнаго дѣла, отъ чего зависитъ не только оцѣнка, но и обстоятельность описанія важныхъ фактовъ; въ третьихъ, отъ обстановки, въ которой находился авторъ записокъ во время описываемыхъ имъ военныхъ дѣйствій. Все это имѣетъ на столько важное значеніе для историка, что, казалось бы, раньше, чѣмъ пользоваться извѣстными мемуарами, слѣдовало бы критически разобрать много вопросовъ, касающихся лично автора и его бывшаго положенія въ арміи, для того, чтобы, въ зависимости отъ намѣченныхъ выше главныхъ данныхъ,—опредѣлить, какое слѣдуетъ отвести мѣсто разсматриваемымъ запискамъ очевидца въ числѣ матеріаловъ для описанія данной войны или ея части.

Были ли разсмотрѣны записки Болотова и свидѣтельство «вояжира изъ Риги» съ точки зрѣнія помянутыхъ главныхъ основаній? Мы должны отвѣтить на это безусловно отрицательно. Историки (за исключеніемъ Соловьева и то не всегда) признали записки Болотова и свидѣтельство очевидца-нѣмца, бывшаго въ Ригѣ въ 1757 году при нашей арміи, —за цѣнный источникъ для очерка дѣйствій нашихъ войскъ въ Пруссіи. Писатели какъ бы рады были, что реальные выводы Болотова освобождали ихъ отъ сложной работы критическаго анализа фактовъ: не только мысли, но

фразы и слова Болотова и «вояжира изъ Риги» нашли себѣ мѣсто въ историческихъ трудахъ, даже тѣхъ изъ писателей, которые не могли не знать, напримѣръ, относительно показанія нѣмца изъ Риги, что лица близко заинтересованныя арміею (Воронцовъ въ письмѣ главнокомандующему) замѣчали, что основаніе и главныя заключенія даннаго свидѣтельства очевидца «къ достойному презранію оставить должно», и по весьма уважительной причинѣ: ибо «*прежнія дѣла и настоящія противно тому доказывали и доказываютъ*» [32]).

Разборъ записокъ Болотова, кромѣ прямаго соотношенія къ интересующему насъ вопросу,—дастъ данныя нѣсколько разъяснить вопросъ о значеніи записокъ очевидцевъ вообще.

Г. Семевскій въ 1870 г. въ предисловіи къ 1-му тому объемистыхъ «Записокъ А. Т. Болотова» восторженно отзывается о замѣчательныхъ достоинствахъ автора «Записокъ», рекомендуя послѣднія какъ одно изъ «...драгоцѣннѣйшихъ достояній нашей исторической литературы» [33]). Издатель замѣчаетъ, что «въ этомъ историко-литературномъ памятникѣ заключаются живѣйшія подробности (между прочимъ)... о военныхъ дѣйствіяхъ XVIII вѣка, въ особенности объ участіи Россіи въ войнѣ съ Фридрихомъ II и о войнахъ Екатерины II съ турками, поляками и шведами». «Лучшія стороны (разсказа Болотова) составляютъ необыкновенная искренность автора, любовь къ правдѣ и дорогому отечеству. Болотовъ есть полный представитель лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтія. Большія природныя дарованія онъ развилъ упорнымъ изученіемъ наукъ и литературы какъ отечественной, такъ и иностранной въ особенности нѣмецкой». Отмѣ-

---

[32]) Письмо Воронцова къ Фермору. Глав. архивъ иностранныхъ дѣлъ. Прусскія дѣла. Связка 2-я.

[33]) «Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ», стр. III.

ченная г. Семевскимъ особенность въ достоинствахъ Записокъ А. Т. Болотова (характеристика «живѣйшихъ подробностей войны» 1756—1762 гг.) основывается на томъ, что Болотовъ «девятнадцатилѣтнимъ офицеромъ принимаетъ участіе въ кровавыхъ битвахъ русскихъ съ пруссаками и затѣмъ, онъ однимъ изъ первыхъ спѣшитъ воспользоваться свободою, предоставленною россійскому дворянству манифестомъ 18-го февраля 1762 г.», и выходитъ въ отставку.

Мы ограничились главнѣйшими чертами панегирика Болотову, набросанными издателемъ его записокъ въ предисловіи къ 1-му тому.

Перечисленныя достоинства автора дѣйствительно возвышаютъ значеніе свидѣтельства очевидца, внушаютъ полное довѣріе къ его выводамъ, ставятъ его трудъ въ разрядъ важныхъ источниковъ для изученія дѣйствій русскихъ войскъ въ Семилѣтней войнѣ. Но если мы ближе разсмотримъ записки Болотова, вспомнивъ при этомъ тѣ принципіальныя условія, которыя нельзя забывать при оцѣнкѣ всѣхъ вообще мемуаровъ современниковъ, то и значеніе свидѣтельства Болотова, быть можетъ, представится намъ въ другомъ видѣ.

Прежде всего за Болотовымъ нельзя признать главнаго, а именно правъ очевидца военныхъ дѣйствій Семилѣтней войны. Болотовъ никогда не былъ участникомъ *кровавыхъ битвъ* русскихъ съ пруссаками, онъ неотлучно находился при Архангелогородскомъ пѣхотномъ полку во время похода 1757 г., участвовалъ въ Гр. Егерсдорфскомъ бою (на лѣвомъ флангѣ)—и только. Съ начала 1758 г. мы встрѣчаемся съ крайне неблаговиднымъ стремленіемъ молодаго офицера въ тылъ арміи, за сотни верстъ отъ боя; въ 1761 г. маневры Болотова, все съ тою же цѣлью,—уйти изъ рядовъ дѣйствующихъ войскъ въ тылъ,—проявляются опять въ полной мѣрѣ. Такъ или иначе, но каждый разъ «спроворивание» Болотова достигаетъ полнаго успѣха, и дальше Кенигсберга онъ никогда не дѣлалъ шага.

Участіе свое въ Гр. Егерсдорфскомъ бою Болотовъ разсказываетъ крайне характерно.

Когда бой 19-го августа 1757 г. принялъ свое нормальное теченіе (первый ударъ нечаяннаго нападенія былъ отбитъ), и полки нашего лѣваго фланга, подъ начальствомъ Сибильскаго, успѣли занять свое мѣсто въ боевомъ порядкѣ,— Болотовъ говоритъ: «Мы всѣ, то есть штабы и офицеры, собравшись кучами смотрѣли на сіе побоище и только что жалѣли и разсуждали, ибо самимъ намъ ничего дѣлать было не можно. Намъ хотя все происхожденіе было видимо, но мы стояли *такъ далеко*, что до непріятеля не могли достать не только наши ружья, но и самыя полковыя пушки. И такъ, мы принуждены были только поджавъ руки смотрѣть и, находясь между страхомъ и надеждою, ожидать рѣшительной минуты. Но скоро лишились мы и того удовольствія... дымъ такъ сгустился, что обѣихъ сражающихъ армій намъ было уже не видно...» [34]).

Казалось бы какъ просто, опредѣленно и добродушно правдиво сказано. Лѣвый флангъ (замѣтимъ не резервъ) любуется, какъ бьютъ центръ, потому что «*далеко*» и «даже полковыя пушки» не «достаютъ!» Если же принять, что въ Архангелогородскомъ полку были гаубицы (они и были), то и въ этомъ случаѣ разстояніе между центромъ и лѣвымъ флангомъ не превзойдетъ 1-й версты. Но нѣсколько ниже авторъ выяснитъ, что самъ онъ просто не понималъ того, что происходило передъ нимъ въ началѣ боя. «На самомъ лѣвомъ флангѣ нашего корпуса,—сказано въ запискахъ Болотова [35])—стояли наши Донскіе казаки. Сіи *съ самаго еще начала баталіи поскакали атаковать стоящую позади болота непріятельскую конницу*». Изъ этого одного очевидно, что и весь нашъ лѣвый флангъ (обезпечивавшій вмѣстѣ съ тѣмъ дефиле

---

[34]) Записки Болотова, томъ I, стр. 526.
[35]) Записки Болотова, томъ I, стр. 531.

и прямой путь къ д. Норкитенъ) [35]) былъ такъ или иначе связанъ прусскою кавалеріею. Это вполнѣ подтверждается и нижеслѣдующимъ свидѣтельствомъ Болотова, гдѣ указано, что казаки при отступленіи навели преслѣдовавшую ихъ прусскую конницу—на фронтъ полковъ нашего лѣваго фланга. «Сіе (атака казаковъ) намъ тогда же еще было видно, и мы досадовали еще смотря на худой успѣхъ сихъ *негодныхъ воиновъ*». Столкновеніе казаковъ съ прусскою кавалеріею должно было произойти «болѣе версты разстоянія» отъ полковъ нашего лѣваго фланга; «но мы могли,—говоритъ Болотовъ, явственно слышать какъ они загикали ги! ги! и опрометью на пруссаковъ поскакали». Болотовъ и его сосѣди думали, что «всѣхъ ихъ (пруссаковъ) дротиками (казаки) переколятъ»; но «храбрость ихъ (казаковъ) въ томъ только и состояла, что они погикали и изъ винтовокъ своихъ попукали, ибо какъ пруссаки стояли неподвижно и готовились принять ихъ мужественнымъ образомъ, *то казаки увидя, что тутъ ни по нимъ* (?) оборотились того момента назадъ и дай Богъ ноги». «Прусскіе кирасиры и драгуны сами вслѣдъ за ними поскакали и, обскакивая болото, *гнали ихъ какъ овецъ къ нашему фрунту*». Далѣе Болотовъ свидѣтельствуетъ, какъ прусская кавалерія обрушилась частію *на фронтъ* пѣхотныхъ полковъ лѣваго фланга, но большею частію на ихъ тылъ. Полки, гдѣ былъ Болотовъ, «принуждены были оборотить нашъ фронтъ назадъ»; батарея (бывшая на лѣвомъ флангѣ) «успѣла благовременно обернуть свои пушки, и данный изъ нея картечный залпъ имѣлъ успѣхъ наивожделѣннѣйшій». Атака прусской кавалеріи была отбита: непріятель «опрометью назадъ обернулся»; «тѣ же, которые вскакали за нашъ фрунтъ *попали какъ мышь въ западню. Пѣхота тотчасъ опять сомкнулась, и они всѣ принуждены были погибать наижалостнѣйшимъ образомъ. Наша*

---

[35]) См. планъ № 4.

кавалерія ихъ тутъ встрѣтила, перерубила всѣхъ до ѣдинаго человѣка».

Сопоставляя это описаніе Болотовымъ боя на лѣвомъ флангѣ съ его же описаніемъ хода Гр. Егерсдорфскаго боя на другихъ пунктахъ, намъ рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что очевидецъ, строжайшимъ образомъ относящійся къ высшимъ начальникамъ, не выказываетъ ни малѣйшаго желанія вникнуть въ окружавшую собственно его обстановку. Благодаря судьбу, что ему «случилось стоять въ столь блаженномъ и такомъ мѣстѣ, въ какомъ всякій бы во время баталіи охотно стоять согласился» (совершенно безопасномъ), авторъ и не желаетъ узнать: какія же были причины бездѣйствія полковъ лѣваго фланга. Болотовъ хвалитъ тѣ полки нашего праваго крыла, которые «продрались кое-какъ сквозь лѣсъ выручить своихъ единоплеменниковъ», а лѣвый флангъ, «поджавъ руки», «имѣлъ удовольствіе» любоваться боемъ въ центрѣ, пока дымъ наконецъ закрылъ картину. Не очевидно ли для каждаго, что дальность (на прежній пушечный выстрѣлъ) не есть оправданіе для такого тяжкаго зрѣлища. Если полки праваго крыла могли «продраться» сквозь лѣсъ, то неужели лѣвый флангъ не могъ пройти сквозь мокрый кустарникъ, отдѣлявшій его отъ непріятеля не болѣе версты? Неужели же всѣ и старшіе начальники, «поджавъ» руки, любовались боемъ; вѣдь по словамъ Болотова тутъ былъ авангардъ и часть дивизіи Лопухина, общее начальство надъ которыми было дано Сибильскому. Отчего Болотовъ, обвинявшій на каждомъ шагу Апраксина, въ данномъ случаѣ ни слова не говоритъ о своемъ непосредственномъ начальникѣ—Сибильскомъ, не рисковавшемъ ни до, ни послѣ кавалерійской атаки сдѣлать что-либо для выручки центра нашей арміи. Это обстоятельство тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что, гдѣ можно, Болотовъ всегда разсыпаетъ похвалы Сибильскому.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что очевидецъ, не задающійся какою-либо предвзятою мыслью, ближайшее вниманіе удѣляетъ окружающей его обстановкѣ. Болотовъ въ своихъ запискахъ совершенно напротивъ: и во время боя, и въ походѣ онъ всегда указываетъ на то, что дѣлалось въ главной квартирѣ, чего въ дѣйствительности онъ, по его служебному положенію, никогда знать не могъ.

Искусственность разсказа Болотова, оставленіе безъ разъясненія ближайшаго, что могло быть ему извѣстно, въ особенности обнаруживается въ его картинномъ описаніи Гр. Егерсдорфскаго боя. Болотовъ, кромѣ картинокъ (полезныхъ для частностей), ничего не даетъ важнаго о *единственномъ бои, гдѣ онъ участвовалъ*, и что могло бы дать право судить о дѣйствіяхъ Апраксина.

Разъ если изслѣдователь пріостановится надъ свидѣтельствомъ Болотова, то онъ вынужденъ будетъ прежде всего возможно ближе познакомиться съ самимъ Болотовымъ. Для этого необходимо обратиться къ внимательному разсмотрѣнію «Предувѣдомленія» автора. Въ этомъ случаѣ изслѣдователь съ первыхъ строкъ, найдетъ данныя для серьезнаго сомнѣнія въ мнимой простотѣ разсказа очевидца, прикрытой личиною даже самобичеванія. Нѣтъ, напримѣръ, возможности повѣрить, что Болотовъ искренно предназначалъ свой 30-ти лѣтній трудъ только «единственно для удовольствованія любопытства своихъ дѣтей и потомковъ». Возможно ли, чтобы у Болотова при составленіи записокъ не было источниковъ: въ цыфрахъ, напримѣръ, маршрутовъ слѣдованія, въ названіяхъ и т. п. у Болотова нѣтъ ни одной ошибки сравнительно съ журналомъ военныхъ дѣйствій. Онъ во многихъ случаяхъ цѣликомъ цитируетъ нѣмецкія реляціи.

Вникнувъ въ смыслъ «Предувѣдомленія» и хорошо ознакомившись съ его описаніемъ войны 1757 года (письма 37—59) не останется никакого сомнѣнія, что Болотовъ не «прямо на-бѣло» писалъ свои письма, а по заранѣе обду-

манному плану. Это не простой, неподдѣльный разсказъ, а искусственный (написанный 30 лѣтъ спустя послѣ участія въ дѣлѣ), зависимый отъ взглядовъ нѣмецкихъ писателей. Основная мысль Болотова та же, что и всѣхъ нѣмецкихъ писателей: голословное и огульное порицаніе всѣхъ дѣйствій русскихъ во время войны, кромѣ храбрости войскъ.

Признавая за записками Болотова, по отношенію къ описанію Гр. Егерсдорфскаго періода кампаніи, не простое сказаніе очевидца, а тенденціозную историческую повѣсть съ прусскими реляціями и вообще повѣсть въ нѣмецкомъ вкусѣ, мы, прежде чѣмъ позволимъ себѣ исключить это сказаніе очевидца изъ числа источниковъ для изученія войны императрицы Елизаветы съ Фридрихомъ II,—остановимся надъ нѣкоторыми вопросами, характеризующими личность автора Записокъ и степень его компетентности въ спеціальныхъ вопросахъ, имѣя въ виду, что даже и слова Болотова у многихъ имѣютъ цѣну факта [37]).

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе оцѣнка Болотовымъ казаковъ.

Описывая дѣйствія «негодныхъ воиновъ» (Донскихъ казаковъ) на лѣвомъ флангѣ, судья нашихъ главнокомандующихъ изобличаетъ свое незнаніе общеизвѣстныхъ особенностей боя казаковъ. Оказывается, что Болотову не была извѣстна традиціонная тактика казаковъ и элементарныя особенности кавалерійскаго боя. Какъ. извѣстно, одна изъ спаровокъ казаковъ состояла въ томъ, чтобы нанести регулярной кавалеріи окончательный ударъ при наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ въ зависимости отъ обстоятельствъ боя. Съ этою цѣлью, между прочимъ, они производили ложныя атаки, которыя весьма часто клонились къ тому,

---

[37]) Вѣрятъ же нѣкоторые историки тому, что Болотовъ слышалъ, какъ гренадеръ разсказывалъ Апраксину ночью сказки и на основаніи этого судятъ объ очевидной неспособности Апраксина. Какъ будто бы въ дѣятельности бывшаго президента Военной коллегіи и главнокомандующаго нѣтъ рѣшительно ничего больше, что обнаруживало бы его способности. Вотъ какъ каждое слово очевидца высоко цѣнится.

чтобы вызвать «погоню» (дѣйствительную атаку), и иногда этимъ случаемъ казаки пользовались для боя въ одиночку съ неповоротливыми латниками, если ихъ старшины не имѣли другихъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ казаки наводятъ «сомкнутые» эскадроны пруссаковъ «на нашъ фрунтъ» на батарею, и въ концѣ концовъ сами (регулярная кавалерія авангарда была такъ слаба, что ее можно не считать) доруб[а]ютъ остатки прусскихъ кирасиръ и драгунъ, неуспѣвшихъ ускакать. Самъ Болотовъ представляетъ образчикъ подобной атаки казаковъ, не подозрѣвая, что высказываетъ лучшую похвалу казакамъ и свое полное непониманіе дѣла. *Разсыпная* атака казаковъ все равно никогда не могла бы имѣть успѣха противъ удара *сомкнутаго* строя, да еще лучшей кавалеріи того времени. «Негодные воины», оказывается, прекрасно это понимали и «гиканье» ихъ имѣло другія конечныя цѣли, что и оправдалось предоставленною имъ честью дорубать прусскую конницу послѣ ея неудачной атаки на лѣвый флангъ русскихъ.

Чѣмъ же руководствовался Болотовъ, называя казаковъ, за образцовое ихъ дѣйствіе на лѣвомъ флангѣ 19-го августа, тѣмъ именемъ, которое вообще никогда не можетъ дать казакамъ русскій человѣкъ, мало-мальскій «любящій правду» и хотя немного знакомый съ дѣйствіями ихъ въ минувшихъ войнахъ и въ особенности въ Семилѣтнюю? Позволяемъ себѣ думать, что кромѣ незнанія несомнѣнно проглядываетъ у автора пристрастіе къ нѣмцамъ. Дѣйствительно, что долженъ бы сказать Болотовъ, руководствуясь простой логикою, относительно попавшихъ какъ «мышь въ западню» прусскихъ латниковъ, рвнувшихся въ «погоню» за казаками «какъ за овцами?» Хвалить за это не приходится, и мы видимъ, что «другъ нѣмцевъ», въ глазахъ котораго «маленькіе и вверхъ взхохренные усы придавали и самымъ мертвымъ (пруссакамъ) видъ страшный и геройскій», не осмѣливается цѣнить и сравнивать *резуль-*

таты дѣйствій могущественной прусской кавалеріи съ какими-то «негодными воинами».

Гр. Егерсдорфскій бой былъ первымъ и послѣднимъ боевымъ шагомъ героя «кровавыхъ битвъ» русскихъ съ пруссаками. Въ 1758 году Болотовъ уклонился отъ участія въ походѣ къ нижней Вислѣ такимъ неблаговидным способомъ, который самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, что у Болотова не было и признаковъ «полнаго представителя лучшихъ изъ русскихъ людей прошлаго столѣтія», бывшихъ въ рядахъ арміи. Въ 1761 г. поступки А. Т. Болотова съ тою же цѣлью, отдѣлаться отъ «одра чести» (какъ это говоритъ самъ Болотовъ), еще болѣе подтверждаютъ, что у него не было тѣхъ нравственныхъ воинскихъ принциповъ, которые искони присущи «лучшимъ изъ русскихъ людей» не только бывшимъ въ арміи, но такъ или иначе къ ней прикосновеннымъ. Хорошо еще, что Болотовъ подробно описываетъ распоряженія и мѣры своего полкового командира и представляетъ образчикъ, какъ относились къ подобнымъ офицерамъ товарищи и старшіе его начальники [38]).

---

38) Уклоненіе Болотова отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ проглядываетъ на каждомъ шагу. Въ особенности авторъ высказывается въ 67-мъ письмѣ (1-й томъ) и 86-мъ письмѣ (II тома); въ послѣднемъ случаѣ (въ 1761 г.) Болотовъ какъ бы начинаетъ искать защиты своего поведенія подъ кровомъ науки? На нѣкоторыхъ чертахъ, характеризующихъ Болотова необходимо остановиться. Со взятіемъ Кенигсберга Архангелогородскій полкъ временно былъ оставленъ для службы въ тылу арміи. Болотовъ въ это время былъ временно прикомандированъ къ управленію начальника тыла переводчикомъ, но «на ту бѣду и переводовъ не было», которые могли бы доставить Болотову предлогъ остаться въ тылу въ 1758 г. (письмо 67-е). Передъ выступленіемъ полка въ походъ къ «вящему несчастію» для подпоручика Болотова, прибылъ, вмѣсто старичка, новый полковой командиръ князь Долгоруковъ, который потребовалъ Болотова къ себѣ и предложилъ возвратиться въ строй. На вопросъ полковника о желаніи Болотова участвовать въ походѣ, Болотовъ отвѣчалъ «конечно такъ, ибо въ скорости не могъ ничего инаго ему сказать»; «очень хорошо, отвѣтствовалъ я.—Сборы наши не велики и мы къ походу всегда готовы». «Сказавъ сіе...» Болотова начинаетъ мучить... «Не нелегкая ли меня за языкъ дернула... и въ своемъ ли я былъ умѣ... что за ретивость такая. Ни котъ, ни кошка о семъ усердіи и ревности твоей не узнаютъ! Ни кто тебѣ право за то не скажетъ спасибо и никого ты тѣмъ ни мало не удивишь...» Перечисляя всѣ невыгоды офицеровъ, находящихся въ строю, онъ говоритъ: «не все такъ можетъ удастьси какъ въ прошломъ году; тогда намъ хорошо было воевать, а нынѣ не слышишь ли какъ жарко бываетъ... пуля глупа и не разборчива,

Прослѣдимъ однако за наиболѣе важными изъ свидѣтельствъ Болотова. Самое тяжкое изъ обвиненій Болотова касается варварства русскихъ при дѣйствіи въ В. Пруссіи. Мы имѣли случай уже отмѣтить, что вообще особенность записокъ очевидцевъ та, что они большею частію представляютъ готовые выводы, въ видѣ личныхъ впечатлѣній; оттого-то личность очевидца играетъ такую громадную роль. Какъ, напримѣръ, доказать, что Болотовъ не былъ командированъ жечь деревню или что Апраксинъ никогда не отдавалъ приказанія, чтобы все жечь, грабить и уничтожать?

Позволяемъ себѣ думать, что въ этомъ случаѣ только неопредѣленность, непослѣдовательность самаго разсказа, несообразность свидѣтельства съ «прежними и настоящими дѣлами» могутъ обличить очевидца. Но для этого потребовался бы цѣлый томъ критическаго разбора объемистыхъ трудовъ Болотова. Въ этомъ отношеніи мы можемъ только бросить бѣглый взглядъ на непослѣдовательность, несообразность

таково-жъ хорошо и въ меня попадетъ какъ въ другихъ, и тогда славься себѣ, пожалуй, и утѣшайся тѣмъ, что умеръ на одрѣ чести...» *(Неужели это, по мнѣнію г. Семевскаго, есть принципы „полныхъ представителей лучшихъ изъ русскихъ людей прошлаго столѣтія бывшихъ въ арміи?“)*. Затѣмъ Болотовъ началъ придумывать «какъ нибудь искусненно отъ сего похода отдѣлаться»; онъ хотя «и далъ полковнику слово, но нельзя ли какъ-нибудь *спроворить*, чтобъ меня отъ генерала не отпустили». Предвидя, что если его тайныя цѣли узнаютъ, то будетъ плохо, а потому онъ останавливается на мысли: «ну если-бъ самому генералу вздумалось меня не отпустить и полковнику отказать въ просьбѣ». Преслѣдуя эту цѣль, утромъ Болотовъ не успѣлъ товарищамъ нѣмцамъ сказать—«ну, прощайте, любезные друзья мои...», какъ открылся удобный случай, и, съ помощію правителя канцеляріи, Болотовъ добился того, что Корфъ отказалъ князю Долгорукову въ требованіи его возвратить Болотова въ строй. Но къ ужасу Болотова,—Долгорукій стремится силою вырвать его изъ канцеляріи *тыла* (у Корфа). Полковой адъютантъ Архангелогородскаго полка приходитъ и передаетъ: «Его сіятельство (полковой командиръ) приказалъ вамъ сказать, что буде вы (Болотовъ) хотите имѣть съ нами въ походъ итти, то можете завтра по утру, когда полкъ пойдетъ, *тайкомъ* отсюда уѣхать, а онъ уже беретъ на себя защитить васъ отъ всѣхъ посягательствъ, могущихъ за то послѣдовать отъ генерала Корфа». Болотовъ «изумился и смутился такъ, что не зналъ нѣсколько минутъ, что ему отвѣтствовать... *„что я за дуракъ буду и не съ ума ли мнѣ сойтить, если сему приглашенію послѣдовать“*. Перемявшись, Болотовъ увѣряетъ адъютанта, что... «мнѣ хоть бы и не

разсказа и указать источники, вліявшіе на свидѣтельство Болотова по важнѣйшему изъ его заключеній.

Кого, напримѣръ, обвиняетъ Болотовъ, описывая безпорядки, бывшія въ войну 1757 года? Послѣдователенъ ли авторъ въ своихъ заключеніяхъ и подтверждается ли его разсказъ другими данными?

Въ письмѣ 43-мъ Болотовъ прямо указываетъ на «нашихъ солдатъ, а особливо неслужилыхъ людей», которые грабили мирныхъ жителей Пруссіи; но нѣсколько ниже, въ томъ же письмѣ, сваливаетъ вину на «легкія войска». Не ограничиваясь своимъ свидѣтельствомъ, онъ приводитъ прусскія реляціи, гдѣ говорится о разныхъ неистовствахъ русскихъ войскъ. Въ 52-мъ письмѣ (при отступленіи отъ Тильзита) Болотовъ во всемъ прямо обвиняетъ Апраксина: фельдмаршаломъ де «дозволено было казакамъ и прочимъ легкимъ войскамъ всѣ ближнія мѣста грабить, опустошать и раззорять»; но въ то же время свидѣтельствуетъ, что и регулярныя войска имѣли подобное же приказаніе: онъ (Болотовъ)

хотѣлось отъ полка отстать...», но «не смотря на все мое усердіе и желаніе быть при полку.....—«я въ походъ вовсе не собирался; у меня къ отъѣзду ничего не готово... меня засудятъ за это (самовольную отлучку). Генералъ нашъ играть собою давать не любитъ». Адъютантъ пристращалъ, что полковникъ, быть-можетъ, «велитъ тебя исполею взять...». И Болотовъ описываетъ, какія онъ противъ этого принялъ мѣры; какъ онъ всю ночь съ своимъ Якимъ боялся насильнаго привлеченія къ походу «и не успѣлъ зачаться день, какъ я ни минуты не медля побѣжалъ въ канцелярію... Однако опасеніе мое и по отшествіи полка было такъ велико, что я не прежде на квартиру возвратился какъ уже ночью». Въ 1761 г. Болотовъ (письмо 86-е) по повелѣнію фельдмаршала (какъ отсталый офицеръ) совсѣмъ было собрался въ дѣйствующую армію, но ему *„удается услужить генералу порученною мнѣ* (какъ говоритъ Болотовъ) *бездѣлкою“*; а именно—нарисовать «образочекъ Св. Анны», что необходимо было генералу для исправленія сломавшагося ордена, что послужило причиною осуществленія «лестной надежды» не быть въ рядахъ войскъ. Вотъ типичныя черты героя «Записокъ», возведеннаго на степень «лучшихъ русскихъ людей». Могъ ли подобный офицеръ оставаться въ полку послѣ войны? намъ нечего переносить это на почву XIX стол.: исключеніе изъ полка по суду совѣсти общества офицеровъ—слишкомъ очевидный результатъ подобнаго поведенія, если бы оно обнаружилось. Но весь разговоръ съ полковникомъ внизъ Долгорукимъ и приказаніе, переданное чрезъ адъютанта,—все это свидѣтельствуетъ, что и въ XVIII столѣтіи въ русской арміи совершенно такіе смотрѣли на обязанности и достоинство офицеровъ. Можно ли принять на вѣру слова подобнаго очевидца.

самъ имѣлъ приказаніе «быть для истребленія огнемъ одной прекрасной деревни», и въ этомъ случаѣ авторъ для подтвержденія своихъ доводовъ и для ихъ обобщенія опять приводитъ прусскую реляцію, но уже такого сорта, что самъ краснѣетъ и сознается, что нѣмцы «*прилыгивали и изъ самой мухи слона дѣлали*». По лучше всего заканчиваетъ Болотовъ описаніе похода 1757 г.; по его словамъ, не смотря на варварскій набѣгъ, въ общемъ выводѣ все кончилось благополучно и нѣмцы не смотря на то, что «*мы какъ сущіе варвары жгли повсюду села...* и т. п.», остались объ насъ даже лучшаго мнѣнія «*какими они насъ почитали*».

Если очевидную непослѣдовательность и несообразность разсказа Болотова мы сопоставимъ съ другими данными, то «самыя дѣла» и въ данномъ случаѣ обличаютъ самого Болотова въ склонности его «изъ мухи слона дѣлать».

Во 1-хъ, извѣстны ли Болотову потери нашей арміи въ 1757 г. По донесеніямъ Фермора, основаннымъ на донесеніи полковыхъ командировъ, всего *съ потерями при Гр. Егерсдорфѣ* за весь походъ 1757 года убыль не превышаетъ 20,000 [39]) человѣкъ. Было ли въ расчетахъ Фермора, принявшаго на свою отвѣтственность армію, скрывать потери? Внѣ всякаго сомнѣнія—нѣтъ. А съ другой стороны, если эти цыфры вѣрны, то могла ли 128,000 армія, ведя варварское

---

[39]) Въ вѣдомости: «Сколько во время прошедшей кампаніи (1757 г.) регулярныхъ и нерегулярныхъ полковъ людей померло, при сраженіи съ непріятелемъ побито и другими случаями убыло» (М. О. Арх. Главн. штаба, опись 47, № $^{149}/_{152}$), убитыхъ и умершихъ отъ ранъ показано 10629, безвозвратно бѣжавшихъ 851, безвѣстно пропавшихъ 66, въ отставкахъ 414, выбывшихъ внѣ арміи 211. Такъ что выходитъ всего болѣе 12000 человѣкъ, безъ потерь казачьихъ войскъ. Изъ другой вѣдомости, въ томъ же дѣлѣ, (гдѣ Ферморъ требовалъ укомплектованія арміи въ 1757 г.), видно, что общее число рекрутовъ, потребное для арміи Ферморъ опредѣлялъ въ 21735 чел. По изъ переписки Военной Коллегіи, по недоразумѣнію двухъ приведенныхъ цыфръ, видно, что въ управленіи Фермора взяли не тѣ штаты, которые слѣдовало. Такъ или иначе, но въ данномъ случаѣ мы приняли высшую цыфру. Измѣненіе во всѣхъ штатахъ въ 1756 году дѣйствительно были и указаны нами въ «Строевой и полевой службѣ русскихъ войскъ».

мародерство при наступленіи, выдержавъ кровавый бой, послѣ самого безпорядочнаго отступленія,—понести настолько ничтожную потерю? Отъ подобнаго варварскаго образа веденія войны арміи таютъ и скоро оправиться не могутъ.

Во-вторыхъ, потеряла ли наша армія въ 1757 г. главные обозы? Изъ документовъ, приведенныхъ нами ниже въ примѣчаніяхъ 39 и 40, каждый можетъ убѣдиться, что главнѣйшій обозъ былъ цѣлъ (брошены повозки съ рогатками и т. п.), вся артиллерія доставлена за армію и только порохъ и понтоны изъ парка арміи были зарыты въ землю. Тоже самое и въ данномъ случаѣ,—могъ ли Ферморъ скрывать правду, когда за новое благоустройство частей отвѣчалъ онъ самъ, а все утраченное въ походѣ такъ или иначе должно быть пополнено.

Въ третьихъ, извѣстно ли г. Болотову, что въ то время, когда по его словамъ происходило наибольшее мародерство въ арміи (т. е. на правомъ берегу Нѣмана), Штофельнъ преспокойно заготовлялъ въ той же мѣстности провіантъ и часть запасовъ была [41]). Наконецъ въ 4-хъ) въ зимній походъ 1757 года въ ближайшихъ окрестностяхъ той же мѣстности, гдѣ былъ грабежъ и мародерство, шелъ отрядъ Румянцева и вездѣ находилъ квартиры. По бывшимъ тогда понятіямъ о способѣ веденія оборонительной войны сжиганіе русскими селъ между Инстербургомъ и Тильзитомъ,—не можетъ быть названо варварствомъ. Да отчего же Болотовъ не клеймитъ этимъ названіемъ выдающіеся безпорядки, произведенные пруссаками въ Саксоніи?

---

[40]) «По присланнымъ вѣдомостямъ минувшаго 31-го декабря отъ генерала Фермора показано, сколько изъ корпуса полевой артиллеріи при арміи обрѣтающагося, какихъ вещей сожжено, въ землю зарыто и въ воду брошено». Общій (главный) выводъ слѣдующій: понтоновъ, съ полною принадлежностію 14, запасныхъ вещей 104, бомбъ 450, каркасовъ 150, лафетовъ 2, картечей и гранатъ 1008, разныхъ инструментовъ всѣхъ сортовъ 2606, мѣшковъ для насыпки песку 12967, свинцу 324 пуд., пороху 277 п., шанцевый инструментъ 1800 штукъ. Въ арміи всего брошено: епанчей 316 , кафтановъ 2914, камзоловъ 2928, «фузей съ карабинами» 4917, флягъ водоносныхъ 4432, палатокъ 1523, повозокъ казеннаго обоза 193, рогатокъ съ принадлежностью 13265 съ 32 роспусками.

[41]) См. главу II.

Короче—если ближе разсмотрѣть «*дѣла*» и сопоставить ихъ съ отсутствіемъ всякой серьезности въ военно-исторической повѣсти Болотова непослѣдовательность автора (въ самыхъ серьезныхъ выводахъ), неправильное пониманіе имъ главнѣйшихъ воинскихъ нравственныхъ принциповъ, чѣмъ именно всегда гордилась русская армія, пристрастіе его нѣмцамъ, незнаніе авторомъ основныхъ началъ военнаго дѣла и т. п.,—то ничтожность этого источника для описанія дѣйствій русскихъ въ 1757 г. сдѣлается очевидною.

Съ 1758—1762 гг. свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ Запискахъ Болотова, относительно операцій дѣйствующей арміи,—основаны на нѣмецкихъ реляціяхъ и слухахъ, а потому требуютъ серьезной провѣрки и осторожнаго пользованія ими.

Въ общемъ выводѣ, позволяемъ себѣ заключить, что Болотовъ не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя могли бы возвысить его трудъ до степени серьезнаго пособія при изученіи войны императрицы Елизаветы съ Фридрихомъ II. Записки Болотова представляютъ, скорѣе всего, отрицательно поучительный образчикъ записокъ очевидца о военныхъ дѣйствіяхъ.

Авторъ не обладалъ ни элементарными знаніями военнаго дѣла, ни боевымъ опытомъ, что давало бы ему право критически отнестись къ распоряженіямъ главнокомандующихъ. Болотовъ, какъ русскій солдатъ, не имѣлъ нравственныхъ принциповъ, и если онъ этимъ рисуется для того, чтобы убѣдить въ правдивости всего сказаннаго про другихъ и для увлекательности разсказа, то не думаю, чтобы цѣль его была достигнута. Серьезнаго писателя, позволяемъ себѣ думать, Болотовъ этою личиною не подкупитъ. При обстоятельномъ же изученіи дѣла искусственность разсказа, несоотвѣтственность съ другими данными, непослѣдовательность, время описанія фактовъ (черезъ 30 лѣтъ спустя послѣ участія) —

все это скорѣе выдаетъ автора, свидѣтельствуя о его способности «для краснаго словца» превращать событія изъ «мухи въ слона», даже не жалѣя себя. Эта послѣдняя особенность въ пріемахъ описанія очевидца—стремленіе увлечь читателя фразерствомъ и описаніями разныхъ «зрѣлищъ», и есть самое опасное оружіе для обезображенія военно-историческихъ фактовъ.

Въ чемъ же вся сила записокъ Болотова? Талантливый авторъ записокъ, внѣ всякаго сомнѣнія, обладалъ даромъ слога, замѣчательнымъ для своего времени. Въ этомъ случаѣ ему могъ бы позавидовать (относительно) любой изъ авторовъ историческихъ повѣстей, романовъ и, подобные Болотову, гг. корреспонденты-очевидцы XIX столѣтія, правдивость которыхъ намъ хорошо извѣстна. А. Т. Болотовъ, на нашъ взглядъ, и является первымъ типомъ подобныхъ корреспондентовъ, сообщавшій въ своихъ «письмахъ», яко бы съ театра войны, —разную разность, лишь бы она вышла по эффектнѣе. Занимательность разсказа несомнѣнно и повліяло на популярность разсматриваемыхъ записокъ очевидца.

III.

Мы обязали себя упомянуть о статьяхъ Семевскаго: «Противники Фридриха Великаго. Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ» [44]).

Г. Семевскій разсматриваетъ главнымъ образомъ вопросы, касающіеся внутренней политики Россіи въ 1756 –1763 гг.: дѣйствія «на театрѣ борьбы придворныхъ саповниковъ и дипломатическихъ агентовъ».

Главныя роли на сценѣ этого театра предоставлены— Апраксину и «молодому двору»; второстепенныя —массѣ другихъ лицъ, соприкосновеннымъ съ дѣломъ, и русской арміи,

[44]) В. Сборникъ 1862 г. №№ 5, 6 и 11.

бывшей (посредствомъ Апраксина) яко-бы на строгомъ поводу -«умнаго», «честолюбиваго», «коварнаго» канцлера, продавшаго Россію и ея интересы для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей.

Собственно военныя дѣйствія, изъ Русско-Прусской войны 1756—1763 гг.,—«затронуты» авторомъ лишь настолько насколько нужно разъяснить *«по возможности по подлиннымъ документамъ причины, вызвавшія отступленіе»* Апраксина.

Вообще авторъ очерка войны 1756—1763 гг. высказываетъ лишь общіе *свои* (да позволено будетъ сказать откровенно А. Т. Болотова) выводы о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1757 г. Но, вслѣдъ за общими выдержками, г. Семевскій имѣлъ въ виду представить «общій обзоръ Семилѣтней войны». Опуская занавѣсъ послѣ каждаго изъ важнѣйшихъ актовъ [45]) на сценѣ театра военныхъ дѣйствій, авторъ «въ *обстоятельномъ* обзорѣ» обѣщалъ представить дѣйствія русскихъ войскъ въ 1758 году. Но мы не дождались, чтобы разъ опущенный занавѣсъ когда-либо поднялся.

Имѣя серьезные труды Соловьева и Феоктистова, гдѣ научно разсматриваются вопросы внутренней и внѣшней политики Россіи при Бестужевѣ-Рюминѣ,— мы не можемъ и позволить себѣ останавливаться и сопоставлять выводы ихъ, по тѣмъ же вопросамъ, съ заключеніями г. Семевскаго.

Считаемъ однако нужнымъ отмѣтить одинъ изъ актовъ, данныхъ на сценѣ театра борьбы политическихъ партій [46]), уясняющій основную идею статей г. Семевскаго. Фабула всей пьесы г. Семевскаго взята изъ извѣстнаго Бестужевскаго процесса, въ его первичномъ видѣ, т. е. когда историки «повторяли» еще «слухъ пущенный изъ французскаго

[45]) «Слѣдствіе и судъ» стр. 318 В. Сбор. 1862 г. № 6 и «Освобожденіе и оправданіе» тамъ же № 11, стр. 53.

[46]) Глава III стр. 271 В. Сборникъ № 6 «Бестужевъ-Рюминъ».

посольства въ Петербургѣ, что Апраксинъ отступилъ къ границамъ послѣ побѣды, потому что получилъ отъ Бестужева извѣстіе о болѣзни императрицы».

Въ этой общей ошибкѣ историковъ г. Семевскій, конечно, не виноватъ. Лично автору разбираемыхъ статей принадлежитъ только попытка провѣрить выше упомянутый слухъ путемъ разбора нашихъ главнѣйшихъ спеціально военно-историческихъ документовъ, относящихся до войны 1757 г., и въ этомъ отношеніи изслѣдованіе г. Семевскаго, какъ единственное въ своемъ родѣ, должно подлежать разбору спеціальной критики.

Главную связь между «бездарнымъ» Апраксинымъ и «талантливымъ» Бестужевымъ г. Семевскій основываетъ на слѣдующемъ. Бестужевъ, по мнѣнію автора, имѣлъ въ виду «рѣшительное устраненіе отъ престола Петра и воцареніе малютки Павла подъ регентствомъ его матери. *Для осуществленія столь дерзкаго замысла нужно было, какъ мы уже сказали (говоритъ г. Семевскій), войско подъ рукою и вотъ Апраксинъ запинается походомъ въ Пруссію.* И не мудрено: здоровье императрицы въ это время было крайне плохо...» [47]). Апраксину подобная сдѣлка тоже была выгодна: онъ, «*положительно знавшій* (?) замыслы Бестужева, вслѣдъ за нимъ искалъ поддержки своей будущности въ «молодомъ дворѣ» [48]).

Эти взаимные интересы имѣютъ слѣдствіемъ то, что Бестужевъ «входитъ въ сдѣлку съ главнокомандующимъ, жертвуетъ результатами дорого купленной побѣды, жертвуетъ тысячами русскихъ солдатъ и офицеровъ, гибнувшихъ въ постыдной ретирадѣ, жертвуетъ честью русскаго оружія...» [49]).

Болѣе опредѣленнаго выясненія связи между канцлеромъ и главнокомандующимъ очевидно быть не можетъ. Но смѣ-

---

[47]) Тамъ же, стр. 289.
[48]) Тамъ же, стр. 283.
[49]) Тамъ же, стр. 274.

лость (чтобъ не сказать больше) этихъ выводовъ поражать читателя, если онъ обратитъ вниманіе на одинъ изъ важныхъ общихъ результатовъ историческаго изысканія г. Семевскаго. Авторъ, послѣ разбора подлинныхъ документовъ, между прочимъ, удостовѣряетъ, что изъ самой важной переписки по Бестужевскому дѣлу (переписка Апраксина съ Бестужевымъ) «уцѣлѣло—весьма не много: все, что только могло *явно* компрометтировать того и другаго (Апраксина и Бестужева), все было во время уничтожено при началѣ слѣдствія» [50]). Очевидно тѣмъ самымъ г. Семевскій вполнѣ опредѣленно доказываетъ,—что и у него не могло быть *явныхъ* доводовъ. Откуда же данныя для подобныхъ категорическихъ и крупныхъ заключеній?

Вотъ въ этомъ-то случаѣ г. Семевскій и хочетъ разъяснить дѣло фактами военной исторіи, и съ перваго же шага дѣлаетъ тотъ азбучный промахъ, который не можетъ быть допущенъ въ трудахъ писателя, принявшаго на себя военно-историческій анализъ фактовъ.

Военная исторія, при описаніи стратегической операціи, въ числѣ первыхъ вопросовъ,—требуетъ объяснить—гдѣ въ началѣ операціи была армія и въ какомъ составѣ? Ни того, ни другого г. Семевскій не знаетъ. Если бы г. Семевскій обратилъ вниманіе на этотъ азбучный вопросъ и прежде всего прочно установилъ его по даннымъ военныхъ архивовъ, а не говорилъ о численности и составѣ арміи гадательно—гдѣ-то въ выпискѣ, не основывалъ бы свѣдѣній о составѣ нашихъ войскъ на данныхъ «Сѣверной пчелы» за 1856 г. № 39 (увѣряя, что какой-то г. Руфъ Игнатьевъ, отыскавшій рукопись, основательно предполагаетъ, что составъ арміи относится къ временамъ Елизаветы» [51]); если бы вмѣсто всего этого г. Семевскій подыскалъ помянутыя азбуч-

---

[50]) Тамъ же, стр. 283.

[51]) В. Сборникъ 1862 г. № 5, стр. 4.

ныя свѣдѣнія въ дѣлахъ военнаго архива (гдѣ ихъ очень много) [52]) то, нѣтъ сомнѣнія, сразу бы обратилъ вниманіе на недостатокъ простой логики въ его главнѣйшемъ заключеніи.

Если бы г. Семевскій выяснилъ дислокацію нашей арміи въ 1756 г., то прежде всего онъ обратилъ бы вниманіе на часть войскъ Апраксина, бывшую на Днѣпрѣ (отъ Смоленска до Чернигова). Это неминуемо повлекло бы за собой необходимость опредѣлить и время выступленія въ походъ наиболѣе отдаленныхъ частей арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать, что начало похода было не 3-го мая 1757 г., а въ февралѣ того же года [53]).

Выяснивъ первоначальное расположеніе войскъ, г. Семевскій зналъ бы пункты расположенія всей арміи зимою 1756—1757 гг.; а при этомъ ему сдѣлалось бы очевиднымъ, что Бестужеву для достиженія своихъ «коварныхъ» цѣлей,—если бы они были,—прежде всего слѣдовало озаботиться (тѣмъ или другимъ путемъ) захватить въ свое распоряженіе *ть войска, которыя дѣйствительно «были уже подъ рукою»*, а именно—въ Петербургѣ, а не армію Апраксина, бывшую въ Ригѣ, за сотни верстъ. Автору осталось неизвѣстнымъ, *что три гвардейскіе и пять армейскихъ полковъ, подъ начальствомъ А. И. Шувалова, во все время Семилѣтней войны оставались въ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ* [54]), т. е у Бестужева «подъ ру-

---

[52]) См. прил. 1-е и 2-е.

[53]) Данныя эти въ дѣлахъ бывшаго Военно-Топографическаго депо Главнаго штаба, нынѣ Воен.-ученый архивъ Главнаго штаба, дѣло № 224 А. Предписаніе Апраксина Матвѣю Ливену и донесеніе Апраксина Конференціи отъ 19-го марта 1757 года о движеніи колонны Ливена. Тамъ же, въ двухъ вѣдомостяхъ, есть составъ дѣйствующей арміи.

[54]) Въ дѣлахъ архива В. ученаго комитета Гл. штаба № 224 В. есть нѣсколько подобныхъ дислокацій и донесеній Воен. Коллегіи—Конференціи относительно войскъ, оставшихся внутри имперіи. Это совершенно подтверждается документами М. О. Арх. Глав. штаба, опись 47, $^{137}/_{140}$. Изъ всѣхъ документовъ видно, что дислокація войскъ Петербургской дивизіи, до выступленія арміи Апраксина, была слѣдующая: гвардія—въ Петербургѣ, Ингерманландскій, Астраханскій, 1-е Московскій, Тобольскій и 4-й Гренадерскій нѣх. полки—въ Петербургѣ и ближайшихъ окрестностяхъ (Красное, Стрѣльна и т. д.). Затѣмъ, съ открытіемъ похода, 4-й гренад. полкъ по требованію Фермора, на подводахъ, былъ перевезенъ къ дѣйствующей арміи, а остальныя части оставались во все время войны около Петербурга, кромѣ Тобольскаго полка, переведеннаго впослѣдствіи въ Ревель.

кою» былъ отрядъ силою по меньшей мѣрѣ въ 15,000 штыковъ. Если бы Бестужевъ разсчитывалъ на содѣйствіе вооруженной силы при какомъ-либо государственномъ переворотѣ, то не ясно ли, что онъ постарался бы имѣть въ своемъ распоряженіи войска «*Петербургской дивизіи*»; онъ долженъ бы стремиться къ тому, чтобы посадить своего «закадычнаго» друга Апраксина на мѣсто А. Шувалова, а А. Шувалова отправить съ арміей подальше, что было не трудно по одному тому, что А. Шуваловъ, по списку старшинства генераловъ (потребованному *Бестужевымъ въ 1755 г.*), стоялъ рядомъ съ Апраксинымъ, на одного ниже [55]). Ничего подобнаго мы не видимъ: Апраксинъ отправляется въ дальнее войско, а *Бестужевъ не дѣлаетъ ни одного шага, чтобы подручное войско захватить въ свои руки.*

Слишкомъ очевидно, что несообразность одного изъ главныхъ заключеній г. Семевскаго произошла только потому, что авторъ не нашелъ нужнымъ исполнить элементарнаго требованія отъ военно-историческаго труда.

Таковое очевидное незнакомство г. Семевскаго съ спеціальными, военно-историческими пріемами изслѣдованія давало бы и намъ право не идти далѣе и не разсматривать этого сочиненія; но ссылка на подлинные документы военнаго архива обязываетъ пріостановиться, что дастъ случай посмотрѣть на манеру автора обращаться съ архивными данными.

10-ть подлинныхъ документовъ военнаго архива напечатаны г. Семевскимъ, въ приложеніи къ 1-й и 2-й главамъ, цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій. Къ сожалѣнію не всегда разобраны подписи членовъ военнаго совѣта и очень жалко, что именно въ главнѣйшемъ изъ мнѣній военнаго совѣта «не разобрана» подпись «графа Румянцева» [56]).

---

[55]) М. О. Арх. Гл. штаба, опись 47, № $^{137}/_{140}$. Старшинство генераловъ было слѣдующее: Бутурлинъ, Апраксинъ, А. Шуваловъ, П. Шуваловъ, П. Салтыковъ, Юрій Ливенъ, Ферморъ и т. д.

[56]) Приложеніе 1-е, послѣ подписи «Александра Загряжскаго» В. Сб. 1862 г. № 5.

Разсматривая документы, приведенные авторомъ, нельзя не признать за ними дѣйствительно важнаго историческаго значенія для выясненія причинъ отступленія арміи Апраксина. Невозможно же, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать выписки изъ массы объемистыхъ связокъ дѣлъ, относящихся только къ Гросъ-Егердорфской операціи. Приведенные г. Семевскимъ документы важны именно въ томъ отношеніи, что заключаютъ въ себѣ главные выводы, подтвержденіе и развитіе которыхъ можно найти въ остальныхъ документахъ Военно-ученаго архива Главнаго штаба.

Возстанавливая факты по даннымъ только этого архива, мы можемъ опредѣленно сказать, что отступленіе арміи подъ начальствомъ Апраксина обусловливается недостаткомъ довольствія. Русской арміи, занявшей Алленбургъ въ концѣ августа 1757 года, приходилось бы рисковать слишкомъ многимъ для того, чтобы атаковать—сначала укрѣпленную позицію у Велау, затѣмъ хотя слабо, но подготовленный для обороны Кенигсбергъ, и въ то же время отрядить часть силъ для взятія Таніавы и Лабіавы, занятой непріятелемъ. Всѣ эти трудныя операціи приходилось бы исполнить съ 28-го августа по 8-е сентября (только по это число былъ запасъ провіанта), и при самомъ благополучномъ исходѣ дѣла, по взятіи Кенигсберга, остаться навѣрное безъ хлѣба. Дѣйствительно, весь успѣхъ операціи отъ Алленбурга на Кенигсбергъ былъ въ зависимости не только отъ побѣды на полѣ сраженія, но и отъ своевременнаго устройства сообщенія по Курпшъ-гафу для сплава запасовъ отъ Мемеля на Лабіаву. Но наши суда появились на Курпшъ-гафѣ только въ половинѣ августа и въ числѣ не болѣе 10-ти вооруженныхъ шлюпокъ. Изъ донесеній полковника Лебеля (приведенныхъ въ документахъ г. Семевскимъ) уже видно, что и въ концѣ сентября не было судовъ для сплава провіанта изъ Мемеля [57]).

---

[57]) Данныя въ дѣлахъ В. У. Арх. № 224.

Причины недостатка судовъ на Куришъ-гафѣ вполнѣ выясняются документами бывшаго Военно-Топографическаго депо. Наши галеры (по мелководью) не могли быть проведены въ Куришъ-гафъ. Мѣстныя суда, бывшія въ заливѣ, еще до вступленія Фермора захватили нѣмцы, а новыя дѣлались въ Польшѣ, какъ это выяснилъ еще Ферморъ въ іюнѣ 1757 года, тотчасъ по взятіи Мемеля [58]). Все изложенное есть въ окончательныхъ выводахъ въ документахъ, приведенныхъ г. Семевскимъ.

2) Историкъ найдетъ въ документахъ Военно-ученаго архива зародышъ плана довольствія арміи 1756 года, его развитіе въ мартѣ 1757 г. (когда у «совѣтниковъ» Апраксина уже выяснилось значеніе Куришъ-гафа, по взятіи Кенигсберга), организацію торговаго флота Синявина съ цѣлью доставки провіанта изъ Петергурга въ Мемель, назначеніе для того же галеръ Кашкина (послѣ высадки десанта въ Либавѣ) и т. п. главнѣйшіе вопросы. Тѣ же архивныя данныя показываютъ рядъ послѣдовательныхъ неудачъ въ планѣ довольствія (въ особенности со времени движенія арміи отъ Вержболова) и наконецъ окончательную невозможность его выполнить (кризисъ, въ общихъ выводахъ, высказанныхъ на военномъ совѣтѣ 27-го августа [59]).

3) Апраксинъ и его «трусливые» совѣтники сдѣлали все, что было возможно для талантливыхъ, но обыкновенныхъ смертныхъ. Какимъ образомъ геній вышелъ бы изъ бывшаго положенія дѣлъ—вопросъ другой: геніевъ въ штабѣ арміи не было (да часто ли они бываютъ); но, изъ примѣровъ военной исторіи, мы видимъ, какъ часто затрудненія въ принципіальныхъ военно-административныхъ вопросахъ разрушали и геніальныя комбинаціи великихъ полководцевъ.

Штабъ арміи Апраксина именно и встрѣтился съ затрудненіями по принципіальнымъ вопросамъ. Планъ довольствія

---

[58]) Дѣла В. У. Архива № 224 А.

[59]) Приложеніе 1-е, В. Сборникъ 1862 г. № 5.

арміи не могъ быть осуществленъ вслѣдствіе очень многихъ причинъ. Въ главѣ ихъ нужно поставить неимѣніе вѣрныхъ военно-статическихъ свѣдѣній о странѣ [60]). Штабу арміи впервые пришлось испытать затрудненія при организаціи интендантскихъ транспортовъ изъ обывательскихъ подводъ, да при этомъ безъ денегъ и безъ малѣйшаго права, со стороны главнокомандующаго, усложнить отношенія съ Польшею [61]); не было правильнаго сбора запасовъ въ тылу; армія не имѣла правильной организаціи и т. п.

Но дѣло не въ томъ. Г. Семевскій могъ замѣтить, могъ и не замѣтить отличительныхъ особенностей плана довольствія арміи Апраксина; но разъ познакомившись съ документами по этому вопросу, авторъ, на нашъ взглядъ, ни на минуту не могъ допустить мысли объ «измѣнѣ» Апраксина и еще того менѣе—заподозрить въ какой-то раболѣпной боязни всѣхъ генераловъ и полковниковъ арміи (членовъ совѣта) силы и власти главнокомандующаго; боязни, простиравшейся будто бы до такого замозабвенія, что всѣ начальники безусловно соглашались «съ желаніемъ Апраксина и противно всей арміи». Не думаю, чтобы на г. Семевскаго (какъ на любителя русской старины) не произвели впечатлѣнія слова, высказанныя по этому поводу Соловьевымъ [62]).

---

60) См. главу II настоящаго труда.

61) Свѣдѣнія по этому, а равно по примѣчан. 60 разбиты по всѣмъ дѣламъ, но съ важнѣйшими можно познакомиться въ дѣлахъ В. У. Арх. № 224 А.

62) Соловьевъ, совершенно чуждый военному дѣлу и совершенно незнакомый съ документами военныхъ архивовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи только одинъ изъ нихъ—постановленіе военнаго совѣта отъ 27-го августа (приведенный г. Семевскимъ впереди другихъ), говоритъ: возможно-ли «предположить, что изъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ, подававшихъ голоса на совѣтѣ,—не было ни одного честнаго человѣка и патріота, что всѣ они требовали отступленія, хотя и знали, что войско можетъ идти впередъ (отъ Алленбурга, а затѣмъ отъ Тильзита), не нуждаясь въ провіантѣ и фуражѣ». Исторія Россіи т. 24, стр. 181 Какъ же можно думать иначе! предполагать противное, значитъ позволить себѣ сдѣлать крупный намекъ на измѣну не только главнокомандующаго, но и всѣхъ старшихъ чиновъ арміи. Кто же рѣшится на подобные намеки, не имѣя никакихъ фактовъ.

Не смотря на всю невѣроятность встрѣтить что-либо подобное въ заключеніяхъ историка, послѣ разбора имъ подлинныхъ военно-историческихъ документовъ, мы, знакомясь съ текстомъ 1-й и 2-й главы труда г. Семевскаго, поражаемся, встрѣчая въ его выводахъ именно обвиненіе всѣхъ членовъ военнаго совѣта въ недостаткѣ гражданскаго мужества, что при бывшихъ обстоятельствахъ было равносильно измѣнѣ.

Собственно о боѣ и объ отступленіи г. Семевскій почти ничего не говоритъ. Онъ часто приводитъ цитаты изъ документовъ (но, къ нашему удивленію, въ иронническомъ тонѣ), для разъясненія, что все, сказанное въ подлинныхъ документахъ, есть ложь. Зачѣмъ же приведены авторомъ цѣликомъ 10-ть подлинныхъ и важныхъ документовъ? вѣдь это почти всѣ главнѣйшія постановленія военнаго совѣта, относящіяся до отступленія.

Оказывается, что г. Семевскій привелъ подлинные документы по слѣдующимъ соображеніямъ. «Совѣтники, по мнѣнію г. Семевскаго, дѣйствовали позаранѣе высказанному передъ ними мнѣнію фельдмаршала» (?)... «члены совѣта, между которыми было много храбрыхъ патріотовъ, *безпрекословно* совѣтовали то, что было согласно съ желаніемъ Апраксина *и противно всей арміи;* явно, что совѣтники *устрашились силы* (курсива нѣтъ въ подлинникѣ) главнокомандующаго и его значенія при петербургскомъ дворѣ; *явно*, что совѣтники, одаренные храбростью для боя съ врагомъ. (полагаетъ г. Семевскій), не имѣли *гражданскаго* (курсивъ въ подлинникѣ) мужества смѣло заявлять личное мнѣніе» [63]). Между «робкими и угодливыми» совѣтниками Апраксина только одинъ генералъ Спбильскій (ни слова не говорившій по-русски, поступившій въ армію въ іюнѣ 1757 года), по мнѣнію г. Семевскаго, былъ способенъ честно отне-

[63]) Воен. Сборникъ 1862 г, № 5, стр. 21 и 23.

стись къ русскому дѣлу: онъ протестовалъ противъ всѣхъ мнѣній нашихъ генераловъ, но главнокомандующій пересталъ приглашать его на военные совѣты.

Конечно при этомъ г. Семевскій не обращаетъ никакого вниманія на то, что благодаря хвастовству Сибильскаго, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1757 г., операція въ тылъ арміи Левальда не была приведена въ исполненіе. Пустой крикунъ Сибильскій, совершенно чуждый Россіи, обнаружился еще въ іюлѣ, послѣ неудачной операціи къ Вислѣ, и не могъ имѣть никакого значенія въ глазахъ генераловъ нашей арміи. Если Сибильскій до Гр. Егерсдорфа былъ предпочтенъ напр. гр. Румянцеву, то это было по требованію Петербурга.

Да кто бы ни былъ Сибильскій, неужели историкъ на основаніи одного, въ высшей степени сомнительнаго свидѣтельства и не имѣя больше рѣшительно ничего, чтобы опровергнуть данныя подлинныхъ актовъ, позволитъ себѣ класть клеймо на поведеніе лицъ, посвятившихъ всю свою жизнь Россіи. Если подписи Ферморовъ, Салтыковыхъ, Долгорукихъ (которые встрѣчаются въ постановленіяхъ совѣта) не подѣйствовали на приговоръ г. Семевскаго, то жаль, что авторомъ «не разобрана» подпись «графа Румянцева» въ важнѣйшемъ документѣ, о которомъ мы упомянули.

Не только тотъ, кто имѣлъ случай познакомиться съ документами бывшаго архива Военно-Топографическаго депо, но каждый, имѣвшій случай разсмотрѣть ближе трудъ г. Семевскаго, признаетъ невозможность подобныхъ пріемовъ при историческомъ изслѣдованіи. Если имѣется основаніе заподозрить правдивость показаній важнѣйшихъ документовъ, то простая осторожность обязываетъ представить доводы, на основаніи которыхъ опровергается свидѣтельство подлинныхъ актовъ. Авторъ печатаетъ 10-ть подлинныхъ документовъ и отвергаетъ достовѣрность всего сказаннаго въ нихъ однимъ своимъ словомъ, однимъ увѣреніемъ, что эти

документы «*лопо*» говорятъ неправду, ссылаясь на показаніе какого-то иностранца Сибильскаго, зарекомендовавшаго себя и до и во время Гр. Егерсдорфа крайне плохо.

Послѣ всего этого развѣ можно трудъ г. Семевскаго признать за серьезную историческую критику. Данныя нашихъ военныхъ архивовъ остаются рѣшительно не при чемъ, и просто непонятно, зачѣмъ они приведены г. Семевскимъ.

Мы закончили разборъ общихъ выводовъ русскихъ писателей по исторіи Россіи о дѣйствіи нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну. Правы ли были наши историки, подтверждая крайніе приговоры иностранцевъ о распоряженіяхъ нашихъ главнокомандующихъ и арміи въ эпоху Русско-Прусской войны 1757–1763 гг.,—судить не намъ. Мы будемъ считать нашу цѣль достигнутою, если пріостановимъ распространеніе «общеизвѣстныхъ», голословныхъ выводовъ нашихъ историческихъ изслѣдователей.

Позволимъ себѣ считать также, что трудъ нашъ достигъ цѣли если разборомъ записокъ Болотова обратимъ вниманіе на необходимость болѣе осторожнаго пользованія записками и мемуарами очевидцевъ.

Мы склонны были думать, что это всѣмъ извѣстно; но, познакомясь съ разными взглядами на записки Болотова, имѣемъ основаніе заключить, что часто правильная оцѣнка автора записокъ очевидца и его положеніе въ арміи (чѣмъ главнымъ образомъ и опредѣляется достоинство труда) упускаются изъ виду даже въ самыхъ серьезныхъ ученыхъ трудахъ.

Такъ, напримѣръ, даже въ такомъ безспорно классическомъ произведеніи какъ «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» [63], характеристика А. Т. Болотова есть только резюмѣ изъ отзыва г. Семевскаго, сходствующее даже въ отдѣльныхъ фразахъ съ предисловіемъ г. Семевскаго къ 1-му тому изданныхъ имъ записокъ Болотова. И въ «Энциклопе-

діи военныхъ и морскихъ наукъ» [64]) признается, что Болотовъ сообщаетъ «живѣйшія подробности объ участіи Россіи въ Семилѣтней войнѣ и о войнахъ Екатерины II съ турками, поляками и шведами. Особенно драгоцѣнны извѣстія о Семилѣтней войнѣ, въ которой участвовалъ самъ Болотовъ, изображающія ярко и правдиво не только ходъ военныхъ дѣйствій, но и картину внутренней жизни русской арміи (?). Если мы можемъ воспользоваться сказаннымъ Болотовымъ о дѣлахъ роты, полка (и то осторожно, съ разборомъ), то неужели же послѣ внимательнаго разбора Записокъ, можно признать, что авторъ ихъ «ярко и правдиво» рисуетъ живѣйшія подробности дѣйствій армій [65]).

Оцѣнка источниковъ, сдѣланная нами въ настоящемъ очеркѣ, убѣждаетъ, что для изученія состоянія русской арміи въ Семилѣтнюю войну мы обязаны обратиться къ архивнымъ документамъ, опись которыхъ мы включили въ приложенія 1-е, 2-е и 3-е.

IV.

Труды г. Ласковскаго [66]) и г. Глиноецкаго [67]) интересуютъ насъ главнымъ образомъ по спеціальному вопросу, имѣющему связь съ Семилѣтнею войною.

Оба автора въ своихъ капитальныхъ трудахъ вообще слишкомъ рискованно судятъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Пруссіи въ 1757 году.

---

[64]) Томъ 1, стр. 471, изд. 1883 г.

[65]) Въ концѣ похода 1757 года Болотовъ ставитъ себя, правда, въ роль ординарца Апраксина. Какъ провѣрить, правда ли это, или нѣтъ? Мы имѣемъ основаніе думать, что неправда и вотъ почему. Болотовъ говоритъ (въ письмѣ 52-мъ), что онъ, какъ ординарецъ, имѣлъ дѣло съ дежурнымъ генералъ-маіоромъ, «только пробравшимся потомъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ»; между тѣмъ изъ дѣлъ военно-ученаго архива Главнаго штаба № 226, изъ приказовъ Румянцева (напр. № 705, отъ 6-го октября 1757 г.) видно, что онъ все время командовалъ бригадой.

[66]) Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи; т. III, изд. 1865 г.

[67]) Исторія русскаго генеральнаго штаба; т. I, изд. 1883 г.

Гг. Ласковскій и Глиноецкій, между прочими выводами, приходятъ къ заключенію, что, начиная съ Петра 1-го и до временъ Семилѣтней войны, будто бы была самая тѣсная связь между чинами квартирмейстерской части и полевыми инженерами. Съ этимъ послѣднимъ заключеніемъ мы не можемъ согласиться.

Г. Глиноецкій основываетъ свои выводы на изслѣдованіяхъ г. Ласковскаго, но, смѣемъ думать, что въ этомъ случаѣ авторъ «Исторіи русскаго генеральнаго штаба» въ безусловности своихъ заключеній идетъ дальше г. Ласковскаго.

На стр. 27-й своего въ высшей степени цѣннаго труда г. Глиноецкій говоритъ: «Еще Петромъ 1-мъ инженеры были раздѣлены на гарнизонныхъ и полевыхъ; при чемъ послѣдніе назначались состоять при войскахъ, гдѣ независимо отъ званія инженера исправляли въ мирное и въ военное время должность офицеровъ генеральнаго штаба». Авторъ, въ данномъ случаѣ, дѣлаетъ ссылку на соч. Ласковскаго, но и въ самомъ источникѣ (на который ссылается г. Глиноецкій), гдѣ дѣйствительно настаивается на тѣсной связи между инженерными и квартирмейстерами, съ самыхъ первыхъ строкъ есть указаніе на крайнюю условность этого заключенія.

Г. Ласковскій, по вопросу о «раздѣленіи инженеровъ на гарнизонныхъ и полевыхъ [68]), говоритъ: «При образованіи корпуса инженеровъ Императоръ Петръ 1-й *предполагалъ* раздѣлить ихъ на два разряда: гарнизонные и полевые, но смерть, постигшая императора, не позволила ему привести это *предположеніе въ исполненіе*». Г. Ласковскій утверждаетъ, что о приведеніи въ исполненіе проэкта Петра 1-го о выдѣленіи полевыхъ инженеровъ въ особый корпусъ было распоряженіе въ 1725 году, оставляя однако большое сомнѣніе въ томъ былъ ли въ дѣйствительности этотъ проектъ приведенъ въ исполненіе. Ссылка на подтвердительный о томъ же указъ

---

[68]) Ласковскій; т. 3, стр. 682.

въ 1728 г. даетъ уже право сомнѣваться въ томъ, чтобы и по смерти Петра 1-го образовался корпусъ полевыхъ инженеровъ.

Еще менѣе убѣдительно заключеніе г. Ласковскаго относительно осуществленія Минихомъ проекта Петра 1-го о выдѣленіи полевыхъ инженеровъ изъ общаго числа офицеровъ инженернаго корпуса. Авторъ по этому поводу говоритъ: «*по нашему мнѣнію* измѣненія Миниха въ подраздѣленіяхъ инженеръ на три части (по разряду крѣпостей *) нисколько не уничтожало проекты Петра Великаго относительно образованія корпуса полевыхъ инженеровъ»; но на чемъ основано это *мнѣніе*, остается неизвѣстнымъ.

Короче, на основаніи данныхъ, приведенныхъ г. Ласковскимъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ царствованіе Петра 1-го полевыхъ инженеровъ совсѣмъ не было. Затѣмъ мы не имѣемъ никакихъ убѣдительныхъ данныхъ заключить, что въ періодъ 1725—1757 г. проектъ Петра 1-го относительно полевыхъ инженеровъ былъ приведенъ въ исполненіе именно въ томъ видѣ, какъ хотѣлъ великій преобразователь нашей арміи. Повторительный указъ 1728 года о выдѣленіи корпуса полевыхъ инженеровъ служитъ лишь серьезнымъ намекомъ, что съ 1725 по 1728 г. никакихъ реформъ въ инженерномъ корпусѣ не было. Въ царствованіе Екатерины I-й и Петра II-го мы весьма часто встрѣчаемъ подобные повторительные указы вслѣдствіе того, что многія повелѣнія не были приведены въ исполненіе.

Къ 1756 г., не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію (какъ увидимъ) «полевыхъ» инженеровъ въ нашей арміи не было. У насъ былъ одинъ общій инженерный корпусъ и въ немъ инженерный полкъ, гдѣ были, между прочимъ, офицеры, кондуктора и минеры. Этотъ полкъ П. Шуваловъ радикально переформировалъ въ 1760 г.

---

*) Остзейскія, россійскія, персидскія.

Разсматривая далѣе выводы г. Ласковскаго и г. Глиноецкаго, мы видимъ, что для опредѣленія служебныхъ обязанностей инженеровъ при войскахъ, въ военное время,—они основываются исключительно на «Инструкціи инженеръ ген.-маіору де-Боскету» 17-го января 1757 г. и на нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ «Регламента объ управленіи инженернымъ корпусомъ» 1756 г. Оба эти документа *составлены* гр. П. И. Шуваловымъ въ *1756 году* *) и уже одно это заставляетъ осторожно отнестися къ тому, были ли осуществлены его проекты. Г. Ласковскій полагаетъ, что полевые инженеры, независимо отъ званія инженера, исправляли *въ мирное и въ военное время должность офицеровъ инженернаго генеральнаго штаба*. Это двойное назначеніе имѣло цѣлью уменьшить раздробленіе служебныхъ обязанностей между лицами, *входившими въ составъ строевого войска*; и надо согласиться, говоритъ авторъ, что ограниченныя требованія того времени въ знаніи военнаго искусства, не вполнѣ еще развитаго по всѣмъ его отраслямъ, дѣлали это многостороннее исполненіе обязанностей весьма возможнымъ [69]). При этомъ авторъ, кромѣ инструкціи де-Боскету, указываетъ также главнымъ образомъ на 1-й и 6-й пункты «Регламента», которые однако ничего опредѣленнаго о смѣшеніи двухъ вѣдомствъ — инженернаго и квартирмейстерскаго — не разъясняютъ.

Г. Глиноецкій, основываясь на помянутомъ заключеніи г. Ласковскаго и тоже на инструкціи де-Боскету, полагаетъ, что «смѣшеніе двухъ помянутыхъ вѣдомствъ (инженернаго и квартирмейстерскаго), съ явнымъ преобладаніемъ перваго, въ связи съ разными другими причинами, не могло не отозваться на образъ веденія войны», въ смыслѣ неподвижности

*) Т. е. въ періодъ самаго разгара «разныхъ прожектовъ» П. Шувалова.

69) Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи; томъ III, стр. 683.

нашей арміи и стремленія ея къ окопамъ? «Отсюда (т. е. изъ преобладанія инженернаго элемента въ квартирмейстерской службѣ) полагаетъ г. Глиноецкій *завсденіе рогатокъ, окапываніе каждаго мьста стоянки арміи сплошными укрѣпленіями, укрѣпленныя позиціи и цѣлыя оборонительныя линіи*» [70]).

Въ выводахъ г. Глиноецкаго есть прежде всего слѣдующее недоразумѣніе. Авторъ основываетъ свое заключеніе на регламентѣ инженерному корпусу 1756 г. и инструкціи де-Боскету 1757 г., а между тѣмъ стремленіе нашей арміи къ окопамъ и пассивности относитъ ко всему предшествующему періоду; отъ этого стремленія къ пассивности *уже отступалъ талантливый Миних*ъ [71]). Какія же есть данныя считать, что до 1756 г. у насъ было *слышеніе инженерной части съ квартирмейстерскою службою* и такое громадное вліяніе инженеровъ на образъ дѣйствія войскъ? Ни въ трудахъ г. Ласковскаго, ни у г. Глиноецкаго, нѣтъ на это рѣшительно никакихъ указаній.

Если принять какъ бы поясненіемъ этого вывода г. Глиноецкаго мнѣніе автора о дѣятельности Петра Шувалова, а именно, что П. Шуваловъ будто былъ только собирателемъ всего установившагося до него, что онъ *не ввелъ «почти ничего новаго»*, то и съ этимъ нельзя согласиться. Авторъ не приводитъ ни одного факта, но мы имѣемъ образцы дѣятельности П. Шувалова, напримѣръ, по формированію Обсерваціоннаго корпуса, артиллеріи, кавалеріи, его собственную записку о разнообразной дѣятельности; свидѣтельство современника Данилова, близко знавшаго и имѣвшаго прямое дѣло съ гр. Шуваловымъ, и на основаніи всего этого полагаемъ, что П. Шуваловъ стремился все ломать на свой образецъ. Инструкціи де-Боскету и Муравьеву (пере-

70) Глиноецкій. Исторія русскаго генеральнаго штаба; т. I, стр. 28.

71) Тамъ же, стр. 28.

устройствъ инженернаго полка) есть также несомнѣнно самостоятельная работа. Принадлежатъ ли всѣ оригинальныя идеи лично Шувалову или кому нибудь изъ его подчиненныхъ,—это вопросъ другой, но не особенно важный въ данномъ случаѣ.

Какое значеніе имѣетъ составленный Петромъ Шуваловымъ регламентъ объ управленіи инженернымъ корпусомъ 1756 г., приведенный г. Ласковскимъ только въ двухъ выдержкахъ и служащій основаніемъ для очень серьезныхъ выводовъ? Былъ ли этотъ регламентъ утвержденъ и приведенъ въ исполненіе? Рѣшительно непонятно, почему этотъ документъ приведенъ авторомъ въ двухъ, трехъ выдержкахъ, не дающихъ никакихъ основаній для болѣе точныхъ заключеній о связи между службами по инженерному корпусу и по квартирмейстерской части? Если признать, что регламентъ 1756 г. былъ узаконенъ, то на основаніи выписокъ, приведенныхъ изъ него гг. Глиноецкимъ и Ласковскимъ, нельзя идти дальше того вывода, что на инженеровъ П. Шуваловъ хотѣлъ возложить лишь военно-топографическую отчетность нынѣшняго генеральнаго штаба. Но дѣло въ томъ, что и по этому единственному случаю,—указывающему на связь по одной изъ работъ между инженерами и генеральнымъ штабомъ,—въ первыхъ же словахъ инструкціи Шувалова де-Боскету, есть категорическое указаніе на то, что Шуваловъ хотѣлъ отъ инженеровъ топографическихъ работъ, полезныхъ *не для дѣйствія войскъ въ бою*, а *«дабы имѣть слѣды военныхъ дѣйствій»* для Инженернаго архива. Шуваловъ требовалъ отъ инженеровъ чертежной отчетности *послѣ боя*, а *не до боя* [72]).

---

[72]) Инструкція де-Боскету начинается такъ: «Я за излишнее почитаю о инженерномъ искусствѣ, въ которомъ ваше превосходительство, при неоднократныхъ случаяхъ, довольное знаніе практикою оказали, давать наставленіе; за нужное нахожу объявить *объ одномъ только томъ, коль велика надобность состоитъ имѣть слѣды военныхъ дѣйствій побѣдоносной* Ея Императорскаго Величества арміи, состоящіе въ маршу—картахъ

Точно также является вопросомъ, какъ въ дѣйствительности была приведена въ исполненіе инструкція де-Боскету? Мы имѣемъ, напримѣръ, совершенно точное указаніе, что въ дѣйствительности въ 1755 г. рекогносцировки исполнялись не инженерами, а *квартирмейстерами* (Шпрингеромъ, Штофелемъ, Веймарномъ, Сиверсомъ) и *строевыми офицерами*; они же были руководители исполнительныхъ работъ по возведенію земляныхъ полевыхъ оконовъ, по неимѣнію у насъ до 1761 г. саперъ.

Наконецъ, если бы въ 1756 г. было смѣшеніе квартирмейстерской и инженерной частей, если бы дивизіонные оберъ-квартирмейстеры состояли въ мирное время на лицо и назначались изъ инженеровъ, то графъ П. Шуваловъ, будучи временно-командующимъ арміею и завѣдывающимъ инженерами, не входилъ бы въ Военную Коллегію съ представленіемъ о назначеніи въ корпуса дѣйствующей арміи оберъ-квартирмейстеровъ, какъ то мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности. Изъ «Донешенія» П. Шувалова отъ 3-го мая 1756 г., № 73, видно, что испрашивалось «по приложенному при семъ списку въ написанныя мѣста подъ именами ихъ (оберъ-квартирмейстеровъ) не соизволитъ ли Государственная Военная Коллегія распредѣлить». А именно, по «Реестру оберъ-квартирмейстеровъ»:

Въ 1-й корпусъ, въ Ригѣ.

1) Якова Сиверса *).

и описаніяхъ переправъ черезъ узкія мѣста, рѣки, болота, лѣса, расположеніе въ ордеръ-де-баталіевъ, укрѣпленія лагерей и нужныхъ пасовъ, рекогносцированіе и окруженіе крѣпостей, и веденіе атаки до самаго взятія, и обороны крѣпостей, чему всему въ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи, яко въ главномъ правительствѣ и хранилищѣ государственнаго укрѣпленія и оружія не только для вѣчной славы и памяти храниму быть надлежитъ, но и егда-жъ впредь въ тѣхъ мѣстахъ оружіемъ войскъ Ея Императорскаго Величества дѣйствовать востребовалась нужда, то, смотря на таковыя происшедшія происхожденія, полезныя въ пользу употреблять, а вредительнаго остерегаться возможно...» Остальные пункты инструкціи только развиваютъ это положеніе.

*) 1-й, 3-й и 5-й корпуса тогда составляли главную армію, подъ общимъ начальствомъ генерала Лопухина, у котораго былъ оберъ-квартирмейстеръ Вильбуа, замѣненный, съ пріѣздомъ Апраксина въ Ригу,—Штофелемъ, а Вильбуа назначенъ бригаднымъ генераломъ.

Во 2-й корпусъ, въ Копенгаузенѣ.

2) Бригадира барона-фонъ-Шульцъ.

Въ 3-й корпусъ, въ Стародубѣ.

3) Князя Семена Мещерскаго.

Въ 5-й корпусъ—резервный.

4) Степана Стрекалова [73]).

Очевидно, что оберъ-квартирмейстеровъ въ мирное время не было, и назначеніе чиновъ квартирмейстерской части не зависѣло даже отъ главнокомандующаго, (который въ данномъ случаѣ соединялъ вмѣстѣ съ тѣмъ власть и начальника инженеровъ), а чины квартирмейстерской службы исключительно назначались Военною Коллегіею.

Впослѣдствіи, мы встрѣтимъ фамиліи всѣхъ офицеровъ Инженернаго полка и увидимъ, что ни одинъ изъ выше перечисленныхъ не былъ въ корпусѣ инженерныхъ офицеровъ [74]).

Подтвердимъ наши выводы фактами, тогда легче будетъ указать основанія, характеризующія дѣйствительную роль инженерныхъ офицеровъ при войскахъ, что, быть можетъ, имѣетъ иное значеніе для историческаго очерка службы нашихъ инженеровъ.

Самое появленіе инструкціи де-Боскету, на нашъ взглядъ, уже показываетъ, что служба инженеровъ, въ должности офицеровъ корпуса военныхъ топографовъ при войскахъ,— была дѣломъ новымъ, а 1-й пунктъ этой инструкціи точно опредѣляетъ, что распредѣленіе инженерныхъ офицеровъ по дивизіямъ *не только не было въ мирное время, но и въ военное время это зависѣло отъ главнокомандующаго*. Наконецъ, что полевые инженеры не были при войскахъ въ мирное время, видно изъ меморіала № 52

[73]) М. О. Арх. Г. Ш. Опись 47, № $^{127}/_{130}$.

[74]) См. приложеніе 4 и 5.

въ «Государственную Военную Коллегію изъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи» отъ 27-го апрѣля 1756 г. [75]) «Сего апрѣля 23-го дня (сказано въ этомъ документѣ) по присланному изъ военной коллегіи въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи указу (государыни), во исполненіе конфирмаціи, подписанной собственною рукою (государыни), минувшаго марта въ 30-й день, на докладахъ держанныхъ при дворѣ (императрицы) Конференціи о расположеніи войскъ, и чтобъ оныя къ воинскимъ дѣйствіямъ въ готовности и въ потребномъ случаѣ немедленно выступить могли, повелѣно, между прочимъ, по 8-му пункту, къ оными расположеннымъ войскамъ, въ Лифляндіи и въ другихъ мѣстахъ, при которыхъ необходимо нужно надобно быть инженернымъ офицерамъ, *нынѣ* канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи *командировать къ тому инженерныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ*: подполковника Эттингера, маіора одного, капитановъ двухъ, въ томъ числѣ Матвѣя Муравьева, изъ Кіева, или гдѣ онъ обрѣтается, капитанъ-поручиковъ двухъ, подпоручиковъ четырехъ, прапорщиковъ шесть, кондукторовъ 20-ть...»

1-й пунктъ инструкціи де-Боскету и точное указаніе меморіала № 52 (гдѣ сказано, что только «*нынѣ*», т. е. 23-го апрѣля 1756 г.,—послѣдовало приказаніе о командированіи инженеровъ къ войскамъ), опровергаютъ заключеніе г. Ласковскаго о службѣ полевыхъ инженеровъ въ мирное время до Екатерины II при войскахъ.

Прослѣдимъ, однако, по тому же меморіалу, распоряженія по наряду инженерныхъ офицеровъ въ войска въ 1756 г. «Вышеписаннаго 23-го числа, по опредѣленію главной артиллеріи и фортификаціи, къ господину генералъ-лейтенанту Ганнибалу указу, велѣно...» въ точности привести въ исполненіе помянутое Высочайшее повелѣніе и 24-го числа...

---

[75]) М. Отд. Арх. Глав. Шт. Опись 47 № $^{127}/_{130}$.

«означенный генералъ Ганнибалъ... рапортомъ объявилъ: хотя инженерные штабъ и оберъ-офицеры и кондуктора по разнымъ нужнѣйшимъ крѣпостямъ, въ коихъ фортификаціонныя работы производятся, также и по прочимъ неподлежащимъ до фортификаціи мѣстамъ, яко-то на Гжатской пристани, при Новой и Славяно-Сербіи, у описаніи по польской границѣ мѣстъ, на перспективной дорогѣ, у межеванія Московской губерніи земель и въ прочихъ мѣстахъ раскомандированы *), и затѣмъ въ Петербургѣ при командѣ на лицо, кромѣ, что сколько самая нужда требуетъ, возможныхъ командировать никого не стоитъ. Сверхъ того нынѣ въ инженерномъ корпусѣ, капитановъ не полный комплектъ въ полевой инженерный корпусъ, четыре, да на магистральное содержаніе одинъ, вмѣсто котораго опредѣленъ капитанъ-поручикъ одинъ, итого—пять; да притомъ въ инженерномъ корпусѣ офицеровъ обрѣтается за слабостью здоровья двое, коихъ за неспособностью къ продолженію полевой службы, потому командировать никуда невозможно, кромѣ бытія въ крѣпостяхъ при работѣ; и за такимъ недостаточнымъ въ корпусѣ числомъ офицеровъ (т. е. недоставало всего 7-мь), къ тому же за отдаленностью иныхъ бытіемъ, которыхъ въ скорости прибыть сюда, да и отлучить отъ лежащихъ около границъ крѣпостей уповательно никакъ невозможно, принужденъ онъ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, командировать штабъ и оберъ офицеровъ со Гжатской пристани, отъ Славяно-Сербіи, и отъ межеванія земель, да въ С.-Петербургѣ отъ сочиненія штатовъ, также и изъ разныхъ крѣпостей».

На это «Опредѣленіе» канцелярія артил. и фортификаціи въ свою очередь «опредѣлила вышеписанныхъ командирован-

*) Послѣ этого само собой страннымъ кажется заключеніе г. Ласковскаго, что «въ званіи, начиная отъ оберъ-квартирмейстера до полковаго квартирмейстера, избирались предпочтительно лица изъ полевыхъ инженеровъ...» Для этого нужно было не менѣе 90—100 человѣкъ полевыхъ инженеровъ; а въ 1756 г. инженерное вѣдомство затрудняется назначить 14-ть.

ныхъ и изъ крѣпостей отъ инженерныхъ командъ наличныхъ офицеровъ и кондукторовъ и прочихъ командъ, собрать въ самомъ скорѣйшемъ времени по способности въ Ригу и С.-Петербургъ, велѣть всѣмъ тѣмъ, командированнымъ къ ежечасному выступленію въ походъ, куда повелѣно будетъ, быть во всякой исправной готовности». Дальнѣйшія распоряженія канцеляріи касались подготовленія половины минерной роты въ походъ и снабженія ее инструментами. «И объ ономъ (оканчивается въ меморіалѣ № 52) государственной военной коллегіи канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи симъ доноситъ и притомъ о находящихся въ командированіяхъ *по особливымъ указамъ при разныхъ неприпадлежащихъ до фортификаціи дѣлахъ инженерныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ*, кондукторахъ и ученикахъ экстрактъ, также и сообщенныхъ отъ г. генерала-лейтенанта и кавалера Ганнибала къ командированію офицеровъ и прочихъ служителей списка и минерныхъ инструментовъ и припасахъ реестра точныя копіи представляются, и притомъ требуютъ, дабы оная Коллегія соблаговолила показанныхъ, отъ помянутаго г. генералъ-лейтенанта и кавалера, въ спискѣ назначенныхъ къ походу и находящихся по особымъ указамъ нынѣ при разныхъ коммисіяхъ (яко то со Гжатской пристани, изъ Славяно-Сербіи, и отъ межеванія земель, и отъ сочиненія штатовъ) инженернаго маіора, офицеровъ и кондукторовъ, какъ упоминаемый г. генералъ-лейтенантъ представляетъ за крайнюю нужду по малонмѣнію наличныхъ въ корпусѣ и за многимъ числомъ раскомандированныхъ, такожъ и по состоящему нынѣ въ корпусѣ не малому числу штабовъ и офицеровъ некомплекту,—чрезъ свое представленіе отколь надлежитъ истребовать...» Къ этому Меморіалу № 52 дѣйствительно приложенъ «экстрактъ, кто именно инженерные штабъ и оберъ-офицеры, кондуктора» по особливымъ указамъ, у неприпадлежащихъ до инженернаго корпуса дѣлахъ,

находятся, и сколько на нихъ содержанія инженерной суммы въ годъ выходитъ, и именной списокъ чиновъ инженернаго корпуса, назначенныхъ въ армію Апраксина.

Общій выводъ изъ перваго списка (списокъ № 1) *) показываетъ, что всего 1 штабъ и 28 оберъ-офицеровъ инженеровъ были не при крѣпостяхъ; при чемъ изъ того же списка мы видимъ, что занятія инженеровъ въ мирное время совсѣмъ не соотвѣтствуютъ службѣ офицеровъ генеральнаго штаба, а сходны частью со службою нынѣшнихъ межевыхъ инженеровъ и офицеровъ корпуса военныхъ топографовъ, частію и съ работами инженеровъ по строительному искусству. Общій же характеръ ихъ работъ—межевая съемка, что и понятно, такъ какъ особыхъ частей, гдѣ бы производились межевыя и чертежныя работы, у насъ въ то время не было.

Списокъ № 2-й поясняетъ, кто именно изъ инженеровъ были предназначены въ походъ; но когда они пріѣхали къ арміи? Это еще вопросъ.

29-го апрѣля 1756 года, канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи дополнительно увѣдомила Военную Коллегію, что въ виду необходимости замѣнить нѣкоторыхъ изъ инженерныхъ офицеровъ, бывшихъ на работахъ и назначенныхъ въ походъ, вмѣсто ихъ были командированы офицеры изъ крѣпостей, «отъ чего нѣкоторыя крѣпости, въ которыхъ не малое крѣпостное строеніе происходитъ имѣетъ,—нынѣ остаются безъ офицеровъ» [75]).

Изложеннаго считаемъ совершенно достаточнымъ для вывода, что въ мирное время инженеры рѣшительно никакой связи съ войсками не имѣли, и что назначеніе ихъ къ войскамъ состоялось только въ началѣ 1756 года, но не въ *должность квартирмейстеровъ,* а вмѣстѣ съ кондукторами—въ роль офицеровъ корпуса топографовъ, при

*) Приложеніе 4-е.

[75]) Тамъ же.

этомъ заваленныхъ чертежной работой, для основаннаго тогда Шуваловымъ Инженернаго архива.

Посмотримъ теперь какимъ порядкомъ происходило назначеніе офицеровъ квартирмейстерской части, кто они были въ началѣ войны, а также кто замѣнилъ несомнѣнный ихъ недостатокъ.

Мы не касаемся дѣятельности Веймарна, Штофельна, Ширингера, стоявшихъ во главѣ квартирмейстерской службы: задачи и роль этихъ чиновъ хорошо извѣстны и указаны нами. Мы указали также документъ по поводу назначенія остальныхъ офицеровъ оберъ-квартирмейстерами въ дѣйствующую армію въ 1756 г. На помянутое выше представленіе Шувалова отъ 3-го мая 1756 года Военная Коллегія, «разсмотрѣвъ» представленіе П. Шувалова, «приказала», «назначенныхъ къ располагаемымъ командамъ, помянутаго генерала и кавалера полковъ, корпусамъ оберъ-квартирмейстеровъ Сиверса и Шульца, да князя Семена Мещерскаго и Степана Стрекалова опредѣлить кого куда по его генералу разсмотрѣнію». Распредѣленіе офицеровъ дѣйствительно состоялось по представленному «реестру», какъ то видно изъ рапорта Шувалова, доносившаго объ исполненіи [76]).

Больше четырехъ оберъ-квартирмейстеровъ назначать и не нужно было; ибо относительно оберъ-квартирмейстера корпуса (дивизіи) Лопухина прямо сказано: «при ономъ корпусѣ (т. е. при 1-мъ, 3-мъ и 5-мъ вмѣстѣ) быть въ своей должности генералу и квартирмейстеру Вильбуа»).

Это назначеніе въ 1756 году по одному оберъ-квартирмейстеру на дивизію (корпусъ) показываетъ, что коренное по сему положеніе Устава Воинскаго 1716 года оставалось безъ измѣненія [77]), что свидѣтельствуется и другимъ документомъ, напримѣръ «Генеральнымъ Росписаніемъ о раздѣ-

[76]) М. О. Арх. Глав. штаба; опись 47 № 127/130.

[77]) Уставъ Воинскій 1716 г. глава 22-я.

ленiи Ея Императорскаго Величества арміи, состоящей заграницею на кантонир-квартирахъ въ Жмудяхъ и въ Курляндіи подъ главною командою генерала Фермора», 12-го ноября, 1757 года [78]). Въ этомъ случаѣ при 1-й дивизіи (Броуна) состоитъ оберъ-квартирмейстеръ Шатиловъ, при 2-й дивизіи (Салтыкова) оберъ-квартирмейстеръ де-Колонгъ; при 3-й дивизіи (князя Александра Голицына) оберъ-квартирмейстеръ Рейнсдорфъ.

Изъ списковъ офицеровъ Инженернаго полка и назначенныхъ въ походъ (списокъ №№ 1 и 2), а также зная оберъ-квартирмейстеровъ временъ Семилѣтней войны, мы можемъ заключить, что квартирмейстеры и оберъ-квартирмейстеры были не изъ инженеровъ. Снова позволяемъ себѣ спросить: гдѣ же данныя, что даже полковые квартирмейстеры назначались предпочтительно изъ инженеровъ?

Такимъ образомъ, хотя офицеры квартирмейстерской части и были при войскахъ дѣйствующей арміи въ числѣ, положенномъ по закону, но, несомнѣнно, для самаго дѣла ихъ было недостаточно.

Само собой понятно, что при неимѣніи подробныхъ картъ и при видимой необходимости освѣжить имѣвшіяся свѣдѣнія о странѣ и о путяхъ предстоящаго слѣдованія въ Пруссію и часто составлять маршруты путей, не нанесенныхъ на карты, всѣ рекогносцировки выпали на долю *строевыхъ* офицеровъ, наиболѣе соотвѣтствовавшихъ такому назначенію. И дѣйствительно, изъ чиновъ квартирмейстерской части главное руководство (еще въ 1756 году) первыми *скрытыми* рекогносцировками вручается полковнику Шпрингеру, и изъ оберъ-квартирмейстеровъ—Сиверсу [79]) и пяти офицерамъ пѣхотныхъ полковъ: Казанскаго—капитану *Бурмаку*, Новгородскаго—*Шилингу* и *Эльмерсену*; Ростовскаго—капитану *Вейсману*

[78]) Москов. Отд. Арх. Глав. штаба; опись 47 № $^{149}/_{152}$.

[79]) Тамъ же; опись 47, № $^{138}/_{141}$.

и поручику *Наумову*. Ширингеръ долженъ былъ распредѣлить раіоны развѣдокъ, дать наставленія и потребовать отъ офицеровъ свѣдѣній, согласно особому «*формуляру*» **), руководствуясь въ этомъ случаѣ вообще ордеромъ «*каковыя надлежитъ давать инструкціи отправляющимся офицерамъ*». Всѣ офицеры должны были направиться изъ Риги, Пскова, Стародуба до Кенигсберга и до Гродно «*подъ видомъ своихъ нуждъ*» [80]). Въ этомъ случаѣ мы не касаемся задачъ данныхъ Веймарну, бывшему до ноября 1756 г. въ г. Варшавѣ съ дипломатическимъ порученіемъ и собиравшему также свѣдѣнія, нужныя для распоряженій штаба арміи [81]).

Кромѣ всего сказаннаго есть фактъ, опредѣленно свидѣтельствующій, что инженернымъ офицерамъ, бывшимъ уже при арміи, совсѣмъ не придавалось значенія офицеровъ генеральнаго штаба.

4-го августа 1757 г. военный совѣтъ рѣшилъ произвести *усиленныя* рекогносцировки по правому и лѣвому берегамъ р. Прегеля. Съ этою цѣлью были назначены два отряда: одинъ — подъ начальствомъ генералъ-маіора Кастюрина; другой—бригадира Каниста. Въ этомъ случаѣ принималъ участіе въ рекогносцировкѣ всего одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ, а именно инженеръ-капитанъ Муравьевъ (*вызванный, какъ мы видѣли, къ арміи*). Относительно же другихъ офицеровъ, на которыхъ были возложены обязанности офицеровъ генеральнаго штаба въ предстоящей рекогносцировкѣ, мы встрѣчаемъ слѣдующее категорическое указаніе постановленія военнаго совѣта отъ 4-го августа. «При обѣихъ сихъ партіяхъ (сказано въ постановленіи) имѣетъ быть по одному

**) Этотъ формуляръ сходствуетъ съ рекогносцировочными таблицами: въ графахъ таблицы поставленъ рядъ вопросовъ, на которые офицеръ долженъ былъ отвѣтить, бывши на мѣстѣ; т. е. самый простой способъ рекогносцировки и единственно возможный при неопытныхъ въ этомъ дѣлѣ офицерахъ.

80) Тамъ же, № $^{138}/_{141}$.

81) М. Глав. Арх. Иностранныхъ дѣлъ, Прусскія дѣла, связка № 1.

штабъ и *нѣсколько искусныхъ и въ военныхъ обрядахъ нѣсколько практикованныхъ оберъ-офицеровъ находиться;* а именно, при ген.-маіорѣ Кастюрнѣ—инженеръ маіору (бывшему капитану) Муравьеву *) (замѣненному, однако, Демолиномъ (иностранцемъ), не имѣвшимъ связи ни съ инженерами, ни съ квартирмейстерами) а при бригадирѣ Каннистѣ—полковнику Далке. Каждому съ нѣсколькими оберъ-офицерами, чего для каждому генералъ-аншефу, *отъ своей дивизіи* отъ шести до семи *выбравъ, представить генералъ-фельдмаршалу. Главное сихъ дѣло имѣетъ быть въ подаяніи добрыхъ совѣтовъ, но наипаче въ томъ, чтобы повозможности довольное и исправное познаніе ситуаціи и положеніе земли получить, не малѣйшаго безъ примѣчанія не оставляли,* чему всему они потомъ чертежи и планы подать имѣютъ приставлять и впредь» [82]).

Слѣдовательно мы видимъ, что главнокомандующій возлагаетъ это дѣло не на инженерныхъ офицеровъ, а на 12—14 офицеровъ «*искусныхъ и въ военныхъ обрядахъ нѣсколько практикованныхъ*», по выбору ближайшихъ начальниковъ. Таковыми не могли быть инженеры, занимавшіеся въ мирное время межеваньемъ, совершенно неслужившіе въ войскахъ и незнавшіе «военныхъ обрядовъ».

Такимъ образомъ, и *скрытыя*, и *усиленныя* рекогносцировки возлагаются въ дѣйствительности не на инженеровъ, а между тѣмъ этого рода работы есть единственная исходная точка, на которой основано предположеніе о смѣшеніи службы инженеровъ и квартирмейстеровъ, съ очень серьезнымъ выводомъ о послѣдствіяхъ этого смѣшенія, въ періодъ, начиная съ Петра I до Екатерины II.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы рѣшительно не можемъ замѣтить ни малѣйшихъ данныхъ для заключенія

*) Тотъ же Муравьевъ кончилъ кампанію полковникомъ.

82) Военно-Ученый Архивъ № 227. А.

о какомъ либо смѣшеніи квартирмейстерской и инженерной частей, и тѣмъ болѣе не находимъ никакихъ основаній думать, что инженерные офицеры оказали столь сильное вліяніе на образъ дѣйствія нашихъ войскъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Имѣя въ виду указанныя данныя, т. е. несоотвѣтственность занятія инженеровъ въ мирное время, отчужденность ихъ даже отъ полеваго военно-инженернаго искусства и занятія строительнымъ, межевымъ, чертежнымъ дѣломъ, незначительное число ихъ при арміи въ 1756—1758 гг., характеръ ихъ работъ по инструкціи П. Шувалова де-Боскету,—мы имѣемъ основаніе заключить, что даже и при сооруженіи полевыхъ окоповъ инженеры не могли имѣть выдающагося значенія, и нѣтъ данныхъ полагать, чтобы они были опытными руководителями полевыхъ земляныхъ окоповъ. Это спеціальное дѣло полевыхъ инженеровъ выпадало на долю тѣхъ же строевыхъ офицеровъ, которые и были ближайшими руководителями рабочихъ солдатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ 1-й хотѣлъ образовать полевыхъ инженеровъ именно для полевой службы; но это осталось мертвою буквою, не только при Петрѣ Великомъ, но и въ значительно позднѣйшее время.

Приложеніе 1-е.

Краткій перечень дѣлъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго штаба, относящихся до Семилѣтней войны (съ 1756—1758 гг. включительно).

№ № по порядку.	Названіе связокъ.	Наименованіе главнѣйшихъ документовъ.
1	93/96	1) Маршруты Обсерваціоннаго корпуса къ предѣламъ Пруссіи въ 1758 году. 2) Инструкція Шувалова де-Боскету (генералъ-инженеру арміи Апраксина).
2	127/130	1) Переписка по заготовленію провіантскаго, денежнаго и вещеваго довольствія для арміи Апраксина въ 1756 году. 2) Состояніе гарнизонныхъ войскъ въ 1756 и 1757 гг.
3	137/140	1) Свѣдѣнія, доставленныя въ Военную Коллегію отъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ о приготовленіяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ въ Пруссіи въ 1753 г., согласно донесеніямъ Гросса. 2) Переписка 1754 года о подготовленіи въ Лифляндіи экспедиціоннаго корпуса. 3) Подробнѣйшія вѣдомости о состояніи всѣхъ частей нашей арміи, доставленныя канцлеру Бестужеву-Рюмину изъ Военной Коллегіи въ 1755 г. 4) Списокъ генераловъ нашей арміи по старшинству въ 1755 г.
4	138/141	1) Переписка по заготовленію фуражнаго и провіантскаго довольствія арміи въ 1756 году. 2) Дислокація арміи Апраксина къ 26-му сентября 1756 года. 3) Парадъ калмыковъ. 4) Ассигнованіе денегъ на провіантское и фуражное довольствіе арміи Апраксина. 5) Мѣры Адмиралтействъ Коллегіи для заготовленія галеръ для десанта. 6) Свѣдѣнія о состояніи иностранныхъ армій, доставленныя Коллегіею иностранныхъ дѣлъ въ Военную Коллегію о польской, саксонской, литовской, прусской, англійской, французской и датской арміяхъ, съ краткимъ очеркомъ ихъ строевой организаціи и денежныхъ на нихъ расходовъ. 7) Мѣры для скрытыхъ рекогносцировокъ въ предѣлахъ Литвы, Польши и Пруссіи чинами квартирмейстерской части и строевыми офицерами въ 1756 году.
5	139/142	1) Основныя распоряженія Конференціи въ апрѣлѣ 1756 года, по приведенію арміи на военное положеніе; по сосредоточенію войскъ къ базѣ, и исполнительныя по нимъ распоряженія Военной Коллегіи. 2) Первое раздѣленіе арміи на корпуса въ 1756 г. 3) Перевозка осадной артиллеріи въ Ригу.
6	140/143	1) Мѣры по довольствію войскъ въ 1756 и 1757 гг. 2) Свѣдѣнія по движенію нерегулярныхъ войскъ въ 1757 году (въ началѣ года) къ предѣламъ Пруссіи.
7	141/144	1) Переписка, относящаяся до генерала Даревскаго, принявшаго на себя довольствіе арміи Апраксина въ Литвѣ и Польшѣ въ 1756—1758 гг. коммисаріатскимъ способомъ.
8	145/148	1) Приготовленіе полевой и осадной артиллеріи къ походу 1756 г.

№№ по порядку.	Названіе связокъ.	Наименованіе главнѣйшихъ документовъ.
9	146/149	1) Воспрещеніе вывоза хлѣба за границу въ 1756 г. 2) Рескриптъ объ отозваніи Апраксина въ Петербургъ изъ Мемеля въ 1757 году. 3) Нарядъ на службу нерегулярныхъ войскъ. 4) Разъясненіе отношенія Военной Коллегіи къ бывшему главнокомандующему. 5) Переписка по Обсерваціонному корпусу, выясняющая отношеніе корпуса къ арміи.
10	148/151	1) Нарядъ изъ Малороссіи въ 1756 г. людей, лошадей и гуртовъ скота. 2) Организація торговаго флота Синявина въ 1757 г., доставлявшаго провіантскіе и фуражные запасы моремъ. 3) Нарядъ Донскихъ казаковъ и инородныхъ командъ. 4) Переписка по разъясненію причинъ некомплекта арміи бывшихъ внутри имперіи въ 1756—1758 гг.
11	149/152	1) Переписка Фермора съ Военною Коллегіею относительно переформированія арміи въ концѣ 1757 г. 2) Тамъ же, распоряженія Фермора и подготовленія къ зимнему походу 1757—1758 гг. 3) Свѣдѣнія о теплой одеждѣ, бывшей при арміи (полушубки и рукавицы). 4) Переписка о потеряхъ при отступленіи въ 1757 г. 5) Составъ войскъ, вступившихъ въ Пруссію въ 1758 г. 6) Дислокація арміи въ Пруссіи въ Мартѣ и въ Ноябрѣ 1758 г. 7) Состояніе денежныхъ суммъ арміи и провіанта въ магазинахъ за 1757 г. (ноябрь) и іюнь, ноябрь и декабрь 1758 г. 8) Потери подъ Цорндорфомъ.
12	Опись 121. Связка № 3.	1) Переформированіе русской конницы въ кирасиры въ 1756 г. и конно-гренадеры, а равно формированіе гренадерскихъ пѣхотныхъ полковъ.
13	Опись 202. Связка № 12.	Переписка по организаціи Обсерваціоннаго корпуса.
14	Связка № 13.	Тоже, и въ особенности подробности по организаціи артиллеріи Обсерваціоннаго корпуса.
15.	Опись 47. №№ 111 112 113 114 115 116 117	Дислокація арміи съ 1755 -1766 годъ.

Приложеніе 2-е.

Краткій поречень дѣлъ Главнаго архива иностранныхъ дѣлъ (Московскаго) относящихся до Семилѣтней войны (съ 1756 по 1758 гг. включительно).

Прусскія военныя дѣла, №№ связокъ.	Наименованіе документовъ.
Связка № 1.	1) Рескрипты Конференціи Апраксину.
	2) Копіи съ донесеній Гросса (со времени вступленія Фридриха II въ Саксонію) въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, препровожденныя Апраксину (есть до 5-го ноября 1757 года).
	3) «Генеральная роспись» прусской арміи вступившей въ Саксонію, по донесенію Гросса. Свѣдѣнія составлены съ указаніемъ числительности каждаго полка.
	4) «Экстракты» изъ реляцій Веймарна изъ Варшавы съ 5-го августа 1756 г. до 28-го октября (8-го ноября), того же года препровожденные Апраксину.
	5) Рескрипты Конференціи Ширингеру (бывшему при австрійской арміи).
Связка № 2.	1) Рескрипты Конференціи Фермору 1758 года, гдѣ есть планы кампаніи Конференціи 1758 и 1759 гг. и планы для операцій Резанова противъ Гданска. Всѣ рескрипты имѣютъ весьма важное значеніе для разъясненія стратегическихъ операцій 1758 г. Нѣсколько рескриптовъ спеціально предписываютъ мѣры по благоустройству «Шуваловскаго» корпуса.
	2) Рескриптъ отъ 13-го августа выясняетъ характеристику дѣйствій нашего флота въ 1758 году.
	3) Донесенія Ширингера изъ главной квартиры австрійской арміи.
	4) Донесеніе «вояжира» изъ Риги, препровожденное при письмѣ Воронцова Фермору.
	5) Есть нѣсколько копій съ реляцій Фермора за 1758 годъ.
Связка № 3.	1) Ордера генерала Фермора дивизіоннымъ генераламъ 1758 года.
	2) Рапорты командира «Шуваловскаго корпуса» Фермору, до Цорндорфскаго боя.
	3) Рапорты Долгорукова (изъ Риги), имѣющіе значеніе для характеристики состоянія тыла арміи.
	4) Письма Пальменбаха 1758 г., касающіяся осады кр. Кольберга.
	5) Донесенія Ширингера изъ главной квартиры австрійской арміи.
	6) Нѣсколько писемъ Фермора къ князю Долгорукову, бывшему при французской арміи.
	7) Ордера Фермора генералу Корфу въ Кенигсбергъ.
Связка № 4.	Письма къ Фермору отъ гр. Кейзерлинга, князя Голицына, Сергѣя Салтыкова, Мусина-Пушкина, Карла Сиволина, Гросса, Волконскаго и Никиты Панина, бывшихъ при иностранныхъ дворахъ. Всѣ эти письма имѣютъ связь съ дѣйствіями нашихъ войскъ.
Связка № 5.	1) Часть такихъ же писемъ, какъ и въ связкѣ № 4.
	2) Рескрипты Конференціи Фермору 1759 г. по день смѣны его Салтыковымъ.

Приложеніе 3-е.

Краткій перечень дѣлъ Военно-ученаго архива Главнаго штаба, относящихся до Семилѣтней войны (съ 1756 по 1758 гг. включительно).

№№ по порядку.	№№ дѣлъ.	Наименованіе главныхъ документовъ и какіе именно вопросы ими выясняются.
1	224, А.	1) Реляція (донесеніе) Апраксина въ Конференцію, относительно операціоннаго плана, въ январѣ 1757 года, и начало движенія войницы съ декабря по февраль 1757 года.
		2) Свѣдѣнія объ австрійской арміи за 1757 годъ.
		3) Мѣры для наблюденія прусской границы съ 1756 г.
		4) Мѣры Апраксина по заготовленію довольствія въ Литвѣ.
		5) Дѣйствіе эскадры Люпса.
		6) Маршруты слѣдованія главной арміи.
		7) Реляція Апраксина съ пути слѣдованія изъ Риги на Ковну до 14-го октября 1757 года включительно.
		8) Важнѣйшія изъ постановленій военнаго совѣта за тѣ же время.
		9) Ордера Апраксина Фермору.
		10) Переписка по Мемельской операціи.
2	224, В.	1) Продолженіе переписки по Мемельской операціи Фермора. Тутъ же порученія, возложенныя на оберъ-провіантмейстера Суворова.
		2) Документы для описанія движенія Фермора изъ Мемеля въ Тильзиту и Инстербургу.
		3) Мѣры Фермора для устройства сообщенія по Куршъ-гафу (часть ихъ есть въ дѣлѣ 224, А).
		4) Дислокація арміи 23-го октября 1757 года.
		5) Заготовленіе довольствія для арміи Штофелемъ, осенью 1757 г.
		6) Развѣдки о непріятелѣ осенью 1757 года.
		7) Пополненіе обуви и матеріальной части Ферморомъ и мѣры для обезпеченія довольствія арміи осенью 1757 г.
		8) Дислокація арміи къ 21-му ноября 1757 г.
		9) Планъ зимняго похода Фермора 1757—1758 гг. и окончательныя по сему приказанія главнокомандующаго.
		10) Составъ войскъ, назначенныхъ для зимняго похода въ Пруссію.
		11) Донесенія Фермора, по повелѣнію императрицы, о Гр.-Егерсдорфской битвѣ отъ 6-го декабря 1757 года.
		12) Копія съ отданнаго приказа при паролѣ, отъ 18-го августа 1757 года.
		13) Дислокація полковъ внутри Россіи зимою 1757—1758 гг.
		14) Роспускъ «разнонародныхъ» командъ въ началѣ октября 1757 г.

№№ по порядку.	№№ дѣлъ.	Наименованіе главныхъ документовъ и какіе именно вопросы ими выясняются.
		15) Дѣйствіе флота въ сентябрѣ 1757 года.
3	224, С.	1) Рекогносцировки Демолиньмъ въ долинѣ р. Прегеля.
		2) Передвиженіе Обсерваціоннаго корпуса по его сформированіи въ 1757 году.
		3) Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Апраксина съ 3-го мая до 1-го октября 1757 года.
4	221.	Первыя реляціи Апраксина изъ Риги, въ ноябрѣ 1756 г.; въ числѣ ихъ донесеніе на инструкцію, помѣщенную въ 3 томѣ архива князя Воронцова. Донесеніе о мѣрахъ въ случаѣ перехода пруссаковъ въ наступленіе съ цѣлью захватить Курляндію. Возраженіе Апраксина противъ плана кампаніи, составленнаго Сибильскимъ.
5. 6. 7 и 8	222, 226 226а, и 227	Исходящій журналъ гр. Румянцева; выдержки изъ приказовъ, отданныхъ имъ согласно полученнымъ ордерамъ. Вся эта переписка главнымъ образомъ касается: до переформированія Кіевскаго, Новотроицкаго, Казанскаго въ кирасирскіе (изъ драгунскихъ), обученія Грузинскаго и Молдавскаго гусарскихъ полковъ, а также указано движеніе колонны подъ начальствомъ Румянцева отъ Динабурга до переправы черезъ Нѣманъ у Олиты. Подготовленіе и исполненіе зимняго похода Румянцевымъ въ 1757—1758 гг. особою колонною съ «выборными» эскадронами конницы на Тильзитъ въ Кенигсбергъ.
9	228 37758	1) Распоряженія Фермора по зимнему походу 1757—1758 гг. до занятія праваго берега р. Вислы.
		2) Рескриптъ Фермора въ Конференцію о необходимости занять Гданскъ, въ 1758 году.
		3) Рекогносцировка Сербскаго гусарскаго полка маіора Текели въ началѣ февраля 1758 г.,—на Мемель, Старгардъ, въ Беренту.
		4) Распоряженія Фермора по занятію и укрѣпленію Эльбинга.
		5) Проектъ плана кампаніи и плана довольствія въ 1758 г., представленный Ферморомъ въ Конференцію.
		6) Переписка Фермора съ Конференціею, изъ которой видно дѣйствіе войскъ до Цориндорфа. Тутъ же рядъ рекогносцировокъ и дѣйствіе коннаго отряда Румянцева.
		7) Генеральная диспозиція, отданная Ферморомъ на случай боя въ іюнѣ 1758 года.
10	228 С.	1) Журналъ зимняго похода 1757—1758 гг., и за весь 1758 годъ (съ 26-го декабря 1757 г. до конца года).
		2) Реляціи Ширингера въ Конференцію изъ австрійской арміи.
		3) Ордеръ баталіи передъ Цориндорфомъ.
11	228 В.	1) Реляціи Фермора въ Конференцію съ 10-го іюля 1758 года до конца года, имѣющія первостепенное значеніе для описанія военныхъ дѣйствій въ 1758 году и операціи Пальменбаха, при осадѣ Кольберга.

Приложеніе 4е.

СПИСОКЪ № 1-й.

Съ указаніемъ рода службы офицеровъ Инженернаго полка передъ войною 1757 года.

Чины и имена.	При нихъ число конд-укторовъ.	Гдѣ находились.	Въ чемъ состояло служебное назначеніе.	Примѣчаніе
1) Капитанъ Островскій. .	1	Въ царевомъ селѣ.	Неизвѣстно.	Взято изъ подробнаго экстракта, препровожденнаго при Меморіалѣ № 52 въ Военную Коллегію (Моск. Отд. Арх. Глав. штаба; опись 47, № 127/130.
2) Поручикъ Владиміръ Назимовъ.				
3) Подпоручикъ Иванъ Сбродовъ		Въ Кронштатѣ.	При строеніи канала Петра Великаго.	
4) Подпоручикъ Василій Мавринъ				
5) Прапорщикъ Григорій Варакинъ	1			
6) Маіоръ Степанъ Малыгинъ	2	На Гжатской пристани.	У описи винокуренныхъ завод.	
7) Прапорщ. Андрей Вейсъ.	4		У смотра и описи границы.	
8) Прапорщикъ Алексѣй Ермолаевъ		Въ Смоленской губерніи.		
9) Капитанъ Андрей Болъшой-Муравьевъ . . .	2	Въ Брянскомъ уѣздѣ.	У учрежденія форпостовъ.	
10) Капитанъ Прокофій Окуловъ	1			
11) Подпоручикъ Селиверстъ Муромцевъ	1			
12) Подпоручикъ Иванъ Раевскій.	1	Въ Славяно-Сербіи.	Въ коммиссіи о поселеніи генералъ-маіора Прерадовича и у межеванья.	
13) Полковой адъютантъ подпоручикъ Яковъ Бибиковъ	1			
14) Прапорщ. Ларсъ Максъ	1			
15) Прапорщикъ Яковъ Парамоновъ	1			

Чины и имена.	При них членов комитета.	Гдѣ находились.	Въ чемъ состояло служебное назначеніе.	Примѣчаніе.
16) Маіоръ Людвигъ Менцелихъ	7	Въ Новой Сербіи.	«При устройствѣ поселеній».	
17) Поручикъ Прокофій Выраевъ.				
18) Подпоруч. Эрнстъ Гриндаль				
19) Прапорщикъ Даніилъ Озеровъ				
20) Капитанъ-поручикъ князь Александръ Долгоруковъ.		Въ Константинополѣ.	«При посольствѣ Порты Отоманской».	
21) Квартирмейстеръ князь Владиміръ Долгоруковъ.				
22) Поручикъ Иванъ Луковскій	25	Въ Москвѣ.	«При размежеваніи Московской губерніи земель».	
23) Поручикъ Сергѣй Рожковъ				
24) Поручикъ Иванъ Елагинъ				
25) Подпрапорщикъ Матвѣй Бѣлевъ				
26) Прапорщикъ Петръ Авдѣевъ				
27) Прапорщикъ Иванъ Яковлевъ				
28) Прапорщикъ Иванъ Картинъ				
29) Капитанъ Яковъ Зимбулатовъ.		Въ Петербургѣ.	Въ составѣ членовъ военной коммиссіи.	

Приложеніе 5-е.

СПИСОКЪ № 2-й

«Списокъ именной, назначеннымъ къ командованію въ учрежденныхъ въ Лифляндіи и въ другихъ мѣстахъ корпусахъ, инженернаго корпуса и минерной роты штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ, капраламъ, минерамъ и прочимъ чинамъ и изъ которыхъ мѣстъ».

«Чины и имена».	«Изъ которыхъ мѣстъ».
1) Подполковникъ Яковъ-Фридрихъ фонъ-Этингеръ	Изъ Риги.
2) Маіоръ Степанъ Малыгинъ . . .	Съ Гжатской пристани.
Капитаны:	
3) Матвѣй Большой-Муравьевъ . . .	Отъ учрежденія въ Брянскомъ уѣздѣ пограничной таможни.
4) Меньшой Муравьевъ	Изъ Пернова.
Капитанъ-поручики:	
5) Яковъ Зимбулатовъ.	Изъ Петербурга отъ сочиненія по коммисіи пунктовъ.
6) Поручикъ Иванъ Лукомскій . . .	Отъ межеванія въ Московской губерніи земель.
7) Подпоручикъ Иванъ Раевскій . .	Изъ Славяно-Сербіи.
Прапорщики: (за подпоручиковъ).	
8) Ларсъ Максъ	Тоже.
9) Петръ Авдѣевъ.	Отъ межеванія изъ Московской губ. земель.
10) Іоганъ-Генрихъ Этингеръ	Изъ Риги.
Прапорщики: (по своему чину).	
11) Егоръ Плаутинъ.	Изъ С.-Петербурга.
12) Иванъ Яковлевъ.	Отъ межеванія въ Московской губ. земель.
13) Андрей Кудрявый	Изъ Риги.
14) Яковъ Кудрявый	
15) Гавріло Козляиновъ	Изъ Петербурга.
16) Иванъ Картинъ	Отъ межеванія въ Московской губерніи земель.
Кондукторовъ 20	Тоже понменно; въ большинствѣ съ межеванія земель.
Писарей 2	

Съ вышеписанными инженерными служителями слѣдуетъ отправить астролябію съ штативами, съ землемѣрными цѣпями; также бумаги, разныхъ рукъ красокъ и т. п.

б) Сборникъ Русскаго Историческаго общества т. 9, стр. 491.

в) Не станемъ повторять извѣстные факты, указывающіе съ какимъ восторгомъ приняты были въ Россіи мѣры императрицы Елизаветы по удаленію иноземцевъ, въ рукахъ которыхъ было сосредоточено все военное и гражданское управленіе послѣ Петра Великаго. Отмѣтимъ только нѣкоторые изъ нихъ, указывающіе, что русская армія времени Елизаветы жила своимъ умомъ, а не на помочахъ другихъ.

Не касаясь главныхъ дѣятелей, которые окружали императрицу (Бестужевъ, Воронцовъ, Шуваловы...), нельзя не обратить вниманія, что самыя рѣшительныя реформы, передъ войною съ Фридрихомъ Великимъ, по всѣмъ отдѣламъ военнаго искусства, окончательно обсуждались въ особой военной коммиссіи, составленной, почти безъ исключенія, изъ русскихъ офицеровъ *).

Главное направленіе всѣхъ боевыхъ дѣйствій сосредоточивалось въ рукахъ Конференціи при Высочайшемъ дворѣ, исключительно изъ русскихъ.

Затѣмъ наши главнокомандующіе во время войны съ Фридрихомъ II были исключительно русскіе, кромѣ Фермора, но и Ферморъ воспитывался въ бояхъ русской арміи (Крымскіе походы). Кромѣ того, большая половина всѣхъ генераловъ была старыхъ русскихъ фамилій. (Смотри таблицу 39).

Наконецъ, между младшими начальниками (ротными командирами) мы встрѣчаемъ непріязненное отношеніе къ воинскимъ обрядамъ иностранныхъ арміи, или, вѣрнѣе, къ проектамъ иноземцевъ, бывшихъ въ нашей арміи. Послѣднее, напримѣръ, видно изъ донесенія прусскаго агента, бывшаго въ 1756 году при арміи Апраксина (Арх. князя Воронцова томъ VI).

*) М. О. Арх. Глав. штаба въ дѣлахъ по 121 описи, и въ особенности въ связкѣ 32 есть много подлинныхъ постановленій за подписью Мещерскаго, гр. Чернышева, Панина, Бороздина, Мельгунова, Елчанинова, Волкова; въ рѣдкихъ случаяхъ—Языкова, Черкаскаго и Зимбулатова Вмѣсто Апраксина (подпись котораго въ исключительныхъ случаяхъ)—Юрій Лифенъ.

Шпіонъ, пользуясь славянскою довѣрчивостью, ознакомился съ нѣкоторыми порядками нашей арміи.

Многое изъ донесенія «вояжира» «къ достойному презранію оставить должно»— какъ выразился вице-канцлеръ Воронцовъ, въ письмѣ Фермору, но съ нѣкоторыми фактами изъ донесенія «вояжира»—соглашался Воронцовъ. Между прочимъ, Воронцовъ оставилъ намъ объясненіе существовавшаго пренебреженія иностранными порядками.

Неизвѣстный авторъ донесенія изъ Риги поинтересовался узнать отъ одного изъ русскихъ офицеровъ (капитана Энгельгарда) «для чего они (русскіе) *не вводятъ у себя того, что въ другихъ арміяхъ хорошаго находится:* на что (мнѣ) капитанъ Энгельгардъ отвѣтствовалъ, что онъ было осмѣлился въ ротѣ своей начало тому сдѣлать, но что тѣмъ только пришелъ въ недружбу у большей части офицеровъ всего полка, а потому принужденъ былъ просить о переведеніи его въ другой полкъ. а стало ему оное болѣе ста рублевъ, тѣмъ наипаче, что нѣмцы нынѣ въ маломъ почтеніи».

Воронцовъ по этому поводу пишетъ Фермору: *) «Намъ нечего стыдиться, что мы не знали оныхъ полезныхъ воинскихъ порядковъ, кои у непріятеля введены; непростительно бы было, еслибъ мы ихъ пренебрегли, узнавъ пользу оныхъ въ дѣлѣ». Все изложенное служитъ данными, указывающими, что ко времени войны съ Фридрихомъ Великимъ въ Россіи совершенно самостоятельно работали надъ всѣми вопросами военнаго дѣла. «Тоже самое мы должны заключить изъ Записки графа С. Р. Воронцова о русскомъ войскѣ. представленной императору Александру Павловичу въ 1802 г. (Арх. князя Воронцова т. X).

---

*) Въ VI т. Архива князя Воронцова есть двѣ черновыя копіи съ этого письма. Фермору было отправлено первое изъ нихъ (на стр. 352), какъ то видно изъ подлиннаго (Архивъ Ин. дѣлъ. Прусскія дѣла. Связка 2-я). Тамъ же есть копіи съ письма «вояжира», сходная съ помѣщеннымъ въ VI т. Арх. князя Воронцова.

Примѣчанія къ 1-й главѣ.

1. Главнымъ источникомъ для очерка состава нашихъ вооруженныхъ силъ къ началу 1756 г. служитъ крайне обстоятельный отчетъ Военной Коллегіи, представленный въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, по требованію Бестужева-Рюмина *).

21-го іюля 1755 г. канцлеръ потребовалъ свѣдѣнія: 1-е) «сколько нынѣ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ обрѣтается въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи». 2-е) «Если изъ Балтійскаго края отправить отъ 50—60 тыс. въ походъ заграницу, то въ какое время на мѣсто ихъ, такой же корпусъ изъ путри здѣшней имперіи привести можно будетъ, и въ какое время» и 3-е) «еще особливое извѣстіе потребно, сколько въ здѣшней имперіи всѣхъ полевыхъ, гарнизонныхъ и нерегулярныхъ войскъ состоитъ, и какихъ именно». Отвѣтъ на это послѣдовалъ съ представленіемъ самыхъ подробныхъ вѣдомостей, которыми мы и пользовались **). Тамъ же есть и отвѣтъ о замѣнѣ 60,000 войска—новыми. Всѣ эти соображенія были подготовляемы, на случай утвержденія «субсиднаго трактата» съ Англіею. Въ дѣйствительности, формированіе арміи Апраксина было при совершенно другихъ условіяхъ; а именно, согласно «Постановленіямъ Конференціи, держанныхъ

*) М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № 137/140.

**) Тамъ же.

при дворѣ въ 4-е и 6-е апрѣля 1756 г.» *), а равно на нѣкоторыхъ частныхъ постановленіяхъ комиссіи при Военной Коллегіи, разновременно утвержденныхъ императрицею **).

2. Архивъ князя Воронцова т. 3. Жизнеописаніе первыхъ Россійскихъ адмираловъ т. 3. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій. Воен. Уч. Архивъ № 224, А. Донесеніе Апраксина отъ 16-го мая. Разницы въ свѣдѣніяхъ указываемыхъ документовъ никакой почти нѣтъ. Только не достаетъ по свѣдѣніямъ перваго документа 1-го рода, а по сравнительному показанію втораго и послѣдняго источниковъ—3-хъ галеръ.

3) Вообще Бестужевъ доставлялъ въ Военную Коллегію свѣдѣнія о состояніи иностранныхъ армій. Такъ, изъ промеморіи Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ—Военной отъ 14-го мая 1756 г. ***) видно, что 10-го ноября 1749 г. были доставлены свѣдѣнія съ обстоятельнымъ «экстрактомъ отъ подполковниковъ Виттинга и Этингера о всей прусской военной силѣ, и о экзерциціи, и о порядкахъ при баталіяхъ, и о состояніи крѣпостей, и дорогъ, да оригинальные планы прусскихъ крѣпостей—Штетина, Пилау и Мемеля, и карты Пруссіи и Литвы для извѣстія Военной Коллегіи сообщены...» Послѣднія же свѣдѣнія, въ формѣ самыхъ подробныхъ вѣдомостей, были доставлены въ 1755—56 гг.: отъ Гросса—изъ Дрездена; отъ князя Голицына изъ—Лондона; отъ Салтыкова—изъ Гамбурга; отъ гр. Головина—изъ Гаги; отъ бар. Корфа—изъ Копенгагена. Относительно состава прусскихъ силъ мы узнали изъ донесенія Салтыкова отъ 21-го мая 1756 г.

---

*) Тамъ же, опись 47, № $^{139}/_{142}$. Копія съ этого весьма важнаго постановленія есть въ архивѣ князя Воронцова; т. III.

**) Вообще эти частныя постановленія находятся въ дѣлахъ М. О. Арх. Главнаго штаба по 47-й описи. При разработкѣ войны Россіи съ Фридрихомъ Великимъ дѣла М. О. Арх. Главнаго штаба,—главнымъ образомъ по 47-й и 121-й описямъ,—такъ же необходимы, какъ Архивъ князя Воронцова и дѣла Военно-ученаго архива.

***) М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$.

только въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вся Его Величества короля прусскаго армія не въ большемъ числѣ, какъ только считаютъ, отъ 145 до 142 тысячъ состоитъ; но всѣмъ подлинно, что Его прусское Величество нынѣ свои войска непрестанно и почти ежедневно по нѣсколькому числу человѣкъ умножаетъ». Относительно же остальныхъ европейскихъ армій есть весьма подробныя вѣдомости, съ указаніемъ ихъ военнаго бюджета. Свѣдѣнія объ австрійской арміи мы взяли изъ сообщеній Конференціи—Апраксину.

4. П. С. З. № 10548.

5. Гл. Арх. Ин. дѣлъ. Прусскія военныя дѣла, связка 2. Рескриптъ Фермору.

6. М. Отд. Арх. Главнаго штаба. Опись 121, связка 6, тетрадь 12.

7. П. С. З. 7142, 7201.

8. Тамъ же 2257, 2337 и 2367.

9. — 7171, 9909 и 7250.

10. — 10558.

11. См. вышеуказанные законы о зачисленіи недорослей на службу и примѣненіи ихъ на практикѣ, на что есть указаніе въ извѣстныхъ Запискахъ: Болотова, Пащекина и Данилова.

12. П. С. З. 8274, 8516, 9171; 9844. Записки Болотова часть III, письмо 25.

13. П. С. З. 4309.

14. Малороссія содержала сначала 10-ть, а потомъ 7 драгунскихъ полковъ (П. С. З. 9572); во время же войны 1756—1757 гг. украинцами исполнялся разный нарядъ (см. примѣчаніе 36-е изм. 9). Финляндія иногда комплектовала флотъ (П. С. З. 8715).

15. Со временъ Петра I до 1757 г. не было разъ навсегда установленнаго закона о пополненіи арміи нижними чинами.

Въ первый разъ подобное законоположеніе было обнародовано 23-го декабря 1757 г. (Генеральное учрежденіе о ежегодномъ сборѣ рекрутъ. П. С. З. 10786). Это законоположеніе весьма интересно въ томъ отношеніи, что въ него вошли очень многія изъ правилъ, установленныхъ раньше, но разбитыхъ по всему своду законовъ. Основная же мысль «Генеральнаго учрежденія» несомнѣнно новая и вполнѣ оригинальная.

16. П. С. З. 4550, 4845, 4859, 4868, 8610, 10785.

17. Тамъ же 7169.

18. Программы для офицеровъ можно выяснить, сопоставляя данныя, указанныя выше въ 12-мъ и 15-мъ примѣчаніяхъ.

19. По отношенію къ кадетамъ Шляхетскаго корпуса см. Военный журналъ, № III, 1832 г. «Учрежденіе 1-го кадетскаго корпуса».

20. Число рекрутъ съ 1000 было крайне разнообразно, отъ 100—200.

21. Возрастъ первоначально былъ отъ 15—20 лѣтъ, впослѣдствіи, послѣ Петра I, отъ 20—30 лѣтъ (П. С. З. 2036, 6495, 10786).

22. Ко времени Семилѣтней войны 2 аршина 4 вершка П. С. З. 10786.

23. Тамъ же.

24. П. С. З. 3587, 10786.

25. — 8081, 10407 и 10786; также указанные ниже въ примѣчаніи 28.

26. П. С. З. 5441 и 10095.

27. — 10786.

28. — 3135 и 3669.

29. — 2249, 3026, 3409, 3513, 3576, 7761, 7847, 10355.

30. П. С. З. 9817.

31. — 10786.

32. — 7820, 8692. По разсчету Военной Коллегіи къ 1755 году не доставало въ арміи и назначено рекрутъ.

Названіе дивизій.	Число рекрутъ.	Примѣчаніе.
Генералъ-аншефа Бутурлина . . .	1711	1) Взято изъ дѣлъ М. О. Архива Главн. штаба; опись 47, № $^{137}/_{140}$.
— гр. А. Шувалова.	3154	
— гр. П. Шувалова.	4989	2) Украинскія, гдѣ за выходомъ драгунъ въ Башкирію было очень мало войска.
— В. Фермора . .	2685	
— П. Салтыкова 2).	804	3) Остальные гарнизонные полки въ составѣ дивизій.
Астраханскаго гарнизона 3) . . .	857	
Воронежскаго — . . .	211	
Всего. . .	14001	

33. Наприм. П. С. З. 7378 и 10785.

34. П. С. З. 2658. Кромѣ Сибири, которая комплектовала войска, тамъ расположенныя П. С. З. 4801.

35. П. С. З. 2251, 2377, 2396, 10786.

36. — наприм. 7659. Эта мѣра вполнѣ понятна, потому что сборъ продолжался очень долго.

37. П. С. З. 3000, 6472, 7729, 7924.

38. — 10326 и 10350.

39. Записки Болотова.

40. П. С. З. № 10613.

41. Дѣла В. У. Арх. Гл. шт. № 224, А. Заключеніе военнаго совѣта 7-го февраля 1757 г. М. О. Арх. Главнаго штаба опись 47 $^{149}/_{152}$; переписка о препровожденіи рекрутъ къ арміи.

42. Разсказъ Болотова (часть I) о производствѣ его и товарищей.

43. П. С. З. 2678, 7378, 7387, 7482.

44. Побѣги были особенно значительны до 1720 года (См. Строевая и Полевая служба... нашего изданія стр. 96); къ этому времени въ арміи было всего до 20.000 П. С. З. 3597. Сами помѣщики укрывали бѣглыхъ (П. С. З. 4243). Впослѣдствіи размѣръ побѣговъ значительно уменьшился.

45. Число бѣглыхъ изъ арміи Апраксина нами указано въ выноскѣ на стр. 16-й главы 1-й. Профессоръ полковникъ Сухотинъ (Фридрихъ Великій—стр. 9 15) даетъ намъ также данныя для вывода, насколько неизмѣримо выше стояла въ этомъ отношеніи наша армія сравнительно съ прусскою.

46. П. С. З. 3754.

47. Изучая законы по конской повинности, дѣйствовавшіе къ началу Семилѣтней войны, и остававшіеся со временъ Петра Великаго почти безъ всякихъ измѣненій,—мы можемъ остановиться на слѣдующемъ общемъ положеніи.

1) Армія пополнялась лошадьми, взятыми отъ населенія, только обознаго сорта, по мѣрѣ надобности.

Обыкновенный ремонтъ кавалеріи въ мирное время пополнялся покупкою [1]), но иногда встрѣчается указаніе, подобное слѣдующему: «хотя для комплектованія въ армейскіе и гарнизонные полки... полковымъ командирамъ и нарочно отправленнымъ офицерамъ въ разныхъ мѣстахъ лошадей покупать и велѣно, однакожъ, чтобъ все требуемое число сполна куплено быть могло, весьма ненадежно... и для того... собрать драгунскихъ лошадей со всего государства, со всѣхъ чиновъ, какъ съ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, безденежно... сколько какихъ опредѣлено точно указомъ» [2]).

---

[1]) П. С. З. 2674 и 10548.
[2]) П. С. З. 6497 и 10600.

2) Законъ видимо стремился прежде всего уравнять поставку, освобождая отъ натуральной повинности только бѣднѣйшій элементъ населенія (мелкономѣстныхъ, у кого менѣе 30 душъ).

3) Отъ конской повинности не освобождались даже лица, получавшія «дѣйствительное жалованье», кромѣ оберъ-офицеровъ, которые со временъ Петра I были во всѣхъ случаяхъ изъяты отъ государственнаго сбора съ получаемаго содержанія.

4) Лошади брались съ извѣстнаго числа душъ (напримѣръ, въ 1756 г. съ 610 душъ взято по 1-й лошади). Помѣщикъ, имѣвшій, напримѣръ, 1000 душъ, выставлялъ двѣ лошади, но за 220 душъ (которыхъ ему не доставало для поставки 2-хъ лошадей), онъ получалъ съ другихъ сосѣдей деньги «въ складчину», по заранѣе опредѣленной суммѣ (въ большинствѣ—по $2^1/_2$ коп. съ души).

5) Условія, которымъ должна удовлетворять поставляемая лошадь, каждый разъ опредѣлялись особо; но въ большинствѣ случаевъ, каждый указъ былъ лишь повтореніемъ прежнихъ. Ростъ лошади опредѣленъ «по переднимъ ногамъ отъ подковы до верха холки отъ 2-хъ аршинъ и выше» и въ рѣдкихъ случаяхъ (для подъемныхъ лошадей) на вершокъ менѣе двухъ аршинъ». Въ 1756 г., когда выяснилось, что для конницы лошадей нельзя пріобрѣсти покупкою,—была объявлена поставка, гдѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее указаніе по вопросу о качествахъ лошади. «Лошадей имѣть противъ прежняго лучшаго состоянія, то есть, плотныхъ, не нашистыхъ, въ ногахъ просторныхъ, въ грудяхъ и крестцахъ широкихъ, не острокостныхъ, лѣтъ отъ 4-хъ, не свыше 6-ти лѣтъ, ручныхъ и не дикихъ; отъ природы европейскихъ, помѣшанныхъ съ русскими и другими породами». Ростомъ—кирасирскіе 2 аршина 2 вершка; гренадерскіе и драгунскіе—5 аршинъ 1 вершокъ. Подъемные 2 аршина. Цѣна была объявлена—кирасир-

скимъ 60 рублей; гренадерскіе и драгунскіе 30 рублей. Подъемные 12 рублей [3]).

6) Къ 1756 г. мелкая заводская промышленность (разросшаяся впослѣдствіи въ рядъ мелкихъ заводовъ у помѣщиковъ и въ монастырскихъ владѣніяхъ) настолько поднялась, что правительство находило возможнымъ взять съ населенія лошадей и для кирасирскихъ полковъ.

7) Общей конской повинности подлежало только населеніе великорусскихъ губерній. Сборными пунктами въ 1756 году напримѣръ были: Москва, Ярославль, Казань, Симбирскъ, Вятка, Кунгуръ, Н.-Новгородъ, Пенза, Алаторъ, Арзамасъ, Уфа, Вологда, Бѣлгородъ, Севскъ, Воронежъ, Елецъ, Новгородъ и Смоленскъ.

8) Сборъ лошадей находился подъ вѣдомствомъ губернаторовъ, но въ каждомъ пунктѣ были особыя пріемныя комиссіи, въ составъ которыхъ входили особые офицеры пріемщики.

9) Срокъ для поставки лошадей назначался обыкновенно въ нѣсколько мѣсяцевъ (примѣрно отъ 2-хъ до 4-хъ), но въ дѣйствительности сборъ лошадей былъ продолжительнѣе. Напримѣръ, указъ 18-го марта 1757 г. [4]) выясняетъ, что лошади, назначенныя въ армію по указу 24-го ноября 1756 года еще и къ марту мѣсяцу не были поставлены; а потому правительство увеличило этотъ срокъ еще на два мѣсяца (до 1-го мая); въ дѣйствительности же напримѣръ Румянцевъ получилъ лошадей въ половинѣ іюня 1757 г.

Причина крайней медленности сбора лошадей съ населенія, независимо отъ разстояній, выясняется недостатками системы поставки. Главный изъ нихъ—въ высшей степени сложный учетъ при опредѣленіи кому ставить лошадь и кому и

[3]) П. С. З. 10548.
[4]) П. С. З. 10704.

сколько платить «подмогу» деньгами — «въ складчину». Это затягивало поставку, а губернаторы до тѣхъ поръ не отправляли лошадей по назначенію пока не было собрано возможно большее число подлежащихъ сбору, дабы тѣмъ уменьшить общую недоимку съ губерній.

Конскіе заводы, основанные въ царствованіи императрицы Анны и въ особенности при Биронѣ, нисколько не облегчили ремонтированіе конницы.

Первыя серьезныя мѣры по устройству конскихъ заводовъ,— съ цѣлью обезпечить пополненіе арміи лошадьми,—заключались въ томъ, что «изъ приведенныхъ въ армію сборныхъ и покупныхъ лошадей (было повелѣно) выбрать для плода кобылъ и раздать на кормъ въ слободскіе и малороссійскіе полки по пропорціи...» Мѣра эта однако не принесла никакой пользы, и въ 1378 г. [5]) вновь приказано чтобы въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ «содержано было въ заводахъ не отмѣнно 5000 кобылъ» и для развитія коневодства полковъ повелѣно купить на 10-ть кобылъ 1-го жеребца, «изъ породъ украинскихъ, нѣмецкихъ и шленскихъ» цѣною отъ 400—500 рублей.

Въ 1740 г., во время правленія Бирона, имѣлось въ виду еще болѣе развить это дѣло и устроить отдѣльные конскіе заводы для каждаго драгунскаго полка.

Мѣра эта, требовавшая разомъ значительныхъ затратъ, могла бы быть однако весьма полезною, такъ какъ вполнѣ обезпечивало ремонтированіе, а главное сортъ кавалерійскихъ лошадей могъ быть доведенъ до желаемаго совершенства. Но это предположеніе не осуществилось. Въ 1740 году собственные конскіе заводы имѣла только конная гвардія (въ Батуринѣ и Ямполѣ); заводы же кираспрскихъ (трехъ) полковъ (на 200 кобылъ) положено было устроить въ Гадичѣ и по

---

[5]) Тамъ же 7889.

«вышеписанному примѣру и при драгунскихъ полевыхъ гарнизонныхъ полкахъ особливый заводъ содержать, и для оныхъ заводовъ въ разныхъ мѣстахъ въ государствѣ особливыя пригодныя мѣста изыскать». На каждомъ заводѣ предполагали имѣть: 80 кобылъ и 10-ть жеребцовъ. Но раньше чѣмъ мѣста для заводовъ были пріискапы, Биронъ былъ лишенъ власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ были оставлены мѣры по устройству полковыхъ заводовъ.

По закону 1738 г. 5000 кобылъ были отданы «на кормъ» для образованія въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ мелкихъ казенныхъ заводовъ; но къ 1749 году (для успѣха ремонтированія кавалеріи) эта мѣра также дала отрицательные результаты.

Контроля за развитіемъ подобныхъ мелкихъ заводовъ и учета жеребятъ, до 5-6-ти лѣтъ (когда они дѣлались ремонтными лошадьми)—почти не было; главное, при проектированіи устройства подобныхъ мелкихъ заводовъ не было принято во вниманіе, что заводчики содержали лошадей, «на собственный счетъ» и смотрѣли на лошадей какъ на свою собственность; а потому масса изъ нихъ пропала. Въ 1749 году, [6]) въ видѣ особой льготы для Малороссіи, освободили населеніе отъ этой повинности и оставшихся казенныхъ лошадей взяли въ ландмилиціонные полки [7]). Такимъ образомъ, мѣра по устройству мелкихъ заводовъ не принесла никакой выгоды, но несомнѣнно благопріятно отразилась на нѣкоторомъ возвышеніи общаго сорта лошадей.

48. П. С. З. 2046, 2136, 2142, 2154 и 2338.

49. — 2456, 2636, 2674 и 4229.

50. «Строевая и Полевая служба русскихъ войскъ...» нашего изданія, таблица 1-я и 2-я.

---

[6]) П. С. З. № 9572.

[7]) Всего въ Малороссіи было казенныхъ лошадей: кобылъ 2369, жеребцовъ 190, приплодъ—1450.

51. М. О. Арх. Главнаго штаба: «Экстрактъ изъ протокола Конференціи...» Опись 47, № $^{139}/_{142}$.

52. Указъ Военной Коллегіи «о формированіи новыхъ кирасирскихъ, гренадерскихъ конныхъ и пѣхотныхъ полковъ». М. О. Арх. Глав. штаба; опись 121, связка 6-я. № 3.

53. Записки Болотова. Часть II. Письмо 33-е.

54. П. С. З. № 10617.

55. Въ дѣйствительности ихъ взяли по 620 человѣкъ отъ полковъ: Астраханскаго, Ингерманландскаго, 1 го Московскаго, Тобольскаго, Великолуцкаго, Кабардинскаго, Копорскаго, Владимірскаго, Новагинскаго, Ширванскаго, Тенгинскаго, Ярославскаго и Курпнскаго, — непринимавшихъ участіе въ первые годы войны. Даже 4-й Гренадерскій полкъ, только что сформированный,—выдѣлилъ 420 человѣкъ *).

56. См. ниже, примѣчанія 57-е.

57. Вопросъ о «некомплектѣ» и способѣ пополненія арміи Апраксина и Фермора (въ 1757 г.), до полныхъ штатовъ, имѣетъ историческій интересъ какъ для разъясненія причинъ медленности дѣйствія арміи Апраксина (неповоротливости арміи), такъ и для указанія вліянія системы организаціи арміи мирнаго времени на успѣхъ боевыхъ дѣйствій и послѣдствія отъ несоотвѣтственнаго назначенія войскъ въ мирное время.

Капитальнымъ недостаткомъ организаціи арміи времени Елизаветы нужно признать- неимѣніе кадровъ (запасныхъ частей), гдѣ новобранцы могли бы получить первоначальную подготовку: гарнизонныя части, обязанныя при Петрѣ Великомъ подготовлять рекрутъ, не могли выполнять это назначеніе [1]).

Другое, не менѣе капитальное неудобство,—это неправильное направленіе службы войскъ вообще, и въ особенности гарнизонныхъ.

---

*) М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 202, связка 13.

1) См. I главу. «Гарнизонныя войска».

Послѣ Петра I, у насъ на армію смотрѣли, между прочимъ, какъ на силу, которою слѣдуетъ пользоваться въ мирное время возможно производительнѣе, дабы окупить издержки на содержаніе войскъ [2]). Спеціальныя задачи арміи отходили на задній планъ, главнымъ образомъ, въ виду экономическихъ соображеній.

Передъ войною съ Фридрихомъ Великимъ, армія была укомплектована рекрутами по набору 1754 г. (въ декабрѣ мѣсяцѣ), окончаніе котораго было назначено къ 1-му апрѣля 1755 г. [3]).

Крайне неблагопріятныя условія, всегда препятствовавшія успѣху набора [4]), и въ данномъ случаѣ повліяли на своевременное пополненіе полковъ дѣйствующей арміи рекрутами. Въ нѣкоторые полки рекруты декабрьскаго набора 1754 г. прибыли только весною 1756 г. [5]).

Но послѣдній наборъ не пополнилъ всего «некомплекта» полковъ Апраксина. Изъ особой «вѣдомости» [6]), представленной въ Конференцію въ концѣ 1757 г., видно, что при выступленіи армія Апраксина имѣла некомплектъ въ 11999 человѣкъ, для пополненія котораго, «послѣ отправленія полковъ изъ Россіи рекрутъ къ арміи отправлено 12809» [6]). Эти рекруты несомнѣнно взяты по набору 2-го октября 1756 г. [7]), о препровожденіи которыхъ къ арміи въ 1757 г. (сотенными и тысячными командирами)—есть свѣдѣнія [8]).

О пополненіи арміи Апраксина старослужащими послѣ неудачнаго похода, Конференція,—стѣсняясь новыми формирова-

---

2) Глава VI и VII нашей книги «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ...»

3) П. С. З. 10326, 10350 и 10435.

4) См. главу I.

5) Записки Болотова, письмо 32.

6) «Вѣдомость въ полномъ числѣ армія Ея Императорскаго Величества при выступленіи въ походъ людьми состояла и требовалось въ добавку; также и нынѣ состоитъ и въ комплектъ потребно». Составлена въ Военной Коллегіи на основаніи вѣдомостей, доставленныхъ Ферморомъ отъ 10-го ноября 1757 г. (М. О. Арх. Г. ш.; опись 47, № $^{149}/_{152}$.

7) П. С. З. 10613.

8) Въ дѣлахъ завѣдывавшаго тыломъ ген.-маіора Пальменбаха, а потомъ ген.-маіора Вертерна (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{140}/_{143}$.

*

ніями, — 1757 г. (8-го декабря) [9]) («усматривая, что къ арміи нашей, которая, въ прошломъ (1756) году еще ближе нынѣшнихъ мѣстъ находилась, рекруты весьма поздно, а иные уже послѣ выступленія съ оной заграницу, приводимы были»), сообщила Военной Коллегіи Высочайшее повелѣніе, гдѣ было указано, чтобы, «призвавъ находящійся генералитетъ, имѣть Военной Коллегіи разсужденіе, не можно-ль будетъ укомплектовать опую армію (уже подъ начальствомъ Фермора) изъ состоящихъ внутри Россіи полковъ—готовыми солдатами, и по сколько человѣкъ съ каждаго полка, ибо оные въ состояніе приведены быть могутъ и послѣ собираемыми рекрутами» [9]).

Военная Коллегія составила подробное распредѣленіе, предположивъ взять отъ каждаго пѣхотнаго полка, небывшаго въ составѣ дѣйствующей арміи,—по 576 человѣкъ, а также и изъ гарнизонныхъ, всего 10514 старослужащихъ; но при этомъ генералитетъ опредѣлилъ, что, въ виду бывшихъ командировокъ, этихъ людей (по 576 челов. съ полка) въ дѣйствительности нельзя взять отъ полковъ, а «вмѣсто того, какимъ образомъ армію (Фермора) комплектовать [9]) надлежитъ, быть другому разсужденію». Это то другое «Разсужденіе» членовъ Военной Коллегіи и генералитета показываетъ, что генералы хотя и признавали, что «солдаты изъ рекрутовъ къ воинскому дѣлу крайне неспособны», но при тогдашнемъ положеніи «комплектовать армію готовыми солдатами никакъ невозможно, а надобно опую укомплектовать рекрутами» [9]). Причины этого выясняются такъ: «обрѣтающихся внутри Россіи армейскихъ полковъ состоитъ малое число и въ весьма неполномъ комплектѣ; а особливо какъ оные, такъ и гарнизонные всѣ при разныхъ отдаленныхъ и нужнѣйшихъ мѣстахъ, то изъ нихъ въ комплектъ брать и тѣмъ оные въ безсиліе приводить за невозможное признается»; при чемъ и указывается, что «нужные конвои» большею частью состоятъ *«при гражданскихъ исправленіяхъ, къ воинскому*

[9]) М. О. Арх. Главнаго штаба: опись 47, № 149/152.

дѣлу не относящихся». А именно, 1) *«въ полицейскомъ патрулированіи»*, 2) *«у корчемныхъ сборовъ»*, 3) *«у соляныхъ дѣлъ»*, 4) *«портовыхъ и таможенныхъ карауловъ»*, 5) *«ссыску воровъ»*, 6) *«усмиреніи крестьянъ»*, 7) *«препровожденіи рекрутъ»*, 8) *«разныхъ слѣдственныхъ комиссій»*, 9) *«заставъ для поимки безпаспортныхъ»*. 10) *«въ штатскихъ судебныхъ мѣстахъ»*, 11) *«цѣлый полкъ людей у межевания земель»* (Шавагинскій), 12) *«въ ссыскномъ приказѣ»*, 13) *«въ конвоированіи кладей къ арміи»*, 14) *«для покупки арміи провіанта и фуража»*, 15) *«отводъ въ артиллерію лошадей»*, 16) *«для конвоированія изъ мѣстной канцеляріи разной мѣдной монеты»*, 17) *«у крѣпостныхъ работъ»*. «Сверхъ того, во всѣхъ гарнизонныхъ полкахъ люди, за выборомъ предъ симъ въ Обсерваціонный корпусъ, большею частью остались изъ отставныхъ отъ полевой службы и по старости лѣтъ, а иные, за увѣчьемъ, и въ службѣ только въ легкіе полковые караулы употребляются, а нѣкоторые изъ нихъ уповательно есть и такіе, что только званіе солдата несутъ, а къ никакому дѣлу неспособны» [9]).

Это «Разсужденіе» генералитета было препровождено въ Конференцію 12-го января 1758 г. [10]), а 19-го января [11]) послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «полки команды нашего генерала Фермора, какъ четыре гренадерскихъ, такъ и тридцать два мушкатерскихъ, считая оные по два баталіона, какъ наискорѣе рекрутами въ числѣ 20,000 человѣкъ укомплектовать». 3-е же баталіоны пѣхотныхъ полковъ еще 8-го ноября 1757 г. [12]), «укомплектовавъ два дѣйствующіе баталіона», были отправлены въ Ригу. Эти 50,000 рекрутъ и должны были пополнить кадры 3-хъ баталіоновъ.

---

[10]) Въ томъ же дѣлѣ.

[11]) Въ томъ же дѣлѣ.

[12]) Въ виду особаго интереса мѣръ Фермора по реорганизаціи арміи Апраксина, мы включили ихъ цѣликомъ въ примѣч. 158 къ I главѣ.

Такимъ образомъ, неимѣніе особыхъ частей, гдѣ могли бы подготовляться рекруты въ военное время, новое формированіе частей, одновременное съ мобилизаціею, неправильное служебное назначеніе войскъ въ мирное время—все это отразилось на арміи Апраксина и Фермора, во-первыхъ въ томъ, что въ составѣ арміи Апраксина была масса (около $^1/_3$) рекрутъ, составлявшихъ положительную обузу для наступательныхъ операцій; во-вторыхъ, въ 1757 г. пришлось уменьшить пѣхоту на $^1/_3$ штатнаго состава; въ третьихъ, болѣе чѣмъ 100,000 войска, бывшаго внутри государства, въ первые годы войны съ Фридрихомъ Великимъ,—*не могли выдѣлить 10,000 старослужащихъ въ дѣйствующую армію*, что подтверждается слѣдующими цыфровыми данными.

Въ «вѣдомости коликое число полковыхъ унтеръ-офицеровъ, капраловъ, рядовыхъ и прочихъ нижнихъ чиновъ по спискамъ и при полкахъ на лицо состоитъ и въ комплектъ потребно», показано къ 1-му іюня 1757 г. (относительно полковъ «внутри имперіи»).

Таблица № 1

Названіе дивизій.	Людей по списку.	Состоитъ при полкахъ на лицо.	Въ комплектъ потребно.	Примѣчаніе.
Генерала Бутурлина. [1].				Взято изъ дѣла М. О. Арх. Гл. штаба; опись 47, № $^{148}/_{131}$.
1 кон.-грен. 15 драгунск.	17094	13079	509	[1]) Названіе полковъ видно изъ таблицы 9, въ концѣ приложеній.
6 пѣх. полковъ . . .	12374	6901	2890	
Графа А. П. Шувалова.				[2]) Конференція считала 4-го апрѣля 1756 г., что останется «внутри государства» 160,000 челов. (Арх. князя Воронцова, т. 3, стр. 406); но послѣ 4-го апрѣля былъ новый наридъ войскъ въ дѣйствующую армію, а главное ландмилиція и различные «нерегулярные» (смотр. таблицу 9-ю) были въ томъ же числѣ; но мы ихъ въ данномъ случаѣ не считаемъ.
1 драгунскій.	1051	850	48	
5 пѣхот. полковъ около Петербурга	10169	5381	2551	
3 пѣх. полка около Ревеля	6011	4466	1633	
Во всѣхъ гарнизонныхъ полкахъ	62693	32564	10473	
	[2]). 109392	63241	18104	

Изъ этой таблицы видно, что къ іюню 1757 г. не было на лицо: некомплекта 18104 и 46151 «отлучныхъ», главнымъ образомъ, по командировкамъ, о которыхъ помянуто выше; т. е. почти половина наличнаго состава всѣхъ войскъ внутри имперіи были разбросаны по «разнымъ гражданскимъ исправленіямъ, къ воинскому дѣлу не относящихся».

Слѣдуетъ заключить, что столь неправильное назначеніе войскъ было еще раньше замѣчено Конференціею. Но и къ этому вопросу Конференція отнеслась лишь съ формальной стороны.

Изъ рескрипта Конференціи Военной Коллегіи отъ 22-го мая 1757 г. [13]) видно, что Конференція подтвердила Военной Коллегіи, чтобы полки «внутри государства какъ можно въ комплектѣ были». Ясно, что одной этой фразы было недостаточно, чтобы собрать скоро всѣхъ отлучныхъ и, главное, замѣнить ихъ кѣмъ либо. Надо было всецѣло измѣнить систему гарнизонной и конвойной службы.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Конференція удивилась (?), отчего это Военная Коллегія не можетъ привести полки «внутри имперіи» въ порядокъ: «Мы не безъ удивленія усмотрѣли, что учиненныя оною Коллегіею... распоряженія о содержаніи полковъ въ собраніи и готовности въ походъ сдѣланы, но изъ вѣдомостей однакожъ явствуетъ, что и до нынѣ неимовѣрное число людей въ отлучкахъ» [14]), а потому «коротко» было предписано «безъ именнаго указа людей изъ полковъ не посылать; отлучныхъ поскорѣе собрать». «Въ Петербургѣ караулы возложить на гвардію».

Само собою понятно, что и эти фразы ничего не сдѣлали: *нужно было обдумать это раньше путемъ общаго законодательства*—кѣмъ и какъ замѣнить войска, бывшія у «гражданскихъ исправленій...»; но къ этому Конференція

---

[13]) М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № 148/131.

[14]) Тамъ же; опись 47, № 149/132.

начинаетъ обращаться только въ 1758 г. Рескриптъ Конференціи Военной Коллегіи отъ 19-го января 1758 г. [14]) заканчивается: «Мы *Нашему Сенату* указомъ подтвердили, чтобы крайнее стараніе приложено было, сколько можно расходы воинскихъ людей для штатскихъ дѣлъ сократить», т. е. кончили тѣмъ, съ чего надо было начать.

58. См. ниже главу I: «Гарнизонныя войска».

59. Указъ Сената отъ 18-го ноября 1756 г. (М. От. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{94}/_{97}$).

60. Тамъ же; донесеніе Апраксина отъ 5-го февраля 1757 г., гдѣ указано, что «понеже тѣ малороссіяне приводомъ въ Смоленскъ замедлились...», то большинство ихъ назначено для исправленія крѣпостей въ Ригѣ и Ревелѣ.

61. Это вполнѣ видно изъ тѣхъ правъ, которыми пользовался корпусъ, подробно указанныхъ въ примѣчаніи 62-мъ; но также можно усмотрѣть изъ переписки о снабженіи корпуса холстомъ и обувью (Глав. Арх. Иностр. дѣлъ. Прусскія дѣла, связка 2-я), и о производствѣ офицеровъ Обсерваціоннаго корпуса (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 202, № 12).

62. Графъ П. И. Шуваловъ, въ запискѣ о своей дѣятельности [1]), объясняя необходимость формированія новаго 30,000 Запаснаго (Обсерваціоннаго, Шуваловскаго) корпуса недостаткомъ войскъ, указываетъ, что онъ (П. Шуваловъ) потому принялъ начальство надъ этимъ корпусомъ, что будто бы «никто на себя сего дѣла (формированіе) взять не хотѣлъ».

Не только одно это (крайне сомнительно-скромное) указаніе, но и многія другія обстоятельства обязываютъ насъ, прежде всего, ближе ознакомиться съ дѣятельностью П. Шувалова, остающеюся въ сторонѣ, при разсмотрѣніи причинъ неудачъ русскихъ въ Семилѣтнюю войну.

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева; въ концѣ 22 тома.

Передъ началомъ Семилѣтней войны П. Шуваловъ былъ фельдцейхмейстеромъ и, какъ хорошо извѣстно, дѣйствительно способствовалъ радикальному усовершенствованію русской артиллеріи. Артиллерійскіе «прожекты» П. Шувалова (или другихъ, но подъ его покровительствомъ) развиваются въ началѣ войны съ Фридрихомъ Великимъ и практически осуществляются главнымъ образомъ при устройствѣ артиллеріи сформированнаго имъ Обсерваціоннаго корпуса.

Но, къ величайшему сожалѣнію, независимо отъ столь серьезной работы, генералъ-фельдцейхмейстеръ, въ тоже время, затронулъ массу другихъ вопросовъ и стремился къ дѣятельности, посильной только личности съ геніальными способностями.

Кромѣ техническаго усовершенствованія артиллерійскихъ орудій и формированія Запаснаго корпуса—графъ Шуваловъ былъ начальникомъ инженерной части, начальствовалъ войсками Петербургскаго гарнизона, завѣдывалъ межеваньемъ земель, былъ однимъ изъ главныхъ членовъ Конференціи и, главное,—составителемъ массы проектовъ по внутреннимъ государственнымъ реформамъ громадной важности [1]).

Проекты его касались способа увеличенія государственныхъ доходовъ, мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ и уменьшенію побѣговъ, развитія внутренней и внѣшней торговли и т. п. Современникъ характеризуетъ дѣятельность Шувалова такъ: «Графскій домъ полонъ былъ тогда писцами, которые списывали разные тогда отъ графа прожекты. Нѣкоторые изъ нихъ были къ пріумноженію казны государственной, которой на бумагѣ милліоны поставлено было цыфрой; а другіе прожекты были для собственнаго его графскаго верхняго доходу, какъ то: сало, ворванье, мачтовый лѣсъ и прочее, которое было на откупу во всей Архангелогородской губерніи и всего умножало его доходъ до 400,000 руб. сер. въ годъ, кромѣ жалованья. Къ чести графа недоставало только чина

командовать своею дивизіей, пбо его дивизія была въ командѣ у главнаго командира надъ арміею въ походѣ противъ Пруссіи. Графъ выпросилъ себѣ позволеніе набрать изъ всѣхъ полковъ корпусъ» (Запасный) [2]).

3-го октября 1756 г. было объявлено формированіе Запаснаго корпуса. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указъ Сената повелѣвалъ коллегіямъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами способствовать успѣшному формированію [3]).

По утвержденнымъ штатамъ Запасный корпусъ былъ въ составѣ одного гренадерскаго (№ 1) и пяти мушкатерскихъ (№№ отъ 1-го до 5-го) полковъ съ полковою артиллеріею. Каждый полкъ состоялъ изъ 4-хъ баталіоновъ, четырехъротнаго состава. Мушкатерскіе полки имѣли въ каждомъ баталіонѣ три роты мушкатерскихъ и одну гренадерскую [4]).

Офицеры въ корпусъ были выбраны изъ полевыхъ, гарнизонныхъ войскъ и ландмиліціи. Нижніе же чины должны были состоять изъ 17640 старослужащихъ и 18786 рекрутъ [5]).

Первоначально, «излишекъ въ ассигнованіи» людей былъ на «5028 человѣкъ», но затѣмъ, «по чинимымъ отмѣнамъ нѣкоторыхъ чиновъ прибавилось, а другихъ убавилось, а вслѣдствіе того было и увеличеніе назначенныхъ для корпуса рекрутъ»: такъ, что «излишнихъ по бумагамъ состоять бы могло до 9086 человѣкъ», но въ дѣйствительности, какъ увидимъ, оказался значительный некомплектъ [5]).

Тѣмъ не менѣе 7-го октября 1757 г. [5]) Шуваловъ донесъ о сформированіи корпуса; при чемъ оказались слѣдующіе общіе результаты.

---

[2]) Записки маіора артиллеріи Данилова, стр. 105, изд. 1842 г. Москва.

[3]) П. С. З. № 10617.

[4]) Рапортъ Шувалова въ Военную Коллегію отъ 11-го іюня 1757 г. и инструкція генералу Олицу, временно командующему корпусомъ (Воен.-учен. архивъ, книга 224, С).

[5]) Реляція о сформированіи корпуса (М. О. Арх. Глав. штаба; опись 121, связка 16)

1) Въ составѣ корпуса дѣйствительно было 15846 [6]) старослужащихъ и ожидалось 13193 рекрутъ. Всего 29039 [7]).

2) Пѣхотныя части корпуса имѣли некомплектъ слишкомъ въ 4000 человѣкъ [8]) и для того рѣшено было: Гренадерскій полкъ укомплектовать нижними чинами 4-го баталіона 1-го мушкатерскаго полка, а прочіе мушкатерскіе полки, т. е. № 3, 4 и 5 укомплектовать нижними чинами 2-го полка. «а опый 2-й полкъ изъ принимаемыхъ изъ военной конторы (въ Москвѣ)—рекрутами» [5]).

3) Полки формировались внутри Россіи [9]), но 9-го іюня 1757 г., (когда формированіе далеко не было еще окончено), полки двинуты къ границѣ [10]).

4) Полки должны бы получить новое вооруженіе [11]), но Тульскій заводъ, при бывшихъ средствахъ, не былъ въ состояніи выполнить заказъ въ 24000 ружей меньше, чѣмъ въ годъ. Короче, изъ двухъ свѣдѣній (таблица №№ 2 и 3), противорѣчащихъ одна другой, нельзя не дать вѣры послѣдней (№ 3), изъ которой видно, что большая часть (15738 ружей) въ корпусѣ были старыхъ образцевъ прежнихъ драгунскихъ.

Во всякомъ случаѣ, ружей несомнѣнно недоставало, и оставленіе 2-го полка, какъ по недостатку людей, такъ и по неимѣнію ружей—вполнѣ понятно [12]).

5) Новое обмундированіе не было вполнѣ окончено, ибо,—какъ видно изъ таблицы № 4-й,—на «строеніе» оныхъ (ниж-

---

[6]) Изъ нихъ драгунъ 133, полевой пѣхоты 6458, гарнизонныхъ 3829 и ландмилиціи 5426. Всѣ унтеръ-офицеры изъ гарнизонныхъ войскъ (реляція о сформированіи корпуса. М. О. Арх. Глав. штаба; опись 121, связка № 16).

[7]) На лицо 27055 ч., но въ этомъ числѣ пѣтъ нижнихъ чиновъ полевой артиллеріи Обсерваціоннаго корпуса.

[8]) Документъ, примѣч. 5-е. Въ дѣйствительности некомплектъ былъ еще больше, а именно въ 5401; разницу эту нужно отнести къ артиллеріи и къ потонщикамъ проектированнаго подвижнаго магазина, но его не было.

[9]) Гренадерскій въ Москвѣ; мушкатерскіе: 1-й въ Калугѣ, 2-й и 4-й въ Серпуховѣ, 3-й въ Коломнѣ, 4-й въ Тулѣ (М. О. Арх. Глав. штаба; опись 202, связка 13).

[10]) Гренадерскій въ Дерптѣ; 1-й полкъ въ Псковѣ, 2-й въ Смоленскѣ, 3-й въ Вольмарѣ на р. Аа, 4-й—В. Лукахъ, 5-й—Торжкѣ. (Дѣла Воен.-учен. архива, книга 224, С).

[11]) П. С. З. № 10809.

няго мундира и обуви по сроку 1758 года), 7-го октября 1757 года требовалось еще 29674 руб. 45 коп. [13]).

6) Формированіе и содержаніе всего корпуса до Цорндорфской битвы стоило болѣе 1.000,000 руб. по самому скромному приблизительному расчету. (См. таблицу 4).

---

[12]) Есть основаніе думать, что въ дѣйствительности вооруженіе было далеко даже не въ томъ видѣ, какъ указано въ реляціи Шувалова. Оружейная канцелярія, при рапортѣ отъ 20-го мая 1757 г. въ Военную Коллегію, показала совсѣмъ другое число ружей, отпущенныхъ по полкамъ. (Таб. 3-я).

Таблица № 2.

Званіе вещей.	По новому велѣно сдѣлать на заводѣ.		Въ то число отпущено по 16-е сентября.		Сдѣлать надлежитъ.		Примѣчаніе.
	Тульск.	Сестр.	Тульск.	Сестр.	Тульск.	Сестр.	
Фузей по новому образцу	24360	—	18272	—	6088	—	Изъ реляціи о сформированіи корпуса. (Моск. От. Ар. Глав. штаба; опись 121; связка 16).
Прежнихъ солдатск.	—	—	6067	—	—	—	
Гренадерскихъ . .	—	—	21	—	—	—	
Тесаковъ	23635	3859	11952	1081	11683	2478	
Шпагъ солдатскихъ.	—	—	9642	—	—	—	

Таблица № 3

Полки.	Новаго мундиру	Прежнихъ.				Примѣчаніе.
		Солдат.	Драгун.	Алебар.	Тесак.	М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47.
Гренадерскій . . .	4140	—	140	—		
1 мушкатерскій. . .	4044	1720	—	52	1105	
2 —	501	2016	500	—	218	
3 —	—	2696	—	—	—	
4 —	—	2516	2016	—	—	
5 —	—	2016	2028	—	—	

7) Для большей самостоятельности корпуса предполагали придать шуваловцамъ кавалеріи: «двѣнадцать эскадроновъ кирасиръ на наилучшихъ лошадяхъ; драгунъ столько же; легкихъ войскъ: гусаръ 1200, башкировъ и отборныхъ Донскихъ казаковъ, обоихъ вообще столько же» [14]), но при разстройствѣ всей нашей конницы въ дѣйствительности вошли въ составъ корпуса «легкія войска»; вмѣсто же 24-хъ эскадроновъ регулярной конницы было повелѣно «6-ть конныхъ ротъ безъ ружья и амуниціи, но со шпагами самыхъ добрыхъ конныхъ нарядить и такими офицерами снабдить, кои бы по меньшей мѣрѣ нѣмецкій языкъ разумѣли (дабы потомъ въ австрійской кавалеріи употребиться и знаніе всей службы пріобрѣсти могли), и имѣть при каждомъ полку по одной

[13]).

Таблица № 4

Расходъ на Обсерваціонный корпусъ.	Руб.	Коп.	Примѣчаніе.
«На Обсерваціонный корпусъ на разные необходимые расходы отпустить велѣно» .	400000	—	Приложеніе къ реляціи о сформированіи корпуса. (Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 16).
Къ 1-му января 1758 г. этой суммы было недостаточно, и «на строеніе нижняго мундира и обуви» по сроку 1758 года «отпущено».	29674	45⅓	
На заготовленіе довольствія въ Польшѣ въ 1758 году б—ру *Уварову*, полковнику *Лукашичу*, подполков. *Лебедеву*, подполк. *Наюксову* и *Пашкову*, коллеж. совѣтнику *Лебедеву* и генер.-пров. князю *Мещерскому*, каждому по 30,000 иностранною монетою.	260000	—	Дѣла Воен.-учен. Арх. Глав. штаба; книга 224, С.
И при каждомъ полку по 10,000 руб. въ случаѣ недостатка.	60000	—	
На артиллерію Обсерваціоннаго корпуса.	51540	—	Тамъ же, опись 202, связка 13.
Въ день Цорндорфской битвы при Обсерваціонномъ корпусѣ состояла сумма . .	270378	89	Моск. Отд. Арх. Главн. штаба; опись 47, № 139/152.

[14]) Реляція о сформированіи корпуса Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 16.

ротѣ, употребляя для разныхъ посылокъ... а когда въ нихъ надобность минуетъ и полки соединятся съ австрійскою, какъ тяжелою, такъ и легкою кавалеріею, тогда нижнихъ чиновъ тѣхъ ротъ зачислить въ комплектъ полковъ сего корпуса, а лошадей подъ артиллерію и подъемныя». Эти роты дѣйствительно и были приданы [15]).

9) Первоначально (въ 1756 г.) было предположено имѣть при Запасномъ корпусѣ полковую артиллерію въ 120 орудій и особую батарею полевой въ 24 орудія, какъ показано въ таблицѣ № 5 [16]).

1-го мая 1757 г. Шуваловъ рѣшился радикально измѣнить составъ артиллеріи, и по вновь составленному «штату артиллеріи Обсерваціоннаго корпуса» она должна была состоять изъ самыхъ разнообразныхъ калибровъ, всего въ

---

[15]) Дѣло Военно-ученаго архива Главнаго штаба, книга 224, С. Изъ вѣдомости о состояніи этихъ ротъ 21-го марта 1758 г. видно, что они были назначены отъ 6-ти драгунскихъ полковъ (Московскаго, Владимірскаго, Азовскаго, Новгородскаго, Ростовскаго и Псковскаго) по 3 офицера, 5 унтеръ-офицеровъ, 69 гренадеръ. Нестроевыхъ всего 94. Отъ всѣхъ: лошадей—462 строевыхъ и 72 подъемныхъ. (Послѣднее взято изъ Москов. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47. Дѣло № $^{146}/_{119}$).

[16]). **Таблица № 5.**

«Прежній» т. е. первый проектъ состава артиллеріи Обсерваціоннаго корпуса.

Полевой.	Числа артил.	Полковой.	Числа.	Примѣчаніе.
Пушекъ 12-ти фунт.	12	Близнятъ. . . .	96	Извлечено изъ предписанія Шувалова въ канцелярію Обсерваціоннаго корпуса отъ 14-го мая 1757 г., при которомъ: копія съ рескрипта графу Шувалову и конфирмованный штатъ артиллеріи Обсерваціон. корпуса. (Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 202, № 13).
— 6-ти фунт.	12	3-хъ фунт. пушки .	24	
	24		120	

. составѣ 92 орудія при 324 однихъ зарядныхъ ящиковъ, какъ то видно изъ таблицы № 6 [17]).

Графъ П. И. Шуваловъ придавалъ значительному числу артиллерійскихъ орудій корпуса большое значеніе: «главное и первое есть упованіе въ томъ, чтобы биться и побѣду свою доставить дѣйствомъ артиллеріи, а полки въ такой позиціи построены были, чтобы единственно для прикрытія артиллеріи служили и въ случаѣ надобности, по обращеніямъ непріятельскимъ, въ состояніи были во всякую позицію себя спѣшно построить, какая для побѣды непріятеля служить можетъ» [14]).

---

[17]). **Таблица № 6**

По новому штату должно было состоять.

Названіе орудій.	Число орудій.	Число ящиковъ.	Названіе орудій.	Число. Орудій.	Число. Ящиковъ.	Примѣчаніе.
Полевыя.			*Польовыя* (4-хъ половъ).			Донесеніе Бороздина отъ 17-го сентября 1757 г. (Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, 20², № 13); при этомъ Бороздинъ доносилъ, что многихъ орудій еще не доставлено.
Пушекъ 12-ти фунтов	6	24	Единороговъ			
Запасныя	—	3	1/2 пудовыхъ.	12	60	
Единороговъ 1 п. .	6	30				
Запасный лафетъ . .	—	3	Единороговъ			
Пушекъ 6-ти фунт. .	6	18	1/4 пудовыхъ.	12	24	
Запасн лаф. . . .	—	3				
Малый единорогъ . .	6	1	Близнятъ. .	12	24	
Батарея новоизвестованныхъ орудій.				36	108	
1/2 п. единороговъ. .	12	48				
Запасный лафетъ . .	—	6	Всего.	92	324	
Шуваловскихъ гаубицъ	20	80				
	56	216				

Въ дѣйствительности, однако, къ 7-му января 1758 г. [18]) наканунѣ самаго выступленія и этотъ проектъ состава артиллеріи не былъ приведенъ въ исполненіе.

Послѣднимъ «секретнымъ предписаніемъ генералу Олицу» «близнять и большую же часть ручныхъ гранатъ» было приказано оставить, а въ походъ взять на каждый полкъ по 18 орудій другихъ калибровъ [19]). Полевая же артиллерія, тоже другого состава—должна была состоять изъ 26-ти орудій (таблица № 7-й). Такимъ образомъ, до выступленія въ походъ Запаснаго корпуса, мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ измѣненіе въ самыхъ штатахъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ частей и три раза измѣненіе въ составѣ артиллеріи.

Предписанія, данныя генералу Олицу, были окончательныя, и дѣйствительно: ни батареи новоизвентованныхъ орудій, ни особой батареи въ 20-ть Шуваловскихъ гаубицъ мы не встрѣчаемъ. Впослѣдствіи, къ 9-му октября 1758 г. артил-

---

[18]).

Таблица № 7.

Приказано было взять 7-го января 1758 года.					
Полевой.	Каждаго.	Полковой.	Въ пѣх. полкѣ.	Въ 5 п.	Примѣчаніе.
Единороговъ 2 пуд.	2	Шуваловск. гаубицъ.	4	20	Извлеченіе изъ 3 и 4 пункт. Секретнаго предписанія генералу Олицу. Дѣла Воен.-учен. Арх. Глав. штаба, 224, С.
— 1 —	6	Единороговъ 1/2 пуд.	2	10	
— 1/2 —	18	— 1/4 пуд.	12	60	
	—		—	—	
	26		18	90	

лерія Обсерваціоннаго корпуса была въ составѣ 98, но все уже новыхъ калибровъ, проекта Шувалова [20]).

10) Наконецъ вопросъ о командованіи корпусомъ отличается рѣзкими особенностями.

Сначала самъ графъ Шуваловъ хотѣлъ принять командованіе надъ войсками корпуса.

«Я до нынѣ льстилъ себя счастливымъ быть (доноситъ Шуваловъ),—намѣреніе (государыни) въ побѣдѣ надъ непріятелемъ исполнить, предводя сіе войско, но теперь совсѣмъ надежда моя исчезла: по продолжающимся моимъ болѣзнямъ въ такое несостояніе пришелъ, что всѣ дѣла, положенныя на меня, буде я при нихъ останусь, претерпютъ: того ради причину имѣю всеподданнѣйше (императрицѣ) доложить, не соизволите ли повелѣть..... вышеписанный Обсерваціонный корпусъ въ командованіе препоручить другому кромѣ меня, кому (государыня) ввѣрить соизволитъ, которому я и сочиняемые планы операціи, служащіе къ сему корпусу для одержанія побѣды надъ непріятелемъ, сообщить могу» [14])

---

[19]) См. таблицу № 7.

[20]). **Таблица № 8.**

Къ 9-му октября 1758 года.

Полевая.	Число.	Полковая.	Во всѣхъ полкахъ.	Примѣчаніе.
Единороговъ 2 пуд.	2	Показано общею цыфрою. Единороговъ 1/2 пуд	22	Извлечено изъ рапорта Фермора отъ 9-го октября 1758 года въ Воен. Кол. Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба, № 149/132.
— 1 —	6	— 1/4 пуд	48	
— 1/2 —	6	Гаубицъ Шувалов. при гр. пол	2	
8-ми фунт. пушекъ	6	1 мушкетер.	1	
		3 —	2	
		4 —	1	
	20	5 —	2	
			78	

Но этотъ отказъ Шувалова отъ командованія корпусомъ былъ временный. 22-го января 1758 г., тотчасъ по выступленіи корпуса въ Литву, Шуваловъ, сообщилъ Военной Коллегіи, слѣдующее: «хотя Обсерваціонный корпусъ и будетъ находиться въ полной командѣ генерала и кавалера графа Петра Семеновича Салтыкова, но какъ-де сей корпусъ моими трудами и стараніями учрежденъ и *содержится во всемъ на другомъ основаніи*, то, не смотря на то, что въ походѣ помянутый г-нъ и кавалеръ главнымъ командиромъ будетъ, все, что до снабденія сего всѣмъ потребнымъ принадлежитъ— неотмѣнено, на моемъ попеченіи остается, такъ что обо всемъ томъ, еже до снабденія онаго и внутренней экономіи принадлежитъ, онъ, генералъ и кавалеръ, долженъ мнѣ репортовать» [21]).

Такимъ образомъ, Шуваловскій корпусъ былъ арміей въ арміи: не только не было и рѣчи о подчиненіи корпуса графа Шувалова главнокомандующему, но и дѣйствительный командиръ корпуса (по предположенію графъ П. С. Салтыковъ) почти во всемъ въ сущности подчинялся Шувалову: отдѣлить «экономію» отъ боевыхъ дѣйствій—мудрено, въ особенности въ томъ случаѣ, когда приходилося имѣть дѣло съ гр. Шуваловымъ, который уже заранѣе сочинилъ и планъ для побѣды своего корпуса надъ непріятелемъ.

16-го марта 1758 г. мы встрѣчаемъ указъ Конференціи Военной Коллегіи, гдѣ сказано: что, «находя для службы нашей нужнымъ присутствіе нашего генерала графа Салтыкова, опредѣлили мы на его мѣсто командиромъ Обсерваціоннаго корпуса генерала Броуна» [22]).

Посмотримъ первую боевую пробу Шуваловскаго корпуса въ Цорндорфскомъ сраженіи.

Говоря о перѣшительныхъ результатахъ Цорндорфской побѣды, Болотовъ высказываетъ слухъ: «несчастіе сіе (нерѣ-

[21]) Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись, 47; № $^{116}/_{159}$.

[22]) Тамъ же.

шительный бой) приписывалось толь славному нашему Обсерваціонному корпусу, который не только первый дрогнулъ, но, кинувшись на бочки съ виномъ и разбивъ оныя, напился пьянъ и почелъ послѣ бурлить безъ всякаго порядка и стрѣлять безъ всякаго разбора и по своимъ, и по непріятелямъ [23]).

Даниловъ указываетъ также: «а какое оный корпусъ сдѣлалъ при той важной тогда баталіи неустройство и смятеніе, и какъ его потомъ растасовали по полкамъ, я здѣсь о томъ упоминать не намѣренъ и обращусь къ тому, что до меня касалось» [24]). Расформированіе корпуса въ дѣйствительности было значительно позднѣе, да имѣя въ виду покровительство этому корпусу П. Шувалова, нельзя было и ожидать со стороны Фермора прямого донесенія на поведеніе въ бою Шуваловскаго корпуса.

Умалчивая о частностяхъ, Ферморъ однако въ первомъ же донесеніи сообщилъ, что одною изъ главныхъ причинъ нерѣшительныхъ результатовъ сраженія подъ Цорндорфомъ было просто буйство какой то части нашихъ войскъ. Ферморъ доносилъ: «я не въ состояніи о поступкахъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и солдатъ довольно описать, и аще бы солдаты во все время своимъ офицерамъ послушны были и вина потаенно сверху одной чарки, которую для ободренія выдать велѣно, не пили, то бъ можно такую совершенную побѣду надъ непріятелемъ получить, какова желательна» [25]).

Донесеніе Фермора произвело сильное впечатлѣніе въ Конференціи. Это видно изъ рескрипта отъ имени императрицы войску, гдѣ благодаря «за одержанную побѣду армію нашею надъ королемъ прусскимъ 14-го сего августа, не далеко отъ Кистрина, при м. Фирштенфельдѣ, и за храбрость», опредѣленно упоминается о бывшемъ случаѣ: «въ то время когда

---

[23]) Записки Болотова, часть V, письмо 11-е.

[24]) Записки артилл. маіора М. Д. Данилова. Москва, изд. 1842 г., стр. 100.

[25]) Реляція Фермора «съ мѣста баталіи» отъ 15-го августа 1758 г. № 194, Главный архивъ Инс. дѣлъ. «Прусскія дѣла». Связка 2.

побѣда совсѣмъ съ нашей стороны была... и непріятель въ смятеніи бѣжалъ, число сихъ своевольныхъ нечувствительно такъ умножилось, и другихъ привлекли, и ослушны командирамъ явились, и за мерзкое пьянство принялись... бѣгущіе стрѣляли безъ разбору или по бѣгущимъ вслѣдъ ихъ, или по тѣмъ, кои остались на мѣстѣ» [26]). Императрица милостиво высказывала свою надежду, что этого впередъ не будетъ.

Ферморъ въ своихъ донесеніяхъ о Цорндорфскомъ сраженіи по отношенію къ Обсерваціонному корпусу только включилъ, что, «въ ожиданіи прибытія пруссаковъ къ мѣсту сраженія, по счастію и корпусъ генерала Броуна отъ Ландсберга прибылъ» [27]). Даже это молчаніе о заслугахъ Обсерваціоннаго корпуса обратило на себя вниманіе П. Шувалова, и изъ Конференціи, 2-го сентября 1758 г., было предписано Фермору: «*Не скрываемъ мы вамъ* (сказано въ рескриптѣ Фермору), *что намъ удивительно*, для чего вы, *донося о главной арміи, о корпусѣ генерала Броуна ничего не упоминаете*» [27]). Ферморъ однако не имѣлъ мужества идти противъ П. Шувалова, въ рукахъ котораго сосредоточивались главныя нити по управленію арміею, и въ особенности по его вліянію на положеніе главнокомандующихъ.

Послѣдствія неправильной организаціи корпуса нами указаны въ 1-й главѣ, стр. 24-я. По вмѣстѣ съ этимъ, на основаніи указанныхъ фактовъ (см. также текстъ гл. I.), мы обязаны отмѣтить слѣдующія отличительныя черты дѣятельности П. Шувалова: полное стремленіе захватить въ свои руки главное рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ; непомѣрное честолюбіе и властолюбіе, крайняя самоувѣренность. При этихъ условіяхъ, П. Шуваловъ, захвативъ въ свои руки военно-административные вопросы и бывши самымъ видпымъ членомъ Конференціи отъ военнаго вѣдомства, весьма понятно

---

[26]) Тамъ же,

[27]) Тамъ же.

далъ полный просторъ также и своимъ стратегическимъ «прожектамъ».

63. «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Петра Великаго и Елизаветы».

64. Таблицы, №№ 3 и 4.

65. П. С. З. № 10809.

66. Рескриптомъ отъ 12-го августа 1756 г. Конференція приказала Военной Коллегіи, «...для нѣкоторой, при случаѣ надобности потребно, но крайне секретнымъ образомъ, заготовить на 5000 человѣкъ бараньихъ шубъ и шапокъ»; на это было предназначено 10,000 рублей. 28-го же августа было приказано: «солдатамъ каждому дать по рублю, дабы могли сдѣлать полушубки съ рукавами и рукавицами...»; а командирамъ предписывалось... «крѣпкое смотрѣніе имѣть, чтобъ сіи деньги отнюдь ни на что иное употреблены не были» *). Часть полушубковъ была взята Апраксинымъ въ походъ **), но большая часть осталась въ Ригѣ ***).

67. Экземпляръ этого устава нами подысканъ въ М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 31-я; дабы не раздроблять разъясненіе по уставамъ кавалерійскому и пѣхотному до 1755 г., мы отнесли обзоръ въ примѣчаніе 104.

68. Лично Апраксинъ имѣлъ 250 подъемныхъ лошадей, 30 верховыхъ и 120 челов. прислуги ****).

69. Несомнѣнно существовало товарищество купцовъ Абросимова, Парамонова и Яковлева (Дѣла М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{148}/_{151}$.), которые въ концѣ 1757 г. моремъ доставляли запасы офицерамъ арміи.

70. «Строевая и полевая служба», таблицы №№ 2 и 3.

---

*) М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{140}/_{143}$.

**) Рапортъ Фермора отъ 31-го декабря 1757 г. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$.

***) Переписка Румянцева съ Фермором. Дѣла Воен.-учен. архива Главнаго штаба, № 226.

****) Сборникъ Русскаго Историческаго общества; т. 9, стр. 465.

71. См. ниже, примѣчанія о «Нерегулярныхъ войскахъ».

72. Основаніемъ для заключенія о реорганизаціи нашей конницы 1755—1756 гг. служитъ нижеслѣдующая выдержка изъ «Разсужденія на перемѣну кавалеріи въ новое основаніе, учиненное изъ представленнаго въ государственную Военную Коллегію изъ учрежденной воинской коммисіи». «Разсужденіе» это было «учинено общимъ собраніемъ государственной Военной Коллегіи, съ опредѣленій,—для разсмотрѣнія подаваемыхъ изъ воинской коммисіи,—генералитета и съ тою коммисіею» и представлены императрицѣ 10-го октября 1755 г. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 6, № 3).

Новыя основанія для устройства конницы заключаются въ слѣдующемъ:

1) «По табели 1720 г. содержано было полевой кавалеріи: гренадерскихъ конныхъ полковъ 3 *), драгунскихъ 30, а по штату 1731 г. ...опредѣлено учредить изъ числа содержащихся по табели 1720 года драгунскихъ полковъ,—кирасирскихъ десять; почему учреждено, и съ того времени по нынѣ содержится, кромѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка,—кирасирскихъ три, а драгунскихъ двадцать девять».

2) «Отъ того времени по причинѣ распространенія здѣшняго государства и сосѣдняго, нынѣшняго состоянія пѣхотная армія весьма сильна прибавленіемъ въ ней 3-хъ баталіоновъ и гренадерскихъ ротъ пріумножена, и не инако, какъ всѣ сосѣднія государства, по основанію содержанныхъ своихъ пѣхотныхъ войскъ, ничего другого при непріятельскихъ намѣреніяхъ въ надежду успѣховъ своихъ противу россійскихъ войскъ полагать не могутъ, какъ свою только кавалерію,

*) Л. Регименть, Гавриды Кропотова; ф. д. Роопа. «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Петра Великаго и Елизаветы», таблица 3. Эти свѣдѣнія подтверждаютъ правильность выборки таблицы. И по таблицѣ всего 33 полка, такъ какъ С.-Петербургскій и Смоленскій расформированы въ 1712 году.

содержанную всю на лучшихъ основаніяхъ къ конным сраженіямъ, нежели россійскіе драгунскіе полки... а такъ и по резону, что умноженная пѣхота необходимо требуетъ умноженія кавалеріи, разсуждается за полезнѣйшее россійскую кавалерію привести въ такое надежное состояніе, дабы она со всѣми другими европейскими кавалеріями не только сравниться, а и превосходить могла, понеже воинское искусство и практика доказываютъ, что единою пѣхотою противу непріятеля, имѣющаго свою надежную кавалерію, и дѣйствовать съ успѣхомъ невозможно, безъ помощи такой же своей кавалеріи».

3) «Ея Императорскаго Величества драгунскіе полки *по бывшему до нынѣ содержанію* признаются весьма ненадежными къ конным сраженіямъ, противу регулярной кавалеріи другихъ европейскихъ государствъ, потому яко всѣмъ воинскаго искусства персонамъ извѣстно, что въ конномъ сраженіи лучшая сила полагается на силу и крѣпость лошадей и исправную оныхъ выѣздку, дабы оныя не только отъ звуку и блеску оружейнаго пужливы не были, но и при всякихъ непріятельскихъ въ сраженіяхъ устремительствахъ можно-бъ было на шихъ сѣдокамъ совершенною поворотливостью и безъ малѣйшихъ разстроекъ, эскадронными обращеніями поворачиваясь, непріятельскіе отъ эскадроновъ удары крѣпостію и силою лошадей своихъ выдерживать и своимъ ударомъ оные прорывать».

«Но подъ драгунами нынѣ лошади содержатся малой цѣны и принуждены покупаемы быть гораздо жидкія и къ такой крѣпости неспособныя, по которымъ недостаточнымъ ихъ цѣнамъ больше было стараться только о комплектѣ лошадей, нежели разсматривать подлежащую въ шихъ къ тому способность».

4) «На таковыхъ же неспособныхъ лошадей фуража положено только на зимніе одни мѣсяцы, а лѣтніе пускаемы

бываютъ въ полѣ, а на полевомъ содержаніи (и заводскія) лошади дичаютъ, (а покупаемыя изъ табунныхъ), по дикости своей много претерпѣваютъ, и безсумнѣнно многія прежде въ подлежащую смиренность не приходятъ, пока себя не надорвутъ, и черезъ то на самое короткое время годными къ службѣ уже остаются».

5) «Полевое содержаніе кавалерійскихъ лошадей и тѣмъ гораздо непрочно, что до снятія луговъ недовольные имъ бываютъ кормы, а лѣтомъ отъ жаровъ и оводовъ въ табунахъ сбиваются вмѣстѣ и наѣдаться не могутъ, а осенью (по климатическимъ условіямъ и темнымъ ночамъ) совсѣмъ миновать нельзя, чтобы табуны въ одномъ мѣстѣ иногда держаны не были».

6) Это «содержаніе на полевыхъ кормахъ» самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяло на обученіе ѣздѣ, такъ какъ, «къ тому удобнѣйшіе въ году мѣсяцы только тѣ, въ которые лошадей положено было пасти въ поляхъ, и онѣ никогда вблизи людей своихъ содержаны быть не могли, но всегда принуждено было имѣть ихъ тамъ, гдѣ пастбищныя мѣста находились, слѣдовательно, не было прямыхъ способовъ драгунъ въ то самонужнѣйшее къ ихъ службѣ обученіе привесть».

7) Цѣна «одной раціи» была опредѣлена издавна въ 90 к., но вслѣдствіе «разумноженія заводовъ и обычая содержать каждому въ услугѣ своей лошадей гораздо передъ прежнимъ», «въ рѣдкихъ мѣстахъ, по той статской цѣнѣ, рацію покупать возможно, а по недостатку положенной на фуражъ, денежной суммы въ лѣтнее время (вмѣсто обученія) употребляютъ всѣхъ поголовно для косценія сѣна; регулярные же солдаты, несодержимые всегда по своему званію въ исправномъ наученіи, никакъ не могутъ быть надежны или больше и совсѣмъ негодны къ воинскому регулярному дѣйствію. а сверхъ того, какъ воинскимъ людямъ *первое есть поощреніе къ храбрости и презранію смертныхъ случаевъ—честь*

и славолюбіе, которыя въ людей, собираемыхъ въ воинской (службѣ) отъ земледѣлія никакъ невозможно вкоренить, ежели они не будутъ совсѣмъ отлучены отъ ихъ крестьянскаго употребленія и обычаевъ, дабы прежнее свое состояніе забыть могли».

8) Бывшій штатъ кавалерійскихъ полковъ: «разсуждается быть для регулярныхъ конныхъ сраженій неспособный для того, что какъ кавалерійскія регулы, такъ и долговременная практика доказала, что полковою цѣлою линіею конно съ непріятелемъ сражаться невозможно, а всегда потребно то производить раздѣленіемъ полку на ровныя части; почему обыкновенно и дѣлаются всѣ оныя конныя дѣйствія эскадронами въ такомъ числѣ людей, чтобъ всякія потребующіяся обращенія свободно и безъ помѣшательства производить; а до нынѣ положенное въ драгунскихъ полкахъ ротное комплектное число такого состоянія, что противу непріятеля дѣйствовать каждою ротою особо слабо, а сводя по двѣ роты къ безпомѣшательному обращенію—многолюдно; къ тому же въ тѣхъ полкахъ гренадерскихъ ротъ состоитъ по одной, конхъ уже въ эскадроны сводить не съ кѣмъ»*).

9) Ремонтная цѣна была установлена въ 65 рублей, для «кпраспрскихъ лошадей». Всѣмъ строевымъ лошадямъ положено было «выдавать на круглое годовое время кромѣ 6-ти недѣль, въ кои однако же производить ниже писанную положенную цѣну на одно сѣно, на которое, чтобъ въ случаѣ не состоить при полковыхъ квартирахъ государевыхъ луговъ,—нанимать обывательскіе, а цѣна рацiи **) полагается каждой государевой лошади, на 1 мѣсяцъ по 1 руб. 50 коп., гдѣ-жъ того дешевле покупаться можетъ, то тамъ по торговымъ цѣнамъ,

*) Было по 92 рядовыхъ въ ротѣ (184 въ эскадронѣ); по новому же штату—69 рядовыхъ въ ротѣ, 138 въ эскадронѣ. (Это есть въ «Строевой и полевой службѣ русскихъ...»).

**) По уставу 1716 г. въ сутки—овса два гарица, сѣна 16 фунт., сѣчки 2 гарн., соломы 1 снопъ.

и остаткомъ отъ тѣхъ награждать недостатки, въ копхъ мѣстахъ свыше сей цѣны покупка происходить будетъ» *).

10) «Въ числѣ раціи фуража одной лошади на мѣсяцъ полагается: овса одна четверть, сѣна 15 пуд., соломы на подстилку 5 пуд., а итого въ суточной дачѣ овса и сѣчки: по 2 гарица, сѣна 20 фунтовъ. Цѣны особыя: овсу 64 к. четверть, сѣна 5 коп., соломы по 2 коп. пудъ...» но дозволялось измѣнять составъ раціи, «не выходя изъ положенной на раціи денежной суммы».

11) Въ особенности предусматривалось затрудненіе въ устройствѣ «сѣнныхъ магазиновъ» по невозможности перевозить сѣно, а потому въ военное время «при такомъ обстоятельствѣ поручить на разсмотрѣніе командующаго генералитета производить государевымъ лошадямъ каждой въ сутки овса и сѣчки 4 гарица, а сѣна отъ 8—10 фун., и лишнія деньги употребить на овесъ...».

12) «По основанію нынѣ содержанной полевой пѣхоты, дабы и кавалерія по случаю надобности могла противу трехъ европейскихъ мѣстъ въ одно время къ военнымъ дѣйствіямъ раздѣлена быть,—то разсуждается... чтобъ содержать въ арміи кираспрскихъ и конно-гренадерскихъ полковъ,—состоящихъ каждой изъ 10 ротъ и 5 эскадроновъ,—по шести, да драгунскихъ,—состоящихъ во всякой въ двухъ гренадерскихъ и 10-ти мушкатерскихъ ротахъ, по 6-ти эскадроновъ, —18-ть» (т. е. 18-ть полковъ).

13) «Всѣ означенные 30 полковъ кавалеріи имѣютъ по сему положенію содержаніемъ денежной суммы въ годъ 1.463,618 руб. 71 коп.,» а прежняя обходилась въ 1.324,897 руб. 11 коп., полагая цѣны провіанту по штату 1731 г.,

*) «За полезнѣйшее разсуждается, чтобъ въ войскѣ (императрицы) содержать регулярную кавалерію, хотя передъ прежнимъ въ меньшемъ числѣ полковъ, но на основаніи быть надежною сопротивляться всѣмъ другимъ европейскихъ государствъ кавалеріямъ, чего ради на строевыхъ подъ одною лошадью положить цѣны: подъ кираспрскихъ 65 рублей, подъ гренадерскихъ и драгунскихъ 30 рублей»..

«и яко изъ числа всѣхъ чиновъ прежней кавалеріи по сему убудетъ всѣхъ людей 7251 челов., то дабы оная... обратилась въ надежную къ произведенію высокихъ ея императорскаго величества намѣреній надъ европейскими непріятельскими регулярными кавалеріями,—слѣдуетъ прибавить денежной суммы на каждый годъ только по 138,721 руб. 60 коп.».

14) «Оставшуюся сверхкомплектную кавалерію» полагалось: «употребить по указу сената, воспослѣдовавшаго на предложеніе графа П. И. Шувалова къ первому основанію губернскихъ гарнизонныхъ полковъ, полагаемыхъ на подъемныхъ лошадяхъ для содержанія форпостовъ (и вообще командировокъ), дабы уже настоящей симъ полезнымъ образомъ учреждаемой кавалеріи ни подъ какимъ видомъ во вредительства ей набранныя команды какъ конны, такъ паче еще пѣша,—въ отлученія отъ лошадей не употреблять, но содержать ее единственно только къ дѣйствію противу государственныхъ непріятелей».

15) «Гренадерскіе конные содержать для того, дабы во время войны не было нужды гренадерскихъ ротъ отъ драгунскихъ полковъ отбирать; гренадерскія роты (въ полкахъ) къ великому авантажу быть почитаются противъ другихъ европейскихъ кавалерій по тому, что они ихъ при своихъ полкахъ не имѣютъ, тѣже бъ особо учрежденные гренадерскіе полки были всегда особливымъ способомъ для употребленія ихъ къ пресѣченію какого непріятельскаго пути, или къ поспѣшному изгнанію онаго изъ укрѣпленнаго и въ пользу свою захваченнаго посту, или къ вспоможенію того мѣста, въ которомъ противу непріятельскихъ отъ кавалеріи нападеній какой фронтъ ослабѣвать начнетъ, или для подкрѣпленія отправляющагося какого отъ арміи пѣхотнаго корпуса и на всякіе подвиги того случая, гдѣ надежнѣйшіе люди и большое число въ скорости гранатъ востребуется».

16-й пунктъ указываетъ, что покупку новыхъ лошадей предполагалось окончить въ четыре года. Срокъ службы лошадей съ 6-ти лѣтъ увеличенъ до 8-ми.

17-й пунктъ предусматриваетъ неудобства существовавшей системы покупки лошадей коммерческимъ способомъ (штабъ и оберъ-офицерами) и опредѣляетъ, чтобы во всю кавалерію «покупать лошадей подъ отвѣтомъ и взысканіемъ заплаты полковыхъ командировъ и прочихъ штабъ-офицеровъ».

18-й—«Для той покупки лошадей опредѣлить полковымъ командирамъ и имѣть ежегодно въ отлученіи отъ полковъ, за выборомъ всѣхъ штабъ-офицеровъ, надежныхъ и способныхъ офицеровъ въ разныхъ удобныхъ мѣстахъ до 4-хъ человѣкъ съ пристойными командами». Между прочимъ, опасались, что, подъ предлогомъ покупки лошадей, будутъ увольнять офицеровъ домой, то за оное полкового командира... (?) (трудно разобрать, но, повидимому,—подвергать вычету изъ жалованья). За некомплектъ отвѣчалъ полковой командиръ, «а полки осматривать генералъ-аншефу по-единожды, генералъ-поручику по-дважды, бригадирамъ же по-трижды», когда, между прочимъ, «негодныхъ лошадей приказать полковымъ командирамъ перемѣнить годными, назначая на то сроки».

19-й пунктъ опредѣляетъ строгую, но больше денежную отвѣтственность генераловъ «за состояніе некомплекта» или за плохой конскій составъ.

20-й пунктъ указываетъ, что съ 1731 г. кирасиры имѣли лошадей ростомъ отъ 2-хъ аршинъ 6-ти вершковъ до 2-хъ аршинъ 4-хъ вершковъ, «покупать же за ту цѣну (отъ 40 —50 рублей) возможности не доставало, и затѣмъ принуждены были оныхъ почти всѣхъ покупать изъ чужихъ краевъ, выпуская за нихъ изъ государства деньги отъ 60—80 руб. за каждую; нынѣ же всѣмъ извѣстно, что не только въ Лифляндіи и Эстляндіи, но и во всей Россіи помѣщичьи конскіе заводы весьма размножились по смѣшенію отъ по-

родъ датскихъ и нѣмецкихъ съ русскими и украинскими, родятся весьма кирасирской службѣ годныя, только еще не самаго высокаго росту, то таковыхъ доброть, какимъ въ ту службу слѣдуетъ, и между партикулярными продажами меньше за 40 и за 50 руб. не продаютъ. Того ради, разсуждается положить кирасирскихъ лошадей, мѣряя ихъ по передней ногѣ на холку, безъ подковы, подъ глаголь, а не тесьмою, не менѣе 2-хъ аршинъ 2-хъ вершковъ, выбирая самыхъ плотныхъ, непашистыхъ, въ грудяхъ и крестцахъ широкихъ; въ ногахъ просторныхъ, неострокосныхъ, а лѣтами отъ 4-хъ не выше 6-ти лѣтъ; ручныхъ и не дикихъ; отъ природы европейскихъ, помѣшанныхъ съ русскими и съ другими, за которыя платить во всемъ россійскомъ владѣніи по 60 руб., и въ крайности изъ чужихъ краевъ».

21) Конно-гренадерскіе и драгунскіе полки платили по 30 руб. за лошадь; росту «не менѣе 2-хъ аршинъ съ однимъ вершкомъ съ $^1/_4$, а по нуждѣ 2 аршина 1 вершокъ».

22) «Буде одноперстыхъ изъявиться не можетъ, покупать всякими случайными шерстями, а недостатка по случаю мериновъ—третью частью кобылъ».

Но разрѣшалось подбирать шерсть по эскадронамъ, а равно, съ разрѣшенія бригадныхъ генераловъ, и «между полками мѣнять шерсть».

23) «Фуража на наличныхъ при полкахъ лошадей заготовлять разсуждается провіантскому вѣдомству тогда только, когда полковые командиры по случаю дальныхъ и чрезвычайныхъ походовъ сами не въ состояніи приготовлять...», а на «прибылыхъ раціи» отпускались офицерамъ, командированнымъ за приводомъ новыхъ лошадей, «для ихъ продовольствія».

24) Опредѣленный срокъ службы лошадей «полагается только для по-годно положенной на нихъ суммы», но бракъ лошадей находился въ полной зависимости отъ инспектирующаго генералитета.

25) «Для сочиненія вновь трехъ кирасирскихъ и 6-ти конно-гренадерскихъ, людей разсуждается взять со всѣхъ нынѣшнихъ драгунскихъ полковъ по равному числу, а изнутри Россіи конныхъ и пѣшихъ гарнизонныхъ полковъ сколько найтись можетъ, выбирая въ кирасирскіе росту не ниже 2-хъ аршинъ 5-ти вершк. и не выше 2-хъ арш. 7-ми вершковъ, лѣтами не старѣе 45-ти лѣтъ. А потому въ гренадерскіе полки росту равнаго противъ кирасиръ... и въ драгунскихъ полкахъ людей выбрать самыхъ великорослыхъ, (т. е. изъ числа бывшихъ въ тѣхъ полкахъ, такъ какъ штатъ уменьшался). При сихъ 18-ти полкахъ по двѣ гренадерскихъ роты, а въ мушкетерскихъ въ нихъ же выбранными людьми....» остальныхъ предписывалось отправить въ пѣхотные полки.

26) Комиссія проектировала назначить старшихъ генераловъ арміи шефами новыхъ кирасирскихъ и гренадерскихъ конныхъ и пѣхотныхъ полковъ, «какъ выбранныхъ изъ арміи лучшаго войска», но это было отказано.

27) Положено во всѣхъ кавалерійскихъ полкахъ вмѣсто шпагъ ввести палаши, «чтобъ оными во время сраженія какъ колоть, такъ и рубить было можно, ибо въ россійскомъ народѣ извѣстна природная къ рубленію способность, и отъ опредѣленнаго ему способнаго на то оружія можно надѣяться лучшихъ успѣховъ». Кирасирскіе полки получали по штату 1732 года высшій окладъ, какъ «гораздо украшенныхъ», но при новыхъ измѣненіяхъ «не только для украшенія, сколько для имѣнія въ нихъ настоящей силы къ сраженію съ непріятелемъ, того ради кирасирскимъ полкамъ полагается жалованья противъ драгунскихъ полковъ для содержанія подъ собою лучшихъ лошадей».

§§ 28 и 29 касаются неважныхъ деталей. «У подлинна писано тако: А. Бутурлинъ, С. Апраксинъ, графъ А. Шуваловъ, Петръ Сумароковъ, Юрій Ливенъ, князь Федоръ Мещерскій, Василій Суворовъ, князь Григорій Мещерскій,

Петръ Панинъ, Корнилій Бороздинъ, Алексѣй Мельгуновъ, Лука Волковъ, Яковъ Елчаниновъ, М. Яковлевъ, Дан. Мерлинъ».

73. Москов. Отд. Арх. Глав. штаба; опись 121, связка 10-я. Въ этомъ дѣлѣ есть выдержка изъ проекта графа Петра Шувалова «о содержаніи въ крѣпкомъ смотрѣніи форпостовъ и о распредѣленіи людей по дистанціямъ съ разсмотрѣніемъ, дабы съ лучшею надеждою видѣть отъ нихъ плодъ». По этому проекту Сенатъ требовалъ заключеніе воинской комиссіи. Интересные пункты проекта слѣдующіе:

1) 1-й пунктъ «по государственной границѣ, гдѣ надлежитъ вмѣсто Смоленской шляхты и Рославльскаго шквадрона также изъ малороссійскихъ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ, которыми и до нынѣ форпосты содержатся (этимъ и опредѣляется способъ охраненія границы до 1755 года) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ большая надобность, и предопасность отъ которыхъ сосѣдей состоитъ, ежели опредѣлено будетъ содержать драгунскими и пѣхотными полками, то и за надобное признается на каждомъ форпостѣ не менѣе 5-ти человѣкъ при одномъ унтеръ-офицерѣ, капралѣ или ефрейторѣ, смѣняя оныхъ съ форпоста на форпостъ сколько возможно чаще, по той причинѣ, что когда на одномъ форпостѣ драгунъ или унтеръ-офицеръ, стоя долговременно и обознавшись съ обывателями, можетъ легко по знакомству, а паче черезъ лакомство склониться къ пропуску бѣглыхъ или съ неявленными товарами купцовъ... ибо въ томъ сумнѣнія нѣтъ, чтобъ безъ предводителей (изъ мѣстныхъ жителей) какой либо купецъ отважился товары провозить».

2) 2-й пунктъ опредѣлялъ по границѣ «дистанціи» отъ 25-ти—до 30-ти верстъ «по которой всякій день неотмѣнно долженъ офицеръ (токмо не всегда въ одни часы) осмотрѣть въ его дистанціи состоящіе форпосты, имѣя при себѣ команды отъ 15—20-ти человѣкъ»; сообразно чему и

раздѣлить полкъ на четыре раіона, указывая, «чтобы надъ тѣми полками на границахъ безпремѣннымъ персонамъ быть изъ генералитета», которымъ «прилично поручить смотрѣніе и надъ директорами пограничныхъ таможень»,

и 10-й пунктъ «Рославльскій шквадронъ растасовать... въ драгунскіе полки».

По всѣмъ этимъ «пунктамъ» сенатъ, 1-го февраля 1755 г., требовалъ заключеніе комиссіи; но въ принципѣ, однако, согласился на разброску драгунъ по границѣ, требуя только «гдѣ и на какой дистанціи къ учрежденію тѣхъ форпостовъ большая надобность и отъ сосѣдей предопасность состоитъ, и на оныхъ по означеннымъ предложеніямъ сколько драгунскихъ полковъ расположить»...«кого назначить изъ генераловъ». Отвѣтъ комиссіи неизвѣстенъ. 6-го августа 1755 г. былъ доставленъ подробный планъ пограничнаго пространства, а зимою 1755—56 гг. (таблица 9, примѣч. 36-е) 4-ре полка (и именно тѣ, которые вошли въ составъ дѣйствующей арміи) были уже на форпостахъ. Комиссія признала подобное разбрасываньe полковъ безусловно вреднымъ и проектировала (10-го октября 1755 года) для форпостной службы особые губернскіе драгунскіе полки (пун. 14-й, прим. 72-е). Но послѣднее не состоялось. Къ слову замѣтимъ, что всетаки форпосты не могли предупредить побѣговъ, и Румянцевъ 4-го марта 1757 г. доносилъ Апраксину, что въ пограничныхъ раіонахъ была масса бѣглыхъ крестьянъ. Апраксинъ приказалъ требовать отъ мѣстныхъ литовскихъ властей только бѣглыхъ солдатъ, а о крестьянахъ не заботиться: «о приведеніи въ добрый порядокъ кираспрскихъ полковъ,—вотъ что наикрѣпчайше подтверждается вашему сіятельству». (Дѣла Воен.-учен. Арх. № 227).

74. М. О. Арх. Главн. штаба; опись 121, связка 10-я.

75. Тамъ же; опись 47, № $^{139}/_{142}$. Секретнѣйшій экстрактъ изъ протокола.

76. Изъ инструкціи Румянцева начальнику авангарда, полковнику Зорничу, отъ 29-го декабря 1757 г. при началѣ зимняго похода въ Пруссію (дѣла В. Уч. Арх., № 226).

Зорничъ долженъ былъ «маршировать безъ всякой остановки и медлительности черезъ Тавроги въ Пруссію...» съ особыми командами отъ гусарскихъ и Чугуевскаго казачьяго полковъ «и для лучшаго подкрѣпленія, или засѣвшаго непріятеля, гдѣ въ жильѣ, изгнанія,—одинъ эскадронъ конныхъ гренадеръ» былъ назначенъ. Послѣднимъ предписывалось держаться позади легкой кавалеріи. «Буде же, паче чаянія, хотя найдете (Зорничъ), что непріятель гдѣ-бъ похотѣлъ сдѣлать сопротивленіе и въ превосходящей весьма силѣ, то все употребить къ его сокрушенію и атаковать, конечно, взявъ къ тому наполезнѣйшія мѣры, чего однако и быть неуповательно: но въ разсужденіе, что только одинъ видъ гусаръ или пѣхоты имѣющіе новонавербованные мужики тамъ найдутся (регулярныхъ войскъ встрѣтить не ожидалось), о чемъ командѣ своей къ лучшему поощренію толковать, сколько часто возможно. А какъ таковые,—въ искусствѣ и храбрости недостатокъ имущіе,—станутъ разными образами себѣ способствовать, яко то за строеніями и заборами укрываясь вредить,—то для изгнанія употреблять гренадеръ, спѣшить и приказать имъ по нѣсколько гранатъ за таковыя защищенія бросить, кои въ тѣхъ случаяхъ вредъ несравнительно больший, чѣмъ въ открытомъ мѣстѣ, наводятъ. *Въ открытыхъ же мѣстахъ гранатъ не бросать.* Тотъ же образъ можете взаимно употреблять къ защищенію, если и на васъ учинено было нападеніе съ превосходящею силою, *и чтобы конно удержать оную возможности не было*».

77. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 13.

78. Дабы не возвращаться впослѣдствіи къ важному документу для характеристики первыхъ мѣръ по сосредоточенію войскъ, остановимся теперь на распоряженіи Военной Колле-

гіи отъ 19-го апрѣля 1756 г., изложеніемъ въ «Резолюціи» (Коллегіи) *) на секретнѣйшій экстрактъ изъ протокола Конференціи отъ 4-го и 6-го апрѣля 1756 г. **).

1) «Не позже половины сего мая 1756 г.» было приказано сосредоточить полки на Двинѣ и по границѣ, отъ Смоленска до Чернигова, въ томъ порядкѣ, какъ указано въ таблицѣ № 9. (Особо въ концѣ приложеній).

2) Войска дѣйствующей арміи, «до особаго указа», «поручить въ команду графа П. П. Шувалова».

3) Генералъ-провіантмейстеру, кромѣ заготовленія провіанта, было поручено: содѣйствовать кавалеріи при покупкѣ лошадей.

4) Комиссаріату было предписано снабдить войска новымъ обмундированіемъ, «безъ потери малѣйшаго времени, не взирая, при непригодности вещей, на недослуженіе сроковъ, подъ тяжкимъ отвѣтомъ неотложно».

5) Ускорить смѣну кавалерійскихъ частей съ форпостовъ частями 6-го корпуса, смѣнивъ, между прочими, Казанскій кирасирскій, Каргопольскій и Рижскій конно-гренадерскіе—Псковскимъ, Имбургскимъ и Новгородскимъ драгунскими.

6) 4-й и 5-й корпуса (кромѣ 3-хъ полковъ, предназначенныхъ для перевозки водою въ Ригу), по усиленію ихъ «нѣкоторымъ числомъ изъ казацкихъ войскъ» расположить такъ, чтобъ сей послѣдній корпусъ не токмо резервомъ, но и къ тому служить могъ, чтобъ безпрепятственную коммуникацію содержать съ отправленнымъ въ дѣйствительный походъ главнымъ корпусомъ, и тому корпусу, по даваемымъ впередъ наставленіямъ, вспомоществовать, который вышесказаннымъ образомъ для какой либо экспедиціи на галерахъ посланъ былъ бы» (т. е. для десантной операціи).

---

*) М. О. Арх. Главнаго штаба: опись 47. № $^{139}/_{172}$.

**) Архивъ князя Воронцова; томъ III, стр. 397.

7) Во всѣхъ пунктахъ, назначенныхъ для расположенія войскъ, по распоряженію генералъ-провіантмейстера, заготовить провіанта на четыре мѣсяца.

8) Канцеляріи Главной артиллеріи и фортификаціи:

а) Привести въ готовность полевую артиллерію, при которой приказано состоять подполковнику Внукову, и «принять начальство надъ полевою артиллеріею, отъ бывшаго въ Ригѣ при складахъ маіора Висмута».

б) «Особливо же въ тѣхъ полкахъ (назначенныхъ въ походъ) прибавочной артиллеріи принять въ самой скорости».

в) «Армейскій (полевой) магазинъ» (т. е. паркъ) приготовить «на половинное число (штата) при арміи, и на половинное же число—при Рижскихъ магазинахъ».

г) Приготовить осадный паркъ и сообщить въ Военную Коллегію, какъ великъ будетъ грузъ для заготовленія судовъ къ перевозкѣ этого груза въ Ригу.

д) Изготовить къ походу инженерную роту (т. е. часть инженернаго полка, бывшаго въ Петербургѣ).

9) Подтверждалось, что въ распоряженіи главнокомандующаго будетъ особый конскій запасъ въ 10,000 коней, для котораго предписывалось приготовить ген.-провіантмейстеру фуражъ въ Ригѣ. Конференція дѣйствительно признала необходимымъ имѣть конскій запасъ, но, по не вполнѣ выяснившимся причинамъ, его въ дѣйствительности не было; этотъ конскій запасъ имѣлъ, по проекту Конференціи, особое назначеніе. Въ протоколѣ Конференціи отъ 4-го и 6-го апрѣля 1756 года сказано: «кромѣ нерегулярныхъ войскъ, для арміи потребно имѣть довольное число лошадей въ запасѣ, дабы оными, по разсмотрѣнію командующаго генералитета, не токмо случающійся при полкахъ и артиллеріи упадокъ тотчасъ дополнять, но при сказующемся случаѣ и къ тому пользоваться, *чтобы посадить нѣкоторый корпусъ пѣхоты на*

коней, поспѣшный маршъ сдѣлать и въ такое время атаковать, когда бы онъ, непріятель, того наименьше ожидалъ, слѣдовательно причиненный ему ущербъ толь чувствительный былъ бы. Того ради велѣть Малороссійскихъ Украинскаго гетманскаго уряда казаковъ 5000, съ потребною старшиною, такимъ образомъ нарядить, чтобы оные о двукопь по первому указу въ двѣ-три недѣли, куда назначено, собраться могли...» Очень вѣроятно, что недостатокъ фуража заставилъ отказаться отъ этого, а, главное, повліяло и то обстоятельство, что отъ Малороссіи были взяты 10.000 челов. для офицерской прислуги.

10) 9-ть гарнизонныхъ полковъ Лифляндіи и Эстляндіи «имѣютъ остаться при нынѣшнихъ мѣстахъ». См. таблицу 35.

79. Арх. князя Воронцова, т. III; 398.

80. Тамъ же—513.

81. Донесеніе Апраксина на инструкцію отъ 5-го октября 1756 г. (В. У. Арх., № 224).

82. В. Уч. Арх., № 227.

83. Предписаніе Апраксина ген.-провіантмейстеру князю Волконскому. В. Уч. Арх., № 227.

84. Тамъ же.

85. —

86. —

87. Тамъ же, № 226.

88. Бантышъ-Каменскій (Біографія россійскихъ генералиссимусовъ...) и князь Голицынъ (Всеобщая воен. исторія, часть III) связываютъ вопросъ объ устройствѣ нашей конницы въ Семилѣтнюю войну съ именемъ знаменитаго фельдмаршала Румянцева. Съ перваго взгляда, при видѣ поразительнаго разстройства нашей регулярной кавалеріи, какъ то страннымъ кажется: неужели столь талантливый полководецъ не могъ поставить нашу конницу на маломальски

соотвѣтственную степень? Факты, дѣйствительно, показываютъ, что и Румянцевъ мало сдѣлалъ. Причины этому заключаются во-первыхъ въ томъ, что къ устройству конницы Румянцевъ былъ привлеченъ поздно; во-вторыхъ, нѣсколько разъ его отрывали отъ дѣла; и въ-третьихъ, да и главное, - что могъ сдѣлать Румянцевъ, когда въ мирное время былъ рядъ крупнѣйшихъ ошибокъ противъ основныхъ административныхъ свойствъ конницы. Прежде всего посмотримъ, гдѣ былъ Румянцевъ до открытія похода. Съ начала 1756 г., при первомъ распредѣленіи войскъ по корпусамъ, графъ Петръ Александровичъ былъ назначенъ «для сочиненія гренадерскихъ полковъ»: 9-го января 1757 г. Апраксинъ назначилъ Румянцева командиромъ кавалерійскаго отряда, и 19-го января Румянцевъ отдалъ первый приказъ по войскамъ своего корпуса (В. У. Арх., 226 и 227). 25 января Румянцевъ выѣхалъ къ корпусу, и 30-го января отдалъ первыя распоряженія. 25-го же апрѣля полки подъ его командою выступили въ походъ въ Польшу. Вообще Румянцевъ командовалъ кавалеріею съ февраля до іюля 1757 г., когда принялъ пѣхотную бригаду (1-й Гренадерскій, Петербургскій и Воронежскій мушкетерскій), командовалъ ею до 1-го декабря 1757 г.; когда опять получилъ кавалерійскій отрядъ, съ которымъ сдѣлалъ кампанію 1758 г.

Изъ изложеннаго видно, что дѣятельность Румянцева, какъ организатора конницы, можетъ быть разсматриваема главнымъ образомъ съ 1-го февраля по 25 апрѣля 1757 г., т. е. не болѣе $2^1/_2$ мѣсяцевъ.

Одновременно съ назначеніемъ Румянцева (9-го января) ему сообщалось, что частямъ 2-го корпуса приказано было сосредоточиться: Кіевскому изъ Пскова, Новотроицкому изъ В. Лукъ, Казанскому изъ Торопца, гусарскимъ полкамъ изъ Эстляндіи —въ Польскую Лифляндію, на линіи отъ Крейцбурга на Динабургъ къ Краславкѣ. Продовольствіе въ Польской Лифляндіи было заготовлено Штофельномъ на три

мѣсяца. Кирасирскіе полки были подъ командою г.-м. Пальменбаха. « Вашему сіятельству (сказано въ предписаніи Апраксина отъ 9-го января), яко отсутственнымъ (т. е. отдѣльнымъ) корпусомъ конницы команда отъ меня поручается; при чемъ извольте исполнить»:

1 и 2) пункты указываютъ на выѣздку,—на необходимость подготовить лошадей къ строю...«а чтобъ строевыя лошади, которыя нынѣ въ полкахъ отъ большей части всѣ новыя, вмѣсто обыкновенной пугливости къ огню скорѣе пріучены и къ военнымъ случаямъ толь способныя были, то на сіе употребите по $^1/_2$ ф. пороху на лошадь» и «привести, чтобы всѣ во всякое воинское дѣйствіе съ пользою употреблены быть могли».

3) -опредѣляетъ, что заготовка довольствія на Двинѣ возложена на Штофельна.

4) —предписывалъ Румянцеву заготовить мосты на Двинѣ.

5)—предписываетъ имѣть мостовыя «принадлежности въ каждомъ полку», «чтобы оныя во всякое время полкамъ при маршѣ въ свою пользу употребить было можно».

✓ 6)—обязывалъ: «калмыковъ, находящихся при Донскомъ войскѣ, отправить въ Курляндію, а Донскимъ казакамъ занять форпосты».

7)—объявить мѣстнымъ жителямъ, что «помощь идетъ королю польскому, и, обязательно, за все взятое будутъ платить деньгами».

8)—строжайше соблюдать дисциплину.

Въ заключеніе предписанія указывалось, что Румянцевъ поступалъ подъ команду Лопухина.

Съ Румянцева снята была даже обязанность озаботиться о размѣщеніи корпуса по квартирамъ, такъ какъ 14-го января ему было сообщено квартирное росписаніе, составленное Штофельномъ.

Изъ этого предписанія видно, что Румянцевъ явился къ своему корпусу, какъ строевой начальникъ къ части совер-

шенно готовой къ походу, къ корпусу, который уже стягивался съ широкихъ квартиръ на тѣсныя, внѣ предѣловъ имперіи, ожидая, со дня на день, открытія дѣйствій. Всѣ хозяйственные и организаціонные вопросы были уже рѣшены до Румянцева.

Въ двухъ первыхъ распоряженіяхъ (отъ 30 января и 4 февраля) Румянцевъ отдалъ, соотвѣтственно предписанію Апраксина, — свои приказанія о содержаніи «крѣпкой дисциплины», о заготовкѣ мостовыхъ принадлежностей и т. д. «За непроѣздимою отъ метелей дорогою» 1-го февраля Румянцевъ достигъ и остановился въ Якобштатѣ, куда одновременно прибылъ Грузинскій гусарскій полкъ, которому Румянцевъ произвелъ смотръ.

До 19-го февраля Румянцевъ еще не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о состояніи войскъ своего корпуса: «команды вашей (пишетъ онъ Пальменбаху 19-го февр.) въ кирасирскіе полки изъ всѣхъ ли мѣстъ ассигнованныя и покупныя лошади приведены и чего для нѣтъ?»; «готовы ли понтонные мосты?»; прибыли ли всѣ рекруты: готова ли мундирная одежда, и т. п. Подтверждалося о неуклонномъ обученіи «экзерциціи и содержаніи въ исправности лошадей». Только 21-го февраля Румянцевъ началъ получать кое какія свѣдѣнія о недостаткѣ конскаго состава въ полкахъ, и по этому поводу немедленно же донесъ Лопухину.

Корпусъ Румянцева началъ сосредоточиваться не ранѣе половины февраля, и несомнѣнно слѣдуетъ, что Румянцевъ, переѣхавъ въ Кройцбургъ, энергично принялся за обученіе конницы.

Мѣры Румянцева для подготовки конницы заключались въ слѣдующемъ:

1) Прежній конскій составъ былъ оставленъ въ полкахъ впредь до окончательнаго привода ремонта. Хотя старыя лошади и не были годны къ походу, но онѣ служили для обу-

ченія нижнихъ чиновъ ѣздѣ: но такъ какъ, вслѣдствіе этого, при каждомъ изъ кираспрскихъ полковъ къ 14-му марта вмѣсто 859 лошад. было до 1000, то Апраксинъ запретилъ имѣть сверхштатныхъ лошадей.

2) Всѣхъ лучшихъ лошадей, изъ только что прибывшаго Воронежскаго гарнизоннаго драгунскаго, (назначеннаго на форпосты) Румянцевъ взялъ въ кираспрскіе полки.

3) Настоялъ на увеличеніи фуражной дачи. Вмѣсто овса было приказано въ продолженіе половины мѣсяца выдавать по уменьшенной дачѣ ячменю. Но такъ какъ лошади и прежде были обезсилены отъ похода, «да и нынѣ непрестанно въ движеніи и употребляются въ экзерциціи», то просилъ «на половину мѣсяца ячменю безъ убавки противу овса отпустить». Что и было разрѣшено.

4) Къ 4-му апрѣля конскій составъ (приводомъ изъ Москвы. Пскова и Смоленска, а также покупкою) успѣлъ обновиться до большей половины своего состава. Обмундированіе было неоднообразно (частью драгунское, а часть новой, кираспрской. формы). Къ 15-му апрѣля кирасиры большею частью получили новые палаши и сѣдла. Мостовыя принадлежности также были заготовлены.

5) Наконецъ. было обращено усиленное вниманіе на тактическую подготовку въ духѣ требованія новаго устава. изданія 1755 г.

Изъ смотровъ Румянцева и изъ ордеровъ, данныхъ командирамъ Грузинскаго гусарскаго и Новотроицкаго кираспрскаго полковъ, видимо, что главнѣйшія его требованія клонились къ тому, чтобы развить быстроту движенія, сомкнутость, силу удара холоднымъ оружіемъ и умѣнье во время спѣшиться.

Изъ ордера Румянцева полков. Амплохварову (командиру Грузинскаго полка) видно, что онъ полкъ нашелъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. «По довольному примѣчанію

съ удивленіемъ видѣть принужденъ былъ, какимъ образомъ оный полкъ не только въ движеніяхъ шквадронами и взводами превеликую конфузію производитъ, но и въ построеніи фронта большая часть офицеровъ и унтеръ-офицеровъ мѣстъ своихъ не знали. и оттого всѣ полковыя, шквадронныя и взводныя раздѣленія въ ничто обращены». Румянцевъ далъ Амплохварову отъ себя правила («по данный вамъ отъ меня учрежденіямъ къ кавалеріи принадлежащимъ») и требовалъ обратить особое вниманіе на сомкнутость: «сколько возможно сомкнуто ѣхали бы. а особливо при атакѣ, что всего за нужнѣе и способнѣе къ нападенію цѣлымъ шквадрономъ признается; къ чему весьма нужно, чтобы всякій гусаръ въ своемъ конскомъ уборѣ настоящій размѣръ зналъ, въ особливости въ стременахъ,—чтобъ цѣлая четверть аршина между нимъ и сѣдломъ была. А какъ такой легкой кавалеріи какъ гусары случается, по большей части, на непріятеля нападать въ ущельяхъ. долинахъ и перелѣскахъ, то въ такомъ случаѣ всякому гусару весьма нужно знать употреблять свои пистолеты съ пользою...» и для практики приказалъ «цѣлью стрѣлять». (Слѣдовательно, въ то время, когда въ Зап. Европѣ не было цѣльной стрѣльбы, у насъ это требовалось даже отъ конницы). Приказывая разучивать новый кавалерійскій уставъ, «пѣшую экзерцицію оставить на прежнемъ основаніи, только изъ новаго описанія учить стрѣльбѣ по рядамъ, которую гусарскимъ полкамъ съ пользою, иногда засѣвши за закрытія, употреблять можно». Ордеръ заключается приказомъ: «толь больше всего вооруженію и амуничнымъ вещамъ быть въ исправности».

Въ мартѣ мѣсяцѣ Румянцевъ снова осмотрѣлъ какъ Грузинскій, такъ и вновь прибывшій Молдавскій гусарскій полки, и не видя надлежащаго успѣха въ обученіи, приказалъ премьеръ-маіору Полю обучить изъ каждаго полка по сборному эскадрону. «Гусарскіе оба полка команды моей (сказано въ

ордерѣ Полю) требуютъ показанія эволюцій конныхъ новаго учрежденія; къ чему ваше высокоблагородіе за столь способнѣйшаго командира рекомендую. Съ обоихъ полковъ по одному полному эскадрону, истребовавъ построеніе и раздѣленіе онаго на взводы (учить), и по 4-ре, и мѣста по чинамъ офицеровъ; а потомъ маршировать повзводно и въ маршѣ строенія шквадроновъ по-шквадронно, и построеніе изъ того взводовъ и по четыре; обороты направо и налѣво по четыре, повзводно или поэскадронно, а также съ мѣста разъѣзжаніе, оборонительный маршъ и ретирады, вздваиваніе эскадронами и взводами и сѣданіе на коней и съ коней показывать, какъ возможно, съ изъясненіемъ и терпѣніемъ, чтобы люди, какъ иностранные и по большей части азіатскихъ народовъ, толь понятно и безъ огорченія дѣлать могли».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и отъ легкой кавалеріи (гусаръ «азіатскихъ народовъ») Румянцевъ требовалъ кромѣ главнаго (сомкнутаго дѣйствія на конѣ) умѣнья во время спѣшиться, толково употреблять огнестрѣльное оружіе, какъ съ коня (пистолетный), такъ и бѣглый огонь (пальбу рядами), «засѣвши за закрытіемъ».

Къ 16-му апрѣля Румянцевъ окончилъ послѣдніе смотры всѣхъ полковъ и, (донося Апраксину), категорически заявилъ объ удовлетворительномъ состояніи только одного Кіевскаго кирасирскаго полка.

25-го апрѣля въ рапортѣ къ Апраксину сказано о результатахъ смотра Кіевскаго и Новотроицкаго кирасирскихъ полковъ: «вашему высокопревосходительству» (доноситъ Румянцевъ) «рапортовать честь имѣю, что первый изъ нихъ (т. е. Кіевскій) въ экзерциціи конной и пѣшей, чистотѣ и опрятности, и полковомъ обозѣ, трудами неусыпными и хвалы достойными господина полковника Еропкина приведенъ въ такое состояніе, лучше котораго,—исключая нѣсколькихъ людей и лошадей,—не требуется».

Въ Новотроицкомъ же полку замѣтилъ и приказалъ обратить вниманіе на слѣдующее:

1) «Въ оборотахъ по четыре и во взводахъ, которые не только не скоро, но и съ конфузіею производились, толь чаще на основаніи конной диспозиціи обучать, въ которыхъ наивящая сила кавалерійскихъ эволюцій заключается».

2) «Стремена такъ привязывать, чтобы, когда кирасиръ привстанетъ на сѣдлѣ, ладонь бы свою могъ просунуть, разумѣя не плашмя, а большимъ пальцемъ вверхъ, и носки у сапоговъ держать къ лошадямъ, а не выворочеными».

3) «Шпаги на ольстрахъ и весьма твердо ровнять, и не въ свободной рукѣ,—выше повода».

4) «Офицерамъ по флангамъ и въ ѣздѣ будущимъ,—способнымъ быть всегда-жь по званіямъ своимъ, первымъ и примѣръ добрый (подавать); въ экзерциціи не жалѣть себя, а особливо въ главномъ, безъ всякаго страха движенія, которое развѣ отъ недовольнаго познанія искусства кавалеріи можетъ быть».

Въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ пунктахъ замѣчены недостатки обмундированія.

8) Предписано «въ конскихъ набѣгахъ по одному обучать, палашами замашки дѣлать и весьма прытко».

Даже эти, дошедшіе до насъ документы показываютъ, что Румянцевъ, не смотря на зимнее время, на походъ и на разбросанное размѣщеніе полковъ дѣло свое дѣлалъ, но половина полковъ была на старыхъ, признанныхъ негодными лошадяхъ. Новый конскій составъ прибылъ къ Румянцеву въ порядкѣ, указанномъ въ таблицѣ 11-й. (Въ концѣ приложеній).

Когда наступила пора для дѣйствія кавалеріи, Апраксинъ *вынужденъ* былъ приказать выбрать лучшихъ всадниковъ и изъ кирасирскихъ полковъ, а остальныхъ обрекъ на дѣйствіе во время боя въ пѣшемъ строю, подобно кавалеріи Лиѳена.

89. Мы это разсмотримъ при разборѣ плана кампаніи; но общее заключеніе Апраксина видно изъ переписки съ И. Шуваловымъ. (Сбор. Рус. Ист. общества, т. 9).

90. Предписаніе Ливену. Воен.-учен. арх., № 226. А.

91. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій 20-го іюля. Воен.-учен. арх. 224, С.

92. Въ іюлѣ 1757 г. (реляція № 116, дѣла Воен.-учен. арх., № 224, А.), донося императрицѣ, что большая часть лошадей приведена Ливену, —Апраксинъ пишетъ: «по яко лошади въ неспособное годовое время изъ Россіи приведены, къ тому столько изпурены, что поправиться и при дѣлѣ употребляемы быть не могутъ, тако я за пристойное призналь, выбравъ изъ оныхъ кирасирскихъ, гренадерскихъ и драгунскихъ полковъ лучшихъ лошадей, нѣсколько эскадроновъ сочинилъ, а прочихъ худокопныхъ, въ разъѣзды и отводные караулы употребить, кои при дѣлѣ,—какъ въ планѣ ордеръ-де-баталіи показаны,—пѣшими служить имѣютъ; ибо люди въ тѣхъ полкахъ весьма хороши и многіе старые солдаты между ними, однако же, *чтобъ отъ безсилія лошадей какая либо конфузія послѣдовать не могла*». Въ заключеніи Апраксинъ говоритъ: «*я понять не могу, для чего пропустивъ удобное время, въ самую распутицу лошади отправлены. Въ бытность мою въ Ригѣ неоднократно по указу Вашего Императорскаго Величества представлялъ. но всѣ мои старанія желательнаго успѣха не имѣли*».

93. Инструкція Апраксина—Сибильскому. (Дѣло Воен.-учен. архива, № 224, А). Такъ какъ эта инструкція необходима будетъ впослѣдствіи, то сдѣлаемъ всѣ нужныя выдержки теперь.

1) *Составъ отряда* ген. Сибильскаго: С.-Петербургскаго конно-гренадерскаго «выборные»; Грузинскій гусарскій полкъ, 2000 Слободскихъ казаковъ, 1000 Донскихъ казаковъ. 1000 Волжскихъ калмыковъ.

2) Ген. Сибильскій (офицеръ саксонской службы) завѣдывалъ только строевою частью конпаго отряда, но «его превосходительство (Сибильскій) оставитъ г. генералъ-поручику

Зыбину всѣ при семъ корпусѣ чинимыя диспозиціи по хозяйственной части и въ домашнихъ дѣлахъ, тако-жь всѣ другія учрежденія, коп совершеннаго знанія законовъ, уставовъ и распорядковъ имперіи особливо требуютъ; однако не разумѣется тѣмъ, что генералу (Сибильскому) во всѣ денежныя ассигнаціи на денежные расходы отказано было...» на шпіоновъ, награды и т. п. Сибильскій могъ расходовать деньги.

3) Отрядъ Сибильскаго названъ «легкій корпусъ», имѣвшій назначеніе «скоропостижнымъ нападеніемъ непріятеля во всегдашнемъ безпокойствѣ и опасеніи содержать, на отводные караулы нападать, его мосты, проходы и дороги разорять, и отсѣкать его магазины, запасы, и конвой схватывать, его фуражировъ обезпокоивать и опаснымъ чинить и, однимъ словомъ сказать, повсюду съ крайнимъ поспѣшеніемъ ѣхать и непріятелю всевозможный убытокъ и ущербъ причинять...» Болѣе подробнаго наставленія инструкція не указывала, «*ибо все то по обстоятельствамъ, положенію земли и движенію непріятеля бываетъ*».

4) 20—31 іюля предписывалось изъ Гродно «къ Олецко подвинуться и свой маршъ чрезъ Гольдапъ и Даркеменъ къ Гердауену и Фридланду простирать; толь наипаче», что при этомъ положеніи Сибильскій, въ случаѣ надобности, могъ быть притянутъ къ арміи, «которая маршъ свой будетъ имѣть черезъ Сталупенъ Ипстербургъ прямо къ Кенигсбергу», «такъ что можетъ присоединиться или въ нужномъ случаѣ оной подкрѣпленіемъ быть»; на него же возлагалось обезпеченіе лѣваго фланга арміи «и напередъ свѣдать, какія мѣры принимать сталъ бы», а главное—«въ безпрестанный страхъ приводить, по и сколько возможно раздѣлиться принуждать».

5) Если непріятель начнетъ отступленіе изъ Пруссіи, то генералъ Сибильскій долженъ былъ «безпрестанно атаковать и его въ оном маршѣ сколько возможно обезпокоивать и

всевозможное препятствіе чинить разбрасываніемъ и сожженіемъ мостовъ, порчею дорогъ... и до тѣхъ поръ задерживать, пока главная армія успѣть могла къ нему подойти и его побить». Въ раіонъ дѣйствія отрядовъ, отдѣленныхъ отъ Сибильскаго, —входили мосты на Вислѣ: «но и черезъ р. Вислу недопустить сожженіемъ мостовъ и плотовъ при Маріенвердерѣ, и Тарунѣ, и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ оныя переправы не находились бы». «Г. генералу всѣ свои движенія такимъ образомъ учредить, дабы онъ и съ главною арміею всегда сообщенія имѣлъ».

6) пунктъ указывалъ на общее распоряженіе по довольствію.

7) пунктъ—о поддержаніи дисциплины. 8-й пунктъ—о шпіонахъ. 9-й пунктъ подтверждалъ о соглашеніяхъ съ генераломъ Зыбинымъ и, наконецъ, 10-й пунктъ предписывалъ при магазинѣ въ Гродно оставить команду худокопныхъ: 50 кон.-гренадеръ, 100 казаковъ и 100 слободжанъ подъ начальствомъ маіора Гревса.

94. Изъ рапорта Румянцева Апраксину отъ 29-го іюня, № 636, видно, что къ этому числу въ Пуняхъ у Румянцева было въ кирасирскихъ полкахъ (въ выборныхъ эскадронахъ отъ каждаго полка) Кіевскомъ, Новотроицкомъ и Казанскомъ по 356 чел.; всего 1068. Изъ рапорта же № 601 отъ 19-го іюня видно, что всѣ остальные чины были отправлены въ Ковно. (Воен.-учен. архива, № 226).

95. Донесеніе Апраксина Конференціи отъ 22-го сентября. (Воен.-учен. архива, № 224, А).

96. Тамъ же, № 227. Инструкція Румянцеву № 1407 отъ 15-го февраля 1758 г. и рескриптъ Конференціи Фермору отъ 31-го января 1758 г.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ генер. Ферморомъ въ Военную Коллегію, составлена «вѣдомость», препровожденная изъ Конференціи обратно генералу Фермору, для

исполненія переформированія, при рескриптѣ отъ 31-го января 1758 г. Переформированіе Ферморъ поручилъ Румянцеву. (См. таблицу 12-ю).

Таблица № 12

Названіе полковъ.	«Однихъ рядовыхъ»,			Пункты квартированія полковъ зимою 1757—1758 гг. и передвиженіе зимою 1758 года, указанные въ той же переписѣ.
	«Сколько по списку въ кавалерійскихъ полкахъ состоитъ».	«Сколько въ трехъ эскадронахъ въ каждомъ полку быть надлежитъ».	«Сколько подлежитъ укомплектованію пѣхоты и подлежитъ отправкѣ въ Россію».	
Конно-гренадерскіе:				
С.-Петербургскій .	551	По 414 отъ каждаго	137	Около Столбцовъ.
Рижскій	661		197	
Кіргопольскій . .	632		218	
Нарвскій	596		182	
Рязанскій. . . .	573		159	
	3013	2070	893	
Драгунскіе:				
Тобольскій . . .	637	По 414 отъ полка.	223	Около Столбцовъ.
Нижегородскій . .	650		236	
Архангелогородскій .	616		202	
Тверской.	481		67	
	2384	1656	728	
Всего. .	5397	3726	1621	

Примѣчаніе: «Кирасирскій Его Императорскаго Высочества и 3-й кирасирскій, 17-го февраля (т. е. 1758 года) въ Ковно прибудутъ подъ командою полковника Гаугревена». Кіевскій, Новотроицкій и Казанскій кирасирскіе показаны въ слѣдованіи «изъ Вилькоміржа на Шкоруль, Олиту и Олецко, подъ командою генералъ-маіора Шиллинга».

97. Изъ рапорта Бутурлина (М. О. Арх. Глав. штаба; опись 47, № $^{146}/_{142}$) отъ 31-го января 1758 г. видно, что отъ драгунскихъ полковъ, бывшихъ въ Украйнѣ, отправлено было 3700 лошадей и 1110 драгунъ.

98. Изъ вѣдомости № 2, приложенной къ рапорту Фермора въ Военную Коллегію, отъ 2-го іюня 1758 г. (М. О. Арх. Глав. штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$) всего кавалеріи было: кирасиръ (собственно строевыхъ) 3969, конно-грена-

деръ 1899, драгунъ 940 челов. Всего 6808 сабель. Если же къ этому числу добавить три выборные эскадрона отъ Тверскаго драгунскаго полка, бывшаго въ особомъ отрядѣ г.-м. Рязанова (302), то вообще въ строю было не болѣе 7000 сабель. Въ сраженіи же при Цорндорфѣ было всего около 3000 сабель.

99. «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ императора Петра Великаго и императрицы Елизаветы».

100. Воен.-учен. арх. № 226.

101. Графъ П. И. Шуваловъ 13-го августа 1757 г. доносилъ, что часть латъ и палашей на подводахъ отправлена въ Ригу 12-го іюля 1757 г. (М. О. Арх. Глав. штаба; опись № 47, № $^{138}/_{141}$); когда же латы могли прибыть къ арміи?

102. На это прямо указываетъ Воронцовъ въ своей запискѣ (Архивъ кн. Воронцова, томъ X.) Кромѣ того въ Военномъ журналѣ 1853 г., № III, страница 134, есть донесеніе графа Румянцева Екатеринѣ II «послѣ первой турецкой войны». Въ этомъ донесеніи, по поводу необходимыхъ преобразованій въ арміи, относительно значенія кавалеріи вообще, и въ особенности кирасиръ, въ послѣднюю «нѣмецкую» войну, Румянцевъ опредѣленно высказывается. «Что до кавалеріи, то иныя арміи, познавшія сколь удобнѣе для службы вообще, а въ вооруженіи и содержаніи дешевле, легкій воинъ, пересадили большую часть своей кавалеріи на легкихъ лошадей. Мы, проводя войну противъ нѣмецкой кавалеріи на самыхъ малыхъ русскихъ лошадкахъ и употребляя, сказать прямо, противъ нихъ однихъ казаковъ, подражать взялись тому, что другіе оставили, и къ отягощенію службы и великому казнѣ убытку, почти всю свою кавалерію на тяжелыхъ лошадей и съ тяжелой и дорогой амуниціей посадили. И сколь мало имѣетъ оная способности дѣйствовать противъ настоящаго непріятеля, въ прошедшую кампанію

явными опытами доказалось: кромѣ того, что оная не можетъ употребляема быть такъ какъ легкая въ обыкновенную службу, обременяетъ она несказанно и командира подвозкою сухого корма, безъ котораго она вовсе и быть не можетъ».

Если же мы примемъ въ соображеніе мнѣніе, высказанное генералитетомъ въ 1742 году (см. примѣчаніе 77-е), то сдѣлается совершенно понятнымъ, насколько наши генералы всегда опредѣленно сознавали безполезность тяжелой конницы.

103. Изъ донесенія Румянцева Лопухину отъ 7-го апрѣля 1757 года *) видно слѣдующее: ...«Кіевскаго кираспрскаго полка полковникъ Еропкинъ ко мнѣ представилъ, что на состоящихъ при оном̀ артиллерійскихъ служителей... мундиръ и обувь главная артиллерійская и фортификаціонная контора отпускать отказала, для того, что оной въ полкахъ (кираспрскихъ) быть не положено, а отданному, минувшаго января отъ 23-го, генеральному приказу (то есть по арміи) опую на такомъ же основаніи, какъ и прежде было—содержать, впредь до присылки приказа». Отвѣтъ на это намъ неизвѣстенъ, но въ вѣдомостяхъ, доставленныхъ Фермору къ 12-му апрѣля 1758 года, и въ суточномъ рапортѣ его 31-го августа того года **), вездѣ показаны при кираспрскихъ полкахъ артиллерійскіе служителя и артиллерійскія лошади.

104. Вообще уставы строевой и полевой службы,—служившіе руководствомъ при обученіи войскъ, до начала военныхъ дѣйствій разсматриваемой кампаніи,—надо признать однимъ изъ главныхъ пособій для изученія строя и образа дѣйствія войскъ въ бою въ эту войну. Правильное и вполнѣ сознательное воспроизведеніе военно-историческихъ фактовъ и критическая оцѣнка ихъ возможны, между прочимъ, лишь послѣ тщательнаго изученія уставовъ, инструкцій и другихъ

*) Дѣла воен.-учен. архива, № 226.

**) М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$.

главнѣйшихъ законоположеній, вліявшихъ на строевое образованіе и воспитаніе войскъ.

Исходя изъ этого основного положенія, мы прежде всего полагали необходимымъ выяснить главные вопросы строевого образованія и воспитанія русскихъ войскъ въ первой половинѣ 18-го столѣтія; но, при всемъ желаніи (за неимѣніемъ данныхъ), должны были оставить многіе важные по сему пробѣлы въ первомъ нашемъ трудѣ («Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Петра I и Елизаветы»). Такъ, напримѣръ, мы вынуждены были отказаться отъ разсмотрѣнія строевыхъ уставовъ пѣхоты съ 1725—1756 гг., а о строѣ нашей конницы не могли составить себѣ понятіе до 1755 г., зная при этомъ, что очень многіе изъ полковъ нашей конницы не успѣли разучить устава 1755 г., передъ началомъ Семилѣтней войны. При этихъ условіяхъ строй нашей конницы того времени намъ былъ почти неизвѣстенъ, вслѣдствіе чего часто многіе изъ фактовъ были для насъ не ясными. Это послѣднее вынудило снова настойчиво искать главнаго пособія—строевыхъ уставовъ нашей конницы, бывшихъ до 1755 года.

Въ Московскомъ отдѣленіи архива Главнаго штаба (опись 121, связка 31), намъ удалось наконецъ найти документы (опись ихъ въ приложеніи 6-мъ), которые дали данныя выяснить замѣченные выше пропуски въ первомъ нашемъ трудѣ.

Не имѣя возможности въ настоящемъ случаѣ останавливаться подробно на характеристикѣ строя русской пѣхоты и конницы съ 1725—1756 гг., мы ограничимся: а) подробнымъ перечнемъ, относящихся къ этому вопросу, документовъ (см. прилож. 6-е), съ нѣкоторыми пояснительными выписками изъ нихъ; б) напечатаніемъ правилъ для построенія рогатокъ и о «мѣрномъ шагѣ» по инструкціи П. Шувалова; в) напечатаніемъ перваго устава драгунъ, служившаго руководствомъ въ первые года царствованія Петра I (до 1706 г.);

г) устава кирасирскаго Его Высочества полка (Петра III), и наконецъ д) краткимъ очеркомъ развитія уставовъ строевой службы пѣхоты и конницы русской арміи въ первой половинѣ 18-го столѣтія до Екатерины II.

Этотъ общій выводъ заключается въ слѣдующемъ:

Пѣхота русской арміи съ 1731 г. *) обучалась по особому уставу (названному въ арміи «Прусская экзерциція»; № 4, прилож. 6-е), который былъ введенъ Минихомъ, вмѣсто экзерциціи Устава Воинскаго 1716 г. Этотъ послѣдній уставъ разсмотрѣнъ нами въ III главѣ: «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ...». Въ періодъ съ 1740—1746 гг. была возстановлена экзерциція Устава Воинскаго съ дополненіемъ, даннымъ фельдмаршаломъ Ласси (документы: № 3 и пун. б и в № 4, см. прилож. 6-е). Въ 1747 г. Апраксинымъ была дана дополнительная инструкція для построенія 3-хъ баталіоновъ (см. прилож. 6-е, № 6). Въ 1755 г. введенъ новый уставъ, разсмотрѣнный нами въ VIII главѣ помянутаго нашего труда. Наконецъ, въ 1762 году, по приказанію Петра III, былъ напечатанъ новый уставъ, который, однако, кажется и не успѣли разослать въ полки, какъ послѣдовала отмѣна этого устава Екатериною II.

Драгуны временъ Петра I до 1706 года руководствовались уставомъ, озаглавленнымъ: «Краткое положеніе съ нужнѣйшими объявленіями при обученіи (коннаго) драгунскаго строя, како при томъ поступати и во осмотрѣніи имѣти господамъ вышнимъ офицерамъ и прочимъ начальнымъ и урядникамъ и обучити устройствамъ, какъ послѣдуетъ». (Рукопись Румянцевскаго музея по каталогу Востокова, № 366, стр. 107). Уставъ этотъ былъ не только первымъ, но и единственнымъ при Петрѣ I-мъ. Только въ 1723 году Петръ I предписалъ генералу князю Голицыну «учить (драгунъ) нераздѣльными шеренгами и прислать *сочиненному ученію артикулъ*».

*) До 1731 г. См. III и V главы «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ...».

Тогда же повелѣно «генералу Бону сказать, чтобы *далъ на письмѣ обученіе драгунъ* оборотами, какъ обыкновенно въ цесарскомъ войскѣ»; одновременно съ тѣмъ же и генералу Леверну приказано «*экзерцицію конную написать*». (Полн. Собр. Зак., № 4229).

Изъ этого очевидно, что великій преобразователь нашей арміи приказалъ лишь собрать матеріалы для устава, но они не были однако собраны до 1730 г. (П. С. З., № 5571). Въ 1731 году наконецъ составленъ уставъ для кирасиръ, который и принятъ былъ всею регулярною конницею (съ измѣненіемъ для драгунъ), замѣненный новымъ только въ 1755 году. (Смотр. документы №№ 1, 2, 5, 7, 8, 10, 11 и 12 приложенія 6-го).

«Краткому положенію... для обученія драгунскому строю» предпосылается особое введеніе, непредставляющее особаго интереса; а потому мы ограничимся лишь выдержками изъ него, гдѣ опредѣляются обязанности полкового адъютанта, сержанта и другихъ чиновъ.

Обязанность полкового адъютанта изложена такъ:

«Надлежитъ ему весь полкъ объѣхать и того смотрѣть, чтобы всякое дѣло, которое принадлежитъ, порядочно шло; при томъ, отъ полковника полковыя дѣла, всякій приказъ капитанамъ и прочимъ начальнымъ—сказывать повиненъ, черезъ ихъ сержантовъ, у слова», т. е. при паролѣ. Въ пѣхотѣ, по положенію Устава 1716 года *), напротивъ, полковой адъютантъ былъ только помощникомъ премьеръ-маіора; въ драгунскомъ же полку, какъ мы видимъ, полк. адъютантъ есть непосредственный исполнитель приказаній полкового командира. Затѣмъ обязанности остальныхъ, помянутыхъ выше чиновъ, особо не отличаются отъ тѣхъ же въ пѣхотѣ.

Сержанты были старшими изъ нижнихъ чиновъ; во фронтѣ они слѣдовали съ обнаженными саблями, а не ружьями, (какъ всѣ остальные) подлѣ капраловъ.

---

*) См. выноску на стр. 147.

Единственно, что можно отмѣтить, какъ отличіе кавалерійскихъ сержантовъ отъ пѣхотныхъ, это право предоставленное первымъ «учить капральство и роту съ вѣдома своихъ начальниковъ», что офиціально пѣхотный уставъ не разрѣшалъ *).

Каптенармусъ, исправляя въ строю обязанности унтеръ-офицера, во время боя, былъ при «своей телѣгѣ багажа съ порохомъ—неотлучно».

Подпрапорщикъ въ походѣ носилъ знамя, а во время боя оно было въ рукахъ самого прапорщика, т. е. тоже самое, что и въ пѣхотѣ.

Роль квартирмейстера указана, какъ чина «въ строю быть нужды не имущій», но обязанный заботиться о квартирахъ и бивакахъ, «дабы мѣсто было къ водамъ и корму пожиточное, при томъ долженъ хлѣбъ и подводы принять». Указаны также обязанности писарей—полкового и ротнаго по перепискѣ. Писаря были причислены къ числу строевыхъ нижнихъ чиновъ; при чемъ въ походѣ имъ вмѣнялось въ обязанность быть за своими командирами.

Вотъ и все, что находится по очерку строевыхъ обязанностей чиновъ въ «Краткомъ описаніи... драгунскаго строя». За этимъ введеніемъ, въ уставѣ изложены слѣдующія уставныя правила:

«При ученіи».

«Всегда надлежитъ всякое дѣло чинити въ три раза, или темпа, въ строю, на мѣстѣ и въ полѣ:

1) (7) Мушкетъ на караулъ.
2) Ступай въ коло всемъ фронтомъ направо.
3) Лѣвая заѣзжай, права окрачивай».

*) См. «Строевую и полевую службу...» главу II.

(7) Для большихъ удобствъ при ссылкахъ, лично мною принята общая нумерація всѣхъ командныхъ словъ Устава. Въ текстѣ этого нѣтъ: тамъ №№ командныхъ словъ идутъ общіе только отъ одного до другаго поясненія.

«Всегда надобно смотрѣть, когда весь полкъ оборачивается въ коло, чтобы строй былъ въ 3 шеренги, а при обращеніи надобно мушкетъ держать на караулъ, и какъ придутъ на мѣсто: спусти мушкетъ по погону.

И паки:

4) Мушкетъ на караулъ.
5) Налѣво ступай всѣ вдругъ.
6) Ступай равно и стань по прежнему.

А какъ фронтомъ выступать, какъ направо, такъ и налѣво смотрѣть, чтобы кони или ровно и люди сидѣли бодро, и пришедъ на мѣсто, спустили м. по погону.

Слушай.

7) Заряжай ружье вдругъ.
8) Мушкетъ на караулъ.
9) Сомкни шеренги и ряды.
10) Первая шеренга наклонись въ поясъ.
11) Вторая — приступи въ близость.
12) Третья — приступи и встань въ стремя.
13) Задняя шеренга пали.
14) Вторая — пали.
15) Первая — вставай и пали.
16) Отомкни шеренги и ряды.
17) Сомкни шеренги и ряды.
18) Отомкни шеренги и ряды.

А егда шеренги и ряды смыкаютъ и отмыкаютъ, тогда надобно держать мушкетъ на караулъ.

Слушай.

19) Съ половины рядовъ налѣво шеренги здвой.
20) Которые выходили направо, выступай по прежнему.
21) Съ половины рядовъ направо шеренги здвой.
22) Которые входили налѣво, выступай по прежнему».

«А егда шеренги и ряды здваивать, тогда надобно входя и выходя поворотиться на коняхъ всѣмъ вдругъ *).

А егда здваивать шеренги, тогда надобно рядъ раздѣлить на двое и егда раздѣленными будутъ, тогда надлежитъ *постоянным боемъ* учить:

Слушай.

23) 1-я шеренга пали.
24) 2-я
25) 3-я
26) 4-я } Та же команда,—т. е. пали.
27) 5-я
28) 6-я

А егда 1-я шеренга выпалитъ, тогда направо и налѣво выступать спѣшно и, выступая, заряжать ружье. И пріѣхавъ, стать назади, гдѣ стояла задняя шеренга и, пріѣхавъ, тотчасъ поднять мушкетъ на караулъ. А вторая выступаетъ на первой шеренги мѣсто. По тому же и прочія шеренги.

При ученіи.

29) Шеренга прикладывайся.
30) Пали.
31) Выступай равно вдругъ.

По сему и прочія учити даже до 6-й. Надобно смотрѣть, чтобы выступали равно. Наступнымъ боемъ,—который нужнѣйшее употребленіе ученія,—полкъ или роту учити онымъ.

Слушай.

32) 1-я шеренга взводи курки.
33) Прикладывайся.
34) Пали».

*) Въ рукописи слова «какъ всѣмъ» повторены два раза, очевидно, по ошибкѣ.

«А егда выстрѣлять, тогда стоять на мѣстѣ, стоя неподвижно и заряжать ружья тотчасъ, и поднять на караулъ, не дожидаясь словъ начальника.

35) 2-я шеренга ступай передъ первою.

А егда 2-я выступитъ передъ 1-ю шеренгу, то надлежитъ на оное мѣсто выступить 3-й шеренгѣ тотчасъ, не дожидаясь словъ начальника на то. По тому же чинить и прочимъ шеренгамъ. А егда чинится наступнымъ боемъ, тогда всякъ имѣлъ бы ружье заряжено и опасно.

При ученіи.

36) Первая шеренга выступай -разъ, другой, третій.
37) Прикладывайся.
38) Пали и заряжай ружье.

По сему же и прочимъ послѣдующимъ шеренгамъ. выступая передъ первую, чинити также.

Отводнымъ боемъ учити надлежитъ какъ всѣмъ батальономъ, также и походнымъ строемъ.

Слушай.

39) Заряжай ружье всѣ вдругъ.
40) Первая шеренга прикладывайся.
41) Пали и выступай направо и налѣво.

А егда первая шеренга выпалитъ, тогда, отступивши направо и налѣво, и стать назади, и зарядить ружье, держати мушкетъ на караулъ.

42) 2-я шеренга прикладывайся.
43) Пали.
44) Ступай направо и налѣво.

А егда которая шеренга выпалила и выступила, тогда прочія на своемъ мѣстѣ стоять неподвижно и чинити по тому же».

«Потомъ».

«Поставить полкъ въ 6-ти шеренгахъ и велѣть чрезъ роту выѣхати направо и налѣво. А егда выѣзжаютъ, тогда надобно смотрѣть, чтобы ѣхали равно и держали на караулъ.

При ученіи

45) 4-я рота выступай направо.
46) 5-я рота выступай налѣво.
47) Ступай равно и становись вдругъ.
48) 7-я рота выступай направо.
49) 2-я рота выступай налѣво.
50) Ступай ровно и становись на мѣсто.
51) 9-я рота выступай направо.
52) 10-я рота выступай налѣво.
53) Ступай ровно и становись на мѣсто.
54) 3-я рота выступай направо.
55) 6-я рота выступай налѣво.
56) Ступай ровно и становись на мѣсто.
57) 1-я рота выступай направо.
58) 8-я рота выступай налѣво.
59) Ступай ровно и становись на мѣсто.

А егда выступаетъ, тогда ѣхати ровно и всѣмъ ѣхати паки въ свои мѣста всѣмъ вдругъ.

Потомъ.

60) 1-я, 7-я, 2-я, 8-я, и 6-я налѣво ряды шеренги здвой.

61) Которые входили, выступай и становись во фрунтъ по прежнему.

62) 4-я, 10-я, 5-я, 3-я и 9-я роты направо ряды и шеренги здвой.

63) Которые входили выступай и становись во фрунтъ по прежнему.

«А егда чрезъ роту здвоить и шереиги, тогда въ строю бываетъ улица, сія для онаго, дабы можно было чрезъ конный строй вывести пѣхоту и пушки; можетъ же и непріятельская пушечная стрѣльба не учинить шкоды людямъ, егда будетъ проходить ядро въ оную улицу.

Потомъ полкъ раздѣлить на осемь плутонговъ или частей, и, раздѣля, велѣть палити плутонгъ за плутонгомъ; а егда надлежитъ иному черезъ рядъ палити, а иному стояти, и то надобно начальному, которому плутонгъ палити, муси знати черезъ пищаль палить: прежде первой, потомъ второй и третьей шеренгѣ.

Потомъ залпъ

64) Сомкни шереиги и ряды.
65) Вторая приступи въ близость.
66) Третья встань въ стремя.
67) Взводи курки.
68) Прикладывайся.
69) Пали всѣ вдругъ.
70) Отомкни ряды и шереиги.
71) Изровняйте ряды и шереиги.
72) Спусти мушкетъ по погону».

Конецъ.

Мы полагаемъ, что «Краткое положеніе... для обученія коннаго драгунскаго строя...» служило руководствомъ для нашихъ драгунъ не позднѣе, какъ только до 1706 года. Въ Инструкціи Брюсу (Голиковъ, ч. II, стр. 252, изд. 2-е). для дѣйствія подъ Выборгомъ, Петръ I, между прочимъ, категорически указываетъ, что «конницѣ отнюдь изъ ружей не стрѣлять прежде того, пока, съ помощью Бога, непріятеля въ конфузію приведутъ, по съ едиными шпагами наступать на непріятеля...». Между тѣмъ правила «Краткаго положенія...» касаются исключительно лишь стрѣльбы съ коня, и

ни въ одномъ случаѣ не упоминается о дѣйствіи холоднымъ оружіемъ.

Кромѣ того по «Краткому положенію...» строй драгунъ былъ главнымъ образомъ строй разомкнутый; между тѣмъ, съ 1706 г., есть несомнѣнное доказательство, что главнымъ видомъ строя былъ строй сомкнутый.

Дѣйствительно команды №№ 9, 16, 18 и 70 показываютъ, что конный строй смыкался лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, для производства стрѣльбы частями командовали *«сомкни шеренги и ряды»*, но послѣ стрѣльбы подавалась (16, 70) команда для приведенія строя въ нормальный,—разомкнутый. Команды №№ 16—44 (повороты на мѣстѣ, «наступная» и «отводная» пальба, вздваиванье) *) доказываютъ, что исполненіе по нимъ производилось каждымъ всадникомъ отдѣльно, что было возможно лишь при разомкнутомъ строѣ. Смыкались части лишь для стрѣльбы частями фронта и для общаго залпа. Наконецъ команды съ 45—60 (означающія ничто иное, какъ развертываніе фронта полка, изъ линіи ротныхъ колоннъ на полныхъ интервалахъ) окончательно убѣждаютъ, что нормальный строй былъ строй разомкнутый.

Между тѣмъ на подлинныхъ чертежахъ кавалерійскихъ строевъ временъ Петра I (см. копіи чертежей №№ 14 и 15, прил. къ «Строевой и полевой службѣ...») мы во всѣхъ случаяхъ встрѣчаемся съ сомкнутымъ, а не разомкнутымъ строемъ. До 1713 года наши драгуны даже атаковали колоннами, какъ то опредѣленно слѣдуетъ изъ 8 пун. Инструкціи Петра I до боя подъ Фридрихштатомъ (прил. къ «Строевой и полевой службы...», стр. 22)... «...однако-жъ гораздо не такимъ дѣйствомъ (были атаки конницы) какъ когда я ей больше мѣста занять и больше фронта взять велѣлъ, *чтобъ линіями, а не колоннами, какъ прежде чинено было*,

*) См. поясненіе послѣ 22 команды.

атаковать можно...». На основаніяхъ всѣхъ этихъ соображеній мы не придаемъ никакого серьезнаго значенія «Краткому положенію...», правила котораго практиковались, самое незначительное время, въ началѣ царствованія Петра 1-го.

Такимъ образомъ, ознакомиться со строемъ и образомъ дѣйствія въ бою конницы временъ Петра 1-го мы можемъ лишь изъ разныхъ инструкцій великаго императора (въ большинствѣ еще неизвѣстныхъ) и изъ разбора, при ихъ пособіи, боевыхъ фактовъ.

Около 1731 года былъ введенъ Минихомъ кирасирскій уставъ, принятый въ 1733 году Бевернскими кирасирами (впослѣдствіи полкъ Петра III). Этотъ уставъ дошелъ до насъ подъ заглавіемъ: «Экзерцція конная въ полку Его Императорскаго Высочества» (нынѣ кирасирскій Его Величества), и былъ принятъ во всей конницѣ до 1755 года (см. прил. 6-е).

Сначала уставъ опредѣляетъ порядокъ вступленія полка въ лагерь (1, 2 и 3 пункты). 4-й пунктъ устава указываетъ порядокъ расчета.

«Разсчитываетъ старшій ротмистръ шквадронъ въ маршѣ и обои роты взводами, и чтобы шквадронъ состоялъ въ четырехъ взводовъ, и притомъ командированіемъ (т. е. командованіемъ) въ ѣздѣ старшій ротмистръ при шквадронѣ въ осьми шагахъ отъ фрунта занялъ. Старшій корнетъ, дистанціею въ половину лошади отъ фрунта, при второмъ; младшій поручикъ, при третьемъ взводѣ; младшій ротмистръ и корнетъ при четвертомъ» и т. д. описываетъ мѣста чиновъ, указанныя на чертежѣ 6-мъ.

5) «Разсчислить по 4-ре человѣка въ маршъ—то каждый офицеръ и унтеръ-офицеръ при своей ротѣ долженъ быть при оном расчетѣ, и дѣлаетъ стоящая рота на лѣвое крыло, съ праваго крыла, контра-маршъ; особливо смотрѣть, дабы въ расчетѣ по 4-ре человѣка было. По самой нуждѣ, за некомплектованіемъ людей, какъ случай подастъ,—въ первыхъ 4-хъ

и послѣднихъ 4-хъ прибавить по одному человѣку, чтобъ было пять; или въ двухъ четырехъ сдѣлать въ задней шеренгѣ по три. А потомъ съ лѣваго крыла сдѣлать той же ротѣ контрамаршъ и расчесть на мѣстѣ оборотами по 4-ре человѣка въ числѣ прикомандированныхъ унтеръ-офицеровъ въ передней шеренгѣ, и съ крыльевъ, и въ оборотѣ. А потомъ заднюю шеренгу для вздваиванія шеренгъ на 4-ре части раздѣлить, которыя бы могли знать изъ трехъ въ двѣ шеренги дѣлать и черезъ человѣка осадить».

6) «Штандартъ, какъ шквадронъ скоро выступаетъ» помѣщался на правомъ флангѣ 3-го эскадрона.

7, 8 и 9) пункты указываютъ правила отданія чести штандартамъ по командѣ: «Г.г. корнеты подъ штандарты».

10) «Когда командующій къ полку или шквадрону прибудетъ, то, не допуская до полку или шквадрона, въ 15-ти саженяхъ командировать», т. е. командовать.

1) «Палаши вонъ».	«Испрашивать, что повелѣно будетъ».
2) «Заднія двѣ шеренги приступи».	«То штандарты оба въ половину 3-го взвода, въ переднюю шеренгу, скоро прибудутъ».
3) «Ступай».	
4) По взводамъ направо».	«Тогда первый взводъ выступаетъ прямо, прочіе взводы дѣлаютъ направо, какъ расчетъ повзводно выше сего показанъ. Потому и прочіе шквадроны маршируютъ»; при чемъ подробно указаны мѣста всѣхъ чиновъ во взводной колоннѣ.
5) «Ступай».	
	«Унтеръ-офицерамъ и трубачамъ или капраламъ, которые замыкали, и трубачамъ съ фланга у взвода по линіи стать».
6) «Во фрунтъ».	«Тогда по шпагѣ дается знать отъ шквадроннаго командира, заднія двѣ шеренги на свои линіи не осаживаютъ, а штандарты скоро въ половину шквадрона въ свои мѣста въѣзжаютъ».

7) «По-шквадронно направо».
8) «Ступай».
9) «Во фрунтъ».

«Такимъ же образомъ и шквадронамъ маршировать и, прибывъ на мѣсто, фрунтъ учинять, какъ выше показано, и штандарты въ свои мѣста имѣютъ маршировать въ половину».

10) «Г.г. оберъ и унт.-офицеры передъ фрунтъ»:

«Тогда со всякою поспѣшностью оберъ и унтеръ-офицеры, штандарты, капралы и трубачи передъ фрунтъ стоящаго шквадрона къ своимъ ротамъ, каждый выѣзжаетъ; а на лѣвомъ крылѣ рота съ праваго крыла дѣластъ контра-маршъ, понеже имѣютъ быть ради смотру поротно».

11) «По четыре направо».

«Яко то маршированіе по 4-ре человѣка, то стать съ праваго крыла, передъ первыхъ 4-хъ человѣкъ: напереди стоптъ трубачъ, за нимъ ротмистръ, и за ротмистромъ поручикъ и корнетъ въ одной линіи съ унтеръ-офицеромъ, въ одной шеренгѣ и въ серединѣ ихъ штандартъ, за нимъ капралы». Это правило несомнѣнно для прохожденія церемоніальнымъ маршемъ при смотрахъ.

12) «Ступай».

«Тогда первой роты 1-я шеренга первые 4-ре прямо маршируютъ, а прочіе кирасиры передней шеренги направо дѣлаютъ, и доѣзжая на правое крыло, по тому же заѣхавъ, маршируютъ, а заднія двѣ шеренги стоятъ прямо во фрунтъ, егда-жъ минетъ 1-я шеренга маршировать, то, приступя на тѣ мѣста, другія роты дѣлаютъ по тому-жъ. А при оборотахъ въ маршъ на парадное мѣсто, маршируетъ каждая шеренга на своей линіи въѣзжаетъ и до своего мѣста; а ѣдутъ тихо и всѣ роты дѣлаютъ направо и маршируютъ до оборота, какъ выше показано, а ротмистръ и прочіе офицеры и унтеръ-офи-

церы, капралы и трубачи и штандарты, примыкая къ переднимъ 4 кирасирамъ въ рядъ, по тому-жъ тихо маршируютъ».

13) «Во фрунтъ».
14) «Г.г. оберъ и унт.-офицеры по мѣстамъ».

Показано возстановленіе фронта; при чемъ всѣ чины занимаютъ мѣста, указанныя въ развернутомъ строѣ, а «литаврщикъ съ праваго крыла переѣзжаетъ передъ полкъ и становится позади маіора».

15) «Литаврщикъ бьетъ дробь».

«Значитъ оборотъ будетъ», и поэтому чины занимали положеніе, какъ показано на чертежѣ 6-мъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что офицеры были не передъ фронтомъ, а въ 1-й шеренгѣ; унт.-офицеры же во 2-й и 3-й: «унтеръ-офицеры въ расчетѣ по 4-ре челов. съ кирасирами, штандартъ въ серединѣ».

16) «По 4-ре направо въ 4-ре оборота».
17) «Ступай».
18) «Ступай».
19) «Ступай».
20) «Ступай».

«Обороты». Исполнялись повороты по 4-ре.

21) «По 4-ре налѣво въ 4-ре оборота».

22, 23, 24 и 25 команды были: «ступай», т. е. послѣ каждой $^1/_4$ оборота повторялось: «ступай» и исполнялися повороты.

26) «По 4 ре направо въ 2 оборота».

27 и 28 — «Ступай»; исполнялося тоже.

29) «Половина шквадроновъ направо шеренги здвой».
30) «Ступай».
31) «По прежнему въ свои мѣста».

«Тогда надлежитъ осадить назадъ лошадей, ибо какъ въѣзжать и выѣзжать въ свои мѣста, то на линію разомъ выступить, а штандартъ стоитъ на своихъ мѣстахъ съ прикрытіемъ одного человѣка».

32) «Съ половины шквадроновъ налѣво шеренги здвой». 33) «По прежнему въ свои мѣста».	«Дѣлаютъ по тому же, какъ выше показано».
34) «Изъ 3-хъ въ двѣ шеренги». 35) «Ступай». 36) «По прежнему въ свои мѣста». 37) «Ступай».	Тоже самое построеніе, которое изложено нами на страницѣ 173 «Строевой и полевой службы».
38) «Заднія двѣ шеренги приступи». 39) «Ступай». 40) «По взводамъ направо въ 4-ре оборота».	41, 42, 43 и 44 послѣдовательная команда—«Ступай». Объясненія нѣтъ, какъ дѣлать, но оно само собой понятно.
45) «По взводамъ налѣво въ 4-ре оборота».	46, 47, 48 и 49 команда «Ступай».
50) «По взводамъ направо въ два оборота».	51 и 52—«Ступай».
53) «По взводамъ налѣво въ два оборота».	54 и 55—«Ступай».
56, 61, 66 и 69) «Пошквадронно на $\frac{\text{право}}{\text{лѣво}}$ въ 4-ре и два оборота».	Остальныя команды между ними до 71-й (послѣдовательно)—«Ступай».
72) «Атака будетъ»	«Тогда офицеры передъ фрунтъ выѣзжаютъ и становятся въ свои мѣста, а штандартъ переѣзжаетъ на половину своихъ ротъ».

73) «Сигналъ».	«Первая половина шквадрона маршируетъ, и тогда ротмистръ ѣдетъ напередъ, а поручикъ и корнетъ по тому-жъ, и трубачи по флангамъ».
74) «Сигналъ».	«Стой».
75) «Сигналъ».	«Дѣластъ налѣво кругомъ».
76) «Сигналъ».	«Маршъ, то, до половины не доѣхавъ, къ полку шагомъ ѣдутъ, а потомъ малою рысцею и поднявъ палаши. Другая же половина маршируетъ съ мѣста, по тому же палаши поднявъ, и смотря, чтобы вдругъ на линію пришли, и какъ одна другую минуетъ, то палаши на колѣно опустить и весьма разомъ дѣлать».
77) «Сигналъ».	«Стой».
78) «Сигналъ».	«2-я половина дѣластъ направо кругомъ, а первая налѣво кругомъ».
79) «Сигналъ — маршъ».	«Маршируютъ обѣ до показаннаго мѣста».
80) «Сигналъ».	«Стой».
81) «Сигналъ — маршъ».	«Оборачиваются, первая—налѣво кругомъ, а вторая—направо кругомъ, и приходятъ въ свои мѣста, заѣхавъ за шквадронъ» *).
82) «Дробь».	«Для занятія офицерами своихъ мѣстъ».
83) «Слушай».	«Флигельманы должны съ обѣихъ крыльевъ, по пропорціи отъ крыльевъ, отдѣлиться».
84) «Палаши въ ножны».	«Въ два темпа».

*) Атака по командамъ №№ 72—82 кирасирскаго устава 1731 г., а равно «вторая атака», указанная ими на стр. 176 «Строевой и полевой службы...» между собою совершенно сходны

85) «Принимайся за карабины».
86) «Карабинъ на колѣно».
87) «Карабинъ на крюкъ».

Подробнаго описанія этихъ пріемовъ нѣтъ.

88) «Взводи курки».
89) «Прикладывай».
90) «Пали».
91) «Правый пистонъ вонъ».

Тоже нѣтъ описанія какъ дѣлать.

92) «Изготовься».
93) «Пали».

94, 95 и 96 команды для стрѣльбы изъ «лѣваго» пистолета.

97) «Палаши вонъ»
98) «Палаши въ ножны».

«А потомъ выходятъ и строятся за лошадями, по тому эскадронному расчету».

99) «Карабинъ за плечо».
100) «Осади черезъ человѣка».
101) «Изготовься».
102) «Съ коней долой».
103) «Смыкай коней».

«И какъ изъ за лошадей (минуя) всѣ будутъ въ интервалахъ, командуетъ маіоръ»:

104) «Подвысь».
105) «На плечо».
106) «Направо».
107) «Ступай».
108) «Стой».
109) «Во фрунтъ».
110) «Ступай».

«Тогда шквадронъ маршируетъ прямо, и, отъ лошадей отошедъ шаговъ десять, командуетъ маіоръ».

111) «Половины полку налѣво и направо».

«Третій эскадронъ стоитъ» (такъ какъ былъ въ серединѣ).

112) «Ступай».

«Тогда штандарты сносятся къ серединѣ полку къ 3-му шквадрону и становятся въ двѣ шеренги».

113) «Стой».
114) «Во фрунтъ».

Объясненія нѣтъ, но видимо полкъ выстраивался въ развернутомъ строѣ по 3-му эскадрону.

115) «Ступай».

«По окончаніи пѣшей экзерциціи къ лошадямъ надлежитъ итти».

116) «Полкъ ранжируйся пошквадронно».

«Штандарты уходятъ по своимъ мѣстамъ».

117) Всѣ три шеренги направо кругомъ.

«И такъ маршируютъ къ конямъ, а какъ не дошедъ до коней шаговъ двѣсти командуется».

118) «Ступай».
119) «Стой».
120) «Съ половины направо и налѣво».
121) «Ступай».

«То всѣ шквадроны маршируютъ до праваго крыла лошадей и, какъ противъ интерваловъ поровняются, командуютъ»:

122) «Стой».
123) «Ступай».

«Доходятъ до коней».

124) «Стой».
125) «Направо».
126) «Ступай».
127) «Во фрунтъ».

«Маршируютъ всѣ шквадроны, и каждая шеренга становится въ свои линіи лошадей, и какъ поровняется, гдѣ уже къ лошадямъ маршировать должно, тогда скажетъ маіоръ»:

128) «Карабинъ подвысь».

«То должно карабинъ разомъ бросить внизъ, и кверху не подаваться кирасирамъ; безъ команды не должно размыкать лошадей».

129) «Ступай къ конямъ». 130) «Размыкай коней». 131) «Осади черезъ человѣка». 132) «Изготовься». 133) «На конь». 134) «Палаши вонъ»	Затѣмъ относили штандарты, и полкъ возвращался въ лагерь.

Драгунскіе полки руководствовались этимъ уставомъ, съ самымъ незначительнымъ измѣненіемъ,—до 1750 г. Всѣ эти измѣненія въ «Примѣчаніи о кирасирской конной экзерциціи...» (Смотри ниже документъ 7) въ большинствѣ случаевъ касаются только частностей. Измѣнены, напримѣръ, мѣста чиновъ; слово «штандартъ» замѣняется весьма часто, и то не всегда,—словомъ «знамя»; указаны мѣста барабанщикамъ; слово кирасиръ, замѣнено словомъ «драгунъ», и, наконецъ, въ заключеніи сказано: «По сочиненіи оной въ 751 году, декабря 11-го дня, въ присланномъ ордерѣ отъ его превосходительства г. генералъ-маіора Фролова-Багрѣева (видимо бригадира, въ бригадѣ котораго былъ Архангелогородскій полкъ) предложено, чтобъ во время коннаго парада барабанщикамъ не быть, и потому съ того числа барабанщики въ конной строй не употреблялись, а приказано имъ «быть всегда не въ дальнемъ отъ парднаго мѣста (разстояніи), и егда полкъ спѣшится, то чтобъ оные своими барабанами въ тотъ часъ вмѣстѣ съ драгунами на парадное мѣсто для пѣшей экзерциціи выходили...» Указано мѣсто въ развернутомъ строѣ «пушки полковой» (по мирному времени одна и была на полкъ),—на правомъ флангѣ гренадерской роты.

Вотъ тѣ правила, которыми руководствовались при обученіи драгунскихъ полковъ. Если мы станемъ сравнивать уставъ 1731 г. съ правилами драгунскаго устава, изд. 1755 г.,

(изложеннаго нами въ IX г. «Строевая и полевая служба...») то между ними много сходства въ основныхъ построеніяхъ (кромѣ контръ-марша, что было уже уничтожено въ 1755 г.); но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать и капитальной разницы въ основной идеѣ. Кираспрскій уставъ указывалъ только разные способы построенія походныхъ колонпъ и выстраиваніе фронта полка, повороты, заѣзды и спѣшиваніе. Въ уставѣ же 1755 г. указаны основанія обученія, значеніе удара холоднымъ оружіемъ, сосредоточенные строи полка, основаніе для маневрированія полкомъ и типичные для того строи.

Весьма важно и то, что въ новомъ уставѣ (1755 г.) для драгунъ совсѣмъ исключена стрѣльба съ коня; а между тѣмъ, при передѣлкѣ кираспрскаго устава въ драгунскій, правила стрѣльбы изъ карабина кирасиръ обратились, въ драгунскихъ полкахъ, какъ бы въ стрѣльбу съ коня изъ мушкетовъ. Такъ, напримѣръ, изъ «Примѣчаній...къ кираспрскому уставу въ 1746 г. и изъ одного командированія (командъ), присланнаго отъ генер. фонъ Вейсбаха» видно, напримѣръ, что для заряжаніе и стрѣльбы съ коня существовало 35 командъ.

Находя небольшую разницу устава фельдмаршала Ласси сравнительно съ Уставомъ Воинскимъ 1716 г., и не имѣя возможности напечатать всей объемистой рукописи, мы ограничимся только выпискою «о пошеніи рогатокъ».

«Обучаться слѣдующимъ образомъ».

1.

«Когда полку при выступленіи въ маршъ повелѣно будетъ взять и рогатки, то, по исчисленіямъ, на каждые шесть рядовъ одинъ брусъ съ пиками берется. Такимъ образомъ сказать, когда полкъ въ маршѣ назначенъ будетъ, то-бъ, разочтя сколь будетъ рядовъ и отъ праваго крыла,—каждымъ шести рядовъ двумъ человѣкамъ—взять брусъ и предъ собой принести, дер-

жать за концы; а понеже во всякомъ брусу по двадцати четыре полуникъ, которыя надлежитъ выбирать, и того ради выбирать изъ брусьевъ всегда передней шеренгѣ и отдавать порядкомъ во вторую, а второй въ третью, а третьей въ четвертую и такъ, чтобы всѣ 4-ре шеренги по одной полуники взяли, которыя и нести съ собою, какъ повелѣно будетъ маршировать: полкомъ и побаталіонно, или поротно, имѣя ружье за лѣвымъ плечомъ, а полунику на правомъ плечѣ; а съ брусьями, когда изъ оныхъ полуники выберутся, то стать съ оными въ рядъ на правомъ крылѣ у каждыхъ шести рядовъ и нести двумъ человѣкамъ на плечахъ съ перемѣною. Прочіяжъ рогатки, кои затѣмъ останутся сверхъ числа людей, оныя имѣть, гдѣ приказъ будетъ».

2.

«А какъ повелѣно будетъ стать полку во фрунтъ и рогатки поставить, тогда сказать: ставь рогатки. Почему впередъ каждымъ шести рядамъ вынести передъ первую шеренгу брусъ и держать за концы двумъ человѣкамъ, и передней шеренгѣ прежде свои полуники вложить, а потомъ, давъ отъ второй шеренги, затѣмъ черезъ оную подавать, и 3-й и 4-й какъ выше сказано, а вкладывать прежней шеренгѣ».

3.

«По собраніи всѣхъ рогатокъ, которые несли брусья, оные должны брусъ съ брусьями сомкнуть имѣющимися при тѣхъ брусьяхъ крючьями или смыками и выступить во фрунтъ въ свое мѣсто».

4.

«Рогатки поставить, егдажъ повелѣно будетъ, позади фрунта, то, выбравъ полуники, какъ выше сказано, взявъ брусья, перенести назадъ фрунта, и шеренгамъ поворотиться направо кругомъ, и тако полуники вкладывать 4-й шеренгѣ, потомъ, какъ выше описано, принимать чрезъ другія шеренги».

Противъ устава 1716 г. измѣненъ порядокъ слѣдованія въ походной колоннѣ; а именно, «впереди гренадерской роты и артиллеріи—маіоръ; за нимъ гренадерская рота, потомъ гранатные и патронные ящики; за ними 1-го баталіона артиллерія съ ящиками; за артиллеріею музыка, потомъ полковникъ съ прочими офицерами какъ по воинскому уставу. потомъ слѣдуютъ мушкетерскія роты *или какъ приказано будетъ*, а позади 1-го баталіона второй половинѣ артиллеріи съ ящиками... ротнымъ ящикамъ слѣдовать за своими ротами, какъ по воинскому уставу положено».

«Изъясненія командъ при маршированіи» данныя Шуваловымъ его дивизіи въ 1755 году.

1) «Ступай равно».	«Надлежитъ итти солдатству весьма равно и не скоро, умѣренными шагами, *какъ обыкновенно въ одну ногу всѣмъ*».
3) «Ступай во всю ногу».	«При семъ надлежитъ во всю ногу, какъ сказано будетъ, итти, чтобъ равно тотъ же видъ параду былъ безъ конфузіи, и маршъ въ скорости умножится токмо черезъ прибавленія шагу».
3) «Двойной маршъ».	«Когда сія команда употребится, то весьма при семъ случаѣ примѣчать слѣдуетъ, дабы ходъ въ маршированіи противъ ходу во всю ногу скоростью удвоенъ быть могъ съ такою осторожностью, дабы оный маршъ во всю ногу удвоенною скоростью отъ бѣгу отличенъ былъ; а при томъ равно и безъ разстраиванія оный чинили».

Приложеніе 6-е.
Къ Примѣчанію 104.

ПЕРЕЧЕНЬ

Документовъ для характеристики строя пѣхоты русской арміи съ 1725—1755 гг., а конницы съ 1731—1755 гг. (Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 131, связка 31).

№№ по порядку.	Наименованіе документовъ съ поясненіемъ.
1	Вѣдомости—«какія въ оном Каргопольскомъ драгунскомъ полку имѣются экзерциціи, диспозиціи и наставленія...», копіи съ копхъ были представлены въ Военную Коллегію полковникомъ Фливеркомъ, смотрѣвшимъ Каргопольскій полкъ 5-го августа 1754 г.
2	Такая же вѣдомость, съ подобными же копіями представлена отъ Троицкаго драгунскаго полка—2-го сентября 1754 года.
3	Нѣсколько копій съ «Описанія экзерциціи пѣхотнаго полка, какова прислана въ Военную Коллегію отъ господина генералъ-фельдмаршала и кавалера графа фонъ-Лессія, при рапортѣ отъ 4 го іюля, отпущенному отъ 28-го іюня 1746 года».
4	Экземпляръ (рукописный) экзерциціи нѣшей съ показаніемъ яснаго истолкованія» и съ приложеніемъ къ ней слѣдующихъ документовъ: а) копіи съ «Описанія о гренадерской экзерциціи... и о ношеніи рогатокъ обучаться слѣдующимъ образомъ...» и затѣмъ идетъ изложеніе. б) «Противу устава (несомнѣнно воинскаго) отмѣна быть имѣетъ» и затѣмъ указанъ перечень этихъ «отмѣнъ» и в) «Мнѣніе по нѣкоторымъ пунктамъ, какъ было при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, и до введенія прусской экзерциціи...» Экзерциція, указанная въ 4-мъ пунктѣ, отличается отъ устава, даннаго Ласси и отъ артикула Устава

№№ по порядку.	Наименованіе документовъ съ поясненіемъ.
	Вонискаго. На основаніи, указанныхъ ниже соображеній. мы заключаемъ, что это именно и есть такъ называвшаяся тогда «Прусская экзерциція» 1731 г., введенная Минихомъ.
5	«Нѣсколько экземпляровъ (тоже рукописныхъ) экзерциціи коннаго кирасирскаго Его Императорскаго Высочества полка».
6	«Наставленіе, что при смотрахъ примѣчать и въ наставленіе давать, дабы по сему поступано было, которое учинено для прибавленныхъ въ полевыхъ пѣхотныхъ полкахъ третьихъ баталіоновъ». Степана Аникеева. Два экземпляра.
7	«Примѣчаніе о кирасирской конной экзерциціи, которое свидѣтельствовано противъ послѣдняго сообщенія отъ командующаго генералитета, и при томъ, въ чемъ надлежитъ, пополнено изъ прежняго описанія, которое дано было въ роты въ 746 г., а пополнено же въ 750 г. о трубачахъ и дано во всѣ роты...»
8	«Одно командированіе» (команды), присланное генераломъ фонъ-Вейсбахомъ для драгунъ.
9	«Изъясненіе командъ при маршированіи», данное графомъ П. И. Шуваловымъ.
10	Донесеніе Оберъ-кригсъ-комиссара Якова Аршеневскаго отъ 22-го декабря 1754 г., производившаго смотръ Архангелогородскому драгунскому полку, и копія съ ордера Оренбургскаго губернатора Неплюева 1754 г. о результатахъ осмотра* подвѣдомственныхъ ему драгунскихъ и ландмилиціонныхъ полковъ.

Остановимся прежде на общихъ выводахъ изъ перечисленныхъ документовъ. Аршеневскій 1754 г. (документъ 10), между прочимъ, доноситъ слѣдующее: «Въ оному (Архангелогородскомъ драгунскомъ) полку экзер-

№№ по порядку.	Наименованіе документовъ съ поясненіемъ.
	ціція пѣшая въ силѣ присланной при ордерѣ (по титулу) Апраксина диспозиціи; а что принадлежитъ до конной экзерциціи, то хотя, въ какой силѣ оную производить въ полкъ Архангелогородскій, ни отъ кого диспозиціи и не прислано, по токмо имѣется въ ономъ полку со учиненной о произвожденіи конной экзерциціи въ кирасирскомъ Его Императорскаго Высочества полку диспозиціи копія (документъ 5), которую полку Архангелогородскаго секундъ-маіоръ фонъ-Круль представилъ и при томъ объявилъ, что онъ ту копію, списалъ съ присланной въ Олонецкій драгунскій полкъ, (въ которомъ онъ былъ капитаномъ), при ордерѣ господина генералъ-маіора Кипдермана, по которой нынѣ въ полку оная производится и со оной какъ конной, такъ и пѣшей, диспозиціи точная копія представляется.»
11	Въ донесеніи подполковника Курбатова, (производившаго смотръ Троицкому драгунскому полку, въ Оренбургскомъ краѣ, 2-го сентября 1754 г.) видно, что и въ Троицкомъ былъ принятъ уставъ кирасирскаго полка. «Въ помянутомъ Троицкомъ полку, послѣ бывшаго въ прошломъ 753 году, декабря 6-го числа, въ инспекторской должности г. подполковника Неклюдова вновь выданныхъ экзерциній, диспозиціи и наставленій не имѣется, точію въ пополненіе отъ г. бригадира Дебеаусобри, при ордерѣ сего года марта 19-го числа со учиненнаго (по титулу) П. П. Неплюевымъ, по собраннымъ отъ командировъ рапортамъ и на представленное въ обученіе военной экзерциціи его сіятельства опредѣленіе, съ надлежащимъ подтвержденіемъ о приведеніи оной въ дѣйствительное состояніе безъ всякой розни—присланы копіи, съ которой у сего таковая точно копія представляется.
12	Это «Опредѣленіе» Неплюева содержитъ въ себѣ 5-ть мелко исписанныхъ листовъ, и мы можемъ представить

№№ по порядку. | Наименованіе документовъ съ поясненіемъ.

лишь выдержки, разъясняющія и безъ того ясное дѣло, что уставъ кирасирскаго Его Высочества полка былъ до 1755 г. единственный во всей нашей конницѣ, а также и тотъ фактъ, что печатныхъ уставовъ послѣ «прусскаго» (т. е. Миниха 1731 года) не было, да повидимому и «прусскій уставъ» въ печати не былъ, а былъ только въ рукописи.

Изъ документовъ 11 и 12-го выясняется прежде всего, что Военная Коллегія,—не приступая до 1754—1755 гг. къ измѣненію устава и зная, что въ войскахъ было нѣсколько частныхъ уставовъ и инструкцій,—для обученія конницы боялась «розни» въ обученіи; а потому и приказала инспекторамъ (комиссаріатской части) собрать свѣдѣнія, по какимъ уставамъ войска обучались.

Такъ, напримѣръ, въ «Опредѣленіи Неплюева отъ 10-го марта 1754 г.» сказано, что «по указу Военной Коллегіи и прежнимъ указомъ императрицы приказано въ компаментѣ всѣ полки воинской экзерциціи и со обыкновенною оружейною, а при томъ же и съ пушечною пальбою обучать съ крайнимъ прилежаніемъ и *единственнымъ* образомъ, яко-то драгунскую конницу противъ (то есть также) какъ кирасирскихъ, а пѣхотою (пѣшему строю), такоже и пѣхотные полки,—противъ того какъ по представленію покойнаго г. генералъ-фельдмаршала (Ласси) и послѣдними посланными изъ Военной Коллегіи указами повелѣно, безъ всякой розни и отмѣны, чтобъ во всей Ея Императорскаго Величества арміи оная могла быть въ единомъ состояніи и равномѣрно какъ въ той, такъ и въ другой дивизіи или командѣ; *дабы иногда въ потребномъ случаи, егда полкъ изъ команды въ команду переведется или возьмется, не могло произойти какой розни...* (за этимъ приказано было строго наблюдать); а какимъ образомъ, въ которыхъ командахъ какъ драгунскія, такъ

№№ по порядку.	Наименованіе документовъ съ поясненіемъ.
	и пѣхотныя экзерциціи, церемоніальные парады и полковые строи производятся, и нѣтъ ли противъ выше объявленныхъ прежнихъ учрежденій какихъ отмѣнъ, или другихъ какихъ вновь выданныхъ на предбудущія времена и наставленій, и диспозицій, и въ какой силѣ отъ кого отданы, о томъ отъ всѣхъ командъ для разсмотрѣнія и апробаціи прислать въ Военную Коллегію обстоятельныя извѣстія и точныя копіи».
	Взятъ эти-то собранныя свѣдѣнія и указали, что вся русская конница обучалася по кирасирскому уставу.

Таблица № 13 (къ примѣчанію 105).

Штатъ гусарскихъ полковъ.

Названіе чиновъ.	«Старыхъ».		«Новоучрежденныхъ».		Всѣхъ.	Примѣчаніе.
	Въ одномъ.	Въ четырехъ. (1).	Въ одномъ.	Въ двухъ.		
Штабъ-офицеровъ .	3	12	5	10	22	Взято изъ документа, указаннаго въ примѣчаніи 4-мъ.
Оберъ-офицеровъ .	35	140	31	62	202	
У. б. капраловъ и проч. чиновъ. .	125	500	96	192	692	(1) Грузинскій, Молдавскій, Венгерскій, Сербскій (см. таблицу 9).
Рядовыхъ . . .	800	3200	2000	4000	7200	
	963	3852	2132	4264	8116	

105. Казаковъ было по штатамъ 35,703 (таблица 14 и 15 въ концѣ приложеній); гусаръ: старыхъ полковъ 3852, новыхъ 4264. Всѣхъ регулярныхъ 43 14 тыс. Организація казаковъ см. таблицы 14 и 15 и прим. 110 и 115.

106. См. таблицу 9-ю въ концѣ примѣчаній.

107. Исторія Россіи Соловьева, томъ 23. Военно-энциклопедическій словарь. Записки Пишчевича.

108. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 13.

109. Когда именно получила основаніе команда Чугуевскихъ казаковъ—неизвѣстно. (Г. Хорошкинъ полагаетъ—въ XVII столѣтіи). Къ 1740 году штатъ команды Чугуевскихъ казаковъ былъ слѣдующій: 56-ть крещеныхъ калмыковъ и 102 «кормовыхъ казаковъ». При пересмотрѣ штатовъ (1740 г.) «перегулярныхъ» войскъ, въ графѣ «по мнѣнію генералъ-фельдмаршала Миниха быть надлежитъ», сказано: «понеже оные Чугуевскіе казаки и старшина, равно какъ и калмыки, во всю минувшую съ турками войну всѣ безъ остатку сначала и до окончанія при арміи въ кампаніи находились и противъ непріятеля напревностнѣйшіе и храбрые поступки оказывали, а въ зимнее время для отпору противъ нападающаго на украинскую линію и на прочія тамошнія границы непріятеля, хотя и въ домахъ будучи, всегда въ готовности себя содержали, и потому, также и для предосторожности, по украинской линіи, часто отъ домовъ своихъ отлучены быть принуждены находились (и какъ мнѣ *) извѣстно, пашенныхъ земель, сѣнныхъ покосовъ, рыбныхъ ловль и другихъ для своего пропитанія удовольствій, кромѣ жалованья не имѣютъ), къ тому же оные и впредь въ случающееся иногда какое военное время, яко суть люди надежные, потому же съ немалою пользою при арміи употреблены быть могутъ, и сверхъ того и въ мирное время употребляться имѣютъ, чего ради и въ разсужденіе равной съ калмыками службы и часто отъ дому всѣ отлучены, за чѣмъ они домовой своей экономіи надлежащимъ образомъ надзирать не могутъ, и во время такихъ отдаленій, при неимѣніи довольно земли и другихъ довольствій, оставшихся женъ и дѣтей довольствовать и себя содержать во всемъ въ походахъ, лошадей и мундиръ

*) Миниху.

имѣть токмо изъ одного опредѣленнаго жалованья должны, — мниться тѣхъ казаковъ въ мирное жалованье и хлѣбъ противъ бывшихъ въ Азовѣ, коимъ нынѣ въ крѣпости Св. Анны быть надлежитъ казакамъ, а въ военное время равное съ калмыками по препорціи, какъ здѣсь въ табели явствуетъ, дабы они яко суть люди, надежные во всемъ, въ лучшей исправности находились». (Моск. Отд. Архива Главнаго штаба; штатъ нерегулярныхъ войскъ, опись 121, связка 10-я).

По этой табели маіоръ переименованъ въ полковника, увеличены расходы на команду съ 3364 на 6700 руб. и увеличенъ самый штатъ, а именно: крещеныхъ калмыковъ до 116, а кормовыхъ казаковъ до 251. (Подробный штатъ въ таблицѣ № 14; въ концѣ приложеній).

110. Основаніемъ для заключенія объ организаціи нерегулярныхъ войскъ намъ служатъ данныя таблицы № 14, а также подробный расчетъ для довольствія арміи Апраксина генералъ-провіантмейстера. (М. О. Арх. Глав. штаба; опись 47, № $^{127}/_{130}$).

111. См. таблицу 14, въ концѣ приложеній.

112. Въ протоколѣ Конференціи отъ 4-го и 6-го апрѣля 1756 года (Архивъ князя Воронцова; т. 3, стр. 397) опредѣлено назначить 4000 Донскихъ казаковъ; затѣмъ, это число было увеличено до 5000 (см. таблицу № 9) и кромѣ того 400 для Обсерваціоннаго корпуса. Въ этомъ числѣ пѣть, 4000 бывшихъ уже въ отрядѣ Лопухина въ 1755 году. Всего 9000 (безъ казаковъ Обсерваціоннаго корпуса). См. Вѣдомость о числѣ выступившихъ войскъ 1756 г. и таковую же составленную въ Военной Коллегіи. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{137}/_{140}$. Расчетъ генералъ-провіантмейстера о заготовкѣ довольствія (тамъ же, № $^{127}/_{130}$) и «Росписаніе генеральное по полкамъ и командамъ...» 19-го іюня 1757 г. (Дѣла Воен.-учен. архива, № 224, С).

113. Тамъ же, «Росписаніе генеральное по полкамъ и командамъ».

114. Въ дѣлахъ М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{127}/_{130}$.

115. Изъ 1-й продольной графы таблицы № 14-й видно, что войско Донское выставляло, какъ сказано, «въ прежнія войны» всего 15,344 казаковъ, и на это число Военная Коллегія разсчитывала жалованье; при надобности же (сказано въ докладѣ Военной Коллегіи) «и вдвое больше». Полковой штабъ былъ самый незначительный.

Для разъясненія организаціи казаковъ, кромѣ того, можетъ намъ служить таблица № 16-й (составъ отряда Краснощекова) и № 17—«400-я команда», назначенная для Обсерваціоннаго корпуса.

Таблица № 16.

Составъ отряда Краснощекова.

Названіе чиновъ.	Число чиновъ.	Примѣчаніе.
«Армейскій бригадиръ»	1	Взято изъ описи «атамана Степана Ефремова, отъ 6-го мая 1756 г. (М. О. Архива Главнаго штаба; опись 47, № $^{127}/_{130}$.)
«Полковниковъ изъ старшинъ»	7	
Есауловъ	40	
Хорунжихъ	40	
Квартирмейстеровъ	40	
При бригадирѣ адъютантовъ	1	
» писарь	1	
Полковыхъ писарей	8	
Рядовыхъ казаковъ	3762	
Калмыцкихъ старшинъ и рядовыхъ.		
Атамановъ	2	
Есауловъ	2	
Сотниковъ	2	
Хорунжихъ	2	
Итого калмыцкихъ старшинъ	8	
Рядовыхъ калмыковъ	92	
Всѣхъ.	4008	
Лошадей вьючныхъ и верховыхъ	8222	

Разсматривая соотношенія начальствующихъ лицъ съ рядовыми, нельзя не замѣтить: 1), что въ Донскомъ войскѣ строевою единицею видимо была сотня, приблизительно въ составѣ 100 человѣкъ (съ офицерами) подъ командою есаула. Такимъ образомъ, *четырехтысячный* отрядъ Краснощекова имѣлъ сорокъ сотенъ (сорокъ есауловъ, сорокъ хорунжихъ). Тоже самое *четырехсотенной* отрядъ Обсерваціоннаго корпуса имѣлъ четыре есаула, четыре хорунжихъ (см. табл. № 17). 2) Къ каждому отряду казаковъ присоединялась извѣстная часть калмыковъ съ ихъ старшинами.

При нормальной организаціи отряда (каковою нужно считать отрядъ Краснощекова) слѣдуетъ принять, что полкъ состоялъ изъ пяти сотенъ.

Полками командовали полковники, переименованные изъ войсковыхъ старшинъ (какъ это прямо указано въ таблицѣ № 16), имѣвшіе свой штабъ изъ одного квартирмейстера и одного шисаря (т. е. адъютанта). Отрядъ Краснощекова видимо имѣлъ всего восемь полковъ, изъ коихъ однимъ командовалъ онъ самъ. Тотъ фактъ, что старшій начальникъ казаковъ командовалъ и полкомъ, свидѣтельствуется еще и тѣмъ, что казаки всегда разбивались по дивизіямъ, и тогда общій ихъ начальникъ не имѣлъ никакихъ особыхъ обязанностей.

116. О вооруженіи Донскихъ казаковъ мы можемъ составить себѣ понятіе изъ таблицы № 17, гдѣ указанъ составъ команды для Обсерваціоннаго корпуса.

«Въ коликомъ числѣ четырехсотенная команда съ Дону выступила и въ какомъ оружіи, чѣмъ удовольствована и сколько при оной лошадей сѣдельныхъ, вьючныхъ и въ упряжкѣ, явствуетъ по сему (т. е. по вѣдомости № 17). 21-го мая 1758 г. (Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{148}/_{151}$).

Таблица № 17.

Званіе чиновъ.	Число чиновъ.	При оныхъ имѣется. Лошадей. Верхов.	Лошадей. Выюч.	Лошадей. Упряж.	Оружія. Турск.	Оружія. Сабель.	Оружія. Копей.	Пороху. Пуд.	Пороху. Фунт.	Свинцу. Пуд.	Свинцу. Фунт	Примѣчаніе.
Атамановъ (1) . .	1	6	—	6	1	1	1	—	4	—	4	(1) Походный атаманъ Грековъ.
Есауловъ. . .	4	4	8	—	4	4	4	—	4	—	4	
Хорунжихъ . . .	4	4	8	—	4	4	4	—	4	—	4	(2) Вмѣсто того «лукъ» 20, «стрѣлъ» 600.
Сотниковъ . . .	4	4	8	—	4	4	4	—	4	—	4	
Квартирмейстеровъ .	1	1	2	—	1	1	—	—	1	—	1	
Писарь	1	1	2	—	1	1	—	—	1	—	1	
Рядовыхъ казаковъ .	366	366	366	—	366	248	116	9	6	9	6	
Калмыковъ . . .	20	20	20	—	—	2	(2) 6	—	—	—	—	
	401	406	414	6	—	—		—	—	—	—	

117. Головинскій, «Слободскіе казачьи полки», стр. 179; также таблица 14.

118. У Головинскаго и въ «Запискахъ о Слободскихъ полкахъ» (изд. 1812 года, Харьковъ) нѣтъ достаточно вѣрныхъ указаній для опредѣленія организаціи Слободскихъ казаковъ.

Основаніемъ для нашихъ выводовъ служатъ отчеты Военной Коллегіи въ Конференцію при Высочайшемъ Дворѣ (см. таблицу № 14) и нижеслѣдующая таблица № 18, какъ выдержка изъ подробныхъ свѣдѣній, представленныхъ начальникомъ «Украинской дивизіи», княземъ Кантемиромъ, о состояніи полковъ, дѣйствительно выступившихъ въ походъ. (Москов. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{146}/_{149}$).

Таблица № 18.

Названіе чиновъ.	ПО СПИСКАМЪ.					ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ВЫСТУПИЛИ				
	Сумской.	Ахтырей	Харьковск.	Острогорск.	Изюмскій.	Сумской.	Ахтырей	Харьковск.	Острогорск.	Изюмскій.
Полковниковъ	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—
Полкового штаба . . .	6	5	6	5	6	4	3	2	1	—
Полковыхъ служителей . .	92	100	134	100	124	44	48	32	26	42
«При сотняхъ» начальствующихъ лицъ	26	25	18	18	16	21	26	13	13	8
Казаковъ съ урядниками .	1300	1250	850	900	700	1300	1193	823	775	740
						Всѣхъ чиновъ 5116.				

Сравнивая данныя донесенія Военной Коллегіи о списочномъ состояніи съ таблицею 18-ю, мы видимъ, что въ обоихъ случаяхъ каждый изъ младшихъ начальниковъ Слободскихъ полковъ имѣлъ у себя подъ командою около 50 казаковъ, т. е. полусотню, съ урядниками. Что полусотня была наименьшею единицею, свидѣтельствуетъ также слѣдующая выдержка изъ рапорта Кантемира, при которомъ представлена помянутая вѣдомость: «къ вышеписаннымъ 5000 недостающихъ причитается не прибывшіе Острогожскаго полку *при двухъ сотникахъ команды*, для понужденія которыхъ въ скорѣйшее слѣдованіе, какъ въ рапортѣ значится, съ строгимъ подтвержденіемъ нарочные отправлены». Въ графномъ же рапортѣ Кантемира неприбывшими Острогожскаго полка значатся всего 125 казаковъ и урядниковъ, т. е. по 62 человѣка. Если примемъ оговорку въ томъ же рапортѣ, что въ походъ брали «вооруженныхъ подмощниковъ», то этотъ излишекъ въ 10-ть челов. совершенно понятенъ. На этомъ основаніи заключаемъ, что наименьшая часть слободскихъ полковъ была полусотенная

команда, подъ командою сотника *). Знамя же въ походъ 1756 1757 гг. было одно на полкъ. Сотенные и хорунжіе въ походъ 1757 года не выходили (въ вѣдомости не показано). Атаманы же никогда не участвовали въ походѣ (Головинскій, стр. 70).

119. См. характеристику дѣйствій нерегулярныхъ въ примѣчаніи 126-мъ.

120. Румянцевъ такъ характеризуетъ калмыковъ и малороссійскихъ казаковъ. «Калмыцкое войско, подобное хищнымъ татарамъ, нельзя удержать въ порядкѣ, и лучше не соединять его, соблазна ради, съ арміею, а оставить въ удобное время по примѣрамъ прошедшимъ, придавъ къ оному нѣсколько Донского и, для виду, регулярнаго войска, чинить поиски на Крымъ, и въ тоже время отъ Азова нашей эскадрѣ къ той же сторонѣ обратиться...». «Казаки малороссійскіе хотя не похваляются въ своей способности къ военнымъ дѣйствіямъ, однако-жъ они прочую довольную службу при арміи, которая требуетъ людей, весьма исправно несутъ. Поровнять ихъ съ прочимъ порядочнымъ войскомъ много надобно бы ждивенія, а какъ они съ прошлой зимы въ походѣ находятся безъ жалованья и пришли въ несостояніе, то къ поправленію ихъ на зиму отпустить въ дома, оставивъ часть надобную необходимо при арміи, которымъ и дать содержаніе, равное съ Донскими казаками. *Перемѣнить ихъ иными нынѣ возможности*, потому что съ прошлаго года всѣ другіе содержатъ безсмѣнно форносты по польской границѣ, и все ихъ число, называемое выборными, въ раскомандированіяхъ находится». Изъ архива военно-походной канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго. См. Военный журналъ, 1853 г., № II, стр. 166.

*) Что собственно сотни въ малороссійскомъ войскѣ давно утратила свое значеніе, свидѣтельствуетъ и Каховскій (въ Сборникѣ сочиненій офицеровъ генеральнаго штаба; книга 2-я, стр. 133).

121. Дѣла Военно-ученаго архива, книга 224., А. (Журналъ военныхъ дѣйствій).

122. «Слободскіе казачьи полки» Головинскаго, страница 167.

123. Оба документа, помянутые въ примѣчаніи 116-мъ, согласно показываютъ, что въ каждомъ полку было по 30 пушкарей; кромѣ того, генералъ-лейтенантъ Кантемиръ представляетъ и «Вѣдомость» о взятой, «при нынѣшнемъ въ походъ выступленіи въ нижеписанныхъ полкахъ походной артиллеріи».

НАЗВАНІЕ ВЕЩЕЙ.	Сумскій.	Ахтырскій.	Харьковск.	Острогорск.	Изюмскій.	Итого.
Пушекъ съ принадлежностями	2	2	2	2	2	10
Для клажи полковыхъ и прочихъ артиллерійскихъ припасовъ ящиковъ	2	2	2	2	2	10
Для поклажи запаса пороху.	2	2	2	2	2	10
Лошадей подъ подъемъ артиллеріи съ принадлежностями	10	10	10	10	10	50

Эта вѣдомость показываетъ, что въ каждомъ полку было по два орудія при 15-ти нумерахъ конной прислуги. Затѣмъ въ вѣдомости г.-м. Кантемира сказано: «вышеписанныхъ выступившихъ въ походъ казаковъ находится у каждаго по двѣ лошади верховыхъ, въ томъ числѣ по одной вьючной съ исправными сѣдлами, уздами, чибурами, недоуздкамѣ, арканами, ременными треноги-путами, по одному исправному ружью; въ нѣкоторыхъ—и по одному пистолету и одной саблѣ; списы (пики)—стальные, въ лядункахъ по осьмнадцати патроновъ, пуль же по калибру—пятьдесятъ, пороху—по одному фунту; кремней—по десяти на четырехъ человѣкъ, по одному ...(?) возку; при всякомъ сту человѣкъ казаковъ—по одному

ящику, и въ нихъ на каждаго человѣка въ запасъ пороху по три фунта, пуль по 80-ти, картечи по двадцати восьми».

124. «Головинскій» (страница 179). Черкески съ откидными рукавами (у всѣхъ синія); чекмень и шаровары: у Харьковскаго—желтые, въ Сумскомъ—свѣтло-синіе, у Ахтырскаго—зеленые, Изюмскаго—красные и въ Острогорскомъ—«красно-ранжевые».

125. Малороссія, кромѣ Слободскихъ полковъ, должна была выставить: во-первыхъ, конскій запасъ въ 10,000 коней *); во-вторыхъ, 10.000 человѣкъ для офицерской прислуги, но большая часть изъ нихъ прибыла поздно и назначена для крѣпостныхъ работъ въ Ригѣ и Ревелѣ **); въ-третьихъ, Компанейскій полкъ въ 1000 человѣкъ, который прибылъ къ арміи и въ составѣ отряда г.-м. Кастюрина, принялъ участіе въ Г.-Егерсдорфскомъ дѣлѣ. Осенью 1757 г. полкъ былъ направленъ сначала въ Новгородъ ***). Въ кампаніи 1758 г., этотъ полкъ участія не принималъ.

126. Совершенное разстройство нашей регулярной конницы во время войнъ съ Фридрихомъ Великимъ само собой выдвигаетъ на первое мѣсто войска «нерегулярныя». Дабы составить себѣ понятіе о характерѣ и способѣ дѣйствій нерегулярныхъ, посмотримъ нѣкоторые факты изъ войнъ ближайшихъ къ Семилѣтней.

Данныя для нашего очерка заимствуемъ отъ Бутурлина («Военная Исторія походовъ Россіянъ въ XVIII вѣкѣ») и Манштейна («Записки историческія, гражданскія и военныя...»).

Обращаясь къ боевой дѣятельности Донскихъ казаковъ во время войнъ Миниха и Ласси, мы прежде всего встрѣчаемъ

---

*) Арх. князя Воронцова; томъ III, стран. 401. Тотъ же документъ есть въ Москов. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{132}/_{142}$. Въ 1757 г. изъ этого числа взяли только 1000 лошадей, которыя были направлены черезъ Литву на Вильну, для сопровожденія въ армію 2000 быковъ.

**) Переписка въ Москов. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{94}/_{97}$.

***) Москов. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$.

ту общую черту, что какъ въ европейской, такъ и,—въ большей части случаевъ,—турецкихъ войнахъ, отдѣльныя операціи, внѣ поля сраженія, не возлагались исключительно на казаковъ, а почти всегда на казаковъ совмѣстно съ драгунами. На необходимость подобныхъ смѣшенныхъ составовъ отрядовъ намекаетъ и Румянцевъ (смотр. примѣчаніе 120).

Примѣрами дѣйствій нерегулярныхъ войскъ могутъ служить:

1) При осадѣ Данцига (1734 г.) охраненіе тыла осаднаго корпуса со стороны Швеца, отъ нападенія польскихъ конфедератовъ (партіи Станислава), было возложено на драгунско-казачій конный отрядъ съ конною артиллеріею. Русскихъ войскъ было: 2000 драгунъ и 1000 казаковъ (всего 3000 сабель и ружей и четыре конныхъ орудія), подъ общимъ начальствомъ генер.-маіора Загряжскаго. Поляки, подъ начальствомъ Черскаго, приблизительно въ тѣхъ же силахъ, занимали Швецъ (Свѣчь).

Задача по охраненію тыла осаднаго корпуса была рѣшена наступленіемъ отряда Загряжскаго 24-го марта отъ Данцига къ Швецу. 25-го марта, между передовыми частями отрядовъ Загряжскаго и Черскаго, былъ рядъ стычекъ, завершившихся боемъ у Швеца (26-го марта). По мѣстнымъ условіямъ пришлось вести бой спѣшенными частями (поляки разрушили мостъ на рѣкѣ, прикрывавшей ихъ фронтъ), при чемъ успѣху атаки русскихъ способствовало полное содѣйствіе конной артиллеріи: «нѣсколько выстрѣловъ изъ полевыхъ пушекъ въ такой страхъ привели непріятеля, что оный принялъ намѣреніе отступить назадъ».

Осторожность ли дѣйствія Загряжскаго, забота ли его о захваченныхъ значительныхъ запасахъ въ Швецѣ повліяли на медленность дѣйствій русскихъ при преслѣдованіи, но, вслѣдствіе бездѣйствія русскихъ, Черскій успѣлъ соединиться съ конфедератами гр. Тарло, который, принявъ начальство уже надъ 8000 отрядомъ поляковъ,—обошелъ Свѣчь съ за-

нада и направился къ Тухелю съ цѣлью войти въ связь съ десантомъ французскихъ войскъ въ окрестности Данцига—у Пуцига. Загряжскій, въ виду превосходства силъ непріятеля, не рѣшился атаковать Тарло на маршѣ и отошелъ къ Данцигу.

Минихъ, узнавъ объ отступленіи Загряжскаго, немедленно отрѣшилъ послѣдняго отъ командованія отрядомъ, поручилъ операцію Ласси и,—усиливъ его однимъ полкомъ драгунъ и двумя конными орудіями,—поставилъ ту же цѣль,—очистить тылъ отъ конфедератовъ.

Ласси выбираетъ первоначально направленіе на Рейнфельдъ и Цукау, съ цѣлью—какъ прикрыть тылъ лагеря, такъ и воспрепятствовать соединенію поляковъ съ французскимъ десантомъ. Развѣдавъ о положеніи отряда графа Тарло, и узнавъ, что онъ прослѣдовалъ уже къ Нейштату, Ласси оставилъ полкъ драгунъ для прикрытія тыла, а съ остальными рѣшился атаковать отрядъ графа Тарло на маршѣ.

Непріятель, дѣйствительно, былъ настигнутъ у д. Вишигепъ, но при крайне благопріятныхъ условіяхъ для обороны: поляки имѣли впереди фронта рядъ оборонительныхъ позицій, на которыхъ и рѣшились держаться. Не смотря, однако, на это, Ласси приказалъ немедленно атаковать поляковъ, спѣшилъ драгунъ (казаки оставались въ конномъ строю), взялъ съ боя двѣ позиціи и, на голову разбивъ отрядъ Тарло, вынудилъ поляковъ отказаться отъ попытокъ соединиться съ французами и дѣйствовать на тылъ нашихъ войскъ подъ Данцигомъ.

2) Во время турецкихъ войнъ (при Минихѣ) мы тоже самое въ большинствѣ случаевъ встрѣчаемъ крайне характерную службу конныхъ отрядовъ (изъ казаковъ и драгунъ).

Такъ, напримѣръ, въ 1736 году армія наша образовала два самостоятельныхъ корпуса: одинъ, въ составѣ 6-ти полковъ пѣхоты (около 9000), трехъ драгунскихъ (3500) и

3000 Донскихъ казаковъ, всего около 15,000 (подъ начальствомъ Левашова, потомъ Ласси) и главная армія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Миниха, въ составѣ 15-ти пѣхотныхъ, 12-ти драгунскихъ, 10-ти полковъ ландмиліціи и 12,000 казаковъ (5000 Донскихъ, 4000 Украинскихъ, 3000 Запорожцевъ), всего 54,000.

Отрядъ Левашова предназначался для блокады Азова, главная-же армія для дѣйствія въ Крыму. 17-го мая главная армія сосредоточилась у каменнаго затона, на лѣвомъ берегу Днѣпра (противъ Запорожской сѣчи), на р. Друшкѣ. 19-го мая выдвинуты были впередъ пять рекогносцировочныхъ отрядовъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Спигеля. Каждый отрядъ былъ въ составѣ 400 человѣкъ (4—5 ротъ драгунъ и 150 казаковъ).

Генералъ-маіоръ Спигель имѣлъ цѣлью развѣдать о показавшемся уже непріятелѣ и мѣстности, наступая возможно широкимъ фронтомъ (мѣстность степная), но такъ, чтобы въ случаѣ встрѣчи съ превосходными силами непріятеля, эти отдѣленные отряды были бы въ состояніи оказать взаимную поддержку.

Отойдя мили двѣ отъ прикрываемыхъ ими главныхъ силъ, одинъ изъ отрядовъ г. Спигеля сбилъ передовой отрядъ татаръ, и, при преслѣдованіи, казаки открыли «татарскія полчища», силою всего до 20,000 копей. Генералъ-маіоръ Спигель едва успѣлъ сосредоточить всѣ пять отрядовъ, построилъ «изъ драгунъ каре» и спѣшилъ первый рядъ, окруженный уже непріятелемъ. «Татары учинили на каре нападеніе съ ужаснымъ крикомъ и бросаніемъ тучи стрѣлъ своихъ. Драгуны стояли неустрашимо, не тратили попапрасну своихъ зарядовъ, а начали стрѣлять *уже тогда, какъ выстрѣлы ихъ вѣрно попадали въ непріятелей; сей огонь остановилъ татаръ съ такимъ страхомъ, что не отваживались приближаться къ четыреугольнику, какъ на сто шаговъ*, а

довольствовались ристаніемъ на своихъ коняхъ передъ войскомъ со всѣхъ сторонъ изъ ружей и бросая преужасное множество стрѣлъ». Въ этомъ положеніи генералъ-маіоръ Спигель продержался болѣе 6-ти часовъ, пока Миних узналъ о положеніи передовыхъ частей и съ 3000 (три полка) драгунъ и 2000 казаковъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Леонтьева,—приблизился на выручку генералъ-маіора Спигеля и вынудилъ татаръ отступить.

«Татары, съ сего времени (говоритъ Манстейнъ), стали бояться Россіянъ гораздо больше, нежели прежде...».

По сдачѣ «Перекопа» Миних устроилъ въ этомъ пунктѣ временную базу своихъ дѣйствій, и 9-го іюня выслалъ новый отрядъ изъ 1500 ($1^1/_2$ полк.) драгунъ и 2000 казаковъ, подкрѣпленныхъ всѣми гренадерскими ротами,—подъ общимъ начальствомъ генерала Гейнца, для развѣдки о непріятелѣ. Казаки были впереди, но въ этомъ случаѣ Гейнцъ не успѣлъ во время ихъ подкрѣпить не только гренадерами, но и драгунами. Донскіе казаки, пробравшись къ татарскому лагерю, «на разсвѣтѣ дня напали на станъ татарскій и нашли ихъ большею частью спящими». Сперва успѣхъ былъ полный: казаки «кололи и рубили всѣхъ, имъ попадавшихся». но когда татары увидѣли, что имѣютъ дѣло только съ казаками—«устремились къ нападенію на нихъ» и принудили отступить назадъ съ чувствительнымъ урономъ. Только послѣ неудачи подошло подкрѣпленіе, и «татары при видѣ сего (т. е. регулярнаго войска) обратились въ бѣгъ, оставя станъ свой съ великимъ множествомъ конскаго корма и палатокъ въ добычу».

Гейнцъ за нераспорядительность былъ отданъ подъ военный судъ и разжалованъ «вѣчно въ земскіе полки (украинская ландмилиція) рядовымъ драгуномъ».

Въ концѣ похода (августъ 1736 г.), при возвращеніи Миниха изъ Бахчисарая къ Перекопу, татары имѣли цѣлью

прервать сообщеніе русской арміи съ Перекопомъ. Для обезпеченія своего пути отступленія Миниxъ отрядилъ впередъ ген.-маіора Спигеля съ 5-ю драгунскими полками (при 10 конныхъ орудіяхъ) и 2000 казаковъ. Кромѣ того, Спигель имѣлъ назначеніе—*выяснить состояніе кратчайшихъ дорогъ* изъ Бахтума въ Крымъ. Къ сожалѣнію, единственный источникъ (Манстейнъ) не указываетъ подробностей этой крайне интересной операціи, но задача была вполнѣ выполнена какъ по охраненію дефиле, такъ и по розыску пути, ибо «*Лассіи въ оба послѣдовавшіе похода всегда слѣдовалъ прямымъ (на Бахтумъ) путемъ*», который былъ найденъ Спигелемъ.

3) Въ дѣйствіяхъ Лассіи подъ Азовомъ мы встрѣчаемъ самое дѣятельное участіе казаковъ; при чемъ въ особенности отмѣчено отраженіе 6-го мая вылазки, «почти всего охраннаго войска», исключительно благодаря искуснаго дѣйствія изъ *засады* Донскихъ казаковъ.

Нельзя не замѣтить, что Украинскіе казаки въ этомъ походѣ не только ничѣмъ особымъ себя не заявили, но Миниxъ, рѣшившись отступить къ Перекопу («въ намѣреніи сбереженія съѣстныхъ припасовъ»), прежде всего отправилъ назадъ Запорожцевъ и Украинскихъ казаковъ. Запорожцамъ онъ, однако, приказалъ «частые посылать отряды къ Очаковской сторонѣ и къ Бендерамъ», а о назначеніи послѣднихъ (т. е. Украинскихъ) ничего неизвѣстно.

4) Вскорѣ послѣ того, *препровожденіе больныхъ изъ Крыма* было возложено на отрядъ генералъ-маіора Бирона (6-ть полковъ драгунъ и 2000 Донскихъ казаковъ).

Въ теченіе октября мѣсяца,—когда армія заняла уже зимнія квартиры на Украйнѣ,—татары перешли въ наступленіе, ворвались въ Украйну, сожгли тамъ нѣсколько деревень, «увели въ плѣнъ великое число людей», и, вообще, произвели обычное свое неистовство.

Немедленно полкъ Краснощекова былъ посланъ съ 2000 казаковъ «*въ погоню*». Черезъ три дня по выступленіи (25-го октября выступили, а 28-го все было окончено), Краснощековъ напалъ сначала одну, а затѣмъ и другую татарскую партію, въ обѣихъ освободилъ 3000 русскихъ плѣнныхъ и захватилъ 400 татарскихъ лошадей. Въ этотъ же годъ отличились и калмыки, бывшіе въ составѣ «разнородныхъ командъ» арміи Апраксина. Мы считаемъ особенно важнымъ остановиться на дѣйствіяхъ калмыковъ, такъ какъ при этомъ будемъ имѣть единственный случай видѣть хотя бы общій характеръ ихъ дѣйствій. Тѣмъ болѣе считаемъ не безполезнымъ напомнить прежнюю боевую ихъ дѣятельность, потому что нѣкоторые (далеко не безъ основанія) и теперь считаютъ калмыковъ пригодными для формированія полковъ нерегулярной конницы (Воен. Сборникъ № 2, 1886 г., статья г. Арцишевскаго).

5) Въ 1736 г., одновременно съ дѣйствіемъ въ Крыму, было рѣшено произвести нападеніе на Кубанскихъ татаръ. Съ этою цѣлью было приказано калмыцкому владѣльцу Дундуку-Омбо, кочевавшему между Царицынымъ и Астраханью, вначалѣ апрѣля, напасть на Кубань.

20,000 калмыковъ, подъ личнымъ начальствомъ Дундука, выступили въ походъ. Между рр. Кубанью и Орпою, Дундукъ настигъ 5000 татарскихъ кибитокъ, которыя успѣли построить «телѣги вокругъ себя тремя рядами для защиты», въ образѣ «укрѣпленій». При этихъ условіяхъ, Дундукъ отрядилъ сына своего Голдани-Нарму, съ 10,000 калмыковъ, для атаки живого укрѣпленія. «Юный наѣздникъ», окруживъ станъ со всѣхъ сторонъ, подскакалъ къ укрѣпленію, спѣшился, и, послѣ двухчасового боя, татары были на голову разбиты. Манштейнъ говоритъ, что пощажены были только 10,000 женщинъ и дѣтей, а 6000 мужчинъ—поголовно избиты.

При развитіи дальнѣйшихъ дѣйствій на р. Гегорликѣ, Дундуку пришлось имѣть дѣло съ значительно превосходными силами непріятеля, въ числѣ 30,000 кибитокъ. Калмыки, ожидая подкрѣпленія отъ Донскихъ казаковъ, сначала рѣшились дѣйствовать оборонительно. Татары въ свою очередь не воспользовались случаемъ для отдѣльнаго пораженія калмыковъ и рѣшились обороняться за крѣпкими позиціями (за рядомъ дефиле, выходъ изъ которыхъ былъ занятъ татарами). Дундукъ, не имѣя самъ достаточнаго числа силъ, воспользовался особенностями мѣстности для безопаснаго выжиданія подкрѣпленій, зорко наблюдалъ только выходы и «держалъ татаръ 37 дней въ окруженіи». Съ прибытіемъ двухъ большихъ отрядовъ Донскихъ казаковъ (въ маѣ мѣсяцѣ), полковниковъ Ефремова и Краснощекова, блокированная часть татаръ, безъ боя, покорилась русскому оружію и приняла присягу императрицѣ, оставивъ Дундуку заложниковъ.

Не смотря на эту побѣду, большая часть татарскихъ ордъ была еще непокорена. Чтобы разъ навсегда покончить съ Кубанскими татарами, императрица Анна повелѣла продолжать движеніе на Кубань и привесть въ покорность всѣ остальныя орды.

6) 30-го ноября 1736 года сводный казацко-калмыцкій отрядъ, силою въ 25,000 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ Дундука-Омбы, двинулся внутрь Кубанской области.

По первымъ развѣдкамъ оказалось, что главная татарская орда (Жетускульская), силою до 20,000 конныхъ, обезпечивъ себя занятіемъ «многихъ весьма крѣпкихъ становъ въ узкихъ проходахъ», пасла лошадей на лѣвомъ берегу рѣки Кубанки.

Дундукъ отрядилъ полковниковъ Краснощекова и Ефремова «съ знатнымъ числомъ казаковъ» для рекогносцировки. «Цѣлый день осматривали казаки всѣ окрестности непріятельскихъ укрѣпленій», почью напали «на главный станъ

и овладѣли оными»: при чемъ, «*такъ какъ захватили всѣхъ лошадей у татаръ, бывшихъ тутъ на карауль. то ни одинъ не могъ уйти, и всѣ были побиты, кромѣ начальника его отряда*, котораго привели въ станъ для полученія обстоятельнѣйшихъ извѣстій».

Отъ этого «плѣнника» Дундукъ узналъ всѣ подробности о положеніи непріятеля, сообразно этому «раздѣлилъ свои войска на разные отряды, напалъ на непріятеля съ разныхъ сторонъ» и разбилъ Жетускульскую орду на голову. 14-го декабря, послѣ неважныхъ стычекъ, съ Кубанскими татарами было покончено. «Дундукъ-Омоо признался, что давно не имѣлъ столь совершенной побѣды». Вся потеря татаръ исчислялась, по меньшей мѣрѣ, въ 30,000 душъ; изъ нихъ 15,000 убитыхъ. Одни калмыки *на свою долю* получили 20,000 лошадей.

Въ послѣдующіе годы войнъ Миниха противъ турокъ, мы видимъ подобныя же операціи внѣ поля сраженія, и тоже, въ большинствѣ случаевъ, драгуны дѣйствуютъ совмѣстно съ Донскими казаками; кромѣ того, не рѣдко, встрѣчаются характерныя дѣйствія драгунъ на передовыхъ постахъ и въ спѣшенномъ строѣ, при невозможности дѣйствій на конѣ.

7) Такъ въ 1737 году, при осадѣ Очакова, одна изъ весьма сильныхъ вылазокъ турокъ въ 15,000 отбита Донскими казаками, «отводными» караулами и артиллеріею; при чемъ казаки захватили у непріятеля до 200 лошадей.

Взятіе крѣпости Очакова 13-го іюля 1737 года, предпринятое Минихомъ безъ заранѣе обдуманнаго плана штурма, удалось, главнымъ образомъ, благодаря рѣшительному дѣйствію гусаръ и Донскихъ казаковъ. «Войска уже отступили послѣ неудачнаго приступа въ ближайшія мѣстныя укрытія (сады), какъ произведенный пожаръ въ городѣ вынудилъ часть турецкихъ войскъ выйти изъ крѣпости къ своему флоту; гусары и Донскіе казаки, *охранявшіе сообщеніе кры-*

почти съ моремъ, бросились на турокъ, принудили ихъ отступить, «*и сами вошли въ опый вмѣстѣ съ бѣжавшими*». Это понудило Сераскира немедленно капитулировать, «прося только о спасеніи жизни». Манштейнъ, не описывая подробно состава штурмовыхъ колоннъ, въ заключеніи говоритъ: «*Донскіе казаки особливо себя отличили подъ Очаковымъ, ибо по собственной волѣ сражались пѣшіе и ходили на приступъ*».

Въ томъ же году, въ походѣ фельдмаршала Ласси въ Крымъ, мы опять замѣчаемъ, что составъ его отряда на половину состоитъ изъ конницы; при чемъ почти половина послѣдней состояла изъ Донскихъ казаковъ и калмыковъ, а именно: на 20-ть полковъ пѣхоты (около 27,000) было 13-ть драгунскихъ (13,000) и 10—12 тыс. казаковъ и калмыковъ; всего 52,000. Эта армія была усилена во время похода еще четырехтысячнымъ отрядомъ калмыковъ, подъ начальствомъ Голданъ-Нармы.

8) Въ этомъ году *Ласси* имѣлъ въ виду вторгнуться въ Крымъ, по (нынѣ) Арабатской стрѣлкѣ, обойдя Перекопъ. Ханъ во время узналъ намѣреніе Ласси, успѣлъ занять Арабатское укрѣпленіе и преградить наступленіе. При столь затруднительныхъ обстоятельствахъ Ласси рѣшился *переправиться* съ арміею черезъ Сиваш на плотахъ, связанныхъ изъ бочекъ (бывшихъ при арміи съ водою) и толстыхъ рогаточныхъ копей, «а драгуны, казаки и калмыки перебрались въ началѣ іюня въ бродъ или вплавь» *).

Благодаря столь отважному маневру, ханъ вынужденъ былъ отказаться отъ обороны прохода и удалился въ горы, неутомимо преслѣдуемый казаками и калмыками. 23-го Ласси занялъ уже Карасубазаръ.

9) Въ числѣ стычекъ въ окрестностяхъ этого города нельзя не отмѣтить боя 26-го іюля, когда обходъ калмыковъ въ тылъ

*) Бантышъ-Каменскій. Біогр. Россійск. генер.; стр. 208, прямо указываетъ—«вплавь».

рѣшилъ участь боя. Нанеся татарамъ послѣдній ударъ, калмыки увлеклись преслѣдованіемъ и по собственному почину, *«сквозь горы»*, пронеслись до самаго Бахчисарая, приведя 1000 плѣнныхъ.

Вообще съ переходомъ въ Крымъ, до 1000 селъ было выжжено «легкимъ войскомъ», и имъ же доставлено къ арміи до 30,000 быковъ и 100,000 барановъ.

Въ эту войну (1737 г.), мы также не можемъ отмѣтить, что либо объ отличіи Украинскихъ казаковъ.

Манстейнъ, описывая сраженіе у р. Кодимы, 11-го іюля 1738 г. (неподалеку отъ впаденія ея въ Бугъ),—категорически говоритъ, что весь планъ атаки турокъ на наши войска былъ основанъ на томъ, чтобы съ перваго удара сбить Украинскихъ казаковъ, какъ самое ненадежное войско: «Турки учинили нападеніе на станъ Украинскихъ казаковъ, льстясь тѣмъ, что какъ почитались они самымъ худымъ россійскимъ войскомъ, то и могутъ имѣть надъ ними выигрышъ».

10) Въ 1739 г. по переправѣ р. Буга (у Константинова, Латышева и Межибожья), мы встрѣчаемъ рядъ образцовыхъ дѣйствій легкой конницы, но опять только Донскихъ казаковъ. Такъ, *съ цѣлью ввести въ заблужденіе Вели-Пашу о направленіи силъ*, изъ окрестностей Латышева (Летичевъ) направляется впередъ фронта «большой отрядъ» казаковъ, на Сороки и Могилевъ. Отрядъ переправляется вплавь черезъ Днѣстръ, сжигаетъ оба помянутые города и, распустивъ слухи о слѣдованіи за нимъ всей арміи, захватываетъ 18 плѣнныхъ и 400 лошадей и возвращается назадъ. Послѣдствіе этой демонстраціи Вели-Паша остается двѣ недѣли у Бендеръ, не зная куда дѣйствительно направится армія Миниха, а тѣмъ временемъ послѣдняя переправляется черезъ Днѣстръ. Вообще, въ этотъ годъ войны, выступили на театръ военныхъ дѣйствій всѣ 4-ре «старыхъ гусарскихъ полка», бывшихъ

въ Семилѣтнюю войну—но изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть только о дѣйствіяхъ Молдавскаго гусарскаго полка подъ начальствомъ князя Кантемира, но и то отмѣтить лишь отрицательную сторону.

Имѣя назначеніе дѣйствовать противъ турокъ въ Молдавіи, князь Кантемиръ, изъ личной вражды къ графу Потоцкому,—вторгнулся въ его владѣнія, и, предавая все огню и мечу, не щадя—ни лѣтъ, ни сана»,—«опустошилъ землю великаго маршала», такъ что Императрица обязалась заплатить (за убытки) «знатную сумму денегъ».

11) Операціи 1739 г. окончились *набѣгомъ Донскихъ казаковъ въ тылъ расположенія турокъ, съ цѣлью уничтоженія запасовъ и средствъ турецкой арміи, на лѣвомъ берегу Дуная.*

За нѣсколько дней до заключенія Бѣлградскаго мира, бригадиръ Фроловъ съ 4—5 тыс. Донскихъ казаковъ былъ направленъ, безъ маршрута, изъ Яссъ къ Дунаю. Непріятель къ этому времени былъ сосредоточенъ около Бендеръ. Движеніе Фролова къ Дунаю хотя и было успѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстность крайне стѣсняла свободу его дѣйствій.

Море, Дунай и Трансильванскія горы значительно облегчили туркамъ захватить путь отступленія казаковъ.

Зная союзное отношеніе Австріи къ Россіи, Фроловъ перешелъ австрійскую границу, но ошибся въ расчетахъ. Отрядъ Фролова былъ окруженъ конвоемъ 3-хъ кирасирскихъ и 2-хъ гусарскихъ австрійскихъ полковъ и конвоированъ ими «до самой Польши». Отношеніе австрійцевъ къ казакамъ было самое ужасное: ихъ «ничѣмъ не снабжали на пути, за все принуждали платить наличными деньгами и чрезмѣрною цѣною»: но всего опаснѣе было то, что какъ скоро который либо казакъ отдалялся на сто шаговъ отъ главнаго корпуса, то немилосердно убиваемъ былъ австрійскими гусарами для того только, чтобъ получить его лошадь и оружіе.

Донскіе казаки имѣютъ превосходныхъ лошадей и всѣ ружья отмѣнно отправленныя и съ богатою насѣчкою, а сабли ихъ весьма *хорошей закалки*».

Вотъ какъ характеризуетъ лицо, очень близкое къ Миниху, отношеніе къ намъ австрійцевъ, остановившихъ (коварнымъ заключеніемъ Бѣлградскаго мира),—побѣдоносное шествіе Миниха къ берегамъ Дупая. Съ этими то союзниками, черезъ 16-ть лѣтъ, русскимъ пришлось дѣйствовать противъ Фридриха II.

Несомнѣнно, что Апраксинъ, Ферморъ и др. старшіе генералы, бывшіе въ рядахъ арміи Миниха, помнили и въ Семилѣтнюю войну Бѣлградскій миръ и вообще союзныя отношенія австрійцевъ въ послѣднюю турецкую войну, а потому понятно съ какимъ чувствомъ они могли къ нимъ относиться и вѣрить въ искренность словъ своихъ союзниковъ.

Факты войны 1740 1743 гг. въ Финляндіи мало могутъ прибавить особенностей къ тѣмъ типичнымъ задачамъ, которыя ставились нашей конницѣ въ турецкія войны. Манштейнъ вообще не придаетъ особаго значенія Финляндской войнѣ въ виду крайней пассивности непріятеля; но кто знаетъ, что эта паника не была слѣдствіемъ неуязвимости «нерегулярныхъ» войскъ, для которыхъ шведская кавалерія была шуткою сравнительно съ татарами и турками?

При всей пассивности шведовъ, однако, несомнѣнно есть факты, гдѣ видно, что дѣйствія сѣшенныхъ драгунъ, гусаръ и казаковъ часто имѣли рѣшительное вліяніе. Въ походѣ 1741 года участвовали только драгунскіе полки и дѣйствіе, напримѣръ, Кіевскаго драгунскаго полка, занявшаго (повидимому въ видѣ бокового авангарда) одно болотисто-лѣсистое дефиле,—способствовало удержанію части шведскаго отряда, долженствовавшаго содѣйствовать войскамъ при отраженіи нападенія на Вильманстрандтъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1741 г. прибыли на театръ военныхъ дѣйствій Донскіе казаки и калмыки и, тотчасъ же, «пожгли множество деревень».

Всѣ ближайшія пограничныя мѣста шведской Финляндіи «выжжены были зимою (1741 1742 г.) казаками для отнятія у шведскаго войска способа къ пристанищу и содержанію», а «жители ушли внутрь земли».

Русская конница все время похода всегда была впереди, и не смотря на то, что на каждомъ шагу непріятель по мѣстности могъ оказать серьезное сопротивленіе, шведы нигдѣ почти не оказывали ни малѣйшей задержки. Что то въ родѣ нападенія было произведено около ук. Мендоласки (за р. Вереіокки), но дѣло ограничилось атакою превосходныхъ силъ на гусарскій отводной караулъ, который тѣмъ не менѣе, въ пѣшемъ строю отразилъ шведовъ. У Фридрихстама шведы хотѣли оказать сопротивленіе, но вмѣсто того лишь зажгли городъ, дабы прикрыть свое отступленіе. Въ нѣкоторыхъ домахъ оставлены нарочно разрывные снаряды, чтобы «тѣмъ препятствовать Россіянамъ войти въ городъ и гасить пожаръ».

Русская армія,—вынужденная по мѣстнымъ условіямъ дѣйствительно проходить Фридрихстамъ,—непреслѣдовала шведовъ. Только «легкія войска» пробрались сквозь пожарище, но не могли уже догнать отступающихъ. «Бѣгство было столь быстро, что одинъ изъ полковъ, говорятъ, забылъ даже свое знамя».

Вообще при наступленіи арміи казаки все время сидѣли на плечахъ у отступающаго, чѣмъ несомнѣнно производили въ рядахъ ихъ полный безпорядокъ.

127. Архивъ князя Воронцова; томъ 3, стр. 160 и 398. Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$ и $^{149}/_{152}$.

Въ манифестѣ «Намѣстнику ханства калмыцкаго, Дундуку Дашѣ съ братьями, дѣтьми и съ племянниками» отъ 6-го мая 1757 года, послѣ объявленія «Императорской милости», сказано такъ: «для нѣкоторой нашей потребности изъ торгоутовыхъ, дербетевыхъ и хотоутовыхъ калмыковъ для введенія въ Малороссію нарядить 4000». Кромѣ того, было приказано приготовить еще 4000, «опредѣляя къ нимъ (въ обѣ 4000-ныя команды) командировъ изъ владѣльцевъ калмыцкихъ, и къ нему въ товарищи двухъ человѣкъ зайсановъ, а при томъ и еще нѣсколько зайсановъ для содержанія въ томъ войскѣ порядка; всѣ о дву конь». Къ этому же манифесту приложено письмо Бестужева, гдѣ, между прочимъ, сказано, что, «хотя въ 1745 году калмыки уклонялись отъ выставленія наряда (въ виду опасенія отъ нападенія на ихъ собственныя земли—сосѣдей), но въ настоящее время Яикъ укрѣпленъ форпостами и опаспости нѣтъ».

Въ концѣ концовъ ханъ все-таки нашелъ затрудненіе, и въ дѣйствительности было выставлено всего 2000.

128. Эти опасенія совершенно опредѣленно высказываются въ инструкціи офицерамъ для препровожденія калмыковъ, башкировъ и мещеряковъ. Такъ, въ инструкціи маіору Гаку 24-го мая 1756 года, данной Коллегіею иностранныхъ дѣлъ (Копія въ М. О. Арх. Глав. штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$) сказано: «для вспоможенія въ смотрѣніи за калмыками, чтобъ отъ нихъ россійскимъ жилищамъ и обывателямъ не было разоренія, командировать въ команду вашу четырехъ человѣкъ офицеровъ, которые васъ съ калмыками при Царицынѣ ожидать имѣютъ. И сверхъ того, для предосторожности и смотрѣнія за калмыками въ пути, чтобъ въ россійскихъ жилищахъ кражи и воровства отъ нихъ не происходило, отъ войска Донского командировать 600 казаковъ...». Кромѣ того, «Петру Семеновичу Салтыкову (было приказано) на встрѣчу для лучшаго калмыковъ удержанія отъ воровства выслано (вамъ) быть имѣетъ 200 человѣкъ драгунъ».

Затѣмъ, въ 4-мъ пунктѣ инструкціи Гаку указанъ рядъ мѣръ «предосторожностей отъ калмыцкой кражи». Сущность ихъ сводится къ тому, чтобы команды препровождать «сколь возможно мѣстами къ жилымъ неблизкими трактами, чтобы отъ ихъ проходу обывателямъ обидъ никакихъ не было».

На основаніи инструкцій для препровожденія «разнонародныхъ» командъ нужно признать, что конвоированіе составляло крайне трудную задачу, какъ это признаетъ и Коллегія иностранныхъ дѣлъ. Воронцовъ напоминаетъ Гаку и другимъ своевольство подобныхъ командъ. «Вамъ обстоятельно извѣстно быть имѣетъ, что въ 1746 году бывшіе въ Лифляндіи въ походѣ 1000 изъ калмыцкаго войска, по приближеніи осени, безъ отпуска ушли съ дороги въ свои улусы, а потому... и нынѣ въ этомъ отъ нихъ не безъ опасенія есть». Вообще средствами для удержанія калмыкъ отъ «продерзостей» рекомендовалось воздерживаться отъ наказанія, а сообщать про то ихъ владѣльцамъ и зайсанамъ, а главное предписывалось самымъ аккуратнымъ образомъ выпрачивать жалованье, ибо «малѣйшая въ томъ неисправность къ развращенію ихъ ближайшимъ бы поводомъ быть имѣла».

129. Изъ донесенія Апраксина въ Конференцію. Воен.-уч. архивъ Главнаго штаба, № 224, А.

130. Протоколъ Конференціи 4-го и 6-го апрѣля 1756 г. (Архивъ князя Воронцова, томъ III). Было назначено всего 2000 чел. Въ этомъ именно числѣ всѣ команды и распредѣлены Апраксинымъ по дивизіямъ 19-го іюня 1757 года; а именно: въ 1-ю дивизію Лопухина 500 ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ; въ особый конный отрядъ той же дивизіи, подъ начальствомъ генер.-маіора Шилинга,— 500 мещеряковъ; во 2-ю дивизію (Броуна)—500 башкиръ; въ особый конный отрядъ 2-й дивизіи (ген.-маіора Румянцева)—500 казанскихъ татаръ. (Журналъ воен. дѣйствій арміи Апраксина. Дѣла Воен.-учен. архива, № 224, С). Свѣдѣнія, указанныя

Болотовымъ. (Записки Болотова; часть IV, стр. 481) не имѣютъ никакихъ основаній.

131. Въ помянутой инструкціи (прим. 128) кромѣ «владѣльцевъ», во всѣхъ случаяхъ, упоминается о сотникахъ. Такъ, напримѣръ, подъемныя деньги инструкція указываетъ выдавать «владѣльцамъ» (старшинамъ)—по 20 руб., товарищамъ ихъ—по 10 руб., сотникамъ—по два, а рядовымъ по рублю».

Составъ «трехсотной команды» мещеряковъ, предназначенной для Обсерваціоннаго корпуса, по поступившей въ 1758 г. въ составъ дѣйствующей арміи (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{146}/_{149}$), опредѣляется такъ:

1) Команда, прикомандированная отъ ландмиліціи для препровожденія калмыковъ.

Секундъ-маіоръ . . .	1 (Суворовъ).
Нижнихъ чиновъ . . .	4

2) Собственно команда:

а) Старшинъ	1
б) Сотниковъ	3
в) Мещеряковъ	286

132. Архивъ князя Воронцова, томъ III, стр. 404. «На каждаго человѣка для кафтана и шапки по $4^1/_2$ аршина: калмыкамъ краснаго, мещерякамъ и башкирцамъ зеленаго, казанскимъ татарамъ синяго—сукна россійскихъ фабрикъ». О порядкѣ снабженія есть подробности въ дѣлахъ (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{127}/_{130}$).

133. Мещеряки, напр. 286 человѣкъ, имѣли: ружей 72, сагайдаковъ (луки) 242, копей 286 и сабель 63. Для казанскихъ татаръ были потребованы ружья отъ Оружейной канцеляріи; но, какъ видно изъ переписки,—имъ отправили старыя и никуда негодныя. (Рапортъ Шувалова отъ 16-го февраля и Бутурлина отъ 28-го февраля 1757. М. О. Арх.

Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$). Что же касается калмыковъ, то способъ ихъ дѣйствія въ Кубанской области и въ конномъ, и въ пѣшемъ строю выяснится довольно опредѣленно (смотри прил. 84).

134. Отличный конскій составъ казаковъ (Донскихъ) свидѣтельствуетъ Манстейнъ (Записки..... часть 2-я, стр. 41-я).

135. Смотри ниже таблицы №№ 19, 20, 22, 23, 29 и 30.

136. При организаціи Обсерваціоннаго корпуса было прислано «Извѣстіе отъ 14-го мая 1757 года, изъ военно-походной канцеляріи графа П. И. Шувалова, въ канцелярію Обсерваціоннаго корпуса, «каковъ полученъ его высокографскимъ сіятельствомъ рескриптъ окомфирмованный, поданнаго отъ его сіятельства... о полевой артиллеріи, подлежащей къ Обсерваціонному корпусу...». При чемъ есть копія съ рескрипта, утвержденнаго императрицею 1-го мая 1757 года. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 202, № 13).

Въ этомъ послѣднемъ документѣ по «вопросу о малыхъ единорогахъ» сказано:

«Сверхъ упомянутыхъ орудій вновь сдѣланъ малый единорогъ. То, что до него принадлежитъ, то онъ въ себѣ содержитъ вѣсу отъ 6-ти до 7-ми пудовъ. Метала мечетъ,—въ дистанцію около версты, —шести, семи съ половиною калибровъ длиною фунтовыя гранаты, и онъ же стрѣляетъ горизонтально и 8-ми фунт. гранатами. Въ картечи вмѣщается 50 пуль на одинъ выстрѣлъ; стрѣляли онымъ на разстояніи отъ 80—120 саженъ. Сверхъ того и книпелями стрѣлять можно, какъ то и на опытахъ здѣсь оказалось, что въ 140 саженъ изъ оной, поставленное строеніе зажжено. А лафетъ сдѣланъ разборный. Сіе легкое орудіе для того мною (доноситъ П. Шуваловъ) сдѣлано, что въ случаѣ операціи, гдѣ отнюдь не токмо артиллерія провезена, но ниже лошадь проведена быть можетъ, что оную, снявъ съ лафета двумъ человѣкамъ,

на рычагѣ, удобно понести; а лафетъ, разнявъ на двое, какъ онъ къ тому и приготовленъ,—легко-жъ всякую половину два человѣка понесутъ и колеса также; чтоже принадлежитъ до припасовъ: картечи, гранатъ и ядеръ, то оныя тому деташементу (который къ нападенію на непріятеля или приведенію его въ конфузію съ такой стороны, отъ коей онъ чаять того не можетъ) розданы быть имѣютъ по кармапамъ».

137. Видно изъ переписки гр. Шувалова съ генераломъ В. Лопухинымъ въ Ригѣ, по комплектованію полевой артиллеріи арміи Апраксина. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{127}/_{130}$).

138. Подобная организація артиллерійскаго управленія арміи была во все время Семилѣтней войны. При начальникѣ артиллеріи былъ особый квартирмейстеръ (начальникъ штаба артиллеріи дѣйствующей арміи), какъ то видно, напримѣръ, изъ рапорта Фермора въ 1758 году, по вопросу о вещахъ, зарытыхъ при отступленіи арміи Апраксина «...а отъ него генералъ-маіора артиллеріи (Нотгельфера) квартирмейстеръ Михаилъ Норовъ 11-го минувшаго марта для тѣхъ вещей доставанія—командированъ...». (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$).

139. «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ, временъ Петра I и Елизаветы», глава VIII.

140. Распоряженіе Военной Коллегіи отъ 19-го апрѣля 1756 г. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{139}/_{142}$) вполнѣ понятно. Съ образованіемъ въ пѣхотѣ 3-хъ баталіоновъ было соотвѣтственное увеличеніе штата полковой артиллеріи (таблица № 19); а потому полки должны были принять добавочную артиллерію; но съ одной стороны -масса работъ мобилизаціоннаго характера, а съ другой—перемѣна калибровъ полковой артиллеріи (на что прежде всего обратили вниманіе) видимо препятствовали осуществленію пріема въ полки 5-хъ и 6-хъ орудій (старыхъ мортиръ). Вообще изъ значительнаго

числа вѣдомостей о составѣ полковой артиллеріи, дѣйствительно бывшей въ походѣ, мы заключаемъ, что въ походѣ было не болѣе 4-хъ орудій на полкъ.

Кромѣ того, строевой уставъ 1755 года указывалъ мѣсто въ строю только четыремъ орудіямъ; пѣхотный полкъ имѣлъ только 24 лошади, предназначенныхъ для полковой артиллеріи, т. е. запряжку на 4-ре орудія съ ящиками. Никакихъ намековъ на измѣненіе существовавшихъ уставныхъ правилъ о числѣ орудій на полкъ нѣтъ. Такъ что, если нѣкоторые полки и получили ко дню выступленія 5-я и 6-я орудія, то имено Шуваловскія гаубицы; но это было исключеніе.

141. Записки артиллеріи маіора Данилова, изд. 1842 г. Авторъ участвовалъ въ составленіи проектовъ и пробъ этихъ орудій.

142. Тамъ же.

143. См. таблицу 24.

144. Тоже—21 и 24 таблицы.

145. Тоже—24 таблица.

146. Тоже—25-я.

147. Распредѣленіе артиллеріи послѣ Цорндорфа, въ дѣлахъ М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$.

148. Переписка въ дѣлахъ М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, $^{145}/_{148}$. Относительно доставленія осаднаго парка видно изъ описанія операцій подъ Мемелемъ генер. Фермора.

149. Таблица 27-я.

150. Тоже—28-я.

151. Тоже—29-я.

152. Тоже—30-я.

153. Графъ П. И. Шуваловъ, послѣ бомбардированія Кюстрина, въ 1758 году *), опредѣляетъ достоинство едино-

*) Мнѣніе графа П. И. Шувалова высказано въ рескриптѣ Конференціи Фермору, отъ 18-го августа 1758 г. (Главный архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Прусскія дѣла, связка № 2-й).

роговъ (руководствуясь результатами бывшихъ опытовъ) какъ орудіе вполнѣ пригодное не только для навѣсной, но и для прицѣльной стрѣльбы.

Оставаясь въ высшей степени довольнымъ тѣмъ, что единороги «при бомбардированіи Кюстрина новыя подали о сильномъ и полезномъ своемъ дѣйствіи доказательства», графъ П. И. Шуваловъ, между прочимъ, говоритъ: «Вы (Ферморъ) сами въ реляціи вашей объявляете свое сожалѣніе, что не имѣете при себѣ на сей случай осадной артиллеріи; а большіе двукартуальные и картуальные единороги оную предовольно награждали бы; ибо хотя бросаемыя ими бомбы не имѣютъ толикой тягости, однако-жъ, напротивъ того, единороги, стрѣляя горизонтально и съ такою силою, что,—какъ учиненными здѣсь практиками оказалось,—пробиваясь въ земляной валъ футовъ до семи, въ самомъ валу разрываются и великую осыпь дѣлаютъ; такъ что буде крѣпостныхъ сводовъ сверху пробивать не могутъ, то самая стѣна только большой подвержена отъ нихъ опасности, *что до нынѣ и предосторожности противу того принимаемы не были...*».

Затѣмъ есть указаніе и на награду за успѣшное дѣйствіе изъ единороговъ.

«Упомянутое въ журналѣ вашемъ обстоятельство, *что отъ четвертой изъ единорогъ брошенной бомбы въ городѣ загорѣлись... тому, кто былъ и толь хорошо имъ дѣйствовалъ, годовое не въ зачетъ жалованье*».

Не касаясь разсказа одного нѣмца (помѣщено у Болотова *) о рѣшительныхъ результатахъ бомбардированія Кюстрина,—маіоръ Штрикъ обстоятельно указываетъ на значеніе бомбардированія, предпринятаго имъ при отдѣльномъ дѣйствіи коннаго отряда противъ войскъ за мѣстными предметами;

*) Записки Болотова, стр. 776.

а именно взятіе предмѣстія Швета *). «Подойдя до самой дистанціи, откуда можно было непріятелю изъ единороговъ вредить, гдѣ, остановясь, зачалъ въ нихъ бомбы метать и изъ пушекъ стрѣлять, и тѣмъ принудилъ непріятеля весьма авантажный свой постъ у моста оставить и ретироваться въ городъ, разломавъ мостъ... откуда опые, по усиленной съ нашей стороны стрѣльбѣ и бросанію бомбъ, оставя городъ, ретировались съ поспѣшеніемъ, что видя, я приблизился со всею командою къ рѣкѣ, занялъ постъ свой у моста, гдѣ и маршъ остановленъ».

«Отъ непріятеля достались три малыя чугунныя пушки, а разломанный мостъ жителями, того же числа, по прежнему исправленъ; а для всякой осторожности поставленъ пикетъ по ту сторону рѣки... и посланы разъѣзды».

154. Главный архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Связка 2-я. Прусскія дѣла. Реляціи Фермора.

155. Въ докладѣ Шувалова (см. примѣч. 136) опредѣлено на практическую стрѣльбу по 3 выстрѣла на орудіе, что составляло общій расходъ въ 142 руб. 8 коп. Тутъ же сказано и о «*фузейной экзерциціи*»: «что же касается до пороху, свинцу и прочаго на тѣхъ артиллерійскихъ служителей, которое имъ должно употреблять противъ непріятеля, а понеже оное не ординарно, какъ въ полкахъ исходитъ,—и особо во время баталіи, оные больше при дѣйствіи артиллеріи обращаются,—то имъ весьма рѣдко *изъ ружей пальба случиться можетъ; почему на то и сумма не велика быть имѣетъ*».

Примѣчаніе 156 и 157 включены въ выноски на 63 стр. текста нашего труда.

158. Извлечено изъ Москов. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$.

---

*) Дѣла Военно-ученаго архива, № 227.

«ПУНКТЫ».

«Представленные Ея Императорскому Величеству отъ генерала-аншефа и кавалера Фермора».	«Высочайшая Ея Императорскаго Величества воспослѣдовавшая резолюція отъ 8-го ноября 1757 года».
«При одной дивизіи, подъ командою генерала, быть двумъ генераламъ—поручикамъ, четыремъ генераламъ—маіорамъ и четыремъ бригадирамъ, безъ всякой перемѣны, когда важныхъ резоновъ не будетъ, чрезъ всю продолжавшуюся кампанію, и хотя генералъ-маіоры каждый свою бригаду, въ числѣ трехъ полковъ, имѣть должны, но бригадиры съ своими бригадами, какъ и военный уставъ повелѣваетъ, должны состоять подъ ихъ ордеромъ, имѣя каждый по два полка въ своей бригадѣ, и потому учинивъ во всей дивизіи восемь бригадъ изъ двадцати полковъ, а половина дивизіи изъ десяти полковъ подъ командою каждаго генерала—поручика».	«Что до раздѣленія генералитета принадлежитъ, то сіе Мы совершенно на ваше, яко главнаго командира, опредѣленіе оставляемъ, а вы Намъ токмо донести имѣете: кто точно при которыхъ полкахъ опредѣлился и въ какомъ точно мѣстѣ нынѣ на квартирахъ стоитъ, *ибо для даваемыхъ отсюда указовъ въ томъ великая важность есть*».
«Во всякомъ пѣхотномъ полку напередъ укомплектовать двѣ гренадерскія роты и два баталіона мушкетеръ, полагая каждую мушкетерскую роту изъ ста сорока четырехъ человѣкъ комплектовать, а сверхъ комплекта одно капральство изъ тридцати шести, а всего изъ ста восьмидесяти человѣкъ рота состоять имѣетъ; а гренадерскимъ ротамъ быть по прежнему изъ 200 человѣкъ, и тако весь полкъ изъ	«Второй пунктъ, а именно, чтобъ во всякомъ пѣхотномъ полку,—укомплектовавъ два баталіона и двѣ гренадерскія роты, прибавивъ къ мушкетерскимъ по одному капральству закомплектныхъ,—третьи баталіоны (или лучше сказать, что отъ нихъ затѣмъ останется), отправить въ Ригу,

дѣйствительно служащихъ подъ ружьемъ состоять будетъ. А всѣ комплектные 360 челов. имѣютъ быть экзерциціи обучаемы; а пока въ комплектъ не заступятъ съ прочими въ строю неупотребляемы. На жалованьѣ же денежномъ и хлѣбномъ содержать ихъ равно противъ прочихъ солдатъ, токмо съ тою отмѣною, что имъ вмѣсто мундира имѣть зеленые сертуки, камзолы и штаны красные, одну шпагу окромѣ ружья и амуниціи».

«Оными сверхкомплектными можно будетъ каждому полковнику мѣсто умершаго, раненаго, больного и въ дальнія посылки отлучнаго комплектовать, не представляя къ высшей командѣ; потому при обозахъ, при дѣланіи мостовъ, при дорогѣ, къ печенью хлѣбовъ и къ прочимъ работамъ, въ которыя до нынѣ по нуждѣ строевые брались, (быть могутъ) употребляемы; а полки всегда безъ этихъ въ комплектъ противъ непріятеля въ дѣйствіи могутъ быть. Третьихъ жъ баталіоновъ состоящихъ нынѣ при полкахъ: штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; ежели по укомплектованіи двухъ баталіоновъ остатокъ будетъ — отправить въ Ригу, подъ командою одного генерала — поручика, который тамо укомплектовать изъ выздоравливающихъ больныхъ, прибывающихъ изъ отлучекъ и приводимыхъ рекрутъ, а когда будутъ оные совсѣмъ въ состояніи приведены и въ ихъ къ бою экзердабы тамо комплектовалися, весьма апробуемъ, съ тою только отмѣною, что и сіи закомплектованные имѣютъ въ такомъ же мундирѣ находиться, какъ и комплектованные; почему вы надлежащее о томъ опредѣленіе и учинить имѣете, объявляя, что сіе чинятся не для уменьшенія арміи, но только для того, чтобы тамо укомплектоваться рекрутами и паки возвратиться ко умноженію арміи».

ципіи обучены, тогда можно къ арміи къ ихъ полкамъ взять».

«Господъ полковниковъ отъ полковъ, а капитановъ отъ ротъ ни подъ какимъ видомъ черезъ всю кампанію не отлучать, ибо оные должны за свои полки и роты за всѣ неисправности отвѣтствовать; развѣ къ какимъ важнымъ комиссіямъ, по повелѣнію одного главнаго командира на краткое время взяты будутъ».

«Полковниковъ отъ полковъ, а капитановъ отъ ротъ не отлучать зависитъ отъ вашего же распоряженія».

«Для уменьшенія обозовъ и способнѣйшаго марша разсуждается въ одну кампанію довольно быть слѣдующему:

Полковой и полевой артиллеріи быть такъ, какъ оная до нынѣ состояла, токмо, чтобъ была всѣмъ потребнымъ достаточно снабжена, и что нынѣ неисправное, оное немедленно привести въ совершенную исправность, и буде въ которыхъ полкахъ гаубицъ недостаточно, то вмѣсто оныхъ употреблять единороги. А пантоны, которыхъ изъ кампаніи только десять привезено и оные въ починку не надежны,—требовать чтобъ сдѣлано было въ Россіи новыхъ тридцать пантоновъ лучшею препорціею прежнихъ и легче къ повозкѣ» *).

«Что до артиллеріи надлежитъ, въ томъ апробуется; а тридцать новыхъ пантоновъ мѣдныхъ немедленно здѣсь изготовить и къ вамъ отправить велѣно».

«Запасные патроны, которые при нихъ отъ артиллеріи въ минувшую кампанію возились при полкахъ въ фурманахъ, разсуждается за удобное

«Запасные патроны возить въ такихъ ящикахъ, каковые при ротахъ патронные—апробуемъ».

*) Не вслѣдствіе ли этого и появились нарусинные пантоны.

возить въ такихъ ящикахъ, какіе въ ротахъ патронные имѣются».

«Сдѣланное вами объ упряжкѣ генералитету и всѣмъ прочимъ опредѣленіе апробуемъ и по оному исполнять повелѣваемъ.

«Сколько надлежитъ экипажу генералитету и полкамъ въ походѣ имѣть, о томъ на апробацію при семъ вѣдомость представляется; а сверхъ того отнюдь никому изъ нихъ лишняго при себѣ не имѣть, развѣ нѣкоторымъ верховыхъ или вьючныхъ имѣть дозволять; однако считать и съ упряжными всѣхъ не свыше опредѣленныхъ раціоновъ; а вмѣсто того стараться, по примѣру другихъ государствъ, въ каждомъ полку трактирщиковъ и хлѣбниковъ имѣть, которые для офицеровъ за деньги столъ и напитки содержать могли, а цѣны возвышать имъ по своему произволу безъ генерала-гевальдигера, отнюдь не допускать; напротивъ же того, ежели который офицеръ за пищу платить не будетъ, то противъ его окладу половинное жалованье трактирщикамъ и хлѣбникамъ платить и изъ казны, а у офицеровъ при дачѣ жалованья вычитать; и для того онымъ подъ протекціею состоять походнаго комиссаріата».

«Полковымъ и артельнымъ упряжникамъ, тожъ и для больныхъ телѣгамъ, кромѣ полковыхъ церквей, денежной казны и полковыхъ аптекъ,—за неудобности большихъ фуръ въ грязныхъ дорогахъ,—быть по образцу ямщичьихъ роспусковъ, съ окованными колесами, съ кибитками, покрытыми паруснымъ полот-

номъ, крашенными, и съ полковымъ гербомъ, и подъ каждой три лошади, чтобъ больныхъ возить для лучшей выгодности вмѣсто четырехъ по два человѣка; а подъ полковыя церкви, подъ денежную казну и полковыя аптеки прежнюю палубу употреблять.»

«Мѣсячный провіантъ должно солдатамъ на себѣ и на артельныхъ лошадяхъ на десять дней имѣть,— достольный на двадцать дней сухарями и хлѣбомъ возить на такихъ же роспускахъ при бригадахъ вкупѣ за смотрѣніемъ опредѣленнаго отъ провіантскаго правленія офицера подъ особымъ карауломъ и раздать изъ онаго по десяти дней и какъ скоро въ расходѣ будетъ, такъ немедленно по тракту изъ магазиновъ на тѣ повозки паки принимать».

«И понеже не вездѣ можно муку на хлѣбы получить, а случается рожь и ячмень, того ради кажется необходимо потребно въ каждой ротѣ по два ручныхъ жернова и желѣзныхъ печей надобное число при полкахъ въ запасѣ имѣть; а вмѣсто того рогатки и мостовыя доски оставить, ибо противъ регулярнаго войска въ рогаткахъ и мостовыхъ доскахъ, кромѣ степныхъ походовъ, далекой нужды не обстоитъ; а можно изъ телѣгъ около лагеря вагенбургъ при набѣгахъ дѣлать; а мосты изъ случающагося жилья и лѣсовъ».

«О возкѣ мѣсячнаго провіанта также апробуемъ ваше мнѣніе».

«Чтоже до ручныхъ жернововъ и желѣзныхъ печей надлежитъ, то первые нужны, а желѣзныя печи, видится, великую причиняютъ тягость, умалчивая что въ скорости и заготовлены быть не могутъ, но мостовыя доски и рогатки, ежели вы ихъ нужными не находите, оставить вамъ позволяется».

«А чтобы солдатъ въ походѣ тѣмъ, что онъ носить долженъ, отягченъ не былъ,—разсуждается слѣдующее: отмѣнить и въ походъ съ собой не брать кромѣ трехъ рубашекъ, трехъ галстуховъ, двухъ паръ чулокъ, пары башмаковъ, одной пары сапогъ; а башмакамъ и сапогамъ быть изъ кожи смазной, дабы мокрота не проходила, круглымъ, а не тупоносымъ, на низкихъ каблукахъ и не свыше полу—вершка, волосамъ быть зачесанным и назади завязанным узломъ, а косы во время похода не носить».

«Мнѣніе ваше объ облегченіи солдата, дабы онъ ношею на себѣ своею амуниціею, какъ то: изъ лишнихъ рубашекъ и обуви, отягченъ не былъ – апробуемъ».

«Солдатскимъ епанчамъ, кажется, выгоднѣе быть съ рукавами безъ обшлаговъ, имѣя на нихъ по одной пуговицѣ, чтобъ около руки застегивать можно; а воротники двойные съ отворотами, чтобъ во время дождливое и холодное колпакомъ служить могли; длиною же не ниже подвязки, дабы на походѣ, ради теплоты, можно сверху оной портупеею опоясываться».

«Солдатскія епанчи и шляпы имѣютъ до времени остаться, какъ онѣ есть, ибо на то много времени надобно, а теперь тѣмъ исправиться некогда».

«Шляпамъ въ пыпѣшнее военное время быть удобнѣе на подобіе картуза напереди клапаномъ, тульи поглубже, а поля можно бы опускать для закрытія отъ солнца, дождя и отъ вѣтра».

«Для употребленія въ осенніе мѣсяцы, когда либо кампанія продолжится, дозволить солдатамъ отъ себя овчинныя или стеганыя душегрѣйки

«На душегрѣйки и на рукавицы отъ Насъ предъ симъ велѣно дать каждому солдату по рублю, да

и шерстяныя перчатки съ собою въ кампанію взять и носить».

«Для комиссаріатскихъ и провіантскихъ правленій,—дабы умаленія въ строю не было офицеровъ,—изъ полковъ не опредѣлять, а когда надобность того требовать будетъ, то кого потребуютъ отъ тѣхъ правленій, оныхъ на то время изъ полковъ исключать, а вмѣсто ихъ другихъ опредѣлять, а жалованье тѣмъ исключеннымъ, какъ будучи при семъ дѣлѣ, такъ и по окончаніи кампаніи, пока въ комплектѣ помѣстятся—производить изъ чрезвычайной суммы».

«Гусарскимъ полкамъ отнюдь не дозволять, кромѣ вьючныхъ лошадей,

вамъ и вторичное повелѣніе о томъ дано».

«Для провіантскихъ правленій офицеровъ отлучать уповательно большой нужды не будетъ, ибо Мы Нашему Сенату указали отправить для того къ арміи, въ прибавокъ къ одному находящемуся при опой генералъ - провіантмейстеру, лейтенанту и двумъ оберъ-провіантмейстерамъ, еще одного генерала-провіантмейстера - лейтенанта и двухъ же оберъ-провіантмейстеровъ. Правда, что до закупки въ Польшѣ по разнымъ мѣстамъ надлежитъ, то и оныхъ къ тому-жъ достаточно быть не можетъ; однако же все сіе будучи только временно, нарочныхъ и на особливомъ жалованіи офицеровъ для того имѣть... въ дивизіи излишне, а при комиссаріатскихъ при дѣленіяхъ (опредѣленіяхъ) офицеровъ не столько много, а должно чтобъ для того изъ полковъ исключаться; а особливо жалованье содержать надлежитъ».

«О гусарскихъ полкахъ и Донскихъ казакахъ,

при себѣ обозу имѣть; а для случившихся больныхъ и раненыхъ довольно будетъ, когда у штабъ-офицеровъ по одной, а у оберъ-офицеровъ у трехъ одна упряжка имѣться будетъ. А мѣсячный провіантъ на оные полки возить при провіантскихъ магазинахъ въ вѣдомости оберъ-провіантмейстера».

«Донскимъ казакамъ и прочимъ перегулярнымъ по ихъ обыкновенію всѣмъ о двухъ коняхъ быть за излишнее почитается, и полевого корму сыскать и напастись не можно, а разсуждается довольно быть при десяти казакахъ двумъ вьючнымъ, на которыхъ и при себѣ въ торокахъ возить и на десять дней провіанта, да на мѣсто захромавшихъ и упалыхъ въ запасѣ по одной служивой лошади; а старшинамъ—противъ сенатскаго указа, а небольше; на двадцать же дней провіанта возить при магазинѣ подъ вѣдомствомъ оберъ-провіантмейстера, какого и на гусарскіе полки опредѣлено».

равно какъ и другихъ перегулярныхъ войскахъ. мнѣніе ваше апробуется».

Вилимъ Ферморъ *).

«По онымъ апробованнымъ отъ Ея Императорскаго Величества пунктамъ посланными къ командующему генералитету ордерами предложено» и затѣмъ идутъ исполнительныя распоряженія.

*) Собственноручная подпись.

159. Въ концѣ приложеній таблица № 34.

160. Тамъ же, таблица № 35.

161. П. С. З., № 3000.

162. П. С. З., № 6472.

163. Въ 1762 г., въ числѣ многихъ другихъ воен. административныхъ вопросовъ,—былъ возбужденъ вопросъ о реформахъ въ гарнизонныхъ войскахъ. Лифляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-аншефъ Броунъ *), касаясь необходимости преобразованій въ Остзейскихъ гарнизонахъ, прямо указываетъ на бѣдственное состояніе этой лучшей **) части мѣстныхъ войскъ: «здѣшняго гарнизона полковые служители находятся въ крайней бѣдности»—вотъ общее мѣсто изъ всѣхъ донесеній Броуна.

Причины подобнаго состоянія гарнизонныхъ войскъ Броунъ находитъ:

1) Въ недостаточномъ отпускѣ жалованья «и казенныхъ вещей; всѣмъ опымъ чинамъ дается кафтанъ съ камзоломъ на четыре года, да въ годъ на одинъ только галстухъ 4-ре копейки и одна пара башмаковъ съ чулками; а прочее амуниціи: яко-то епанчи, сапогъ, рубахъ, портовъ, шиблетъ и другой пары башмаковъ, и чулокъ не производится; отчего принуждены терпѣть крайнюю нужду, и однимъ словомъ крайней жалости достойны».

Этотъ недостатокъ средствъ къ жизни имѣлъ особо важное значеніе именно потому, что, въ большинствѣ случаевъ, гарнизонные солдаты жили со своими семьями. «Здѣшніе гарнизонные солдаты (сказано въ донесеніи Броуна) по большей части имѣютъ женъ и дѣтей, и должны они тѣхъ своихъ дѣтей, пока до указанныхъ лѣтъ не доростетъ ***), и женъ своихъ

*) «Доношеніе» генерала Броуна въ воинскую коммссію отъ 26-го января 1763 года, № 463. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 202, связка 32).

**) Во всѣхъ случаяхъ мы видимъ предпочтеніе «Остзейскимъ» гарнизонным полкамъ передъ «Внутренними».

***) Отъ 7—15 лѣтъ, какъ то видно изъ примѣчанія 164-го къ этой главѣ.

содержать, и пищу, и одежду употреблять всегда; харчи принуждены купить; здѣсь, въ городѣ, на всѣ съѣстные припасы такая великая дороговизна, отчего, по совершенному во всемъ недостатку, впадаютъ нѣкоторые въ воровство, и хотя жестоко наказываются, однако никакимъ образомъ,—въ случаѣ ихъ той бѣдности,—истребить то не можно» *).

2) Затѣмъ... «оные гарнизонные полковые служители, сверхъ городовыхъ и генералитетскихъ карауловъ, употребляются по Курляндской и Лифляндской границамъ на форпосты, въ разные, многіе, здѣшніе провіантскіе магазины въ караулы и въ работы, для выгрузки изъ судовъ и нагрузки въ оные провіанта, также для работъ въ здѣшніе сады, и для починки казармъ, и прочія во всякія казенныя надобности, а особливо въ фортификаціонныя работы такъ, что иногда въ лѣтнее время на лицо никого не остается, и городовые караулы безсмѣнно содержали, да и нынѣ (т. е. въ январѣ) великій расходъ». Броунъ заключаетъ свое донесеніе: «и въ такомъ случаѣ конечно солдатство не малаго сожалѣнія достойно; ибо они, по такому малому жалованію никогда поправить себя не могутъ; а особливо отъ помянутыхъ всегдашнихъ работъ и карауловъ, и что за многія нѣкоторыя казенныя работы, яко-то за починку казармъ, за производимыя въ садахъ и въ прочихъ здѣсь мѣстахъ, ничего работныхъ денегъ не производится; а за фортификаціонныя работы хотя и даются работныя деньги...каждый день въ лѣтнее время три, а въ зимнее по двѣ копейки, которыя единственно и съ крайнимъ еще недостаткомъ употребляются—и на починку, и на покупку обуви».

164. Вопросъ объ учрежденіи школъ для солдатскихъ дѣтей, помимо спеціальнаго его интереса, важенъ еще и потому, что школы при гарнизонныхъ полкахъ имѣли въ предшествовавшіе годы (до 1762 г.) весьма обширное развитіе. Дѣти въ этихъ

*) Въ третьей рядовой получалъ 1 руб. 71 коп.

школахъ получали самое разнообразное, спеціальное образованіе и достаточное общее. При отсутствіи сельскихъ и городскихъ школъ, училища для солдатскихъ дѣтей получаютъ важное значеніе какъ по ихъ числу,—не менѣе 45 (по числу гарнизонныхъ полковъ), почти съ 9000 учащимися, такъ и по программѣ курсовъ и по выбору учебнаго персонала.

Вопросъ этотъ заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія, но не имѣя времени останавливаться на документахъ, характеризующихъ начало его при Петрѣ 1-мъ,—остановимся на данныхъ за 1731 годъ, т. е. на реформахъ въ школахъ гарнизонныхъ полковъ временъ Миниха.

Не считая удобнымъ выписать обширный трактатъ и представить копію съ «Разсужденія Военной Коллегіи и комиссіи на десятый пунктъ о солдатскихъ дѣтяхъ» 1732 года *), ограничимся нѣкоторыми выдержками изъ этихъ «Разсужденій...», утвержденныхъ императрицею Аннóю.

Комиссія и Военная Коллегія имѣла повелѣніе: «учинить разсмотрѣніе и такое основательное опредѣленіе, дабы впредь польза государства,—въ рекрутахъ облегченіе,—быть могла. А по справкѣ въ прошломъ 1721 году, по состоявшемуся въ Военной Коллегіи указу, учреждены въ гарнизонахъ школы, въ которыхъ опредѣлено имѣть по 50-ти вакансій, а на ту сумму содержать въ наукахъ малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей, отъ каждаго полка по 50-ти человѣкъ... и въ тѣхъ гарнизонныхъ школахъ имѣется въ обученіи солдатскихъ дѣтей: въ Остзейскихъ 730; Московской и прочихъ губерніяхъ 1207; итого 1937; да неопредѣленныхъ въ тѣ школы и неположенныхъ въ подушный окладъ, по рапортамъ прошлыхъ 1730 и 1731 годовъ, въ полевыхъ драгунскихъ и пѣхотныхъ полкахъ—1872 челов., въ гарнизонныхъ—2691. да въ губерніяхъ и провинціяхъ при отцахъ и матеряхъ, и у помѣщиковъ 3461. Итого 8024; въ томъ числѣ отъ 1-го

*) Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 32-я.

до 7-ми лѣтъ 4664: отъ 7—15 лѣтъ—2274; отъ 15, 20 и 30 лѣтъ—1860, а можетъ быть и больше... Того ради разсуждается имѣть въ гарнизонныхъ полкахъ сверхъ прежнихъ 50-ти еще по 14-ти (вакансій)». По это увеличеніе на 14-ть вакансій ничтожно, сравнительно съ числомъ обучавшихся дѣтей при школахъ военнаго вѣдомства къ 1762 году.

При обсужденіи того же вопроса въ комиссіи 1761 года, мы встрѣчаемъ слѣдующее: «А по справкѣ въ Военной Коллегіи, по присланнымъ отъ командъ дѣтей на лицо 8755, да неопредѣленныхъ въ школу (по малолѣтству находящихся при отцахъ) гарнизонныхъ полковъ—762...» *), т. е. вмѣсто 6500, бывшихъ на лицо въ 1731 г., ихъ уже было около 9000.

На основаніи данныхъ, указанныхъ въ документѣ за 1731 г., мы видимъ, что школы солдатскихъ дѣтей имѣли слѣдующее устройство: «въ тѣ школы опредѣлялись солдатскія дѣти отъ 7 15-ти лѣтъ»; училищами завѣдывали «опредѣленные къ тѣмъ школамъ оберъ-офицеры, которые должны не токмо о пропитаніи и о нуждѣ, но и по содержанію ихъ въ добромъ порядкѣ, во обученіи попеченіе имѣть... Оныхъ малолѣтныхъ дѣтей (положено было) учить въ началѣ словесному и писать, также и по воинской солдатской экзерциціи и ариѳметикѣ—всѣхъ; а по окончаніи вышеписанныхъ наукъ, разсчисляя отъ каждаго полка изъ полнаго числа обучать:

1) «Геометріи, и артиллерійскимъ, и инженернымъ наукамъ, выбирая, которые будутъ къ тому ученію способны по—10-ти».

2) «Писать, и пѣть и музыкѣ на гобояхъ и трубахъ, на волтурнахъ по—20-ти; на старыхъ полковыхъ инструментахъ...—трехъ; слесарному мастерству по—10-ти.... писарской должности—по 10-ти: итого 50; прочіе-жъ имѣютъ

*) Подлинная промеморія изъ Военной Коллегіи въ комиссію отъ 17-го марта 1760 г. № 659. (Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 32).

въ словесной и письменной наукѣ (обучаться); и кто изъ нихъ будетъ въ 15-ть лѣтъ—опредѣлять, по сношеніямъ съ командующимъ генералитетомъ, въ армейскіе и гарнизонные полки, по препорціи полковъ, въ надлежащіе по ихъ наукамъ чины...». Въ случаѣ неуспѣха въ наукахъ положено было малолѣтнихъ содержать въ школахъ до 18-ти лѣтъ.

Обучать солдатскихъ дѣтей должны были:

а) «Словесной и письменной наукѣ, и пѣнію, и ротныхъ писарей (или кто тому искусны), и экзерциціи—для того опредѣленные унтеръ-офицеры».

б) «Ариѳметикѣ, артиллерійской и инженерной наукѣ...»—офицеры, бывшіе при крѣпостяхъ. Вообще въ этомъ разсужденіи подробно указанъ порядокъ обученія, что имѣетъ также особый интересъ, но къ сожалѣнію не можемъ этого коснуться.

При разсмотрѣніи вопроса объ устройствѣ солдатскихъ школъ, высказано «Разсужденіе...» Сената, изъ котораго видно назначеніе «разсыльщиковъ».

Въ помянутыя школы въ 1731 г., было рѣшено «допускать солдатскихъ дѣтей не изъ шляхетства, такожъ драгунскихъ и солдатскихъ дѣтей прежнихъ службъ; а именно: рейтарскихъ и городовыхъ казаковъ, стрѣльцовъ, приставовъ, *разсыльщиковъ* и прочихъ служилыхъ всякихъ чиновъ, людей и дѣтей боярскихъ», бывшихъ при «синодальномъ вѣдомствѣ, въ патріаршихъ и архіерейскихъ домахъ, дѣтей, коихъ отцы въ подушный окладъ не положены». Сенатъ въ 1742 г., утверждая это мнѣніе, опредѣленно высказался только по поводу разсыльщиковъ. «Сенатъ разсуждаетъ, что опредѣленныхъ въ провинціальныхъ городахъ разсыльщиковъ, коихъ по прежнему штату опредѣлено 1450 ч., впредь прибавить, *и во всякомъ городѣ при воеводахъ для карауловъ и посылокъ опредѣлить извѣстное и довольное число изъ отставныхъ, неположенныхъ въ окладъ, и вмѣсто жалованія*

удовольствовать землями, такихъ у коихъ прежнихъ дачъ нѣтъ, потому, что во всѣхъ городахъ, за положеніемъ прежнихъ службъ, служилыхъ людей въ подушный окладъ и за отрѣшеніемъ въ ландмилиціонную службу не только для высылки и поимки разбойниковъ и воровъ (къ чему видимо они и употреблялись прежде), но для канцеляріи и съ денежною казною въ провожатыхъ никого не оставлено. И сколько гдѣ такихъ разсыльщиковъ опредѣлится, у такихъ дѣтей оставлять при нихъ, не отбирая въ школы, чтобы могли, безъ казеннаго на нихъ расходу, при отцахъ своихъ быть и въ указанное число опредѣлиться: а кои останутся лишніе, а во время нужды, изъ всѣхъ изъ нихъ выбирая годныхъ, опредѣлить въ службу, такъ, какъ уже и было, но половина изъ вышеозначенныхъ разсыльщиковъ въ Низовой корпусъ взяты».

165. Смотр. выше примѣч. 58.

166. Примѣч. къ табл. № 9, въ концѣ приложеній.

167. Смотр. тамъ же, таблица № 36.

168. Организація ландмилиціи имѣетъ свои особенности, на которыхъ считаемъ нужнымъ остановиться, такъ какъ нѣкоторыя подробности остаются еще незамѣченными.

Ландмилиція, какъ извѣстно, получила свое начало еще во времена Петра 1-го, а именно: «въ 1723 году, апрѣля 29-го дня, по инструкціи данной (по титулу) ...достойныя памяти Петромъ Великимъ собственныя руки,—повелѣно ландмилицію набрать и учредить въ Азовской и Кіевской губерніяхъ всѣхъ провинцій изъ рейтаръ, и драгунъ, и солдатъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и изъ пушкарей, и изъ за... (?) и изъ станишниковъ, и быть оной ландмилиціи двумъ третямъ нерегулярной, и трети быть регулярной» [1]). Такимъ образомъ основаны два регулярные и четыре нерегулярные полка.

---

[1]) Извлечено изъ «Экстракта о бывшихъ ландмилиціи и Закамскихъ полковъ»: (Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 121, связка 32, № 62).

Въ 1729 г., князь Голицынъ, получивъ приказаніе, увеличилъ число Украинской ландмиліціи еще на два регулярныхъ и два перегулярныхъ полка. Такимъ образомъ ихъ было всего 10-ть.

Этимъ устройствомъ ландмиліціи значительное число людей «старой службы»,—невошедшихъ въ составъ населенія, пополнявшаго дѣйствующую армію, комплектовало особыя помѣстныя войска какъ для внутренней, такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для внѣшней службы, въ видѣ вспомогательной арміи. Ландмиліціонеры оставались на своихъ земляхъ. Изъ числа 1 р. 10 к. подушной подати на нихъ тратилось 40 к., а 70 к. шло въ государственную казну.

Въ 1831 году, Минихъ предложилъ дать ландмиліціи новую организацію, но, благодаря плохо соображеннымъ основаніямъ, проекты его не осуществились.

«Въ 1731 г. января 18-го дня, въ указѣ изъ Правительствующаго Сената въ Военную Коллегію писано... Бѣлгородской и Воронежской губерній прежнихъ службъ городовыхъ дворянъ, солдатъ, копейщиковъ (императрица Анна) указала какъ для государственной, такъ и собственной ихъ пользы быть имъ по прежнему въ службѣ такъ, какъ дѣды и прадѣды ихъ были» [2]). А потому приказано было набрать еще 10-ть полковъ [3]), а для лучшаго сохраненія той Украйны между сѣверскимъ Донцомъ, по Берестовой и Орели рѣкамъ, и по сѣверному Донцу сдѣлать линію укрѣпленными важными пунктами, и дать имъ земли и всякихъ угодій каждому противъ того, какъ было выдано имъ прежде; дабы

---

[2]) Вообще, всѣ данныя для примѣчанія 168-го мы беремъ изъ переписки Военной комиссіи при Военной Коллегіи въ 1761 году, въ видѣ «различныхъ экстрактовъ» о ландмиліціи, по разнымъ вопросамъ. (М. О. Арх. Глав. штаба; опись 121, связка 32) А также принимая въ соображеніе указаніе П. С. З. №№ 4138, 4195, 4561, 5673, 5680, 5778, 5903, 6133, 6227, 6344, 8569, 8787 и 8858.

[3]) Изъ нихъ предполагалось имѣть 4-ре пѣшихъ; но въ 1736 году всѣхъ ихъ сдѣлали конными.

ные по близости лучшимъ образомъ и способнѣе себя и границу охранять и защищать могли, такъ, какъ дѣды и прадѣды ихъ чинили».

Но дѣло въ томъ, что этотъ указъ тогда только могъ быть приведенъ въ исполненіе, *если бы земли, по которымъ проходила украинская линія были совершенно свободны*. Въ дѣйствительности онѣ были заняты. Правда, въ виду татарскихъ набѣговъ, многіе участки Украйны оставались пустыми; но какъ только, къ 1740 году, набѣги уменьшились, то явились претенденты съ несомнѣнными и сомнительными правами на владѣнія. Одно уже это обстоятельство препятствовало осуществленію проекта, по которому ландмилиція сдѣлалась бы поселенными войсками, въ томъ смыслѣ какъ хотѣлъ Минихъ.

Дѣло по отмежеванію земель 9-ти, —называемыхъ «поселенными», полковъ тянулось до 1744 г. «Въ 1744 г. января 26-го дня, генералъ-лейтенантъ Дебрины, въ присланныхъ въ Коллегію докладныхъ пунктахъ и притомъ особливо въ общемъ съ ландмилицкими штабъ-офицерами мнѣніи, представилъ, что объявленные ландмилицкіе 9-ть полковъ никогда поселены не были, но точію назначены къ поселенію [4]), которыхъ къ тому поселенію за лучшее признается изъ 9-ти полковъ, по третьей части ландмилиціи отпустить въ домы ихъ съ подтвержденіемъ, чтобы они, на старыхъ своихъ жилищахъ что забрать будетъ не можно добровольно продавъ,— со всѣми своими семьями и пожитками не оставляя ни единой души, съ кѣмъ они жили въ одних избахъ, перешли на вѣчное жительство къ своимъ полкамъ...» Въ 1745 году вышло разрѣшеніе уволить съ этою цѣлью, сначала, Тамбов-

[4]) Этимъ и дальнѣйшимъ совершенно опровергается мнѣніе, высказанное въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, что 9-ть полковъ были поселены. Г. Ласковскій на черт. 6 «Картъ и плановъ и чертежей къ III части...»: «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства» указываетъ лишь районы полковъ. Въ этихъ мѣстахъ полки квартировали и ихъ предполагалось поселить, но дѣйствительно «никогда поселены не были, точію назначены къ поселенію».

скій, Бѣлевскій и Борисоглѣбскій полки на годъ, а затѣмъ и другіе. Но въ это же время Украинцы получили желаемое для нихъ разрѣшеніе вопроса, по невозможности размежеванія земли.

Въ 1746 г. «по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ приказали Военной Коллегіи и генералъ-лейтенанту Дебринъ по вышеписанному Полтавскому полку обывателей прошенію и по представленію генеральной войсковой канцеляріи вышеозначенному полку хуторовъ, лѣсовъ, сѣнныхъ покосовъ, луговъ, пахотныхъ земель, рыбныхъ и прочихъ угодій, которыя хотя по штату и генеральному плану въ отводъ на поселенія ландмилицкихъ полковъ съ семьями и назначены, до предбудущаго указа и до разсмотрѣнія о той линіи генеральнаго плана и вновь поданнаго отъ генерала Любераса проекта,—у нихъ полтавскихъ обывателей не отнимать и отъ владѣнія имъ, какъ они тѣмъ владѣли по 1745 г., не отказывать и никакого запрещенія въ томъ не чинить, и лѣсныхъ ихъ угодій, по силѣ прежнихъ указовъ,—не рубить, и не пустошить, и никакого насилія не чинить, и назначеннымъ ландмилицкимъ полкамъ (помянутымъ тремъ) не отводить, и тѣхъ ландмилицкихъ семей на иную линію нынѣ, впредь до указа къ поселенію, не принуждать...» а вслѣдъ затѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о перенесеніи линіи впередъ въ степь, по разнымъ объ этомъ проектамъ, разрѣшеніе которыхъ относится къ царствованію императрицы Екатерины II.

Ландмилиціонеры имѣли за собою историческое прошлое, но уже отжившее. Эти разнаго рода «служивые люди» не имѣли между собою ничего общаго; искони они привыкли къ особымъ порядкамъ и, быть можетъ, это было основаніе, по которому Петръ I-й изъялъ ихъ отъ общаго рекрутскаго набора, обложивъ денежною повинностью и помѣстною службою.

Въ 1743 г. составъ ландмилиціи былъ усиленъ поселеніемъ на свободное мѣсто (на самой линіи) бѣглыми однодворцами:

«бѣглыхъ же изъ всѣхъ дистриктовъ однодворцевъ, коихъ показано въ бѣгахъ 10,425 человѣкъ, ссылкивая высылать для поселенія на ту линію...» Офицеровъ для ландмилиціи назначали изъ дѣйствующихъ войскъ, но несомнѣнно самыхъ плохихъ, ибо и по содержанію, и по ихъ служебному положенію, они были сравнены съ гарнизонными войсками.

Ландмилиція состояла подъ начальствомъ особаго генерала, при которомъ было особое управленіе. Все содержаніе, обмундированіе и снаряженіе ландмилиціонеры получали отъ казны. Заведеніе лошадьми и продовольствіе людей и лошадей предполагалось возложить на самихъ ландмилиціонеровъ; но такъ какъ имъ не было отведено земель (доходами съ которыхъ они могли бы содержать себя и коня), то и эти расходы были приняты на казенный счетъ.

Хотя въ 1731 г. предполагалось часть полковъ сдѣлать регулярными, но съ ними они ничего общаго не имѣли: нижніе чины распускались на зимній періодъ по домамъ, и только въ лѣтнее время собирались иногда на нѣсколько недѣль въ лагерный сборъ.

Система ландмилиціи имѣла бы за собой несомнѣнно извѣстную выгоду въ смыслѣ дешевизны содержанія вспомогательной арміи. До 1731 г. изъ 1 р. 10 к.,—которыми были обложены однодворцы, какъ уже сказано только 40 к. шло на ландмилицію, а 70 к. поступало въ государственное казначейство. Но со временъ Миниха содержаніе ландмилиціи стоило дороже. Наконецъ ландмилиціонеры ничего не имѣли своего собственнаго, какъ предполагалось по проекту.

Такимъ образомъ громадная потеря въ людяхъ (назначенныхъ на постройку линіи), столь же значительная денежная затрата на устройство линіи, все это не окупилось: мы не имѣли ни вспомогательной арміи, которая могла бы облегчить дѣйствія регулярныхъ, ни укрѣпленій на Украинѣ. 1743 г. марта 3-го, генералъ-лейтенантъ Дебринъ, «допо-

шеніемъ представилъ, что Украинская линія и по ней лежащія крѣпости по смотру его явились въ весьма слабомъ состояніи, и какъ и до строенія, такъ и до починокъ не мало требуютъ... (средствъ). Вся опая линія имѣетъ такую малую и слабую профиль, что не токмо отъ непріятеля, но противъ воздуха и погоды стеречь не можетъ; а ежели привести въ надлежащую траншаментскую профиль, такожъ крѣпости и комуникаціи черезъ буераки пристойнымъ образомъ учредить, то оная дороже коштовать будетъ, нежели во что снова становилась».

Вотъ какіе результаты дала крайне неудачная мѣра, рекомендованная Минихомъ.

Для насъ, изъ всего изложеннаго, важно то обстоятельство что 27,000-ная ландмилиція въ войну съ Фридрихомъ II можетъ быть разсматриваема лишь какъ сила, годная только для внутренней службы, къ чему и назначили ландмилицію въ 1758 г. (служба на форпостахъ).

169. Архивъ князя Воронцова, томъ 10, стр. 487—489.

170. Донесеніе Военной Коллегіи въ Конференцію отъ 13-го октября 1757 г. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$.

171. П. С. З. №№ 8508 и 8769.

172. Это слѣдуетъ изъ указанія П. С. З. № 8508, коимъ всецѣло возстановливался регламентъ Петра I, кригсъ-комиссаріату (П. С. З. №№ 2412 и 2456). Также Архивъ князя Воронцова, томъ 10, стр. 472.

173. П. С. З. № 8769.

174. Послѣднее заключеніе о подчиненности мы заключаемъ вообще изъ всей переписки Военной Коллегіи съ подчиненными ей инстанціями. Даже генералъ-фельдцехмейстеръ относился въ «Государственную Военную Коллегію» не иначе, какъ рапортомъ или «допошеніемъ».

Ближе всего это можно заключить изъ хода мобилизаціонныхъ распоряженій 1756 г. Конференція передавала свои

повелѣнія Сенату, Военной и Адмиралтействъ Коллегіи. Въ одномъ изъ первыхъ протоколовъ Конференціи, по вопросу о приготовленіи войскъ къ походу, сказано: «Попеже всѣ сіи вопросы (т. е. по приведенію арміи на военное положеніе, артиллерійская, инженерныя части и т. п.) принадлежатъ до Военной Коллегіи, то оной симъ Экстрактомъ для исполненія сообщается» (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, №. $^{139}/_{142}$).

175. Смотри таблицу № 38.

176. Основное положеніе о производствѣ офицеровъ, мы можемъ заключить изъ слѣдующаго документа за 1719 г., который выписываемъ цѣликомъ.

«Копія».

Указъ Военной Коллегіи.

1.

«Чтобъ никакого человѣка, ни въ какой офицерскій чинъ не допускать изъ офицерскихъ дѣтей и дворянъ, которые не будутъ въ солдатахъ въ гвардіи, выключая тѣхъ, которые изъ простыхъ выходить въ офицеры станутъ по полкамъ».

2.

«Чтобъ черезъ чинъ никого не жаловать, но порядкомъ чинъ отъ чину возводить».

3.

«Чтобъ выбирать на ваканцію баллотированіемъ, изъ двухъ или трехъ кандидатовъ». «На подлинномъ написано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Петръ».

«Въ 1-й день января 1719 г. въ Военской Коллегіи «Сей указъ Его Царское Величество изволилъ самъ отдать господамъ президентамъ, будучи въ Военной Коллегіи января 1-го дня 1719 г.» (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 202, связка 32).

При этихъ условіяхъ начальники дивизій и Военная Коллегія только провѣряла выборы и производство. Къ 1755 г. эти правила нѣсколько измѣнились. (Записки Болотова, а равно Архивъ князя Воронцова, т. X «Записки о русскомъ войскѣ»).

177. Во всемъ описаніи мы будемъ имѣть случай указать, какъ часто измѣнялся составъ начальствующихъ. (См. примѣчаніе къ 1-й главѣ, таблица 9-я).

178. Обязанности эти мною разъяснены въ «Строевой и полевой службѣ русскихъ войскъ, временъ императора Петра Великаго и Елизаветы». Относительно неизмѣняемости ихъ можно заключить изъ «Записки о русскомъ войскѣ» (Арх. князя Воронцова, томъ X).

179. Кромѣ документовъ, указываемыхъ нами по каждому отдѣлу, относительно назначенія всѣхъ этихъ чиновъ можно заключить изъ документовъ, помѣщенныхъ въ 3-мъ и 5-мъ томахъ Архива князя Воронцова.

180. См. главу II.

181. См. 3-ю выноску на стр. 76, главы I.

182. Веймарнъ прибылъ въ Ригу изъ Варшавы въ концѣ 1756 г., значительно позднѣе Апраксина. См. донесеніе Веймарна изъ Варшавы въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ. Прусскія военныя дѣла, связка 1-я и 2-я.

183. Стр. 74-я текста, 4-я выноска.

184. Уставъ Воинскій, глава 15.

185. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47 № $^{140}/_{143}$.

186. 14-го марта 1756 г., сказано въ постановленіи Конференціи, что такъ какъ доставленіе въ оную отъ Военной Коллегіи «обстоятельныхъ вѣдомостей о всѣхъ сухопутныхъ Ея Императорскаго Величества силахъ регулярныхъ и нерегулярныхъ изъ всей имперіи напаче всего потребно, то симъ экстрактомъ требуется, чтобъ оныя въ держанную въ будущій понедѣльникъ паки въ Конференцію поданы были». Эти

вѣдомости совершенно сходны съ представленными Бестужевымъ, о которыхъ мы упомянули выше, въ примѣчаніи 1-мъ. Въ числѣ разныхъ свѣдѣній есть списокъ генераловъ того времени и штатъ ихъ штабовъ. См. таблицы №№ 39 и 40 въ концѣ приложеній.

187. Сдача дѣлъ Румянцевымъ въ Ригѣ. Воен.-Ученый Арх. Главнаго штаба, № 226.

188. Уставъ Воинскій 1716 г., глава 9.

189. Архивъ князя Воронцова т. IV, стр. 84—85.

Примѣчанія ко 2-й главѣ.

1. *Затлеръ:* «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время», томъ 1 и «Строевая и Полевая служба русскихъ войскъ...»—глава VI.

2. *Сухотинъ:* «Фридрихъ Великій», стр. 55—59.

3. «Строевая и Полевая служба...»—глава VI.

4. П. С. З. № 10788.

5. Затлеръ томъ 1, стр. 41.

6. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 210. Рапортъ № 10127.

7. Главный Арх. Иностранныхъ дѣлъ. Прусскія военныя дѣла, связка 1. Въ донесеніи Веймарна $^{18}/_{29}$ сентября (изъ Варшавы), онъ, между прочимъ, передаетъ разговоръ съ примасомъ, гдѣ послѣдній заявилъ, что «...въ послѣднемъ проходѣ оказалось, что въ томъ россійскомъ войскѣ крѣпкая дисциплина содержится, землѣ отягощеніе не учинится, и за все въ натурѣ доброю цѣною и наличными деньгами въ удовольствіе платится...»

8. В.-Учен. Архивъ. Реляція отъ 30-го сентября 1757 г. дѣло 224, А.

9. Переписка Лопухина съ П. Шуваловымъ, относительно рекогносцировокъ (о средствахъ края и путяхъ) въ В. Пруссіи, Литвѣ и Бѣлоруссіи есть въ М. О. Арх. Главнаго штаба,

опись 47, № $^{138}/_{141}$. Рекогносцировки должны были дополнить свѣдѣнія, доставленныя, относительно тѣхъ-же областей, подполковниками Виттингомъ и Этингеромъ, въ концѣ 1749 г., препровожденныя Коллегіею Иностранныхъ дѣлъ въ Военную 10-го ноября 1749 г.— Основанія для производства рекогносцировокъ были слѣдующія: 1) офицеры должны были отправиться «подъ видомъ своихъ нуждъ». 2) «Имѣть при семъ компасы и особливо солнечныя часы». 3) Такъ какъ рекогносцировавшіе офицеры не могли себя обнаруживать, то приказано возвратиться по тѣмъ-же путямъ, чтобы лучше замѣтить, что нужно. 4) Свѣдѣнія о путяхъ требовалось внести въ «секретный журналъ».

10. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{127}/_{130}$. Указъ Конференціи отъ 16-го октября 1757 г.

11. Тамъ же. Дѣла № $^{138}/_{141}$. Переписка по заготовленію довольствія.

12. Тамъ же.

13. Тамъ же.

14. Г. Арх. Иностран. дѣлъ. Прусскія дѣла; связка 1.

15. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47. Донесеніе П. Шувалова въ Военную Коллегію о занятіи Нижегородскимъ и Кіевскимъ полками «форпостовъ, которые въ 1745 г. для присмотрѣнія о невывозѣ хлѣба за границу» были заняты. Линія форпостовъ шла: Гормъ-Гофъ, по Литовской границѣ, на Лауденъ, Елернъ, Клензарьенъ, Шенбергъ, Сессау, Фокенгофъ, Ауцкъ, Езернъ, Виндаву, Часау, Феленбергъ, Сакептгаузенгъ. Всего на протяженіи 53 миль.

16. Инструкція Апраксину была дана только 5-го октября. (Арх. князя Воронцова, томъ 3, стр. 508).

17. Генералъ Бестужевъ-Рюминъ въ іюлѣ 1756 г. опредѣлялъ, что въ «Либавѣ откуда не малое число въ Пруссію отходитъ» четверть ржи была на наши деньги 2 р. 16 к. Тоже было и въ Ригѣ (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись

47, № $^{138}/_{141}$). 28-го же октября оффиціальная цѣна показана въ тѣхъ-же пунктахъ—2 руб. $58^{3}/_{4}$ коп. (не смотря на окончаніе сбора запасовъ съ полей); но невозможность въ дѣйствительности купить за эту цѣну въ Прибалтійскомъ краѣ настолько сознавалась, что Волконскому было приказано разсчитывать «въ запасъ вдвое противу цѣнъ». (Въ томъ же дѣлѣ).

18. Экстрактъ изъ Протокола Конференціи 20-го мая 1756 г. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, дѣла № $^{138}/_{141}$) указываетъ, что Конференція предписала «*имѣть въ запасѣ, заблаговременно,* такъ распорядиться... чтобы во всѣхъ пограничныхъ областяхъ хлѣбные запасы были, ...а до того времени (до крайней необходимости) и наступленія крайней нужды, даваемые генералитету и губернатору о томъ указы *въ вышнемъ секретѣ хранится быть имѣютъ*...» Какъ же могли быть заготовлены запасы, когда и самые о семъ указы приказано было хранить «въ вышнемъ секретѣ»?

19. «Вѣдомость о состояніи въ находящихся въ Лифляндіи магазинахъ провіанта...» къ 9-му октября 1756 г. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, $^{138}/_{141}$).

Названіе магазиновъ.	Муки.	Крупы.	Сѣна (*).	
	Четвертей.		Пудовъ.	
Рижскій	197392	19801	500000	(*) Указано особо въ «Доношеніи Лифляндской канцеляріи въ Сенатъ» въ августѣ 1756 года.
Динамюндскій	2701	157	Овса четвертей.	
Перновскій	460	512		
Дерптскій	2178	81	4600	
Кульскій	28604	923	—	
Аперадскій	5569	217	—	
Кокенгаузенскій	7069	572	—	
	243973	22263	—	

	МУКИ. Четвер.	КРУПЫ. Четвер.	ЯЧМЕНЮ.
«Въ тѣже магазины принять надлежало»	35241	2705	—
«Покупкою пріобрѣтено» . .	6743	—	—
«Съ тамошней земли на годовое время аренднаго и станціоннаго соберется»	20236	—	20236
	62220	2705	20236
Всего. .	306193	24968	20236*).

Апраксинъ опредѣляетъ, что на двѣ недѣли для всей арміи (болѣе 100,000 состоявшихъ на довольствіи) потребно 10,000 четвертей муки (см. выше главу II, стр. 5), что соотвѣтствуетъ и по-суточному расчету, принявъ дачу солдата въ 2 фунта печенаго хлѣба (см. 21 стр. «Строевой и Полевой службы русскихъ войскъ...») Изъ этого видно, что запасы Прибалтійскаго края (даже безъ Ревельскихъ магазиновъ) обезпечивали армію болѣе, чѣмъ на цѣлый годъ.

20. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{146}/_{149}$.

21. Тамъ же. № $^{141}/_{143}$.

22. Архивъ князя Воронцова; т. 3, стр. 508.

23. Главный Арх. Иностранныхъ дѣлъ. Прусскія дѣла, 1.

24. Воен.-Учен. Арх. 224, С. Журналъ воен. дѣйствій.

Таблица 42.

«Цѣна россійской серебряной монеты» по утвержденію Апраксинымъ.

Названіе россійскихъ монетъ.	Шостаковъ.	Марокъ.	Вердинговъ.
Серебряный рубль	18	36	72
Полтина	9	18	36
Четверть рубля	$4^1/_2$	9	18
Гривенникъ	$1^3/_4$	$3^1/_2$	—
Пятикопѣечныя	—	$1^3/_4$	—

*) Кромѣ того овса 4600 четвертей.

25. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 24, стр. 99.

26. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, №№ 127/130.

27. Тамъ же.

28. Тамъ же. Донесенія Трейдена и Груздавцева.

29. Тамъ же. Донесеніе Апраксина отъ 1-го іюня.

30. Воен.-Учен. Арх. 224, А.

31. Тамъ же.

32. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № 131/144.

33. Арх. князя Воронцова; т. 3, стр. 556. Археографическій сборникъ, изд. Виленскаго учебнаго округа. Донесеніе Апраксина 31-го января въ дѣлахъ Военно-Ученаго Архива, № 224, А.

34. Документы примѣчанія 30, 31 и 32 (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № 149/152).

На основаніи указанныхъ данныхъ составлены таблицы №№ 43, 44 и 45; таблицы въ концѣ приложеній.

35. Суммы для этого выдавались разнымъ лицамъ неодинаково; извѣстно только относительно Ливена, которому было выдано въ одинъ разъ 10,000 рублей.

36. Воен.-Учен. Архивъ 224, А. Донесеніе Апраксина 31-го января 1757 г.

37. Тамъ же. Тоже 16-го іюня и постановленіе военнаго совѣта 10-го іюня.

38. Тамъ же. Постановленіе военнаго совѣта 31-го января.

39. Тамъ же.

40. Тамъ же; тоже 10-го іюня.

41. «Жизнеописаніе россійскихъ адмираловъ...» часть III, стр. 132.

42. Тоже. Стр. 2.

43. Воен.-Учен. Арх. 224, А. Постановленіе военнаго совѣта 23-го января.

44. Тамъ же; тоже 10-го іюня.

45. Тамъ же. 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.

46. Тамъ же. Реляція 25-го іюня.
47. Тамъ же. Постановленіе военнаго совѣта 31-го мая.
48. Тамъ же. Реляція Апраксина 9-го іюня.
49. Тоже 2-го іюля.
50. Тамъ же. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.
51. Тамъ же. Воен.-Учен. Арх., 224, А. Реляція 10-го іюня.
52. Тамъ же.
53. Тамъ же. Донесенія Фермора.
54. Тоже.
55. Тамъ же.
56. Тамъ же. Реляціи Апраксина отъ 6-го и 15-го августа.
57. Тамъ же.
58. Тамъ же. Реляція отъ 6-го августа.
59. Воен.-Учен. Арх., № 224, С. Журналъ военныхъ дѣйствій.
60. Тоже. № 224, А. Постановленіе военнаго совѣта 2-го іюля и 6-го августа.
61. Тоже. 224, С. Журналъ военныхъ дѣйствій.
62. Военный Сборникъ 1862 г. № 5, стр. 36.
63. Тамъ же.
64. Воен.-Учен. Архивъ. 224, В.
65. Тамъ же. 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.
66. В. С. 1862 г. № 5. Прил. Рапортъ Лебеля.

Примѣчанія къ 3-й главѣ *).

1. *Г. Ѳеоктистовъ* (Р. Вѣстникъ, № 8, 1882 г.) приводитъ интересные факты изъ которыхъ видно, что прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ какъ бы глумился надъ приготовленіями Россіи для дѣйствія въ союзѣ съ Саксоніею, и характеризовалъ ихъ простымъ шумомъ: «много шума и мало дѣла». Съ другой стороны выясняется, что, напротивъ, самъ Фридрихъ II придавалъ значеніе и 15,000-му вспомогательному отряду русскихъ войскъ. По самой сущности дѣла операціи столь незначительнаго отряда конечно не могли имѣть рѣшающаго значенія.

2. Тамъ же, № 5 Рус. Вѣсти.; стр. 335. Изъ донесенія Фридриху II.

3. Арх. князя Ворощова, томъ III, стр. 397.

4. «Маршрутъ къ операціонной картѣ, черезъ какія земли и мѣста маршировала армія... подъ командою Апраксина» В. У. Арх. № 221.

5. Маршруты Обсерваціоннаго корпуса (В. У. Арх. Главнаго штаба; 224, С.) и Ливина въ 1757 г. (Тамъ же № 224, А).

---

*) При составленіи очерка политической обстановки мы пользовались Исторіею Россіи пр. Соловьева, а также статьею г. Ѳеоктистова: «Отношенія Россіи къ Пруссіи...», Русскій Вѣстникъ, 1882 г.

6. О состояніи нашихъ крѣпостей см. соч. Ласковскаго «Матеріалы для Исторіи Инженернаго искусства въ Россіи» часть III.

7. В. У. Арх. Главнаго штаба; № 224, А. Донесеніе Мишукова отъ 28-го іюня и отвѣтъ на это Апраксина.

8. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$ Донесенія Гросса.

9. Тамъ же; по описи 47, № $^{149}/_{152}$.

10. Путь слѣдованія Формора. } См. выше прим. 4.
11. Тоже—колонны Апраксина. }

12. Журналъ воен. дѣйствій; рукопись В. У. Арх. Главнаго штаба; 224, С.

13. Тѣже документы, что выше въ примѣчаніи 5-мъ.

14. Путь слѣдованія колонны Румянцева; его дѣла въ В. У. Арх. № 227.

15. Смотр. прим. стр. 100—главы II.

16. В. У. Арх. 224, А. Донесенія Апраксина.

17. Смотр. главу II.

18. Переправу эту захватилъ Штофельнъ въ началѣ 1758 г. В. У. Арх., № $^{228}/_{37758}$.

19. Донесенія Веймарна и Гросса. Г. Арх. Иностран. дѣлъ, Прусскія дѣла, связка 1 и 2-я.

20. Рукопись «Журналъ воен. дѣйствій» зимней кампаніи 1757—1588 гг., В. У. Арх. № 228, С. Тамъ же и маршрутъ.

21. Тамъ же.

22. Рукопись «Журналъ воен. дѣйствій Формора». В. У. Арх. № 224, В.

23. Тоже—Апраксина. В. У. Арх. № 224, А.

24. Газенкампсъ, стр. 45—46.

25. В. У. Арх. Главнаго штаба; № 224, С. «Описаніе положенія мѣстъ, которыя лежатъ подлѣ р. Прегеля, между Залау и Таніау, сочиненное, для изъясненія карты, инженеръ

полковникомъ Демолиномъ» и «Описаніе Алленбургской экспедиціи»—его же.

Эта крайне интересная военно-топографическая записка,—какъ дополнительныя свѣдѣнія къ составленной Демолиномъ картѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія и составляетъ цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ мѣстностью наиболѣе важнаго участка театра войны. Включаемъ здѣсь главные выводы изъ этой записки.

Позицію у Каленен (Пилькишкенъ) Демолинъ опредѣляетъ, «что на ней до 16,000 человѣкъ въ двѣ линіи построить можно». Правый флангъ былъ прикрытъ болотистымъ участкомъ и р. Прегелемъ; лѣвый—«редутами». Лѣсъ на лѣвомъ флангѣ способствовалъ обходу позиціи, но онъ былъ занятъ толпою вооруженныхъ жителей, и «непріятель, состоящій изъ 24 25,000, могъ бы имѣть корпусъ резервный при семъ войскѣ, которому надлежало бы, повидимому, занять мѣсто въ редантахъ, фланкированныхъ артиллеріею, дабы вспомоществовать построиться первымъ двумъ линіямъ въ случаѣ разбитія, и тѣмъ съ пользою воспрепятствовать побѣдителю мѣстомъ владѣть».

Лагерь у Таплакена. Позиція удобная для обороны была на высотѣ («20—25 футовъ»); «гребень же или поверхности ея застроены редантами, за которыми видно стояли войска до 10,000, что можно изслѣдовать и *стоявшаго* лагеря примѣтить *). Правое его (укрѣпленный лагерь примыкалъ къ Таплаку..., сверхъ того топкій или болотистый лугъ до Прегеля простирается, на которомъ ординарной воды бываетъ до пяти футовъ. Лѣвое крыло примыкалось къ лѣсу и сдѣланной засѣкѣ».

Петерсдорфъ. Демолинъ «съ удивленіемъ смотрѣлъ на мѣсто, которое положеніемъ своимъ отъ натуры было укрѣплено». «На вершинѣ горы расположены реданги, которые

*) Рекогносцировка этой позиціи была въ концѣ августа, послѣ Гр.-Егерсдорфскаго бои.

всю долину фланкатно обороняли. По ней протекаетъ ручей, широтою отъ 10—12 футъ; берега-жъ однако круты, въ глубину, до воды, отъ 8—9 футъ; вода-жъ отъ 4—5-ти, которая течетъ гораздо быстро...». Подступъ—«всходъ на гору (вслѣдствіе «малыхъ и большихъ каменьевъ»)—весьма трудный. Въ редантахъ была артиллерія; ограда кирки укрѣплена ретраншаментомъ, который всю долину отъ р. Прегеля до поворота горы и до лѣсу анфилировалъ. Позади сихъ редантовъ оставлено было мѣсто, на которомъ отъ 24—25 тыс. челов. въ двѣ линіи свободно уставить было можно...».

Задній лагерь Петерсдорфа былъ окруженъ взаимно обороняющими редантами, въ серединѣ которыхъ и магазины построены были...».

«Непріятель, разбитый при Петерсдорфѣ, могъ бы ретироваться («по весьма полезному мѣсту мили на двѣ»), дабы прикрыть свою ретираду черезъ многія дефиле, найденныя мною до самаго Таніау...».

Остальныя позиціи описаны менѣе обстоятельно, но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ онѣ были укрѣплены.

26. Это будетъ видно изъ подготовленія къ операціямъ отряда Резанова 1758 г. Глав. Арх. иностранныхъ дѣлъ. Прусскія дѣла, связка 2-я.

27. Воен.-Учен. Арх. Главнаго штаба; № 224, В.

28. Донесеніе Апраксина В. Сборникъ 1862 г. № 5, стр. 43.

Примѣчанія къ 4-й главѣ.

1. См. таблицу № 9-й, въ концѣ приложеній.

2. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$. Рапортъ Апраксина 25-го сентября 1756 г.

3. Тамъ же; № $^{137}/_{140}$.

4. См. примѣчаніе 19 къ главѣ II.

6. О вооруженныхъ силахъ Литвы и Польши мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній; а потому считаемъ интереснымъ остановиться на донесеніи Гросса отъ 28-го мая 1756 года (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$), изъ котораго можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о войскахъ Польско-Литовскихъ. Войска эти имѣли видъ личной охраны высшихъ властей, которымъ на содержаніе людей отпускались деньги, по расчету «порцій». «Войска Польской короны, по славной конституціи 1717 г., имѣли состоять изъ 16,837; а Литовскія изъ 6110 человѣкъ; и такъ обои изъ 22,947. Но я (Гроссъ) обще отъ всѣхъ въ Польшѣ удостовѣрился, что на силу 12,000 человѣкъ превосходятъ... Гетманы и другіе начальники (оставляли деньги себѣ), корыстуясь платежемъ недостающимъ»; что вполнѣ понятно, такъ какъ на содержаніе ихъ, какъ сказано, отпускали деньги.

Вооруженныя силы Польши и Литвы составляли 4-ре дивизіи, названіе и составъ которыхъ показаны ниже въ таблицѣ № 46.

Таблица № 46. (Къ примѣч. 6-му. главы 4-й).

НАЗВАНІЕ ДИВИЗІЙ.	Число ротъ гусаръ.		Число ротъ панцеровъ.		Число эскадроновъ татаръ.		Число ротъ татаръ.		Число полковъ драгунъ.		Число полковъ пѣхоты.		Инвалиды въ Литвѣ.	Казаковъ въ Литвѣ.
	Польша.	Литва.	Польша.	Литва.	Польша.	Литва.	Польша.	Литва.	Польша.	Литва.	Польша.	Литва.	Ротъ.	Ротъ.
Королевской	4 [1]	1	20 [1]	1	4	—	1	—	4 [3]	1 [2]	3 [3]	1	—	—
Кронъ-принца	4	1	19	1	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—
Великаго коронаго гетмана .	4	1	19	—	—	—	5	—	1	1	1	1	—	—
Напольнаго гетмана	1	—	—	—	—	—	4	—	1	1	1	1	1	—
«Другихъ»	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	10
Великаго Литовскаго канцлера .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—

1) Собственная рота конницы—одна.

2) Гвардіи.

3) Изъ нихъ одинъ королевы.

5. Донесенія Салтыкова изъ Гамбурга (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$). Донесенія Гросса (Г. Арх. Ин. дѣлъ. Прусскія дѣла связка, 1).

6. Сухотинъ: «Фридрихъ Великій», стр. 7. Авторъ опредѣлялъ силы Фридриха въ 155,000. Салтыковъ доноситъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ 145,000, «но нынѣ и почти ежедневно, по нѣсколько числу человѣкъ умножаетъ».

7. По донесенію Салтыкова.

8. Заслуживаетъ полнаго вниманія, что со стороны русскихъ, кромѣ сбора свѣдѣній отъ «конфидентовъ», былъ принятъ, съ тою же цѣлью, рядъ скрытыхъ рекогносцировокъ. Для этой надобности выбирались офицеры, отлично владѣвшіе нѣмецкимъ языкомъ и знакомые съ краемъ. Пользовались также услугами и саксонскихъ офицеровъ.

Первая дѣятельность русскихъ офицеровъ, производившихъ скрытыя рекогносцировки, обнаруживается въ іюлѣ 1756 г., когда въ С.-Петербургѣ прошелъ слухъ о сосредоточеніи арміи Левальда у Мемеля и о предполагаемомъ переходѣ пруссаковъ въ наступленіе, съ цѣлью захвата Курляндіи. Тогда же были назначены 9-ть офицеровъ, подъ руководствомъ Об. квар. Шпрингера. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{141}$).

Изъ донесеній этихъ офицеровъ сохранился только рапортъ Оберъ-квартирмейстера Якова Сиверса *), доставленный къ 15-му августу, отличающійся крайнею обстоятельностью. Онъ проникъ до Мемеля, гдѣ замѣтилъ, что «работы при Мемельской крѣпости съ горячностью продолжаются... и подъ землею новыя мины роютъ». Силу гарнизона опредѣляетъ Сиверсъ въ 2400 человѣкъ. Рвы углублены и усилены палисадомъ. Планъ крѣпости Сиверсъ достать не могъ, но обѣщалъ за него 100 червонцевъ. Пилау усиливается и вооружается,

*) См. о государственной дѣятельности Якова Сиверса (послѣ войны), соч. Д. Иловайскаго «Графъ Яковъ Сиверсъ»; изд. 1884 года.

«какъ ключъ Кенигсбергскаго гавана». «Эльбингская крѣпость въ добромъ состояніи». Сиверсъ категорически указываетъ на намѣреніе Фридриха занять Гданскъ: «Но сохрани Богъ, чтобъ ему удалось, какъ онъ о томъ весьма старается, чтобы войска свои въ Гданскѣ поставить...». «Въ Кенигсбергѣ безотлагательно работы продолжаютъ, и (онъ) усиливается тяжелою артиллеріею» «...Понеже тамошній губернаторъ... Левальдъ старъ, то ему въ чинимыхъ приготовленіяхъ одинъ изъ королевскихъ адъютантовъ баронъ Гольцъ, человѣкъ весьма искусный, данъ».

«Починка судовъ, промѣръ Куришъ-гафа... также продолжаются...», для перевозки войскъ изъ Кенигсберга въ Мемель, «куда способнымъ вѣтромъ черезъ 8-мь часовъ поспѣть можно». «Кромѣ двухъ гарнизонныхъ полковъ, кои напольными учреждены, еще въ Кенигсбергѣ три новыхъ полка гусаровъ набираютъ...; сказываютъ, что жители въ страхѣ отъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ».

«Нѣкоторая часть тяжелой полевой артиллеріи въ Тильзитъ послана. Сей поступокъ короля прусскаго изъясняетъ, что бывъ однажды увѣренъ, что онъ съ нашей стороны атакованъ будетъ, онъ насъ, по его обычаю и удивительной скорости,—предупредить и стараться будетъ театръ войны въ нашей землѣ постановить охотнѣе, нежели въ своей.... Нынѣ, кажется, его мѣры такимъ образомъ приняты, чтобъ на трехъ колоннахъ: первой черезъ Тильзитъ и Литву, другой —на Куришъ-гафъ до Мемеля, откуда до Руцау и Эсернъ, а третьей—водою изъ Кенигсберга до Либавы и по большой дорогѣ до Шрундена при Митавѣ соединиться...».

«Всякому крестьянину въ городахъ ихъ запасы продавать запрещено...»; народъ не былъ доволенъ наборомъ, и «жестокій страхъ обнялъ ихъ землю».

Дальнѣйшія свѣдѣнія, есть основанія думать, Сиверсу были доставлены другими офицерами.

Число войскъ въ В. Пруссіи опредѣляли: «считается до 25,000; всѣ въ готовности черезъ 24 часа маршировать; а болѣе того числа не находиться». «При Вуцлау, въ Помераніи, въ 7 миляхъ отъ Данцига лагерь на 25,000 и дѣйствительно назначенъ, и готовъ, отъ Штетина до Вуцлау въ кантониръ-квартирахъ находятся. Изъ онаго заключить должно, что король прусскій, коли онъ захочетъ армію свою въ Пруссіи, 45—50 тыс. человѣкъ, черезъ нѣсколько дней умножить можетъ». «Ландмилиція въ маленькіе корпуса собрана и всю амуницію имѣетъ; въ роты, баталіоны и полки учреждена и безпрестанно обучается»; число ландмилиціонеровъ опредѣляли до 80,000, «и оное не безъ вѣроятности; ибо де изъ всякаго крестьянскаго двора, гдѣ токмо два человѣка, одинъ въ ту ландмилицію взятъ...».

Если мы всѣ эти главныя выдержки сравнимъ съ описаніями Газенкампса, то не трудно замѣтить, что наши офицеры, и въ особенности Сиверсъ, доставили вѣрныя свѣдѣнія. Даже наибольшая ошибка въ предположеніи о переходѣ въ наступленіе далеко не была лишена вѣроятности.

9. Въ этомъ дѣлѣ (см. примѣчаніе 8. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{138}/_{111}$) есть весьма много указаній на мѣры П. Шувалова для сбора свѣдѣній собственно о странѣ; а также въ зависимости отъ особенностей мѣстности— и о будущемъ планѣ дѣйствій.

Съ этою цѣлью были спрошены только что принятый въ нашу службу поручикъ прусской службы -баронъ фонъ-Экгаузенъ, ген.-маіоръ фонъ-Бауманъ и бывшіе въ экспедиціонномъ корпусѣ 1735 г.: Броунъ и Ливенъ.

Общимъ выводомъ относительно высказанныхъ мнѣній всѣхъ этихъ лицъ можно указать на то, что всѣ отрицали возможность дѣйствовать значительными силами отъ Мемеля и Тильзита на Кенигсбергъ и кромѣ того всѣ безъ исключенія не имѣли ни малѣйшаго понятія о путяхъ слѣдованія съ Днѣпра къ Нѣману.

10. Тамъ же. Рапортъ Апраксина отъ 25-го сентября.

11. Полки: Ладожскій, Казанскій, Сибирскій, Муромскій, Нарвскій, Невскій, Смоленскій и 2-й Гренадерскій.

12. См. примѣчаніе 33, главы II.

13 и 14. Тамъ же.

15. «Божьей Милостію Мы Елисавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр., и пр., и пр., объявляемъ во всенародное извѣстіе».

«Непремѣнное Наше желаніе пребывать со всѣми державами, а особливо съ сосѣдними, въ дружбѣ и добромъ согласіи показали Мы съ самаго Нашего на Прародительскій престолъ вступленія скорымъ тогдашней со Швеціей войны (окончаніемъ)».

«Всевышній благословилъ толь праведное желаніе, и государство Наше донынѣ пользуется глубокимъ миромъ и пріятнымъ наслаждается покоемъ».

«Но какъ, между тѣмъ, король Прусскій двоекратное сдѣлалъ на области Ея Величества Римской Императрицы, королевы Венгеро-Богемской, Нашей союзницы и пріятельницы, нападеніе, и Саксонію, наслѣдіе Его Величества короля Польскаго, также Нашего союзника и пріятеля, невзапно разорилъ, и чрезъ то такъ силенъ и опасенъ сдѣлался, что всѣ сосѣднія державы оное къ крайнему отягощенію чувствовали, то Мы, какъ для собственной государства Нашего, такъ и союзниковъ Нашихъ безопасности, и для воздержанія сего предпріимчиваго Государя отъ новыхъ вредительныхъ покушеній, принуждены были содержать всегда значительную часть Нашихъ силъ на Лифляндскихъ границахъ».

«А сверхъ того для большей предосторожности возобновили Мы оборонительные союзы съ Ея Величествомъ Императрицею королевою и Его Величествомъ королемъ Польскимъ».

«Принуди чрезъ то короля Прусскаго въ покоѣ остаться, и сосѣдей своихъ онымъ пользоваться оставить, Мы сію донынѣ чрезъ столько лѣтъ пріобрѣтенную славу, признаніе

Европы и тишину Нашей Имперіи предпочль-бы завоеванію цѣлыхъ королевствъ. Но мнѣніе короля Прусскаго отъ Нашего весьма разнится. Къ оным и къ неправедным завоеваніямъ жаждущій его правъ превозмогъ наконецъ надъ тѣми уваженіями, какія его въ покоѣ удерживали, и подтвердилъ то мнѣніе, которое онъ первою противу Аустрійскаго дома войною о себѣ подалъ, что начатію войны и похищенію чужихъ земель довольно ему одного хотѣнія. Ибо, учиня нынѣ третіе уже на области Ея Величества Императрицы Королевы нападеніе, не первая отъ него вышла въ свѣтъ и воспная декларація, на томъ только основанная, что онъ мнимых своихъ непріятелей предупреждать долженъ».

«Правило, которому доныне одинъ только король Прусскій послѣдовалъ, и которое, если-бы повсюду было принято, привело-бы весь свѣтъ въ крайнее замѣшеніе и совершенную погибель».

«Мы и при томъ, желая сохранить тишину и миръ, крайнее стараніе приложили, не допустивъ сію новую войну до воспаленія».

«И пока король Прусскій возпамѣренъ только въ начатіи ея казался, слѣдовательно время еще было воздержать его отъ оной неоднократнымъ при всѣхъ дворахъ объявленіемъ, что на оную спокойно смотрѣть не станемъ, паче-же, исполняя свои обязанности, союзникамъ Нашимъ всѣми силами помогать будемъ».

«Но король Прусскій, не смотря на то, и приписывая миролюбивыя наши склонности недостатку у насъ въ матросахъ и рекрутахъ, вдругъ захватилъ наслѣдныя Его Величества короля Польскаго области и со всею суровостью войны напалъ на земли Ея Величества Римской Императрицы Королевы. При такомъ состояніи дѣлъ не токмо цѣлость вѣрныхъ Нашихъ союзниковъ, святость Нашихъ словъ и сопряженныя съ тѣмъ честь и достоинство, но и безопасность

собственной Нашей Имперіи не отлагать дѣйствительную Нашу противу сего нападенія помощь».

«Мы для того арміямъ Нашимъ повелѣли учинить диверсію въ областяхъ короля Прусскаго, дабы его тѣмъ принудить къ постоянному миру и къ доставленію обиженнымъ праведнаго удовольствія, и ныя (войска) теперь дѣйствительно находятся для того въ областяхъ короля Прусскаго, и Мы несумнѣнную имѣемъ надежду, что Всевышній и сіе толь праведное намѣреніе благословитъ совершеннымъ пополненіемъ».

«Но какъ король Прусскій, злобствуя за то, издалъ нынѣ въ свѣтъ противъ Насъ декларацію *), въ которой, со столь неосновательнаго нареканія, ищетъ чрезъ то не токмо удержать Насъ отъ посылки помощи, дабы ему тѣмъ свободнѣе было утѣснять Нашихъ союзниковъ, и вновь усилиться, и опаснѣйшимъ сдѣлаться, но присвоить себѣ право къ произвожденію непосредственной противу Насъ войны, а Мы толь справедливаго дѣла Нашихъ союзниковъ оставить, святость Нашего слова нарушить и безопасность Нашей имперіи пренебрегать не можемъ, о чемъ въ изданномъ нынѣ отъ Насъ на помянутую Прусскую декларацію отвѣтѣ пространнѣе изъяснено *), то объявляя о томъ чрезъ сіе, не сомнѣвается, что всѣ Наши вѣрные подданные совокупятъ съ Нами усердныя къ Всевышнему молитвы до Его Всемогущей десницы—защитить праведное дѣло и возстановить твердый миръ и покой къ славѣ Его Пресвятаго имени».

«Елисавета».

Данъ 16-го августа 1757 года.

16. Архивъ князя Воронцова; т. 3, стр. 509.

17. Соловьевъ. Исторія Россіи; т. 24, стр. 98.

18. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ 9, стр. 497.

---

*) Декларація и отвѣтъ помѣщены въ „Журналѣ военныхъ дѣйствій...“ томъ I, изданіе 1762 года.

19. Тамъ же.

20. Тамъ же. Г. Арх. Иностран. дѣлъ. Прусскія дѣла, 1.

21. В. У. Арх. Главнаго штаба; № 321. Рапортъ Апраксина отъ 12-го ноября.

22. Сохранились вообще не всѣ рескрипты Конференціи къ Апраксину. Это, однако, не мѣшаетъ изслѣдованію, въ той степени, какъ можно было-бы ожидать. По принятому въ то время канцелярскому обычаю въ реляціяхъ постоянно излагалась сначала вся сущность рескрипта, на который отвѣчали. Реляціи-же Апраксина и письма его, отправляемыя въ тотъ же день къ И. Шувалову, вполнѣ разъясняютъ требованія Конференціи. Реляціи въ дѣлахъ В. У. Арх. Главнаго штаба; а письма Апраксина въ 9 т. Сборника Р. Истор. Общества.

23. По прибытіи Апраксина къ арміи и до выступленія главныхъ силъ, свѣдѣнія о непріятелѣ доставлялись скрытыми рекогносцировками офицеровъ. Напр. маіоромъ Романіусомъ (В. У. Арх., 221). поручикомъ Далегорскимъ и офицерами, посылаемыми Веймарномъ изъ Варшавы. (Прусскія военныя дѣла).

24. Требованіе Конференціи о переходѣ русскихъ войскъ въ наступленіе зимою 1756 г., посланное вслѣдъ за Апраксинымъ, а также настаиваніе на раздѣленіе нашихъ силъ для дѣйствія въ Силезіи, на Н. Вислѣ и въ Пруссіи, было во-первыхъ, вслѣдствіе обѣщанія Бестужева «скорой и сильной помощи» саксонцамъ, и во-вторыхъ, по требованію нашихъ агентовъ дипломатическаго корпуса за границею.

Еще 17-го сентября Гроссъ указывалъ нашему правительству на опасность, что Фридрихъ II займетъ своими войсками Гданскъ, «что операціи русскихъ войскъ учинитъ гораздо труднѣйшими, но и нападенію на Померанію совсѣмъ препятствовало бы, и на время торгами польскими черезъ Гданскъ воспользовался бы (Фридрихъ II) къ своему обогащенію... и войну на чужомъ коштѣ производилъ бы [1]).

[1]) Моск. архивъ Иностранныхъ дѣлъ; связка 1. Прусскія военныя дѣла.

29-го сентября Гроссъ опять сообщилъ о намѣреніи Фридриха захватить Гданскъ, ссылаясь на свѣдѣнія, доставленныя секретаремъ этого города [2]). 25-го октября, послѣ аудіенціи у курфирста саксонскаго, Гроссъ категорически указывалъ на необходимость, чтобы «диверсія была произведена въ такихъ мѣстахъ, кои королю прусскому наипаче при сердцѣ лежатъ, какъ въ Силезіи или Помераніи, понеже тѣмъ способомъ тотъ государь скорѣе понудился бы Саксонію упраздпить» [3]). Веймаръ 21-го октября передалъ Конференціи просьбу графа Брюля, чтобы «диверсія королю прусскому чувствительна была, не въ Пруссіи около Кенигсберга и тамошнихъ мѣстъ, но перешедъ Саксонію... въ самой Бранденбургіи воспріять полезно, что причиною служить могло короля прусскаго принудить силы свои раздѣлить, а наипаче ежели-бъ Ваше Императорское Величество заблагоразсудить изволили приказать другому корпусу въ Курляндіи противу прусскихъ стоять, и тѣмъ ныпѣ находящіяся войска въ тамошнихъ мѣстахъ постоять принудить; ибо довольно извѣстно, что король прусскій и самъ немного о цѣлости Бранденбурга печётся, но паче о Шлезіи старается».

То же самое сообщено Веймарномъ Апраксину: «20-го ноября призвалъ меня первый министръ графъ Брюль къ себѣ (пишетъ Веймаръ) и о предыдущихъ военныхъ дѣйствіяхъ разсудилъ, то оныя, какъ ему кажется, со стороны Эльбинга и Гданска съ лучшею пользою и успѣхомъ воспринять быть имѣютъ, нежели со стороны Мемеля, и за весьма нужное и почти необходимое признаетъ, чтобъ въ такомъ случаѣ въ объявленныхъ двухъ городахъ гарнизоны Россійскаго войска положены были, дабы король прусскій по причинѣ преданности къ нему обывателей тѣхъ городовъ, (ибо извѣстно, что большая часть мѣщанъ г. Гданска либо под-

---

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

данные онаго короля, либо по меньшей мѣрѣ ему весьма преданы суть) въ томъ не предупредилъ, и по взятію оныхъ не токмо комуникаціи Пруссіи съ прочими его областями возымѣть, но и тѣмъ препятствовать не могъ, чтобы изъ Польши провіанта и фуража достать можно было...» [4]).

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что первое указаніе для направленія операцій нашей арміи къ Н. Вислѣ (въ 1756 г.) было дано лицами нашего дипломатическаго корпуса, подъ вліяніемъ саксонцевъ. Саксонское же правительство, прежде всѣхъ другихъ, озаботилось прислать въ Конференцію и планъ кампаніи, составленный ихъ генераломъ, —Сибильскимъ.

Мы имѣли уже случай сказать, что еще въ началѣ ноября мѣсяца Конференція настойчиво требовала отъ Апраксина перехода въ наступленіе [5]).

Требованіе Конференціи о немедленномъ переходѣ въ наступленіе арміи Апраксина (вызванное донесеніями Гросса) возобновилось, какъ только въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ о «сбитіи (пруссаками) орла съ дома русскаго посольства въ Дрезденѣ». Изъ переписки мы видимъ, что 5-го декабря 1756 г. Апраксинъ вторично отказался отъ зимней кампаніи, что нельзя не признать вполнѣ основательнымъ. Главнокомандующій хотя и признавалъ, что «сбитіе орла» «не инако, какъ за настоящее нарушеніе всенародныхъ правъ, почтено быть должно, но касательно произведенія ввѣренною мнѣ арміею, какого либо въ нынѣшнее неудобное и весьма суровое время дѣйствія, не согласуясь съ Вашего Величества интересами, хотя помянутый посланникъ (Гроссъ), какъ видно, и спѣшитъ, дерзновеніе пріемлю (доноситъ Апраксинъ), — ссылаясь на мою реляцію (отъ 17-го ноября), въ которой всѣ тѣ причины, кои такому предпріятію воспрепятствуютъ пространно объяснены, присовокупить, что всякая скоропо-

---

[4]) Тамъ же.

[5]) Военно-ученый архивъ, № 224.

стижность и поспѣшность отъ большей части бываетъ вредительна и предосудительна, чего многими примѣрами и доказать можно» [6]).

Саксонское правительство, требуя помощи, въ ноябрѣ же доставило въ Конференцію планъ для дѣйствій русскихъ, составленный ихъ знаменитостью Сибильскимъ. Въ то время Апраксинъ имѣлъ уже отъ Веймарна (отъ $^2/_{13}$ ноября) [7]) увѣдомленіе о выдающихся особенностяхъ этого Сибильскаго. Веймарнъ доносилъ, что «Сибильскій ничего больше не желаетъ, какъ служить сію войну и нѣсколько тысячъ нерегулярныхъ съ двумя тысячами регулярныхъ войскъ нашей арміи предводить, съ которыми онъ многое ко вреду прусскихъ учинить обѣщаетъ и наипаче тѣмъ, что ему всѣ стези и дороги въ Пруссіи извѣстны...; но паспу вѣрить можно, что его (Сибильскаго) совсѣмъ изъ службы отпустили...»

Вотъ эта-то знаменитость саксонской арміи занялась составленіемъ плана для дѣйствій русской арміи. Вполнѣ понятно, что Сибильскій требовалъ, согласно желанію Брюля,—скорѣйшаго выступленія значительнаго отряда нашихъ войскъ къ Вислѣ, направляя операціи большей части арміи Апраксина въ В. Пруссію. Конференція (настоятельно требовавшая зимняго похода) тогда же препроводила планъ Сибильскаго Апраксину. Главнокомандующій (17 декабря), разсмотрѣвъ въ военномъ совѣтѣ этотъ планъ, донесъ, что «онъ (планъ) многими околичностями и дальностями сопряженъ, ибо имѣя съ симъ непріятелемъ дѣло, пользѣ и благосостоянію войскъ Вашего Императорскаго Величества сходственно быть является сколь можно армію вмѣстѣ содержать, а не раздроблять, да по удобности, въ свое время, чѣмъ скорѣе, безъ дальнихъ околичностей, его атаковать, тѣмъ лучше быть можетъ. На набираемый имъ (Сибильскимъ) изъ чужестранныхъ людей

---

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же.

полкъ легкой конницы, показанная имъ сумма чрезъ мѣру велика, и по моему слабѣйшему мнѣнію (доноситъ Апраксинъ), что въ такихъ людяхъ (т. е. въ полку легкой конницы) нужды мало [8])».

Упорный отказъ Апраксина отъ зимней кампаніи долженъ быть признанъ вполнѣ основательнымъ. Ко дню смотра войскъ въ Митавѣ, въ началѣ декабря, главнокомандующій имѣлъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи прусскихъ войскъ въ В. Пруссіи.

1) Гроссъ $^{4}/_{15}$ ноября, предостерегая отъ шпіоновъ («которыхъ слышно въ Курляндіи, да около Ковно, есть не малое число»), *) сообщилъ, что «но здѣсь имѣющимся свѣдѣніямъ въ Пруссіи *къ оборонѣ* все готово: линія отъ Мемеля до Тильзита построена, засѣки вездѣ положены, всякіе съѣстные припасы увезены въ укрѣпленные пункты... Король Прусскій также опасается нападенія (русскихъ) на Шлезію; понеже теперь внезапно и скоропостижно магазины въ срединѣ той провинціи, сирѣчъ въ Бреславлѣ и Лигницѣ, строить велѣлъ...»

2) Свѣдѣнія, доставленныя съ разныхъ сторонъ и, между прочимъ, поручикомъ Сибирскаго полка Шрейдеромъ, «извѣстнымъ Рицомъ» и другими, черезъ Веймарна, дали основаніе слѣдующему донесенію Апраксина Императрицѣ... «чтобъ отъ прусской стороны въ Курляндію вознамѣренность слуху нѣтъ. Удостовѣреніе фельдмаршала Левальда, подтвержденное клятвою старости, что ни одинъ россіянинъ на прусскія земли ногою не станетъ, не всякій-ли, которому положеніе

---

[8]) Реляція отъ 17-го декабря, послѣ постановленія Военнаго совѣта въ Митавѣ 11-го декабря.

*) Въ особенности Гроссъ указывалъ на «нѣкотораго капитана Ламберта, который объявляетъ себя англійскимъ офицеромъ, но прямо главнымъ есть шпіономъ на Россійской границѣ...». Конечно, со стороны русскихъ были также приняты мѣры для развѣдокъ (но не исключительно «конфидентами». Кромѣ помянутыхъ офицеровъ, адъютантъ Юрія Ливе́на Фрейманъ) все время разъѣзжалъ подъ видомъ польскаго офицера; они и доставляли главныя свѣдѣнія.

границъ прусской земли нѣсколько извѣстно, скажетъ, что оное есть легкомысленное произведеніе гордостію надменнаго и ослѣпленнаго человѣка..., и когда способное къ маршу время настанетъ, никакая хитрость помянутаго фельдмаршала Левальда въ состояніи найдется входу въ Пруссію воспрепятствовать. Елико-же до обрѣкаемаго, повидимому, прусскими партизанами вступленія въ Курляндію прусскихъ войскъ принадлежитъ, то неподлинность *того самымъ дѣломъ оказалась*; слѣдовательно такое пустое разглашеніе единственно только для приведенія въ безпокойство стоящихъ въ Курляндіи полковъ учинено...» Дѣйствительные факты вполнѣ подтвердили это; въ заключеніе главнокомандующій доноситъ, что, если Фридрихъ II «побужденъ поставленнымъ себѣ главнымъ правиломъ—предупреждать и скоростью побѣждать своихъ непріятелей, и побуснтся отважиться въ Курляндію вступить и (наши) полки атаковать, то за несомнѣнно на Бога уповаю, что Его Величество такое супротивленіе встрѣтитъ, что самъ признается, что наглость не вездѣ такъ удачна, какъ въ Саксоніи, и что правило его противъ Россіи ему не успѣхъ, но бѣдство и разореніе приноситъ, и будетъ послѣдній ударъ гораздо горше перваго».

3) Въ первыхъ числахъ декабря было получено донесеніе отъ «Кейзерлинга, брата Россійскаго при Вѣнскомъ дворѣ министра (отъ 27-го ноября), что другой Кейзерлингъ, братъ Брауншвейгскаго Кейзерлинга, сообщилъ, что король Прусскій писалъ изъ арміи къ своему генералитету въ Пруссію, что онъ имѣлъ консиліумъ, какимъ образомъ имъ поступать, ежели отъ Россійской стороны въ Пруссію нападеніе учинено будетъ, и понеже они то, по первому зимнему пути, видѣть надѣются, то и приказано имъ, дабы они, не ожидая къ себѣ Россійскаго войска, но какъ скоро только о движеніи нашемъ свѣдаютъ, то хотя въ Курляндіи или Самогитіи учинить на войско (наше) нападеніе, а (Фридриху II) о томъ своемъ

учиненномъ предпріятіи сочиня планъ прислали; только-жъ въ семъ нападеніи съ такою осторожностью исправлялись, чтобъ, болѣе нежели нынѣ въ Пруссіи войска есть, сикурсу не надѣялись».

4) 4-го декабря доносилъ, что слухи объ уничтоженіи прусаками магазиновъ въ Курляндіи его нисколько не безпокоятъ... «Король Прусскій намѣреніе принялъ магазины въ Курляндіи сжечь, то я весьма безопасенъ, ибо опыхъ въ въ Курляндіи кромѣ одного (Митавскаго, вполнѣ обезпеченнаго) не находится *), затѣмъ, что дворянство и обыватели въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полки на квартирахъ стоятъ, весь провіантъ и фуражъ порознь у себя хранятъ...».

5) Наконецъ 5-го декабря Фрейманъ 9) (адъютантъ Лиевена) вернулся изъ Гильгенбурга и сообщилъ, что жители вообще въ паникѣ и отвозятъ свое имущество въ Гданскъ. Фрейманъ же сообщилъ слухъ, бывшій въ В. Пруссіи, что «какъ скоро Россійское войско насъ атакуетъ, то датскаго войска 25,000 къ намъ (прусакамъ) на подмогу будетъ, а сверхъ того Англія не унуститъ, что Россійское войско къ берегамъ здѣшнимъ пристать могло...». Фрейманъ опредѣленно подтверждалъ, что часть солдатъ (Левальда) «*распустили по домамъ, съ обязательствомъ явиться по требованію въ два дня*». И это было вѣрно.

Такимъ образомъ мы видимъ, что по всѣмъ свѣдѣніямъ, собраннымъ русскою главною квартирою къ 11-му декабря, Апраксинъ имѣлъ дѣйствительно полное основаніе не опасаться перехода Левальда въ наступленіе (на основаніи чего Конференція требовала зимняго похода) и дѣйствительно не имѣлъ никакого права рискнуть на операцію зимою безъ организованныхъ запасовъ, съ неустроенною арміею, разбросанною по теченію Двины и Днѣпра.

*) Таблицы къ примѣчаніямъ II главы доказываютъ правильность этого.

9) Тамъ же.

11-го декабря военный совѣтъ рѣшилъ:

1) Остаться въ оборонительномъ положеніи.

2) Усилить надзоръ за форпостами.

3) «Ежели-бъ онъ (Левальдъ) въ Курляндію вступить похотѣлъ», то «требовать увѣдомленія о причинѣ его вступленія въ Курляндію, и, недожидаясь отъ него нападенія, всею силою атаковать...». Этимъ заканчивается первый періодъ неисполненія Апраксинымъ требованій Конференціи. Первоначально (17-го ноября) Апраксинъ находилъ возможнымъ до нѣкоторой степени удовлетворить одному изъ самыхъ непонятныхъ и крайне вредныхъ для рѣшительныхъ дѣйствій русскихъ требованій Конференціи, въ инструкціи отъ 5-го октября; а именно, въ одно и тоже время и на границѣ стоять, и медленно подвигаться къ Нѣману. По крайней мѣрѣ Апраксинъ доносилъ черезъ недѣлю по прибытіи въ Ригу, что «полки при границахъ такъ расположены, что способно быть можетъ отъ Смоленска, Стародуба и Чернигова, вступя въ Польшу, не отдаляясь отъ границъ и держась къ соединенію съ главною арміею, впередъ непрестаннымъ своимъ расположеніемъ подвигаться, и довольный видъ будетъ къ недознанію, въ которую сторону армія итти намѣрена...» [10]), но 2-го января (послѣ двукратнаго отказа перейти въ наступленіе) военный совѣтъ въ 3-й разъ отказался отъ предложеннаго способа дѣйствія «малыми корпусами впередъ не наступать, для того, что все воинское искусство того требуетъ и въ томъ состоитъ, чтобъ не быть первому удару подвержену и не подать черезъ то непріятелю одобреніе и куражъ, а начать бы дѣйствіе съ сильнымъ корпусомъ и съ довольною кавалеріею».

Порѣшивши не начинать серьезныхъ дѣйствій до мая и прежде всего сосредоточить армію, присоединить къ ней конницу, организовать запасы въ Литвѣ, Апраксинъ до конца

---

10) Тамъ же, № 224.

января ни однимъ словомъ не омолвился о будущемъ планѣ дѣйствій. Полная основательность этого не можетъ быть оспариваема: сообщить планъ дѣйствій Конференціи значило открыть карты и непріятелю. Мы увидимъ, какъ въ этомъ случаѣ былъ остороженъ Апраксинъ.

Конференція, не имѣя пока наготовѣ своего плана кампаніи, сообщала Апраксину чужіе: сначала, какъ сказано, Сибильскаго (въ декабрѣ) и затѣмъ австрійскаго генерала Буковаг (въ январѣ) подъ названіемъ: «покорнѣйше примѣрный проектъ плана операціи Россійской Императорской арміи противо Пруссіи».

«Причина есть думать (сказано въ австрійскомъ планѣ), что императорская россійская *вспомогательная* *) армія,—которой точно назначенная сила недовольно извѣстна,—нынѣ слѣдующимъ образомъ въ винтеръ-квартирахъ расположена быть имѣетъ»:

1) Въ Лифляндіи—большая часть. . . . .

2) Въ Псковской губерніи большая часть регулярной кавалеріи.

3) Въ Смоленской губерніи часть регулярной и нерегулярной—конницы.

Затѣмъ Буковъ принимаетъ основнымъ положеніемъ, что «Королевство Прусское,—по многимъ важнымъ государства онаго (Россіи) во всѣхъ разсужденіяхъ весьма предосудительнымъ (т. е. уважительныхъ) и здѣшней сторонѣ зѣло полезнымъ причинамъ,—россійскою (стороною) взять, а позади себя въ рукахъ непріятельскихъ оное (В. Пруссію) оставить не надлежитъ, *къ чему съ россійской стороны и безъ того никогда склонности не найдется...*» *).

Букову, при этихъ условіяхъ, «покорнѣйше мнится, что воспріятіе на пруссаковъ безъ задержанія главнѣйшаго дѣла,

*) Курсивъ нашъ.

то есть атакованіе сего короля всѣми силами въ Германіи слѣдующимъ образомъ наиспособнѣйше и наискорѣйше исполнено быть могло-бъ»:

«Смоленскою колонною черезъ Литву къ Гродно, какъ можно близко къ Прусскимъ границамъ, къ воеводству Мазовецкому (участокъ по обѣ стороны за р. Бобромъ и Наревомъ) такимъ образомъ, что... прибывъ около польскихъ городковъ Визны и Лумзы (Ломжи),—оставя оные нѣсколько влѣвѣ,—остановиться. А, поворотясь потомъ въ правую руку, воеводствомъ Подляжскимъ, маршъ свой продолжать къ воеводству Троцкому (мимо Гоніонза, бывшаго въ Подляжскомъ) къ тому-же Гродно, вслѣдствіе чего вторая, въ Псковѣ стоящая колонна, черезъ Польскую Лифляндію, Семигалію и Литву въ воеводство Троцкое, и соединясь тамо съ показанною первою колонною, учредила-бъ тамо или въ Литвѣ, или въ иномъ мѣстѣ главный магазинъ».

«Теперь-же Лифляндская колонна черезъ Курляндію, Семигалію, и буде возможно, черезъ Самогитію, и черезъ Мдникъ, и Россіяны... наблюдать имѣла, чтобъ со второю колонною въ воеводствѣ Троцкомъ соединясь около Тильзита, *яко въ наилучшей части сей стороны лежащей Пруссіи* (?) *) вступила, а другія двѣ колонны въ тожъ время напротиву первой къ сторонѣ Кенигсберга, яко главнѣйшему мѣсту, войти и дѣйствовать имѣли-бы, отъ котораго движенія непріятелю во всѣхъ мѣстахъ, и гдѣ-бъ съ арміею своею не находился, въ утѣсненіе и промежъ двухъ огней быть сталъ-бы».

Буковъ предполагалъ, что непріятель сосредоточитъ свою армію—или у Тильзита, или у Кенигсберга.

Если армія будетъ у Тильзита, то «Вышняя Пруссія отъ самаго Ортельсбурга до Кенигсберга оставалась-бы открытою... и 2-я и 3-я колонны легко-бы въ тылъ пришли».

*) Курсивъ нашъ.

Если армія Левальда будетъ у Кенигсберга... «то нетолько Мемеля покидать, но и всю нижнюю и большую часть Вышней Пруссіи оставили-бъ въ добычу Россійскому войску».

Въ случаѣ неудачи прусаковъ, Буковъ предсказывалъ, что Левальдъ, будучи «какъ въ мѣшкѣ загнанымъ, увидалъ бы... и наплу-бъ способъ имѣлъ убѣжище свое въ Маріенвердерскомъ постѣ сыскать...».

Однако, какъ оказывается, вся сила была не въ этомъ проектѣ хитрыхъ маневровъ и указаній на главную операціонную линію—Тильзитъ—Кенигсбергъ (проходящую тогда по безусловно трудно-доступной мѣстности) съ дѣйствіями на тылъ Левальда, но въ дополнительномъ предложеніи Букова, а именно, дѣйствовать, хотя бы частью войскъ, въ связи съ австрійцами, въ Силезіи. Въ общемъ заключеніи Буковъ находилъ, что для русской арміи въ «Силезіи со стороны Гроссъ-Глогау, *было-бъ полезнѣйшимъ и для Россійской арміи легчайшимъ и надежнѣйшимъ,* но апробуетъ ли Россійскій дворъ сіе предложеніе и не станетъ ли охотнѣе, въ разсужденіе ожидаемой отъ галернаго своего флота помощи, изъ Пруссіи въ Померанію свои операціи продолжать—того угадать нельзя...».

Въ этомъ и была вся сила: Сибильскій,—не забывая себя (предложивши набрать полкъ волонтеровъ),—съ саксонцами тянулъ русскую армію въ Бранденбургію. Буковъ съ австрійцами—въ Силезію. Наиболѣе выгодное для русскихъ направленіе операціонной линіи, предложенное, напримѣръ, Буковымъ, было совершенно не удобоисполнимо, что сознавалъ и какъ находилъ самъ Буковъ, вслѣдствіе чего онъ и предполагалъ наивыгоднѣйшимъ направленіемъ для дѣйствія русскихъ—на Гроссъ-Глогау.

Проѣздомъ черезъ Ригу въ Петербургъ (въ половинѣ января) Буковъ остановился и ознакомилъ Апраксина съ основаніями своего плана. Апраксинъ хорошо понялъ Букова, и

тогда же не согласился съ нимъ. Буковъ произвелъ на него вообще неблагопріятное впечатлѣніе: «Великій говорунъ (пишетъ Апраксинъ П. Шувалову) и на воздухѣ крѣпости строитъ, беретъ, всѣхъ побиваетъ, о чемъ нѣчто и въ Конференцію писалъ, упоминая неудобности его представленій, а обстоятельнѣе объ немъ и дѣлѣ его писалъ (Петру Шувалову). Но я, однакожъ, собравъ на спхъ дняхъ, буду имѣть военный совѣтъ, и что въ немъ положено будетъ, въ Конференцію сообщу, и какое на то будетъ повелѣніе, на все поступлю; и хотя за благо и не примется, *но я уже ко всему такому привыкъ и себя изготовилъ; а между тѣмъ буду во всемъ безотвѣтенъ и пререканія не понесу*» [11]).

Это «нѣчто» былъ протестъ Апраксина какъ противъ проекта Букова, такъ и противъ немедленнаго открытія дѣйствій, что могло быть выгодно только для союзниковъ. Въ реляціи Апраксина отъ 16-го января [12]) онъ указываетъ, что Буковъ «настаивалъ, и думаю еще настаивать будетъ (по какому бы плану не было), чтобъ не обождавъ съ ихъ (австрійской) стороны начатія какихъ либо военныхъ дѣйствій, съ нашей стороны дѣйствительно въ пышнѣшее еще время начаты были». Апраксинъ безусловно отъ этого отказался, такъ какъ безъ всякой надобности приходилось людей держать подъ открытымъ небомъ, а между тѣмъ запасовъ (и главное фуражныхъ) въ Литвѣ не было. Сначала (29-го января) Апраксину было разрѣшено «обождать движеніями всею силою до тѣхъ поръ пока, или достаточное число провіанта и фуража (на армію) заготовлено будетъ, или до мая мѣсяца, пока трава для прокормленія лошадей на поляхъ произрастетъ» [13]), но эта уступка была не болѣе какъ

---

[11]) Сборникъ Русскаго Историческаго общества; томъ 9, стр. 458, письмо къ Ивану Шувалову, отъ 16-го января.

[12]) Военно-ученый архивъ, № 224, А.

[13]) Тамъ же.

недѣли на двѣ: поѣздка Букова въ Петербургъ имѣла свои послѣдствія.

Планъ, привезенный Буковымъ, былъ разсмотрѣнъ въ военномъ совѣтѣ, и 23-го января генералитетъ составилъ особую «рефлекцію», гдѣ русскіе генералы, съ полнымъ пониманіемъ основаній военнаго дѣла и бывшихъ обстоятельствъ, высказали свой взглядъ на дѣло.

Наши генералы находили, что составителю плана «положеніе разныхъ земель, въ которыхъ войска расположены, и гдѣ они по собранію дѣйствовать должны не столько свѣдомо...». Найдено, что планъ проектированъ вообще «на мнительныхъ основаніяхъ и на неподлинныхъ генеральныхъ показаніяхъ картъ, земель, полагаясь... (вслѣдствіе чего) въ дѣйство привесть нельзя...». Вопросъ о способѣ довольствія совсѣмъ не былъ затронутъ Буковымъ. Соображенія основаны «единственно только по генеральной картѣ, и ни въ одномъ пунктѣ съ натуральнымъ положеніемъ земель не согласуются».

Буковъ не касался вопроса о занятіи Мемеля, нашъ-же генералитетъ придавалъ важное значеніе этой крѣпости «для того что она, по причинѣ залива, не только къ привозу какъ провіанта и фуража, такъ и воинскихъ всякихъ снарядовъ изъ Россіи способствовать можетъ, но и главнымъ образомъ всякаго запаса магазиномъ признана быть можетъ».

Военный совѣтъ точно также отмѣтилъ вредъ уже прежде высказаннаго имъ раздѣленія силъ на нѣсколько колоннъ, а равно не признавалъ удобнымъ предрѣшать дальнѣйшій планъ по взятіи Кенигсберга, чего касался Буковъ: «всѣ послѣдующія операціи (сказано въ рефлекціи) по удачливымъ предпріятіямъ на Пруссію уже собою подадутся, и тогда съ лучшимъ основаніемъ учреждаемы быть могутъ, *ибо время и обстоятельство дѣлъ ясные того скажутъ*». Что-же касается до

---

14) Тамъ же.

выдѣленія силъ въ Силезію, то объ этомъ военный совѣтъ не считалъ нужнымъ и возбуждать вопроса.

Апраксинъ, представляя это рѣшеніе военнаго совѣта, разсчитывалъ, что эта «рефлекція» разоблачитъ «неосновательность и дальновидныхъ затѣй» Букова, и какъ для лучшаго выясненія ихъ, такъ равно для словеснаго доклада Конференціи о положеніи заготовленій въ Литвѣ и невозможности теперь-же выступить, Апраксинъ со своею реляціею, отъ 28-го января, командировалъ своего начальника штаба, «недавно пріѣхавшаго изъ Варшавы генералъ.-квар. Веймарна, (который) съ точнѣйшимъ разъясненіемъ все оное донести можетъ».

Къ 13-му февраля Вейманъ вернулся въ Ригу и вмѣсто прежнихъ проектовъ (Сибильскаго и Букова) привезъ новый планъ операціи, составленный Конференціею. Апраксину вмѣнялось въ обязанность: «Учинія мнѣніе военнаго совѣта на этотъ планъ», *«по Указу» отправить съ отвѣтомъ Вейманна-же обратно въ Конференцію* [16]).

Изъ подлиннаго весьма обстоятельнаго постановленія военнаго совѣта 17-го февраля видно, что Конференція во всѣхъ подробностяхъ разработала планъ операціи. Сущность (несохранившагося въ дѣлахъ) плана Конференціи заключалася въ томъ (какъ опредѣленно видно изъ отвѣта воен. совѣта), что главная армія нѣсколькими колоннами должна была оперировать въ В. Пруссію (назначены были даже пункты переправы черезъ р. Нѣманъ), а 15,000 войска должны были направиться на Н. Вислу—къ Гданску.

Этотъ планъ былъ составленъ генералами не чужихъ армій, а самой Конференціею и, конечно, при живомъ участіи могу-

---

16) Воен. Сбор. Русск. Ист. общества; томъ 9, стр. 459. И такъ Вейманъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ не *«подъ разными предлогами»*, но для *«узнанія сентиментовъ молодого двора»*, какъ безъ всякаго основанія полагаетъ г. Семевскій (Воен. Сборникъ 1862 года, № 6, стр. 284), а по разъясненіямъ самаго существеннаго вопроса—плана кампаніи; при чемъ Вейманъ ѣздилъ не по волѣ Апраксина, а *«по указу»* Конференціи.

ществennаго П. Шувалова, который давно собралъ нужныя данныя *); слѣдовательно, со стороны генералитета нужна была прежде всего осторожность при критикѣ этого плана, чтобы не оскорбить Конференцію.

17-го февраля военный совѣтъ постановилъ свое рѣшеніе [17]).

Прежде всего военный совѣтъ признаетъ «неоспоримою правдою», что при предпріятіи всякаго дѣла, для лучшей онаго удачи, какой либо «*планъ или главное намѣреніе въ основаніе положить должно...*». «При сочиненіи военнаго плана операціи (сказано въ постановленіи военнаго совѣта) не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войскъ припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны...» [18]), т. е. вообще отъ обстановки. «Присланный съ генералъ-квартирмейстеромъ Веймарномъ проектъ весьма премудро сочиненъ, великаго проницанія и предвидѣнія дѣла... Но яко (главнокомандующему и генералитету) дозволяется и и свое мнѣніе всенижайше представить, то... (военный совѣтъ указываетъ)..., что въ ономъ планѣ,—безъ изслѣдованія состоянія и числа назначеннаго къ тому великимъ, важнымъ и раздѣльнымъ предпріятіямъ войска и прочаго,—такія предпріятія предлагаются, къ произведенію которыхъ гораздо большую силу предъ тою, какая для того дѣйствительно назначена, имѣть потребно». Затѣмъ указывалось, что по мнѣнію военнаго совѣта всякое раздробленіе силъ было не-

---

[17]) Военно-ученый архивъ, № 224, А.

[18]) Нельзя въ этомъ случаѣ не сопоставить слова Наполеона I по тому же вопросу: «планы кампаній (говорятъ великій полководецъ) измѣняются до безконечности въ зависимости отъ обстановки, таланта полководца, качества войскъ и топографическихъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій».

*) См. примѣчаніе 9-е къ 3-й главѣ.

соотвѣтственнымъ. Военный совѣтъ находилъ двѣ главныя организаціонныя особенности арміи Апраксина: 1) полный недостатокъ регулярной конницы и 2) армія наша имѣла много рекрутъ и давно не была въ дѣлѣ, и покуда она не обстрѣляется, то полагали необходимымъ дѣйствовать «кучно». «Пѣхотою превосходящая армія другую, числомъ гораздо меньше пѣхоту имущую, однако и изрядно сильнѣйшею кавалеріею снабденную армію, въ такихъ открытыхъ земляхъ, каковыя непріятельскія, толь меньше въ состояніи превозмочь. И внутреннее состояніе войскъ достойно вниманія, ибо черезъ такъ долгое время безъ практики дѣйствительныхъ и серьезныхъ воинскихъ упражненій находившаяся армія, какъ бы храбра, благонамѣрена и изрядно снабдена не была, прежде нежели она *опять въ обыкновеніе войдетъ*, не можетъ отважиться на великія и разныя раздробленія поступить, ибо тѣмъ опасности себя подвергала-бъ...». При дѣйствіи «многими колоннами», неминуемо было бы нѣсколько комуникаціонныхъ линій, «на которыхъ слѣдовало оставить много войскъ для прикрытія обоза, особливо-жъ для подвоза провіанта, мундирныхъ и амуничныхъ вещей, артиллерійскихъ снарядовъ, также и оставленныхъ позади рекрутъ, современемъ востребованныхъ, денежной казны, для комуникаціи съ Россіей конвоевъ, прикрытія рѣкъ и для защищенія главнаго лазарета..., всѣ раздѣленные корпуса несравненно больше обезсилены были, чѣмъ марширующіе на разныя неподалекомъ между собою разстояніи армію сочиняющія колонны...». Военный совѣтъ полагалъ важнымъ прежде всего разбить непріятельскую армію, и не признавалъ возможнымъ назначать теперь же пути наступленія отъ Нѣмана на Кенигсбергъ, «ибо, когда главное намѣреніе къ тому клонится, *чтобъ непріятелю баталію дать и разбить*, то натурально его *тамо* искать и встрѣтить надо, *гдѣ* онъ находиться будетъ, не взирая на то, что намѣреніе принято будетъ, непріятеля

принудить къ Кенигсбергу идти. Первое положеніе непріятеля, *о которомъ до сихъ поръ ничего подлиннаго сказать нельзя*, рѣшить имѣетъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вступить можно въ Пруссію...». Такимъ образомъ, военный совѣтъ ближайшею цѣлью ставилъ—развѣдать расположеніе непріятеля и его мѣры по оборонѣ Нѣмана: «гдѣ думаетъ (непріятель) сопротивляться переходу черезъ Нѣманъ...». Въ случаѣ «дѣйствительнаго» сопротивленія на Нѣманѣ, переправа «никако въ дѣйство произведена быть не можетъ, какъ черезъ военныя хитрости, непріятеля въ невѣденіе приведши, въ томъ мѣстѣ переходъ съ поспѣшностью и силою воспріять, гдѣ того наименьше думать и ожидать. Понеже сего предварительно усмотрѣть нельзя, того ради, *предписанныя* (какія именно мѣста указывала Конференція для переправы не сказано) *мѣста за необходимо нужные пункты и переходу Нѣмана почесть неможно*.» *).

Затѣмъ военный совѣтъ не согласился съ предложеніемъ Конференціи отдѣлить 15,000 войска «для овладѣнія Торунемъ, Эльбингомъ, Маріенвердеромъ и Гданскомъ». Находили, что «склониться на это (безусловно) невозможно», во-первыхъ потому, что эти 15,000, въ случаѣ неудачи австрійцевъ, первые подвергались бы отдѣльному пораженію и во-вторыхъ, кромѣ помянутыхъ пунктовъ нужно было бы занять Кульмъ и Новый Дворъ, который былъ бы исходнымъ пунктомъ (базою) отряда, дѣйствующаго на сообщеніе пруссаковъ по правому берегу Вислы. Для этого русскіе генералы находили нужнымъ имѣть отдѣльный корпусъ не менѣе какъ до 40,000.

Кромѣ того, отдѣляя корпусъ на Н. Вислу, театръ военныхъ дѣйствій переносился бы въ Польшу, что было-бъ удобно королю Прусскому, такъ какъ флангъ и даже тылъ этого корпуса подвергался удару войскъ Фридриха II.

*) Всѣ курсивы наши.

На обѣщаніе короля Польскаго довольствовать нашу армію положиться нельзя, «ибо въ самомъ дѣлѣ оказалось мало королевскіе универсалы уважаются о вывозѣ хлѣба въ Пруссію».

Обѣщаніе Польши усилить нашу армію своими войсками, въ глазахъ военнаго совѣта, —было «ничтожно», а нужно «доказательное и вѣрное обнадеживаніе имѣть...» *).

«Предложенная сюрприза Гданска, хотя и весьма изрядно выдумана, но крайне трудное и почти счастливаго произведенія невозможное дѣло, затѣмъ, что всѣ подобныя предпріятія зависятъ отъ весьма аккуратно *исчисленнаго* положенія и отъ такого *исполненія*, которое и въ наималѣйшемъ обстоятельствѣ отнюдь никакой помѣхи имѣть не должно; наиглавнѣйшее-же *отъ самонужнѣйшаго молчанія...*» На что военный совѣтъ совсѣмъ не разсчитывалъ. Апраксинъ категорически доносилъ, что именно «*генералъ Буковъ вездѣ содержаніе плана разглашаетъ*». Вообще русскій корпусъ, направленный въ Гданскъ, «въ отношеніи комуникаціи путей», былъ бы въ крайнемъ положеніи.

Въ заключеніе, военный совѣтъ опять категорически подтвердилъ, что теперь «знатнаго ничего не предпринимать», и подвергая это заключеніе Монаршей милости, генералы представили, что «*рѣшительнаго указа всенижайше ожидать имѣютъ, дабы онымъ того отвѣта себя освобожденнымъ видѣть...*».

Отправляя это постановленіе военнаго совѣта, Апраксинъ отъ себя доносилъ Императрицѣ, что «довѣренность, которою Ваше Императорское Величество меня удостоить изволили, побуждаетъ меня... къ освященнымъ стопамъ, какъ-бы передъ

*) Глава 1-я нашего труда показываетъ, что въ Польшѣ войска были лишь на бумагѣ.

самимъ Богомъ, признаться, что съ крайнимъ прискорбіемъ чувствую, что въ состояніи не нахожусь Всевысочайшаго Вашего намѣренія учиненіемъ нынѣ движенія по объявленнымъ прежде результатамъ».

Такимъ образомъ, съ 5-го ноября и до 17-го февраля, шелъ первый періодъ неровнаго боя главнокомандующаго съ могучею Конференціею, который поставилъ Апраксина въ то невыносимое положеніе, о которомъ онъ такъ опредѣленно высказывается въ письмѣ къ П. Шувалову отъ 27-го февраля [19]; тоже, тяжкое положеніе Апраксина видно и изъ отвѣтнаго письма Бестужева—Апраксину отъ 21-го февраля [20].

Мы не станемъ останавливаться на выдержкахъ изъ этихъ напечатанныхъ документовъ [19]) [20]). Сопоставивъ: обстоятельства, изложенныя въ письмахъ, дѣйствительные факты и замѣчательно основательные отвѣты военнаго совѣта Конференціи—будетъ вполнѣ ясно, что «отъ нѣкоторыхъ въ присылаемыхъ рескриптахъ (изъ Конференціи) предписаній» Апраксинъ не могъ не «смущаться». Рескрипты Апраксина, начиная съ 17-го ноября и до послѣдняго, приведенные выше, свидѣтельствуютъ правильность его выраженія: «нѣтъ моихъ больше ни силъ, ни разума, чтобъ выгоднѣе (для успѣха дѣла) сдѣлать можно было». Ему дѣйствительно не оставалось ничего больше, какъ «просить о своей перемѣнѣ».

Къ 27-му февраля, Апраксинъ получилъ изъ Петербурга удовлетвореніе своихъ представленій, что сначала «обрадовало» главнокомандующаго [21]), но въ то время еще невозвратился Веймарнъ.

---

19) Сборн. Русск. Истор. общества; томъ 9, стр. 460.

20) Архивъ князя Воронцова; томъ IV, стр. 94.

21) Сборн. Русск. Истор. общества; томъ 9, стр. 460.

Неизвѣстно, какой отвѣтъ привезъ начальникъ штаба арміи, но изъ послѣдующаго видно, что «радость» Апраксина была опять непродолжительна. Конференція снова возбудила вопросъ о выдѣленіи части силъ въ Силезію (какъ предлагалъ Буковъ), и это намѣреніе Конференціи остается неизмѣннымъ до іюня 1757 г.

19-го марта, Веймарнъ въ 3-й разъ ѣздилъ въ Петербургъ *), съ представленіемъ Конференціи мнѣнія австрійскаго генерала Сентъ-Андре на невозможность привести въ исполненіе намѣреніе Букова [22]). Такимъ образомъ, въ то время, когда уже наша конница съ Днѣпра болѣе мѣсяца была въ движеніи, плана кампаніи не было, и Апраксинъ вынужденъ прибѣгнуть «къ разсужденіямъ С. Андре, который и самъ противно положенію его (Букова) утверждалъ, чтобъ отнюдь раздѣленными корпусами на непріятеля не идти», «ибо съ такимъ непріятелемъ шутить нельзя».

Что этотъ вопросъ (о выдѣленіи части силъ къ австрійцамъ) тянулся до іюня, совершенно опредѣленно подтверждается реляціею Апраксина Конференціи отъ 1-го іюня, № 108 [23]), гдѣ и высказано, что именно Кауницъ желалъ подкрѣпленія особымъ корпусомъ русскихъ въ 30,000. Апраксинъ указывалъ, что «всѣ повелѣнія съ раболѣпнымъ повиновеніемъ исполнять готовъ, только по всеподданнѣйшей рабской моей вѣрности я за должность себѣ признаю донести, что я раздѣленіе арміи за крайнее разореніе почитаю, тѣмъ болѣе, что, когда отдѣленный корпусъ отдалится, никакого оному сикурса подать нельзя, но властно какъ бы на жертву отпущенъ былъ; а сверхъ того, имѣя такого гордаго непріятеля

*) Когда Апраксинъ и просилъ произвести Веймарна въ генералы.

22) Письмо къ И. Шувалову; тамъ же, стр. 462 и донесеніе 19-го марта Воен.-учен. архива, 224, А.

23) Военно-ученый архивъ, № 227, А.

необходимо нужно и *о цѣлости Имперіи Вашего Императорскаго Величества помышлять; особливо же потому, что на австрійское войско ни мало положиться нельзя.* Въ заключеніе сказано, что, «если прикажутъ отпустить 30,000 корпусъ, то жалѣю, что не въ состояніи буду съ остальными войсками съ здѣшней толь способной стороны непріятеля атаковать и желаемый ему ударъ дать, но принужденъ буду, для соединенія съ дивизіей ген. Фермора, назадъ поворотить и въ той одной сторонѣ операціи начать...».

Апраксинъ пробовалъ было не сообщать Конференціи о себѣ (какъ самый простой способъ отдѣлаться отъ наставительныхъ указовъ), за что получилъ выговоръ, на который, въ реляціи отъ 7-го іюня, высказалъ мотивомъ въ свое оправданіе: такъ какъ «я ни одно дѣло по канцеляріямъ безъ собственнаго моего разсмотрѣнія отправить не позволяю, толь паче допошеніе (императрицѣ), изъ чего всемилостивѣйше разсмотрѣть изволите, что мнѣ времени къ тому не достаетъ» [23]) (къ писанію частыхъ реляцій).

Сводя итоги переговоровъ между Конференціею и главною квартирою, мы можемъ остановиться на слѣдующихъ общихъ выводахъ:

1) Инструкція главнокомандующему отъ 5-го октября есть единственный документъ, гдѣ высказаны тѣ указанія (директивы), которыми долженъ былъ руководствоваться Апраксинъ какъ основными, при дѣйствіяхъ противъ войскъ Фридриха II.

2) Основываясь на предписаніи Инструкціи, Апраксинъ не имѣлъ никакого права начать военныя дѣйствія ранѣе весны 1757 г., что вполнѣ соотвѣтствовало бывшимъ обстоятельствамъ.

3) Тотчасъ по отъѣздѣ главнокомандующаго къ арміи, Конференція (сиисходя просьбамъ союзниковъ, которые просятъ

---

[23]) Тамъ же, № 112.

помощи, «какъ нищіе милостыни»), въ виду ихъ «жалостнаго положенія и въ уваженіе обнадеживанья», данпаго имъ политикою,—настаиваетъ на добровольномъ согласіи главнокомандующаго немедленно открыть военныя дѣйствія зимою, при условіяхъ высшей степени невыгодныхъ для русской арміи.

4) Предусматривая критическое положеніе, въ которомъ легко могла оказаться русская армія (ради сомнительныхъ выгодъ союзниковъ), главнокомандующій рѣшительно отказывается отъ столь безцѣльнаго самопожертвованія и требуетъ категорическаго предписанія для выступленія въ походъ. Въ этомъ случаѣ пониманіе обстоятельствъ, твердость и честное отношеніе къ дѣлу Апраксина—безукоризненны. Недостаетъ одного—рѣшительно отказаться отъ командованія арміею.

5) Мы не только не встрѣчаемъ подобнаго категорическаго предписанія Конференція, но, напротивъ, она, не предоставляя главнокомандующему свободы дѣйствій, уклоняется отъ своего рѣшительнаго слова до тѣхъ поръ, пока русская и прусская арміи были близки: и тогда, съ каждымъ днемъ, ждетъ Апраксинъ предписанія, (выдѣлить 30,000 въ Силезію) которое радикально могло измѣнить всѣ его планы.

6) Подобныя отношенія, вынуждая главнокомандующаго вести споръ съ высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ, несомнѣнно вліяли на чрезмѣрную его осторожность: за каждый шагъ операціи, веденной противъ воли Конференціи, онъ долженъ дать подробный письменный отчетъ тотчасъ-же; о чемъ больше всего и заботится Апраксинъ.

7) Въ общемъ «запишка» похода, признанная въ октябрѣ (1756 г.) и вторично въ январѣ всѣми какъ безусловная необходимость,—въ февралѣ 1757 г. и затѣмъ на всегда падала виною на Апраксина.

Понятно, могъ-ли благодарить Апраксинъ Бестужева «за отмѣну его сентиментовъ»? Самъ-же Бестужевъ, контръ-

ассигновалъ инструкцію 5-го октября, и тотчасъ же съ отъѣздомъ Апраксина началъ требовать перехода въ наступленіе, т. е. совершенно обратнаго.

При этихъ условіяхъ странно и искать подъ «сентиментами» «закадычныхъ» друзей (Апраксина и Бестужева) чего то особеннаго, таинственнаго.

Вообще, касаясь характеристики Апраксина какъ главнокомандующаго, его отношеній къ Конференціи и къ Бестужеву, мы не можемъ не остановиться на одномъ изъ принципіальныхъ заключеній высокоуважаемаго нашего ученаго И. Е. Забѣлина, въ началѣ его труда «Мининъ и Пожарскій».

«Добрая слава лежитъ,—говоритъ Г. Забѣлинъ,—а худая бѣжитъ, скорѣе разносится и скорѣе попадетъ на глаза, и потому вообще отрицать, осуждать и охуждать несравненно легче, чѣмъ доискаться положительныхъ достоинствъ, всегда глубоко скрытыхъ и въ лицахъ, и въ событіяхъ». «Если историческая правда (говоритъ г. Забѣлинъ), или историческая ложь въ изображеніи событій и характеровъ неизбѣжно воспитываетъ умы и нравы живущаго поколѣнія, или по крайней мѣрѣ оставляетъ на нихъ свой неизгладимый слѣдъ, дѣйствующій и въ мысляхъ и въ поведеніи живущихъ людей (смот. воспитательное значеніе военной исторіи выше, стр. 3 –5 приложенія), то при такомъ, можно сказать. жизненномъ значеніи историческихъ сказаній и повѣстей, настоитъ великая необходимость обращаться съ историческимъ матеріаломъ, какъ возможно внимательнѣе и разборчивѣе, дабы при изысканіи и раскрытіи правды, не принять за правду недостойную ложь. Въ этомъ заключается основная задача ученыхъ изысканій». Чтобы добиться этой правды, авторъ и указываетъ единственный путь—порыться въ источникахъ. Именно на эти-то источники, для описанія дѣйствій русскихъ войскъ и для выясненія дѣйствительной

роли Апраксина, почему-то не обратили вниманія: такъ они и оставалися въ военныхъ архивахъ — нетронутыми.

25. В. У. Арх. 224, А. Постановленіе военнаго совѣта 2-го іюля.

26. Тамъ же.

27. Тамъ же. Постановленіе военнаго совѣта 10-го марта 1757 г.

28. Тамъ же.

29. Тамъ же; реляція отъ 17-го апрѣля 1757 г.

Примѣчанія къ 5-й главѣ.

1. В. У. А. 224, А. Ордеръ М. Ливену въ январѣ 1757 г.

2. Тамъ же.

3. Тамъ-же. Донесеніе Ливена, сообщенное Конференціи 19-го марта.

4. Тамъ же.

5. Тамъ же. Реляція въ Конференцію.

6 и 7. Донесеніе Романіуса. Тамъ же. См. также примѣчаніе 24-е, къ главѣ 4-й.

8. Газенкампсъ.

9. В. Ученый Архивъ, № 221. Доставлено Кейзерлингомъ.

10. Тамъ же; № 224, А. Донесеніе Апраксина 1-го іюня.

11. Тамъ же; а также см. примѣч. 24, къ главѣ 4-й.

12. Тамъ же; № 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.

13. «Жизнеописаніе первыхъ Россійскихъ адмираловъ»; часть 3-я, стр. 61.

14. В. Ученый Архивъ, №№ 224, А и 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій. Въ первомъ изъ дѣлъ есть и маршруты 1-й и 2-й дивизій.

15. Зиму «разнонародныя» команды провели около Смоленска. Достовѣрно также, что Казанскіе и Ставропольскіе татары были въ составѣ 2-й дивизіи; когда-же именно они присоединились къ арміи—опредѣлить трудно. Эти нерегулярныя

команды и были на смотру 1-го Гренадерскаго и С.-Петербургскаго полковъ, при проѣздѣ Лопиталя, о чемъ упоминаетъ Мессальеръ въ своихъ запискахъ (Р. Архивъ 1874 года, тетр. 4-я). Указаніе же автора на то, что будто бы въ той же дивизіи (у Апраксина) было 12,000 калмыковъ и 12,000 казаковъ,—не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Калмыки, какъ будетъ указано, всего въ составѣ 2000 прибыли уже за Нѣманъ.

16. Записки А. Т. Болотова; т. 1, стр. 426.

17. Тамъ же; № 224, А. Реляція отъ 22-го мая.

18. В. Ученый Архивъ, № 224. С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій 8-го мая.

19. Тамъ же; № 224, А. Постановленіе военнаго совѣта 11-го мая.

20. Тамъ же. Реляція Апраксина отъ 22-го мая.

21. Тамъ же. Тоже, отъ 7-го іюня.

22. Тоже, отъ 24-го іюня.

23. «Строевая и полевая служба...», стр. 21.

24. Реляція Апраксина 22-го мая. В. Ученый Архивъ, 224, А.

25. Сбор. Рус. Истор. Общества; т. 9, стр. 468.

26. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{140}/_{143}$, изъ рапорта Пальменбаха 28 го октября 1757 г. видно, что онъ по... «ордеру Апраксина команду и всѣ пропешедшія отъ той должности письменныя дѣла сдалъ ген... Вертерну.

27. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{140}/_{143}$.

28. В. У. А., 224, А. Реляція отъ 22-го мая.

29. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{148}/_{151}$.

30. В. У. А., 224, С. Рукописный журналъ. Бестужевъ имѣлъ, напримѣръ, приказаніе подъ осадную артиллерію брать не только обывательскихъ лошадей, но и «владѣльческихъ гражданскихъ».

31. См. прим. 57-е, къ главѣ 1-й.

32. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{140}/_{143}$; въ ноябрѣ 1757 г., Бутурлинъ представилъ... «непзбѣжнымъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ... заблаговременно учредить станціи отъ 50—60 верстъ, и на нихъ людей расположить... которые по тому близкому разстоянію безъ труда до первыхъ станцій оные (транспорты вещей и лошадей) препровождать имѣютъ и обратно къ своимъ мѣстамъ возвращаться имѣютъ..., а для скорости оборота, тѣмъ командовалъ давать ямскія или уѣздныя подводы», «офицеры, сопровождавшіе транспорты, (должны были) оставаться безъ смѣны».

33. В. Ученый Архивъ, 224, А.

34. Тамъ же. Реляція Апраксина 1-го іюня.

35. Тамъ же. Постановленіе военнаго совѣта въ Либавѣ 31-го мая.

36. Тамъ же. Реляція Апраксина отъ 28-го мая.

37. В. У. А., № 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.

38. В. У. А., № 224, А. Реляція Апраксина 22-го мая.

39. Тамъ же; № 224, С.

Числительный составъ отряда Фермора къ 31-му мая.

Таблица № 47.

НАЗВАНІЕ ЧИНОВЪ.	РАСХОДЪ.		НА ЛИЦО.			
	Дальнихъ командировки.	Ближнихъ.	Больныхъ	Подъ арестомъ.	Здоровъ.	Въ добавокъ потребно.
Штабъ и оберъ-офицеровъ	37	105	30	—	321	68
Строевыхъ нижнихъ чиновъ . . .	1063	3155	976	14	8281	3394
Нестроевыхъ нижнихъ чиновъ . . .	87	267	63	3	1477	224
Итого. . .	1187	3527	1069	17	10079	3686
Лошадей	—	42	19	—	1677	—

40. В. Ученый Архивъ, № 224. А. Постановленіе военнаго совѣта 31-го мая.

Оберъ Кригсъ-Комиссару Николеву «по прибытіи провіанта на судахъ изъ Риги» (что было предписано Воейкову еще 4-го мая; тамъ же 224, С. Журналъ воен. дѣйствій отъ 4-го мая) было приказано перегрузить провіантъ на рѣчныя суда и подготовить ихъ къ сплаву по р. Геліа, «къ чему всѣ отъ Либавы до Палангена, по морскому берегу и въ озерахъ рыбачьи и гребныя суда забравъ, содержать при Либавѣ подъ карауломъ, а для рыбной ловли отдавать по разсмотрѣнію».

Завѣдываніе тыломъ возлагалось на Нижегородскаго полка маіора Гротенгельма; въ особенности ему вмѣнялося въ обязанность подыскать плоскодонныя лодки для сплава водою, озерами до р. Генлиге, «а оттуда и до осады не далѣе 3-хъ миль подвезется»; для чего заготовить 15-ть роспусковъ. Для доставки же артиллерійскихъ снарядовъ, пороха и шанцеваго инструмента приказано было заготовить 30,000 подводъ.

Всѣ мосты на р. Геліа приказано было сломать, кромѣ у Будендинсгофа, который, напротивъ, —прикрыть окопами.

Это послѣднее, а равно исправленіе путей было возложено на инженеръ-капитана Гербеля.

Либаву приказано было обратить въ главный складочный пунктъ, а госпиталь помѣстить въ м. Гробинѣ.

41. Тамъ же. Переписка Фермора съ Апраксинымъ.

42. В. Ученый Архивъ, 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.

24 ф. пушекъ	5	10.
18 ф. —	5	
9 пуд. мортиръ	1	8.
5 — —	6	
2 — —	1	
Гаубицъ ½ п.	4.	
Мортиръ 6 ф.	8.	

43. В. У. А., 224, А. Донесеніе Фермора отъ 9-го іюня.

44. Тамъ же. Журналъ (рукопись) военныхъ дѣйствій Фермора.

45. Тамъ же. Въ журналѣ отъ 13-го іюня указанъ ордеръ-де баталіи.

46. Дѣла В. Ученаго Архива, № 224, А. Это выясняется изъ переписки съ Апраксинымъ; разница съ числомъ, показаннымъ въ 39 пр. объясняется прибытіемъ отряда Салтыкова.

47. Тамъ же. Донесеніе Фермора 17-го іюня.

48. Тамъ же. Тоже 16-го іюня.

49. Тамъ же. Журналъ военныхъ дѣйствій... изданія 1762 г.

50. Тамъ же. Донесеніе Фермора 22-го іюня.

51. Г. Ласковскій (томъ III, стр. 487) полагаетъ, что это было въ ночь съ 20—21. Основываясь на рукописномъ журналѣ военныхъ дѣйствій отряда Фермора (2-я половина въ дѣлѣ № 224, В.), мы относимъ къ ночи 19 -20 іюня.

Это и подтверждаетъ, намъ кажется, особенность русскаго способа осады крѣпостей отмѣченную г. Ласковскимъ: разомъ возможно ближе подойти къ веркамъ, а затѣмъ устранвать сообщенія; а не обратно, какъ-то слѣдуетъ изъ описанія г. Ласковскимъ дѣйствій противъ Мемеля.

52. Смотр. чертежъ въ дѣлѣ 224, В.

53. В. У. А. 224, В. Рукописный журналъ воен. дѣйствій.

54. «Кессель—батарея» есть мортирная батарея, устройство которой въ то время описано Курбатовымъ въ «Книгѣ о наукѣ военной...» стр. 307. «...Кессель—батарея суть бойницы, котлу подобныя съ порапетомъ, безъ амбразуръ, и оныхъ валганъ бываетъ ниже горизонта».

55. 5 пуд. бомбъ 67.
2 — — 6.
Гаубицы $^1/_2$ п. 64.
137.

56. Рапортъ Фермора Апраксину 21-го іюня (В. У. Арх. 224, А.).

57. Переписка съ Апраксинымъ и журналъ воен. дѣйствій (Тамъ же 224, В.).

58. Журналъ военныхъ дѣйствій, изд. 1762 г.

59. В. У. Арх. 224, А и В.

60. Тамъ же.
61. Тамъ же.
62. Тоже.

} Журналъ военныхъ дѣйствій.

63. В. У. Арх. 224, А, Смотр. пр. 24, къ главѣ 4.

Примѣчанія къ 6-й главѣ *).

1. В. У. А. Главнаго штаба; № 224, А. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.

2. Тоже, а также Журналъ военныхъ дѣйствій... изд. 1762 года, стр. 9.

3. Маршрутъ къ операціонной картѣ; тамъ же, № 221.

4. В. У. А.; № 224, А. Донесеніе Апраксина изъ Людвинова отъ 10-го іюля.

5. Тамъ же.

6. Тамъ же. Болотовъ, стр. 453, свидѣтельствуетъ довольно согласно съ Журналомъ военныхъ дѣйствій; но только во всѣхъ случаяхъ проглядываетъ незнакомство его съ положеніемъ дѣла въ другихъ частяхъ арміи. Такъ и въ данномъ случаѣ армія слѣдовала не вся вмѣстѣ, а по дивизіямъ; какъ то совершенно опредѣленно сказано въ Журналѣ воен. дѣйствій.

7. Тамъ же; Журналъ военныхъ дѣйствій, № 224, С. Тоже, донесеніе Апраксина отъ 19-го іюля.

8. Тамъ же.

9. Дѣла Румянцева. В. У. А. Главнаго штаба, № 226.

---

*) В. У. А. означаетъ Военно-Ученый Архивъ.

10. В. У. А. Главнаго штаба, № 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.

11. Тамъ же. Тоже отъ 29-го іюня. Болотовъ, стр. 456.

12. Тамъ же; № 224, А. Апраксинъ 29-го іюня доноситъ, между прочимъ..., «правда желательно было-бъ, чтобы онъ (Левальдъ) въ томъ положеніи, *какъ при Велау находится*, меня дожидался для дачи баталіи; въ случаѣ его ретирады, ген. Сибильскій довольно наставленъ своими частыми нападеніями...», препятствовать отступленію.

13. Тамъ же.

14. В. У. А., 224, С. Рукописный журналъ воен. дѣйствій.

15. Тамъ же; № 224, А. Переписка съ Ферморомъ.

16. Газенкампсъ.

17. Тамъ же.

18. Газенкампсъ, стр. 105—107.

19. В. У. А., № 224, А.

20. Тамъ же; № 224, С. Журналъ военныхъ дѣйствій.

21. Тоже, и маршрутъ слѣдованія въ дѣлѣ № 224, А.

22. Тамъ же; № 224, А. Рескриптъ № 91, сообщенный Фермору, и въ реляціи отъ 11-го іюля.

23. Тамъ же.

24. Тамъ же. Письмо Сибильскаго къ Апраксину.

25. Тамъ же. Переписка Апраксина съ Ферморомъ.

26. Тамъ же.

27. Тамъ же. «Вѣдомость сколько въ 5 амтахъ Мемельскаго дистрикта», жителей.

Таблица № 48.

			Талер.
1 амтъ—Клеменгофъ.	309	семействъ, сбору плат.	6500.
2 — Прекуль .	600—700	— —	9500.
3 — Русъ. . . .	610	— —	10500.
4 — Альтгофъ .	500	— —	9000.
5 — Гейдекругъ.	460	— —	9300.

Таблица № 49.

«Сколько принято денежной казны и сколько ее въ Мемелѣ».

«Отъ кого принять надлежало».	Курант. талер.	Грошей по 6 гр. въ шестакѣ.	Вердинг.	Дѣйствительно принято.	Курант. талер.	Грошей.	Вердинг.
Отъ Мемельскаго почтмейстера Конради	1142	50	9	—	85	12	3
Отъ городского камергера Гензлика.	764	—	—	—	738	78	—
Отъ солечнаго фактора Лорера . .	283	12	12	—	279	87	—
Отъ (?) инспектора Мекленбурга . .	1461	57	—	—	979	45	—
Отъ провіантмейстера Шульца. . .	1112	72	—	—	1112	—	—
	4762	—	21	—	3193	—	3

Самыя подробныя вѣдомости взятыхъ въ Мемелѣ запасовъ есть въ дѣлѣ № 224, В.

Общій изъ нихъ выводъ слѣдующій:

Провіанта:

124 шефеля крупъ.
125 бочекъ гороху.
400 сажень дровъ.
4000 фунтовъ вядчины.
100 тел. сѣна.
49 бочекъ соли.
35½ бочекъ вина.
620 шоковъ сыровъ.

«Артил. цейхгаузъ».

89 желѣзныхъ пушекъ.
6 мѣдныхъ мортиръ.
2 желѣзныхъ мортиры.
7 желѣзныхъ гаубицъ.
51318 ядеръ къ желѣзнымъ пушкамъ.

«Въ Мемельскомъ гарнизонѣ людей состояло».

Полковниковъ . . . 1.
Маіоровъ. . . . . 1.
Капитановъ . . . . 1.
Адъютантовъ. . . . 1.

4 роты, въ каждой рядовыхъ и прочихъ чиновъ до 200 человѣкъ.

«В. Ферморъ».

4-го іюля.

28. Тамъ же.

29. В. У. А., 224, В. Переписка Фермора съ Апраксинымъ.

30. Тамъ же. Донесеніе Фермора отъ 12-го іюля.

31. Тамъ же. Донесеніе Фермора въ Конференцію 22-го іюля.

32. Тамъ же, гдѣ подробно описанъ порядокъ занятія Тильзита. Въ городъ вошелъ небольшой передовой отрядъ генерала Мантейфеля (500 грен., 300 казаковъ и 200 гус. при «4-хъ полковыхъ пушкахъ съ нарядомъ»). Этотъ отрядъ переправился «на судахъ, доставленныхъ жителями» въ 100 саженяхъ ниже города. Сперва переправили гусаръ и казаковъ, «и по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ пикеты разставить и разъѣзды учредить велѣлъ, и по исполненіи объ ономъ, тожъ, и что непріятеля нигдѣ неусмотрѣно, рапортовать...».

Больше никто изъ русскихъ войскъ въ Тильзитъ не входилъ, «для отвращенія всякихъ безпорядковъ; а напротивъ, обывателей и промышленныхъ людей пропускать».

33. В. У. А., № 224, А. Донесеніе Фермора отъ 19-го іюля, т. е. до засѣданія военнаго совѣта 18-го іюля.

34. Тамъ же.

35. Въ этомъ случаѣ (какъ почти и во всѣхъ другихъ) военный совѣтъ, очевидно, руководствовался 20-ю главою Устава Воинскаго 1716 г.

36. Донесеніе Апраксина отъ 19-го іюля. Тамъ же.

37. Записки Болотова; стр. 465.

38. В. У. А., 224. С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій 17-го іюня.

39. Тамъ же; 20-е іюня.

40. При описаніи этой стычки, факты взяты изъ данныхъ печатнаго и рукописнаго журнала (гдѣ есть донесеніе Броуна), и имѣя въ виду описаніе Газенкампса.

41. В. У. А., 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій (20-го, 21-го, 22-го и 23-го іюля). Факты нѣ-

сколько расходятся съ описаніемъ Болотова; но мы не могли не отдать полнаго предпочтенія фактамъ, внесеннымъ въ журналъ военныхъ дѣйствій, сравнительно съ гадательными Болотова, неимѣвшаго никакой возможности знать общихъ распоряженій по арміи.

42. Тамъ же; 224, А. Донесеніе Апраксина.

43. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій, № 224, С.

44. Тамъ же; № 224, А. Донесеніе Апраксина изъ Столупянъ, № 149.

45. Болотовъ; стр. 465.

46. Газенкампсъ, стр. 134.

47. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій 26-го іюля.

48. Вообще, при дальнѣйшемъ изложеніи мы крайне затрудняемся отмѣчать источники, откуда именно взяты факты. Основаніемъ всему служитъ рукописный журналъ военныхъ дѣйствій, гдѣ по днямъ, указаны событія, дополняемыя нами изъ донесеній Апраксина, Газенкампса, а иногда и Болотова, гдѣ онъ былъ очевидцемъ дѣйствія своего полка и сосѣднихъ.

49. Въ дѣлахъ Румянцева (В. У. А., № 227) есть чертежъ этого ордера-де-баталіи.

50. Д. В. У. А., № 224, А. Постановленіе военнаго совѣта 29-го іюля, сообщенное въ Петербургъ «цыфирью», гдѣ и дешифрировано.

51. Тамъ же: № 224, В. Кратчайшая дорога изъ Тильзита на Жиллинъ къ Пистербургу оказалась, «неимѣющею бивачныхъ мѣстъ по недостатку воды и кормами недовольна, а въ лѣвую руку на Рагнитъ и Лейтвегинъ по изслѣдованію неспособна и малокормна, и по такой необходимости слѣдовать съ дивизіей для соединенія съ главною арміею на кирку Жиліе (въ другомъ мѣстѣ Жиленіе) и Крупянки (Краупишкенъ) до р. Пистера, взявъ съ собою воды...». Далѣе указано «...по нынѣшнимъ продолжительнымъ жарамъ переходы имѣть ночными часами, а маршъ продолжать по учиненному ордеру-

де-баталіи, подъ командою генералъ-маіора, напередъ въ авангардѣ полку гусарскому и полку Донскихъ казаковъ безъ всякаго обоза; за ними, въ виду, двумъ пѣхотнымъ полкамъ, а прочимъ закрывать обозы съ правой стороны, колонною, полкъ за полкомъ, какъ и бригады слѣдуютъ. Въ арьергардѣ же имѣть пѣхотный полкъ съ перемѣною, а сверхъ того одинъ полкъ Донскихъ казаковъ. А съ боковъ прикрывать нерегулярнымъ же войскамъ отъ 30—50 чел.,...»

При отрядѣ было полевой артиллеріи двѣ 12 фунтовыхъ пушки, гаубицы и мортиры и на каждое орудіе по 50 выстрѣловъ.

Гарнизонъ въ Тильзитѣ былъ оставленъ самый ничтожный, непревышавшій 500 чел. слабосильной команды. Предназначенный прежде для этого Угличкій мушкетерскій полкъ вошелъ въ составъ арміи. Самый городъ предполагалось укрѣпить при содѣйствіи мѣстныхъ жителей, для чего ежедневно назначать до 50 чел.; но, какъ увидимъ, это не было приведено въ исполненіе.

1-го августа, въ вышеуказанномъ порядкѣ, опредѣленномъ военнымъ совѣтомъ, отрядъ Фермора выступилъ изъ Тильзита. За конницею авангарда «выступилъ напередъ Черниговскій, за нимъ Суздальскій, а Нижегородскій замыкалъ арьергардъ». «Маршировали въ три шеренги по рядамъ, прикрывая съ правой руки обозы». 1-го августа отрядъ Фермора отошелъ всего 6-ть верстъ *). 2 и 3-го августа Ферморъ имѣлъ растагъ, «за ожиданіемъ на обывательскихъ подводахъ подвоза на другую половину августа» и 5-го августа достигъ д. Краупишкенъ на берегу р. Инстера. Переходы 4 и 5-го августа были крайне затруднительны по неимѣнію достаточнаго количества воды: «за безводными по тракту мѣстами и по неближнему переходу велѣно солдатамъ съ собою взять воды въ водоносныя фляги, а при томъ имѣющіяся въ

*) Журналъ военныхъ дѣйствій Фермора В. У. А., 224, В.

полкахъ бочки налить водою и вести въ обозѣ при каждомъ полку» *).

6-го августа отрядъ Фермора началъ соединяться съ главною арміею.

52. В. У. Арх., 224, А. Изъ постановленія военнаго совѣта 6-го августа.

53. Газенкампсъ, стр. 148—151.

54. В. У. А., 224, А.

55. Тамъ же. Постановленіе военнаго совѣта 8-го августа.

56. Независимо отъ архивныхъ данныхъ это видно изъ описанія Газенкампса на стр. 156—158.

57. В. У. А., 224, А.

58. Тамъ же, 224, А.

59. Донесеніе Демолина, указанное въ примѣчаніи 57.

60. Рук. журналъ военныхъ дѣйствій; В. У. А., 224, С.

---

*) Приказъ при нарочѣ на 3-го августа. Тамъ же

Примѣчанія къ 7-й главѣ.

1. Воен.-учен. архивъ, № 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій за соотвѣтственныя дни.

2. Тамъ же. Въ описаніи дѣйствій 15-го августа встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующее... «Нерегулярныя войска напали на маршпрующаго непріятеля съ такою жестокостью и храбростью, что они, по учиненіи нѣсколькихъ выстрѣловъ, принудили непріятеля намѣреніе отмѣнить и маршъ назадъ предпринять...». Апраксинъ въ своемъ донесеніи тоже самое упомянулъ объ отличіи нерегулярныхъ 15-го августа... «я обойтись не могу (пишетъ главнокомандующій) объ отмѣнной храбрости сразившихся казаковъ, калмыковъ и гусаръ не донести...».

3. Газенкампсъ, стр. 157—158.

4. Болотовъ; т. I, стр. 497.

5. Примѣчаніе 104, къ главѣ I и прил. 6-е къ тому же примѣчанію.

6. См. главу II, стр. 84.

7. Газенкампсъ, стр. 166—168.

8. Тамъ же.

9. Тамъ и донесеніе Фермора отъ 6-го декабря 1757 г. (Воен.-учен. арх., № 224, В).

10. Донесеніе Фермора, о которомъ сказано выше, въ прим. 9-мъ. Рук. журн. воен. дѣйствій; В. У. А., № 224, С.

11. Рук. журн. воен. дѣйствій; В. У. А., 224, С. и копія съ отдашнаго при паролѣ приказа августа 18-го дня 1757 года, представленная Ферморомъ —императрицѣ 6-го декабря 1757 г. (Воен.-учеп. арх., № 224, В).

1) «Всей арміи завтра имѣть походъ: авангарду, по пробитіи генеральнаго марша, не дожидая сбора, выступить и слѣдовать по тому тракту, на который отъ (по чину) Фермора проводники дадутся, взявъ съ собою одну бригаду артиллеріи изъ второй дивизіи, свои палатки и на три дня провіанту. А обозы свои еще сегодня такимъ образомъ распорядить, чтобы опые на одномъ мѣстѣ собраны были и слѣдовать могли, подъ прикрытіемъ драгунскаго пѣхотнаго (т. е. спѣшенныхъ) полка, за авангардомъ. Напередъ итти полковнику Серебрякову съ своими казаками; до тысячи человѣкъ, лучшихъ доброконныхъ Слободскихъ казаковъ, при одномъ исправномъ старшинѣ команды бригадира Каниста; Волжскимъ калмыкамъ и Компанейскому полку безъ обозу; а свои обозы соединить съ обозомъ слободскихъ казаковъ и быть въ вѣдомствѣ бригадира Каниста, который съ досталными Слободскими казаками и съ ихъ обозами при арьергардѣ арміи остаться имѣетъ, и въ повелѣніяхъ... Броуна состоять, и какъ уже арьергардъ пройдетъ, тогда ему бригадиру Канисту за онымъ своимъ обозомъ и опый прикрывать».

2) «...Штофельну итти при авангардѣ, подъ прикрытіемъ легкихъ войскъ, со всѣми квартирмейстерами, для занятія лагеря, которыхъ (т. е. легкихъ войскъ) отъ каждаго гусарскаго полка по пятьдесятъ человѣкъ гусаръ при одномъ штабъ-офицерѣ, и отъ каждой дивизіи по сту человѣкъ піонеровъ, съ ломами, лопатками и топорами,—придать; въ томъ числѣ по нѣсколько человѣкъ плотниковъ для дѣланія мостовъ».

3) «По прибытіи сбора выступить первой дивизіи и слѣдовать по рядамъ, по правой рукѣ своего обоза, а обозъ по лѣвой рукѣ дивизіи: вторая же дивизія въ тоже самое время, въ равномъ разстояніи съ первою, маршировать имѣетъ по правой рукѣ своихъ обозовъ, такъ что обозы оной по лѣвой сторонѣ, къ лѣсу, итти должны, затѣмъ, что опасности изъ лѣса (очевидно Астравишкинскаго) нѣтъ, прикрывая однако свои обозы легкими войсками; такимъ образомъ, чтобы оныя черезъ лѣсъ пробирались; что и первой дивизіи паикрѣпчайше наблюдать, дабы съ правой стороны легкими войсками черезъ лѣсъ (Норкитенскій) пробирающимися себя прикрывать».

4) «Четыремъ гусарскимъ полкамъ состоять въ повелѣніи... Фермора».

5) «Третьей дивизіи, раздѣлясь на двое: съ правымъ крыломъ примкнуться къ дивизіи...Фермора, а лѣвымъ—дивизіи...Лопухина; раздѣляя и обозы такимъ же образомъ на половину къ правой сторонѣ, а другую къ лѣвой тѣхъ дивизій обозовъ; при чемъ всѣ обозы главнѣйше того наблюдать имѣютъ, чтобъ тѣ, которые по правой рукѣ второй дивизіи маршируютъ,—отъ всѣхъ бригадъ оставляли интервалы, черезъ кои, въ потребномъ случаѣ, вторая дивизія способно пробраться могла къ первой, для построенія себя въ ордеръ-де-баталіи. Вся третья дивизія имѣть должна позади себя великій арьергардъ, не меньше какъ изъ трехъ или четырехъ полковъ пѣхоты, по разсмотрѣнію...Броуна. Чего ради пѣхотный одинъ полкъ приказать изъ второй дивизіи въ третью. А бригадиру Каннисту такъ, какъ выше помянуто, съ обозами слободскими и компанейскими за арьергардомъ слѣдовать».

6) «При дивизіонныхъ арьергардахъ имѣть со всякаго полка по двѣ телѣги въ запасѣ, для того чтобы, когда какая телѣга или фура изломается, тобъ изъ оныхъ на то мѣсто взято быть могло; а ежели паче чаянія, столько телѣгъ не достало,

чтобъ всѣ собрать можно, то по другимъ возамъ, а наипаче въ обозѣ... Каниста,—оная разобрана быть могла».

7) «Наиприлежнѣйше наблюдать, чтобъ всего сколько возможно на обозы многими веревками шли, не растягиваясь, и манерки наполнить водою и возить бочки при обозахъ, а манерки при себѣ».

8) «Ежели, гдѣ тревога сдѣлается, то переднимъ тотчасъ остановиться, а заднимъ впередъ подвигаться; однако съ такимъ осмотрѣніемъ, чтобы вышерѣченные интервалы между бригадами не закрывать; но для соединенія такъ и оставляться. А сигналъ о тревогѣ учиненъ быть имѣетъ ракетою».

9) «Бригадиръ Уваровъ имѣетъ слѣдовать, съ привезеннымъ провіантомъ, при главномъ всей арміи арьергардѣ; а именно, передъ обозами бригадира Каниста, прикрывая оный провіантъ своею командою; а за нимъ бригадиръ Каниств съ своими слободскими и компанейскими обозами, прикрывая ихъ оставшею при немъ командою».

10) «При второй дивизіи, и отъ нея съ прикрытіемъ, на переду пяти обозамъ до генеральной квартиры принадлежащимъ и комиссаріату, провіантской (управленіямъ), аптекѣ, а за оными полку артиллеріи съ ея обозами, потомъ той же дивизіи обозамъ».

11) «Понеже первая дивизія имѣетъ слѣдовать переднею къ той сторонѣ, откуда непріятеля (?...) (кажется «ожидаютъ»), того ради по требованіямъ... Фермора изъ другихъ дивизій второй линіи полевую артиллерію къ нему въ переднюю линію приказать отпускать. У подлиннаго подписалъ дежурный генералъ-маіоръ Панинъ. Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ секретарь Никифоръ Шишкинъ».

12. Тамъ же. Донесеніе Фермора.

13. Болотовъ; стр. 514. Непонятно (какъ и очень многое въ запискахъ Болотова), что тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ

неготовность арміи (стр. 519): «не видѣли какъ овинъ въ глазахъ загорѣлся».

14. Газенкампсъ, стр. 173. Указано въ 1-й выноскѣ, на стр. 280, главы VII настоящаго труда.

15. Военно-ученый архивъ, № 224, В. Донесеніе Фермора императрицѣ.

16. Тамъ же; и записки Болотова.

17. Тоже, что и въ 15-мъ примѣчаніи, и кромѣ того Рукопис. журн. воен. дѣйствій; В. У. А., 224, С.

18. } Тоже, что и въ 15-мъ прим. и донесеніе Броуна.
19. }

20. В. У. А., 224, С. Рукопис. журн. воен. дѣйствій.

21. Тамъ же.

22. Тамъ же. Бой на этомъ флангѣ по донесенію Броуна описанъ такъ...: «третья непріятельская колонна, какъ и обѣ первыя, пользуясь близостью лѣса и бывшимъ рано по-утру туманомъ, изъ лѣса выбралась, построилась и такъ подошли, что ее примѣтить нельзя было до того малаго пригорка, которымъ въ минувшіе дни наше правое крыло стало. И пришедъ туда, на двѣ части раздѣлилась, изъ коихъ одна пошла на право сего пригорка, а другая на лѣво, и какъ скоро оныя на лощинку вышли, то одна часть, которая на лѣво съ пригорка шла, нашихъ по сю сторону прилѣску, не далеко отъ мызы Ленатенъ, стоявшихъ два полка гусаръ и полкъ Чугуевскихъ казаковъ съ такою фуріею и жестокостью атаковалъ, что ихъ по маломъ сопротивленіи отпустить принудилъ»*).

30. Газенкампсъ, стр. 179—180.

31. Воен.-учен. арх., № 224, В. Донесеніе Апраксина.

32. Тамъ же.

33. Пекарскій. Военный Сборникъ; т. III, стр. 331.

*) Съ 22-го по 29-е примѣчаніе включительно мы нашли болѣе удобнымъ помѣстить на стр. 284—295, главы VII.

34. Тоже, что указано, въ примѣчаніи 31-мъ.
35. Примѣчаніе 72-е къ главѣ I.
36. Уставъ Воинскій 1716 г., глава 55.
37. Воен.-учен. арх., 224, С. Донесеніе Демолина.
38. Пекарскій. Военный Сборникъ, т. IV.
39. Документы напечатаны въ приложеніи къ ст. г. Семевскаго. Смотр. Военный Сборникъ 1862 г., № 5.

Примѣчанія къ 8-й главѣ.

1. Дѣла В. У. А. Главнаго штаба; № 224, А. Донесеніе Апраксина отъ 14-го сентября.

2. Тамъ же; № 224, С. Журналъ военныхъ дѣйствій отъ 28-го августа.

3. Газенкампсъ, стр. 201.

4. Военный Сборникъ 1862 г., № 5, стр. 41 прил.

5. Газенкампсъ, стр. 203—204.

6. В. У. А. Глав. шт., № 224, С. Донесеніе Демолина.

7. Тамъ же. Жури. воен. дѣйствій отъ 30-го августа.

8. 9. Тамъ же. О дѣйствіи войскъ соотвѣтственныхъ чиселъ.

10. Газенкампсъ, стр. 207.

11. Тамъ же; стр. 205.

12. В. У. А. Главнаго штаба; № 224, А. Донесеніе Демолина 28-го августа.

13. Газенкампсъ, стр. 207.

14. В. У. А. Главнаго штаба; № 224, А. Донесеніе Апраксина 14-го сентября.

15. Тамъ же. Тоже, отъ 27-го сентября.

16. Тоже, отъ 30-го августа.

17. Тоже, отъ 4-го сентября.

18. Газенкампсъ, стр. 207.

19. Тамъ же; стр. 204.

20. Военный Сборникъ 1862 г., № 5, стр. 39.

21. В. У. А., 224, С. Рукопис. журн. воен. дѣйствій.

22. В. У. А. Главнаго штаба. Тамъ же и № 221 маршрутъ слѣдованія.

23. В. У. А., 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій отъ 8-го сентября.

24. Газенкампсъ, стр. 207.

25. В. У. А. Главнаго штаба; № 224, С. Рукописный журналъ военныхъ дѣйствій.

26. Газенкампсъ, стр. 209.

27. В. У. А. Главнаго штаба; 224, А. Донесеніе Апраксина отъ 14-го и 22-го сентября.

28. Затрудненія, встрѣченныя Штофельномъ, видны изъ журнала военныхъ дѣйствій отъ 1-го октября (В. У. А., 224, С). Поздиѣе, къ ноябрю, онъ долженъ былъ довольствіе «на дымы расположить...», какъ то будетъ своевременно указано.

29. Донесеніе Демолина, В. У. А., № 224, С.

30. Военный Сборникъ 1862 г., № 5, стр. 38.

31. Тамъ же; стр. 43.

32. В. У. А., 224, С. Журналъ военныхъ дѣйствій 224, С. Соотвѣтственныя числа.

33. См. приложеніе 8-е; къ картѣ № 3.

34. Вѣдомость потери имущества извлечена нами изъ дѣлъ Военной Коллегіи, гдѣ сохранилось донесеніе по сему Фермора отъ 31-го декабря 1757 г. (М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{149}/_{152}$).

Таблица № 50.

(Къ примѣчанію 34 главы 8-й и стр. 326 той же главы).

«По присланнымъ вѣдомостямъ» 31-го декабря, Ферморомъ... «показано сколько изъ корпуса полевой артиллеріи при арміи обрѣтающейся какихъ вещей сожжено, въ землю зарыто и въ воду брошено.

НАЗВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Сожжено.	Въ землю зарыто.	Въ воду брошено.
Понтоновъ съ роспусками	14	—	—
Отъ нихъ якорей 4-хъ—лапныхъ	—	—	14
Колесъ	104	—	—
Передковъ пушечныхъ	1	—	—
Бомбъ наряженныхъ	—	—	45
Каркасовъ	150	—	—
Лафетовъ, мортирныхъ и гаубичныхъ	2	—	—
Фителей	14 пуд.	—	—
Картечныхъ гранатъ и книпелей	—	—	1008
Разныхъ инструментовъ	1737	454	415
Мѣшковъ для насыпанія песку	12967	—	
Свинцу	—	19 п. 39 ф.	324 п. 30 ф.
Фурмановъ и телѣгъ	38	желѣзо	—
Пороху мушкетнаго	—	—	277 п. 15 ф.
Шанцеваго инструмента	400	—	1400

35, 36, 37 и 38. Военный Сборникъ 1862 г., № 5 въ приложеніи, а также В. У. А., 224, В.

39. Военный Сборникъ 1862 г., № 5 прил., стр. 39.

40. В. У. А., 224, С. Рукопис. журналъ.

41. Военный Сборникъ 1862 г., № 5, стр. 51.

42. Тамъ же.

43. Соловьевъ, т. 24, стр. 142.

44. М. О. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № $^{146}/_{149}$.

Таблица № 9.

Составъ дѣйствующей арміи подъ начальствомъ Апраксина съ первымъ подраздѣленіемъ войскъ на корпуса и съ указаніемъ порядка сосредоточенія силъ осенью 1756 г.

№ по порядку.	Названіе полковъ и дивизій, гдѣ состояли войска до назначенія въ дѣйствующую армію [1], [2] и [3].	Пункты расположенія полковъ до сосредоточенія арміи въ 1756 г. [1].	Пункты расположенія частей зимою 1756—1757 г. [2].	ПРИМѢЧАНІЯ.
	1-й, 2-й и 3-й корпуса, подъ общимъ начальствомъ Лопухина.	Рига		Таблицы №№ 1—8 на стр.: 102—113 приложенія.
	1-й ОРПУСЬ подъ непосредственнымъ начальствомъ Лопухина [3].			[1]) Пункты квартированія взяты изъ подробныхъ вѣдомостей о состояніи вооруженныхъ силъ, доставленныхъ В. Коллегіею въ Конференцію (М. О. Ар. Г. Ш. опись 47, № 137/140).
	Изъ дивизіи П. И. Шувалова.			
	Пѣхотные полки:			[2]) Свѣдѣнія взяты изъ резолюціи В. Коллегіи отъ 19-го Апрѣля 1756 г. (М. О. Ар. Г. Ш. опись 47, № 133/142).
1	Кіевскій	Курляндія, около Митавы.	Курляндія.	
2	Нижегородскій			
3	Воронежскій			
4	Новгородскій	Лифляндія. близъ Дерпта.		[3]) Тамъ-же есть раздѣленіе назначенія Генералитета. При 1-мъ корпусѣ состояли: Г. М. Альбедиль, Румянцевъ, Чернышевъ, кн. Владиміръ Долгоруковъ, Мантейфель (Цеге), Пальменбахъ, Панинъ. Бригадиры: Пумерсъ, Дицъ, Гартвисъ, Брахфельдъ и Бергъ. «Изъ оныхъ, Румянцевъ, Чернышевъ и князь Долгоруковъ имѣютъ сочинять пѣхотные гренадерскіе полки».
5	Сибирскій			
6	Казанскій			
7	Нарвскій			
8	Бѣлозерскій			
9	Муромскій			
10	Невскій			
11	Ладожскій			
12	Архангелогородскій	Эстляндія (Рогервикъ).	Лифляндія.	
13	Суздальскій	Ревель.	Рогервикъ.	
14	С.-Петербургскій	С. Русса.	Лифляндія.	
15	Кексгольмскій [4])	Псковъ.	По смѣнѣ съ форпостовъ въ Псковской провинціи.	
16	Азовскій [4]).	Торопецъ.		
17	Вологодскій [4]).	В.-Луки.		[4]) Частью на форпостахъ.
	Изъ дивизіи генерала Фермора.			[5]) Эти три полка предназначались для дессанта.
18	Рязанскій	Новгородская губернія.	Лифляндія.	
19	Низовскій			
20	Выборгскій			[6]) При немъ генералы: Юрій Ливенъ («оный Ливенъ кирасирскіе полки имѣетъ
21	Псковскій			

№ по порядку.	Названіе полковъ и дивизій, гдѣ состояли войска до назначенія въ дѣйствующую армію [1], [2] и [3]).	Пункты расположенія полковъ до сосредоточенія арміи—1756 г. [1]).	Пункты расположенія частей зимою 1756—1757 г. [2]).	ПРИМѢЧАНІЯ.
	Изъ дивизіи гр П. И. Шувалова			
22	Черниговскій . . .	Ревель.	Ревель. Должны были «по смѣнѣ,, ихъ, приявъ галеры, итти въ Ригу[5])	сочинять») Бригадиръ Уваровъ.
23	Угличкій			
24	Вятскій.			7) Смотр. примѣчаніе 88 къ главѣ 1-й.
25	1-й Гренадерскій . .		Формировались въ Эстляндіи.	
26	2-й — . .			
27	3-й — . .			
28	Смоленскій. . . .	Нарва	Лифляндія.	8) При немъ генералъ-маіоры: князь Волконскій и Леонтьевъ. Бригадиры—Демину и Штофельнъ.
	2-й КОРПУСЪ [6]) князя Василія Долгорукова.			
	Изъ дивизіи гр. П. И. Шувалова.			9) При немъ—бригадиры: Баумань и Тизенгаузенъ.
	Кирасирскіе:			
1	Его Императорскаго Высочества. . . .	Эстляндія.	Лифляндія.	10) Эти полки предназначались для службы въ тылу «по смѣнѣ—Черниговскаго, Угличкаго и Вятскаго», и въ счетъ полковъ не входили.
2	3-й Кирасирскій . .	Курляндія (Митава).	Курляндія.	
	Изъ дивизіи Бутурлина			11) При немъ бригадиръ—Племянниковъ.
3	Кіевскій [7]). . . .	Веневъ.	Псковъ.	
	Изъ дивизіи Салтыкова			12) При немъ бригадиръ—Загряжскій.
4	Казанскій	Въ Малороссіи на форпостахъ.	В. Луки.	
5	Новотроицкій . . .	Орелъ.	Торопецъ.	
	Гусарскіе:			
	Изъ дивизіи гр. П. И. Шувалова.			
1	Сербскій	Сольцы и Мшага.	Лифляндія.	
	Изъ дивизіи гр. А. И. Шувалова.			
2	Венгерскій	Ржевъ, Старица, Зубцовъ.	Около Нарен-бурга.	
3	Грузинскій	Кекгольмъ.		
	Изъ дивизіи Салтыкова			
4	Молдавскій	Въ Слободскихъ полкахъ.	Прибылъ въ началѣ 1757 г. [7]).	

№ по порядку.	Названіе полковъ и дивизій, гдѣ состояли войска до назначенія въ дѣйствующую армію [1],)[2]) и [3]).	Пункты расположенія полковъ до сосредоточенія арміи—1756 г. [1]).	Пункты расположенія частей зимою 1756—1757 г. [2]).	ПРИМѢЧАНІЯ.
	«Прежняя 4т. команда» Донскихъ казаковъ. Чугуевскій. V . . .	2 т. — Брянскъ. 2 т.—Калуга. Лифляндія.	Курляндская граница. Курляндія.	
	3-й КОРПУСЪ [8]) Матвѣя Ливена.			
	Изъ дивизіи гр. П. И. Шувалова.			
	Конно Гренадерскіе:			
1	Каргопольскій . .	На форпостахъ отъ Смоленска до Чернигова.	Черниговъ.	
2	Рижскій		Стародубъ.	
	Изъ дивизіи Салтыкова			
3	С. Петербургскій . .	С. и Н. Оскол.	Черниговъ.	
4	Рязанскій	Въ Слободскихъ полкахъ.	Между Черниговымъ и Брянскомъ.	
	Изъ дивизіи Фермора			
5	Парвскій	Волоколамскъ.	Смоленскъ.	
	Драгунскіе:			
	Изъ дивизіи гр. П. И. Шувалова.			
1	Тобольскій	На форпостахъ въ Смоленской и Псковской провинціяхъ.	«По смѣнѣ съ форпостовъ» предполагалось сосредоточить при главной квартирѣ, въ Ригѣ	
2	Нижегородскій . . .			
3	Архангелогородскій .			
	Изъ дивизіи графа Салтыкова.			
4	Тверской	Обоянь.	Не прибывалъ.	
	5 т. Донскихъ казаковъ.	Не состояли на службѣ.	Тоже.	
	5 т. слободскихъ казаковъ . . . . (Бригадиръ Капнистъ).	Слободскіе полки.	Не прибыли.	
	2 т. конныхъ командъ (Башкировъ, Мещеряковъ, Казанскихъ татаръ) . . (Бр. Кастюрина) . .	Не состояли на службѣ.	Собирались между Стародубомъ и Черниговымъ.	

№ по порядку.	Названіе полковъ и дивизій, гдѣ состояли войска до назначенія въ дѣйствующую армію [1], [2] и [3].	Пункты расположенія полковъ до сосредоточенія арміи—1756 г. [1].	Пункты расположенія частей зимою 1756—1757 г. [2].	ПРИМѢЧАНІЯ.
	4 т. Волжскихъ калмыковъ	Тоже.	Не прибывали.	
	4-й КОРПУСЪ Броуна [9].			
1	Бутырскій	Петергофъ и Красное село.	Эстляндія [10].	Состояли въ дивизіи П. И. Шувалова. Въ 1757 г. эти полки вошли въ составъ дѣйствующей арміи.
2	Ростовскій . . .	Сиорѣлинская мыза.		
3	Пермскій	Петербургъ.		
	5-й КОРПУСЪ Фаста [11].			
	Изъ дивизіи Г. М. Фермора.			
29	Шлиссельбургскій . .	П. Ладога.	Лифляндія отъ Дерпта къ Ригѣ.	
30	2-й Московскій. . .	С. Ладога.		
31	Троицкій	Шлиссельбургъ		
32	Апшеронскій . . .	Конорва.		
	6-й КОРПУСЪ князя Григорія Мещерскаго [12].			
	Изъ дивизіи Салтыкова			
	Драгунскіе:			
	Нигермонландскій . .	Въ Украйнѣ.	«По соединеніи съ главнымъ корпусомъ, имѣютъ быть на форпостахъ, отъ Смоленска до Лифляндіи.	
	Воронежскій гарнизонъ.			
	Изъ дивизіи гр. П. Шувалова.			
	Рославскій шквадронъ.	Въ Смоленской провинціи [10].		
	Смоленское шляхетство			
	Два Смоленскихъ гарнизона, пѣхотные полки			
	Великолуцкій баталіонъ			

Всего въ составѣ дѣйствующей арміи: Пѣхотныхъ. . 32.
Кирасирскихъ. 5.
К.-Гренадерскихъ 5.
Драгунскихъ . 4.
Гусарскихъ. . 4.

Въ тылу:
Пѣх 5 п. и 1 б-нъ
Драгун.—2 п. и 2 э-на.

Таблица № 10. [1]

Въ дополненіе 9-й таблицы и къ стр. 53 примѣчаній къ главѣ 1-й.

Расположеніе полевыхъ войскъ, остававшихся внутри Россіи: зимою 1755 г. 1756—1757 г.г.

Названіе дивизій и полковъ.	Пункты расположенія зимою 1755—1756гг.	Пункты расположенія зимою 1756—1757гг	ПРИМѢЧАНІЯ.
Дивизія гр. А. И. Шувалова.			[1]) Настоящая таблица составлена на основаніи тѣхъ-же данныхъ какъ и таблица № 9.
Гвардія (три пѣхотныхъ полка, Лейбъ-Кирасирскій и Конный полкъ). . .	Петербургъ.	Петербургъ ([2]).	[2]) Участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимали и только, съ зимы 1756 г. пѣхотные полки несли караульную службу.
Пѣхотные:			
Пигерманландскій . .	Петербургъ и окрестности.	Оставались на тѣхъ-же мѣстахъ.	[3]) Въ 1758 г. были на форпостахъ.
Астраханскій . . .			
1-й Московскій. . .			
Тобольскій			
4-й Гренадерскій . .			[4]) Смотри вѣдомость гарнизонныхъ полковъ.
Великолуцкій . . .	Выборгъ.	Выборгъ.	
Кабардинскій . . .			[5]) Предполагались къ расформированію, но это было отмѣнено.
Владимірскій . . .	Кекгольмъ.	Кекгольмъ.	
Копорскій	Фридрихсгамъ.	Фридрихсгамъ	
Дивизія Бутурлина.			
Навагинскій . . .	Москва.	Оставались въ Москвѣ. Первый изъ нихъ при "межеваніи земель„.	
Нашебургскій . . .			
Ширванскій . . .	Ярославль.	Ярославль.	
Тенгинскій	Окр. Москвы.	Москва.	
Курпнскій	Казань.	Рязань.	
Ярославскій . . .		Владиміръ.	

Названіе дивизій и полковъ.	Пункты расположенія зимою 1755 г.	Пункты расположенія зимою 1756—1757 г.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Драгунскіе:			
Азовскій	«Въ Оренбургскомъ краѣ», для усмиренія бунта Башкирцевъ: «по случившемуся тамъ замѣшательству».	Оставались въ Оренбургѣ и Казанской провинціи.	
Ростовскій			
Московскій			
Ревельскій			
Троицкій			
Вятскій			
Астраханскій конно-гренадерскій. . .		Переведены въ Украйну.	
Сибирскій			
Владимірскій . . .			
Новгородскій . . .	Царицынъ.		
Ямбургскій			
Псковскій			
Пермскій			
Астраханскій гарнизонъ драгунскій . . .	Астрахань.	Царицынъ.	
Астраханскій гарнизонъ пѣхотный . . .	Тоже.	Кіевъ.	
Ландмилиція [3]) . .	На своихъ мѣстахъ.		
Гарнизонные полки [4]) .			
Олонецкій [5]) драгунскій.	В ъ С и б и р и.		
Вологодскій. . . .			
Луцкій [5])			

Таблица № 11-й.

(Къ примѣчанію 88 главы 1-й).

«Табель принятыхъ Новотроицкаго кирасирскаго полка маіоромъ Каменскимъ въ Москвѣ, отъ экспедиціи конскаго набору изъ собирающихся съ душъ драгунскихъ лошадей; а сколько, когда въ который полкъ съ кѣмъ отправлено и къ полкамъ прибыло значится ниже. (Взято изъ дѣлъ Военно-ученаго архива Главнаго штаба, № 226).

Принято.		Изъ того числа отправлено въ полкъ.						
Въ полки.	Число лошадей.	Годъ.	Мѣсяцъ.	Число.	«Съ кѣмъ именно».	Число лошадей.	Приведено.	Не приведено.
		1756	Декаб.	2	Съ ротм. Стромиловымъ.	200	200	—
Кіевскій	709	—	—	26	Съ пр. Макшѣевымъ .	302	—	302 (1)
		1757	Янв.	26	Съ адъют. Кошелевымъ.	203	—	203
Новотроицкій . .	759	1756	Нояб.	25	Прапор. Кропотовъ . .	252	252	—
		—	Декаб.	22	Подпрап. Миховъ . .	252	252	—
		1757	Февр.	17	Поруч. Кучинъ . . .	251	—	251 (2)
Казанскій . . .	768	1756	Декаб.	25	Пр. Бурковъ	299	299	—
		1757	Февр.	4	Поруч.-Гречешниковъ .	303	—	303 (3)
		—	—	17	Кор. Чаплыгинъ . . .	164	—	164
						2226	1003	1223

(1) Въ томъ же дѣлѣ Воен.-ученаго архива № 226. Изъ рапорта Румянцева № 446 видно, что часть этихъ лошадей прибыла подъ Ковною.

(2) Изъ рапорта № 515 видно, что часть прибыла 23-го апрѣля 1757 года, за что Кучинъ былъ отданъ подъ судъ.

(3) Лошади прибыли 4-го мая 1757 года.

Таблица № 19-й.

(Къ страницѣ 55 главы 1-й).

Штатный составъ и имѣвшаяся матеріальная часть *полковой* артиллеріи (1).

«Названіе полковъ».	«По штатамъ».		«Нынѣ на лицо съ прибавкою» (2).	Примѣчаніе.
	Въ каждомъ.	«Во всѣхъ».		
Кирасирскихъ } 32 *и драгунскихъ* }				(1) Извлечено изъ донесеній военной Коллегіи 18 марта 1756 г. въ Конференцію (М. О. Ар. Г. Ш. опись 47, № $^{137}/_{110}$).
Пушекъ	1	32	52	
Мортиръ	2	64	104	
Пѣхотныхъ 46.				(2) Этой то прибавочной, а равно и на увеличенный составъ пѣхотныхъ полковъ—войска не успѣли принять.
Пушекъ	2	92	156	
Мортиръ	4	184	312	
Ландмилиціи 20 Украинскихъ и 3 Закамскихъ:				(3) Въ Петербургѣ 14. » Нарвѣ . . . 4. » Бѣлгородѣ . 7.
Пушекъ	1	24	48	
Мортиръ	2	48	96	
Сверхъ того въ драгунскихъ гарнизонныхъ на лицо:				
Пушекъ	—	—	5	
Мортиръ	—	—	10	
При той артиллеріи:				
Ядеръ по	120	17760	31920	
Картечей по . . .	30	4440	7830	
Гранатъ 6 ф. . . .	20	5920	10440	
Въ запасѣ 3 ф. п. (3).				

ТАБЛИЦА № 14.

Къ примѣчаніямъ 7-му, 105-му и 111-му главы 1-й.

Состояніе нерегулярныхъ войскъ по учету Военной Коллегіи въ 1740 и 1755 гг.

№№ по порядку.	Названіе „нерегулярныхъ" войскъ.		«При полку» (войсковой штабъ). Войсковой атаманъ.	Полковниковъ.	Обозныхъ.	Судей.	Эсауловъ.	Ротмистровъ.	Писарей.	Хорунжихъ.	«Полковыхъ служителей» (войсковыхъ). Лекарей.	Канцеляристовъ и писарей.	Подпрапорныхъ.	Цирюльниковъ.	Городничихъ.	Литаврщиковъ.	Трубачей.	Пушкарей.	«Поповъ».	«При сотняхъ». Старшинъ.	Сотниковъ.		Хорунжихъ.	Эсауловъ.	Казаковъ.	ВСЕГО.	«Нынѣ (1740 г.) получаютъ» (5). Денежный окладъ. Руб.	Коп.	Вина, ведеръ.	Пороху, въ пудахъ.	Свинца, въ пудахъ.	Муки — четвертей.	Овса — четвертей.	Всего. Денежный расходъ правительства въ рубляхъ. Руб.	Коп.
	I. По штатному положенію 1740 и 1755 гг.																																		
1	Донское войско	1740 г.	П	о	к	а	з	а	н	о		о	б	щ	и	м	ъ		ч	и	с		о	м	ъ	14000	17142	—	500	203	150	700	—	17919	31
		1755 г.	(1) 1	3	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(2) 52	—	10	(3) 110	(3) 110	15344	15732	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Волжское	1740 г.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—		—	1	1053	1057	5288	—	—	15	10	3191	3191	6031	—
		1755 г.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—		—	1	1057	1061	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Яицкое	1740 г.	П	о	к	а	з	а	н	о		о	б	щ	и	м	ъ		ч	и	с		о	м	ъ	3196	4138	30	100	51	33	1398	—	4138	—
		1755 г.	1	2	—	—	2	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	35		5	7	3510	3574	—	—		—	—	—	—	—	—
4	Гребенское	1740 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—		—	—	497	500	4543	—	—	12	12	2982	1491	5043	—
		1755 г.	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—		—	5	477	495	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	Азовское	1740 г.	—	1	—	—	1	5	1	5	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—		—	—	(4) 350	365	3565	—	—	—	—	1630	1630	3565	—
		1755 г.	—	1	—	—	—	6	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	500	513	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Чугуевскій команда	1740 г.	—	1	—	—	1	3	—	1	—		—	—	—	1	2	—	1	—	—		—	—	367	377	6730	—	—	—	—	2308	2308	6730	—
	полкъ	1755 г.	—	1	—	—	3	3	2	6	—	—	—		—	1	2	—	1	—	—		3	писарь 1	520	543	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Хоперскій	1740 г.	—	—	—	—	—	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	216	222	1344	—	—	—	—	—	—	—	—
		1755 г.	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	119	122	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	Всего	1740 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	19679	19679	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		1755 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	21527	21527	—	—	—	—	—	—	—	—	—
																																		43426	31
	II. По свѣдѣніямъ только 1755 г.																																		
8	Слободскіе казачьи полки		—	5	5	5	10	5	10	5	1	30	168	5	5	5	15	150	1	—	100	100	100	200	5000	5925	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Бахмутскій казачій полкъ		—	1	—	—	3	3	1	3	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	300	311	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Оренбургскій казачій полкъ		—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10		10	—	1060	1093	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Оренбургскихъ городовыхъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	0	37	7	3666	3765	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	Ставропольскихъ крещен. калмыковъ		(6) 1	1	—	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8		8	8	800	830	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Всѣхъ чиновъ по штату 1740 года по табл. №№ 14 и 15—21755.
Всѣхъ чиновъ по свѣдѣніямъ 1755 г. по табл. №№ 14 и 15—35703.
Денежный отпускъ по штату 1740 г. на всѣхъ—70284 р. 31 к.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Цыфры этой таблицы взяты: за 1740 годъ—изъ «Штата всѣхъ казачьихъ войскъ и «нерегулярныхъ командъ» 1740 года, измѣненныхъ по представленію Миниха. (Москов. Отдѣл. Архива Главнаго штаба; опись 121, связка 10-я). За 1755 годъ—изъ донесенія и подробныхъ вѣдомостей, представленныхъ Конференціи въ 1755 г. (Моск. Отд. Арх. Главнаго штаба; опись 47, № 137/140).

(1) Въ свѣдѣніяхъ Военной Коллегіи указано «Войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, генералъ-маіоръ Данило Ефремовъ, бригадиръ Федоръ Краснощековъ и армейскій полковникъ Андрей Краснощековъ».

(2) Названы также «войсковыми».

(3) «*Станичные*», «*выбираемые на годъ изъ казаковъ*».

(4) Изъ нихъ «новокрещенныхъ калмыковъ»—100.

(5) Есть только въ штатахъ 1740 года; въ свѣдѣніяхъ же за 1755 г. о натуральномъ довольствіи казачьихъ войскъ ничего не сказано.

(6) Назывался не атаманъ, а «изъ владѣльцевъ первенствующій членъ»

Кромѣ того, по штатамъ 1740 года и свѣдѣніямъ за 1755 годъ было очень много «нерегулярныхъ мелкихъ командъ», на которыя тоже самое отпускалась нѣкоторая сумма денегъ.

Таблица № 15.

(Составлена на тѣхъ же данныхъ, какъ и таблица № 14).

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ КОМАНДЪ.	Общее число людей 1740 года.	Жалованье.	ХЛѢБА. Муки.	Овса.	Вина, ведеръ.
13	Кизлярскіе казаки	(1) 71	2505	четв. 1291	четв. 791	100
	«Прикизлярскіе».					
14	«Казаки, бывшіе при Терку» (2).	175	4067	1922	1322	100
15	«Переведенныхъ съ Дону на Астрахань» (3)	452	6263	2712 крупъ 169 ч.	2712	—
16	«Армянъ и грузинъ» (4)	112	2487	Не	полу	чали
17	«Самарскіе» (5).					
	«Алексѣевскіе»	203	3000	12	12	—
	«Самаро-Алексѣевскіе»	101	1480	12	12	—
	«Дворянская рота»	101	1270	12	12	—
18	Астраханскіе (6).					
	Красноярскіе	51	412	268	212	—
	Черноярскіе	91	732	462	147	—
	Царицынскіе	103	624	624	624	—
	Дмитріевскіе	52	318	318	318	—
	Саратовскіе	201	1212	1212	1212	—
	Уфимскіе (5)	301	2188	—	—	—
		2014	26858	8845	7374	200

ПРИМѢЧАНІЕ

(1) Въ числѣ ихъ были самыя разнообразныя названія; во главѣ князь Эль-Мурза-Бековичъ-Черкасскій, которому было положено 1300 рублей въ годъ. Въ 1755 г. объ нихъ свѣдѣній нѣтъ.

(2) Въ 1755 году называютъ Терскими, въ составѣ всего 178 человѣкъ

(3) Того же состава въ числѣ 452 чел., въ 1755 г. называютъ «Семейными, бывшихъ Терскихъ».

(4) Въ 1755 г. показаны при Кизлярѣ въ шквадронѣ.

(5) Въ 1755 г. не показаны, и видимо вошли въ составъ Оренбургскихъ.

(6) Есть и въ 1755 году, тѣхъ наименованій и численности.

ТАБЛИЦА № 20-й (1).

Штатный составъ артиллерійскаго имущества *полевой* артиллеріи къ 1756 году.

Названіе орудій.	По штату положено.	Мѣста расположенія артиллерійскихъ парковъ.						Противъ штата
		Петербургъ.	Рига.	Москва.	Бѣлъ-городъ.	Кіевъ.	Всего.	
Пушекъ мѣдныхъ:								
12-ти фунтовыхъ	6	14	8	2	6	3	33	+
8-ми фунтовыхъ	16	—	12	5	3	5	25	+
6-ти фунтовыхъ	8	—	14	4	3	6	27	+
3-хъ фунтовыхъ	18	—	10	12	—	—	22	+
Мортиръ мѣдныхъ:								
$2^1/_2$ пудовыхъ	—	—	—	—	5	—	5	+
2 пудовыхъ	3	—	3	—	—	1	4	+
1 пудовыхъ.	—	—	—	2	—	—	2	+
Гаубицъ мѣдныхъ:								
$1^1/_2$ пудовыхъ	—	—	—	—	—	1	1	+
1 пудовыхъ.	12	—	8	4	2	4	18	+
$^1/_2$ пудовыхъ	6	—	8	4	1	3	16	+
Мортиръ 6-ти фунтов. .	36	—	20	24	36	—	80	+
Понтоновъ съ принадлежностями	40	—	18	18	—	—	36	—
Всего орудій. .	105	14	83	57	56	23	233	—

При каждомъ орудіи по штату.											Примѣчанія.
Зарядныхъ ящиковъ.	Ядеръ. По штату.	Ядеръ. (2) Дѣйствительно было	Картечей. По штату.	Картечей. (2) Дѣйствительно было	Бомбъ. По штату.	Бомбъ. (2) Дѣйствительно было	Лошадей. Подъ орудіе.	Лошадей. Подъ зарядный ящикъ.	Ѣздовыхъ. Для орудія.	Ѣздовыхъ. Для зарядн. ящика.	
4	120	960	30	240	—	—	15	3	6	1	(1) Взято изъ донесеній В. Коллегіи въ Конференцію (М. О. Арх. Г. Ш.; опись 47, № 137/110; а равно нѣкоторыя данныя изъ «Извѣстія военно походной канцеляріи» графа Шувалова въ канцелярію Обсерваціоннаго корпуса. Тамъ же; опись 202, №13. Кромѣ того свѣдѣнія эти провѣряются «Вѣдомостью коликое число въ Ригѣ полевой артиллеріи содержать положено...» (Тамъ же; опись 47, № 90/93).
4	120	1440	30	360	—	—	9	2	4	1	
3	120	1680	40	420	—	—	7	2	3	1	
2	120	1200	30	300	—	—	2	2	1	1	
(3)	Н	е	б	ы	л	о	—	—	(3)	—	
14	—	—	—	—	150	452	—	—	(3)	—	(2) Взятъ общій итогъ бывшихъ на лицо «въ Ригѣ и Лифляндіи».
(3)	Н	е	б	ы	л	о	—	—	(3)	—	
(3)	Н	е	б	ы	л	о	—	—	(3)	—	(3) Неизвѣстно.
8	—	—	30	120	120	974	12	6	4	2	
4	—	—	30	240	120	978	7	4	3	2	
2	—	—	—	—	20 гранатъ	200	—	(3)	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Таблица № 21-й [1].

Штатный составъ артиллерійскаго и инженернаго корпуса.

Званіе чиновъ.	Полевой и осадной артиллер	Гарнизонной артиллеріи.	Инженерной и минерн роты.	При лабораторіи, арсеналѣ и порох. завод.	При полевомъ фуритатѣ.	ВСЕГО.
Генералъ-фельдцейхмейстеровъ	—	—	—	—	—	1
Генералъ-артиллеріи	—	—	—	—	—	3 [2]
» инженеровъ	—	—	—	—	—	3 [2]
Штабъ-офицеровъ	7	13	10	1	1	32
Оберъ-офицеровъ	75	118	66	22	4	285
Ун.-оф. и проч. нестроевыхъ съ мастеровыми	655	1456	745	259	276	3391
Рядовыхъ, въ томъ числѣ и фузилеровъ	[3] 1898	3787	498	144	2523	8850
Лошадей	—	—	225	—	5464	—

(1) Взято изъ данныхъ, указанныхъ въ таблицѣ № 19.

(2) 1-го не доставало.

(3) Изъ числа ихъ выдѣлено въ армію Апраксина.

Генераловъ	1.
Штабъ-офицеровъ	2.
Чиновъ штаба артиллеріи	11.
Оберъ-офицеровъ	16.
Унтеръ-офицеровъ	40.
Строевыхъ рядовыхъ	347 (фузилеровъ 173).
Нестроевыхъ	18.
Мастеровыхъ	61.
Деньщиковъ	56.
Лошадей	3219.

Основано на донесеніи канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи въ Военную Коллегію (М. О. Арх. Г. Ш., опись 47, № $^{127}/_{130}$).

ТАБЛИЦА № 22-й

состояніе русской *осадной* артиллеріи и *осаднаго* парка дѣйствующей арміи генералъ-фельдмаршала Апраксина.

Пункты расположенія осадныхъ парковъ.	ПУШЕКЪ МѢДНЫХЪ.						МО	
	24-хъ ФУНТОВЫХЪ.			18-ти ФУНТОВЫХЪ.			9-ти ПУДОВ.	
	Число.	КЪ НИМЪ.		Число.	КЪ НИМЪ.		Число.	КЪ НИМЪ
		Ядеръ.	Картечь.		Ядеръ.	Картечь.		Бомбъ.
Въ С.-Петербургѣ (1)	20	9500	9500	20	9500	500	2	600
Въ Бѣлгородѣ (1) .	49(2)	16637	500	20	6600	—	2	1503
Въ Кіевѣ (1) . . .	20	9500	500	20	9500	500	2	600
Въ Ригѣ (3) (осадный паркъ (4) арміи Апраксина)	*8*	*2280*	*120*	*8*	*2280*	*120*	*1*	*300*
Всего въ осадной артиллеріи:								
24-хъ ф. пушекъ .	89	—	—	60	—	—	6	—
18-ти » » .	60							
9-ти пуд. мортиръ.	6							
5-ти » » .	36							
6-ти фун. » .	300							

(*) Для "фузилеровъ,, артиллерейской прислуги осад

тиръ мѣдныхъ.				ПРИМѢЧАНІЯ.
5-ти пудовыхъ.		6-ти фунтовъ.		
Число.	къ нимъ. Бомбъ.	Число.	къ нимъ Гранатъ.	
12	6000	100	30000	(1) Взято изъ свѣдѣній, помянутыхъ въ примѣчаніяхъ къ табл. №№ 19, 20 и 21 (М. О. Ар. Г. шт.; опись 47, № 137/140).
12	4950	100	30000	(2) По штату полагалось всего 20-ть. Изъ 49-ти—20-ть были въ Москвѣ съ частью снарядовъ, а именно: ядеръ 12831; 5-ти пуд. бомбъ — 14947; 6-ти фун. гранатъ—47936.
12	6000	100	30000	
6	*1770*	*50*	*15000*	(3) Взято изъ донесенія канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи — Военной Коллегіи (М. О. Ар. Г. шт.; опись 47, № 146/148). Осадный паркъ дѣйствующей арміи былъ выдѣленъ изъ Петербурга и доставленъ въ Ригу.
—	—	300	—	(4) При осадномъ паркѣ Апраксина было: пороху пушечнаго—1239 пуд. — мушкетнаго—1189 пуд. — ручного (*) — 19 пуд.

го парка.

ТАБЛИЦА № 23-й *).

Вѣдомость о состояніи вооруженія крѣпостей гарнизонной артиллеріи къ 1756 г. (М. О. Ар. Г. Ш. опись 47, № 137/140).

№ № по порядку.	Названіе крѣпостей.	По штату положено.		Состояло на лицо.		
		Пушекъ, мортиръ и гаубицъ.	Мортиръ и фальконетовъ.	Пушекъ, мортиръ и гаубицъ.	Мортиръ и фальконетовъ.	Сверхъштата и нерегулярныхъ.
	I. Остзейскихъ.					
1	С.-Петербургъ . . .	123	106	173	42	175
	а) Кронштадтъ . . .	174	60	162	36	77
2	б) Александровскій шанецъ . . .	55	30	29	24	5
3	Выборгъ	276	108	345	118	25
4	Кексгольмъ	100	56	100	35	7
5	Шлиссельбургъ . . .	581	4	97	—	6
6	Нарва съ Ивангородомъ.	58	108	300	100	26
7	Фридрихсгамъ . . .	102	54	93	40	82
8	Нейшлотъ	60	44	44	6	8
9	Ревель съ Рогервикомъ.	284	130	400	117	561
10	Перновъ	114	46	220	5	63
11	Динамюндъ	80	45	70	—	66
	а) "При цитаделѣ въ Ригѣ" . .	126	66	197	4	327
12	б) "Магистратской городской артиллеріи" . . .	130	66	153	45	145
	II. Внутреннихъ					
13	Новгородъ	27	—	5	—	19
14	Псковъ	27	—	22	2	190
15	В. Луки.	55	25	17	—	—
16	Смоленскъ	118	49	68	—	42
17	Архангельскъ . . .	120	47	141	3	112
18	Кола	68	24	8	—	—
19	Брянскъ	59	25	33	—	35
20	Нѣжинъ	45	24	15	1	15
21	Черниговъ	57	25	16	—	38

Рижскія.

*) Въ той-же вѣдомости подробно показано состояніе артиллерійскихъ запасовъ въ тѣхъ же крѣпостяхъ.

№ № по порядку.	Названіе крѣпостей	По штату положено.		Состояло на лицо.		
		Пушекъ, мортиръ и гаубицъ.	Мортиръ и фальконетовъ.	Пушекъ, мортиръ и гаубицъ.	Мортиръ и фальконетовъ.	Сверхъ штата и нерегулярныхъ.
22	Кіевъ.	223	227	11	—	172
23	Переяславль. . . .	46	24	22	2	24
24	Переволочно. . . .	147	107	43	—	85
25	Богородскъ (на у. Самары).	120	66	20	—	20
26	По украинской линіи .	104	54	67	50	179
27	Бѣлгородъ	24	31	—	—	27
28	Изюмъ	48	24	39	—	15
29	Бахмутъ.	48	24	36	14	44
30	Томскъ	46	24	4	—	9
31	Кр. Св. Анны . . .	149	107	141	87	208
32	Казань	47	23	26	25	3
33	Въ Оренбургской губ.	488	45	231	38	210
34	Царицынской линіи. .	78	36	11	30	77
35	Астрахань	200	118	196	162	48
36	Кизляръ	134	66	121	76	39
37	Тобольскъ	56	25	55	55	20
38	Омскъ	46	24	23	6	18
39	Ишимъ (Юмшевъ) . .	46	24	22	11	5
40	Семипалатинскъ. . .	46	24	—	—	20
41	Кузнецкъ	46	24	—	—	15
42	Селенгинскъ. . . .	46	24	—	—	20
43	Иркутскъ и Нерчинскъ.	68	36	—	—	40
	ВСЕГО съ помянутыми во 2-й выноскѣ . .	4289	2118	3046	1092	3138

ПРИМѢЧАНІЯ: 1) 90% орудій было чугунныхъ. Калибры орудій: пушки отъ 24 ф. до 3 пуд. Мортиры отъ 9-ти до 2-хъ пуд. Гаубицы отъ 2—1 пудовыхъ. Фальконеты—1 ф. Мортирцы—6 фун.

2) Кромѣ помянутыхъ 43-хъ укрѣпленныхъ пунктовъ орудія, были „въ городахъ неположенныхъ въ штатъ крѣпостей“.

ТАБЛИЦА № 24-й.

Составъ батареи *„новоизвентованныхъ“* орудій арміи Апраксина.

«Названіе предметовъ».	Число.	«При вышеписанной артиллеріи служителей».	Число.
Единороговъ 1 пуд. (мѣдныхъ) . .	11	Поручикъ Иванъ Ганнибалъ . .	1
Ящиковъ къ нимъ .	44	Подпоручикъ (Яганъ Мартей) .	1
Близнятъ мѣдныхъ .	23	Штыкъ-юнкеровъ	4
Ящиковъ къ нимъ .	23	Сержантовъ	2
		Фурьеръ	1
		Капраловъ	7
		Бомбардировъ	20
		Канонировъ	58
		Фузилеровъ	158
		Нестроевыхъ (*)	3
		Фуршатская команда:	
		Прапорщикъ	1
		У.-офицеровъ	7
		Фурлейтовъ	217
		Нестроевыхъ	5
		Лошадей «по числу орудій» . .	459
		Запасныхъ	60

Примѣчаніе: Взято изъ донесенія г.-м. Пальменбаха (завѣдывавшаго тыломъ въ Ригѣ, послѣ выступленія арміи Апраксина въ походъ) отъ 24-го іюня 1757 г. генер.-фельдм. Апраксину. Въ дѣлахъ М. О. Ар. Г. шт.; опись 47, № $^{110}/_{143}$.

(*) Цирюльникъ и барабанщиковъ—2.

ТАБЛИЦА № 25-й.

Составъ полевой артиллеріи арміи Апраксина, сформированной изъ Рижскаго отдѣленія полевой артиллеріи.

Названіе орудій.	Число.	Примѣчанія.
12-ти фунт. мѣдн. пушекъ . . .	6	Взято изъ Всеподданнѣйшаго доклада Гр. Шувалова. Смотри примѣчаніе 62-екъ главѣ 1-й.
8-ми » » » . . .	12	
6-ти » » » . . .	12	
3-хъ » » » . . .	18	
2-хъ пуд. мѣдн. мортиръ . . .	4	(1) Если дѣйствительно, какъ говоритъ Даниловъ, ихъ бросили еще въ Ригѣ.
1-го пуд. мѣдн. гаубицъ . . .	8	
1/2 » » » . . .	8	
Близнятъ	24	
Всего. . . .	92	
Безъ близнятъ (1)	68	

Таблица № 27-й.

Данныя для характеристики «*армейскаго магазейна*» при Рижскомъ отдѣленіи полевой артиллеріи,

поступившаго въ составъ арміи Апраксина.

Названіе главныхъ предметовъ, бывшихъ въ магазейнѣ.	ЧИСЛО.
Армейскаго снаряженія (*).	
Пороху	1939 п. 32½ ф.
Свинца	3526—16½
Гранатъ ручныхъ	10725
Трубокъ гранатныхъ	13406
Понтоновъ съ принадлежностью	18
Кирокъ и мотыгъ	714
Кульковъ	32252
Лопатокъ	2193
Топоровъ	357
Ножей фашинныхъ	714
Затѣмъ идетъ масса мелкихъ предметовъ: бумага, воскъ, гвозди, канаты и т. п.	
По новому расчету, пропорціонально числу увеличенныхъ въ арміи полковъ, противъ нормальнаго,—увеличено, но точно показано только число лошадей для подъема всего запаса; а именно	3621
Изъ нихъ приказано (**) купить	2565

Примѣчанія: *) Взято изъ вѣдомости „количое число“ въ Ригѣ полевой артиллеріи положено содержать и въ то число состоитъ (М. О. Ар. Г. Ш. опись 47, № 90/93); при чемъ, число, указанное во 2-й графѣ этой таблицы, „полагалося по положенію на 30 ть полковъ“. т. е. на одну изъ армій, такъ какъ всѣ войска были подраздѣлены на три арміи.

Съ увеличеніемъ полковъ арміи, предназначенной для дѣйствія въ Пруссіи, было рѣшено: «сочинить вмѣсто прежняго магазейна на 50 полковъ и перегулярныхъ на 20 т., считая пороху, свинцу, гранатъ противъ штата на половинное число и другихъ вещей, яко-то шанцевыхъ снастей» и пр.....

Одна половина должна была быть при арміи, а „другую половину того магазейна при Рижскомъ гарнизонѣ“. Послѣднее видно и изъ меморіала главной артиллеріи и фортификаціи въ В. Коллегію отъ 27-го апрѣля 1756 г (Тамъ-же оп. 47, № 127/130).

Вмѣстѣ съ тѣмъ расчеты, по поводу снабженія армейскаго магазина, даютъ данныя опредѣлить число патроновъ, бывшихъ на людяхъ въ пѣхотныхъ полкахъ, въ патронныхъ ящикахъ и въ паркѣ.

Въ Меморіалѣ канцеляріи артиллеріи и фортификаціи въ Военную Коллегію (М. О. Ар. Г. III. опись 47, связка № $^{145}/_{148}$) отъ 31-го августа 1756 г. при расчетѣ лошадей для армейскаго магазейна сказано: „да по нынѣшнему тамо (въ Ригѣ) арміи на кирасирскіе, пѣхотные, драгунскіе, гренадерскіе, гусарскіе всего на 50 полковъ и 19541 перегулярныхъ войскъ въ армейскомъ магазейнѣ изъ возимаго при артиллеріи по пятидесяти выстрѣловъ на половину и съ запасными потребно всего (собственно для артиллерійскихъ припасовъ—патроновъ) 2604 лошади". Такимъ образомъ, изъ 50-ти патроновъ—25-ть возилось при арміи въ видѣ „запасныхъ патроновъ" (это названіе часто встрѣчается; смотри, напр., прим. 158). Въ патронныхъ-же ящикахъ, при полкахъ, было по 30-ти патроновъ. Послѣднее совершенно опредѣленно высказано въ заключеніи комиссіи въ 1755 г. по вопросу объ увеличеніи числа патронныхъ ящиковъ 3-хъ баталіоновъ и 3-хъ грен. ротъ... ...„и на оные (прибавочные) чины опредѣлено въ ящикахъ имѣть на каждаго человѣка гранатъ по 3, вѣсомъ всякая по 3 фунта; *патроновъ съ пулями по 30*, вѣсомъ каждая по 12-ти золотниковъ. Картечь по 20-ть зарядовъ, вѣсомъ каждый по 8-ми золотниковъ". Въ заключеніи рѣшено „въ ротахъ гренадерскихъ возить въ трехъ ящикахъ каждой по двѣ лошади, въ одномъ гранаты, въ другомъ патроны съ картечами (для полковой артиллеріи); въ третьемъ, раздѣленномъ на три части, изъ которыхъ въ средней гранаты, а въ боковыхъ сдѣланныхъ декахъ—патроны. А по всѣму тому вѣсу будетъ кладки на каждую (лошадь) доставаться по 12-ти пуд. $36^1/_2$ ф".

Въ патронныхъ (двухъ) сумкахъ минимумъ могло быть 20-ть патроновъ, по 10-ти въ каждой. Тогда весь запасъ распредѣляется: а) при людяхъ—20-ть; б) въ патронныхъ ящикахъ 30-ть; в) запасныхъ 25-ть; въ тылу—на базѣ—25-ть. Всего 100 патроновъ.

**) Меморіалъ главной артиллеріи и фортификаціи (М. О. Ар. Г. III. опись № $^{145}/_{148}$). Часть этихъ лошадей назначена была изъ Москвы.

Таблица № 28-й.

Данныя для характеристики *«армейскаго магазейна»* при осадной артиллеріи дѣйствующей арміи генералъ-фельдмаршала Апраксина.

Названіе предметовъ.	Число.	Примѣчаніе.
Кирокъ и мотыгъ	500	Взята изъ переписки канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи съ Военною Коллегіею за 1756 г. (М. О. Арх. Гл. Шт., опись 47, № $^{145}/_{148}$).
Кулей малыхъ	22500	
Лопатъ	1500	
Ломовъ	50	
Топоровъ	250	
Затѣмъ идетъ перечень разныхъ мелкихъ предметовъ: олово, сало, фитиль, вѣсы, бумага, воскъ, разн. инструменты и т. п.		

ТАБЛИЦА № 29-й.

Главныя данныя для характеристики запасовъ *Московскаго и Петербурскаго арсеналовъ.*

МОСКОВСКОМЪ.		ПЕТЕРБУРГСКОМЪ.		Примѣчаніе.
Названіе предметовъ.	Число.	Названіе предметовъ.	Число.	
Пушекъ Россійскихъ и другихъ націй.		Пушекъ мѣдныхъ разныхъ калибровъ . .	122	Взято изъ вѣдомостей, представленныхъ Военною Коллегіею въ Конференцію при Высочайшемъ дворѣ отъ 14-го марта 1756 г. (М. О. Арх. Г. Ш: опись 47, № 137/150).
Мѣдныхъ:		Тоже чугунныхъ . .	73	
Отъ 66—48 фунтов.	22	Мортиръ	21	
» 48—36 »	26			
» 36—24 »	10			
» 24—18 »	48	Фальконетовъ . . .	10	
» 18—12 »	47			
» 12— 8 »	146	Ядеръ пушечныхъ:		
» 8— 6 »	79			
» 6— 3 »	268	Нерегулярныхъ. . .	3815	*) Первыя цыфры показываютъ число снарядовъ «нерегулярныхъ», а подъ чертою «регулярные».
» 3— ниже . .	620			
Лотовыхъ	44	Тоже регулярныхъ. .	144489	
	1290			
Желѣзныхъ. . . .	12	Дробовичныхъ . . .	25099	
Чугунныхъ	127			
Петардъ.	22	Картечи регул пушеч.	575	
Мортиръ разн. калибр.	110			
Мортирцъ	301	Бомбъ регулярныхъ .	4657	
Дробовиковъ . . .	71			
«Негодныхъ» разн. кал.	156	» нерегулярныхъ.	5399	
Снарядовъ:		Гранатъ мортирныхъ .	10722	
Ядеръ пушечныхъ. .	28813*			
	336017	3 фун. » . .	2026	
» дробовичныхъ .	348420	2 фун. » . .	79621	
Бомбъ	3827			
	923			
Гранатъ мортирныхъ	2112			
» ручныхъ . .	42553			
Свинца	8000			

ТАБЛИЦА № 34-й.

ШТАТНЫЙ СОСТАВЪ ГАРНИЗОННЫХЪ ВОЙСКЪ СЪ 1711–1756 гг.

Гарнизонные полки, отдѣльные эскадроны и баталіоны.	Число полковъ по штатамъ.				Число чиновъ въ полкахъ, эскадронахъ и баталіонахъ.							
					1711 года.		1720 года.		1731 года.		Къ 1756 г.	
	1711 года.	1720 года.	1731 года.	Къ 1756 году.	Офицеровъ, унт.-офиц. и рядовыхъ.	Всѣхъ.	Офицеровъ, унт.-офиц. и рядовыхъ.	Всѣхъ въ 1-мъ полку.	Офицеровъ, унт.-офиц. и рядовыхъ.	Всѣхъ въ 1-мъ полку.	Офицеровъ, унт.-офиц. и рядовыхъ.	Всѣхъ.
А) Пѣхотные.												
а) Гарнизонные полки 3-хъ баталіоннаго состава	2	2	2	2	Н	е	и	з	в	ѣ	с	т	н	о.	1717	1884
б) Полки 2-хъ баталіон. состава.												
1) Остзейскіе.	12	21	20	20	?	10000	1224	1366	?	1261	1147	1281
2) Внутренніе	28	24	25	25	1224	1483	1224	1336	—	1246	1147	1267
г) Отдѣльныхъ баталіоновъ . .	3	3	4	4	600	665	660	665	—	619	564	619
Всѣхъ нижнихъ чиновъ пѣхотныхъ гарнизонныхъ полковъ . . .	42 п. и 3 б.	47 п. и 3 б.	47 п. и 4 б.	47 п. и 4 б.	—	58000	—	66759	—	62594	—	62539
Б) Драгунскихъ гарнизонныхъ полковъ . . . . . (10-ти рот. состава).	—	4	4	7	—	—	920	1106	—	1181	997	1199
д) Отдѣльныхъ эскадроновъ . .	—	1	2	2	—	—	495	560	—	565	499	57[illegible]
Всѣхъ нижнихъ чиновъ гарнизонныхъ войскъ	—	—	—	—	—	58000	—	71743	—	68448	—	72082

(1) Документы указаны въ таблицѣ № 35 (1).

ТАБЛИЦА № 30-й.

Запасы пороха, при Петербургскомъ и Московскомъ арсеналахъ. (Взято изъ тѣхъ-же вѣдомостей, о которыхъ помянуто въ примѣч. къ табл. № 29).

МОСКОВСКАГО.			ПЕТЕРБУРГСКАГО.						
			ПЕТЕРБУРГСКАГО.			ОХТЕНСКАГО.			
РОДЪ ПОРОХА.	Пуды.	Фунты.	РОДЪ ПОРОХА.	Пуды.	Фунты.	РОДЪ ПОРОХА.	Пуды.	Фунты.	ВСЕГО.
Пушечнаго . .	27992	4	Пушечнаго . .	9657	—	Пушечнаго . .	2	5	37651 п. 9 ф.
Мушкетнаго . .	14863	13	Мушкетнаго . .	11015	24	Мушкетнаго . .	—	4	25879 » 1 »
Ручнаго . . .	1444	8	Ручнаго	11791	10	Ручнаго	1	30	13267 » 8 »
Винтовочнаго .	391	—	Винтовочнаго .	—	—	Винтовочнаго .	—	—	391 » — »
Пушечнаго, и мушкетнаго, и ручнаго къ перемѣжку —годнаго	—	—	Пушечнаго, и мушкетнаго, и ручнаго къ перемѣжку—годнаго	—	—	Пушечнаго, и мушкетнаго, и ручнаго къ перемѣжку—годнаго	2530	—	2530 » — »
Селитры . . .	12832	11	Селитры . . .	5308	33	Селитры . . .	13380	20	31521 » 2 »
Сѣры	98	32	Сѣры	2492	24	Сѣры	2008	36	4599 » 32 »

Кромѣ того въ крѣпостяхъ:

	ПУШЕЧНАГО.	МУШКЕТНАГО.	РУЧНОГО.
Въ Остзейскихъ крѣпостяхъ . .	78564 п. 18 ф.	39838 п. 28 ф.	8548 п. 39 ф.
Во внутреннихъ »	52983 » 31 »	14539 » 17 »	4644 » 12 »
Во всѣхъ, съ арсеналами.	169199 п. 18 ф.	80257 п. 6 ф.	26851 п. 24 ф.

Всего 276.308 пуд 8 фун.

ТАБЛИЦА № 31-й. [1]

Данныя для характеристики новой артиллеріи (чертежей 1756 года), бывшей въ составѣ арміи Фермора и въ видѣ пробныхъ въ арміи Апраксина.

КАЛИБРЪ ОРУДІЙ.	ВѢСЪ.		Число снарядовъ, возимыхъ на орудіи.				ВѢСА СНАРЯДОВЪ.				ВѢСА ЗАРЯДОВЪ.				Дальность стрѣльбы.	Число зарядныхъ ящиковъ.	Число лошадей для орудія.
	Всей системы.	Орудія.	Ядръ.	Бомбъ.	Картечь.	Зажигательныхъ.	Ядеръ.	Бомбъ.	Картеч.	Зажигательныхъ.	Ядеръ.	для бомбъ. Зарядъ.	для бомбъ. Разрывныхъ.	Картечь.	Гранат. запальн.			
Единороговъ:	пуд. фун	пуд.						фун.		фун.		фун.	фун.					
2-хъ пудовый	217—»	90	—	90	50	10	—	80	(2)	40	—	12	7	12	12	1460 саж.	12	16
1 »	101—31	40	—	70	70	10	—	40	(3)	20	—	8	3½	8	8	Отъ 750 до 1400 саж.	6	7
½ »	70—6	25	40	50	50	10	24	20	(4)	12	5	5	2	5	5	Отъ 700—1100 саж.	5	5
Малый единорогъ . . .	30—36	6	10	Гран 50	40	—	6	Гран 6	(5)	—	1¼	1¼	Гран. 27	1¼	—	500 саж.	3	2

(1) Составлена по документу, указанному въ примѣчаніи къ таблицѣ 29; а равно нѣкоторыя данныя дополнены изъ «Артиллерійскихъ предложеній....» Вельяшева-Волынцева.

(2) Картечь была пяти родовъ: 1) 3 фунтовая—всѣхъ пуль 28; 2) по 1 фун.—50 пуль; 3) по 20 лотовъ—120 пуль; по 5-ти лотовъ—240 пуль; по 3 лота—1000 пуль.

(3) Картечь была: 1) фунтовая—40 пуль; 2) 20-ти лотовая—60 пуль; 3) 5-ти лотовая—240 пуль; 4) 4-хъ лотовая—500 пуль.

(4) Картечь была: 1) 20-ти лотовая—30 пуль; 2) 10-ти лотовая—60 пуль; 3) 5-ти лотовая—120 пуль; 4) 3-хъ лотовая—250 пуль.

(5) Картечь по 3 лота—30 пуль.

Сравнивая данныя таблицъ №№ 7, 20, 25 и 31 й, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое цыфровое сравненіе достоинствъ прежней артиллеріи (арміи Апраксина) и новой,— Обсерваціоннаго корпуса, относительно разрушительнаго дѣйствія, производимаго каждымъ понавшимъ снарядомъ, дальности стрѣльбы, а отчасти и подвижности.

1) Взявъ по одному калибру прежней артиллеріи и новой, получимъ слѣдующее число и родъ снарядовъ, бывшихъ въ полевой артиллеріи:

I. Въ арміи фельдмаршала Апраксина.

	Ядеръ.	Картечей.
На одну 12-ти фунтовую пушку	120	— 30
» » 8-ми » »	120	— 30
» » 6 ти » »	120	— 40
» » 3-хъ » »	120	— 30
	Бомбъ.	
» » 2-хъ пудовую мортиру	150	— » — »
» » 1 » гаубицу	120	— » — 30
» » ½ » »	120	— » — 30
Всего на батарею, образованную изъ одного орудія каждаго калибра прежней артиллеріи	390	— 480 — 190

II. Въ полевой артиллеріи Обсерваціоннаго корпуса

	Бомбъ.	Ядеръ.	Картечей
На одинъ 2 хъ пудовый единорогъ	100 *)	— »	— 50
» » 1 » »	80 *)	— »	— 70
» » ½ » »	60 *)	— 40	— 50
» » — малый »	50	— 10	— 40
Всего на батарею Обсерваціоннаго корпуса, образованную изъ одного орудія каждаго калибра новой артиллеріи	290	— 50	— 210

Выводя соотношенія на 1000 снарядовъ, мы получимъ цыфры, указанныя въ текстѣ, на страницѣ 61.

2) Дальность стрѣльбы видна изъ слѣдующей сравнительной *таблицы № 32-й.*

Названіе орудій артиллеріи арміи Апраксина.	Дистанціи стрѣльбы (1).	Названіе орудій новой полевой артиллеріи Обсерваціоннаго корпуса.	Дистанціи стрѣльбы (2).	Примѣчанія.
	шаги			
12-ти фунтовая пушка.	800	2-хъ пудовые единороги (бомбою)	сажени 1460	(1) Взяты отъ Вельяшева-Волынцева.
8-ми — — .	700	1 пуд. единор. (бомбою)	750—1400	
6-ти — — .	650	½ пуд. — — .	700—1100	(2) Смотри таблицу 31-ю.
3-хъ — — .	500			
	сажени	Малые единороги . .	500	
2-хъ пудовая мортира.	1015			
1 — гаубица.	856			
½ — — .	840			

*) Изъ нихъ 10 зажигательныхъ.

3) Сравнительная подвижность можетъ быть, до нѣкоторой степени, усмотрѣна при сравненіи близко подходящихъ между собою калибровъ.

Въ этомъ отношеніи 2 хъ пудовый единорогъ замѣняетъ собою скорѣе всего— 2-хъ пудовую мортиру. Хотя вѣсъ послѣдней (121 пуд. со станкомъ) и меньше 2-хъ пудоваго единорога (217 пудовъ), но, вслѣдствіе устройства своего станка, мортира была исключительно осадное орудіе, бывшее въ полевой артиллеріи случайно, за неимѣніемъ ничего лучшаго. 2 хъ же пудовый единорогъ, орудіе полевое, проектированное на первый случай и для осады (смотри примѣчаніе 153 къ главѣ 1 й). При сравненіи же 12 ти фунтовой пушки (вѣсъ 182 п.) съ 1 пудовымъ единорогомъ (101¾ пуд.), 8-ми фунтовой пушки (112 пуд.) съ ½ пуд. единорогомъ (70 пуд. 6 фун.) и даже 3-хъ фунтовой пушки (вѣсъ почти 40 пудовъ) съ «малымъ единорогомъ» (вѣсъ 30 пуд. 36 фун.), собственно относительно груза всей системы, — выгоды очевидны. Кромѣ того, разборный лафетъ, быть можетъ не вполнѣ совершенный для частой разборки,—но идеѣ указывалъ на стремленіе достигнуть наибольшей подвижности — сообразнымъ устройствомъ повозки (лафета).

ТАБЛИЦА № 35-й.

Названіе гарнизонныхъ полковъ, эскадроновъ и баталіоновъ съ 1711—1756 гг.

№№ по порядку.	Годъ основанія.	Названіе гарнизонныхъ полковъ въ царствованіе: Императоровъ: Петра I го. (I, II).	Императоровъ: Петра II-го. (I).	Императрицы Елизаветы до 1762 г. (I).
		А) ПѢХОТНЫЕ:		
		I. С.-Петербургскіе.		
1	Къ 1711	Комендантскій.	С.-Петербургскій.	С. Петербургскій.
2	—	Колтавской.	Невскій.	Невскій.
3	—	Бѣлозерскій.	Копорскій.	Копорскій.
4	—	Бухольцевъ.	Ямбургскій.	Ямбургскій.
5	—	Островскій	Кронштадтскій.	Кронштадтскій.
6	—	Левашевъ.	Кронлотскій.	Кронлотскій.
		II. Кексгольмскіе.		
7	—	Кексгольмскій.	Кексгольмскій.	Кексгольмскій.
8	—	Нарвскій.	Нарвскій.	Нарвскій.
		III. Выборгскіе.		
9	—	Карповъ.	Выборгскій.	Выборгскій.
10	—	Шутерина.	Коренскій.	Кюменегорскій.
11	—	Хотянцева.	Ивангородскій.	Фридрихсгамскій.
		IV. Ревельскіе.		
12		Ревельскій.	Ревельскій.	Ревельскій.
13		Эстляндскій.	Эстляндскій.	Эстляндскій.
14	—	Дерптскій.	Дерптскій.	Дерптскій.
		V. Рижскіе.		
15	-	Генер.-губернаторскій.	Лифляндскій.	Лифляндскій.
16	—	Вицъ-губернаторскій.	Эзельскій.	Эзельскій.
17	—	Рижскій.	Рижскій.	Рижскій.
18	—	Петергофскій.	Петергофскій.	Петергофскій
19	—	Динамюндскій.	Венденскій.	Венденскій.
20	—	Перновскій.	Перновскій.	Перновскій.
		VI. Московскіе.		
21	1726	Лейбъ-гвардіи отставной баталіонъ (III).	Московскій лейбъ-гвардіи баталіонъ.	
22	1711	Коробова 3-хъ баталіонный полкъ.	Коломенскій 3-хъ баталіонный.	

№№ по порядку.	Годъ основанія.	Названіе гарнизонныхъ полковъ въ царствованіе:		
		ИМПЕРАТОРОВЪ:		Императрицы Елизаветы до 1762 г. (I).
		(I, II). Петра I-го.	(I). Петра II го.	
		VII. Кіевскіе.		
23	1711	Оберъ комендантовъ.	Кіевскій	Кіевскій.
24		Комендантскій.	Черниговскій.	Черниговскій.
25	—	Кошелева.	Полтавскій.	Полтавскій.
26	—	Ушакова.	Стародубскій.	Стародубскій.
27	—	Рудакова.	Нѣжинскій.	Нѣжинскій.
28	(IV).	Комендантскій.	Глуховской.	Глуховской.
		VIII. Казанскіе.		
29	1711	Комендантскій.	Свіяжскій.	Свіяжскій.
30	—	Кушингамовъ.	Нижегородскій.	Нижегородскій.
31	—	Аненкова.	Пензенскій.	Пензенскій.
32	(IV).	Уфимскій.	Уфимскій.	Уфимскій.
33	—	Павловскій.	Павловскій.	Павловскій.
34	—	Бѣлгородскій.	Бѣлгородскій.	Бѣлгородскій.
35	—	Тамбовскій.	Тамбовскій.	Тамбовскій.
36	—	Коротоякій.	Коротоякій.	Коротоякій.
37	—	Елецкій.	Елецкій.	Елецкій.
38	—	Бахмутскій баталіонъ.	Бахмутскій баталіонъ.	Бахмутскій баталіонъ.
		IX. Сибирскіе.		
39	1711	С.-Петербургскій.	Тобольскій	Тобольскій.
40	—	Московскій.	Енисейскій.	Енисейскій.
41	(IV).	Якутскій 3-хъ баталіонный.	Якутскій 3-хъ баталіонный.	Якутскій 3-хъ баталіонный.
		X. Архангелогородскіе.		
42	—	Гулыцева.	Архангелогородскій.	Архангелогородскій.
43	(IV).	Мистерева.	Устюжскій.	Устюжскій
		XI. Смоленскіе.		
44	—	Смоленскій.	Смоленскій.	Смоленскій.
45	(IV).	Дорогобужскій.	Дорогобужскій	Дорогобужскій.
46	—	Великолуцкій баталіонъ.	Великолуцкій баталіонъ.	Великолуцкій баталіонъ.
		XII. Астраханскіе.		
47	—	Смоленскій.	Симбирскій.	Симбирскій.
48	—	Козловскій.	Самарскій.	Самарскій
49	—	Селиванова.	Царицынскій.	Царицынскій.

№№ по порядку.	Годъ основанія.	Названіе гарнизонныхъ полковъ въ царствованіе:		
		ИМПЕРАТОРОВЪ:		Императрицы Елизаветы до 1762 г. (I).
		(I, II). Петра I-го.	(I) Петра II-го.	
50	—	Терскій.	Терскій.	Терскій.
51	—	Ладожскій канальный	канальный	батальіонъ.
		Б). Драгунскіе.		
1	(IV).	Драгунскій шквадронъ	Московскій шквадронъ.	Московскій шквадронъ.
2	(IV).	Румянцова.	Казанскій	Казанскій.
3	(IV).	Воронежскій.	Воронежскій.	Воронежскій.
4	1736	Сибирскій	Сибирскій.	Сибирскій.
5	(IV).	Астраханскій.	Астраханскій.	Астраханскій.
6	1734	—	Оренбургскій.	Оренбургскій.
7	1734	—	Уфимскій.	Уфимскій.
8	1755	—	Новоучрежденный.	Новоучрежденный.
9	(IV).	Рославльскій шквадронъ.	Рославльскій шквадронъ.	Рославльскій шквадронъ.

(I). Взято изъ «вѣдомостей», приложенныхъ при меморіи «Изъ Государственной Военной Коллегіи въ Военную комиссію, отъ 9-го декабря 1762 года, слѣдующаго содержанія: «Минувшаго ноября отъ 12-го, промеморіею изъ оной комиссіи требовано о присылкѣ въ оную, сколько гарнизоннаго и ландмилиціоннаго войска, сколько именно знаній полковъ, въ какомъ нынѣ числѣ дѣйствительно содержатся съ отмѣтками, которые изъ нихъ полки и гарнизоны, по какимъ послѣднимъ указамъ или штатамъ учреждены, вѣдомости представляются». гдѣ и показано названіе полковъ въ царствованіе Петра I-го и Петра II-го. Относительно послѣдняго сказано: «Въ 1727 году ноября 11-го, по именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя Петра втораго въ Верховный Тайный совѣтъ указу, по донесенію Военной Коллегіи,—гарнизонные полки переименованы и нынѣ состоятъ», какъ и показано въ 4-й графѣ. (Московск. Отдѣл. Архива Главнаго штаба; опись 202, связка 32). Провѣркою же этого нами служили вѣдомости, доставленныя въ Конференцію (Тамъ же; опись 47, № $^{137}/_{150}$).

(II). Въ помянутой выше промеморіи изъ комиссіи былъ предложенъ Военной Коллегіи вопросъ: «въ какомъ состояніи гарнизоны *до вступленія Военной Коллегіи содержаны были*». На это Военная Коллегія отвѣчала: «По примѣрной 1711 года табели, взятой при началѣ Военной Коллегіи вступленіи въ свое правленіе изъ бывшей военной канцеляріи съ прочими вѣдомостями, положено гарнизонныхъ пѣхотныхъ полковъ 43, каждый въ осьми ротахъ. Въ нихъ людей: полкового штаба, 11-ть (перечисляетъ подробно); ротнаго штаба 1264 (рядовыхъ 1152, унт.-офицеровъ 82); неслужившихъ 208 (всего 1483 чел.); а по мѣстамъ, гдѣ сколько полковъ содержать по росписанію». «Въ томъ же 1711 году января 14-го, по именному блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя Петра Великаго указу повелѣно: раздѣлить по губерніямъ полки новые въ арміи будущимъ, а потомъ въ гарнизонахъ по даннымъ табелямъ. А въ табеляхъ, присланныхъ отъ Его Императорскаго Величества, въ ближнюю канцелярію написано: гарнизонныхъ пятьдесятъ восемь тысячъ человѣкъ, а полками пѣхотныхъ 39, одинъ не

полный и одинъ же баталіонъ, въ которомъ почиталося всѣхъ чиновъ 600, да остаточныхъ 160 человѣкъ. Того-жъ февраля 19-го, по именному Его-жъ Императорскаго Величества указу, состоявшемуся на учиненномъ въ ближней канцеляріи во время конселіума министровъ о расположеніи къ довольствію полковъ на дворовое число росписано и положено быть:

Губерніи.	Полки.	Баталіоны.	Сверхъ того людей.
Въ Московской.	2	—	120
— Петербургской	11	—	1160
— Кіевской	4	—	240
— Смоленской.	1	—	560
— Архангелогородской	1	—	560
— Казанской	3	1	80
— Азовской	6	2	160
— Сибирской	2	—	120
	30	3	3000

Сверхъ того въ Ригѣ, Ревелѣ и Перновѣ 10,000 человѣкъ. «А о вышнихъ полковъ, и въ которыхъ мѣстахъ оные поселѣно (росписаніе) взять (изъ дѣлъ) фельдмаршаловъ: бывшаго князя Меньшикова и покойнаго Шереметьева».

(iii) Тамъ же сказано: «Въ 1726 году, марта 19-го, по именному блаженныя и вѣчно достойныя памяти, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны указу велѣно изъ обрѣтавшихся въ Москвѣ гарнизонныхъ полковъ одинъ баталіонъ раскасовать въ комплектъ полевыхъ полковъ, а вмѣсто того баталіона опредѣлить въ Москвѣ баталіонъ изъ унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ изъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, кои назначены въ отставку, въ гарнизонную службу».

(iv) Между 1711 —1720 гг., но точно неизвѣстно. Въ табели же 1720 года штаты и названія этихъ полковъ—есть.

ТАБЛИЦА № 36-й.

Состав ландмилиціи.

Названіе чиновъ.	Украинск й (конныхъ).			З А К А М С К О Й.					Во всѣхъ.
				К о н н ы х ъ.			П ѣ ш и х ъ.		
	Въ 1-мъ полку.	Число полковъ	Во всѣхъ.	Въ 1-мъ полку.	Число полковъ	Во всѣхъ.	Въ 1-мъ полку.	Число полковъ	
Штабъ и оберъ-офицеровъ.	40	(1) 20	(2) 803	36	(1) 3	(2) 108	30	(1) 1	(2) 938
Унт.-офицеровъ и рядовыхъ.	968	—	19360	990	—	2970	1224	—	23554
Всѣхъ чин. съ нестроевыми.	1165	—	23300	1059	—	3177	1281	—	27758

(1) Названіе въ таблицѣ 37-й.

(2) Взято изъ донесенія Военной Коллегіи въ Конференцію (М. О. Арх. Главнаго штаба, опись 47, № 137/140).

ТАБЛИЦА № 37-й.

Названіе полковъ ландмилиціи.

НАЗВАНІЕ ПОЛКОВЪ.				ПРИМѢЧАНІЯ.
Годъ основанія.	УКРАИНСКОЙ.	Годъ основанія.	ЗАКАМСКОЙ.	
	«На линіи».		*Конные.*	(1) Составлено изъ экстракта о бывшихъ ландмилиціонныхъ полкахъ, опись 121, связка 32, № 68.
(2)	Лівенскій.	1736	Шешминскій.	
(2)	Тамбовскій.			
	Борисоглѣбскій.	—	Билярскій	(2) Основаны 1731 г., кромѣ 4-хъ сформированныхъ 1729 года.
1723	Орловскій.			
	Ефремовскій.	—	Сергіевскій.	
(2)	Слободскій.			
	Козловскій.		*Пѣшіе.*	
	Ряжскій.			
	Бѣлевскій.	—	Алексѣевскій.	
	«Въ дистриктахъ».			
1723	Рыльскій.			
(2)	Бѣлгородскій.			
	Елецкій.			
	Новооскольскій.			
1723	Курскій.			
1723	Брянскій.			
(2)	Воронежскій			
	Валуйскій.			
1723	Сѣвскій.			
(2)	Старооскольскій.			
1723	Путивльскій.			

Таблица № 38-й. [1]

Названіе дивизій мирнаго временп.	Мѣстные раіоны, въ которыхъ всѣ войска и учрежденія подчинялись начальнику мѣстной дивизіи, приравненная къ настоящему подраздѣленію на округа.	ПРИМѢЧАНІЯ.
1) Московская [2] (съ 1755 г. ген. Бутурлина).	Раіонъ нынѣшняго Московскаго военнаго округа, за исключеніемъ нынѣшней Смоленской и Тамбовской губерній, но съ присоединеніемъ Казанской губерніи.	[1] Данныя для составленія этой таблицы взяты изъ нѣсколькихъ документовъ: «Репортиціи» о расположеніи арміи на винтеръ-квартирахъ 1755-1756 гг. (М. О. Ар. Г. Ш. секретныя экспедиціи № $^{112}/_{115}$) Донесеніе В. Коллегіи Бестужеву (см. примѣч. 1-е къ главѣ I-й). Донесеніе той-же Коллегіи Конференціи. (Тамъ-же; опись 47, № $^{139}/_{142}$); а равно переписка по сосредоточенію арміи Апраксина (Тамъ-же, опись 47, № $^{148}/_{151}$).
2) С.-Петербургская (гр. А. П. Шувалова).	Раіонъ нынѣшняго Петербургскаго военнаго округа, но безъ Псковской и Новгородской губерній.	
3) Лифляндская (гр. А. П. Шувалова).	Лифляндія и настоящія-Псковская и Смоленская губерніи.	[2] Войска, находящіяся въ Оренбургскомъ краѣ и въ Сибири «съ ихъ генералитетомъ», подчинялись непосредственно мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ; но «генералитетъ» относился не непосредственно въ В. Коллегію, а черезъ начальника Московской дивизіи.
4) Украинская (гр. П. С. Салтыкова).	Харьковскій округъ.	
5) Новгородская (ген. В. В. Фермора).	Новгородская губ. Ладожскій и Шлиссельбургскій уѣзды.	

Таблица № 39-й.

Списокъ генераловъ и бригадировъ за 1755 годъ.

№№ по порядку.	«По табели 1720 года по воинскому штату и по особливымъ Ея Императорскаго Величества указамъ генералитета при арміи положено». Число чиновъ.	„На лицо состоитъ".	„При какой должности".
	Генералъ-фельдмаршаловъ 2.	«Нынѣ оныхъ не состоитъ».	
1	Генераловъ полныхъ (аншефовъ) 6-ть.	Александръ Борисовичъ *Бутурлинъ*.	При Ея Императорскомъ Величествѣ генералъ-адъютантъ. Дѣйствительный камергеръ и лейбъ-гвардіи подполковникъ. Имѣетъ команду надъ обрѣтающимися въ Москвѣ и около оной полками и присутствуетъ въ Сенатѣ.
2	—	Степанъ Ѳеодоровичъ *Апраксинъ*.	Лейбъ-гвардіи подполковникъ и присутствующій въ Военной Коллегіи.
3	—	Графъ Александръ Ивановичъ *Шуваловъ*.	При Ея Императорскаго Величествѣ генералъ-адъютантъ. Дѣйствительный камергеръ. Въ лейбъ-кампаніи поручикъ и имѣетъ команду надъ обрѣтающимися въ Петербургѣ и около онаго и въ Финляндіи полками.
4	—	Графъ Петръ Ивановичъ *Шуваловъ*	При Ея Императорскаго Величествѣ генералъ-адъютантъ. Дѣйствительный камергеръ. Лейбъ-кампаніи подпоручикъ. Государственный межевщикъ. Имѣетъ команду надъ обрѣтающимися въ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи полками.
5	—	Графъ Петръ Семеновичъ *Салтыковъ*.	При Ея Императорскаго Величествѣ дѣйствительный камергеръ: имѣетъ команду надъ состоящими на Украйнѣ и въ Малороссіи полками

№№ по порядку.	«По табели 1720 года по вонискому штату и по особливымъ Ея Императорскаго Величества указамъ генералитета при арміи положено». Число чиновъ	„На лицо состоитъ".	„При какой должности".
6	—	Юрій Григорьевичъ фонъ-*Лиевенъ*.	Лейбъ-гвардіи въ конномъ полку подполковникъ и въ учрежденной при Военной Коллегіи комиссіи.
7	—	Вилимъ Вилимовичъ фонъ-*Фермморъ*.	Имѣетъ команду надъ обрѣтающимися въ Новгородѣ, Ладогѣ и Шлиссельбургѣ полками и присутствуетъ въ канцеляріи надъ строеніемъ Ея Императорскаго Величества домовъ и садовъ главнымъ командиромъ.
8	«Генералъ-лейтенантовъ 10-ть; да при ландмиліціи 1-нъ».	Василій *Лопухинъ*.	Въ Ригѣ, при командѣ.
9		Фонъ-*Броунъ*.	При Лифляндской командѣ.
10	—	Петръ *Стрѣшневъ*.	Въ Москвѣ, при командѣ.
11	—	Иванъ *Салтыковъ*.	При Лифляндской командѣ.
12	—	Князь Иванъ *Прозоровскій*.	При Украинской командѣ.
13	—	Гр. *Дивіеръ*.	При ландмилицкомъ Украинскомъ корпусѣ.
14	«Генералъ-маіоровъ 20-ть; да при такого-жъ рода генералъ-квартирмейстеровъ 2; да при ландмиліціи 2».	Яковъ Фроловъ *Багрѣевъ*.	Въ Москвѣ, при слѣдствіи о фальшивыхъ векселяхъ комиссіи.
15		Князь Александръ *Голицынъ*	При С.-Петербургской командѣ
16		Денисъ *Рыдеръ*.	Въ Сибири, при полевыхъ драгунскихъ полкахъ.
17	—	Иванъ *Зыбинъ*.	При Украинской командѣ.
18	—	Вилимъ *Лиевенъ*.	При Лифляндской командѣ.
19	—	Иванъ фонъ-*Бауманъ*.	Тоже.
20	—	Иванъ *Шилинъ*.	При Оренбургскихъ полкахъ.
21	—	Густавъ ф.-*Альбединъ*.	Въ дивизіи генералъ-аншефа Вилима Вилимовича Фермора.
22	—	Петръ *Олица*.	При Лифляндской дивизіи.
23	—	Александръ *Загряжскій*.	При Московской дивизіи.
24	—	Князь Григорій *Мещерскій*.	При Украинской дивизіи.
25	—	Иванъ *Мордвиновъ*.	При ландмилицкомъ Украинскомъ корпусѣ.

№№ по порядку.	«По табели 1720 года по воинскому штату и по особливым Ея Императорского Величества указам генералитета при армии положено». Число чинов.	„На лицо состоитъ“.	„При какой должности“.
26	—	Графъ Петръ *Румянцевъ*.	При Лифляндской дивизіи.
27	—	Гр. Захаръ *Чернышевъ*.	При Лифляндской дивизіи.
28	—	„*Вимбау*“.	Генералъ-квартирмейстеръ при Лифляндской дивизіи.
29	—	Фонъ-*Кадеусъ*.	Въ дивизіи В. В. Фермора.
30	—	Князь Василій *Долгоруковъ*.	При С. Петербургской дивизіи.
31	—	Яковъ *Толстой*	При Лифляндской дивизіи.
32	—	Цеге-фонъ-*Мантейфель*.	Тоже.
33	—	*Пальменбахъ*	При дивизіи В. В. Фермора.
34	—	Петръ *Панинъ*.	При С.-Петербургской дивизіи.
35	—	Николай *Леонтіевъ*.	Тоже.
36		Яковъ *Фастъ*.	Тоже.
37	—	Князь Михаилъ *Волконскій*.	При Московской дивизіи.
38	—	Александръ *Лачиновъ*.	При Украинскомъ ландмилицкомъ корпусѣ.
39	—	Князь Сергѣй *Вадбольскій*.	При состоящихъ въ Оренбургской губерніи полкахъ.
	Бригадировъ 20.		
1	Да при ландмилиціи 2.	Михаилъ *Тютчевъ*.	При Украинской командѣ.
2	—	Князь Аѣраамъ *Путятинъ*	При Московской дивизіи.
3	—	Фабіанъ *Тизенгаузенъ*.	Въ Казани, при пѣхотныхъ полкахъ.
4	—	*Фраундорфъ*.	При Оренбургскихъ полкахъ.
5	—	Вилимъ *Брынъ*.	При Украинской дивизіи.
6	—	Селиверстъ *Гартвигъ*.	При Лифляндской дивизіи.
7	—	Иванъ *Брахвестъ*.	При С.-Петербургской дивизіи.
8	—	Фонъ-*Дигъ*	При Лифляндской дивизіи.
9	—	Иванъ фонъ-*Трейденъ*	Въ дивизіи В. В. Фермора.
10	—	Петръ *Племянниковъ*.	При С.-Петербургской дивизіи.
11	—	*Шумерсъ*.	При Лифляндской дивизіи.
12	—	Севастьянъ *Гартвигъ*.	Тоже.
13	—	*Штофельнъ*.	Въ должности генералъ-квартирмейстера.

№№ по порядку.	«По табели 1720 года по вонисному штату и по особливымъ Ея Императорскаго Величества указамъ Генералитета при арміи положено». Число чиновъ.	„На лицо состоитъ".	„При какой должности".
14	—	Алексѣй *Мельгуновъ*.	При С.-Петербургской дивизіи и въ Ингерманландскомъ полку полковникомъ.
15	—	Ѳедоръ *Уваровъ*.	При Украинской дивизіи.
16	—	Фонъ *Бергъ*.	При Лифляндской дивизіи.
	Комиссаріатскихъ и провіантмейстерскихъ чиновъ.		
1	Генералъ-кригсъ-комиссаръ 1.	Князь Яковъ *Шаховской*	На лицо.
2	Генералъ-провіантмейстеръ.	Князь Семенъ *Волконскій*.	Тоже.
3	Оберъ-штеръ-кригсъ-комиссары 2.	*Аршеневскій*. *Карабановъ*	Тоже.

Примѣчаніе. Чины артиллеріи и инженернаго корпуса показаны въ особой вѣдомости. (Смотри таблицу № 9 и списки №№ 1 и 2).

ТАБЛИЦА № 40-й.

При генералахъ канцелярскихъ служителей.

Званіе канцелярскихъ служителей.	Число чиновъ при:					
		При генералахъ.				
	Генералъ-фельдмаршалѣ.	Полныхъ.	Лейтенантѣ.	Маіорѣ.	Бригадирѣ.	При всѣхъ прочихъ.
Секретарь (1) . .	2	1	—	—	—	—
Нотаріусовъ (2) .	1	—	—	—	—	—
Регистраторовъ (3).	1	—	—	—	—	—
Канцеляристовъ .	1	1	1	—	—	—
Писарей	2	2	1	1	1	1
Деньщиковъ . . .	16	12	8	6	По чину.	
Извозчиковъ . . .	3	1	1	—	—	—
Переводчиковъ . .	—	1	—	—	—	—

(1) Ранга: капитанъ—поручика.

(2) Подпоручика.

(3) Прапорщика.

Таблица № 41-й.

Составъ штаба при генералахъ по табели 1720 года и измѣненія въ 1753 году.

№№ по порядку.	Число чиновъ по штатамъ. 1720 г.	1753 г.	Званіе чиновъ и состоящихъ при нихъ лицъ	Число чиновъ штаба генераловъ по штатамъ. 1720 г.	1753 г.	Примѣчанія.
1	2	2	Генералъ-фельдмаршаловъ.			(1) Въ чинѣ полковника.
			(3) Генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантовъ (1). . .	2	2	(2) Въ чинѣ подполковника.
			(3) Генералъ-аудиторъ (2). .	1	1	(3) Составляли генеральный штабъ.
			(3) Генер.-вагенмейстеровъ (2).	2	2	
			(3) Генер.-гевальдигеровъ (2).	2	2	(4) Въ рангѣ маіора.
			При генералъ-фельдмаршалѣ.			(5) Въ рангѣ капитана.
			Генералъ-адъютантовъ (2) . .	1	1	(6) Въ этомъ случаѣ положеніе не измѣнилось, но только увеличило число чиновъ, сообразно увеличенному штату генераловъ.
			Флигель-адъютантовъ (5) . .	2	2	
2	5	6	Генераловъ полныхъ.			
			При нихъ:		(6)	
			Генералъ адъютантовъ (4) . .	1	1	(7) Въ рангѣ поручика.
			Флигель-адъютантовъ (5) . .	2	—	(8) Въ рангѣ прапорщика.
3	5	10	Генералъ-лейтенантовъ.			(9) При всѣхъ ниже помянутыхъ чинахъ (кромѣ священниковъ) была только канцелярія.
			При нихъ:			
			Адъютантовъ.	1	1	
			Флигель-адъютантовъ (5) . .	1	1	
4	10	20	Генералъ-маіоровъ.			
			При нихъ:			
			Флигель-адъютантовъ (7) . .	1	1	
5	10	20	Бригадировъ.			
			При нихъ:			
			Флигель-адъютантовъ (8). .	1	1	
6	2	2	Вышнихъ полковыхъ священниковъ (9)	(9)	(9)	
7	6	7	Докторовъ.			
8	5	6	Оберъ-квартирмейстеровъ (4).			
9	2	2	Квартирмейстеровъ въ рангѣ капитана.			
10	6	7	Оберъ-аудиторовъ.			
11	2	2	Штабъ-фуріеровъ (8).			
12	4	4	Подмастерья аптекарскіе.			
13	4	4	Аптекарскихъ учениковъ.			

Таблица № 43-й

(Къ примѣч. 34).

Заготовка запасовъ генераломъ Зыбинымъ для конницы къ февралю 1757 г.

Названіе магазиновъ.	Четверти.	Пуды.	Примѣчанія.
Для 1-й колонны.			Заготовлялъ запасъ капитанъ Гернсдорфъ.
«Въ Оршѣ и въ околичности».			
Муки.	1726		«Сверхъ того (сказано въ донесеніи Зыбина отъ 23-го февраля 1787 г.) въ помянутые магазейны сколько потребно, такъ и отъ иныхъ мѣстъ въ учреждаемые магазейны провіантъ и фуражъ со всякимъ прилежаніемъ приготовляется».
Крупъ	117		
Овса	3630		
Сѣна.	—	24349	
Для 2-й колонны.			
«Въ Чечерникѣ и въ околичности онаго по тракту къ Минску и въ Минскѣ».			
Муки.	4426		
Крупъ	300		
Овса и ячменя.	8552		
Сѣна.	—	76005	
Для 3-й колонны.			
«Отъ границъ до Мозыря и въ Мозырѣ».			
Муки.	466		
Крупъ	95		
Овса	1362		
Сѣна.	—	30331	
Всего			
Муки.	6618		
Крупъ	512		
Овса	13544		
Сѣна.	—	130685	

ТАБЛИЦА № 44-й.

(Къ примѣч. 34).

Состояніе запасовъ въ магазинахъ для главной арміи намъ извѣстно по свѣдѣніямъ къ 27 октября 1757 г.; но мы не имѣемъ права оставить безъ вниманія этихъ свѣдѣній и по отношенію къ началу 1757 г. потому, что эти запасы есть остатокъ отъ бывшихъ заготовокъ еще весною 1757 г. Если-бы перевозочныя средства были правильно организованы, то арміи не осталась-бы безъ довольствія. Сначала разсчитывали эти запасы сплавлять по рѣчнымъ линіямъ, но вслѣдствіе обмеленія всѣ запасы остались нетронутыми до октября 1757 г.

Названіе пунктовъ расположенія магазиновъ.	Муки.	Ржи.	Сухарей.	Крупъ.	Овса.	Ячменя	Сѣна.	Соломы
	ЧЕТВЕРТИ.						ПУДЫ.	
Ковно	5931	328	пуды —	—	375	1043	—	—
Въ Вилькахъ *) (2 м. отъ Ковно)	808	—	220	—	—	160	—	—
Новое Мѣсто (10 м. отъ Ковно и столько-же отъ Вильковіра)	1471	69	—	—	—	—	1551	—
Вильковіръ	1596	—	—	—	—	сѣчки 50	4656	спон. 500
Мыза Колкъ (противъ Динабурга)	11000	—	—	930	10700	—	—	—
Вильно	4637	—	—	—	100	ячменя 363	19346	580 и
Гродно	14141	—	—	767	4746	сѣч 562 663	2445	98 возъ. —
Немировъ	8505	—	—	627	1569	1311	—	—
Столбцы	9193	14145	—	1068	1290	7401	3182	спон. 600
ВСЕГО	57282	14542	220	3392	18780	4781	31180	1680 и
Митава	7176—7	13259—2	—	846—4	6265	787—5	26896 и 19 ф.	98 возъ.
Бовскъ	5675—6	341—5	—	423—3	2260-6	12—6	3950	—
Фраунбургъ	326—7	170—5	—	403	—	—	—	—
Талзинскъ	73—6	504—4	—	74—6	—	—	—	—
Эзернъ	483—7	6—1	—	470	3—5	—	—	—
Либава	2877—7	302	184—3	992—4	1607-6	—	—	—
	1200 к.**)	—	—	—	6180**)	—	—	—
ВСЕГО	16615 и 1200 куд.	14584	184—3	3210	16317	4056-4	184022	—
Мемель	13050	4472	—	815	32918	—	1489	—
Рига	188817	—	—	16523	9335	245	—	—
Динамюндъ	3548	749	—	463	4	—	—	—
Пиркюль	35423	—	—	1222	—	—	—	—
Аперопскъ	4275	136	—	—	—	—	—	—
Ковенгаузенъ	7329	527	—	—	—	—	—	—
ВСЕГО	252442	5884	—	19023	42257	245	1489	—

*) Запасы показаны за расходомъ по удовлетворенію регулярной конницы при обратномъ слѣдованіи.

**) Прямо сказано, что доставлено флотомъ изъ Петербурга.

ТАБЛИЦА № 45-й.

(Къ примѣчанію 34).

Состояніе запасовъ въ отрядѣ Румянцёва на Двинѣ къ 8 апрѣля 1757 года.

Въ магазинахъ.	Овса.	Ячменя.	Сѣна.	Примѣчаніе.
	четв.	четв.	пуды	
Крейцбургскомъ. . .	340	—	—	*) «Для Донскихъ казаковъ» были запасы въ слѣдующихъ пунктахъ.
Ливенгофскомъ . . .	276	344	14090	
Лиценскомъ	46	380	5728	
Динабургскомъ . . .	60	853	4009	
Краслявскомъ . . .	—	—	—	
*) Преклахъ . . .	228	100	4500	
*) Фекманахъ . .	250	27	3850	
*) Прекльме . . .	62	67	1319	
*) Режицѣ . . .	182	66	4822	
*) Дагдѣ	250	—	3750	
	1694	1837	42068	

ОГЛАВЛЕНІЕ

приложеній

къ 1-му выпуску

„РУССКАЯ АРМІЯ ВЪ СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ“.

		Страницы.
1.	а) Критическій разборъ сочиненій: князя Н. С. Голицына, Пекарскаго и С. Соловьева	1—33
2.	Болотова—«Жизнь и приключенія Андрея Болотова...»	34—49
3	М. Семевскаго—«Противники Фридриха Великаго» (Апраксинъ и Бестужевъ—Рюминъ)	49—61
4.	Ласковскаго—«Матеріалы для исторіи инженернаго искусства... и Глиноецкаго—«Исторія русскаго генеральнаго штаба...»	61—77
5.	Приложеніе 1-е. Перечень документовъ Московскаго отдѣленія Архива Главнаго штаба	78—79
6.	Приложеніе 2-е. Тоже—Главнаго Архива Иностранныхъ дѣлъ	80— »
7.	Приложеніе 3-е. Тоже—Воен.-Ученаго Архива Главнаго штаба	81—82
8.	Приложеніе 4-е. Списокъ офицеровъ бывшихъ въ Инженерномъ полку передъ войною 1757 г.	83—84
9.	Приложеніе 5-е. Списокъ инженеровъ, назначенныхъ въ армію Апраксина	85— »
10.	Примѣчанія подъ лит. б и в	86—87
11.	Примѣчанія къ 1-й главѣ	88—224

ИЗЪ ИХЪ ИМѢЮЩІЯ ОСОБЫЙ ИНТЕРЕСЪ:

12.	Общія основанія военно-конской повинности (47-е примѣчаніе).	93—97
13.	Причины некомплекта русской арміи (57-е примѣчаніе).	98—104
14.	Организація Обсерваціоннаго корпуса гр. П. И. Шувалова (62-е примѣчаніе).	104—117
15.	Реорганизація русской регулярной конницы (72-е и 73-е примѣчанія)	118—128
16.	Первыя распоряженія для сосредоточенія русской арміи въ мартѣ 1756 г. (78-е примѣчаніе).	129—131
17.	Первый драгунскій уставъ подъ заглавіемъ—«Краткое положеніе съ нужнѣйшими объявленіями при обученіи (конпаго)	

Страницы.

драгунскаго строя...». Копія съ рукописи Румянцевскаго музея 147—154
18. Краткій разборъ этого устава . . . . . 154—155
19. «Экзерциція конная въ полку Его Императорскаго Высочества» напечатано съ рукописи М. Отд. Архива Главнаго штаба . . . . . 155—164
20. Правила о мѣрномъ шагѣ . . . . . » —168
21. Приложеніе 6-е. Перечень и краткій разборъ документовъ, для характеристики строя пѣхоты и конницы русской арміи до 1756 г. . . . . 168—172
22. Образцы боевыхъ дѣйствій «нерегулярной» конницы въ 18-мъ стол. до Семилѣтней войны . . . . . 181—194
23. «Пункты», утвержденныя Императрицею Елизаветою для переформированія арміи Фермора . . . . . 203—210
24. Устройство школъ для солдатскихъ дѣтей, до 1762 г. . 212—216
25. Указъ Петра Великаго о производствѣ въ чины . . . 222—
26. Примѣчанія ко 2-й главѣ . . . . . 225—230
27. Тоже, къ 3-й главѣ . . . . . 231—234
28. Тоже, къ 4-й главѣ . . . . . 234—266
29. Манифестъ Императрицы Елизаветы 16-го августа 1757 г. (Объявленіе войны Фридриху Великому. 15-е примѣчаніе). 240—242
30. Подробный разборъ переписки между Конференціею и Апраксинымъ относительно плана кампаніи 1757 г. . . . 243—266
31. Примѣчанія къ главѣ 5-й . . . . . 267—272
32. Тоже къ главѣ 6-й. . . . . 273—279
33. Тоже къ главѣ 7-й. . . . . 280—285
34. Приказъ при паролѣ, отданный по русской арміи 18 августа 1757 года . . . . . 281—283
35. Примѣчанія къ главѣ 8-й. . . . . 286—288

ВѢДОМОСТЬ ТАБЛИЦАМЪ, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ КОНЦѢ ПРИЛОЖЕНІЙ.

№№ таблицъ.

1. Составъ арміи подъ начальствомъ Апраксина и дислокація войскъ: а) до начала формированія дѣйствующей арміи и б) зимою 1756—1757 гг. . . . . 9 [1])

---

[1]) Таблица № 1 Вѣдомость некомплекта войскъ внутри имперіи въ 1757 г. . . . . Стр. 102 прилож.
Таблицы №№ 2 и 3. Составъ и вооруженіе Обсерваціоннаго корпуса » 103 »
» №№ 4, 5, 6, 7 и 8. Расходы и составъ артил. того же корпуса . . . . . 109—113

№№ таблицъ.

2. Дислокація частей русской арміи: не вошедшихъ въ составъ дѣйствующей арміи 10
3. Вѣдомость пополненія кираспрскаго отряда Румянцевымъ лошадьми по конской повинности . . . . . 11 [1])
4. Составъ «нерегулярной» конницы и денежные расходы на ихъ содержаніе по штатамъ 1740 и 1755 гг. . . . . 14 и 15 [2])
5. Составъ полковой артиллеріи 19
6. Тоже полевой артиллеріи. 20
7. Штатъ артиллерійскаго и инженернаго корпуса къ 1756 г. 21
8. Общій составъ осадной артиллеріи и осаднаго парка арміи Апраксина 22
9. Составъ крѣпостной артиллеріи каждой изъ русскихъ крѣпостей къ 1756 г. 23
10. Составъ батареи изъ «новоизвентованныхъ» (Шуваловскихъ) орудій 24
11. Составъ полевой артиллеріи арміи Апраксина 25
12. Составъ «армейскаго магазина» арміи Апраксина . . . . 27 [3])
13. Составъ «магазина» осадной артиллеріи арміи Апраксина. 28
14. Артиллерійскіе запасы Петербургскаго и Московскаго арсеналовъ 1755 г. 29
15. Количество пороха въ тѣхъ же арсеналахъ 1755 г. . . . 30
16. Вѣдомость «Шуваловской» артиллеріи въ составѣ арміи Фермора 31
17. Сравнительная вѣдомость дальности огня артил. арміи Апраксина и Шуваловскаго корпуса 32
18. Штатъ гарнизонныхъ войскъ . . . . . 34 [4])
19. Названіе гарнизонныхъ полковъ въ царствованіе Императора Петра I, Петра II и Императрицы Елизаветы. 35
20. Штатъ ландмиліціи 36
21. Названіе полковъ ландмиліціи 37
22. Раіоны мѣстныхъ дивизій Россіи къ 1756 г. 38
23. Списокъ генераламъ и бригадирамъ за 1755 г. 39
24. Штатъ служителей при генеральскихъ канцеляріяхъ . . . 40

---

[1]) Таблица № 12 выясняетъ конскій составъ регулярной конницы въ началѣ 1758 г. . . . . Стр. 143 прилож.
Таблица № 13—Штатъ гусарскихъ полковъ въ 1756 г. . . » 172 »

[2]) Таблица №№ 16, 17 и 18 къ штатамъ нерегулярныхъ войскъ. » 175—178 »

[3]) Таблица № 26 общаго состава арміи Апраксина, на стр. 68 текста.

[4]) Таблица 33 (Составъ командъ отъ ландмиліціи при калмыкахъ) въ примѣчаніи 181 къ главѣ 1-й, стр. 197 приложеній.

№№ таблицъ.

25 Составъ штабовъ, бывшихъ при начальникахъ русской арміи . 41
26. Состояніе запасовъ въ магазинахъ, заготовленныхъ для конницы, слѣдовавшей съ Днѣпра къ Нѣману . . . . . 43 *)
27. Тоже, запасовъ для главной арміи въ Литвѣ и Курляндіи . 44
28. Тоже, для коннаго отряда Румянцева 45

Остальныя таблицы вошли въ приложеніе:

	№№ таблицъ.	Стран.
Составъ конной артиллеріи Слободскихъ полковъ	безъ номера.	180
Состояніе запасовъ въ Лифляндіи	безъ номера.	227
Составъ польскихъ и литовскихъ войскъ	46	237
Составъ отряда Фермора.	47	269
Вѣдомость числа жителей Мемельскаго дистрикта.	48	274
Вѣдомость деньгамъ и вещамъ взятымъ въ Мемелѣ	49	275
Вѣдомость потеримъ артиллерійскаго имущества арміи Апраксина при отступленіи	50	288
Приложеніе 7 е. Дислокація арміи Апраксина осенью 1757-года		

*) Таблица 42 (стоимость русской монеты въ войну 1757 г.) на стр. 228 приложенія.

ОПЕЧАТКИ

А) Въ текстѣ

СТРАНИЦЫ.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
12	11 сверху	рядоваго 7. 8. 15	рядового 8. 15.
—	16 —	хозяйство.	хозяйство. 7
13	1 снизу	Наемъ.	Наемъ, 24
14	3 —	1755 г. 35.	1755 38.
15	4 сверху	1757 г.	1757 41
16	12 снизу	дезертиретвомъ. 45	дезертиретвомъ.
17	17 —	армію. 44	армію. 46
21	5 сверху	компанію	кампанію
22	11	полковъ;	полковъ; 53
24	7 —	рекрутами». 75	рекрутами». 57
36	11 —	Ливена.	Ливена. 86
46	7 —	увеличиныхъ	увеличеныхъ
51	7 снизу	правительства. 182	правительства. 132
67	1 —	ошибкахъ.	ошибкахъ. 158
68	1 сверху	Апраксина.	Апраксина (таблица № 26).
75	14 снизу	разъ.	разъ. 177
76	2 сверху	главнокомандующему.	главнокомандующеиу. 158
—	3 снизу	профосъ.	профосъ. 178
85	12 сверху	1756 г.)	1756). 11
—	16 —	договорѣ	договорѣ.
86	1 снизу	$^{128}/_{141}$.	$^{128}/_{131}$.
96	1 —	Зыбина. 38	Зыбина. 48
105	9 —	путь очистить» 71.	провіантомъ, путь очистить». 63
129	4 —	дипломатами:	дипломатами,
144	10 сверху	замѣчено,—	замѣчено,— 15
163	5 —	славно	славою
—	3 снизу	помѣстится.	умѣстятся,
—	5 —	введеніе	введете вы
164	3 —	будуть	будучи...
—	8 —	сіи	сіи...
—	9 —	Польшу	Польшу...вступить
165	2 —	стоять	стоять только
—	19 —	ободрить.	ободрять,
191	2 сверху	6000	7500
—	6 —	До 3000. До 20000	До 30000. До 22000
195	2 —	положеніе:	положеніе: 12
204	6 —	въ сентябрѣ. 29	въ сентябрѣ. 24
212	1 снизу	свѣдѣній.	свѣдѣніи. Положеніе Дондера неизвѣстно Смотри планъ 2.
231	6 сверху	$^1/_2$ фунтовою	$^1/_2$ пудовую.
242	17 —	прекратили».	препратили». 40
243	15 снизу	Матлакенъ. 56	Матлакенъ. 41
244	6 сверху	командировъ. 49	командировъ 52
246	6 —	милицію.	милицію 46

СТРАНИЦЫ.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
—	18 —	кирасиръ. 62	кирасиръ. 47
259	2 —	можетъ». 61	можетъ». 60
280	4 —	Финкенштейна. *)	Финкенштейна *) 14.
281	5 —	рекогносцировать»	рекогносцировать». 17
-	10 —	выити	выйти
282	7 —	на Удербалепъ	на Даупелькенъ
283	7 снизу	пришелъ» 15	пришелъ» 20.
285	9 сверху	стали». 17	стали». 21
-	2 снизу	14 «О Строевой	140 «Строевой
287	3 сверху	драгунскаго.	драгунскаго. 22
305	18 снизу	расчитывая,	разсчитывая,
310	3 —	Захаровымъ,	Захаромъ
316	12 —	Таніаву)	Таніау) 12
—	16 —	результатовъ.	результатовъ. 11
318	9 —	6-ти полковъ	7-ми полковъ
320	6 —	Голштинскаго.	Голштинскаго. 26
322	14 сверху	армію	арміею

Б) ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ

15	4 сверху	потребному	потребномъ
—	11 —	уясненія,	уясненія.
20	15 снизу	«Прямое	Прямое
44	9 —	Долгорукій	Долгоруковъ
49	12 —	повліяло	повліяла
57	19 —	замозабвенія,	самозабвенія,
64	1 сверху	Ласковокаго	Ласковскаго
66	1 —	устроствъ	устройство
71	5 снизу	некомплекту,—	некомплекту,—
76	4 сверху	(замѣненному,	замѣненному,
—	6 —	квартирмейстерами)	квартирмейстерами),
—	15 —	приставлять	пристойные
78	4 сверху	Названіе связокъ.	Названіе связокъ по 47 описи.
80	1 —	Поречень	Перечень
94	3 снизу	карасирскіе	кирасирскія лошади
	2 —	гренадерскіе и драгунскіе 5 аршинъ	Гренадерскія и драгунскія 2 аршина.
	1 —	Подъемные	Подъемныя
101	6 —	50000	20000
109	8 —	260000	210000
113	1 сверху	все	всѣ
147	7 —	обучити устройствамъ,	обучити на конихъ строй-ствомъ,
157	15 —	шквадрона,	шквадрону,
165	12 снизу	заряжаніе	заряжанія
172	11 —	примѣчанія 4-мъ	примѣчанія 104-мъ
Таблица № 9	12 —	1-й Орпусъ	1-й корпусъ
— 14	1 снизу	на всѣхъ 70284 р.	на всѣхъ 80284
— 15	въ 4 графѣ	Жалованья	Жалованья въ рублихъ
— 19 стр. 4.	во 2 графѣ	Спорѣлинская мыза	Стрѣлинская мыза.

СЕМИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ

отъ начала кампаніи до занятія русскими Кенигсберга

1756–1758 г.г.

Масштабъ

Дороги проведены на основаніи данныхъ архивныхъ документовъ.

Двумя чертами показаны главные операціонные и коммуникаціонные пути.

Чертилъ топографъ Коломинъ.

Схема № 3
Мемель
Шварцортъ
Прекульсъ
Гейденъ-Кругъ
Руссъ
Куришъ Гафъ
Тильзитъ
Р. Нѣманъ
Юрбургъ
Рагнитъ
Ковно
Кенигсбергъ
Тапіау
Велау
Инстербургъ
Гумбиненъ
Столупяны
Вержболово
Каркауяны
Даркеметъ
Гольдапъ
Олецко
Гродно
Гданскъ
Диршау
Мариенбургъ
Меве
Маріенвердеръ
Грудецъ
Р. Висла
Торунь
Пиллау

Схема № 4
Р. Прегель
Велау
Велаускій лѣсъ
Норкитенскій лѣсъ
Астравишкинскій лѣсъ
Илишкенъ
Тракишкеменъ
Вилькендорфъ
Таплакенъ
Петерсдорфъ
Калененъ
Кутлакенъ
Пливишкенъ
Варнтенъ
Вонгечингенъ
Пуштдорфъ
Гр. Егерсдорфъ
Кл. Егерсдорфъ
Кл. Нуръ
Ешенбрукъ
Норкитенъ
Алленбургъ
Юдлаукенъ
Р. Алле
Въ Тапіау

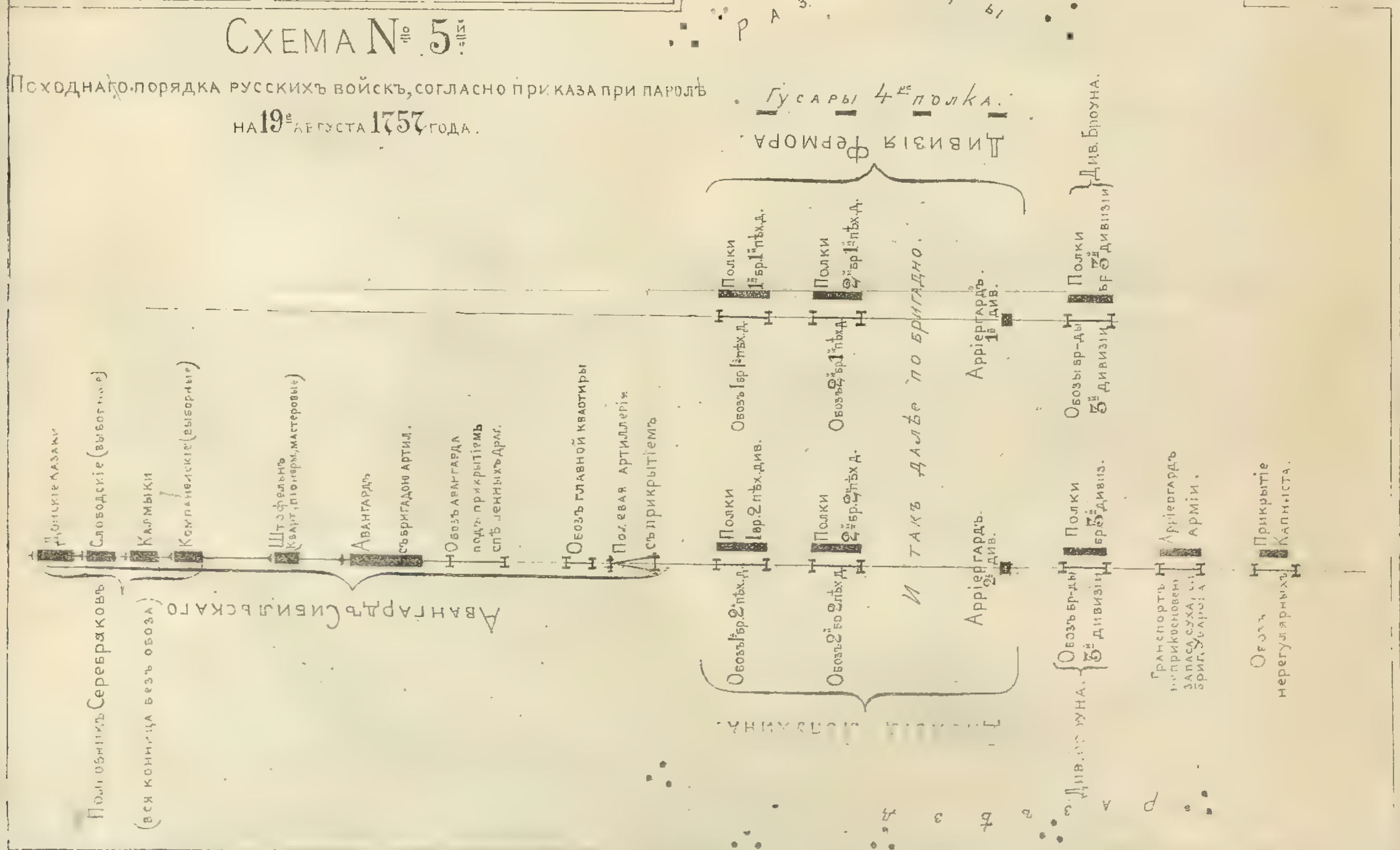
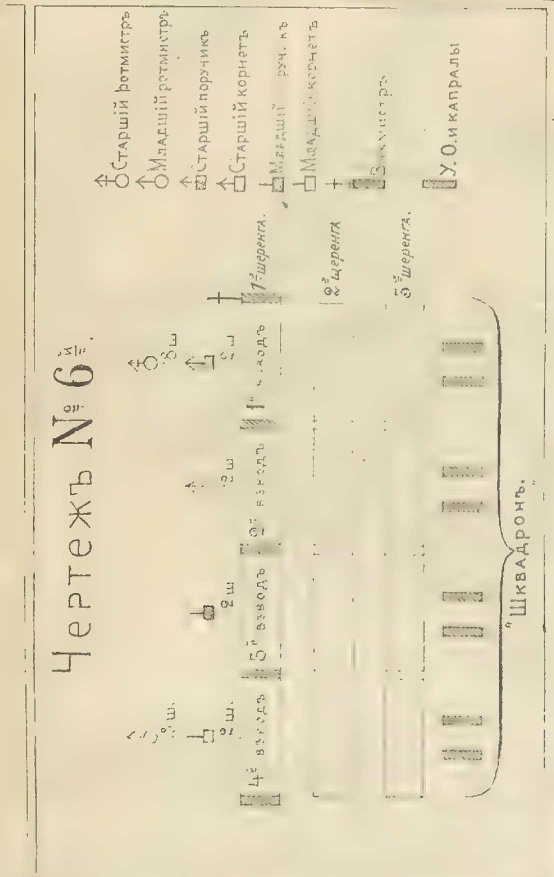
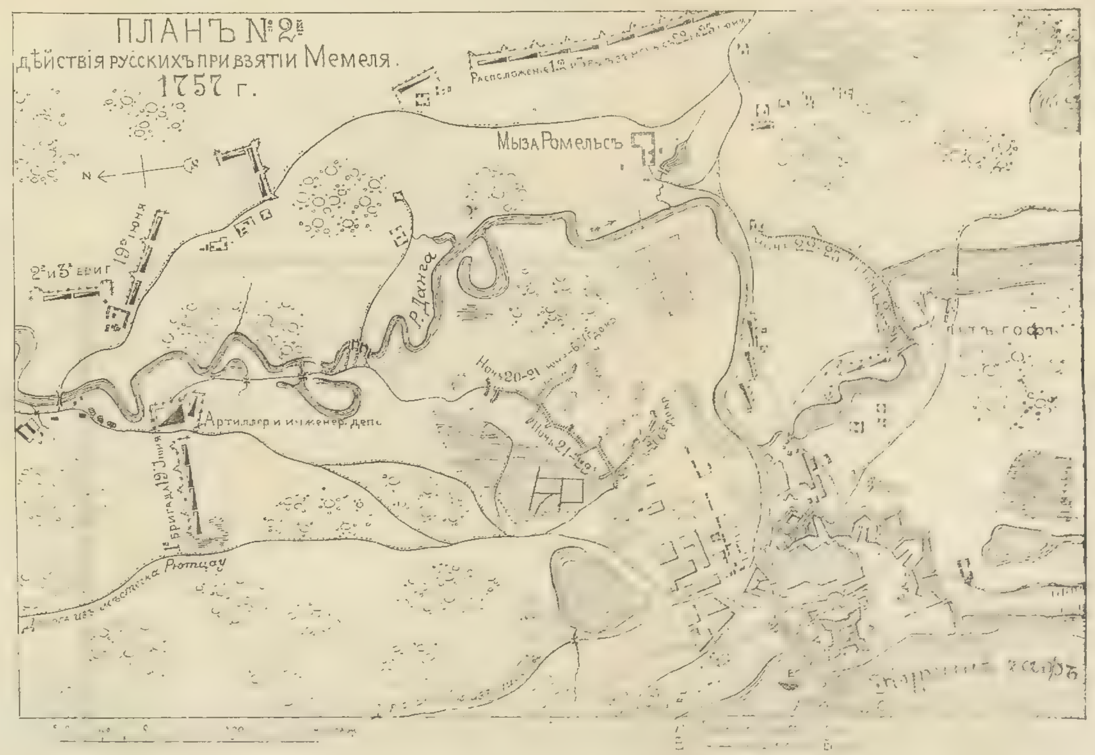
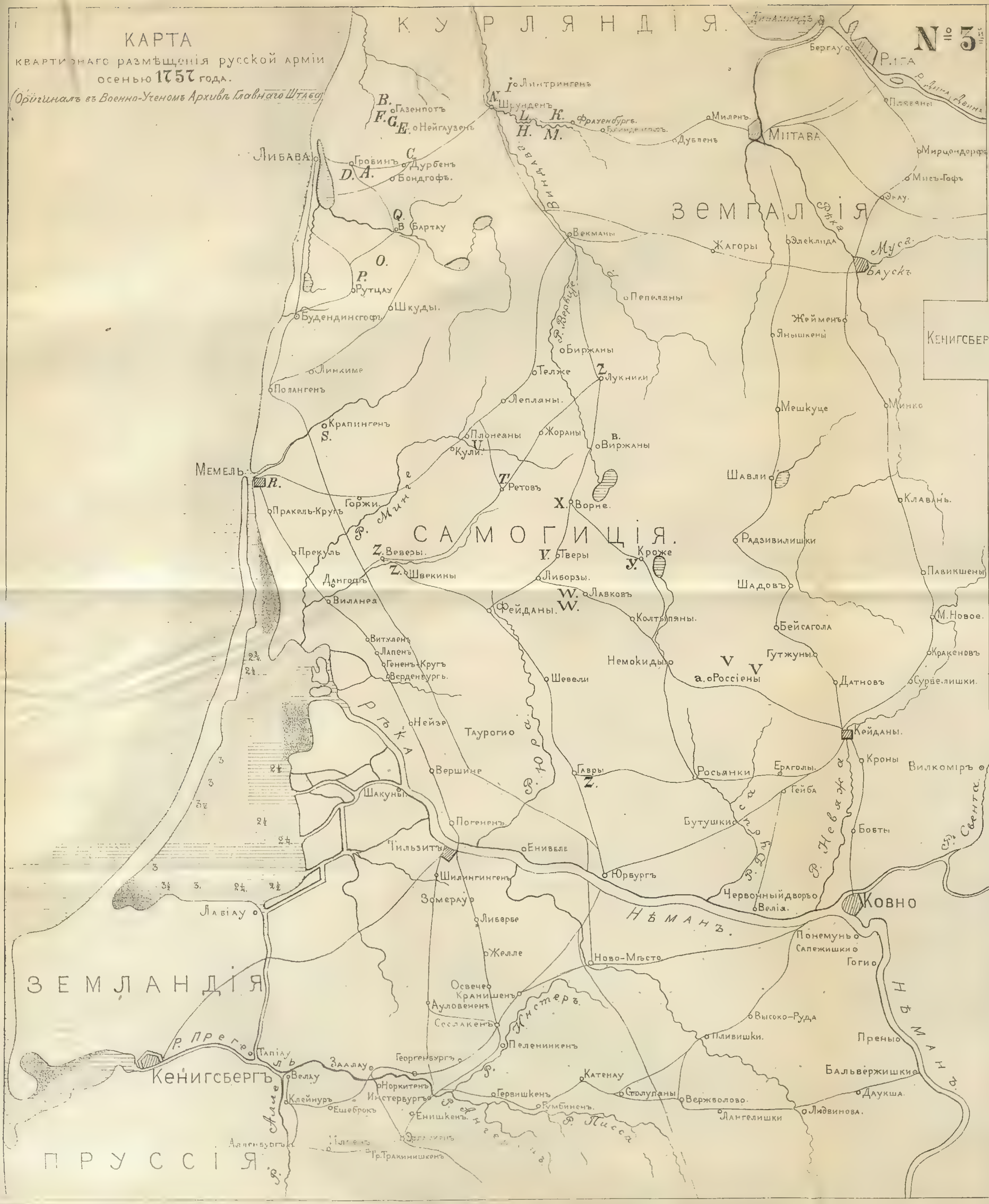



Схема № 5
Походнаго порядка русскихъ войскъ, согласно приказа при паролѣ на 19е августа 1757 года.
Разъѣзды
Гусары 4го полка
Дивизія Фермора
Див. Броуна
Полки
И такъ далѣе по бригадно
Аррьергардъ 1й див.
Аррьергардъ 2й див.
Авангардъ Сибильскаго
Полевая артиллерія съ прикрытіемъ
Обозъ главной квартиры
Авангардъ
Казаки
Калмыки
Полковникъ Серебряковъ
Транспортъ Аррьергардъ арміи
Обозъ нерегулярныхъ
Прикрытіе

Чертежъ № 6
Старшій ротмистръ
Младшій ротмистръ
Старшій поручикъ
Старшій корнетъ
Младшій поручикъ
Младшій корнетъ
Вахмистръ
У.О. и капралы
1я шеренга
2я шеренга
3я шеренга
Шквадронъ

Планъ № 2
дѣйствія русскихъ при взятіи Мемеля
1757 г.
Мыза Ромельсъ
Р. Данге
Артилл. и инженер. депо
Курише гафъ


КАРТА
квартирнаго размѣщенія русской арміи
осенью 1757 года.
(Оригиналъ въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба)
№ 3
КУРЛЯНДІЯ.
ЗЕМГАЛІЯ
САМОГИЦІЯ.
ЗЕМЛАНДІЯ
ПРУССІЯ
Либава
Мемель
Митава
Рига
Бауск
Шавли
Кейданы
Ковно
Тильзитъ
Юрбургъ
Кенигсбергъ
Инстербургъ
Нѣманъ

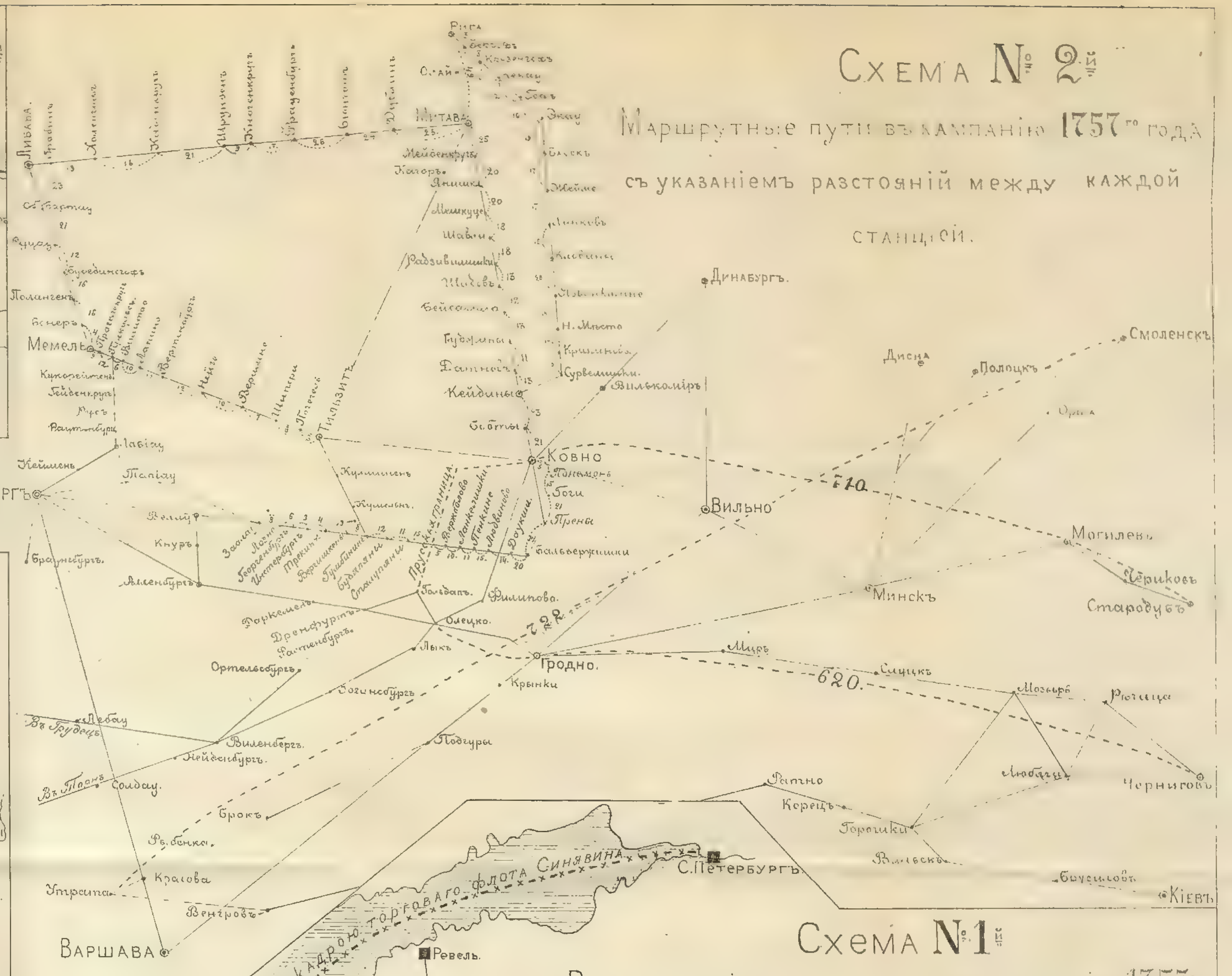


Схема № 2
Маршрутные пути въ кампанію 1757 года
съ указаніемъ разстояній между каждой станціей.
Митава
Динабургъ
Мемель
Кенигсбергъ
Ковно
Вильно
Гродно
Минскъ
Смоленскъ
Могилевъ
Варшава
Черниговъ
Кіевъ

Схема № 1
Расположеніе магазиновъ въ кампанію 1757 г.
Условные знаки:
Магазины на главной базѣ.
на промежуточной базѣ, запасы которыхъ предназначались для сплава.
проходные.
С. Петербургъ
Ревель
Дерптъ
Перновъ
Псковъ
Рига
Митава
Либава
Мемель
Кенигсбергъ
Ковно
Вильно.
Минскъ
Гродно
Смоленскъ
Черниговъ

„Экспликація“

«къ операціонной картѣ, на которой изображена Курляндія, часть Польши, Самогиція и Пруссія, черезъ которыя земли армія въ кампанію 1757 года, подъ командою... Апраксина въ Пруссію для сраженія и послѣ побѣды поворотяся до завоеванныхъ городовъ Тильзита и Мемеля маршировала».

Расположеніе по квартирамъ.

Въ Либавѣ—гауптъ-квартира (генералъ-аншефъ Ферморъ и штабъ).
генералъ-лейтенантъ *Толстой* (начальникъ артиллеріи).
генералъ-лейтенантъ *Салтыковъ*.
генералъ-маіоръ *Панинъ* и бригада его:

A *) Воронежскій. *B)* 1-й Гренадерскій. *C)* С.-Петербургскій. *D))* Полевая артиллерія.

Бригадиръ Уваровъ въ *) м. Лагутенъ.

E) 2-й Московскій. *F)* Кіевскій. *G)* Архангелогородскій.

Въ Фрауенбургѣ. Генералъ-лейтенантъ, князь *Голицынъ*.
Генералъ-маіоръ, князь *Долгоруковъ* и бригада его:

H) Новгородскій. *I)* Вятскій. *K)* Псковскій.

Бригадиръ *Племянниковъ* и бригада его:

L) Сибирскій. *M)* Бутырскій. *N)* Кексгольмскій.

Въ Нижнемъ Бартау. Генералъ-маіоръ *Леонтьевъ*.

O) Троицкій. *P)* Ростовскій. *Q)* Казанскій.

Въ г. Мемелѣ. Генералъ-маіоръ *Резановъ*.

---

*) Буквы на „оригинальномъ“ планѣ (смотр. планъ 3-й) показываютъ, гдѣ была расположена каждая часть.

Бригадиръ *Трейденъ*

R) 4-й Гренадерскій и Пермскій. *S)* Муромскій и Нижегородскій (бригады Резанова).

Въ Тельшѣ. Генералъ-аншефъ *Броунъ*, съ нимъ Угличскій.

T) Генералъ-маіоръ, принцъ *Любомирскій*.

3-й Гренадерскій, Шлиссельбургскій. Бригадиръ фонъ-Бергъ: Низовскій и Суздальскій.

V) Въ окрестностяхъ *Россіенъ* *). Генералъ-маіоръ Мантейфель: Вологодскій Апшеронскій.

W) Бригадиръ Мантейфель: Ладожскій и Бѣлозерскій.

X) Бригадиръ Гартвисъ: Невскій и Выборгскій.

Y) Генералъ-маіоръ Бауманъ: 2-й Гренадерскій, Черниговскій и Азовскій.

Z) Бригада Дица (выборные эскадроны) и Нарвскій.

Z) Донскіе казаки.

a) Дикіе калмыки.

b) Молдавскіе гусары.

Изъ этого списка неизвѣстно только, гдѣ былъ Смоленскій пѣхотный полкъ.

---

*) Изъ переписки видно, что подробности размѣщеній частей дивизіи Броуна, ко дню отправленія карты въ Конференцію, не были еще выяснены.

ПЛАНЪ ГР.-ЕГЕРСДОРФСКАГО СРАЖЕНІЯ 19/30 АВГУСТА 1757 г.

№ 4.

Примѣчаніе: Основаніемъ для составленія настоящаго плана и размѣщенія на немъ войскъ служили: а.) "Планъ выигранной баталіи....,(войсками) подъ командою..... Апраксина при Гроссъ-Егерсдорфѣ надъ Королевско-Прусскою арміею..... Левальда....." (русскаго изданія) б.) "Планъ сраженія у гр.-Егерсдорфа 19/30 Августа 1757 г. между прусскими войсками подъ начальствомъ..... фонъ Левальда и русскими подъ начальствомъ..... Апраксина" (нѣмецкаго изданія). Оба плана хранятся въ Архивѣ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба. в.) тѣже данныя, которыя указаны на чертежѣ № 16 Строевая и Полевая служба русскихъ войскъ....." Масловскаго.

Масштабъ.

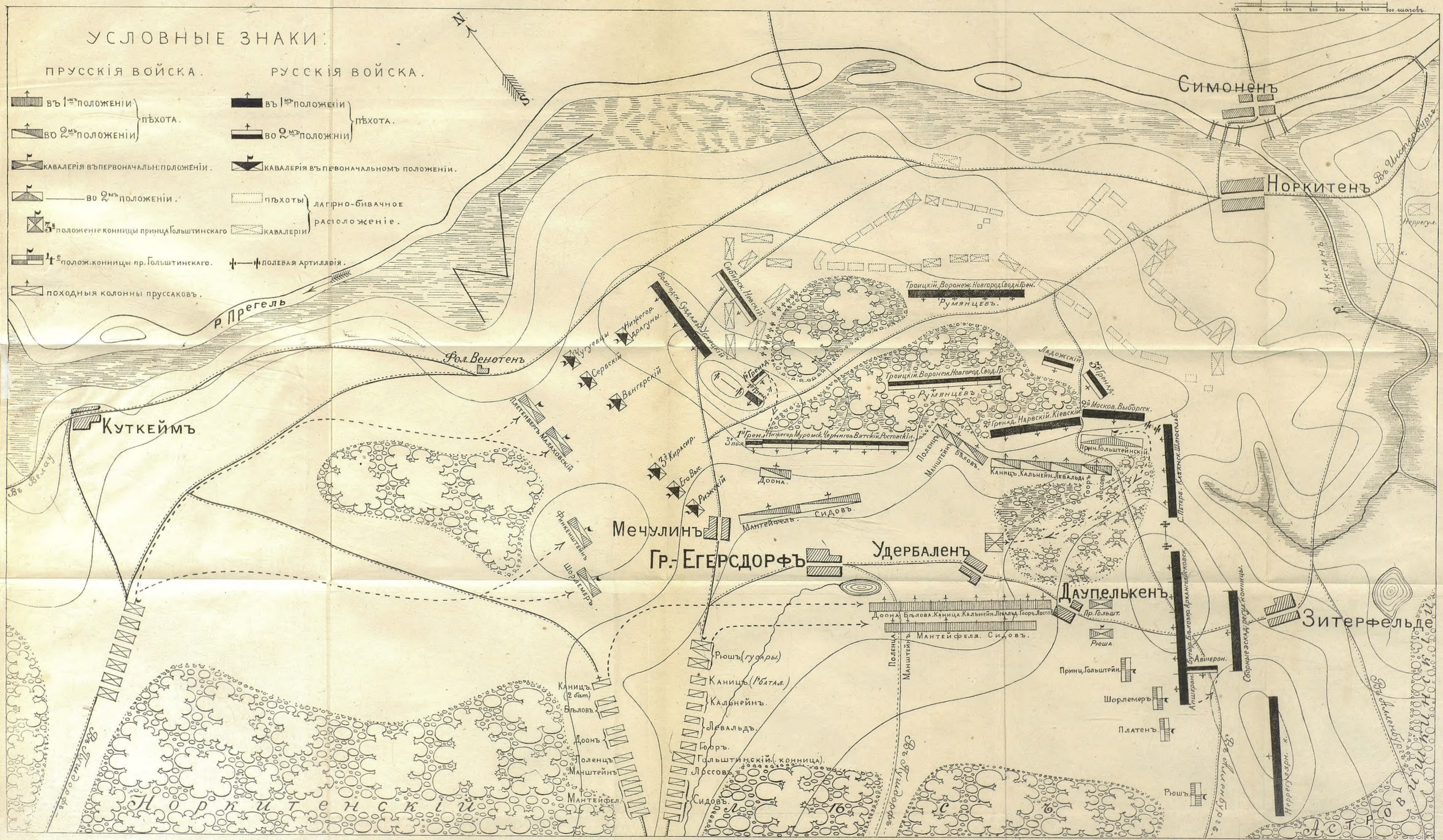
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

ПРУССКІЯ ВОЙСКА.

- въ 1-мъ положеніи } пѣхота.
- во 2-мъ положеніи }
- кавалерія въ первоначальномъ положеніи.
- во 2-мъ положеніи.
- 3-е положеніе конницы принца Гольштинскаго.
- 4-е полож. конницы пр. Гольштинскаго.
- походныя колонны пруссаковъ.

РУССКІЯ ВОЙСКА.

- въ 1-мъ положеніи } пѣхота.
- во 2-мъ положеніи }
- кавалерія въ первоначальномъ положеніи.
- пѣхоты } лагерно-бивачное
- кавалеріи } расположеніе.
- полевая артиллерія.



Чертилъ топографъ Коломинъ.

2007081658